

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГ

7766
+353

№ 17. Зала

ЗАЛ

БИБЛИОТЕКА

0-833
K.12

083
6-23

КАВКАЗСКІЙ

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГЪ

9(с4)
K12

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УКАЗАНИЮ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главкомадующаго Кавказскою Арміею.

ТОМЪ III.

+353

7766 13884 1961

ТИФЛИСЬ.

ТИПОГРАФІЯ ОВРУЖЕНАГО ШТАБА КАВКАЗСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

1879.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
I. Походныя записки на Кавказъ съ 1835 по 1842 годъ — <i>М. Ф. Федорова</i>	1
II. 1845 годъ. <i>Воспоминанія В. А. Геймана</i>	251
III. 1858 годъ въ Чечнѣ — <i>Н. Волконскаго</i>	377

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ НА КАВКАЗѢ

съ 1835 по 1842 годъ.

1835 ГОДЪ.

I.

Выѣздъ изъ г. Ставрополя въ отрядъ, предназначенный къ продолженію устройства операціонной укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона на р. Кубани, до сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Курьезный случай, ускорившій мою поѣздку. Расположеніе и составъ отряда. Положеніе лицъ сосланныхъ въ ряды кавказскихъ войскъ. Прибытіе на сборный пунктъ начальника отряда генералъ-лейтенанта Вельямнова. Первое движеніе отряда въ полномъ его составѣ. Порядокъ марша всей колонны. Ночлегъ на Кунисѣ. Пожаръ въ степи на пути слѣдованія отряда. Черкесская безвредная артилерія. Укрѣпленіе Абинъ. Истребленіе окрестныхъ ауловъ.

Получивъ, по ходатайству плацъ-маіора О. Н. Суходольскаго, отъ ставропольскаго коменданта полковника Афанасія Кириловича Масловскаго, открытый приказъ на взываніе по казачьимъ станицамъ обывательскихъ почтовыхъ лошадей, безъ прогоновъ, отъ г. Ставрополя до сборнаго пункта отряда, въ лагерьъ при укр. Ольгинскомъ, я выѣхалъ изъ города, часу въ 10-мъ утра, мая 20-го, выѣстѣ съ опредѣлившимся на службу въ тотъ же тенгинскій полкъ юнкеромъ Ми-

гринымъ. 23-го числа въ полдень мы прибыли въ станцію Казанскую, штабъ-квартиру кавказскаго казачьяго полка, сдѣлавъ въ трое сутокъ не болѣе 120 верстъ; а между тѣмъ намъ оставалось до Ольгинскаго тетъ-де-пона еще безъ малаго 300 верстъ, и мени огорчала мысль, что я опоздаю ко времени выступленія отряда въ горы, чрезъ что могу пропустить экспедицію. Но судьба ускорила мою поѣзду довольно курьезнымъ случаемъ: этимъ казачьимъ полкомъ командовалъ полковникъ Левашевъ, кавказскій служака времени Алексѣя Петровича Ермолова, у котораго онъ, по рассказамъ казаковъ, былъ на счету самыхъ храбрыхъ и распорядительныхъ урядниковъ, а въ офицерскихъ чинахъ состоялъ при графѣ Паскевичѣ и служилъ года три въ Варшавѣ, гдѣ и научился довольно бойко говорить попольски. Въ дорогѣ на мнѣ была надѣта венгерка изъ передѣланнаго офицерскаго сюртука и офицерская шинель, на которой красный стоячій воротникъ замѣненъ былъ бархатнымъ отворотнымъ; на груди серебряная медаль на георгиевской лентѣ за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ. Когда мы подѣхали къ станичному правленію,—станичный начальникъ, статный, красивой наружности урядникъ, съ знакомъ отличія ордена св. Георгія и турецкою медалью на груди, получивъ отъ меня открытое предписаніе, посмотрѣлъ на меня съ особеннымъ вниманіемъ и спросилъ: „Вы откуда пожаловали къ намъ на Кавказъ?“—Изъ Царства Польскаго. „А!.. понимаю;—повернулся и ушелъ. Прошло съ полчаса времени. Мигриць, который часто выходилъ на улицу, наконецъ, вошелъ въ комнату съ видимымъ безпокойствомъ.—Къ намъ приставили часоваго, сказалъ онъ, и, конечно, все это по милости вашей: я говорилъ вамъ, что не надо выѣзжать въ понедѣльникъ. (Онъ былъ мало развитъ; часто говорилъ вздоръ и безпрестанно улыбался). Я вышелъ въ сѣни и замѣтилъ, что дѣйствительно около нашихъ дверей стоитъ казакъ съ обнаженною пашкою. Я подошелъ къ старикамъ, собравшимся въ углу сѣней, и спросилъ: нельзя-ли, господа старики, гдѣнибудь что либо намъ пе-

рехватить?—Нельзя, *ваше сіятельство*, васъ не велѣно выпускать; вотъ станичный воротится отъ командира, онъ скажетъ, что съ вами дѣлать.—Что за оказія! подумалъ я и воротился въ комнату. Смотрю—Мигришъ горчичевъ не на шутку, чуть-чуть не плачетъ; я едва могъ его усовестить. Наконецъ, входитъ урядникъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „Васъ, вмѣстѣ съ вашимъ товарищемъ, полковой командиръ проситъ къ себѣ“. Мы пошли. Едва я вошелъ въ залъ, полковникъ вышелъ изъ кабинета и, протягивая мнѣ руку, говоритъ: „Як-се-маншъ, пане грабе!“.—Вы ошибаетесь, полковникъ; позвольте... За нуждно, пане грабе; проше зачекаць; заразъ я напише и панъ повруцишь до Ставрополя; а тымъ часемъ проше законсиць“. Съ этимъ словомъ онъ отворилъ дверь въ столовую, гдѣ дѣйствительно была приготовлена приличная закуска. Радужный пріемъ и внимательное, хотя странное для меня, обращеніе полковника, послѣ двухъ рюмокъ водки и стакана марсалы, развязали мой языкъ, и я бойко заговорилъ съ нимъ попольски. Это еще больше усилило его подозрѣніе; но за кого онъ меня принималъ,—я никакъ догадаться не могъ. Между тѣмъ, никакія разувѣренія и доказательства о моей личности не заставили его снять съ меня арестъ; мнѣ удалось только уговорить его отпустить меня въ отрядъ, а не назадъ въ Ставрополь. Наконецъ, доложили ему, что тройка для насъ готова, и наши вещи уложены. Полковникъ, въ присутствіи нашего, вручая уряднику, назначенному насъ сопровождать, конвертъ, приказалъ слѣдовать день и ночь, и прямо доставить насъ въ походное дежурство отряда съ конвертомъ на имя начальника походнаго штаба.—Когда мы съѣли, насъ окружилъ конвой въ числѣ четырехъ казаковъ, а урядникъ, получившій конвертъ, усѣлся рядомъ съ ямщикомъ лицомъ къ намъ. Мы поехали день и ночь; урядникъ, при перемѣнѣ лошадей, не спускалъ съ меня глазъ ни на минуту,—и наконецъ, 27 числа вечеромъ, часовъ въ 6, мы переправились чрезъ Кубань на паромѣ и въѣхали въ ворота Ольгинскаго укрѣпленія, съ правой стороны которыхъ находился

флигель, гдѣ помѣщался воинскій начальникъ. На маленькой галереѣ этого деревяннаго строенія, за чайнымъ столикомъ, сидѣли: походный начальникъ штаба полковникъ Марцелинъ Матвѣевичъ Ольшевскій и дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ князь Шаховской (*); тутъ было человѣка три военныхъ,—но какъ, по принятой здѣсь формѣ, всѣ были безъ эполетъ, имѣя вмѣсто сабель и шпагъ на узенькомъ ремнѣ, чрезъ правое плечо, черкесскія сабли, называемыя пашками, то къ какому роду войскъ они принадлежали, какіе имѣли чины—опредѣлить было нельзя. Урядникъ быстро соскочилъ съ повозки, а я вслѣдъ за нимъ. Едва урядникъ подавъ конвертъ начальнику штаба, тотъ, увидя меня входящаго по маленькому крылечку на галерею, всталъ, подавъ мнѣ руку и, не распечатывая еще конверта, привѣтствовалъ словами: «Вотъ съ какимъ парадомъ вы прикатили въ отрядъ.» Затѣмъ, распечатавъ конвертъ, разсмѣялся и, передавъ бумагу князю Шаховскому, сказалъ уряднику: «кланяйся полковнику и благодари,—отвѣтъ онъ получитъ завтра, ты самъ его отвезешь». Тутъ-же вскорѣ объяснилась ошибка. Послѣ усмиренія мятежа въ Царствѣ Польскомъ, многіе изъ военно-плѣнныхъ офицеровъ, „польскихъ повстанцевъ“, то есть неслужившихъ въ бывшихъ польскихъ войскахъ, а сгвапшихъ въ ряды вновь сформированныхъ во время возмущенія ратниковъ, будучи отправлены на Кавказъ, бѣжали съ дороги; въ числѣ ихъ былъ нѣкто графъ Лядуховскій—товарищъ князя Сангушки, возвращеннаго изъ Сибири и служившаго въ то время въ тегинскомъ полку, о поимѣ котораго сдѣлано было секретное распоряженіе. Левашевъ принялъ меня за пана Лядуховскаго, по описанію его примѣтъ, къ числу которыхъ принадлежали также серебряныя очки и венгерка. Марцелинъ Матвѣевичъ пригласилъ меня къ

(*) Начальникомъ штаба войскъ кавказской линіи и Черноморіи былъ генералъ-маіоръ Петровъ, а дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ Лещенко;—оба они оставались въ Ставрополѣ.

чаю; я рассказалъ ему встрѣчу мою съ Левашевымъ; затѣмъ, онъ приказалъ мнѣ отправиться въ лагерь и явиться полковому адъютанту, которому уже извѣстно было о моемъ назначеніи, а по пробитіи зори просилъ придти къ нему ужинать.

Адъютантъ штабсъ-капитанъ Корецкій принялъ меня весьма ласково, самъ пошелъ со мною къ штабсъ-капитану Никандру Ивановичу Есипову, командиру 11-й мушкетерской роты, въ которую я уже былъ назначенъ. Тотъ принялъ меня также весьма внимательно и приказалъ вѣстовому указать мнѣ палатку, предназначенную для разжалованныхъ. Это была обыкновенная солдатская палатка, разбитая на лѣвомъ флангѣ перваго ряда солдатскихъ палатокъ, величаемая дворянскою. Тутъ я нашелъ подпрапорщика изъ крымскихъ армянъ, по фамиліи Каркашъ, и трехъ бывшихъ студентовъ, неокончившихъ курсъ гимназій Царства Польскаго и попавшихъ въ плѣнъ, по служенію въ рядахъ повстанцевъ: Добскаго, Рандерата и Яворскаго.

На слѣдующій день я надѣлъ обыкновенную толстаго сукна солдатскую шинель, заготовленную мною въ Ставрополѣ, до половины на подкладкѣ темносѣраго коленкора, нацѣпилъ медаль за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ и юбошелъ лагерь. Войска были расположены въ каре, задній фасъ котораго составляла рѣка Кубань съ устроеннымъ на этомъ мѣстѣ паромомъ; три остальные фаса составляли, такъ сказать, прикрытіе переправы, и правый фасъ занималъ тенгинскій пѣхотный полкъ; командиръ полка—полковникъ Василій Васильевичъ Кашугинъ. Этотъ фасъ обстрѣливался артилеріею фаса западнаго бастиона Ольгинскаго укрѣпленія. Лѣвый фасъ каре занималъ кабардинскій егерскій, бывший 39-й егерскій полкъ; командиръ—полковникъ Пирятинскій; передній фасъ—навагинскій пѣхотный полкъ; командиръ—полковникъ Свѣховскій. Полевая и горная артилерія была размѣщена въ интервалахъ между баталіонами. Внутри каре помѣщались два пѣшихъ полка черноморскаго казачьяго войска и двѣ конныхъ сотни того же войска.

Кромѣ этихъ нерегулярныхъ войскъ, при отрядѣ находились конныя мингрельская и имеретинская дружины, которыми командовалъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Потоцкій. Нижніе чины регулярныхъ полковъ носили сапоги съ длинными голенищами, черкесскія шапки разныхъ видовъ; были и форменныя фуражныя шапки, но съ козырьками; на форменныя шинели нашивты, по образцу линейныхъ казаковъ и горцевъ, суконныя разноцвѣтныя патронташи, показачьему «хазыри», для пяти или шести патроновъ съ каждой стороны груди; остальные патроны, числомъ до 60-ти, имѣлись въ форменныхъ лакированныхъ сумкахъ, на замшевыхъ перевязяхъ, которыя у пѣхотныхъ солдатъ во время похода выворачивались наизнанку, чтобы не служили въ дѣйстви- тельности цѣлью для неприятеля, такъ какъ лицевая сторона бѣлилась мѣломъ на клею и отпаривывалась зубкомъ, также какъ и на португезяхъ; но этихъ послѣднихъ въ экспедиціи не брали; ихъ назначеніе было поддерживать у мушкетеровъ штыковые ножи, а у гренадеръ тесаки;—а такъ какъ войска въ экспедиціяхъ никогда не отмыкали штыковъ, то и въ португезяхъ при такихъ походахъ не было надобности. Въ егерскихъ полкахъ перевязи и португези были черной лакированной кожи, чистились воскомъ и щеткою; вмѣсто ранцевъ войска имѣли холщевыя мѣшочки. Черноморскіе казаки: конные—имѣли, кромѣ ружья и сабли, длинныя пики; пѣшіе—ружье безъ штыка и короткое копье въ ростъ человека съ сучковатымъ древкомъ, прозванныя ими „пидсохою“, которою они, взбираясь на горы, подпирались, а сучьями древка хватились при подъемѣ въ дѣсахъ за кусты и сучья деревьевъ; при стрѣльбѣ же копье втыкали въ землю, и на сучья, для вѣрности прицѣла, клали дуло ружья, подобно тому какъ горцы и линейные казаки, для этой же надобности, имѣютъ при ружьѣ треножки, состоящія изъ трехъ, въ мизинецъ толщины, тросточекъ, соединенныхъ въ верхней части ремешкомъ. Да и дѣйствительно, въ гористыхъ мѣстностяхъ несовсѣмъ то удобно дѣйствовать штыкомъ,—

еще въ 1779 году князь Потемкинъ доказывалъ преимущество сабель надъ штыками при атакѣ на мѣстахъ неровныхъ. Всѣ пѣхотныя войска въ отрядѣ, на мѣстѣ и на походѣ строились въ двѣ шеренги, тогда какъ во всей русской арміи весь фронтъ, въ колоннахъ и деплоядахъ, съ давняго времени строится въ три шеренги, исключая двухъ случаевъ: при вызовѣ застрѣльчиковъ изъ фронта и при исполненіи, по приговору, наказанія пшицруге-нами.

Внутри каре, кромѣ обоза и маркитантовъ, была разбита походная кабардинскаго егерскаго полка церковь, съ богатымъ иконостасомъ, на которомъ мѣстные большіе во весь ростъ образа святыхъ были въ ризахъ чистаго серебра; надъ сѣверными и южными дверьми надпись: „Пожертвованъ въ 1793 году командиромъ полка полковникомъ графомъ Федоромъ Александровичемъ Апраксинымъ (*).

На правомъ берегу Кубани находился казачій постъ, при немъ провіантскій магазинъ; провіантъ сложенъ былъ на открытомъ воздухѣ въ бунтахъ, ярусами, подъ брезентами; къ этому мѣсту ежедневно съѣзжался изъ ближайшихъ, разумѣется, мирныхъ ауловъ и станицъ, для отряда базаръ.

Нашимъ 4-мъ баталіономъ командовалъ подполковникъ Яковъ Ларионовичъ Федоровъ, старикъ съ золотымъ крестомъ за взятіе въ 1811 году Базарджика; его два сына, Владиміръ и Павелъ, служили въ нашемъ полку юнкерами, которыхъ вообще въ нашихъ полкахъ, также какъ и разжалованныхъ, было очень много; первые служили волею, вторые—неволею; первые, недоучившись и не надѣясь на свою голову, думали грудью добиться перваго офицер-

(*) Графъ Федоръ Александровичъ, сынъ гвардіи капитана графа Александра Федоровича, родился въ 1754 году, оставилъ Кавказъ въ 1794 году, будучи назначенъ командиромъ брянскаго пѣхотнаго полка; а съ производствомъ въ генераль-маіоры, уволенъ въ отставку и умеръ въ 1814 году въ С.-Петербургѣ отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ.

скаго чина; вторые, слишкомъ переучившись, впади въ лжеумствованіе—главное начало всѣхъ погрѣшностей и пороковъ человѣка, заставившее ихъ купить трудомъ и кровью то, что потеряли отъ ошибочнаго мышленія о призваніи и назначеніи человѣка. Какъ нравственно разнообразны ошибки человѣка, зависящія отъ степени образованія, ума и сердца, такъ разнообразно было общество разжалованныхъ въ нашихъ полкахъ (*). Но надо отдать полную справедливость кавказскому начальству, которое, начиная отъ высшихъ властей до ротныхъ командировъ—прямыхъ и самыхъ ближайшихъ начальниковъ этого класса служившихъ въ кавказскихъ войскахъ,—какъ въ походѣ, такъ и на квартирахъ, было къ нимъ необыкновенно внимательно и снисходительно. Конечно, это вниманіе соображалось съ причиною деградаций и съ образомъ жизни разжалованнаго въ его настоящемъ положеніи. Въ нашемъ баталіонѣ, въ числѣ 9-ти такого сорта людей, кромѣ меня, былъ еще одинъ только русскій, именно—разжалованный изъ поручиковъ гродненскаго гусарскаго полка Николай Петровичъ Колюбакинъ, человѣкъ благовоспитанный, хорошо образованный, честный и благонамѣренный, но самолюбивый до высшей степени и горячій; онъ владѣлъ хорошо (кромѣ французскаго) польскимъ языкомъ и, какъ бывшій подъ Варшавою въ 1831 году—и даже при одной атакѣ въ эту войну раненъ саблею въ ногу — любилъ поговорить объ этомъ времени съ участниками противной намъ стороны, поляками. Тутъ всегда завязывался диспутъ; онъ стрѣлялъ оскорбительными фразами, и иногда дѣло принимало серьезный видъ. Одинъ разъ мнѣ пришлось мирить противниковъ, когда оба они схватились за солдатскія ружья, и Н. П. первымъ. Хороша бы была дуэль!—такъ пограниней мѣрѣ они оба величали свое столкновение.

(*) Въ нихъ были: бывшіе князья, графы, офицеры, священники, ксендзы, профессора, художники, чиновники, кадеты и проч.

Вскорѣ послѣ моего поступленія въ полкъ, прибылъ въ отрядъ начальникъ нашей 20-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Малиновскій; при немъ были адъютантами капитаны Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ и Семень Ильичъ Хлюпинъ. Его превосходительство, не знаю съ какою цѣлью, пожелалъ видѣть всѣхъ разжалованныхъ. И вотъ, въ назначенный день всѣхъ насъ собрали передъ правымъ фасомъ отряднаго лагернаго кара и построили въ одну шеренгу. Генераль пошелъ по фронту и каждаго изъ насъ спрашивалъ ласково и самымъ учтивымъ образомъ: давно-ли и за что разжалованъ? При этомъ два отвѣта были замѣчательны своею оригинальностью: между нами было нѣсколько лицъ попавшихъ въ солдаты на основаніи приговора Верховнаго уголовного суда 1826 года, по извѣстному событію 14-го декабря 1825 года; нѣкоторые изъ нихъ побывали въ Сибири. Всѣхъ ихъ, по эпохѣ событія, называли декабристами. Во фронтѣ мы были перемѣшаны и стояли по старшинству полковъ, баталіоновъ и ротъ; при этомъ находились командиры полковъ и начальники сказанныхъ частей. Генераль, подойдя къ одному отданному въ солдаты изъ коллежскихъ секретарей, по приговору суда уголовной палаты, за дихоимство во время холеры 1831 года, и обинувъ взглядомъ его довольно представительную фізіономію, спросилъ: «Вы изъ декабристовъ?»—Нѣтъ, ваше превосходительство, изъ ноябристовъ; 16-го ноября состоялся мой приговоръ.—Генераль, кивнувъ головою, прошелъ далѣе. Черезъ два человѣка отъ меня стоялъ бывшій коллежскій регистраторъ Шишкинъ. «Вы за что?»—Нанесъ маленькую непріятность отцу. «Какъ?»—Нечаянно въ горячности ударилъ его два раза палкой. Генераль повачалъ головою, и затѣмъ уже не спрашивалъ за что, а только: давно-ли и гдѣ прежде служили.

Можно вообразить, сколь разнообразны были наши преступленія, а наказаніе всѣмъ одно и тоже; если же къ этому присовокупить, что помѣщики своихъ крѣпостныхъ людей и общества податнаго состоянія своихъ сочленовъ, по своимъ приговорамъ,

отдаютъ въ солдаты, при неспособности же—ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе, то невольно подумаешь: какъ у насъ унижено званіе солдата—этого безкорыстнаго труженика для славы и защиты отечества! А если добавить къ этому, въ какихъ ежовыхъ рукавицахъ онъ долженъ прожить 25, а иногда и 30 лѣтъ лучшаго своего возраста, то повѣришь истинѣ простонародной русской пѣсни, которую зачастую можно слышать въ деревняхъ великороссійскихъ губерній:

„

„ Глянь, деревни всѣ ревуть:

„ Ваньку въ некруты ведутъ.

„ Ай калина! ай малина!...

„ Пальцы рубить, зубы рветъ,—(*)

„ Въ службу царскую неидетъ.

„ Ай калина! ай малина!“

Да и правда: у насъ, на святой Руси, для простаго народа только и хорошаго, что малина да калина.

Проживая въ лагерѣ безъ служебныхъ занятій, я записалъ стихами впечатлѣнія, произведенныя на меня природою Кавказа, со времени прибытія моего въ мартѣ мѣсяцѣ въ Ставрополь до переправы чрезъ Кубань въ отрядъ:

Весна на Кавказѣ.

Голоднымъ волкомъ завываетъ

И львомъ реветъ, и свищетъ вѣтръ въ горахъ;

То съ шумомъ лѣсъ угрюмый закачаетъ,

То пылъ подыметъ на скалахъ.

Какъ змѣи, съ горъ шипятъ въ равнины

(*) Для лишенія себя возможности исполнить команду «скуси патронъ».

Потоки мутные,—а съ ледяной вершины
Скатились глыбы мерзлыя снѣговъ.
Сердитый Терекъ вышелъ изъ береговъ
И затопилъ окрестныя долины;
Кубань сломала ледъ, мутна течетъ въ берегахъ.
Наѣздовъ нѣтъ—глубоки броды.
Черкесь, убогій рабъ свободы,
Скушаетъ, на чело надвинувъ свой папахъ.
Кой гдѣ луга зазеленѣли;
За плугомъ весело оратаи запѣли;
И ландышъ съ розою, подругою полей,
Роскошно расцвѣли весеннею красою,
И незабудочки, гирляндой голубою,
Украсили ручей.
Привѣтствуютъ весну: казакъ, черкесь, оратаи,
Звѣрь, птица, червь, убогій и богатый.
Но вотъ, изъ горъ холодный вѣтръ завылъ,—
Дубравы зашумѣли,
И снѣгъ цвѣты, луга покрылъ,
И нивы посѣдѣли. . .
Измѣнчиво весна природу здѣсь лелѣетъ,
Недолго жителя Кавказа веселить:
Какъ дѣва хитрая, обворожить умѣетъ
И, какъ она, умѣетъ измѣнить.

На берегу Кубани.

Шумигъ Кубань въ берегахъ широкихъ,
Сверкаетъ мутною волной.
Вдали вершины горъ высокихъ

Раскинулись неправильной грядой;
Средь нихъ Эльбрусъ кремнистый плащъ накиннулъ
На ребра твердыя, какъ кованный булатъ;
А на чело, какъ дикій азіяць,
Онъ снѣжную чалму надвинулъ. . . .
Не здѣсь ли во скалѣ твоей,
Гигантъ, наказанный богами,
Хотѣвшій неба громъ похитить, Прометей,
Прикованъ былъ тяжелыми цѣпями?
Привѣтствую тебя, Кавказъ,
Съ твоими пропастью, съ картинными скалами!
Ермоловъ—нашъ орелъ, не разъ,
Здѣсь спорилъ съ дикими врагами.
Въ твоихъ ущельяхъ здѣсь живутъ
Къ разбоямъ, гибели привыкшіе народы.
Изъ горъ твоихъ лѣсистыхъ бьютъ
Цѣлительныя воды.
Смерть рыщетъ жадная въ горахъ,
Какъ разъяренный тигръ средь лѣса;
И человѣка кровь здѣсь стываетъ на штыгахъ,
И запекается на шашкѣ у черкеса.

Путь отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ укрѣпленію Абинскому пролегаетъ до р. Кунипса по болотистой мѣстности, называемой лаго-фишскія и аушедскія болота, образовавшіяся, какъ кажется, отъ разлива протекающихъ чрезъ эту мѣстность горныхъ рѣчекъ: Пше-дизъ, большой и малый Кунипсъ. Чрезъ эти рѣчки и болота, еще въ экспедицію 1834 г., отъ укр. Ольгинскаго до Абина, откуда отрядъ чрезъ хребетъ Маркотхо прошелъ въ Геленджику,—устроены были плотины; но онѣ не были еще совершенно окончены и

требовали расширения и поправки,—а потому, для этой надобности, почти ежедневно, под начальством кого либо из генераловъ, бывшихъ въ отрядѣ, или полковыхъ командировъ, посылались рабочія команды отъ пѣшихъ казачьихъ полковъ, подъ прикрытіемъ двухъ-трехъ баталіоновъ, при орудіяхъ. Во время исправленія этой дороги почти не было перестрѣлокъ; только 15-го и 16-го іюня, когда работа производилась на р. Кунисѣ, завязалась довольно сильная перестрѣлка; но какъ эта мѣстность совершенно ровная, и только изрѣдка попадаются на ней перелѣски и кустарники, то дѣйствіемъ картечи мы скоро заставили горцевъ отступить. Впрочемъ, въ нашемъ баталіонѣ и въ 1-мъ бат. навагинскаго полка, которымъ командовалъ подполковникъ Михаилъ Петровичъ Полтининъ, оказалось до 20-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ и одинъ артиллеристъ убитъ.

Въ первыхъ числахъ іюля прибылъ въ отрядъ командующій войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генераль-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ. (*) Съ его пріѣздомъ начали готовиться къ походу для продолженія устройства удобнаго и безопаснаго пути отъ Кубани до Чернаго моря,—и наконецъ, 14-го іюля, назначено было выступленіе. Съ полуночи войска и обозы начали выходить на позицію. Такъ какъ цѣль экспедиціи состояла въ возведеніи укрѣпленій временныхъ, но не полевыхъ, съ прочными помѣщеніями для гарнизоновъ, госпиталей, для предметовъ военныхъ снабженій, съ запасами провіанта и продовольственныхъ припасовъ,—то поэтому, при отрядѣ находился конно-подвижной транспортъ, которымъ завѣдывалъ маіоръ Спиридонъ Николаевичъ Анастасевъ; самый же транспортъ состоялъ изъ

(*) Тотъ самый, который былъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ начальникомъ корпуснаго штаба; а родной братъ его Иванъ Александровичъ, генераль-лейтенантъ, въ то же время, не рѣдко—за отсутствіемъ Ермолова, командовалъ корпусомъ.

2 т. повозокъ или, лучше сказать, фургоновъ; каждая такая повозка въ пару лошадей, по длинѣ дороги, должна была занять никакъ не менѣе трехъ сажень; а какъ часть изъ нихъ раздвигали для накладки бревенъ и досокъ, то, разумѣется, длина ихъ утроивалась. Прибавьте къ этому артилерійскіе и полковые обозы, да до 50 верблюдовъ съ व्यюками кибитокъ и провизіи для начальника отряда и штаба, то вы можете вообразить протяженіе такой колонны. Вотъ по этой причинѣ, чтобы по возможности сократить протяженіе въ длину, весь обозъ для движенія выстроился поперегъ дороги въ 32 повозки въ рядъ. Дорога отъ Ольгинскаго къ Абинѣ, какъ я уже говорилъ, идетъ черезъ болота, на которыхъ къ этому времени были устроены плотины, и потому, этотъ порядокъ устройства на маршѣ сохранялся только до приближенія къ плотинамъ; съ переходомъ же ихъ и сообразно ихъ ширинѣ, фургоны двигались по три и по четыре въ рядъ. Всю эту массу подвижнаго, такъ сказать, населенія, окаймляли войска въ видѣ каре: въ авангардѣ два баталіона въ дивизионныхъ колоннахъ; передъ ними цѣпь застрѣльщиковъ съ резервами; при каждомъ баталіонѣ по два орудія полевой артилеріи; въ арьергардѣ точно также два баталіона съ полевыми орудіями и въ такомъ же построеніи. На правомъ и лѣвомъ фасахъ каре по четыре баталіона, при нихъ по одному горному единорогу въ двѣ лошади цугомъ. Эти баталіоны построены были развернутымъ фронтомъ; рота отъ роты имѣла дистанціи болѣе ста шаговъ. При движеніи впередъ всего отряда, тѣ же баталіоны должны были слѣдовать въ лѣвой цѣпи справа рядами, а въ правой цѣпи—слѣва рядами; цѣпи отъ колонны отстояли болѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Отрядъ на позицію изъ лагеря началъ выходить чуть ли не съ полуночи, а двинулся впередъ по сигнальному рожку, повторенному во всѣхъ частяхъ отряда, только въ 7 часовъ утра. Въ головѣ колонны генераль Вельяминовъ ѣхалъ на дрожкахъ съ зрительною трубою въ рукахъ, около него осѣдланная лошадь, барабанщикъ и горнистъ

верхомъ; тутъ же штабъ отряда, адъютанты, конвой изъ мирныхъ горцевъ, подполковникъ Пшекуй—Мауковъ и въ качествѣ переводчика надворный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Таушъ (*). Вообще, штабъ былъ замѣчательнъ своимъ составомъ.

По волѣ Государа Императора, на время экспедиціи, для изученія малой войны въ горахъ, прикомандировывались къ полкамъ кавказскаго корпуса поручики пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ гвардіи и арміи, и допущено было поступленіе въ отрядъ волонтеровъ. Въ эту экспедицію были въ отрядѣ двѣ замѣчательныя личности: въ числѣ прикомандированныхъ считался состоящій при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ лейбъ-кирасирскаго Его Высочества полка поручикъ князь Бяратинскій, находившійся при немъ съ дѣтства, и другой, какъ волонтеръ, числящійся при канцеляріи главнокомандующаго Грузіею, коллежскій секретарь камеръ-юнкеръ князь Италійскій графъ Суворовъ—Рымнискій. Этотъ послѣдній, какъ любитель музыки, обратилъ вниманіе на хоръ музыкантовъ нашего полка и при каждомъ удобномъ случаѣ дирижировалъ въ хорѣ, что, конечно, приносило пользу музыкѣ, такъ какъ дивизионный капелмейстеръ Полинъ, получая отъ 4-хъ полковъ 12-т. р. въ годъ, жилъ почти постоянно въ Ставрополѣ.

И вотъ, 14-го іюля, въ день, назначенный для выступленія, отрядъ двинулся, какъ я сказалъ, въ семь часовъ; шель медленно, просто шагъ за шагомъ, и безпрестанно останавливался, такъ какъ колонна обоза, по приближеніи къ плотинамъ, должна была переходить чрезъ нихъ въ четыре повозки, а по переходѣ—вновь выстраиваться въ тридцать двѣ; при этомъ, въ такомъ громадномъ обозѣ

(*) Г-нъ Таушъ, и съ нимъ титулярный совѣтникъ Леонтій Львовичъ Любе, послѣ адрианопольскаго трактата, были посланы русскимъ правительствомъ агентами въ горы, гдѣ и находились, проживая на р. Пшадѣ, до открытія генераломъ Вельяминовымъ въ 1834 году экспедиціи, и съ того времени находились при этомъ генералѣ въ качествѣ дипломатическихъ чиновниковъ.

не могло обходиться без поломки колесъ, осей и проч., и ничего нельзя было оставлять, а надо было или тутъ же починять, или тяжести сломавшейся повозки раскладывать на другія фуры. Такимъ образомъ, наше шествіе продолжалось цѣлые сутки; къ мѣсту ночлега на р. Кунисъ, до котораго считаютъ 16-ть верстъ, голова колонны пришла въ 6-ть часовъ вечера, а арьергардъ сталъ бивакомъ въ полночь; въ этотъ день мы перешли плотины черезъ болота рѣчекъ: Аушедъ, Лагофипъ, Кунисъ. Нашъ 4-й баталіонъ находился въ правой цѣпи; во весь этотъ день перестрѣлки не было; повидимому, чересы что то замышляли. Къ пробитію вечерней зори сигналомъ была ракета, за которою слѣдовалъ пушечный выстрѣлъ. Ночь прошла покойно, только слышенъ былъ вой шакаловъ да сигнальные свистки въ цѣпи, замѣнявшіе окликъ „кто идетъ“, и изрѣдка раздавались наши ружейные выстрѣлы, преимущественно въ цѣпи арьергарда.

На другой день, 15-го числа, часу въ 5-мъ утра, отрядъ, точно въ такомъ же порядкѣ какъ пришелъ, двинулся къ Абицу. Едва мы отошли версть пять, такъ часу въ седьмомъ или осьмомъ, теплый юго-восточный вѣтерокъ началъ доносить до насъ горѣлый запахъ, и вскорѣ показался густой дымъ, а въ немъ мѣстами пламя языками, но еще очень далеко; въ тотъ же моментъ горны подали сигналы: „*Стой, нальво-кругомъ, движеніе.*“ Отрядъ двинулся назадъ, и тутъ же арьергарду отдано приказаніе зажигать траву и кустарники пройденной мѣстности. Приказаніе исполнено съ быстротою, но притоптанная трава горѣла медленнѣе, чѣмъ трава передовой мѣстности, зажженная горцами; всетаки, отрядъ успѣлъ отойти назадъ настолько, что когда передовое пламя приблизилось къ авангарду, то онъ, сдѣлавшись уже арьергардомъ, стоялъ внѣ опасности на выжженной нами мѣстности. Часу во второмъ того же дня мы продолжали опять движеніе къ Абицу, и хотя обозъ и колонна слѣдовали по обгорѣлому пути безопасно, но боковыя цѣпи пробирались кустарниками не совсѣмъ

еще догорѣвшими и по горячему пеплу травы, отчего нѣкоторые изъ солдатъ попортили сапоги; вообще же, отрядъ прослѣдовалъ благополучно. По дорогѣ къ Абицу, въ разстояніи отъ Кунипса версты 5 или 6, въ лѣвой сторонѣ, въ чащѣ лѣса, видѣнъ правильный курганъ, вѣроятно насыпной, такъ какъ вся окрестная мѣстность ровная; высота этого кургана примѣрно фуговъ 30, такъ что гладкая его вершина превышала большія деревья лѣса. На этомъ курганѣ видѣлась небольшая толпа горцевъ, и когда колонна съ нимъ поровнялась, то съ него послѣдовалъ выстрѣлъ изъ фалконета, и надъ отрядомъ просвистѣло небольшого калибра ядро; минутъ чрезъ пять—другое. Огрядъ остановился; но когда посланные туда двѣ роты навагинскаго полка, послѣ незначительной перестрѣлки, показали на вершинѣ, мы продолжали свой маршъ, и часовъ въ 6-ть вечера подошли къ укрѣпленію. Это укрѣпленіе построено въ прошломъ 1834 году, имѣетъ шесть полигоновъ, съ тремя бастіонами; на всѣхъ шести углахъ барбетты, во флангахъ бастіоновъ прорѣзаны амбразуры, для обстрѣливанія рововъ; крѣпостныя ворота обращены къ восточной сторонѣ, а къ сѣверу, на р. Абинъ, потерна, прикрытая маленькимъ лонетомъ, который солдаты прозвали водянымъ укрѣпленіемъ, такъ какъ только этимъ путемъ укрѣпленіе снабжалось водою изъ рѣчки. Военскимъ начальникомъ въ укрѣпленіи, послѣ постройки его, оставленъ былъ съ двумя ротами навагинскаго полка майоръ Александръ Васильевичъ Перекрестовъ. Здѣсь весь отрядъ около крѣпости сталъ лагеремъ и простоялъ до 17-го августа, занимаясь рубкою лѣса на дальній пушечный выстрѣлъ; исправленіемъ, съ дополненіемъ верковъ, укрѣпленія, временныхъ помѣщеній для гарнизона и для храненія военныхъ снабженій вообще. Кромѣ этихъ занятій, почти ежедневно посылались, подъ начальствомъ генераловъ, полковыхъ командировъ и другихъ, состоявшихъ при начальниѣ отряда лицъ, небольшіе отряды для истребленія ближайшихъ къ крѣпости ауловъ. Въ этихъ набѣгахъ я не участвовалъ, такъ какъ

заболѣлъ желчною лихорадкою, отъ которой пролежалъ въ госпиталѣ десять дней, и благодаря внимательному леченію доктора Плешковскаго, выздоровѣлъ ко времени дальнѣйшаго движенія отряда.

II.

Дальнѣйшее движеніе отряда въ ущелье Атакуафъ. Прибытіе къ мѣсту заложения новаго укрѣпленія. Истребленіе ближайшихъ къ этому мѣсту ауловъ. Курьезный планъ голыхъ горцевъ. Ограженіе нападенія на отрядъ значительной толпы шапсуговъ и натукайцевъ. Взрывъ фейерверка. Наводненіе въ лагерѣ. Биваки на магометанскомъ кладбищѣ. Возвращеніе изъ экспедиціи. Карантинъ при Ольгивскомъ тетъ-де-понѣ. Возвращеніе на зимнія квартиры. Тревога на кубанской кордонной линіи. Препровожденіе времени на зимнихъ квартирахъ.

17-го августа отрядъ выступилъ по направленію къ юго-востоку, въ ущелье Атакуафъ. Обозъ отряда уменьшился болѣе чѣмъ на половину, такъ какъ съ колонною двинуто было только все нужное для заложения на избранномъ мѣстѣ новаго укрѣпленія и возведенія необходимыхъ на первое время построекъ, а остальные матеріалы и запасы оставлены частію въ самомъ укрѣпленіи Абинскомъ, а частію внѣ его, гдѣ составили вагенбургъ; для охраненія послѣдняго отдѣлили два баталіона при четырехъ орудіяхъ полевой артилеріи. Отойдя отъ Абина версты полторы, мы вступили въ ущелье, по которому текла рѣчка, впадающая въ р. Абинъ. Это то ущелье и называли Атакуафъ, по имени рѣчки, текущей въ немъ довольно быстро и такъ извилисто, что мы безпрестанно должны были переходить ее въ бродъ; самое ущелье сначала представляло, казалось, ширину болѣе версты, но постепенно суживаясь, верстъ чрезъ пять, образовало такую тѣснину,

что обозъ могъ идти мѣстами не болѣе, какъ только въ четыре повозки. Божовыя цѣпи сначала шли по равнинѣ, покрытой кустарникомъ, среди котораго изрѣдка возвышались большія деревья разныхъ породъ. Постепенно поднимаясь по покатостямъ боковыхъ горъ, на которыхъ лѣсъ становился все гуще и гуще, мы, наконецъ, вошли въ тущобу и пошли по гребню высотъ; тутъ уже закипѣла перестрѣлка, неумолкавшая до мѣста ночлега. Къ вечеру, часовъ въ шесть, мы дошли до того мѣста, гдѣ предполагалось заложение укрѣпленія. Огрядъ расположился въ томъ порядкѣ, какъ шель, и сейчасъ же начали разбивать лагерь, а предъ фронтами авангарда и арьергарда дѣлать засѣки, подъ прикрытіемъ которыхъ расположилась цѣпь съ своими резервами; роты составили ружья въ козлы передъ своими палатками, поставленными развернутымъ фронтомъ; впереди засѣкъ, въ нѣкоторыхъ скрытыхъ мѣстахъ, залегли пѣхотные секреты. 18-го числа съ утра были двинуты небольшія колонны по разнымъ направленіямъ для истребленія ближайшихъ ауловъ, называемыхъ Научъ-Хабля. Въ этотъ день мнѣ впервые пришлось видѣть, какъ страшно война нарушаетъ спокойствіе мирной жизни (*).

Нашею колонною, состоявшею изъ 4-го баталіона тенгинскаго пѣхотнаго полка и 1-го баталіона кабардинскаго егерскаго, при 4-хъ горныхъ единорогахъ, начальствовалъ командиръ того полка полковникъ Пирятинскій. Огрядъ, вступивъ въ небольшое ущелье, по которому извивался ручей, впадающій въ рѣчку Атакуафъ, началъ встрѣчать отдѣльныя сакли и при нихъ плетневые загоны для лошадей и мелкой скотины; тутъ можно было замѣтить, по свѣжему помету, что обитатели этихъ помѣщеній угнаны незадолго до

(*). Въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ деревни, мѣстечки и города, даже занятые съ бол., мы находили всегда оставленными жителями, но никогда ничего не истребляли огнемъ; крѣпости же брали осадю или открытою силою, но никогда не касаясь частной собственности мирныхъ жителей.

нашего прихода, о которомъ жители аула, конечно, извѣстились нашими сигналами на горнахъ и приближавшеюся перестрѣлкою, постоянно усиливавшееся отъ самаго выступленія нашего изъ лагеря. Черезъ часъ времени, между деревьями показался аулъ; по высотѣ его сакль, съ крышами на два ската, и выбѣленнымъ дымовымъ трубамъ, надо было думать, что этотъ аулъ одинъ изъ богатѣйшихъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ аулу, всѣ сакли и постройки, оставшіяся за нами, зажигались арьергардомъ. Подойдя къ аулу, гдѣ изъ сакль и изъ за плетней горцы пустили нѣсколько пуль,—мы остановились; изъ орудій бросили туда 3 или 4 гранаты и загѣмъ, раза три по плетнямъ брызнули картечью; тутъ съ трехъ сторонъ аула грянуло русское ура! а вдали за ауломъ раздался гикъ. Наша рота, конечно и другія, вбѣжали въ аулъ, но тамъ встрѣтили насъ единственно куры съ цыплятами и другая домашняя птица, которая, въ свою очередь, оглашала воздухъ криками—только не побѣдными, а своимъ обычнымъ крикомъ, когда ихъ ловятъ на жаркое. Тутъ я видѣлъ догадливость русскаго солдата: нѣкоторые изъ нихъ шомполами пробивали около сакль грунтъ земли и, дѣйствительно, находили ямы, въ которыхъ зарыты были пшеница, просо, кукуруза, лѣсные плоды—вѣроятно, прошлогодніе запасы на зиму; нѣкоторые трудились, выкапывая штыками свеклу, морковь, картофель и проч. При этомъ, разумѣется, рота разбрелась по аулу. Не болѣе какъ черезъ полчаса заиграли „движеніе впередъ“. Аулъ запылалъ; густой, вонючій дымъ покрылъ мѣстность, ѣлъ глаза; нельзя было видѣть самыхъ ближайшихъ предметов; въ ротахъ ударили „сборъ“, люди начали собираться на зовъ барабановъ, но, по случаю дыма, медленно выходили изъ за сакль. Когда собралась наша рота, то капитанъ не зналъ, куда идти. Посовѣтовавшись съ офицерами и соображая, что сигналъ былъ „впередъ“, а мы пришли съ востока, онъ двинулся съ нами на западъ. Вскорѣ наша рота подошла къ 10-й мушкетерской; тутъ къ намъ присоединилась 12-я; черезъ четверть часа мы соеди-

нились съ 4-ю гренадерскою, командиръ которой капитанъ Александръ Васильевичъ Дзвонкевичъ въ это время командовалъ и баталіономъ. Началась повѣрка людей; въ нашей ротѣ не оказалось одной пары стрѣлковъ, а въ 12-й—одного рядоваго; всѣ трое были изъ военно-плѣнныхъ бывшихъ польскихъ войскъ; убитыхъ и раненыхъ не было. Когда отрядъ нашъ устроился, то я видѣлъ въ колоннѣ почти голую, пожилую женщину, прикрытую рубищемъ, и при ней лѣтъ пяти дѣвочку; кромѣ этихъ плѣнныхъ, я видѣлъ трофеи побѣдителей, состоявшіе изъ домашней птицы и одного барана. Отрядъ двинулся къ лагерю другою дорогою, зажигая отдѣльно встречаемыя сакли. Тутъ уже закипѣла сильная перестрѣлка, особенно въ лѣвой цѣпи и въ арьергардѣ, гдѣ находились роты кабардинскаго полка. Отрядъ возвратился въ лагерь до заката солнца.— Сколько всего убыло изъ строя въ нашей командѣ—не знаю; но въ нашемъ баталіонѣ убитъ 1 унтеръ-офицеръ и ранено 4 рядовыхъ.

19-го числа приступили къ заложению укрѣпленія; въ окрестныхъ лѣсахъ начали плести туры, вязать фашины, заготовлять хворостъ для плетней и проч.

22-го августа, въ день коронованія Государя Императора, съ обычною церемоніею заложили укрѣпленіе во имя св. Николая. Начались работы, и пошла обыкновенная лагерная жизнь. Непрiятель мало беспокоилъ насъ на мѣстѣ, но на фуражировкахъ, на работахъ въ лѣсу и при нашихъ набѣгахъ на аулы, горцы не оставляли насъ въ покоѣ: каждый разъ колонны возвращались съ потерей, всегда приносили одного, двухъ убитыхъ, да человека три, четыре раненыхъ. Такъ прошло время до сентября мѣсяца, и ничего особенно замѣчательнаго въ отрядѣ не случилось. Пользуясь досугомъ, я описалъ въ стихахъ:

Ночь въ ущельи Атакуафъ.

Ночь темная сводъ неба обложила,

И звѣзды—вѣчныя, воздушныя свѣтила,
Подъ куполомъ божественнымъ блестятъ;—
Такъ въ храмѣ Божіемъ паникадила
Въ святомъ величіи горять.
Въ ущельяхъ глухо; тѣнь ночная
Легла на горы ризой гробовой,
И укрѣпленіе во имя Николая
Готово на враговъ громъ бросить боевой.
Окрестъ него гряда кургановъ;
Чернѣютъ горъ лѣсистыхъ высоты,
Какъ будто бы фаланга великановъ
Въ пернатыхъ шлемахъ спитъ, опершись на щиты.
Въ долинѣ лагерь; чуть бѣлѣютъ
Ряды палатокъ, и кругомъ
Ручей ихъ обогнулъ серебрянымъ кольцомъ;
А гдѣ на скатѣ горъ огни свѣтлѣютъ—
Тамъ цѣпь, и выстрѣлы порой
Мелькаютъ; гулъ отъ нихъ, музыкою глухой,
Въ ущельяхъ эхо повторяетъ;
Съ нестройными его аккордами сливаетъ
Шакаль печальный, дикій вой....
Дружина, сладко спи подъ балдахиномъ ночи!
Быть можетъ, завтра битва закипитъ,
Не одному изъ васъ грудь пуля раздробитъ,
И не одинъ изъ васъ на вѣкъ закроетъ очи.
Быть можетъ, тутъ въ шатрахъ
Безпечный юноша и воинъ засыпаетъ,
Мечтами онъ на пламенныхъ крылахъ
Въ міръ умственный, счастливецъ, улетаетъ.
Быть можетъ, онъ теперь во снѣ,
Склонясь къ плечу красавицы стыдливой,
Играетъ локономъ прекрасной, въ тишинѣ;

Иль, можетъ, выманилъ ужъ поцѣлуй счастливый,
Душею весь въ родимой сторонѣ.

Проснется,—весель умъ воспламененный;

Спѣшитъ въ ряды съ довольною душой...

Но вотъ всклубился дымъ грозы военный,

Сверкнулъ булатъ надъ юной головой...

Ты палъ—и трупъ окровавленный

Никто не ороситъ слезинкою родной.

И холмъ могильный твой безъ украшеній,

Въ глуши травой чужбины заростетъ,—

Надъ прахомъ нѣтъ здѣсь погребальныхъ пѣній,

Надъ гробомъ лишь весной здѣсь соловей поетъ;

Могилы здѣсь одна лишь буря посѣщаетъ,

И плачетъ вѣтръ одинъ среди дикихъ мѣстъ.

Нѣтъ, нѣтъ, убитого въ горахъ могильный крестъ

Никто вѣнкомъ изъ розъ не увѣнчаетъ.

Въ началѣ сентября получено было извѣстiе о Высочайше пожалованныхъ за экспедицію 1834 года наградахъ: начальнику отряда генералу Вельяминову даны алмазные знаки св. Александра Невскаго, начальнику нашей 20-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанту Малиновскому—Бѣлаго Орла и загѣмъ, почти всѣмъ штабъ-офицерамъ и ротнымъ командирамъ слѣдующія награды. По этому случаю въ лагерѣ загѣяли устроить торжество и начали готовить фейерверкъ.

Сентября 14-го, подъ командою генераль-маіора Штейбе, выступила колонна для истребленія большихъ ауловъ, въ которыхъ, будто бы, шапсуги и натухайцы собираются въ значительномъ числѣ, чтобы сдѣлать рѣшительное нападеніе на отрядъ. Колонна состояла изъ шести баталіоновъ съ горною и полевою артилеріею. Съ нами двинулось нѣсколько мирныхъ конныхъ горцевъ, съ подполковникомъ изъ туземцевъ Пшекуй-Мауоровымъ, извѣст-

нымъ на правомъ флангѣ кавказской линіи своею храбростію и преданностію русскому правительству; при немъ было нѣсколько конныхъ черноморскихъ казаковъ. Движеніе этой колонны продолжалось до 17-го числа; мы истребили четыре большихъ аула и нѣсколько встрѣченныхъ на походѣ отдѣльныхъ жилищъ—такъ сказать, хуторовъ; порядокъ истребленія былъ тотъ же, какъ и при первомъ походѣ подъ аулъ Научъ-Хабля. При этомъ, мнѣ невольно пришелъ на память отвѣтъ великаго князя московскаго Димитрія послу Мамаю, въ трагедіи Владислава Александровича Озерова:

Посолъ. Или не помните Батыевыхъ побѣдъ!

Димитрій. Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Такое изрѣченіе въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія еще, дѣйствительно, заслуживало рукоплесканій; но въ настоящее время, когда конвой Его Величества и главнокомандующихъ состоитъ изъ кавказскихъ горцевъ, такой способъ веденія войны нельзя назвать справедливымъ. При этомъ походѣ, именно 16-го числа, былъ одинъ забавный случай, возможный, кажется, только на Кавказѣ: во время движенія отряда, часовъ въ пять утра, по ущелью, которое въ одномъ мѣстѣ довольно круто поворачивало влѣво такъ, что угловая возвышенность совершенно заслоняла долину, гдѣ на встрѣчу къ намъ текла рѣчка—и въ этомъ мѣстѣ довольно глубокая—купались въ ней два горца. Подполковникъ Пшекуй-Маукоровъ, съ двумя конными черноморскими казаками и двумя мирными горцами, по своему обыкновенію, ѣхалъ въ полуверстѣ впереди авангардной цѣпи. Купающіеся, неожиданно увидя непріятеля выѣхавшаго изъ за-горы, хотѣли было голые бѣжать; но, мгновенно схваченные своими мирными земляками, переданы были казакамъ, которымъ Пшекуй-Маукоровъ приказалъ слѣпиться и, взявъ въ правыя руки пикъ и лошадей за удила, лѣвыми, какъ можно крѣпче, держать голыхъ горцевъ за что удобнѣе; самъ же съ мирными поскакалъ въ отрядъ, чтобы изъ резерва цѣпи прислать пѣхотный конвой для плѣнныхъ. Какъ только казаки остались одни, плѣнные та-

тары перемолвились между собою, и затѣмъ, одновременно и очень сильно ударили казаковъ кулаками въ лицо; тѣ упали, упустивъ плѣнныхъ и своихъ лошадей, на которыхъ горцы не успѣли, впрочемъ, вскочить;—лошади прибѣжали въ колонну. Когда мы подошли къ мѣсту событія, то нашли казаковъ облитыхъ кровью и лежащихъ почти безъ чувствъ, такъ что отливали ихъ водою. И что-же! этимъ несчастнымъ, по распоряженію начальства, приказано было отпустить по 25-ти плетей.—При этомъ, интересно было собственное оправданіе этихъ казаковъ и ихъ защитника—сотеннаго командира, говорившихъ, что Пшекуй, сдѣлавъ такое распоряженіе, не зналъ всей важности грѣха—держатъ человѣка за особыя части тѣла, да еще отъ рожденія *некрещеныя*. Это объясненіе дѣлалось на малороссійскомъ нарѣччіи,—что еще болѣе придавало такому оправданію юмора, но между тѣмъ привнесло и пользу: Пшекуй, узнавъ о назначеніи казакамъ наказанія и принесенное ими оправданіе, тотчасъ поскакалъ къ начальнику отряда, испросилъ казакамъ прощеніе и далъ имъ отъ себя по полтиннику.

18-го числа, въ среду, пришла въ отрядъ колонна изъ Абина съ строительными матеріалами. Авангардъ этой колонны, не доходя до отряда версты три, угловыми своими цѣпями наткнулся на непріятельскія засады. Едва тамъ закипѣла перестрѣлка и раздались крики ура! смѣшанные съ черкесскимъ гикомъ, изъ отряда бѣжать двинуть баталіонъ съ горнымъ единокоромъ. Черезъ полчаса все въ той сторонѣ смолкло, а часа черезъ полтора и колонна благополучно присоединилась къ отряду, принеся съ собою нѣсколько раненыхъ. До 12-го числа непріятель не безпокоилъ отряда, довольствовался только стрѣльбою въ ночное время, пуская пули въ палатки, гдѣ замѣчалъ освѣщеніе, и по кучкамъ офицеровъ, собиравшихся около разведенныхъ костровъ потолковать, пошутить, посмѣяться,—что замѣняло намъ бульварныя прогулки и домашніе вечера въ городахъ.—Въ этотъ день, рано утромъ, два баталіона навагинскаго полка и одинъ нашего тенгинскаго, вѣроятно, по полученному от-

ряднымъ начальникомъ извѣстію чрезъ лазутчиковъ о злонамѣреніи горцевъ, выведены были на позицію. Часовъ въ 7-мъ, въ цѣпяхъ начала усиливаться перестрѣлка, и вскорѣ тремя толпами шапсуги и натухайцы, въ числѣ, какъ говорили, до 1000 человѣкъ, бросились на отрядъ; но, встрѣченные бѣглымъ огнемъ приготовленныхъ баталіоновъ, выстрѣлами полевой артилеріи и сотнею конныхъ черноморскихъ казаковъ, впереди которыхъ неся на лихомъ конѣ поручикъ князь Барятинскій, рассыпались и побѣжали, преслѣдуемые нашими выстрѣлами. Потеря при этомъ дѣлѣ со стороны непріятели должна быть значительная, потому что, хотя горцы быстро подхватываютъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, но, смотря на это, казаки привезли въ лагерь два тѣла убитыхъ шапсуговъ и одного раненаго; съ нашей стороны выбыло изъ строя до тридцати человѣкъ нижнихъ чиновъ и ранены: поручикъ князь Барятинскій опасно въ грудь навылеть, да навагинскаго пѣхотнаго полка капитанъ Свинцовъ въ ногу; рану князя Барятинскаго всѣ считали смертельною. На четвертый день для препровожденія раненаго князя въ Ольгинскій тегъ-де-понъ назначена была особая колонна. День этого нападенія на лагерь еще тѣмъ замѣчательнъ, что въ палаткѣ, въ которой приготовлялся фейерверкъ, произошелъ взрывъ пороха,—при чемъ, изъ восьми человѣкъ обожженныхъ рабочихъ, двоихъ отбросило отъ мѣста взрыва сажень на 50-ть, да кроме ихъ трое вскорѣ померли.

24-го числа, ночью, часу въ 12-мъ, въ горахъ разразилась страшная буря съ дождемъ и грозою; раскаты грома, вторимые эхомъ ущелій, не умолкали; молнія безпрестанно освѣщала голыя вершины горъ, а по ребрамъ каменныхъ скалъ пробѣгала огненными змѣйками. Ливень продолжался до 2-го часа; рѣчки вышли изъ береговъ и затопили лагерь; положительно можно сказать, что въ отрядѣ въ эту ночь никто не спалъ. Къ утру все прояснилось, рѣчки скоро вошли въ берега, и благодѣтельное солнышко начало осушать нашу позицію; въ лагерь поднялась большая кутерьма:

одни возстановляли сорванныя палатки, другіе раскладывали подмокшія вещи, третьи приводили въ порядокъ аммуницію, чистили ружья, перебирали патроны,—словомъ, всё суетились, всё были заняты. Но недолго мы пользовались хорошею погодою: ночью, съ 27-го на 28 число, вновь дождь и опять наводненіе лагеря и таже исторія, только безъ грома и молніи.

Въ началѣ октября принялъ 2-й баталіонъ нашего полка подполковникъ Константинъ Ивановичъ Быковъ, и какъ онъ зналъ меня еще до прибытія моего на Кавказъ и бывалъ въ нашемъ домѣ въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, то пригласилъ меня въ свой баталіонъ. Приказомъ по полку я былъ переведенъ изъ 11-й мушкетерской роты во 2-ю гренадерскую, которою командовалъ капитанъ Андрей Степановичъ Соболевскій—человѣкъ добрый, храбрый и дѣльный ротный командиръ. Съ этого времени я участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ этого баталіона и постоянно находился въ цѣпи; капитанъ назначилъ состоять при мнѣ одного рядоваго изъ военноплѣнныхъ, служившаго въ 4-мъ пѣхотномъ полку бывшихъ польскихъ войскъ, по фамиліи Моленда. Этотъ старый солдатъ, хорошій стрѣлокъ, честный человѣкъ, скоро полюбилъ меня, какъ своего земляка, за котораго сначала онъ принималъ меня, такъ какъ я всегда говорилъ съ нимъ польски и рассказывалъ ему много анекдотовъ изъ польской кампаніи 1831 года. Въ это время нашему баталіону почти постоянно приходилось при всѣхъ движеніяхъ находиться въ правой цѣли; а въ арьергардѣ преимущественно ходили кабардинцы, которые въ этомъ случаѣ почти всегда поступали подъ команду капитана Лабинцева, адъютанта начальника дивизіи, отличившагося въ 1828 году при взятіи Карса. Въ продолженіи этихъ набѣговъ на аулы, въ теченіи почти цѣлаго мѣсяца, при необыкновенно дождливой погодѣ, хотя потеря въ перестрѣлкахъ убитыми и ранеными была самая незначительная, но всегда абинскій госпиталь былъ наполненъ больными изъ отряда.

Наконецъ, октября 17-го, нашъ баталіонъ поступилъ въ отдѣльный отрядъ генераль-лейтенанта Малиновскаго, назначенный въ Азюйское ущелье для истребленія шапсутскихъ ауловъ. На другой день по выступленіи изъ лагеря главнаго отряда, мы вступили въ густо заселенное ущелье съ замѣчательнымъ названіемъ, которое и записалъ изъ словеснаго приказанія по отряду, — „Чемополколайка.“ Въ этомъ ущельи мы истребили большой аулъ и возвратились въ долину Багаюкъ, гдѣ нашему баталіону пришлось расположиться на магометанскомъ кладбищѣ. На этомъ кладбищѣ, какъ и на другихъ нами видѣнныхъ, могильные холмы черкесовъ украшаются обыкновенно деревянною доскою, вырѣзанною въ видѣ кинжала и вертикально воткнутою въ головахъ могилы; между такими могилами на нѣкоторыхъ поставлены надгробные памятники, какіе мы встрѣчали въ Турціи, то есть, мраморные столбы, украшенные такими же чалмами. Здѣсь я написалъ стихотвореніе:

Могила Черкеса.

Въ долину, гдѣ окрестъ шумитъ дремучій боръ,
Гдѣ бурный вѣтръ дрова ломаетъ,
И по кремнистымъ ребрамъ горъ
Гроза могучая гуляетъ;
Гдѣ весело журчитъ ручей,
Гдѣ воетъ звѣрь и свищетъ соловей,—
Тамъ межъ цвѣтовъ могила зеленѣетъ.
Надъ ней печально дубъ раскинулся густой,
И, какъ скелетъ, подъ дубомъ тамъ бѣлѣетъ
Столпъ мраморный, увѣнчанный чалмой...
Почившій здѣсь! давно ль конь окрыленный
Тебя къ границамъ русскимъ мчалъ?
Давно ли въ саклѣ ты съ друзьями пировалъ,
Добычею гордясь иноплеменной,

Показывая имъ кровавый свой кинжалъ?...

Теперь ты прахъ! твой домъ—забытая могила,
Конь борзый не помчитъ тебя на вольный бой;
Винтовку ужъ твою съ насѣчкой золотой

И шашку ржавчина покрыла.

Блаженъ! подь свистомъ пуль ты встрѣтилъ свой конецъ;

Ты палъ въ горахъ отчизны милой;

И ужъ стрѣлокъ изъ за твоей могилы

Пускаетъ гибельный въ твоихъ друзей свинець.

Тебѣ же все равно: твой прахъ не знаетъ,

Что знамя русское съ златымъ орломъ

Кавказа горный вѣтръ ласкаетъ;

Что русскій близъ тебя пѣснь славы напѣваетъ

И точитъ свѣтлый штыкъ на камнѣ гробовомъ.

На долинь Багаюкъ отрядъ нашъ разбилъ лагерь, изъ котораго почти ежедневно высылались небольшіе отряды для истребленія ауловъ; каждую ночь мы видѣли зарево пожаровъ въ той сторонѣ, съ которой возвращался посланный въ тотъ день отрядъ; а по случаю невылазной грязи, образовавшейся отъ безпрестаннаго движенія между рядами палатокъ, лагерь весьма часто переносился съ позиціи на позицію. Наконецъ, октября 26-го, намъ назначено было выступить къ Абину для присоединенія къ главному отряду, а оттуда—прежнимъ путемъ чрезъ лагофишскія и аушедскія болота, слѣдовать къ Ольгинскому тетъ-де-пону, гдѣ, по причинѣ открывшейся чумы въ азіатской Турціи, предназначался четырнадцатидневный карантинъ всему отряду, и куда мы прибыли 30-го числа. Тамъ стали лагеремъ и, конечно, съ большою досадою должны были ожидать конца карантиннаго термина; но не знаю, по чьему распоряженію и по какому случаю, терминъ этотъ былъ сокращенъ, и отрядъ, 8-го ноября, переправясь на паромѣ на правый

берегъ Кубани, направились баталіонами по назначенію на зимнія квартиры. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ чему надо было подвергать отрядъ карантинному задержанію, когда отрядъ этотъ, въ продолженіи болѣе полугода, ходилъ по горамъ, полямъ и лѣсамъ, постоянно окуриваясь пороховымъ дымомъ и дымомъ горѣвшихъ ауловъ; кромѣ того, отпралялъ по два и по три раза въ мѣсяцъ раненыхъ и больныхъ своихъ въ екатеринодарскій госпиталь, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ признаковъ чумной заразы. Дѣло совсѣмъ другое, когда въ 1830 году всѣ полки и отряды, возвращавшіеся изъ предѣловъ европейской Турціи, должны были держать карантинъ—да еще не одинъ, а два: на Дунаѣ и на Днѣстрѣ (*). Тогда тѣ войска, по заключеніи, 2-го сентября 1829 года, въ Адрианополѣ мира, стояли по квартирамъ въ крѣпостяхъ, городахъ и селеніяхъ и, конечно, имѣли постоянно сношеніе съ жителями, среди которыхъ сильно свирѣпствовала чума. И такъ, карантинъ при укрѣпленіи Ольгинскомъ заключилъ нашу экспедицію этого года, и зимнія квартиры нашему 2-му баталіону назначены были въ селеніи Терноватомъ, оно же—курень Петровскій въ Черноморіи, куда мы прибыли 14-го ноября. Мы отвели квартиру, какъ нижнему чину, вмѣстѣ съ хозяиномъ, вблизи квартиръ моего ротнаго и баталіоннаго командировъ; къ послѣднему, по старому моему съ нимъ знакомству, я ходилъ обѣдать, такъ какъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ назначеннаго отъ казны рядовому содержанія, оставляемаго мною въ ротѣ; за это послѣдняя не отказывала, во время походовъ, подвозить мои вещи на артельной повозкѣ. Вечера проводилъ я вмѣстѣ съ офицерами у кого либо изъ ротныхъ командировъ,—а какъ мой ротный командиръ не обременялъ меня никакими служебными занятіями, то я днемъ занимался приведеніемъ въ порядокъ моихъ записокъ, вносимыхъ крат-

(*) Могилевскій пѣхотный полкъ, въ которомъ я тогда служилъ подпоручикомъ, возвратился изъ за границы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того года.

ко на бивакахъ въ маленькую записную книжку, а чаще записанныхъ на лоскутахъ бумаги, нерѣдко къмъ либо уже исписанной. Мой походный архивъ помѣщался въ большомъ собственноручно пришитомъ боковомъ карманѣ моеѣ солдатской шинели, гдѣ также сохранялась моя единственная серебряная столовая ложка, на случай приглашенія меня, мимоходомъ въ лагерьъ или на бивакахъ, къмъ либо изъ офицеровъ раздѣлить съ ними ихъ офицерскую трапезу,—при чемъ, почти всегда призывался деньщикъ и приказывалось ему принести *еще ложку*; при такомъ приказаніи, ложка моя, вынутая изъ кармана, избавляла деньщика отъ непріятнаго для него труда, а мнѣ давала средство не отстать отъ трапезующихъ.

Въ декабрѣ, въ ночь съ 16-го на 17-е число, къ баталіонному командиру прискакалъ съ ближайшаго поста казакъ съ извѣстіемъ, что пшже Копыла (постъ Копыльскій, въ 20-ти верстахъ отъ мѣста нашего квартированія) переправляется чрезъ Кубань большая партія черкесовъ. Дежурный барабанщикъ при квартирѣ баталіоннаго командира ударилъ тревогу, которую подхватили на ротныхъ дворахъ, а на колокольнѣ сельской церкви зазвонили въ набатъ. По этой тревогѣ казаки съ оружіемъ бросились къ назначеннымъ имъ на такой случай мѣстамъ—къ оградѣ куреня и къ воротамъ въ полѣ, а роты выстроились на площади около церкви, въ ограду которой бѣжали женщины, дѣти и старцы, вообще—немогущіе владѣть оружіемъ. Не болѣе какъ чрезъ десять минутъ, баталіонъ былъ уже въ сборѣ; командиръ баталіона приказалъ 2-й гренадерской и 4-й мушкетерской ротамъ, подъ начальствомъ моего ротнаго командира, немедленно выступить и слѣдовать къ Кубани, по направленію къ посту Эмануелевскому, стараясь выдти къ кордонной линіи между этимъ постомъ и Копыльскимъ; а самъ, съ 5-ю и 6-ю ротами, остался для защиты селенія въ случаѣ нападенія. Я пошелъ съ ротою; ночь была не слишкомъ темная. Огой-да версты полторы или двѣ, мы замѣтили, что на кордонной ли-

ни, влѣво отъ нашей дороги, зажжены фигуры (*), и намъ ясно были видны двѣ; на нихъ-то мы взяли направленіе и пошли по-лемъ. Часа чрезъ два послѣ выступленія роты сдѣлали привалъ. Солдаты шли очень скоро, и хотя никто не жаловался на холодъ и усталость, но всѣмъ хотѣлось бы развести огонекъ, и какъ вблизи не было ни лѣса, ни камыша, ни кустарниковъ, то усердные солдатыки натаскали бурьяну и терновника и зажгли два костра. Чрезъ полчаса мы услышали лошадиный топотъ; капитанъ закричалъ: въ ружье! Роты живо выстроились большою стрѣлковою кучкою, образовавъ маленькое взводное каре. Къ намъ подскакали развѣздъ, человекъ изъ двадцати казаковъ, при офицерѣ, который объяснилъ капитану, что тревога почги кончена; что партія абадзеховъ, вмѣстѣ съ шапсугами, въ сумеркахъ была замѣчена пластунами и секретгами по ту сторону Кубани; слѣжившіеся изъ партіи горцы на ледъ рѣки настигали переправу сѣномъ и соломою; а когда совсѣмъ стемнѣло, партія эта переправилась пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводьяхъ, и направилась на хуторъ ссаула Непокупнаго; объ этомъ, говорилъ онъ, дапо знать въ Темрюкъ, а наши резервы отрѣзали партію отъ переправы и пастилку на ней разбросали. «Плохо будетъ, добавилъ онъ, горцамъ возвращаться восвояси на некованныхъ лошадяхъ». Послѣ этого нашъ маленький отрядъ благополучно возвратился въ селеніе, куда и прибылъ съ разсвѣтомъ; тамъ все уже успокоилось. Подробностей объ этомъ набѣгѣ черкесовъ и чѣмъ кончилось дѣло—до насъ не дошло; говорили только, что съ какого то хутора горцы взяли въ плѣнъ жену священника и двѣнадцатилѣтняго ея сына; партія же разбита наго-

(*) Такъ черноморцы называютъ сигнальные маяки. Это длинныя жерди, установленныя вертикально недалеко отъ поста, вблизи вышекъ, обитыя сѣномъ, соломою, пенькою или паклей и облитыя нефтью; на самой вершинѣ этихъ шестовъ привязывается куль или укрѣпляется небольшая кадка, наполненныя также пенькою съ нефтью.

лову и отступила въ *беспорядкѣ*, хотя порядкѣ, впрочемъ, никогда у горцевъ не бывало;—но этого требуютъ обыкновенно реляціи.

Наступили праздники Рождества Христова. Хотя у насъ, конечно, не могло быть ни баловъ, ни маскарадовъ, но мы провели ихъ и встрѣчали новый годъ нескучно; военные, которымъ приходится проводить эти дни не въ городахъ, а въ деревняхъ, проводятъ ихъ, соображаясь съ мѣстными обыкновеніями. Мой добрый ротный командиръ малороссійнинъ, большой хлѣбосоль, преданный душою своей родинѣ и при всякомъ случаѣ, изъ патриотизма, угощалъ меня стихами Энеиды Котляревскаго. Наканунѣ Рождества пригласилъ онъ баталіоннаго командира и офицеровъ на *кутью*; угостилъ всѣхъ на славу; яствъ и питія, особенно имъ заготовленной вишневки и сливянки, было вдоволь. Это угощеніе привело меня на мысль: не отъ слова ли *кутья* произошли русскія выраженія—*кутить*, *кутило*?—Во время этой пирушки или, пожалуй, кутежа, прежде легонько, послѣ довольно сильно, съ улицы поступали въ ставень окна и затѣмъ, нѣсколько женскихъ голосовъ сказали: *благословите щедровать*. Въ отвѣтъ на это моего капитана: благословляю и прошу,—раздалось за окномъ пѣніе на малороссійскомъ парѣчій; что пѣли—я разобрать не могъ; слышались слова: вареники, масло, сальце и даже *килбаса*. Послѣ пѣнія, покоющихъ пригласили войти въ комнату; вошли пять дѣвушекъ черноморокъ; за ними казакъ въ нагольномъ тулупѣ, въ папахѣ, съ торбою за плечами, съ порядочною дубиною въ рукѣ и съ раскрашеннымъ, довольно замѣтно, лицомъ; когда этотъ казакъ снялъ свой папахъ, я узналъ въ немъ—конечно, и мой капитанъ тоже—подпоручика нашей роты Лазаренко. Мы промолчали. Дѣвушки повторили свое пѣніе, и добрый хозяинъ сказалъ имъ, что водку дѣвушкамъ пить негодится, поднесъ по стакану сантуринскаго вина, которое онѣ съ разными церемоніями и отговорками понемножку выпили сполна. Капитанъ лично проводилъ этихъ гостей. Возвратясь въ комнату, онъ сказалъ: «Ну, теперь ихъ раз-

береть;—вѣдь я вино-то далъ имъ пополамъ съ коньякомъ; теперь лафа будетъ *мъхонши* (проводнику щедрующихъ); вѣдь и я, признаться, въ молодости непрочь былъ отъ приглашенія на эту должность».—Вы и теперь бы непрочь отъ этого удовольствія, да неловко въ нашемъ чинѣ,—возразилъ ему баталіонный командиръ.

1836 ГОДЪ.

III.

Вторая тревога на кордонной линіи. Походъ въ Ставрополь для содержанія карауловъ. Выступление изъ Ставрополя на сборный пунктъ отряда, предназначеннаго въ экспедицію за Кубанью. Слухи о прибытіи въ горы съ порохомъ и свинцомъ англичанина Лонгворта. Прибытіе въ отрядъ генерала Вельяминова. Подъемъ отряда на хребетъ горъ Нано. Слухи въ отрядѣ о появленіи въ обществахъ шапсуговъ и нутухайцевъ англичанина по фамиліи Бель. Прибытіе отряда къ Суджукской бухтѣ. Приготовленіе къ возведенію новаго укрѣпленія. Посѣщеніе начальника отряда контръ-адмираломъ Патаніоти. Посѣщеніе отряда графомъ Воронцовымъ и графомъ Виттомъ. Заложеніе форта «Александрія». Движеніе отряда къ крѣпости Анапѣ. Ночные походы. Жаркое дѣло въ Баканскомъ ущельи. Употребленіе горцами въ бою стрѣлъ. Движеніе къ Суджукской бухтѣ отъ Анапы. Дѣйствія отряда на анапской равнинѣ. Рекогносцировка подъ личнымъ начальствомъ генерала Вельяминова. Биваки на берегу моря. Возвращеніе на зимнія квартиры.

Послѣ новаго года—именно, 2-го января—вновь была на нашей кордонной линіи тревога, и хотя нашъ баталіонъ вышелъ въ ружье, но, не получая съ казачьихъ постовъ никакого извѣстія, въ поле не выступалъ; впоследствии мы узнали, что въ этотъ день было нападеніе абадзеховъ на редутскій мѣнвой дворъ, но горцы и при этомъ не имѣли успѣха.

Въ началѣ февраля баталіону предписано было выступить въ

г. Ставрополь для содержанія нарауловъ. Баталіонный командиръ предложилъ мнѣ на его лошадахъ, въ его бричкѣ, отправиться впередъ и ждать прибытія баталіона въ штабъ-квартирѣ нашего полка, въ селеніи Ивановскомъ, а подъ свозъ его и моихъ вещей капитанъ далъ ротный полуфурокъ съ заручною аммуниціею, при унтеръ-офицерѣ и 2-хъ рядовыхъ. Февраля 8-го, рано утромъ, я отправился въ путь; было не болѣе двухъ градусовъ мороза. На Копылѣ намъ приходилось переправиться чрезъ рукавъ Кубани, называемый Черная Протока; чрезъ эту рѣку по льду пѣшіе и даже верховые, вѣдя лошадей въ поводу, переправлялись безопасно,—но, для переправы экипажей и вообще тяжестей, устроенъ былъ паромъ, для котораго, на мѣстѣ переправы, сдѣлана была отъ берега до берега прорубь. Мы пошли по льду; бричка на паромѣ переправилась благополучно. Но когда паромъ съ полуфуркомъ причалилъ къ берегу, гдѣ подъемъ на дорогу былъ довольно крутъ, тройка лошадей замялась, оледенѣвшіе причальные канаты отвязались отъ причальныхъ столбовъ, паромъ отошелъ, заднія колеса соскочили въ воду, фургонъ потянуло ко дну, а лошади съ передкомъ держались на поверхности воды. Тутъ перерубили гужи и постромки; затѣмъ, лошади скоро выскочили на берегъ, такъ какъ прибрежная глубина была небольшая.

Это приключеніе задержало насъ на переправѣ часа три или четыре; но, благодаря усердію постовыхъ казаковъ, мы ничего изъ вещей не потеряли,—все это было вынуто изъ воды и обсушено. Поздно вечеромъ, въ этотъ же день, мы прибыли въ штабъ-квартиру полка, въ селеніе Ивановское, откуда чрезъ два дня, вмѣстѣ съ баталіономъ, продолжали походъ до г. Ставрополя. Нашей ротѣ назначено квартированіе въ станицѣ Михайловской, верстахъ въ 20-ти отъ города; но такъ какъ я, по волѣ ближайшаго начальства, подобно другимъ моего разряда рядовымъ, освобожденъ былъ отъ гарнизонной службы, то, испросивъ дозволеніе у своего ротнаго командира, отправился въ Ставрополь и жилъ у плацъ-маіора Суходольскаго, въ сосѣдствѣ съ которымъ квартировалъ Леонтій Яковлевичъ

Люлье. Эти добрые люди доставили мнѣ возможность получать касающіяся историческихъ описаній Кавказа книги не только отъ нѣкоторыхъ кавказскихъ старожилонъ, но и изъ библиотеки Алексѣя Александровича Вельяминова. Пользуясь этою возможностью, я сдѣлалъ выписки изъ всего прочитаннаго мною о мѣстностяхъ, предназначенныхъ для театра дѣйствій нашихъ отрядовъ за Кубанью, съ цѣлью пополнить коментаріями мои походныя записки,—и вотъ что я начиталъ о Черноморіи и вообще, о казакахъ: Юлій Клапротъ (стр. 55) доказываетъ, что названіе «казаекъ» сдѣлалось извѣстнымъ при императорѣ Константинѣ Порфирородномъ, въ началѣ 948 года. Тогда указывали на страну за Кубанью, называемую «Казакія», le pays de Kazakhia dans les contrées situées au-delà du Kouban. Да и теперь осетины и мингрельцы называютъ черкесовъ „казахъ“ или „кесехъ“. Нѣкоторые же писатели утверждаютъ, что слово казакъ на татарско-турскомъ языкѣ означаетъ—разбойникъ. Собственно же черноморскіе казаки произошли отъ запорожскихъ, о которыхъ извѣстно, что, по взятіи поляками подъ свое владычество червонной Руси, многіе русскіе оставили свое отечество и искали убѣжища въ низовьяхъ Днѣпра, гдѣ, смѣшавшись съ татарами и черкесами, основали особое заселеніе, которое во времена татаръ, особенно послѣ разоренія Кіева въ 1415 году, значительно увеличилось и распространилось отъ Буга до Днѣстра, присвоивъ себѣ названіе казаковъ. Тѣ, которые поселились ниже днѣпровскихъ пороговъ, приняли названіе запорожцевъ. Они-то и есть черноморскіе казаки.

Вскорѣ послѣ праздника Пасхи, нашъ баталіонъ выступилъ изъ Ставрополя на сборный пунктъ войскъ, для экспедиціи, и прибылъ въ лагерь при Ольгинскомъ укрѣпленіи 28-го апрѣля; всѣ баталіоны нашего полка, кромѣ 5-го, квартировавшаго въ Усть-лабѣ и не участвовавшаго въ большихъ экспедиціяхъ (*), были

*) Роты этого баталіона весьма часто участвовали въ набѣгахъ началь-

уже въ сборѣ. Войска, назначенныя для этого похода, были тѣ же, которыя участвовали въ экспедиціи прошлаго 1835 года; лагерь разбитъ былъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же порядкѣ. Командующій войсками генераль Вельяминовъ въ мѣсту сбора войскъ еще не пріѣзжалъ, и отрядомъ командовалъ генераль Малиновскій; онъ, съ 9-го мая, открылъ почти ежедневныя движенія малыми отрядами отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абину, для исправленія плотинъ чрезъ аушедскія и лагофишскія болота и для препровожденія транспортовъ съ разными запасами и съ предметами военныхъ снабженій вообще. Въ это время большихъ перестрѣлокъ не было; только 1-го, 2-го и 3-го іюня горцы усиленно обстрѣливали наши работы и даже въ эти три дня, при движеніи колонны, сейчасъ по переходѣ плотины, устроенной чрезъ Кунипсъ, насѣдали на арьергардъ и, по примѣру прошлаго года, стрѣляли по отряду изъ фальонета съ кургана, находящагося въ лѣвой сторонѣ отъ дороги. Въ это самое время разнесся по лагерю слухъ, что будто-бы какой-то англичанинъ Лонгвортъ, изъ сочувствія къ горцамъ, безвозмездно, съ единственною цѣлью имѣть удовольствіе вредить русскимъ, прислалъ имъ чрезъ турецкихъ контрабандистовъ большое количество пороху и свинца, — что становилось вѣроятнымъ, судя по случайно мною слышанному отвѣту одного натухайскаго старшины генералу Малиновскому. Это было такъ: пріѣхали къ завѣдывающему отрядомъ, генералу Малиновскому, пять человекъ горцевъ; зачѣмъ пріѣзжали, о чемъ говорили съ генераломъ — не знаю; но когда генераль вышелъ съ ними изъ своей палатки, то одинъ изъ

ника праваго фланга кавказской линіи генераль-маіора Засса на закубанскіе аулы; при чемъ, опъ перѣдко пѣхоту, палегкахъ, въ одной боевой аммуниціи, сажалъ на казачьихъ лошадей, свзди ихъ сѣдель, и этимъ способомъ неожиданно окружалъ аулы, отстоящіе отъ кордонной линіи на 50 и 60 верстгь. Такіе набѣги генерала Засса частію отвлекали горцевъ отъ преслѣдованія большаго дѣйствующаго отряда за Кубанью.

Лет.

нихъ, почти дряхлый старикъ, что-то горячо объяснялъ, указывая на большое дерево, находившееся вблизи палатки, и всѣ окружающіе генерала, выслушавъ это объясненіе чрезъ переводчика, засмѣялись; а старикъ, приложивъ правую руку къ груди своей, вынулъ голову, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ большою рысью. За нимъ послѣдовали его товарищи; за нашу цѣпь проводилъ ихъ казачій офицеръ. Послѣ мнѣ рассказали слышавшіе переводчика, что когда генералъ, при заключеніи переговоровъ, свазалъ горцамъ: «Вы хорошо знаете, что турецкій султанъ, вашъ падишахъ, послѣ войны, по адрианопольскому договору, отдалъ—просто, подарилъ—всѣхъ васъ и весь берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до пристани св. Николая и всѣ земли до границъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи нашему Государю Императору, на вѣчныя времена»,—то старикъ, указывая на птицу, сидѣвшую въ это время на деревѣ, отвѣтилъ: „Ты хорошій генералъ; за твое доброе слово я дарю тебѣ эту птицу на вѣчныя времена; возьми ее“.

Юня 8-го, вечеромъ, прибылъ въ отрядъ командующій войсками генералъ Вельяминовъ. Начали готовиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ по направленію отъ Абина и укрѣпленія Николаевского къ берегамъ Чернаго моря. 10-го числа, въ 3 часа послѣ полуночи, ударили вмѣсто вори—„генераль-маршъ“; чрезъ часть времени—„по возамъ“ (*). Отрядъ тронулся въ томъ же порядкѣ, какъ и прошлаго года, по направленію къ Абину, и только въ 11 часовъ расположился биваками на Кунипсѣ, гдѣ и имѣлъ ночлегъ. На 11-е число, тоже въ 3 часа ночи, отрядъ снялся съ бивака и въ полдень прибылъ къ Абину почти безъ выстрѣла. Здѣсь, въ Абинѣ, 12-го числа, сдѣлана была дневка, и только начальникъ отряда самъ съ кавалеріею дѣлалъ рекогносцировку по дорогѣ къ укрѣпленію Ни-

(*) Этотъ барабанный бой выдуманъ собственно для кавказскихъ походовъ и служить сигналомъ для запряжки лошадей въ повозки и приготовленія вьюковъ къ движенію.

волаевскому. 13-го числа, часа въ 4 утра, отрядъ выступилъ изъ Абина къ укрѣпленію Николаевскому, оставивъ на мѣстѣ для поправки укрѣпленія Абинскаго два баталіона нашего тенгинскаго полка и два кабардинскаго, подъ командою полковника Пирятинскаго. Въ 10-ть часовъ утра, на половинѣ дороги къ Николаевскому, отрядъ остановился, и генераль Вельяминовъ ѣздилъ съ коннымъ конвоемъ на высоты окрестныхъ горъ осматривать мѣстность по предстоящему пути и возвратился поздно вечеромъ. Въ этотъ день, при небольшихъ перестрѣлкахъ; въ цѣпи убито было рядовыхъ два и два ранено. На 14-е число на этомъ же мѣстѣ назначена дневка, во время которой полковникъ генеральнаго штаба Горскій дѣлалъ съемку мѣстности по всему ущелью до укрѣпленія Николаевскаго. 15-го числа, въ 4 часа утра, весь отрядъ выступилъ и взялъ направленіе по дорогѣ къ сказанному укрѣпленію, куда и прибылъ въ полдень. Тутъ стали лагеремъ. 16-го числа отрядъ полковника Пирятинскаго присоединился къ главному отряду; съ этимъ отрядомъ приведены были: взятый на дорогѣ одинъ шапсугъ и пять добровольно явившихся къ отряду солдатъ изъ казанскихъ татаръ, по словамъ ихъ, изъ плѣна; но, какъ многие увѣряли, просто изъ бѣговъ. Въ этотъ же день, во время производства полковникомъ Горскимъ съемки мѣстности, была сильная перестрѣлка—впрочемъ, почти безъ потери: въ навагинскомъ полку убитъ только одинъ рядовой и въ нашемъ полку трое рядовыхъ ранено. 17-го назначено было выступленіе отряда далѣе къ морю, и утромъ ударили уже генераль-маршъ; но проливной дождь съ сильнымъ порывистымъ вѣтромъ помѣшалъ движенію отряда, и потому—ударили отбой. На другой день, то есть 18-го числа, въ 5-ть часовъ утра, отрядъ двинулся по назначенію; дорога была до такой степени неудобная, что къ вечеру отрядъ съ величайшимъ трудомъ могъ едва-едва отойти пять верстъ и долженъ былъ остановиться въ лѣсистомъ глубокомъ ущельи, при маленькой рѣчкѣ, на ночлегъ; перестрѣлка цѣлый день и ночь не умолкала, но потери съ нашей

стороны не было. На другой день, 19-го числа, прошли также не болѣе 5-ти или 6-ти верстъ; 20-го начали подниматься на послѣднiя въ морю высоты, которыя называли хребтомъ Нако. Въ этотъ день мы встрѣчали на пути аулы, доказывающiе значительное заселенiе; всѣ эти аулы были нами сожжены; я ихъ насчиталъ восемь; жителей въ нихъ мы не находили—и потому, сопротивленiя со стороны непрiятеля не встрѣчали;—казалось, горцы, видя рѣшительность нашихъ дѣйствiй, упали духомъ и скрылись въ глубинѣ горъ съ семействами и имуществомъ, или, можетъ быть, замыслили предпринять противъ насъ что нибудь болѣе рѣшительное, такъ какъ въ это самое время въ отрядѣ прошелъ слухъ, что будто бы въ обществахъ шапсуговъ и натухайцевъ появился англичанинъ, по фамилии Белль, подсланный англiйскимъ правительствомъ внушать горцамъ не поддаваться русскимъ и не принимать отъ нихъ никакихъ условiй сдѣлаться мирными, а главное—отнюдь не допускать занятiя сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Другiе же говорили, что англiйское правительство и не помышляетъ препятствовать намъ усмирять горцевъ, а что Белль, просто, богатый авантюристъ, отправившiйся въ кавказскимъ берегамъ—побывать въ горахъ, провезти туда контрабанду: соль, порохъ, свинець, кремни и другiе предметы черкесской необходимости;—но ему не посчастливилось: судно его было взято нашими крейсерами, а самъ онъ, завидя ихъ, бѣжалъ на шлюпкѣ и высадился въ ущельи Дерское, и какъ при себѣ ничего не имѣетъ, то и не можетъ имѣть на горцевъ никакого влiянiя. Впрочемъ, при поднятiи отряда на хребетъ Нако, сопротивленiе горцевъ видимо возростало: перестрѣлка усиливалась, и пока мы достигли вершины Нако, почти голой, гдѣ изрѣдка только встрѣчаются небольшiя группы кипарисныхъ деревьевъ,—они три раза бросались на лѣвую цѣпь въ шапки. Къ вечеру весь отрядъ былъ уже на хребтѣ Нако, и 21-го числа расположился биваками не болѣе, какъ въ одной верстѣ отъ Суджукской бухты; но, чтобы дать отдыхъ отря-

ду, приказано было разбить лагерь и сдѣлать здѣсь дневку. 23-го числа, въ полдень, лагерь былъ снятъ; отрядъ, спустившись версты на четыре къ морю, расположился около того мѣста, гдѣ предполагалось возвести укрѣпленіе. Утромъ 24-го, небольшой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Пирятинскаго, отправился съ транспортомъ въ крѣпость Геленджикъ—за провіантомъ. Между тѣмъ, приступлено было къ очисткѣ отъ кустарниковъ мѣстности, предназначенной для укрѣпленія и разработки дороги отъ лагеря къ бухтѣ, отстоявшей отъ отряда не болѣе какъ на одну версту; но работа эта была трудная, такъ какъ, начиная съ 23-го числа, постоянно шелъ дождь. Не смотря, однако, на такую погоду, необходимость заставляла дѣлать еще ежедневныя фуражировки, что, конечно, не могло не повліять на здоровье нижнихъ чиновъ, и хотя много было больныхъ, но смертности не было; казалось, что болѣзни эти были ничто иное, какъ изнеможеніе, требующее только отдыха, но не вліяніе климата, какъ предполагали нѣкоторые полковые врачи.

Юня 25-го, въ отрядѣ разбили шатеръ полковой церкви кабардинскаго полка; начальнику отряда, не смотря на неблагоприятную погоду, хотѣлось въ этотъ день отслужить благодарственный Господу Богу молебень о благополучномъ прибытіи отряда къ цѣли его назначенія—къ берегамъ Чернаго моря, и при этомъ, во время возглашенія многолѣтія Его Величеству, произведенъ сто одинъ выстрѣлъ изъ орудій. 26-го числа, съ утра, хотя погода и прояснилась, но тучи и густой туманъ на горахъ не предвѣщали ясныхъ дней. Въ этотъ день, въ 8 мь часовъ утра, прибыло въ бухту военное судно съ контръ-адмираломъ Патаніоти, которое салютовало отряду тремя пушечными выстрѣлами. Патаніоти вышелъ на берегъ, съ часъ времени пробылъ у генерала Вельяминова и отправился обратно; отрядъ же Пирятинскаго возвратился изъ Геленджика съ транспортомъ провіанта, а нашъ баталіонъ, съ другимъ—навагинскаго полка, ходившіе на фуражировку подъ

начальствомъ полковника Ольшевскаго, сожгли ауль верстахъ въ шести отъ лагеря, дворовъ до 40; жители, какъ видно, оставили свое жилище, какъ только услышали наше приближеніе, потому что въ нѣкоторыхъ каминахъ не угасъ еще огонь; скоть былъ весь утнанъ, но птицы, особенно куръ, разбѣжавшихся по кустамъ, было очень много. Въ полдень какое то военное судно подъ адмиральскимъ флагомъ въ бухтѣ стало на мель; разгрузка этого судна началась тогда же и продолжалась до глубокой ночи, но успѣха не предвидѣлось. Генераль Вельяминовъ самъ ѣздилъ въ бухту, но и его распоряженія ничего не помогли.

28-го числа, также дождь не переставалъ; но, не смотря на это, рубка лѣса и очистка мѣстности продолжались.

29-го числа, кабардинскаго егерскаго полка капитанъ Евдокимовъ съ небольшимъ отрядомъ былъ отправленъ въ Геленджикъ; на дорогѣ имѣлъ дѣло съ шапсугами, отбилъ у нихъ рогатаго скота болѣе 50-ти штукъ, и въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны убитъ 1 рядовой, ранены: офицеръ 1 и рядовой 1. Къ вечеру въ этотъ день отправлены изъ отряда, подъ начальствомъ полковника Горскаго, въ Ольгинское укрѣпленіе часть перевозочнаго обоза и всѣ офицерскія лошади. 30-го числа отрядъ Евдокимова возвратился изъ Геленджика и продолжалось заготовленіе мѣстныхъ матеріаловъ на горахъ для укрѣпленія.

1-го іюля, день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, былъ празднованъ на флотѣ, стоявшемъ въ бухтѣ, и въ отрядѣ: у литургіи былъ начальникъ отряда и всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, бывшіе налицо въ отрядѣ; при возглашеніи многолѣтня Ихъ Величествамъ, съ флота и въ отрядѣ производилась пальба изъ орудій; послѣ молебна общество офицеровъ было приглашено къ столу начальника отряда; отбитый у шапсуговъ рогатый скоть весь былъ отданъ въ роты на порціи нижнимъ чинамъ. Въ этотъ день, при сильномъ вѣтрѣ, дождь принимался идти нѣсколько разъ.

Со 2-го числа по 7-е включительно ничего замѣчательнаго въ отрядѣ не случилось; занимались заготовленіемъ лѣса, выгрузкою съ судовъ подвозимаго изъ Тамани провіанта и другихъ предметовъ военнаго снабженія; ежедневныя фуражировки не обходились безъ потери;—такъ, 7-го числа, возвратившійся съ фуражировки отрядъ привезъ трехъ раненыхъ рядовыхъ и одного убитаго. 5-го числа пріѣзжали къ начальнику отряда два шапсуга и просили пощадить жителей и не истреблять ихъ жилищъ, обѣщая жить мирно; но имъ было въ этомъ отказано. 8-го, 9-го и 10-го продолжалась рубка лѣса и расчистка дороги на горѣ и около моря. 10-го же прибылъ отрядъ съ Ольгинскаго тетъ-де-пона и потерялъ во время этого пути: убитыми 1-го офицера и болѣе 10-ти рядовыхъ, а ранеными до 20-ти человекъ; возвратившіеся офицеры рассказывали, что въ конныхъ партіяхъ горцевъ они видѣли человека въ европейскомъ гражданскомъ платьи, и при немъ горскаго всадника съ краснымъ значкомъ на длинномъ древкѣ, и полагаютъ, что это былъ именно англичанинъ Белль. До 14-го числа все шло тѣмъ же порядкомъ: работы, набѣги на аулы и фуражировки. 14-го же числа, въ 7-мь часовъ утра, прибылъ въ бухту пароходъ и дано знать въ отрядъ, что въ тотъ же день придутъ графъ Воронцовъ и графъ Виттъ. Въ 6-ть часовъ вечера, дѣйствительно, выстрѣлы изъ орудій въ отрядъ и съ флота возвѣстили о прибытіи этихъ вельможъ. Они вышли на берегъ и были встрѣчены генераломъ Вельяминовымъ со штабомъ. Графъ Воронцовъ (*) былъ вмѣстѣ съ своею супругою, окруженною нѣсколькими дамами; они посѣтили лагерь отряда, осмотрѣли расположеніе укрѣпленія; пили чай и закусывали у начальника отряда, а въ девять часовъ отправились на корветъ «Ифигенія», на которомъ прибы-

(*) Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, путешествовалъ, какъ говорятъ, по Высочайшему повелѣнію.

ли къ кавказскимъ берегамъ; этотъ корветъ сопровождалъ пароходъ „Петръ Великій“, давшій знать начальнику отряда о намѣреніи сіятельныхъ особъ взглянуть на дѣйствующій отрядъ.

15-го числа, рано утромъ, корветъ „Ифигенія“, въ сопровожденіи сказаннаго парохода, отправился въ дальнѣйшій путь къ Геленджику, а оттуда, какъ говорили, направится въ Трапезондъ.

16-го числа продолжались приготовительныя работы для закладки форта; а 17-го, при церковномъ парадѣ и молебствіи, произведена и самая закладка этого укрѣпленія. Въ 9-ть часовъ утра, назначенныя въ парадъ войска, именно: два баталіона навагинскаго, одинъ баталіонъ кабардинскаго полковъ и рота кавказскаго сапернаго баталіона, прибыли къ мѣсту закладки укрѣпленія. Войска построились въ каре, съ открытымъ въ южную сторону фасомъ; передъ фасомъ, къ востоку, внутри каре, находился прилично убранный цвѣтами и зеленью столъ, на который поставлена была икона Пречистыя Дѣвы Богоматери. Эта икона огромной величины, въ серебряной чеканной ризѣ, пожертвованная также графомъ Апраксинымъ за полвѣка до настоящаго времени. По сторонамъ иконы водружены были двѣ походныя хоругви, на столѣ святой Крестъ, Евангеліе и чаша съ водою. Въ 10-ть часовъ прибылъ къ параду начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, въ сопровожденіи контръ-адмирала Патаніоти, своего штаба и почти всѣхъ офицеровъ гвардіи, прикомандированныхъ къ отряду на время экспедиціи. По отданіи, по воинскому уставу, чести начальнику, пробито было „на молитву“, послѣ которой полковой священникъ тенгинскаго пѣхотнаго полка, отецъ Григорій Романовскій, сказалъ кавказскимъ воинамъ весьма дѣльную и приличную рѣчь, согрѣтую чувствомъ истиннаго патриотизма и преданности Царю и отечеству. 20-го числа назначенъ былъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Штейбе, отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ— 2-хъ навагинскаго и 2-хъ тенгинскаго полковъ, съ артилерією—для

слѣдованія къ Абинскому укрѣпленію. Войска эти обязаны были, сдѣлавъ необходимыя исправленія въ укрѣпленіи, заняться разработкою дороги отъ Абина къ укрѣпленію Николаевскому. Занятія этого отряда окончились только 3-го августа; во все это время ничего особенно замѣчательнаго въ отрядѣ не случилось; но, кромѣ работъ и обыкновенныхъ фуражировокъ, мимоходомъ жгли аулы. Въ это время нашъ баталіонъ былъ отдѣльно и расположился лагеремъ при сѣверной подошвѣ горы Нако, для заготовленія и доставленія строительныхъ матеріаловъ къ возводимому укрѣпленію Александрійскому на р. Дооби; здѣсь мы простояли по 13-е сентября, и я, любуясь великолѣпнымъ разнообразіемъ хребта Нако, написалъ

Утро въ горахъ.

Авроры розовый покровъ,
Узорно вышитый огнистыми струями,
Раскинулся красиво надъ горами;
И розовая цѣпь восточныхъ облаковъ
То вьется кольцами, то кольца развиваетъ
И тихо въ высь, на небосклонъ,
Горящій міра медальонъ
Великолѣпно подымаетъ.
Роса—природѣ даръ небесъ,
Какъ пыль разбитаго алмаза,
Усыпала поля, ущелья, лѣсъ,
Вершины дивія Кавказа.
Проснулся станъ, но все молчитъ,—
Какъ бы задумчивость бродила межъ шатрами;
Живой рассказъ героевъ не кипитъ,
Не собираются въ кружокъ передъ огнями;
Съ плѣнительной какой то тишиной

Слилась гармонія природы;
Лишь божьихъ птичекъ хороводы
Поютъ Творцу хвалебный гимнъ святой;
Акомпанируетъ ихъ гѣнью ясный, чистый,
Журча по камышкамъ, ручей;
Лѣсъ не шелохнется вѣтвистый,
Не слышенъ вой звѣрей;
И буйный вѣтеръ—пѣсельникъ сердитый,
Какъ будто бурею къ скалѣ прибывшій,
Чуть дышитъ, притаясь въ ущельяхъ горъ;—
Онъ, мнится, слушаетъ пернатыхъ пѣвчихъ хоръ.
О человекъ! когда бъ душою
И совѣстью былъ свѣтель ты,
Какъ эти чистыя, въ часъ утра, надъ землею,
Святыя неба высоты!
О люди! если бъ вы, съ высокими мечтами
И съ изувѣченнымъ ученостью умомъ,
И съ нездорѣлыми премудрости плодами,
И славою увѣпчаннымъ челомъ,
Когда бы гордости и личности не знали,
Не подносили бъ ядъ вы ближняго къ устамъ
И добродѣтелю сіяли,
Какъ солнце красное сіяетъ намъ,—
Тогда бъ душой другъ друга вы любили,
Не мрачный на дѣла свои бросали взоръ;
Въ душѣ бъ покойны, тихи были,
Какъ утро лѣтнее среди кавказскихъ горъ.

13-го сентября нашъ баталіонъ присоединился къ отряду на
Абинѣ, откуда, съ бывшими тамъ баталіонами, двинулся къ Ольгин-

скому тетъ-де-пону, для препровожденія изъ укрѣпленія большихъ и раненыхъ и для конвоирования, при обратномъ движеніи, обоза съ предметами военныхъ снабженій, для укрѣпленій вообще. 18-го числа нашъ отрядъ, возвратясь съ Ольгинскаго тетъ-де-пона, къ укрѣпленію Абинскому, соединился съ главнымъ отрядомъ, который, 24-го числа, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вельяминова, направился къ крѣпости Анапѣ; при чемъ, до 27-го числа дѣлалъ небольшія передвиженія, останавливаясь на позиціяхъ и истребляя аулы, производя набѣги въ стороны колоннами въ одинъ и въ два баталіона. При этихъ походахъ перестрѣлки были незначительныя, и потеря съ нашей стороны самая ничтожная, такъ какъ внезапныя наши нашествія на аулы по большей части производились въ ночное время, при глубокой тишинѣ, когда воспрещалось даже крестить огонь и курить трубки,—что заставляло горцевъ болѣе заботиться спасеніемъ своихъ семействъ и пожитковъ, чѣмъ отраженіемъ нашихъ нападений—о чемъ врядъ-ли они и помышляли. Въ эти ночные походы нижніе чины не только дремали, но, положительно скажу, иные на походѣ просто спали, чему я самъ былъ очевидецъ и даже самъ убѣдился въ силѣ сна при такомъ положеніи человѣка. Нерѣдко случалось, что лошадь задремавшаго офицера натыкалась на штыкъ полусоннаго солдата. Здѣсь кстати замѣтить, что, во время кавказскихъ походовъ, вообще дозволено было всѣмъ оберъ-офицерамъ имѣть верховыхъ лошадей. Наконецъ, 27-го числа, мы вступили въ густо заселенное Баканское ущелье, въ которомъ до сего времени не показывались русскіе; по ущелью текла рѣчка Адуконъ. Тутъ только сопротивленіе дошло до отчаянныхъ нападений: непріятель часто бросался въ шашки не только на цѣпь и на резервы, но и на роты, къ которымъ обыкновенно отступали стрѣлки. Сколько въ этотъ день убыло изъ строя во всемъ отрядѣ—не знаю; но въ нашей ротѣ убиты: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 3; ранено: рядовыхъ 5, въ томъ числѣ находившійся при мнѣ рядовой Молендъ, о которомъ я уже упоминалъ; пуля, попавшая въ

трубку моего штыка, когда я заряжалъ ружье, отразилась, ударила его въ правую руку выше локтя и осталась въ ранѣ. Я тутъ же самъ перевязалъ его рану и предложилъ ему отправиться въ колону, но онъ не оставилъ меня до ночлега. Въ колоннѣ вырѣзали ему пулю, и дней чрезъ десять онъ вновь ходилъ въ стрѣлкахъ со мною въ одной парѣ. На ночлегѣ въ этотъ день, подѣ влияніемъ сильныхъ ощущеній, я почти не спалъ цѣлую ночь и кончилъ начатое мною въ дождливое время стихотвореніе

К о с т е р ь.

Гроза утихла, лишь шумятъ
Съ высокихъ горъ потоки дождевые,
И быстро тучи громовыя
По небу темному летятъ.
Ночныя тѣни покрываютъ
Долины, горы, черный лѣсъ;
Огни звѣздяціе небесъ
Межъ тучъ едва мерцаютъ.
Въ ущельяхъ легъ густой туманъ;
Все мрачно, тихо межъ горами;
Враги умолкли. Русскій станъ
Развелъ огни передъ шатрами.....
Счастливицы юноши, въ кругу младыхъ сердецъ,
Герои залъ великолѣпныхъ,
Не вамъ понятъ бивакъ военныхъ,
Всю прелесть лагерныхъ огней!
Васъ не плѣнить, любимцы рока,
Войной окруженный Кавказъ;
Сердца желѣзныя у васъ
Изѣла ржавчина порока.

Такъ не для васъ пою,—на лпрѣ же моей,
Кавказской пылею покрытой,
Въ бояхъ расколотой, разбитой,
Я пѣсню пробренчу для воиновъ-друзей:

Гори костеръ, дымись, отрадный,
Башлыкъ и бурку осуши;
Ты—утѣшенье жизни ратной,
Ты—радость сердца, другъ души!

Гори, какъ наша жизнь сгораетъ;
Свѣтлѣй, свѣтлѣй, мой огонекъ!
Твой милый пламень собираетъ
Кавказскихъ воиновъ въ кружокъ.

Какъ милыхъ сердцу, такъ любимца
Тебя, встрѣчаемъ средь шатровъ:
Ты такъ же грѣешь несчастливца,
Какъ Руси счастливыхъ сыновъ.

Изъ тучъ ли бурей низверженный
Омочить дождь насъ среди горъ,—
Ты насъ осушишь, другъ военный,
И оживишь нашъ разговоръ.

Иль послѣ труднаго похода
Захочемъ освѣжить языкъ,—
Ты вмигъ на пуншъ согрѣешь воду,
Поджаришь къ ужину шашлыкъ.

Тебѣ, костеръ, я посвящаю
Мои и думы, и мечты;
Въ твоемъ огнѣ я созерцаю
Военной жизни суеты.

То горделиво ты пылаешь,
Какъ славы жаждущій герой;

То блескъ теряя, угасаешь,
Какъ въ ранахъ воинъ молодой.

То ты алмазами сверкая,
Лампадой счастья горя,
Со трескомъ искры разсыпая,
Блестишь наградами Царя;

То дымомъ чернымъ окруженный,
Едва-едва костеръ горитъ,
Какъ сынъ отчизны, осужденный
Судьбой, въ дыму, безъ блеска жить.

Сентября 28-го, съ разсвѣтомъ, въ цѣпяхъ началась перестрѣлка, и отрядъ не ранѣе шести часовъ могъ только устроиться къ походу и двинуться впередъ. На пути, въ этотъ день, истреблены аулы: Соутъ, Хойстъ, Хочелкъ. Этотъ день стоилъ намъ дорого; особенно значительная потеря была въ имеретинской и мингрельской дружинахъ. Въ одномъ нашемъ баталіонѣ, въ числѣ раненыхъ, былъ одинъ изъ разжалованныхъ, именно—бывшій князь Сангушко; а въ правой нашей цѣпи убитъ наповаль лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подпоручикъ Александръ Павловичъ Батюшковъ, тѣло котораго, по сдѣланному распоряженію, приказано довести до вр. Анапы, гдѣ и похоронить съ надлежащею почестью. Весь этотъ день ружейная перестрѣлка, мѣшаясь съ рѣдкими выстрѣлами артилеріи, рѣшительно не умолкала.

29-го числа мы уже приближались къ анапской равнинѣ и въ этотъ день уничтожили большой аулъ Лезерокъ, а 30-го числа такой же аулъ Тайлисъ. Этотъ послѣдній можно было уже считать на равнинѣ, такъ какъ самое ущелье осталось за нами верстахъ въ двухъ.

1-го октября мы дѣйствовали уже на равнинѣ, и говорили

въ отрядѣ, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ одними только нутхайцами, такъ какъ шапсуги отказались помогать этому племени, будучи сами заняты приведеніемъ въ порядокъ своихъ жилищъ въ предстоящей зимѣ.

2-го числа мы имѣли сильную перестрѣлку при истребленіи аула Зененіокъ, и здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ употребленіе горцами въ бою стрѣлъ. Первоначально мы въ цѣпи изумлены были непонятнымъ, какимъ то рѣзкимъ, шипѣніемъ, моментально поражавшимъ нашъ слухъ; но, когда нѣсколько стрѣлъ воткнулись вблизи стрѣлковъ въ землю и даже двумъ стрѣлкамъ попали въ ихъ походныя торбы,—мы отгадали въ чемъ дѣло. Раненыхъ стрѣлами у насъ не было, хотя онѣ шипѣли довольно часто; но на другой день, то есть 3-го числа, когда отрядъ прибылъ въ крѣпости Анапѣ, я видѣлъ одного черноморскаго коннаго казака раненаго стрѣлою въ лѣвое плечо, у котораго товарищъ его выдернулъ стрѣлу. Однако, желѣзное копьцо стрѣлы всетаки осталось въ тѣлѣ, такъ что врачъ вынулъ его уже посредствомъ операціи. Докторъ, осмотрѣвъ представленныя ему, поднятыя на походѣ стрѣлы, пришелъ въ заключенію, что наконецныя стрѣлы, въ видѣ очень острыхъ копій, прикрѣплены къ тростинкамъ изъ бизиловаго дерева туго-обтянутою на клею полоскою изъ коры черешневаго дерева, именно съ тѣмъ, чтобы отъ теплой крови облейка отстала, а копьцо осталось бы въ ранѣ.

Послѣ похоронъ Александра Павловича Батюшкова, чтобы почтить память храбраго офицера (*) и потомка нашего поэта-воина, Константина Николаевича Батюшкова, воспѣваго въ 1814 году переходъ русскихъ черезъ Рейнъ,—я написалъ на смерть его стихи:

Въ лѣто плѣнительной, веселой, юной жизни,

(*) Въ эту же экспедицію, прежде въ ущельи Атакуафъ, онъ былъ раненъ въ ногу и, получивъ облегченіе, прибылъ вновь въ отрядъ.

Подъ свистомъ пуль, съ безстрашными въ рядахъ,
Ты палъ, достойный сынъ-отчины,
Кавказа дикаго въ горахъ.
Твой путь къ обители подземной
Пожаръ ауловъ освѣщаль,
Музыкою гремѣлъ перунъ грозы военной,
И горный вѣтеръ гимнъ надгробный напѣваль.
Почій! пройдутъ лѣта, громъ битвъ въ горахъ утихнетъ,
Кавказъ роскошно жизнью задрѣтеть,
И русскій вѣстъь средь скалъ воздвигнетъ,
Съ молитвой знамя разовѣтеть;
Тогда придетъ потомокъ отдаленный
Къ твоей могилѣ изъ страны родной,
Благословить твой прахъ, въ чужбинѣ погребенный,
И вѣтвь лавровую на гробъ положить твой.

Четвертаго октября, при рѣчкѣ Цегвай, въ шести верстахъ отъ Анапы, отрядъ сталъ лагеремъ, и съ этой позиціи небольшими колоннами дѣлались набѣги на аулы. Первый набѣгъ, такъ сказать, сдѣланъ былъ случайно: 7-го октября изъ отряда выступили, собственно для фуражировки, четыре баталіона пѣхоты и полусотня конныхъ черноморскихъ казаковъ. Колонна направилась къ станицѣ „Зеленаго мыса,“ не доходя до которой сожгла два небольшіе аула и возвратилась съ двумя только ранеными и большимъ запасомъ фуража. 12-го числа весь отрядъ двинулся къ Суджукской бухтѣ, на походѣ истребилъ четыре аула и въ это время, на высотахъ, называемыхъ Сарачай, потерялъ убитыми 1-го оберъ-офицера, 1-го унтеръ-офицера и 9-ть рядовыхъ, да ранеными до 20 человекъ. 13-го сожгли аулъ Цемесъ на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Суджукскую бухту, недалеко отъ развалинъ древней генуезской

крѣпости Суджукъ-кале и въ 15-ти верстахъ отъ впаденія въ ту-же бухту рѣчки Дооби, гдѣ возводилось укрѣпленіе Александрійское. 15-го числа разорили ауль Татже, а 20-го колонна, въ шесть баталіоновъ, съ орудіями полевой артилеріи и казаками, прошла болѣе 15-ти верстъ внизъ по рѣчкѣ Цегвай и уничтожила всѣ аулы, разбросанные по обоимъ ея берегамъ. Такъ какъ разгромъ ауловъ на равнинѣ вообще производился однимъ и тѣмъ же порядкомъ, то мнѣ вздумалось изобразить картину этихъ нападеній стихами, описавъ одинъ изъ нихъ:

Походъ къ аулу на анапской равнинѣ

Отрядъ готовъ, сомкнулися въ рядахъ,

Стрѣлки рассыпались. Чу! заиграли горы;

Вожди дружины на коняхъ—

И тихо двинулись колонны.

Вдали раскинулся Кавказъ,

Громады горъ его чернѣли;

Казалось, въ грозный бури часъ,

Тамъ бездны волнъ морскихъ взревѣли,

Всклубились, вспѣвились,—огаменѣли...

Тамъ, мнится, ураганъ себѣ пріютъ избралъ,

Съ друзьями-вихрями кочуя,

Иль, утомясь надъ бездной водъ, бушуя,

Подъ пеленой тумана отдыхалъ.

Въ горахъ примѣтенъ дождь, а здѣсь эфиръ священный

Покрылся тучами, какъ крыльями орла,

И радуга аркадой разноцвѣтной

Небесный куполь подперла.

Идемъ. Предъ нашими стрѣлками

Черкесы смѣлые, разсѣясь на поляхъ,

На быстрыхъ, какъ Кавказа лань, коняхъ
Летають горными орлами.
Смотрите! вотъ несется къ намъ стрѣлой,
И дышитъ мщеніемъ червеемъ неустрашимый...
Падешь, наѣздникъ удалой!
Мы сыпнемъ на тебя градъ пуль неумолимый;
Рѣшетка ребръ твоихъ костей
Желѣзный штыкъ не переломить;
И мщенья огонь, груди воинственной твоей,
Свинцовой пули не растопить.
О не безумствуй же, джигитъ!
Не разъ ты зрѣлъ въ пожарахъ боя,
Какъ вашей кровью былъ покрытъ
Штыкъ свѣтлый русскаго героя.
Не внемлетъ—прямо къ намъ летитъ.
Вотъ близокъ дерзкій сынъ Беллоны,
Поводя онъ уворотилъ,
Привсталъ въ сѣдлѣ, къ плечу винтовку приложилъ,—
И пуля свистнула въ колонны...
Браздами тронуть чуть уздень—
Конь на дыбы, встряхнувши головою,
Полкруга описалъ—и прежнюю тропю
Помчался, какъ въ поляхъ испуганный олень.
Но вотъ, другой еще быстрѣй несется;
Конь вороной—змѣя подъ сѣдокомъ,
Густая грива бунчукомъ
По воздуху, волнуясь, вьется.
Вдругъ, пуля мѣткая стрѣлка
Къ нему навстрѣчу засвистѣла,
Пѣснь гибели ему пропѣла,—
И мчится конь безъ сѣдова....
Раздался крикъ враговъ, и эхо заревѣло,—

Пустили бѣшеныхъ коней,
И кровью дружною своей
Хотять купить собрата тѣло;
Летать къ погибшему...Вдругъ, наша цѣпь легла,
Колонна раздалася,
Картечь изъ мѣднаго жерла
Въ толпу со свистомъ понеслася.
Въ нихъ чувство страха замерло,
Быстрѣ ринулись исполнить долгъ священный,
Съ коней въ мгновенье, на сѣдло
Схватили трупъ окровавленный.

.
.

Въ долинь, устланной гирляндами цвѣтовъ,
Гдѣ роза дивая роскошно распцѣтаетъ,
Ручей, какъ цѣпь серебряныхъ оковъ,
Гремитъ, сады красиво обтекаетъ;
Гдѣ дикій виноградъ обвилъ
Черешню, яблоню и сливу, и кизиль,—
Въ долинь тамъ ауль раскинулся богатый;
Онъ искони цвѣтетъ, тревогъ войны не зналъ,
И не сверкалъ предъ нимъ нашъ русскій штыкъ крылатый,
И громъ военныхъ бурь еще не грохоталъ....
Вдругъ, крикъ ура!—и дрогнула долина:
Чугунный градъ запрыгалъ по бустамъ,
Имеретинская дружина
Грозою ринулась къ врагамъ....
А тамъ, на дротики казаки,
Какъ вихрь, какъ вѣтеръ понеслись;
А здѣсь, стрѣлки, въ пылу атаки,
Въ ауль штыками ворвались....

И плачь, и крикъ въ огнѣ сраженья;
Клубится дымъ, ауль горить,—
Червесь съ семействами бѣжить
Въ лѣсахъ, горахъ искать спасенья,
А русскій—лагерь свой разбилъ
У савлей обгорѣлыхъ,
Рыданье вдовъ и плачь дѣтей осиротѣлыхъ
Веселой пѣснью заглушилъ.

21-го октября небольшая колонна, подъ личнымъ начальствомъ генерала Вельяминова, двинулась, вѣроятно для осмотра мѣстностей, въ ущелье, по направленію на югозападъ, которое называли Дерское, но текущую по немъ рѣчку именовали Джуба. Конечно, и при этой рекогносцировкѣ отрядъ не оставилъ за собою ни одной савли безъ истребленія. На другой день, то есть 22 числа, въ полдень, отрядъ дошелъ до берега моря и сталъ биваками. Здѣсь мы имѣли отдыхъ, дневку. Ни одного выстрѣла не слышно было въ цѣпи, хотя въ это время производилась съемка мѣстности. Погода была великолѣпная; многіе купались въ морѣ; въ нѣкоторыхъ кружкахъ раздавались пѣсни; вообще, отрядъ имѣлъ какой то праздничный видъ. Да и дѣйствительно, въ это число празднуется день казанской чудотворной иконы пресвятыя Богородицы; притомъ, тогда же по полкамъ прошелъ слухъ, что этотъ походъ послѣдній въ экспедицію настоящаго года. Здѣсь я набросалъ стихотвореніе:

Биваки на берегу моря.

Подъ тогой темногубой
Стихія мрачная бушуетъ и влопочетъ,
Изъ безднъ на землю хлынуть хочетъ
Сребристую волной.

О не бушуйте вы, эвессинскія пучины!

При васъ скалы, Кавказа исполины,
Въ кремнистыхъ панцыряхъ на стражѣ вѣковой!

Вотще ревете буйный гимнъ свободы!

Пусть вашъ соратникъ, аквилонъ,
До громоносныхъ тучъ подымегъ воды—
Вы не нарушите Предвѣчнаго законъ,

Богонаписанный уставъ природы:

Не сдвинутъ вамъ громады скалъ,
Не вамъ залить Эльбрусъ, чрезъ тучи бросить валъ.

А тамъ, на лонѣ водъ, гдѣ парусъ чуть бѣлѣгъ,

Тамъ море Черное лелѣгъ

На голубой груди своей

Эскадру русскихъ караблей;—

То ихъ баюкаетъ, качаетъ,

То пѣсню бури имъ поетъ,

То бѣгъ волнами, то ласкаетъ,

То славы ихъ путемъ ведетъ.

О русскій флотъ благословенный!

Безстрашнымъ лебедемъ носись по безднѣ водъ,

И славу передай свою изъ рода въ родъ;—

Твой зодчій былъ—Великій, вдохновенный.

О русскій флотъ! я не забылъ,

Какъ ты, привѣтствуя родныхъ полковъ знамена,

Свой флагъ побѣдный распустилъ. (*)

(*) Въ 1828 году я состоялъ въ отрядѣ полковника Симишина, занявшемъ, 22-го іюля, послѣ перестрѣлки, монастырь св. Константина подъ Варною, для сообщенія дѣйствующаго сухопутнаго отряда съ эскадрою, прибывшею изъ подъ крѣпости Анапы съ 13 и 14 егерскими полками. Въ монастырѣ всѣ монахи разбѣжались, а частію были избиты турками; иконы изуродованы, въ изображеніяхъ святыхъ глаза проволоты, въ церкви колодезь св. Константина, передъ царскими вратами, оскверненъ брошенными въ него нечистотами.

И стѣны древняго Одессетона

Съ бортовъ своихъ громиль (*).

.
Здѣсь море, тамъ пожаръ;—ауль врага пылаеть,

И черный дымъ влубится по горамъ,

И вѣтеръ пепломъ саклей ихъ ровняетъ

Могилы праотцевъ...А тамъ...

Не два-ль орла тамъ на горѣ высокой?

Не стрѣлы-ль молніи при крыльяхъ ихъ горять?

Не два-ль креста могилы одинокой,

Украшенные бронзою, стѣять?—

Нѣтъ, нѣтъ; то два стрѣлка дружины закубанской.

Гдѣ жъ взяли крылья? гдѣ полеть?

Видали мы хребетъ балканскій,

Видали Альпы мы,—гдѣ жъ русскій не пройдетъ?

По возвращеніи въ лагерь, на анапской равнинѣ начали готовиться къ выстуplenію на зимнія квартиры: больныхъ и раненыхъ частію оставили въ анапскомъ госпиталѣ, частію отправили моремъ, съ нѣсколькими тяжестями, въ г. Тамань, въ фанаторійскій госпиталь,—и затѣмъ, 6-го ноября, почти налегкахъ, прежнимъ путемъ, выступили къ Ольгинскому тетъ-де-пону, куда и прибыли 10-го числа. Не смотря на то, что мы ожидали отъ горцевъ силь-

(*) Древніе географы помѣщаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Варна, городъ Одессоъ или Одессетонъ. Во время осады Варны, эскадра адмирала Грейга, каждую ночь почти, черезъ каждыя четверть часа, бросала въ крѣпость бомбы; а 8-го августа эскадра приблизилась къ крѣпости и, проходя мимо стѣнъ ея на близкомъ разстояніи, судно за судномъ, дѣлала залпы пѣлыми бортомъ съ каждаго судна.—Мы, пѣхота, любовались изъ своихъ редутовъ этимъ маневромъ и прозвали его церемоніальнымъ маршемъ Грейга.

ныхъ нападеній въ отмщеніе за разгромъ ихъ жилищъ, они насъ пропустили почти безъ выстрѣла, и только имѣли небольшую перестрѣлку на рѣкѣ Тоходуиджъ. Конечно, этому обязаны мы не великую черкесовъ, но уже наступившимъ довольно порядочнымъ холодамъ и туманамъ, что входило, какъ говорили, въ соображеніе генерала Вельяминова—оканчивать экспедицію съ наступленіемъ холодовъ, и когда листъ въ лѣсахъ опадеть.

При Ольгинскомъ укрѣпленіи переправа войскъ и артилеріи черезъ Кубань на единственномъ паромѣ задержала насъ два дня, и я въ это время, въ заключеніе экспедиціи, написалъ стихотвореніе:

Миражъ на берегу Кубани.

Исчезла ночь, туманъ въ поляхъ;
Покрыла мгла окрестныя долины;
Едва бѣлѣетъ станъ дружины;
Дорогой кажется Кубань въ своихъ брегахъ.
Царь дня, десницею Всевышняго вѣнчанный,
Въ порфирѣ розовой и въ бронѣ золотой,
Въ вѣнцѣ огня, въ коронѣ свѣтозарной,
Съ востока не вступалъ на тронъ свой голубой...
Смотрю на югъ сквозь транспарантъ тумана—
И что жъ! вдали виднѣеть предо мной
Жилище древнее героя великана,
Развалины твердыни вѣковой;
Тамъ башни сѣрыя, съ огромными зубцами,
Кой-гдѣ ужъ треснули, паденіемъ грозятъ;
Мосты подъемные, съ чугунными цѣпями,
Надъ рвами, безднами висятъ;
Въ стѣнахъ прорѣзаны бойницы,
Готовы молнію изрыгнуть на враговъ;

И окна узкія съ рѣшетками темницы,
Гдѣ, мнится, слышенъ стонъ закованныхъ рабовъ.
Красивая Коринфа колонада
Образовала темный переходъ;
На ней лежитъ тяжелый сводъ,
Какъ каменистая громада.
Тамъ, мнится, мертво все; могильной тишиной
Твердыни мрачныя объяты,—
И разлѣ эхо грома перекаты
Тамъ вторитъ музыкой стохорной, гробовой.....
Туманъ рѣдѣетъ надъ полями
И поднимается, волнуясь, отъ земли
Все выше, выше...вотъ обнялся съ облаками—
И вмѣстѣ въ голубомъ эфирѣ потекли...
Смотрю...Гдѣ жъ башни, гдѣ твердыни?
Я въ даль топлю свой жадный взоръ...
Ихъ нѣтъ! и вмѣсто ихъ—картины
Хребта угрюмаго кавказскихъ дикихъ горъ.

Квартиры нашему 2-му баталіону тенгинскаго полка назначены были въ селеніи Гривенномъ, верстахъ въ 30-ти отъ впаденія рукава Кубани, Черной Протоки, въ Азовское море, гдѣ находится ачуевскій рыбный заводъ, принадлежащій черноморскому казачьему войску. Селеніе расположено по обѣ стороны этой рѣки; часть по правому берегу называется собственно Гривенное, а часть по лѣвому берегу—Зарубовка. Верстахъ въ шести отъ праваго берега находится черкесскій ауль, принадлежавшій полковнику Пшекуй-Маукорову, о которомъ я уже упоминалъ; этотъ, поистинѣ честный и добрый мусульманинъ, приглашалъ на свои праздники офицеровъ нашего баталіона; къ нему, въ такое время, съѣзжа-

лись также гостить многіе казачьи штабъ и оберъ-офицеры; всѣ хвалили его радушіе и гостепріимство. На этихъ праздникахъ онъ устраивалъ у себя въ аулѣ конскія скачки и назначалъ отъ себя призы деньгами, коровами, баранами и оружіемъ; впрочемъ, въ назначеніи этихъ призовъ нерѣдко участвовали и русскіе офицеры отъ себя. Время мы проводили, какъ обыкновенно проводятъ военные въ деревняхъ; а какъ черноморцы сохранили еще всѣ обычаи, привычки, радушіе и гостепріимство малороссіянь, то, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, можно сказать: а Черноморье?

“Что за край!

„Валягся сами въ ротъ галушки.

„Виномъ хотъ пару подавай;

„А молодицы-молодушки!“...

Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ приходилось намъ зимовать, едва возвратились мы изъ экспедиціи, какъ должны были готовиться вновь къ предстоящему походу въ будущемъ году, и потому, для нижнихъ чиновъ не было другихъ занятій, какъ только починка обуви, одежды, ротнаго обоза, сушеніе квашеной капусты, толченіе сушеной рыбы и набивка этими продуктами мѣшковъ и кулей. Рыбу роты заготавливали, конечно, не красную и не шамаю, приготавливаемую на заводахъ для продажи, а рыбу обыкновенную: судаки, щуки и тому подобную, которую приобрѣтали не покупкою, а работою,—для чего назначали солдатъ чистить и подготавливать рыбу къ сушкѣ и соленію на заводахъ; за это они получали половину очищенной и подготовленной ими рыбы. Такое распоряженіе ротные командиры считали для артели весьма выгоднымъ; что же касается фронтowychъ занятій, то къ цѣльной стрѣльбѣ нижніе чины приучались во время боевыхъ походовъ; въ остальныхъ военныхъ эзерциціяхъ не предстояло большой надобности, такъ какъ нашъ непріятель не предпринималъ противу нашихъ войскъ никакихъ правильныхъ движеній, а дѣйствовалъ вразсыпную изъ за кустовъ, камней, съ деревьевъ, изъ овраговъ, ямъ и устраиваемыхъ имъ зава-

ловъ—ночью, днемъ и во всякое время, и почти всегда неожиданно; а если и случалось иногда ожидать нападенія по извѣстіямъ лазутчиковъ, то почти всегда ихъ извѣщенія были ложны.

На зимнихъ квартирахъ я обыкновенно приводилъ въ порядокъ мои записки прежняго времени, участвовалъ въ офицерскихъ бесѣдахъ, иногда въ ихъ оргіяхъ, и только не раздѣлялъ съ ними поѣздокъ—охотиться на звѣря и птицу, къ чему я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія.

Праздникъ Рождества Христова и встрѣчу новаго 1837 года мы отпраздновали и провели также, какъ и въ селеніи Терноватомъ; но зима вообще была для насъ покойнѣе,—ни одной тревоги, ни одного непріятельскаго выстрѣла—можетъ быть, по случаю удаленія мѣста нашей стоянки отъ Кубани. Въ половинѣ февраля я получилъ отъ родныхъ изъ Петербурга письмо о смерти нашего незабвеннаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, убитаго 29-го января на дуэли Дантесомъ, племянникомъ бельгійскаго посланника при петербургскомъ Дворѣ. Не имѣя возможности на нашихъ зимнихъ квартирахъ прочитать или услышать какія либо подробности объ этой горестной для русской литературы потерѣ, я попросилъ ротнаго командира отпустить меня въ штабъ полка, въ селеніе Ивановское. Капитанъ разрѣшилъ мнѣ отправиться и оставаться въ штабѣ до выстушенія въ экспедицію. По приѣздѣ моемъ туда, я, совершенно неожиданно, на обыкновенномъ домашнемъ обѣдѣ у полковаго адъютанта подпоручика Александра Алексѣевича Баженова, встрѣтилъ переведеннаго въ нашъ полкъ, служившаго въ лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ, подполковника Константина Карловича Данзаса (*), бывшаго со стороны А. С. Пушкина се-

(*) Данзасъ, при штурмѣ Браилова (въ 1828 году) въ чинѣ штабсъ-капитана 7-го піонернаго баталіона, командовалъ охотниками саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, въ числѣ которыхъ былъ мой товарищъ, по служенію моему въ піонерахъ, прапорщикъ Ярцъ; онъ при этомъ штурмѣ убитъ, а Данзасъ раненъ въ лѣвую руку.

кундантомъ при его дуэли съ Дантесомъ. Тутъ я узналъ нѣкоторыя подробности объ этой дуэли и, между прочимъ, о стихахъ, написанныхъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ на смерть Пушкина, за которые будто бы онъ переведенъ былъ изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка тѣмъ же поручичьимъ чиномъ на Кавказъ въ нижегородскій драгунскій полкъ. Въ этомъ стихотвореніи я не нашелъ ничего особеннаго, хотя, дѣйствительно, тамъ есть строфы, въ которыхъ высказаны истины, подобныя тѣмъ, которыя мы находимъ у Державина въ его одахъ: „Вельможа“, „Счастіе“ и другихъ. Оды Державина въ этомъ родѣ помѣщаются и до настоящаго времени въ изданіи его сочиненій,—почему же современному поэту не говорить всѣмъ извѣстной правды о лицахъ, о которыхъ еще въ 1829 году поэтъ Шатровъ сказалъ:

Пріявши власть добро творить,
Возможность защищать гонимыхъ,
Безъ страха правду говорить,
Не зрѣть на лица подсудимыхъ,—

.
.
.
.
.
.
.

Къ празднику Пасхи, которая въ этотъ годъ была 18-го апрѣля, я возвратился въ свою роту и, вмѣстѣ съ нашимъ баталіономъ, изъ куреня Гривеннаго выступилъ въ экспедицію. Я въ баталіонъ привезъ новость о назначеніи приказомъ по корпусу, 22-го октября прошлаго года, на мѣсто генераль-лейтенанта Малиновскаго, командующимъ дивизією генераль-маіора Фезе.

1837 ГОДЪ.

IV.

Сборъ отряда къ укрѣпленію Ольгинскому. Выступленіе отряда въ экспедицію. Появленіе англичанина Беля въ толпѣ горцевъ. Дѣло въ чумбайскомъ лѣсу. Головы съ убитыхъ горцевъ. Прибытіе отряда къ крѣпости Геленджикъ. Извѣстіе о намѣреніи Государя Императора посѣтить съ Наслѣдникомъ отрядъ и береговую линію.

Баталіонъ прибылъ на сборный пунктъ отряда, къ Ольгинскому тетъ-де-пону, 23-го апрѣля. Здѣсь, устроившись лагеремъ, съ 27-го числа, нашъ отрядъ, подъ командою генераль-маіора Штейбе, до прибытія генераль-лейтенанта Вельяминова, занимался конвоирова-ніемъ транспортовъ съ разными запасами, отъ Ольгинскаго къ Абинскому укрѣпленію. Въ это время почти не было перестрѣлокъ; черкесы довольствовались воображаемымъ будто бы наносимымъ вредомъ: они, съ лѣвой стороны дороги, ведущей изъ Ольгинскаго къ Абину, съ того самаго кургана, на которомъ собирались въ предшествовавшія экспедиціи 1835 и 1836 годовъ, стрѣляли, при движеніи отряда, въ колонну изъ фалконета однофунтовымъ чугуннымъ ядромъ, которое обыкновенно свистѣло, какъ и прежде, перелетая черезъ отрядъ надъ нашими головами, по крайней мѣрѣ на сажень выше, и забавляло солдатиковъ, не упускавшихъ при этомъ случаѣ поострить по своему; они иногда говорили ядру: ты глупѣе пули; та хоть и дура, да *виноватаго найдетъ*,—пусти ее только въ толпу хоть безъ толку. Впрочемъ, два раза завязывались порядочныя перестрѣлки: въ первый разъ, 26-го числа, сейчасъ по переходѣ чрезъ плотину, на Кунипсѣ, какъ только авангардъ приближился къ тому мѣсту, откуда горцы стрѣляли изъ фалконета, толпа, тщательно скрывшаяся въ мелкомъ лѣсу, окружающемъ курганъ и составлявшая, такъ сказать, прикрытіе этой единственной ихъ ба-

тарей, хотѣла, повидимому, только занять нашу цѣпь перестрѣлкою, чтобы дать время унести свою артилерію на плечахъ восвойся,— и потому, сдѣлавъ залпъ, загнула и открыла ружейный огонь; но едва только протрубили у насъ сигналъ „стой“, и полевое орудіе изъ колонны быстро двинулось на позицію,—горцы перестали стрѣлять изъ фалконета и черезъ нѣсколько минутъ прекратили вовсе перестрѣлку; тогда наше орудіе, бросивъ черезъ лѣвую цѣпь, вслѣдъ за удаляющимися горцами, гранату, вѣхало на свое мѣсто въ колонну; впрочемъ, при самомъ началѣ перестрѣлки, горцы ранили четырехъ стрѣлковъ. Вторая перестрѣлка, 29-го апрѣля, началась тогда, когда почти вся колонна находилась близъ Абина на чистомъ, ровномъ мѣстѣ, и только фланги арьергардной, да хвосты правой и лѣвой стрѣлковыхъ цѣпей, пробирались мелкимъ лѣсомъ и кустарниками. Въ это-то время горцы, въ двухъ довольно значительныхъ толпахъ, вѣроятно поджидавшихъ, въ скрытномъ мѣстѣ, времени, когда колонна будетъ занимать позицію при укрѣпленіи— а при томъ, обыкновенно, орудія снимаются съ передковъ и лошади выпрягаются—думали сдѣлать внезапное нападеніе на арьергардъ, но плохо рассчитали: какъ только проиграли „стой“, при чемъ, по обыкновенію, стрѣлки и резервы ложатся—хотя строго подтверждалось имъ, чтобы при этомъ, одинъ въ парѣ стрѣлковъ, а въ резервѣ половина взвода, поочередно стояли въ ружьѣ, но, въ этомъ случаѣ, отъ жары и усталости, послѣ похода въ продолженіи цѣлаго дня, стрѣлки почти всѣ легли—два бывшія при резервѣ орудія подвинулись къ цѣпи, снялись съ передковъ, стали на позицію по направленію капиталеи угловъ цѣпинаго каре, находившихся въ лѣсу, и заложили картечь. Не прошло пяти минутъ, какъ упомянутыя двѣ нѣшія толпы, съ обоихъ угловъ сдѣлавъ залпы, съ гикомъ бросились на цѣпь; что прежде, чѣмъ онѣ добѣжали до стрѣлковъ, были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій, въ подобныхъ случаяхъ почти всегда удачными: ихъ обдало картечью,—гикъ умолкъ и затрещала перестрѣлка, продолжавшаяся до глубокихъ

сумерокъ; при чемъ, лѣвая цѣпь два раза, съ крикомъ ура! бросалась впередъ. Поутру оказалась потеря съ нашей стороны: убитыхъ 2 и раненыхъ 9; съ непріятельской стороны стрѣлки притащили два тѣла, доказывающія удачность дѣйствія нашей артилеріи. Почти одновременно съ нападеніемъ пѣшихъ горцевъ на углы цѣпнаго каре, на дорогѣ, по которой мы слѣдовали, на чистомъ мѣстѣ, прямо передъ фронтомъ арьергарда, появилось чело-вѣкъ сорокъ всадниковъ; у одного изъ нихъ былъ красный значекъ,—поэтому, заключали, что тутъ находился самъ Бель, о пріѣздѣ котораго въ горы упомянуто было выше (1836 годъ). Всадники, джигитуя передъ цѣпью стрѣлковъ, открыли съ ними безвредную перестрѣлку, такъ какъ горцы стрѣляли на скаку, а наши нули, можетъ быть, по той же причинѣ, не находили виноватаго. Въ это время изъ колонны къ цѣпи, на отвозахъ, подкатили орудіе, пустили двѣ гранаты, одна за другою, а вслѣдъ затѣмъ, начали выѣзжать изъ отряда, поодиночкѣ, наши казаки,—и джигиты сочли за лучшее удалиться.

Въ началѣ мая прибылъ къ отряду генераль-лейтенантъ Вельяминовъ; съ его пріѣздомъ, къ шести орудіямъ полевой артилеріи присоединилось 8 орудій горной, состоящей изъ трехфунтовыхъ и семифунтовыхъ горныхъ единороговъ, да нѣсколькихъ кегорновыхъ мортирокъ, возимыхъ, вмѣстѣ со станками, какъ и зарядные ящики всей горной артилеріи, на выюкахъ. Съ нашимъ тенгинскимъ полкомъ былъ и навагинскій, которымъ командовалъ уже, съ марта мѣсяца, вмѣсто полковника Свѣховскаго, полковникъ Полтининъ; тутъ же, въ отрядѣ, были также два конныхъ и четыре пѣшихъ полка войска черноморскаго и двѣ роты кавказскаго сапернаго баталіона; сверхъ сего, въ составѣ отряда было сотенъ пять мингрельской, имеретинской и гурійской дружинъ.

Мая 8-го, весь отрядъ, выстроившись принятымъ на Кавказѣ походнымъ боевымъ порядкомъ, рано, почти съ разсвѣтомъ, двинулся по направленію на востокъ къ укрѣпленію Алексѣевскому, ос-

тавивъ вправо дорогу, ведущую чрезъ плотины на Кунипсъ; отойдя версть 12-ть безъ выстрѣла, остановились мы на ночлегъ; мѣсто было ровное, и ничего особеннаго во всю ночь не случилось. 9-го числа пошли далѣе, прямо на югъ, и въ теченіи цѣлаго дня замѣчали только издали джигитующихъ черкесовъ. Со втораго ночлега, 10-го числа, выступили тѣмъ же порядкомъ и по тому же направленію. Въ этотъ день, при входѣ въ чумбайскій лѣсъ, въ лѣвой цѣпи, гдѣ находился нашего полка 4-й баталіонъ, подъ командою подполковника Данзаса, началась перестрѣлка; чрезъ четверть часа пальба усилилась такъ, что нашъ командиръ полка, полковникъ Василій Алексѣевичъ Кашутинъ, для усиленія цѣпи, послалъ изъ колонны 4-ю и 5-ю роты, а самъ поскакалъ къ мѣсту перестрѣлки. Едва успѣлъ сказать: „стрѣлки, впередъ, за мной! васъ поддержать“,—какъ пуля ударила его въ лѣвый бокъ; онъ бросилъ шанку, взялъ поводья въ правую руку, лѣвою зажалъ рану, и съ 4-ю мушкетерскою ротою предупредилъ сбѣгавшихся въ толпу горцевъ, ударивъ на нихъ въ штыки. Горцы не выдержали—побѣжали; вѣремя подоспѣвшій съ 5-ю мушкетерскою ротою горный единорогъ брызнулъ въ толпу картечью и продолжалъ дѣйствовать, поддерживая огонь нашей цѣпи. Тутъ, вскорѣ храбрый нашъ полковникъ упалъ съ лошади и сказалъ о своей ранѣ; его понесли въ колонну; онъ былъ необыкновенно блѣденъ, тогда какъ, отъ природы, лицо его всегда было красное, почти багровое; рана оказалась опасною—пуля осталась внутри. Перестрѣлка продолжалась за полдень. Въ это время вынесли изъ цѣпи командовавшаго 4-ю мушкетерскою ротою поручика Егора Родіоновича Рыкова, смертельно раненаго въ грудь; къ нему подошелъ со слезами на глазахъ родной его братъ Яковъ, поручикъ нашего же полка; умирающій Рыковъ, у котораго горломъ шла кровь, желая скрыть это отъ брата, закрывая ротъ платкомъ, говорилъ ему: „ахъ, ты баба, баба! ты долженъ бы радоваться, а не плакать, что братъ твой умираетъ такою смертію“. Солдаты, которые несли его, почти въ одинъ го-

лось повторили: „вотъ былъ молодець, такъ молодець; намъ не нажить такого командира!“ Яковъ Рыковъ мгновенно пересталъ плакать и началъ шутить съ солдатами.

Вотъ вамъ военно-психическая задача: рѣшите вопросъ объ этой печальной радости и о смежности чувствительности съ самоотверженіемъ—чего не увидите при умирающемъ, около котораго родной

„Сидить и мыслить про себя:

„Да скоро-ль чортъ возьметъ тебя.“

Между тѣмъ, отрядъ, миновавъ Абинь, приближался къ багаіюкской долині; день клонился къ вечеру; вдали, предъ авангардомъ, видны были джигитующіе горцы, какъ бы вызывающіе съ нашей стороны охотниковъ помѣряться съ ними военною ловкостью;—наши не заставили долго ждать: человекъ сто изъ милиціонеровъ понеслись впередъ, и завязалась перестрѣлка; при этомъ, кажется, только за компанію, слышались также вѣ правой и лѣвой цѣпяхъ наши ружейные выстрѣлы, всегда рѣзко отличающіеся по звуку отъ выстрѣловъ изъ черкесскихъ винтовокъ. Наконецъ, часовъ въ 7-мъ, отрядъ остановился биваками; развелъ, по обыкновенію, огни; закипѣли самовары около офицерскихъ костровъ; маркитанты засуетились около своихъ повозокъ, деньчики около выюковъ; фельдфебеля повѣряли людей, записывали убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, то есть, попросту—бѣжавшихъ къ непріятелю. Не знаю, сколько убыло изъ строя во всемъ отрядѣ, но въ шести ротахъ нашего полка, бывшихъ въ дѣйствительномъ дѣлѣ, насчитано убитыми: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 5; ранеными: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 18, да двухъ парочекъ стрѣлковъ вовсе налицо не оказалось. Однимъ словомъ, все шло обычнымъ беспорядкомъ: пальба въ цѣпи безъ толку, на шорохъ, хотя изрѣдка, но, кажется, продолжалась почти всю ночь; я же заснулъ, когда капитану фельдфебель передалъ словесное приказаніе на завтрашнее число: по диспозиціи, нашъ 2-й баталіонъ наз-

начался въ авангардѣ.

На другой день, пообедавши вовсе не въ обѣденное время, а, согласно словесному приказанію, въ пятомъ часу утра, мы построились извѣстнымъ порядкомъ на указанной позиціи, разложивъ предварительно на заровненныхъ тщательно могилахъ убитыхъ въ дѣлѣ большіе костры огня, какъ для предосторожности открытія тѣлѣ шакалами, такъ и отъ любопытства горцевъ, и двинулись къ укрѣпленію Николаевскому. Поручикъ Рыковъ былъ еще живъ, и его понесли въ колоннѣ. Къ вечеру мы остановились въ ущельи Атакуафъ, при укрѣпленіи Николаевскомъ; здѣсь разбила лагерь; потери въ этотъ день, то есть, 11-го числа, у насъ не было, хотя во время всего движенія стрѣльба въ боковыхъ цѣпяхъ почти не прекращалась. На другой день, 12-го мая, когда на водопой, прикрытый рогою иѣхогы, при горномъ орудіи, и цѣпью сгрѣлковъ, кавалерія наша повела своихъ лошадей и при этомъ слишкомъ растянулась по обѣ стороны рѣчки Атакуафъ, горцы осторожно обошли прикрытіе, и изъ лѣсу открыли по водопою огонь, при чемъ, при первыхъ же выстрѣлахъ, срѣзали одного изъ милиціонеровъ, трехъ ранили, да нѣсколько лошадей подсгрѣлили; тутъ, разумѣется, началась перестрѣлка и продолжалась часа два.

При Николаевскомъ укрѣпленіи мы простояли до 20-го числа; отсюда отправили раненыхъ въ абинскій госпиталь. Перестрѣлки въ цѣпи были ежедневныя, но ничего особеннаго не случилось; разъ только, именно, съ 16-го на 17-е число, передъ разсвѣтомъ, дежурные офицеры, унгеръ-офицеры и ефрейторы начали тихонько будить людей, съ приказаніемъ не шумѣть, осторожно выходить изъ палатокъ и становиться въ ружье; мы выходили, шептались; каждый по своему толковалъ это распоряженіе; большинство говорило, что горцы собрались въ большихъ силахъ и хотятъ, съ восходомъ солнца, сдѣлать на лагерь нападеніе. Роты построились, вышли на позицію; подкатили къ намъ артилерію—и мы были наготовѣ. И дѣйствительно: едва занялась заря, какъ въ передовой цѣпи, обра-

щенной на югъ, къ ущелью, которымъ предполагалось слѣдовать далѣе (другой дороги не было), завязалась перестрѣлка; милиціонеры поскакали впередъ, за ними двинулись двѣ роты навагинскаго полка, подъ личнымъ предводительствомъ полковаго командира полковника Михаила Петровича Полгина; слышны были гикъ и ура! Дѣло кончилось около семи часовъ утра; роты и милиціонеры воротились въ лагерь; говорили, что потери съ нашей стороны было только восемь человѣкъ раненыхъ.

Въ этомъ лагерѣ, при воспоминаніи о послѣдней войнѣ съ Турціею, объ усмиреніи мятежа въ Царствѣ Польскомъ и подъ вліяніемъ, хотя не столько кровавыхъ событій на Кавказѣ, я, какъ соревнователь военно-инженерскаго ремесла, изложилъ свой взглядъ на войну вообще, въ написанной мною стихами *фантазіи* —

Двѣ бури на Кавказѣ.

..La paix est le rêve des sages:

..La guerre est l'histoire des hommes.

Le comte de Segur.

Не духи-ль черные, остави свѣтъ нашъ душный,
Закаленный въ грѣхахъ, окованный судьбой,
Сомкнувъ ряды, колонною воздушной,
Текутъ по небесамъ въ невѣдомый намъ бой?
Текутъ, мрачатъ афирные предѣлы,
Текутъ... Чу! громовой тимпанъ загрохоталъ,
Сверкнули огненные стрѣлы,
Земное эхо трескъ схватило среди свалъ.
И гуломъ разнесло, — и дебри зашумѣли;
И огненный разливъ вершины горъ покрылъ;
Органы бури заревѣли,
И вѣтръ печальный гимнъ завылъ.

* * *

Дивенъ для смертныхъ
Бури небесной
Грохотъ и трескъ:

Дивенъ для смертныхъ
Стрѣль огонь чудесный,
Молніи блескъ.
Въ небѣ надъ нами
Тучи полками;
Ночи звѣздами
Горнихъ дружинъ
Вышито знамя.
Тамъ громъ и пламя;
Огненны стрѣлы
Въ мракѣ блестятъ;
Неба предѣлы
Страшно горять.
Ждетъ разрушенья
Грѣшный нашъ свѣтъ...
Все есть тамъ въ тучахъ,
Крови лишь нѣтъ.

* * *

Дремалъ подъ тучами Кавказъ,
Какъ будто бурей утомленный.

И вдругъ: „враги! къ ружью!“ раздался крикъ военный...

Вождя знакомый слыша гласъ,
Дружина стала предъ шатрами
Одушевленными стѣнами.....
„Друзья, впередъ!“... Шатнулся строй...
„Впередъ, друзья, во имя Бога!“
Пошли—вскипѣлъ кровавый бой,

Тѣлами стелется дорога;
Гремитъ искусственный перунъ,
Жужжитъ свинець, реветъ чугуно;
Скрестились пашки со штыками,
И врагъ въ отчизнѣ легъ костями....
Оконченъ бой. Ряды идутъ
Героевъ утомленныхъ,
И на штыкахъ окровавленныхъ
Вождю смиренно лавръ несутъ,
Горя къ отечеству любовью;
Въ награду ждуть себѣ и славы, и похвалъ.
Но лавръ зеленый ихъ увяль,
Залитый человѣка кровью.

* * *

Страшны для смертныхъ
Кровь и пожары
Бури земной;
Страшны для смертныхъ
Блескъ и удары
Грани стальной.
Въ небѣ высокомъ—
Грома раскаты;
Въ полѣ широкомъ—
Мѣдный перунъ;
Въ небѣ молитвы—
Тучи крылаты;
Въ полѣ же битвы—
Страшный чугуно.
Въ небѣ священномъ—
Ангеловъ гимны;

Въ станѣ военномъ—
Пѣсни и плачь.

* * *

Такъ вѣчныя бури въ семь мірѣ пылаютъ;
Земныя, небесныя бури кпягъ;
Земныя—насъ, смертныхъ, въ звѣрей обращаютъ,
Небесныя—казнью достойной грозятъ.

Мая 20-го, мы сняли лагерь и двинулись къ Черному морю. Впереди колонны, сейчасъ за авангардомъ, шли саперы; за ними пѣшіе черноморскіе казаки, для исправленія, въ случаяхъ нужды, дороги; стрѣлковыя боковыя цѣпи—по вершинамъ горъ. Изрѣдка въ цѣпяхъ слышались наши и черкесскіе выстрѣлы. На ночлегахъ баталіоны занимали позиціи по указанію офицеровъ генеральнаго штаба; на ночь цѣпь усиливалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши ружейныя выстрѣлы учащались; обезпокоенные выстрѣлами, шакалы были цѣлую ночь. Поутру строились и тѣмъ же порядкомъ шли далѣе, оставляя за собою угасающее пламя и дымъ истребленныхъ нами ауловъ и отдѣльныхъ сакль, разбросанныхъ вдоль рѣчки, протекавшей по ущелью, которымъ слѣдовалъ отрядъ.

23-го числа, въ полдень, мы приближались къ гребню высьи Віородабуй. Въ это время въ передовой цѣпи завязалась сильная перестрѣлка; мингрельская и имеретинская дружина изъ колонны по ущелью понеслась впередъ; вскорѣ на правомъ флангѣ той цѣпи, примыкавшей къ нашей, послышался гикъ горцевъ и крики ура! Затѣмъ, не болѣе, какъ чрезъ десять минутъ, когда наша рота приближалась къ мѣсту схватки, навстрѣчу намъ спускалось съ горы нѣсколько милиціонеровъ; они везли пять непріятельскихихъ головъ

къ начальнику отряда (*).

По переходѣ чрезъ Віородабуй, мы спустились къ морю и почти безъ выстрѣла дошли до рѣчки Дооби, гдѣ и остановились на ночлегъ при укрѣпленіи Александрійскомъ.

Съ разсвѣтомъ, 24 числа, отрядъ двинулся къ Геленджику. Здѣсь мѣстность ровная, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ и густымъ кустарникомъ, преимущественно состоящимъ изъ такъ называемаго на Кавказѣ держидерева. Это растеніе—кустарникъ, похоже на циповникъ, съ неправильно колочими иглами во всѣ стороны: вверхъ, внизъ и перпендикулярно къ вѣтрамъ. По деревьямъ и кустарникамъ вьются лозы дикаго винограда; толщина лозъ къ корню у нѣкоторыхъ доходитъ до $\frac{1}{2}$ фута въ діаметрѣ горизонтальнаго разрѣза; самый виноградъ, противу привозимаго въ наши русскія губерніи съ Дона, изъ Астрахани и изъ за границы, гораздо мельче; онъ имѣетъ густые, какъ бы сжатые грозди, такъ что небольшая, по-видимому, кисть вѣситъ иногда два, и даже болѣе, фунта.

Дорога по пути нашего слѣдованія не требовала почти никакого исправленія и прокладывалась верстахъ въ двухъ или трехъ отъ моря, то удаляясь, то приближаясь къ берегамъ его. Съ этой стороны горцы вовсе не показывались, и, конечно, изъ боязни быть отрѣзанными отъ горъ къ морю. Отрядъ шелъ почти безъ остановки; съ лѣвой стороны высоты хребта Нако, покрытыя густымъ лѣсомъ, отстояли отъ колонны по крайней мѣрѣ на два ружейныхъ выстрѣла и потому, лѣвая цѣпь шла, пробиралась кустарниками, по ровному мѣсту, въ виду колонны. Погода была превосходная, тихая; солнце

(*) Мнѣ рассказывали приближенные къ генералу А. А. Вельяминову, что онъ, съ ученою цѣлью, отдѣлялъ черепы отъ непріятельскихъ головъ; иногда съ замѣчательныхъ лицъ снималъ портреты, и все это отправлялъ въ Петербургъ, въ общество физиогномовъ, да и самъ занимался френологіею по системамъ Галля и Лафатера; очень уважалъ гомеопатію, любилъ пользоваться своихъ приближенныхъ по этой методѣ, для чего и въ походахъ имѣлъ при себѣ гомеопатическую аптеку.

сіало въ полномъ блескѣ; нѣкоторые изъ офицеровъ, съ нечего дѣлать, верхомъ гоняли между цѣпями зайцевъ, поднятыхъ нашимъ маршемъ. Въ этотъ день, какъ только аррьергардъ, перейдя рѣчку Дооби, отошелъ отъ укрѣпленія версты двѣ, завязалась было въ аррьергардной цѣпи и въ хвостѣ лѣвой довольно сильная перестрѣлка, которая вскорѣ, послѣ двухъ выстрѣловъ изъ орудій полевой артилеріи, прекратилась, и мы безъ выстрѣла и безъ всякой потери дошли до Геленджика (*). Только при первомъ выстрѣлѣ случился съ нашимъ полковымъ священникомъ маленькій казусъ: духовный нашъ отецъ подѣхалъ верхомъ на лошади къ нашей правой цѣпи; по случаю жары, онъ былъ въ одномъ подрясникѣ и кальсонахъ. Желая изъ любознательности ближе разсмотрѣть кисть винограда, въ то время еще не созрѣвшаго, онъ вѣхалъ въ кусты держидерева. Приблизившись къ большому чинаревому дереву, обвитому виноградною лозою, онъ пустилъ поводья и, привставъ на стременахъ, лѣвою рукою взялся за вѣвь дерева, правую же хотѣлъ огорвать гроздь чудснаго, какъ онъ объяснялъ, винограда. Въ это время послѣдовалъ въ аррьергардѣ выстрѣлъ изъ орудія; испуганная лошадь изъ подъ него выскочила; онъ, хватаясь обѣими руками за сучья, началъ опускаться на землю... Тутъ скажу стихомъ „Душеньки“ Богдановича:

„Одинъ лишь наглый сукъ за *рясу* зацѣпился,

„И *батюшкинъ* покровъверху остановился...

„Тогда увидѣлъ доль и лѣсъ

„Другое чудо изъ чудесъ.“

По прибытіи отряда въ Геленджикъ, былъ продолжительный привалъ; варили кашу; начальство ѣздило въ крѣпость; о чемъ-то

(*) Эта крѣпость построена въ 1831 г. на берегу моря, при р. Ашахѣ, вытекающей въ геленджикскую бухту. Прежде постройки этой крѣпости, еще въ 1830 г., на абхазскихъ берегахъ Чернаго моря, отрядами изъ Грузіи, возведены были прибрежныя укрѣпленія: Гагры, Пицунда и Бомборы.

хлопотали. Комендантомъ крѣпости былъ полковникъ Францъ Матвѣевичъ Витковскій, который въ 1826 году былъ начальникомъ бобруйской школы армейскихъ подпрапорщиковъ, куда я былъ отправленъ въ январѣ того года, изъ главнаго инженернаго училища. Гарнизонъ крѣпости составляли черноморскіе линейные баталіоны: № 3-го (командиръ подполковникъ Левковичъ) и 4-го (подъ командою майора Жердева) (*). Почти въ полдень мы двинулись съ привала; походомъ заговорили о намѣреніи Государя Императора объѣхать береговья укрѣпленія и посѣтить нашъ дѣйствующій отрядъ. Извѣстіе это получено было, какъ говорили, моремъ, изъ Крыма—да, впрочемъ, сухопутнаго почтового сообщения съ Россією мы и не имѣли. Но это было только частное свѣдѣніе; официально же никакихъ распоряженій для приѣма Его Величества дѣлаемо не было.

V.

Движеніе отряда отъ Геленджика. Занятіе позиціи при устьѣ р. Пшады. Официальное извѣстіе о приѣздѣ Государя Императора на Кавказъ. Частное извѣстіе о смерти А. А. Бестужева. Выступленіе изъ лагеря при укр. Новогроицкомъ. Смертельная рана генерала Штейбе. Назначеніе на мѣсто его полковника Бриммера. Прибытіе отряда къ устью р. Вуланъ.

Отъ Геленджика мы постепенно стали удаляться отъ моря и приближаться къ горамъ. Часа чрезъ два спокойнаго марша, въ возможной для большаго и растянутаго отряда тишинѣ, мы начали вступать въ довольно узкое ущелье; между тѣмъ, цѣпи подымались на боковыя высоты, гдѣ постепенно завязывалась перестрѣлка.

(*) Въ это время считалось линейныхъ баталіоновъ: грузинскихъ—16-ть, кавказскихъ—10-ть и черноморскихъ—10-ть.

ка. Нашъ 2-й баталіонъ шелъ въ правой цѣпи; здѣсь уже мы не видѣли держидерева и виноградныхъ лозъ; ихъ замѣнили громадные деревья, по преимуществу орѣха, дуба и чинара; мѣстами встрѣчались великолѣпные кусты розъ и жасмина. Послѣдніе имѣли довольно длинные и ровные, аршина въ два и болѣе, такъ сказать, прутья, покрытые блѣднокоричневою бархатовидною корой. Огойдя въ этотъ день отъ Геленджика верстъ десять, мы, при закатѣ солнца, остановились биваками для ночлега въ красивой долинкѣ. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, при заревѣ оставленныхъ нами за собою пожаровъ. Съ разсвѣтомъ двинулись далѣе. Стрѣлковыя цѣпи начали свое дѣло: закурили трубочки, да отъ нечего дѣлать, пострѣливали въ непріятельскую сторону; этимъ, конечно, вызывали горцевъ изъ ауловъ; а тѣ не заставили себя долго ждать, и чрезъ какіе нибудь полчаса времени, пули начали посвистывать по парамъ цѣпи—что продолжалось, съ маленькими перерывами, цѣлый день. По мѣрѣ приближенія отряда къ цѣли нашего похода, то есть, къ устью рѣчки Пшады^(*), протекавшей по ущелью, въ цѣпяхъ, на горахъ, перестрѣлка усиливалась. Наконецъ, нашъ отрядъ началъ подходить къ аулу того же названія. Въ лѣвой цѣпи шелъ баталіонъ навагинскаго полка; въ правой—нашъ 2-й баталіонъ тегинскаго, которымъ командовалъ подполковникъ Константинъ Васильевичъ Быковъ; я былъ въ стрѣлкахъ 2-й гренадерской роты, цѣпь наша слѣдовала по самой опушкѣ лѣса; у насъ только изрѣдка просвистывала черкесская пуля, на которую всегда отвѣчали десятками нашихъ пуль. Между тѣмъ, въ лѣвой цѣпи, у навагинцевъ, съ утра перестрѣлка не умолкала; къ этому же времени значительно усилилась; затѣмъ, слышались тамъ крики ура! Всему отряду проиграли сигналъ „стой“; изъ колонны двинулся туда бата-

(*) Я слышалъ отъ Карла Ивановича Гауша, что еще въ 1813 г. герцогъ де-Ришелье думалъ на Пшадѣ отъкрыть, чрезъ одесскихъ коммерсантъ людей, торговлю съ горами, — но это почему-то не состоялось.

ліонъ. Изъ нашей цѣли, чрезъ огрядъ, ясно были видны утесистыя покато-сти горъ лѣвой стороны ущелья, покрытыя кустарникомъ, а на гребнѣ этихъ высотъ, за завалами и громадными камнями, видѣлись пацахи горцевъ и свѣтились, озаренныя солнцемъ, ихъ длинныя топкія винтовки. Цѣпь, отстрѣливаясь, шла по полугорѣ; посланный баталіонъ, вразсыпную, пробираясь между кустарниками и камнями, безъ выстрѣловъ поднимался къ гребню высотъ. Подойдя на половину выстрѣла, баталіонъ, подъ личнымъ предводительствомъ командира полка полковника Полтинина, съ крикомъ ура! пошелъ въ штыки на заваль. Горцы встрѣтили нашихъ залпами и начали съ вершины сталкивать огромные камни, которые наносили нашимъ болѣе вреда, чѣмъ ихъ залпы, такъ какъ баталіонъ, по случаю крутизны, дѣлалъ движеніе почти ползкомъ, слѣдовательно, находился подъ выстрѣлами. Не болѣе, какъ чрезъ четверть часа, выстрѣлы горныхъ единороговъ, съ того мѣста, гдѣ были завалы, дали намъ знать, что дѣло кончено съ успѣхомъ(*). Это дѣло невзвѣсно напомнило мнѣ стихи Грибоѣдова, написанныя имъ, какъ извѣстно, во время экспедиціи 1825 года, подъ начальствомъ Вельямина, при которомъ онъ состоялъ тогда волонтеромъ въ отрядѣ, расположенномъ лагеремъ на р. Чегемѣ, впадающей въ Малку, близъ каменнаго моста:

„
„ Двиньтесь узкою тропою!
„ Не въ краю вы селѣ и нивѣ;
„ Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
„ Тутъ утесъ: берите съ бою!
„ Камень, сорванный стопою,
„ Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ;
„ Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ...
„

(*) Это мѣсто начальникъ отряда приказалъ назвать «навагинская гора».

Авт.

Послѣ этого дѣла, отрядъ двинулся далѣе и, казалось, что горцы оставили насъ; время было уже далеко за полдень; но, въ сущности, они поджидали арьергардъ и перебѣгали поодиночкѣ и частями передъ авангардной цѣпью, на правую сторону отряда.— что мы, съ полугоры, по которой шли, могли видѣть даже простымъ глазомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, завязывалась уже серьезная перестрѣлка и въ правой цѣпи; а когда колонна отряда начала занимать позицію, то горцы такъ налегли на эту цѣпь, особенно на нашу роту, которая шла послѣднею, и составляла, какъ у насъ называли, хвостъ цѣпи, что стрѣлки, постепенно ускоряя шагъ, почти бѣжали, и если бы не особая распорядительность и находчивость командира роты капитана Андрея Степановича Соболевскаго, то невыгодное положеніе стрѣлковъ могло навести на нихъ панику, и тогда, конечно, намъ пришлось бы плохо, тѣмъ болѣе, что высоты, по которымъ мы шли, оканчивались при берегѣ моря каменистымъ утесомъ. Къ счастью еще, что въ это время не было волненія и потому, между скалою и уровнемъ воды образовалось сухое, щебенистое побережье, сажень въ пятнадцать ширины, и стрѣлки, приближаясь попарно къ окраинѣ высотъ, видѣли передъ собою, внизу, не бездну морскую, а ровную, открытую мѣстность, на которой уже выстроивались сходящія съ высотъ роты,— и потому, не столпились въ кучу, а спустились съ осторожностію; хватаясь за вѣтки кустовъ, растущихъ между камнями обрыва, скользя по осыпающемуся подъ ногами щебню. Въ противномъ случаѣ, горцы, замѣтя нашу остановку, могли бы гикнуть и броситься въ шашки, а нашимъ трудно было бы устоять противу нихъ на такой невыгодной позиціи; но мы отдѣлались довольно счастливо: при спускѣ съ утеса, оборвались только два стрѣлка, поддерживавшіе раненаго,—одинъ изъ нихъ напоролся лѣвымъ бокомъ на штыкъ товарища и, скатившись внизъ, поднятъ мертвымъ. Вообще, въ этотъ день въ нашей ротѣ убыло изъ строя: убитъ 1, ранено 4. Къ вечеру того же дня, то есть, 25-го мая, весь от-

рядъ сталъ лагеремъ и огорожденъ засѣлками. Здѣсь, не теряя времени, приступили къ возведенію укрѣпленія „Новотроицкаго“. Начались ежедневныя фуражировки для обозныхъ и офицерскихъ лошадей, также для конницы, которой, если сказать по правдѣ, здѣсь нечего было дѣлать. Строительные матеріалы для укрѣпленія, разумѣется, были подъ рукою; а для внутреннихъ построекъ—казармъ и прочаго, матеріалы подвозились моремъ, какъ и все продовольствіе для отряда. Тутъ уже получили положительное извѣстіе объ ожиданіи пріѣзда Государя Императора въ отрядъ. Заговорили о распоряженіяхъ начальника отряда къ великолѣпному приему Его Величества. На фуражировкахъ, при заготовленіи въ лѣсу туровъ и фашинъ, хотя и были перестрѣлки, но большихъ потерь не было; только 29-го мая, горцы, подкравшись въ лѣсу къ цѣпи, напали на рабочихъ, не успѣвшихъ разобрать ружей, составленныхъ въ козлы, изрубили двухъ саперъ изъ числа наблюдавшихъ за плетеніемъ туровъ и нѣсколько рабочихъ навагинскаго полка; при этомъ, раненъ пулею, въ прикрытіи, того же полка одинъ офицеръ. Послѣ того, только на двухъ фуражировкахъ, два дня сряду, именно 22-го и 23-го іюня, горцы сдѣлали удачное для нихъ, по ихъ понятію, нападеніе: 22-го числа, при обратномъ движеніи фуражировъ, версты за четыре не доходя до отряда, они заставили насъ бросить на дорогѣ нѣсколько вьюковъ сѣна и одну нагруженную накошенною травою ротную, артельную, повозку, найденную на другой день безъ колесъ; а 23-го числа, также при возвращеніи фуражировъ утесистымъ берегомъ моря, захватившихъ до 300 барановъ, горцы съ гикомъ бросились на арьергардъ. Овцы, испуганныя крикомъ и пальбой, начали одна за другой прыгать въ море; остановить баранью панику не предстояло никакой возможности, и потому, солдаты начали колоть барановъ штыками, часть которыхъ и притащили въ лагерь. Вскорѣ послѣ этого въ лагерь пошли рассказы о славной смерти Александра Александровича Бестужева (Марлинскій). Онъ былъ, до событія 14-го декабря, пгтабсь-

капитаномъ, и Верховнымъ уголовнымъ судомъ 1826 года, причисленъ былъ къ первому разряду подлежащихъ смертной казни отсѣченіемъ головы, замѣненной ссылкой въ каторжныя работы. Я засталъ его въ 1835 году, какъ уже прежде упомянулъ, рядовымъ черноморскаго линейнаго № 3-го баталіона, прикомандированнымъ къ нашему тенгинскому пѣхотному полку; въ этотъ же годъ, за экспедицію 1834 года, онъ произведенъ въ унтеръ-офицеры; затѣмъ, получалъ ежегодно награды, достигнѣ имъ заслуженныя. Я не разъ былъ свидѣтелемъ его примѣрной храбрости въ стрѣлковой цѣпи. За 1835 годъ, дали ему чинъ прапорщика, съ назначеніемъ въ черноморскій линейный № 10-го баталіонъ; за 1836 годъ, получилъ онъ орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Въ настоящемъ же 1837 году, состоя при корпусномъ командирѣ баронѣ Розенѣ, участвовалъ, подъ его начальствомъ, въ экспедиціи въ Цебельду, во время которой, 7-го іюня, при десантѣ отряда въ ущелье Адлеръ, при мысѣ Константиновскомъ, онъ находился въ стрѣлкахъ авангардной цѣпи. По разсказамъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, цѣпь Бестужева, одушевленная его примѣромъ, занеслась слишкомъ далеко въ лѣсъ, и, будучи окружена внезапно появившеюся толпою горцевъ, легла на мѣстѣ. Подошедшій секундъ отбросилъ непріятеля, собралъ нашихъ убитыхъ и раненыхъ, но между ними не оказалось Бестужева. Это обстоятельство породило много нелѣпныхъ о немъ слуховъ и толковъ. На четвертый день послѣ десанта, въ пабѣгѣ нашемъ на ближайшій аулъ, при одномъ убитомъ муллѣ, нашли пистолеть Бестужева, о которомъ лазутчики разсказывали, что горцы, уважая его храбрость и необыкновенную ловкость при защитѣ себя пашкою, взяли его тяжело израненаго въ аулъ, гдѣ онъ, отъ большой потери крови, на другой день умеръ. Это извѣщеніе заслуживаетъ полнаго вѣроятія. На Пшадѣ мы простояли до 10-го іюля. Подъ высчагѣніями послѣдней перестрѣлки, я написалъ стихотвореніе:

Молитва воиновъ.

Прійми, Творецъ міровъ непостижимый,
Моленье воиновъ—рабовъ Твоихъ.
Благослови Россію—край родимый,
Побѣдныя знамена ихъ
Благослови!

И осѣни крестомъ путь русской славы
Съ высотъ святыхъ Сіона Твоего.
Храни, Господь! великій тронъ державы,
Храни Царя, и Домъ Его
Благослови!

Прійми, Создатель нашъ, дружинъ молитвы!
Храни вождей средь жизни боевой;
Храни и насъ въ минуты страшной битвы,
На страхъ врагамъ нашъ штыкъ стальной
Благослови!

Къ Тебѣ, Господь! еще одно моленье—
За братій, гибель встрѣтившихъ въ бояхъ:
Прійми Ты духъ ихъ въ горнія селенья,
Благослови ихъ грѣшный прахъ,
Благослови!

Юля 11-го, разбросавъ засѣки, выбравъ изъ нихъ дровяной лѣсъ, перенеся его въ устроенное укрѣпленіе, отрядъ, съ разсвѣтомъ, двинулся по прямому направленію на сѣверъ и, отойдя верстъ пять или шесть, видимо сталъ уклоняться къ востоку. Нашъ баталіонъ шелъ въ правой цѣпи, въ числѣ трехъ баталіоновъ; цѣпь была перемѣшана съ черноморскими пластунами; всю цѣпью или, лучше сказать, правымъ фасомъ походнаго каре, командовалъ ар-

тилеріи генераль-маіоръ Николай Александровичъ Штейбе; боковыя цѣпи, какъ обыкновенно, шли по горамъ. Вскорѣ мы вступили въ ущелье Каріокъ, населенное племенемъ „*Натлокуадсъ*“. Движеніе наше было очень медленное, по случаю необыкновенно густаго лѣса; колонна безпрестанно должна была останавливаться, чтобы давать время вырубать лѣсъ и исправлять дорогу для прохода артилеріи и обоза, а цѣпи, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ колонны, должны были пробираться едва проходимою трющобю, безпрестанно то взбираясь по крутизнамъ горъ, то спускаясь въ глубокіе овраги. Перестрѣлка въ цѣпяхъ цѣлый день не умолкала, а въ авангардѣ и арьергардѣ, повременамъ, раздавались пушечные выстрѣлы. Часовъ въ семь вечера мы остановились на ночлегъ; нашъ баталіонъ занялъ позицію, какъ шель; при нашей 2-й гренадерской ротѣ провелъ ночь командиръ баталіона подполковникъ К. В. Быковъ. Ночь прошла благополучно; да и въ теченіи дневной перестрѣлки въ нашей ротѣ убыло изъ строя всего только двое раненыхъ и пятеро заболѣли, кажется, отъ усталости; съ однимъ изъ нихъ было что-то въ родѣ апоплексіи: онъ упалъ, ему пустили кровь и полумертваго понесли въ колонну. На другой день, то есть, 12-го числа, двинулись тѣмъ же порядкомъ далѣе; начальникъ цѣпи генераль Штейбе, съ своимъ адъютантомъ, поручикомъ Попандопуло, взялъ себѣ въ конвой двухъ лучшихъ, по указанію капитана, гренадеръ и пошелъ по цѣпи; перестрѣлка замѣтно усиливалась; въ это время говорили, что мы вступали въ ущелье Самсутъ; пары стрѣлковъ часто, съ крикомъ ура! бросались впередъ, а за ними и резервы, чтобы заставить горцевъ отступить,—и дѣйствительно, при этомъ непріятель прекращалъ пальбу, но скорѣ опять возобновлялъ. Между тѣмъ, мы, чрезъ эти маленькія диверсіи, постепенно и для себя незамѣтно, такъ удалились отъ колонны, что сигналы горновъ изъ отряда намъ не были уже слышны, и горцы появились между цѣпью и колонною, такъ что мы очутились между двухъ огней. Въ это-то время генераль

Штейбе, замѣтя вправо высоту на довольно значительное протяженіе, которая командовала мѣстностью, гдѣ должна была проходить вся цѣпь, приказалъ капитану Соболевскому собрать всю его роту и самъ повелъ насъ на эту высоту съ тѣмъ, чтобы намъ занимать указанную имъ позицію, пока не пройдетъ послѣдняя пара сгрѣлковъ нашего баталіона и не смѣнитъ насъ гренадерская рота слѣдующаго баталіона. При подъемѣ на эту гору, мы замѣтили нѣсколько извилистыхъ тропинокъ, пробитыхъ конными и пѣшими горцами въ разныхъ направленіяхъ изъ ущелій, овраговъ и мѣстъ, гдѣ пробивалась ключевая вода. Это обстоятельство приводило къ заключенію, что на горѣ, за лѣсомъ, долженъ быть ауль, который, по тактикѣ генерала Вельяминова, слѣдовало бы, прежде занятія, обстрѣлять ядрами и картечью; но на этотъ случай у насъ въ цѣпи не было ни одного горнаго единорога. Между тѣмъ, лѣсъ рѣдѣлъ и между деревьевъ начали виднѣться сакли и плетни; а намъ приходилось подниматься такъ круто, что солдаты, прицѣливаясь ружьемъ, не могли устоять на ногахъ; горцы же, при нашемъ приближеніи, открыли изъ за плетней и изъ низенькихъ, почти при землѣ устроенныхъ оконъ саклей, рѣдкій (изъ экономіи пороха), но мѣткій огонь, и, „на вѣтеръ пороха не тратя“, они выбирали любого. Не прошло пяти минутъ, какъ срѣзаны были: одинъ передовой унтеръ-офицеръ, 4 рядовыхъ, и въ то же время, генералъ Штейбе упалъ на руки конвойныхъ гренадеръ, прострѣленный пулею въ грудь навзлетъ. Рота крикнула ура! и бросилась на сакли; завязалась рукопашная свалка,—горцы побѣжали. Ауль зажигать не приказано, чтобы пожаромъ не затруднить слѣдованіе цѣпи; такое огненное удовольствіе предоставлялось всегда арьергарду, хотя правило это, какъ объяснялъ я выше, нерѣдко нарушалось усердіемъ нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ, чрезъ чуръ согрѣтыхъ чувствомъ патриотизма. Между тѣмъ, фельдшеръ на-скоро перевязалъ рану генерала; соорудили кой-какъ изъ ружей и наломанныхъ вѣтвей, прикрытыхъ солдатскими шинелями, носилки и отправили генерала

въ колонну. Ротный командиръ, по недостатку при ротѣ офицеровъ и убили изъ строя унтеръ-офицеровъ, приказалъ мнѣ, какъ бышему офицеру (я тогда былъ рядовымъ) взять 16-ть рядовыхъ и конвоировать въ колонну генерала, вмѣстѣ съ другими ранеными. Около носилокъ генерала шелъ фельдшеръ и его адъютантъ Попандупуло, отирая слезы. Генералъ сказалъ дорогою: „я бы хотѣлъ увидѣть Государя и тогда спокойно бы умеръ; Его Величество не оставитъ моего семейства“. Затѣмъ, обратясь къ адъютанту, который несъ, очищая отъ крови, золотые часы генерала, добавилъ: „возьми эти окровавленные часы себѣ на память; мои же часы сочтены“.

Отойдя отъ цѣпи версты двѣ, мы услышали сигналъ горна, именующій нашу цѣпь (№ означавшій, по уставу, правый флангъ). При насъ не было горниста, а потому я закричалъ, вмѣстѣ съ другими: „здѣсь“!—и намъ повторили тотъ же сигналъ. Тутъ вскорѣ мы встрѣтили двѣ роты съ горнымъ единорогомъ, высланныя изъ колонны для открытія сообщенія съ нашею цѣпью, такъ какъ получено было извѣщеніе, чрезъ разъѣздныхъ милиціонеровъ, о значительномъ нашемъ удаленіи отъ отряда. Въ колоннѣ подошелъ къ намъ начальникъ отряда, съ офицерами, состоявшими при штабѣ; поговорилъ съ ранеными и началъ спрашивать адъютанта Попандупуло о подробностяхъ дѣла; а я, давъ раненыхъ, чтобы сколько нибудь отдохнуть, съ моею командою остался въ колоннѣ. Мы усѣлись на артельные повозки и такъ отдыхали часа два. Къ вечеру того дня послѣдовало назначеніе, на мѣсто генерала Штейбе, начальникомъ правой цѣпи—артилеріи полковника Бриммера, и мнѣ, съ моею командою, къ которой присоединилось еще человекъ тридцать милиціонеровъ, пришлось конвоировать вновь назначеннаго начальника цѣпи; мы явились въ роту часовъ въ 7-мъ вечера.

На другой день, утромъ, то есть, 13-го іюля, съ разсвѣтомъ, мы тронулись далѣе; приказано было нашей цѣпи понемногу прини-

мать влѣво, къ сторонѣ отряда, и стараться вступить въ пары высланной между нами и колонною другой цѣпи. Мы шли безъ выстрѣла; непріятель не показывался. Эта тишина доказывала, что онъ или собирается гдѣ нибудь сдѣлать нападеніе толпою, или, замѣтя направленіе отряда къ урочищу Чумчуашъ, то есть, къ морю, на юго-западъ, запячь былъ уведомъ изъ ауловъ по этой дорогѣ въ лѣса своихъ семействъ, угопомъ скота и вывозомъ запасовъ. Часовъ въ 10-ть, мы соединились съ тою цѣпью, которая и была послѣ этого отозвана; мы же получили чрезъ это прямое сношеніе съ колонною. Въ полдень отрядъ вступилъ въ ущелье Суемчиватль. Тутъ, мало по малу, начали посвистывать черкесскія пули, но непріятели, въ лѣсной чащѣ, рѣшительно невозможно было видѣть, и наши стрѣлки просто-таки пускали свои пули наугадъ. Я вообще стрѣлялъ чрезвычайно рѣдко и берегъ зарядъ для крайней необходимости. Въ это время, какъ и всегда, я находился въ цѣпи; со мной въ парѣ былъ хорошій стрѣлокъ; шель онъ сзади меня шагахъ въ двухъ; недалеко отъ него былъ унтеръ-офицеръ; выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ лѣса раздавались довольно часто. Вдругъ, отрывистый звукъ, похожій на ударъ линейкою по столу, и вмѣстѣ съ нимъ толчокъ въ мою грудь, какъ будто кто нибудь встрѣтилъ меня коломъ... Я упалъ навзничъ; ружье вырвалось изъ правой руки,—я держалъ его на перевѣсѣ; фуражка и очки слетѣли на землю. Въ этотъ моментъ я услышалъ невдалекѣ крикъ: Федорова убили!—Это былъ голосъ стрѣлковаго офицера, прапорщика Антипова; меня подняли, дали изъ маперки напиться воды; сняли патронташъ и перевязь съ сумою; шинель у меня была растегнута, я взглянулъ на грудь,—рубаша была окровавлена и какъ бы присыпана порохомъ. Это случилось такъ: пуля, пущенная въ меня, первоначально ударила подъ острымъ угломъ въ патронташъ, падѣтый чрезъ лѣвое плечо, разорвала въ немъ патронъ, пробила насквозь лосинную подъ нимъ форменную перевязь, и, встрѣтивъ бывшій на груди моей, зашитый въ бархатъ, фарфоровый, оправленный въ се-

ребро, образъ Спасителя (*), попала въ лѣвое плечо его изображенія, разбила фарфоръ, помяла латуневую подъ нимъ подкладку, вдавила серебряный окладъ и отразилась, скользнувъ по наружному покрову груди, произведя на тѣлѣ продольную ссадину, отчего произошло кровоизліяніе, подавшее поводъ Ангинову считать меня убитымъ; когда же снимали патронташъ, то порохъ сыпался изъ разбитаго патрона на окровавленную рубаху. Это тоже не мало удивило фельдшера, подошедшаго перевязать рану; онъ для этого взялъ немного корпіи, налилъ на нее деревяннаго масла, положилъ на ссадину, прикрылъ компресомъ, который приказалъ мнѣ прижать лѣвою ладонью. Я въ такомъ видѣ пошелъ изъ цѣпи въ сопровожденіи стрѣлка, взявшаго мое ружье, суму и патронташъ. Въ колоннѣ, баталіонный лекаръ Кедринъ возобновилъ перевязку, укрѣпивъ компресъ липкимъ пластыремъ; намазалъ всю грудь деревяннымъ масломъ, пустилъ мнѣ изъ лѣвой руки кровь, и замѣтя, что отъ усталости клонитъ меня ко сну, строго приказалъ мнѣ не спать, а наблюдать за этимъ поручилъ одному раненому въ ногу унтеръ-офицеру, посадивъ его рядомъ со мною на повозку, который страшно надоѣлъ мнѣ аккуратнымъ исполненіемъ этого порученія. Вечеромъ въ этотъ день мы дошли до берега моря и стали лагеремъ при устьѣ рѣчки Вуданъ; тутъ, по обыкновенію, сейчасъ же занялись устройствомъ засѣкъ. Ротный командиръ, который всегда былъ ко мнѣ внимателенъ, далъ мнѣ особую солдатскую палатку, назначилъ расторопнаго вѣстоваго, напоилъ чаемъ, самъ наблюдалъ за устройствомъ для меня постели—словомъ, заботился обо мнѣ, какъ отецъ о сынѣ. На другой день, рано утромъ, навѣстилъ меня командиръ баталіона, К. В. Быковъ; съ нимъ вмѣстѣ пришелъ лекаръ Кедринъ и фельдшеръ съ фербантомъ. Грудь, при перевязкѣ,

(*) Благословеніе отца моего, служившаго въ 39-мъ егерскомъ полку, съ которымъ былъ онъ при взятіи генералъ-анишефомъ Гудовичемъ, въ 1791 году, крѣпости Анапы.

оказалась немного припухшею и нѣсколько посинѣвшею; а когда я, куря трубку, сильно закашлялся, то, вмѣстѣ съ откашлинною мокротою, замѣчена была кровь. Фельдшеръ перевязалъ ссадину тѣмъ же порядкомъ, а лекарь прописалъ какіе-то порошки и запретилъ курить табакъ. На этой позиціи приступили къ возведенію укрѣпленія; начались обыкновенныя работы: посылки въ лѣсъ, на фуражировки. Августа 22-го, 23-го и 26-го были довольно сильныя перестрѣлки горцевъ съ небольшими отрядами, высылаемыми для истребленія окрестныхъ ауловъ; но я въ этихъ дѣйствіяхъ, по случаю болѣзни, не участвовалъ. Въ это время, начальникъ штаба нашего отряда, полковникъ М. М. Ольшевскій, призвавъ меня къ себѣ, предложилъ написать стихи на пріѣздъ Государа Императора, которые можно было бы положить на музыку и выполнить хоромъ пѣвчихъ. Я съ удовольствіемъ исполнилъ предложеніе, и написанное мною стихотвореніе было одобрено Вельяминовымъ, который зачеркнулъ только, какъ и надо было ожидать, послѣднія строфы, прямо къ нему относящіяся.

VI.

Пѣснь кавказскихъ воиновъ. Прибытіе парохода „Язонъ“ въ геленджикскую бухту, и отряда въ крѣпости Геленджикъ. Пріѣздъ Государа Императора. Высочайшій смотръ войскъ отряда. Пожаръ въ крѣпости. Фривитиель для Государа Императора въ лагерѣ во время бури. Распоряженіе о возвращеніи войскъ на зимнія квартиры. Толки объ измѣненіи плана экспедиціи. Проектъ генерала Вельяминова о покореніи Черкесіи, по рассказамъ. — Отъѣздъ Государа Императора. Высочайшее распоряженіе объ измѣне-

ніяхъ по военному управленію черноморской прибрежной линіи. Возвращеніе отряда на зимнія квартиры. Стоянка нашего баталіона въ станицѣ Темрюкской.

**Пѣснь кавказскихъ воиновъ на прїѣздъ Государя
ИМПЕРАТОРА.**

П ѣ в е ц ь.

Хвала, нашъ Царь, монархъ отчизны милой!
Ликуй средь преданныхъ тебѣ сердецъ.
Ты нашъ орелъ золотокрылый,
Намъ Богомъ вѣнчаннй отецъ.

Х о р ь.

Славься, Державный! магометане
Вѣѣ не забудутъ Твой русскій громъ;
И на Кавказѣ, и на Балканѣ
Ты взнесъ знамена съ нашимъ орломъ.

В о и н ь.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!
И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дикихъ горъ
Вторятъ нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

П ѣ в е ц ь.

Возри, нашъ Царь, на грозныя стремнины,
На неприступныя громады горъ:

Тамъ вѣрныя Тебѣ дружины
Съ врагомъ ведутъ кровавый споръ.

Хоръ.

Горы Кавказа, скалы, крутизны,
Бездны съ молитвой мы перейдемъ:
И за Тебя, Царь, въ славу отчины,
Съ радостью въ сердцѣ, въ битвѣ падемъ.

Воинъ.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!
И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дикихъ горъ
Вторять нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

Воины.

Ура! ура! ура!

Плещъ.

Здѣсь, выше тучъ штыковъ сверкають грани,
Съ громами неба громъ войны гремитъ;
И отъ Эвксина до Кубани
Черкесь испуганный дрожитъ.

Хоръ.

Слава, Всевышній! Царь нашъ небесный!
Ты землю русскихъ благословилъ;
Воинство наше силой чудесной,
Непостижимый, Ты надѣлил!

Воинъ.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!

И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дивныхъ горъ
Вторять нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

И ъ в е щ ь.

Прійми, нашъ Царь-отецъ, лавръ новой славы,
Штыками сорванный съ кремнистыхъ скалъ,
Гдѣ русский воинъ путь кровавый
Живою цѣпью протопталъ.

Х о р ь.

Оружій русскихъ блескъ и удары,
Клики побѣды, пламенный бой,
Гибель ауловъ, кровь и пожары
Вѣкъ будетъ помнить дикій герой.

В о и н ь.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!
И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дивныхъ горъ
Вторять нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

П ѣ в е ц ѝ.

Позволь же, Царь, отечествомъ любимый,
Намъ при Тебѣ, вождю хвалу пропѣть.
На Твой глаголь, съ своей дружиной,
Онъ радъ Эльбрусъ перелетѣть.

Х о р ѝ.

Нашъ Вельяминовъ—горцевъ смиритель,
Краю родному преданный сынъ.
Лавры и пальму прійми, воитель,
Отъ закубанскихъ смѣлыхъ дружинъ.

В о и н ѝ.

Други! грянемъ....и проч.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

Въ концѣ августа, собственно фортификаціонныя работы укрѣпленія были окончены; на берегу моря возведенъ былъ блокгаузъ для азовскихъ казаковъ; внутреннія работы по устройству помѣщеній для гарнизона приходили къ концу, укрѣпленіе было наименовано „Михайловскимъ“. Ссадина пулею на груди моей зажила; грудь пришла почти въ нормальное положеніе, остался только шрамъ, небольшая одышка при движеніи, изрѣдка кровохарканіе, которое къ ночи и передъ утромъ усиливалось. Не предвидя, чѣмъ можетъ кончиться мое болѣзненное состояніе, я просилъ командира баталіона выдать мнѣ на полученную контузію свидѣтельство, по которому я могъ бы испросить такое же медицинское отъ пользовавшаго меня лекаря, чтобы, въ случаѣ нужды, оставить военную службу съ чиномъ XIV класса—чему уже были примѣры съ другими разжалованными—и идти по гражданской части.

Получивъ свидѣтельство, я, по случаю одышки и вообще, слабости здоровья, испросилъ дозволеніе отправиться въ Геленджикъ моремъ; отряду же предстоялъ туда обратный путь тою же дорогою, которою пришли, то есть, надо было сдѣлать до 70-ти верстъ по горамъ. Отрядъ приготовился къ выступленію на 2-е сентября. Наканунѣ этого дня, мой ротный командиръ, въ постоянной обо мнѣ заботливости, предложилъ мнѣ сдать всю мою боевую аммуницію каптенармусу и ѣхать въ Геленджикъ на пароходѣ „Язонъ“, вмѣстѣ съ капитаномъ Иваномъ Ивановичемъ Масловичемъ, отправляющимся туда за болѣзнію. И вотъ, 2-го сентября, еще до выступления отряда, я уже былъ на пароходѣ; часовъ въ семь утра подняли якорь и часовъ въ пять вечера мы были уже на высотѣ Геленджика. Въ это время былъ довольно сильный прибой къ берегу, и потому, пароходъ легъ въ дрейфъ; тутъ послѣшили спустить баркасъ, чтобы скорѣе, высадивъ пассажировъ на берегъ, успѣть засвѣтло уйти въ море. Пока мы плыли къ берегу, вѣтеръ усилился такъ, что уже не было никакой возможности причалить къ пристани,— и потому, сопровождавшій насъ, сидѣвшій на рулѣ, флотскій офицеръ распорядился направить баркасъ прямо на берегъ, сажень на пять правѣе пристани; здѣсь, на берегу, въ одноэтажномъ турлучномъ зданіи, помѣщалось какое-то трактирное заведеніе, отстоящее, въ тихую погоду, отъ уровня моря сажень на двадцать, а въ это время волны, доходя до стѣнъ строенія, вливались даже въ окна трактира, а отхлынувъ, уносили въ море все попавшееся на берегу, даже мелкихъ животныхъ: куръ, собакъ и проч. Нашъ баркасъ, направленный такимъ образомъ, при пособіи волны и сильнымъ дѣйствиіи веселья, вылетѣлъ на берегъ и врѣзался въ песокъ, не болѣе какъ въ трехъ шагахъ отъ трактира; мы послѣшно вскочили изъ баркаса и успѣли вбѣжать въ отворенные ворота заведенія, прежде чѣмъ нахлынула слѣдующая волна; ворота были отворены изъ предосторожности, отъ разбитія ихъ водою. Мы вошли въ комнаты трактира мокрые и порядкомъ прозяблие; здѣсь,

переодѣвшись наннвшись чаю, капитанъ Масловичъ пошелъ къ своему хорошему знакомому, майору Жердеву, и взялъ меня съ собою.

Сентября 7-го, часовъ въ шесть вечера, прибылъ отрядъ изъ Новотроицкаго укрѣпленія; миновавъ Геленджикъ, сталъ лагеремъ верстахъ въ двухъ отъ крѣпости на западъ, параллельно къ берегу моря, развернутымъ фронтомъ, обращеннымъ къ горамъ; кавалерія на лѣвомъ флангѣ; пѣшіе черноморскіе казаки расположились впереди насъ, при самой подошвѣ горъ, занявъ высоты цѣпью своихъ пластуновъ. Напѣ полкъ составлялъ правый флангъ линіи. Начали приготовляться къ Высочайшему смотру. Впрочемъ, все приготовленіе состояло единственно въ постройкѣ новыхъ фуражныхъ шапокъ по образцу кавказскихъ войскъ, то есть, съ козырками, и въ чисткѣ оружія и аммуниціи. При штабѣ начальника отряда хлопотали о приличномъ приемѣ Государя Императора: устраивалась громадная, великолѣпная палатка, подбитая бѣлымъ сукномъ, съ золотыми украшеніями; заготовлялся блистательный фейерверкъ; пѣвчіе и музыка изучили написанную на этотъ случай мною пѣснь на пріѣздъ Его Величества—словомъ, все обѣщало торжественный приемъ Государя. Последнее насъ не обмануло, но приемъ страшно не удался: 19-го числа, съ вечера, подулъ изъ горъ, отъ сѣверо-востока, вѣтеръ, усилившійся съ полуночи до такой степени, что въ лагерѣ почти всѣ палатки были сорваны; даже ружья не могли стоять въ козлахъ, а положены были на землю.

Часовъ въ 10-ть утра, 20-го числа, показался въ морѣ пароходъ подъ Императорскимъ штандартомъ; въ лагерѣ засуетились разбивать ставку, приготовленную для Государя; но никакія старанія и выдумки не могли ничего противопоставить силѣ вѣтра, и царская палатка не могла быть разбита,—эта первая неудача огорчила не только начальствующихъ, но и весь отрядъ. Часу въ первомъ дня, пароходъ бросилъ якорь въ геленджикской бухтѣ и въ тотъ же моментъ, послѣ залпа изъ всѣхъ орудій крѣпости, началась пушечная пальба и крики ура! какъ въ крѣпости, такъ и въ

лагерѣ, прекратившіеся тогда только, когда, при необыкновенномъ усилии гребцовъ, баркасъ достигъ берега, и Государь Императоръ, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, изволили выйти на пристань и вступить въ приготовленныя въ комендантскомъ домѣ покои. Послѣ кратковременнаго отдыха и приѣма официальныхъ представлений, Государь, съ Наслѣдникомъ, навѣстили раненаго генерала Штейбе, которому Всемилостивѣйше пожаловано три тысячи червонцевъ; прошли баталіонныя лазареты, привѣтливо разговаривая съ ранеными; раздавали денежные награды; нѣкоторымъ тяжело раненымъ, немогущимъ встать съ постели, Государь клалъ собственноручно на грудь знаки отличія военнаго ордена св. Георгія. На 21-е число назначенъ былъ Высочайшій смотръ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ; вѣтеръ нисколько не утихъ; въ 9-ть часовъ утра назначено было вывести войска въ строй. Вдругъ, часовъ въ 7-мъ утра, въ крѣпости ударили тревогу, которая въ ту же минуту принята была въ отрядѣ. Сначала думали, что показались горцы; но вскорѣ густой дымъ, разостлавшійся надъ крѣпостью, далъ знать; что тамъ пожаръ; въ это же время, отъ всѣхъ баталіоновъ по одной ротѣ были посланы въ однихъ шинеляхъ, безъ боевой амуниціи, въ помощь гарнизону, для тушенія пожара. Оказалось, что горѣли бунты провіантскаго магазина; говорили, что отъ поджога, съ цѣлью скрыть бывший въ провіантѣ недостатокъ, и даже между бунтами найденъ былъ деревянный фонарь съ огаркомъ сальной свѣчи—хотя это еще не доказательство. Къ счастью, вѣтеръ былъ съ берега, а провіантъ былъ сложенъ на прибрежной части крѣпости, и потому, пожаръ не угрожалъ опасностью казармамъ и жилымъ строеніямъ; но по близости къ бунтамъ находился баталіонный пороховой погребъ (*), на который долетали искры отъ горѣвшихъ роговъ и цыновокъ; надо было вынести изъ этого по-

(*) Артилерійскій погребъ былъ въ сторонѣ отъ пожара и не подъ вѣтромъ.

гребя боченки съ порохомъ и патроны въ ящикахъ; нижніе чины исполняли это распоряженіе съ необыкновеннымъ усердіемъ. Государь въ это время стоялъ на крыльцѣ своей квартиры и любовался самоотверженіемъ солдатъ въ этомъ опасномъ трудѣ, поощряя ихъ своимъ царскимъ словомъ и лично направляя ихъ дѣйствія. Къ 11-ти часамъ пожаръ почти прекратился, и Его Величество приказалъ ротамъ возвратиться въ лагерь, сказавъ имъ: „черезъ часъ мы увидимся.“

Въ 12-ть часовъ войска выстроились побаталіонно, развернутымъ фронтомъ. Всѣ разжалованные были во фронтѣ; въ числѣ ихъ былъ бывший князь, прапорщикъ Сангушко (*). Я стоялъ въ первой шеренгѣ 2-й гренадерской роты. Государь Императоръ и Наслѣдникъ прибыли въ лагерь, сошли съ лошадей; по приближеніи къ правому флангу войскъ и по командѣ 1-му баталіону на „караулъ“, барабанщики съ горнистами пробили полный походъ, хоръ музыки заигралъ установленное для подобныхъ случаевъ „отданіе чести“, а фронтъ кричалъ ура! Тоже самое повторялось по приближеніи Государя къ каждому баталіону. Его Величество шелъ по линіи лѣвымъ плечомъ и весьма близко къ фронту, былъ въ шюртугѣ и фуражкѣ, держа подъ козырекъ; рядомъ съ Государемъ, по правую Его сторону, въ такой же формѣ, шелъ Великій Князь Наслѣдникъ. Вѣтеръ дулъ прямо намъ въ лицо; мы съ трудомъ стояли на ногахъ, и многіе отставляли одну ногу назадъ; при крикѣ ура! чтобы избѣгнуть вѣтра въ ротъ, мы невольно отворачивали лицо въ сторону, нѣкоторые сильно закашливались и строили лицомъ гримасы; держа ружье на караулъ, во второмъ приемѣ (въ осадкѣ) удерживали его одною лѣвою рукою, а правую должны

(*) Сангушко, за экспедицію 1835 года, произведенъ въ прапорщики въ кавказскій линейный № 5-го баталіонъ; а за 1836 годъ получилъ орденъ св. Станислава 4-й степени; на время же экспедиціи былъ прикомандированъ къ нашему полку.

были придерживать фуражки за козырекъ; кто этого не сдумѣлъ сдѣлать—стоялъ съ открытою головою; у нѣкоторыхъ шапки снесло въ море. Между 3-мъ и 4-мъ баталіонами былъ неглубокій маленький овражекъ, идущій отъ горъ къ морю, заросшій бурьяномъ; черноморцы, въ своей цѣпи, развели огонь въ этомъ овражкѣ, при опушкѣ лѣса. Только что Государь подошелъ къ флангу 4-го баталіона—отъ костра, въ оврагѣ, загорѣлся бурьянъ, и какъ въ это время года въ этихъ мѣстахъ трава и бурьянъ высыхаютъ, то пожаръ почти мгновенно распространился до фронта. 3-й баталіонъ безъ приказанія бросился тушить и, не прошло пяти минутъ, какъ пожаръ былъ уже затоптанъ. Между тѣмъ, для высокихъ нашихъ Посѣтителей, въ маленькой палаткѣ генерала Вельяминова, которую съ трудомъ удерживали отъ вѣтра до 100 казаковъ, приготовлялся фриштикъ. Государь Императоръ, обойдя войска, вошелъ въ эту палатку и, чрезъ полчаса, выйдя съ начальникомъ отряда изъ ставки, командовалъ извѣстнымъ своимъ звонкимъ голосомъ: „войска! дѣти! ко Мнѣ, кто какъ есть, въ чемъ попало!“—Мгновенно всѣ бросились къ Государю, роты и полки перемѣшались, нижніе чины въ шапкахъ, безъ шапокъ, въ мундирахъ, въ шинеляхъ, безъ того и другаго—словомъ, какъ попало, сбѣжали къ ставкѣ и густою толпою окружили Императора; рядомъ съ Нимъ былъ и Наслѣдникъ. Но въ этой беспорядочной толпѣ, разумѣется, офицеры очутились впереди; тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые не могли протискаться ближе къ Государю, чтобы видѣть Его Величество, взлезли на ближайшія деревья. Государь Императоръ первоначально благодарилъ солдатъ за ихъ боевую, усердную службу, за храбрость и самоотверженіе; благодаря начальника отряда, обнялъ его, затѣмъ, обратился съ такою же благодарностію къ начальникамъ частей; при этомъ, разговаривалъ съ нѣкоторыми офицерами, у которыхъ видѣлъ медали за персидскую и турецкую войны, обращалъ рѣчь о походахъ того времени; съ молодыми офицерами, особенно съ выпущенными въ послѣднее вре-

ма изъ кадетскихъ корпусовъ, заводилъ рѣчь о минувшихъ экспедиціяхъ и о послѣднемъ походѣ, желая имъ скорѣе доставить Ему случай украсить грудь ихъ знакомъ воспоминанія о кавказской войнѣ. Когда Государь и Наслѣдникъ, со свитою, поскакали въ крѣпость, то почти вся толпа побѣжала вслѣдъ за Ними съ крикомъ ура! и только, по мѣрѣ ихъ удаленія, отставала и расходилась къ своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ, вѣтеръ не утихалъ; напротивъ, казалось, усиливался, а потому, предполагаемые въ лагерѣ парадный обѣдъ и фейерверкъ не состоялись; написанные мною строфы должны были бы тоже кануть въ Лету, но я ихъ сохранилъ въ память посѣщенія Императоромъ отряда во время военныхъ дѣйствій на непріятельскихъ берегахъ Чернаго моря. Вечеромъ въ этотъ день Императоръ занимался дѣлами и никуда не выходилъ. Въ словесномъ приказаніи объявлено было, что Его Императорское Величество завтрашняго числа оставляетъ отрядъ, отправляясь далѣе по береговой линіи, и чтобы войска, по отбѣздѣ Государя Императора, готовились къ возвращенію на зимнія квартиры; раненыхъ, больныхъ и всѣ излишнія вещи отправляли бы моремъ въ Тамань. Выступленіе назначено 25-го числа.

Въ этотъ же вечеръ разнесся слухъ и пошли толки, будто бы Его Величество думаетъ измѣнить планъ нашихъ экспедицій въ горахъ, съ цѣлью прежде всего окончательно занять сѣверо-восточныя берега моря, для скорѣйшаго прекращенія торговаго невольничества и подвоза контрабандистами соли, кремней и пороха; что, поэтому случаю, велѣлъ генералу Вельяминову закончить экспедицію и самому поспѣшить приѣздомъ въ Ставрополь, гдѣ Его Величество желалъ лично рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ генералъ Вельяминовъ настойчиво защищалъ свой проектъ покоренія Черкесіи, составленный имъ въ 1834 году. Извѣстно, что главная мысль проекта состояла въ томъ, чтобы, усиливъ при берегахъ крейсерство, занимать постепенно сухимъ путемъ примыкающія къ

морю ущелья—обыкновенные пріюты турецкихъ и горскихъ контрабандистовъ и мѣста ихъ торга плѣнными; устроить тамъ укрѣпленія, въ окрестности отъ нихъ на 25-ть верстъ, уничтоживъ всѣ аулы. Но первоначально отдѣлить всю дельту между лѣвымъ берегомъ Кубани и сѣверо-восточнымъ берегомъ Чернаго моря большою операціонною линіею укрѣпленій съ сильными гарнизонами, дабы можно было постоянно, несмиряющимся ауламъ, угрожать набѣгами изъ за Кубани посредствомъ летучихъ отрядовъ, могущихъ, при нуждѣ, найти въ этихъ укрѣпленіяхъ необходимыя пособія; самыя же укрѣпленія снабдить въ достаточномъ количествѣ запасами провіанта и всѣми предметами военныхъ потребностей; при томъ, соединить ихъ между собою удобными дорогами для движенія транспортовъ и артилеріи, а равно для возможности, во всякое время года, въ случаѣ нападенія горцевъ на занятые прибрежные пункты, послать туда своевременно секурсъ или, въ крайности доставить гарнизонамъ возможность, уничтоживъ форты, отступить къ главнымъ укрѣпленіямъ. Часть этихъ предположеній, какъ мы видѣли, была уже исполнена въ предшествовавшія экспедиціи.

22-го сентября, часовъ въ 7-мъ утра, сдѣлалось по лагерю извѣстнымъ, что Его Величество, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ, чрезъ часъ оставляетъ Геленджикъ, что Царь, по пути, посѣтивъ береговыя укрѣпленія, высадится на беретъ въ Редуть-кале и отправится чрезъ Грузію въ Ставрополь; а Великій Князь Цесаревичъ—прямо въ Крымъ. При этомъ извѣстіи всѣ, кто могъ, отправились—одни въ крѣпость, другіе къ берегу моря, дабы видѣть отъѣздъ высокихъ Посѣтителей отряда.

Часу въ 10-мъ, Его Величество, привѣтливо простясь съ начальникомъ отряда, откланявшись окружающимъ Его на берегу, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, вошелъ въ лодку азовскихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ командою: „весла на воду!“ взвилась ракета, начались пушечныя выстрѣлы и, какъ въ крѣпости, такъ и въ отрядѣ, загремѣло ура! продолжавшееся до скрытія парохода отъ на-

шихъ глазъ. Въ этотъ самый день, вечеромъ, я былъ въ штабѣ отряда и имѣлъ случай достать, отданный 21-го сентября, Высочайшій приказъ, съ условіемъ никому о немъ не говорить до возвращенія въ Черноморію,—что и было мною строго исполнено. Этимъ приказомъ назначался начальникомъ 1-го отдѣленія черноморской прибрежной линіи состоящій по кавалеріи генераль-лейтенантъ Раевскій, съ подчиненіемъ ему укрѣпленій по всему берегу до укр. Гагръ и тѣхъ, которыя будутъ возведены на семь пространствъ, и всѣхъ линейныхъ баталіоновъ и другихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ расположенныхъ; ему же повелѣно подчинить завѣдывающаго геленджикскимъ отрядомъ военныхъ судовъ, крейсирующихъ вдоль черноморскаго берега, по всѣмъ предметамъ, не относящимся до морской искусственной части. Эта Высочайшая воля доказывала, что мысль генерала Вельяминава объ усиленіи крейсерства—принята, и порядокъ постройки укрѣпленій не измѣнится. Въ это же время я узналъ о производствѣ меня, за экспедицію 1836 года, по Высочайшему повелѣнію, въ унтеръ-офицеры, о чемъ состоялся приказъ по корпусу еще 11-го мая, но въ полку у насъ полученъ не былъ. Этимъ же приказомъ и за ту же экспедицію произведены въ прапорщики изъ разжалованныхъ Н. П. Колубакинъ и Цебриковъ(*). Подъ вліяніемъ этихъ пріятныхъ впечатлѣній, особенно ласковой внимательности ко мнѣ начальства, и добродушнаго обращенія Императора съ войсками, я описалъ пріѣздъ Его Величества въ стихахъ—

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ отряда подь крѣпостію Геленджикомъ.

Средь скаль каменистыхъ шумить аквилонъ,

(*) Декабристъ, разжалованный изъ поручиковъ, по XI разряду приговора Верховнаго уголовного суда въ 1826 году.

Въ ущельяхъ, въ долинахъ бушуетъ;
То борется съ черными тучами онъ,
То бездны Эвксина (*) волнуетъ;
То дубы съ корнями, съ утесовъ горы,
Могучею силой свергаетъ;
То, бѣшеный, рветъ онъ дружины шатры,
И, вольный, средь стана гуляетъ.
Вдругъ, бурный, сильнѣе въ горахъ засвисталъ,
Покрывъ густой пылью вершины,
И бездны морскія сильнѣй всклокоталъ,
И черныя вспѣнилъ пучины...
И вотъ, среди рева бушующихъ водъ,
Несясь по стихіи глубокой,
Колесами волны пилить пароходъ
И рѣжетъ ихъ грудью высокой.
Дымъ черный струею валить изъ трубы,
Зміею свой слѣдъ оставляетъ;
Вѣтръ быстро свиваетъ дымъ черный въ столпы
И къ тучамъ ихъ въ высь подымаетъ.
Флагъ Царскій! орелъ съ нимъ надъ бездною паритъ,
Двуглавый съ порывнымъ играетъ;
Надъ нимъ золотая корона блеститъ
И славы лучами сіяетъ.
Вотъ бросили якорь—привѣтственный крикъ
Раздался, какъ въ полѣ сраженій,
И грянулъ перуномъ войны Геленджикъ,
Откликнулось эхо ущелій.

* * *

(*) Въ глубокой древности, Черное море называлось «понтъ Аксинскій», то есть, негостепріимный; впоследствии, греки, послѣ счастливыхъ по немъ плаваній, переименовали его въ понтъ Эвксинскій, то есть—гостепріимный.

Вотъ Императоръ нашъ боговѣнчанный,
При кликахъ воиновъ ступилъ на брегъ;
Его чело любовію сіяло,
Державный взоръ былъ радости исполненъ.
Полки въ строю; и вотъ нашъ Царь рядами
Идетъ; съ Нимъ Сынъ Его—надежда Россіи...
Шумъ волнъ морскихъ и буйный вѣтра свистъ,
Крикъ воиновъ, гармонія музыки,
Слилось въ одно: да здравствуетъ Великій!...
Прошелъ поля; собравъ къ себѣ героевъ,
И съ ними Онъ бесѣдовалъ вѣнчанный.
О сколько чувствъ въ груди тогда тѣснилось,
Какой любовію сердца пылали!
Нашъ Царь-отецъ такъ близокъ къ намъ, межъ нами;
Какъ ласковъ Царь, и какъ привѣтливъ Онъ!
Вѣтръ бурный, просвисти между скалами,
Пропой ты пѣснь хвалы Царю Россіи:
Онъ первый изъ царей съ береговъ Эвксина
Впервые свой державный бросилъ взоръ
На эти дикія громады горъ.
Великій Петръ былъ на берегахъ каспійскихъ (*),
И громъ побѣдъ его тамъ грохоталъ:
А здѣсь, у этихъ мрачныхъ, дикихъ скалъ,
Намъ суждено здѣсь встрѣтить Николая.
Развей же, вѣтръ, нашъ крикъ среди Кавказа,
Пусть знаютъ горды славу Вѣнценосца,
Узнаютъ пусть къ Царю любовь дружины.

* * *

(*) Петръ Великій, во время похода своего въ Персію, въ 1719 году, и при покореніи Дербента въ 1722 году, посѣщалъ кавказскіе берега Каспійскаго моря.

Вотъ къ сынамъ—друзьямъ сраженья,
Бросилъ Царь прощальный взоръ,—
И полковъ благословенья
Раздались въ ущельяхъ горь...
Вотъ Царя ужъ провожаютъ
Отъ абхазскихъ береговъ;
Вотъ и волны разсѣваютъ
Весла дружныхъ казаковъ.
Подъ колесами машины
Понтъ Эвксина закипѣлъ,
И прощальный гласъ дружины
По долину загремѣлъ.
И сильнѣе вспѣнивъ воду,
Вѣтеръ сѣвера завылъ,
И по безднамъ пароходу
Путь волнистый посребрилъ.

Сентября 25-го, выступивъ изъ лагеря, мы направились къ укрѣпленію Кабардинскому; оттуда, по устроенной уже дорогѣ чрезъ хребетъ Нако, къ Абину; и затѣмъ, перейдя плотины на аушескихъ и лагофишскихъ болотахъ, прибыли къ Ольгинскому тетьде-пону 29-го числа. Въ теченіи этихъ пяти дней ничего замѣчательнаго не случилось: перестрѣлки были ничтожны и потери почти не было. На другой день, переправясь на правый берегъ Кубани, пошли на зимнія квартиры. Нашъ 2-й баталіонъ назначенъ былъ въ станицу Темрюкскую (*). Командиръ баталіона подполков-

(*) Въ этотъ годъ, по всей Черноморіи, курени и селенія приказано было именовать станицами, и званіе куреннаго атамана замѣнено званіемъ станичнаго атамана.

никъ Быковъ отозванъ былъ въ Ставрополь, а на его мѣсто назначенъ былъ командовать баталіономъ маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Львовъ. На зимнихъ квартирахъ мы проводили время, какъ всегда и вездѣ на Кавказѣ, то есть, жили весело да готовились къ экспедиціи на слѣдующій годъ. Въ предшествовавшіе два года бывали на линіи тревоги, но въ этотъ годъ въ нашемъ участкѣ кордонной линіи не было ни одного военнаго событія; а только одинъ разъ, безъ всякаго разрѣшенія, командующій баталіономъ, по соглашенію съ атаманомъ станицы, есауломъ Пуленцомъ, сдѣлалъ на черноморскихъ каюкахъ, съ охотниками изъ казаковъ и солдатъ, экспедицію за Кубань, и въ тотъ же день воротился, нарубивъ тамъ достаточно строеваго и дровянаго лѣса; дѣло кончилось благополучно, и хотя, при отступленіи, завязалась перестрѣлка, но воротились безъ потери. Недѣли чрезъ двѣ, объ этомъ набѣгѣ на непріятельскій лѣсъ узналъ наказный атаманъ генераль-маіоръ Заводовскій, и маіоръ Львовъ, за этотъ подвигъ, получилъ отъ командующаго нашею 20-ю пѣхотною дивизіею, генераль-маіора Фезе, строгій выговоръ.

Тутъ вскорѣ мы получили изъ Тамани извѣстіе, что раненый генераль Штейбе прибылъ тѣда на пароходѣ 3-го октября и на пристани былъ встрѣченъ своею супругою; а на другой день на рукахъ ея окончили дни—къ сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ его. Чтобы почтить память этого, поистинѣ добрейшаго, генерала и показать картину схватокъ нашихъ съ черкесами на горахъ, которыя происходятъ всегда на одинъ ладъ, я, по тому же примѣру, какъ изобразилъ картину нападеній горцевъ на равнинахъ (1836 года) написалъ стихотвореніе—

Двѣнадцатое іюля на высотахъ Суемчиватль въ урочищѣ Самсутъ.

Покою чистый сводъ Создателя державы,

И солнце весело глядитъ на гребень горъ;
Среди жъ кавказскихъ скалъ, въ вертепѣ вѣчныхъ ссоръ,
 Даютъ герои пиръ кровавый.
 Ни тучъ, ни облачка среди небесъ,—
 А на землѣ война пылаеть,
И дымъ пороховой окуриваетъ лѣсъ,
И человѣка кровь сухой песокъ питаетъ.

.

Гдѣ дикія скалы
Стали грядой,
Воютъ шакалы
Въ сумракъ ночной;
Гдѣ въ часъ бездѣлій
Точить булатъ
Житель ущелій,
Горныхъ громадь;
Тамъ, гдѣ нашъ плѣнный
Въ рабствѣ скорбѣль,
И въ саклѣ бѣдной,
Цѣпью гремѣль;
Гдѣ онъ горами
Стадо водилъ—
Тамъ, съ знаменами,
Русскій штыками
Путь проложилъ.

И вотъ, какъ лѣстница живая, къ облакамъ,
Туда, гдѣ бурь органъ подъ тучами играетъ,
Извившися змѣю по скаламъ,
Штыками свѣтлыми сверкаетъ
И тянется по кручѣ цѣпь стрѣлковъ;
И съ ними вождь. Ряды готовыхъ къ бою,
Безстрашный, онъ, извиистой тропою

Ведеть; а тамъ, толпа враговъ,
Какъ стая черная орловъ,
Съ винтовками уѣлась за кустами.
Идемъ...Вдругъ, залпъ и дымъ, и блескъ;—
Градъ пуль и свистъ, и крикъ, и трескъ,
И шапки встрѣчены штыками...
Хвала, нашъ Штейбе—вождь-герой!
Гдѣ дымъ, какъ туча, легъ на дикія вершины,
Онъ съ рогою передовой
Ужъ сталь, бросая взоръ орлиный
На битву вѣренной ему дружины...
Ему знакомъ военной жизни путь;
Онъ веселъ, вртокъ, тихъ; погибель презирая,
Стоить...Вдругъ пуля роковая
Прошла воинственную грудь..

* * *

Падаль вождь, облитый кровью,
На истоптанный песокъ,
И, исполненный любовью,
Поддержалъ его стрѣлокъ;
Жаль стрѣлку бѣдняжкѣ стало
Своего вождя-отца,
И слезинка засіяла
На чертахъ его лица;
Онъ вдохнулъ, да головою,
Усь крутя свой, покачалъ;
Кровь съ штыка отеръ травкою,
Молвя: добрый генераль!...
Распахнули плащъ широкій

На два свѣтлыя ружья,
Понесли съ горы высокой
Полумертваго вождя.
За его въ сраженьи долю
Мы отмстили во сто разъ;
Если бъ только дали волю—
Въ море сдвинули бъ Кавказъ...
И надежда насъ ласкала,
Мысль пріятная была:
Не на вѣкъ намъ генерала
Пчелка-пуля отняла.

* * *

Но нѣтъ, судьба ему, въ награду
За добродѣтели, дала одну отраду:
Что бъ могъ еще Царя-отца узрѣть
Въ минуты смерти неизбежной,
И на рукахъ супруги нѣжной
Въ родной Россіи умереть.
Ты прахъ! но войны молиться долго будутъ:
Достоинъ ты молитвъ по сердцу и уму;
Тебя въ сраженьяхъ долго не забудутъ.
Почій! миръ праху твоему.

Командующій баталіономъ былъ человѣкъ образованный, хороший музыкантъ на скрипкѣ, большой любитель охоты на звѣря и птицу, и, не смотря на то, что былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо, стрѣлялъ превосходно; былъ большой хозяинъ и весьма гостеприименъ; но жестокъ былъ съ нижними чинами. Онъ назначилъ у

себя музыкальные вечера, а по праву вдовца, иногда приглашалъ на эти вечера семейства штабъ и оберъ-офицеровъ войска черноморскаго. Въ такомъ случаѣ обыкновенно вечеръ заключался танцами, подъ скрипку хозяина съ ротными музыкантами: флейты, кларнета, самодѣлки-виолончеля и необходимой принадлежности ротнаго хора и оркестра—бубенъ, которые вполне оправдали на Кавказѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, поговорку о нихъ: „славны бубны за горами“. Послѣ ужина, часто восторгъ гостей доходилъ до малороссійскаго „журавля“ и русскаго „трепака“, а подчасъ и до „лезгинки“. При такой обстановкѣ нашего зимняго бытія, мы встрѣтили, разумѣется, очень весело новый 1838 годъ.

1838 ГОДЪ.

VII.

Слухи объ опасности, угрожавшей жизни Государа Императора при выѣздѣ изъ Тифлиса. Царскія милости и награды. Вступленіе генераль-лейтенанта Головина въ командованіе корпусомъ. Историческій взглядъ на станицу Темрюкскую. Кончина генерала Вельяминова. Прибытіе эскадры къ керченскому проливу для принятія десантныхъ войскъ. Плаваніе эскадры съ отрядомъ. Высадка войскъ на Туапсе. Дѣло при движеніи по ущелью. Возведеніе форта Вельяминовскаго. Крушеніе судовъ на рейдѣ Туапсе. Извѣстія о нападеніи горцевъ на наши укрѣпленія, породившія патриотическіе толки между офицерами и нижними чинами. Взглядъ на эти событія морскихъ офицеровъ. Результатъ этихъ толковъ. Прибытіе корпуснаго командира въ лагерь. Снятіе лагеря и отступленіе цѣней. Амбаркація отряда. Плаваніе отъ Туапсе къ Шапсухо.

Въ половинѣ января этого года, чрезъ проѣзжающихъ изъ Ставрополя и по письмамъ изъ Закавказья, дошли до насъ слухи

о непріятныхъ событіяхъ при корпусной квартирѣ въ проѣздѣ Государя Императора чрезъ Тифлисъ; объ отозваніи барона Розена и назначеніи на мѣсто его генераль-лейтенанта Головина. Это послѣднее извѣстіе вскорѣ подтвердилось приказомъ по корпусу, отъ 17-го декабря 1837 года, № 110. Рассказывали также, что при выѣздѣ Его Величества изъ Тифлиса, при спускѣ съ горы, экипажъ понесли лошади, и жизни Государя Императора угрожала явная опасность; но будто бы одинъ изъ бывшихъ въ конвоѣ линейныхъ казаковъ, обскакавъ экипажъ, выстрѣлилъ подручной выносной лошади въ ухо,—та упала, запуталась въ постромахъ и тѣмъ остановила экипажъ. По приѣздѣ въ Ставрополь, Его Величество чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, особенно же страдалъ зубною болью; но, не смотря на эти непріятности, Онъ не забылъ трудовъ и отличій кавказскихъ войскъ: почти съ каждымъ приказомъ мы начитывали новыя царскія милости или награды. Такъ на примѣръ, послѣдовала Высочайшая воля: тѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, сосланныхъ за возмущеніе въ 1821 году на Кавказъ безъ выслуги, которые къ 1-му января 1837 года прослужили 25 лѣтъ, уволить въ отставку; на томъ же основаніи уволить отъ службы нижнихъ чиновъ, сосланныхъ въ кавказскій корпусъ за событія 1825 года, случившіяся по смерти Императора Александра Благословеннаго, полковъ: лейбъ-гвардіи гренадерскаго, 8-й пѣхотной дивизіи—пензенскаго, саратовскаго, троїцкаго, тамбовскаго, одесскаго; бывшихъ вятскаго и черниговскаго; 15-го и 16-го егерскихъ. Такая же милость послѣдовала объ увольненіи въ отставку нижнихъ чиновъ бывшей польской арміи, прослужившихъ къ тому времени (1-го января 1837 года) пятнадцать лѣтъ. Тутъ, вскорѣ по отъѣздѣ Государя Императора изъ Ставрополя, узнали мы о назначеніи начальникомъ главнаго штаба полковника Коцебу 2-го, на мѣсто генераль-маіора Вальховскаго. Прошли слухи о болѣзни командующаго войсками генерала Вельямина; о Высочайшей волѣ зани-

мать берега Чернаго моря десантами и о назначеніи для этого отъ черноморскаго флота эскадры, подъ начальствомъ вице-адмирала Лазарева. Сколько первое извѣстіе насъ огорчило, столько же второе, какъ новинка для нашихъ войскъ, насъ обрадовало. Въ февралѣ мнѣ случилось побывать въ г. Тамани и въ крѣпости Фангоріи; тамъ я видѣлъ начавшіяся приготовленія къ экспедиціи моремъ, и, между прочимъ, устроенную въ одномъ сараѣ, въ крѣпости, весьма несложную гидравлическую сѣносжимательную машину, посредствомъ которой отъ 20-ти до 40 пудовъ сѣна сжималось въ правильные вьюки, имѣющіе видъ параллелепипедовъ, длиною отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ, высокою и шириною отъ 1½ до 2-хъ аршинъ. Въ концѣ марта, мы узнали о прибытіи въ Тифлисъ новаго корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Головина 1-го, а вскорѣ затѣмъ, получили приказъ, отданный по корпусу 19-го марта, слѣдующаго содержанія:

„Храбрые воины кавказскаго корпуса! Государю Императору благоугодно было ввѣрить мнѣ начальство надъ вами; мнѣ предстоитъ оправдать такое высокое назначеніе съ помощію Божіею и съ вашимъ, храбрые товарищи, содѣйствіемъ.

Прежде всего, да вознесутся молитвы наши ко престолу Всевышняго за Государя, Который, среди заботъ о благѣ обширнѣйшаго въ свѣтѣ царства, скипетру Его подвластнаго, царства, въ предѣлахъ коего солнце не закатывается, нашель время быть и у васъ, за Кавказомъ. Онъ переплыль бурныя пучины морскія, перешель свѣжныя вершины горъ, дабы узнать ваши нужды и оцѣнить вашу вѣрную службу. Да поможетъ намъ Богъ исполнить великія Его предначначенія и пламеннымъ усердіемъ явить на дѣлѣ всю нашу вѣрнопоподаннѣйшую къ Нему преданность.

Слава, приобрѣтенная вами, храбрые воины, не умоленеть; отголосокъ ея отзывается въ сердцѣ каждаго русскаго. Вы всегда были оплотомъ Россіи противу враждебныхъ замысловъ азіатскихъ народовъ; вы стяжали безсмертіе подъ знаменами великаго вождя, ко-

торый съ вами достигнулъ береговъ Ефрата, потрясъ въ основаніяхъ древнее могущество востока, наказаль вѣроломство у подошвы священнаго Арарата и на берегахъ Вислы, разрушивъ крѣпости запада, соединилъ въ своемъ имени Эриванъ съ Варшавою! Какъ русскій, я не могу скрыть чувствъ, возбуждаемыхъ во мнѣ такими великими воспоминаніями; не могу не радоваться, что призванъ начальствовать вами и пецись о вашемъ благосостояніи.

Сотрудники мои, гг. генералы! въ вашей опытности я ищу содѣйствія, дабы исполнить волю великаго нашего Государя и оправдать Его высокое довѣріе.

Гг. начальники полковъ, баталіоновъ и частей! вы видѣли личную заботу неутомимаго Монарха о благѣ вѣренныхъ вамъ войскъ; я остаюсь увѣреннымъ, что вы, сохраняя устройство въ вашихъ частяхъ, и строго соблюдая всѣ правила воинской дисциплины, съ отеческою заботливостію будете пецись о томъ, чтобы храбрые воины кавказскаго корпуса вполне пользовались всѣми выгодами, Вы сочайше имъ предоставленными.

Звуки оружія, къ сожалѣнію, еще не умолкли въ ущельяхъ кавказскихъ, не всѣ еще дикія племена горскія постигли благія намѣренія Монарха, и потому, карая вѣроломныхъ, намъ предстоитъ подвигъ важнѣйшій, человѣколюбіемъ Его начертанный: вселить имъ довѣріе и водворить между ними спокойствіе, мѣрами кротости и правосудія.

Воины кавказскаго корпуса! сорокъ лѣтъ жизни моей я провелъ въ рядахъ храброй русской арміи, съ отцами вашими и со многими изъ васъ раздѣлялъ я труды и славу на поприщѣ военномъ; да будетъ это залогомъ, что и здѣсь, съ вами, всѣ помышленія и дѣйствія мои будутъ имѣть цѣлью вашу славу и ваше благосостояніе, нераздѣльныя съ пользою и славою нашего великаго Государя и отечества“.

Станица Темрюкская когда-то была городомъ, также, какъ и Тамань, удержавшая до настоящаго времени это наименованіе, хо-

тя во многомъ, по виду, комерціи и населенію, уступаетъ Темрюку. Сдѣлавъ справку объ этой мѣстности по географическому словарю, я былъ пораженъ тѣми измѣненіями, какія могли произойти въ теченіи какихъ нибудь 20-ти лѣтъ, то есть, послѣ вѣнскаго конгресса. Что Темрюкъ на островѣ—это ясно, но никакъ не на Азовскомъ морѣ, а слѣдовательно и не противъ Керчи, противъ которой, чрезъ Керченскій проливъ (Еникале) лежитъ г. Тамань, а верстахъ въ двухъ отъ нея—упраздненная крѣпость Фанагорія, въ которой остался одинъ только военный госпиталь, довольно хорошо и удобно расположенный—въ старыхъ, но еще очень прочныхъ каменныхъ зданіяхъ, да нѣсколько казарменныхъ построекъ; но никакого порта въ Темрюкѣ не существуетъ. Тамань—не островъ на Черномъ морѣ, да еще при Керченскомъ проливѣ. Мѣстность, или лучше, острова, образуемые рукавами Кубани, извѣстны подъ общимъ именемъ „Тамана“, въ древности „Фанагорія“, потомъ „Матрига“ и „Таматарха“,—изъ чего россияне сдѣлали „Тмутаракань“. У Клапрота—„Tamatarcka“. Относительно вулканическаго изверженія тамъ пламени въ 1794 году, я спрашивалъ нѣсколько стариковъ черноморцевъ, участвовавшихъ въ десантѣ 1791 года, при занятіи Тмутаракани, но ни одинъ не подтвердилъ этого случая, а рассказывали, что есть въ окрестности Темрюка возвышенности съ правильными на нихъ курганами, имѣющими отверстія, изъ которыхъ вырывается теплая грязь, разливающаяся по окрестности. По указанію казаковъ, я, съ товарищами, посѣтилъ одинъ такой курганъ. Онъ находится верстахъ въ пяти отъ Темрюка, къ сторонѣ г. Тамани, вправо отъ почтовой дороги къ станціи Пересыпной. По совѣту казаковъ, мы брали съ собою большую пустую закупоренную бутылку и бросали ее съ размаха, горлышкомъ внизъ, въ отверстіе сопки, и каждый разъ бутылка, не болѣе какъ чрезъ двѣ минуты, быстро вылетала изъ сопки, подымаясь на поларшина отъ отверстія. Послѣ этого, мы почти каждый разъ, походомъ, по пути мимо этого мѣста, повторя-

ли такіе опыты. Я уже сказалъ, что Фанагорія—крѣпость, а слѣдовательно, не могла быть расположена *около* озера. Дѣйствительно, верстахъ въ семи, есть небольшое озеро, изъ котораго черноморцы добываютъ соль. Можетъ быть, въ древности, Фанагорія и была расположена около озера, но ужь никакъ не во время вѣнскаго конгреса.

Въ первыхъ числахъ апрѣля дошла до насъ печальная вѣсть о кончинѣ Алексѣя Александровича Вельяминова, а въ концѣ этого мѣсяца, мы прочитали слѣдующій (№ 8 п. 4) приказъ по корпусу: „Служившій здѣсь двадцать лѣтъ съ такимъ отличіемъ, и потомъ—семь лѣтъ столь достопамятно командовалъ войсками на вавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-лейтенантъ Вельяминовъ 2-й, послѣ продолжительной болѣзни, 27-го числа марта, волею Божіею кончилъ полезную свою, для службы Государю Императору, жизнь. Съ душевнымъ прискорбіемъ объявляя о семъ по войскамъ Высочайше вѣреннаго мнѣ корпуса, предписываю командирующему 1-мъ участкомъ прибрежной черноморской линіи, генераль-маіору Раевскому, впредь до Высочайшаго повелѣнія, вступить въ командованіе оными войсками“.

Послѣ этого приказа, вопросъ о занятіи пунктовъ на сѣверо-восточномъ берегу моря десантами, былъ рѣшенъ окончательно; а 5-го мая, весь отрядъ, предназначенный для этой экспедиціи, былъ уже собранъ и расположился лагеремъ на берегу моря, между Таманью и Бугасомъ, на мѣстахъ удобныхъ для амбаркаціи войскъ. Тутъ вскорѣ прибыла эскадра, состоящая изъ кораблей: *Султанъ-Махмутъ*, *Память Евстафія*, *Симистрія*, *Адрианополь*, *Θемистокль*, *Императрица Екатерина*; фрегатомъ: *Аютополь*, *Браилловъ* и *Штандартъ*. Къ этому времени явились въ нашъ отрядъ, для участія въ экспедиціи, нѣсколько декабристовъ, возвращенныхъ изъ числа сосланныхъ въ Сибирь. Къ намъ, въ тенгинскій полкъ, поступили: Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, Николай Ивановичъ Лореръ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, Александръ Ивановичъ Одоевъ

скій и Владимір Васильевичъ Лихаревъ(*)).

Съ окончаніемъ нагрузки военныхъ припасовъ, продовольствія, артилеріи и лошадей, 7-го мая, къ вечеру, всѣ войска посажены были на суда; амбаркація началась и совершилась при благопріятной и тихой погодѣ. Нашъ 2-й баталіонъ посаженъ былъ на сорока-четырехпушечный корабль „Память Евстафія“; я скоро познакомился съ нѣкоторыми молодыми флотскими офицерами и гардемаринами; по приглашенію послѣднихъ, занялъ мѣсто въ одной съ ними каютѣ, на кубрикѣ, то есть, въ подводной части корабля, въ первомъ снизу жиломъ помѣщеніи; свѣтъ туда проходилъ сверху, а свѣжій воздухъ доставлялся посредствомъ паруснаго вентилятора, опущеннаго чрезъ люкъ съ палубы. Впрочемъ, нѣкоторое неудобство этого помѣщенія не замѣчалось, такъ какъ оно служило почти единственно для сна, а прочее время мы проводили на палубѣ, въ каютъ-компаніи и въ другихъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Рано утромъ, эскадра снялась съ якоря и стала подъ паруса. Я съ большимъ удовольствіемъ любовался морскими эволюціями. Вѣтра, казалось, вовсе не было, а паруса были натянуты; по сигналамъ съ адмиральскаго корабля „Императрица Екатерина“ эскадра маневрировала съ замѣчательною ловкостью. Во время плаванія нижніе чины отряда продовольствовались вмѣстѣ съ матросами, офицеры отряда имѣли общій столъ съ офицерами экипажа; къ этому столу приглашались всѣ юнвера и разжалованные. Для обѣда и для ужина столъ наврывали въ каютъ-компаніи, сряду три раза; сажались за столъ безъ очереди, и гдѣ кто хотѣлъ; разумѣется, при

(*) Изъ нихъ, до ссылки, были: Нарышкинъ — полковникомъ, Лореръ — майоромъ вятскаго полка, Одоевскій, бывшій князь — корнетомъ; всѣ трое, по приговору Верховнаго уголовного суда (1826 г.) причислены были къ IV разряду виновныхъ и сосланы въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а потомъ — на поселеніе; Черкасовъ, бывшій баронъ — поручикомъ, Лихаревъ — подпоручикомъ, оба были сосланы въ каторжныя работы на четыре года, затѣмъ — на поселеніе.

Авт.

этомъ каждый избираетъ приличное ему мѣсто, по пословицѣ: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“; я же, чтобы не сдѣлать въ этомъ отношеніи ошибки, всегда старался садиться послѣднимъ, гдѣ оставался нигѣмъ незанятый стулъ. Это выжиданіе часто вызывало приглашеніе—сѣсть по указанію когонибудь изъ имѣющихъ право голоса, степень котораго соразмѣрялась съ числомъ назначенныхъ лицу порцій, какъ и при всякомъ у насъ денежномъ доволствіи, то есть, по чину и рангу; чрезъ это я не могъ сдѣлаться ни для кого непріятнымъ сосѣдомъ, или гостемъ „хуже татарина“. Общество же разжалованныхъ, въ нашемъ отрядѣ, было чрезвычайно разнообразно: тутъ можно было найти всякія личности, начиная отъ польскаго ксендза, русскаго священника, студента, чиновника, офицера, до высшей аристократіи бароновъ, графовъ и князей; причины же деградации (*) всѣхъ этихъ лицъ были еще разнѣобразнѣе; ими были: начиная отъ самаго низкаго, гнуснаго порока или преступленія—до самыхъ возвышенныхъ, но, по закону государственному, преступныхъ понятій о чести, челоуѣколюбіи, самоотверженіи, о правахъ челоуѣка и т. д. Законъ книжный все это выровнялъ и, заклеивъ званіемъ солдата, долженствовавшимъ бы, кажется, быть почтеннымъ для всѣхъ, насъ поставилъ на одну доску. Но законъ нравственный, незримый, сильнѣе видимой буквы закона; его хранилище—не зеркало присутствія, а сердце челоуѣка; этотъ-то законъ и установилъ въ челоуѣческихъ обществахъ произвольную дисциплину, такъ сказать, невольное подчиненіе и уваженіе уму, образованію и душевнымъ достоинствамъ.

Ночью, съ 11-го на 12-е число мая, мы приближались къ мѣсту высадки и потому, плыли довольно близко береговъ; ночь была великолѣпная—темная, но звѣздная. Я стоялъ на палубѣ, опершись на бортъ корабля; въ карманѣ были у меня два запечатанные письма: одно въ Петербургъ, къ матери, другое—въ Москву, къ

(*) Пониженія.

замужней сестрѣ моей М. О-й; на адресахъ надпись карандашемъ: „въ случаѣ моей смерти, прошу отправить по принадлежности“.

По всему протяженію видимаго берега горцы развели огни, и можно было разсмотрѣть, особенно чрезъ зрительную трубу, какъ толпы ихъ переходили отъ костра къ костру; ясно, что сборъ ихъ былъ многочисленъ. Вѣтеръ былъ тихій, сѣверный; къ утру почти стихъ. На кораблѣ у насъ (конечно, и на другихъ судахъ) сдѣланъ былъ расчетъ: на какомъ баркасѣ, въ какомъ числѣ, какой роты и съ кѣмъ изъ офицеровъ должны находиться стрѣлки; съ первымъ рейсомъ, въ передовыхъ баркасахъ должны были плыть единственно стрѣлковыя цѣпи съ резервами; за ними—роты и горная артилерія; всѣ разжалованные, по обыкновенію, и, конечно, по собственному желанію, назначены были въ передовую цѣпь; къ намъ присоединилось нѣсколько охотниковъ изъ моряковъ. Изъ словеснаго приказанія мы узнали, что первымъ рейсомъ всего десанта будетъ командовать самъ начальникъ отряда, генераль Раевскій; авангардною цѣпью—полковникъ тенгинскаго полка Егоръ Егоровичъ фонъ-Бринкъ; правую цѣпь—полковникъ М. П. Полтининъ; лѣвою—полковникъ М. М. Ольшевскій. Войска назначены были: въ авангардъ—нашъ баталіонъ, съ другимъ баталіономъ навагинцевъ; въ лѣвую цѣпь—два баталіона тенгинскаго полка и въ правую—два баталіона навагинскаго. Боковыя цѣпи, сейчасъ по высадкѣ, должны были занять ближайшія къ ущелью высоты; съ правой стороны такія высоты лежали за рѣчкую Туапсе, впадающею въ море.

Въ половинѣ пятаго начало свѣтать, и едва солнце позолотило вершины горъ—военные пароходы „Язонъ“ и „Колхида“ начали брать корабли на буксиръ и вводить въ боевую линію. Каждый корабль, войдя въ линію, бросалъ якорь и немедленно спускалъ гребныя суда, на которыя сейчасъ же садились войска перваго рейса; эта гребная флотилія отчасти была вооружена каронадами и, принявъ войска, держалась на веслахъ около кораблей. Когда всѣ вой-

ска были уже посажены на баркасы—подавъ былъ сигналъ „начать бой“. Въ тотъ же моментъ, почти одновременно, со всѣхъ судовъ эскадры послѣдовалъ залпъ за залпомъ, и началась канонада; въ ущельи и на боковыхъ горахъ поднялась пыль столбомъ. Гребная флотилія двинулась; мы ныли подъ выстрѣлами, и надъ нашими головами завывали ядра громаднаго калибра; впереди всѣхъ быстро неслась небольшая шлюпка, на которой стоялъ начальникъ отряда съ адъютантами и строевымъ штабомъ. Николай Николаевичъ Раевскій, стройный, высокаго роста генераль; въ чертахъ лица, въ движеніи, словомъ—во всей его позѣ, видно было большое развитіе физическихъ силъ; онъ имѣлъ небольшіе усы, носилъ очки; на видъ ему было не болѣе 35 лѣтъ. Когда мы были отъ берега на половину ружейнаго выстрѣла, канонада вдругъ прекратилась, и на корабляхъ грянудо „ура!“ Мы оглянулись,—марсовыя были по вантамъ; у насъ тоже подхватили „ура!“ и гребныя суда открыли по прибрежью картечный огонь изъ каронадъ. Гребцы налегли на весла; шлюпка генерала, такъ сказать, вынеслась на берегъ; наши же баркасы врѣзывались въ песокъ; мы быстро изъ нихъ выскакивали и, по колѣно въ водѣ, выходили на берегъ; тамъ строились по указанію, и, чрезъ какія нибудь пять минутъ, всѣ три цѣпи, съ барабаннымъ боемъ, двинулись впередъ. Во все это время со стороны непріятеля не было ни одного выстрѣла. На самомъ берегу у горцевъ были вырыты шанцы, прикрытыя со стороны моря срубленными деревьями, которыя ядрами были раздроблены въ щепы, и, судя по оставшимся мѣстами кровавымъ слѣдамъ, эти ложементы были для нихъ болѣе гибелью, чѣмъ прикрытіемъ. Наша передовая цѣпь, почти одновременно съ боковыми, отойдя по щебню и кустарникамъ съ поперсты отъ берега, вошла въ лѣсъ. Тутъ изрѣдка начали посвистывать черкесскія пули. Въ лѣсу мы замѣтили страшное дѣйствіе морской артилеріи: громадныя, вѣковыя деревья были повалены; солдатики, подшучивая, говорили: спасибо матросскому генералу,—онъ распорядился, безъ рабочихъ и топоровъ, заготовить для насъ

засѣки. Между тѣмъ, перестрѣлка въ цѣпяхъ усиливалась; въ лѣвой цѣпи, на горѣ, гдѣ не успѣла еще наша цѣпь соединиться съ боковою,—мы услышали непріятельскій гикъ и наше „ура!“ значить—пошла рукопашная. Вскорѣ повторилось то же за рѣчкою. Нашей цѣпи проиграли сигналъ „стой!“, къ намъ подъѣхали два горныхъ единорога, которые, пустивъ съ десятокъ гранатъ въ толпы горцевъ, замѣченныхъ на прогалинахъ лѣса, предупредили видимое ихъ желаніе броситься на насъ въ пашки. Тѣмъ временемъ, за нашею цѣпью устраивались засѣки, а за ними—отрядъ разбивалъ лагерь. Въ 4 часа вечера нашу цѣпь смѣнили; я пришелъ въ палатку моего капитана, гдѣ узналъ, что начальникъ отряда, гору, занятую съ рукопашнаго боя въ лѣвой цѣпи, подъ командою полковника Ольшевскаго, приказалъ назвать „тенгинскою горою!“, а за чаемъ, при участіи пунша, до котораго мой добрый командиръ былъ большой охотникъ, шелъ разговоръ о событіяхъ дня. При чемъ, онъ предложилъ, на память этого славнаго для тенгинскихъ баталіоновъ дѣла, написать солдатскую пѣсню, и какъ самъ онъ имѣлъ довольно сильный и пріятный голосъ, часто принималъ на себя должность запѣвалы въ кружкѣ пѣсенниковъ, то тутъ же придумалъ голосъ для пѣсни, о которой я еще и не мечталъ,—именно, просилъ написать на голосъ всѣмъ извѣстной, написанной въ 1812 году Ѳ. Глинкою, пѣсни: „За долами, за горами, Бонапарте съ плясунами“...Я долго не заставилъ просить себя, и къ утру пѣсня была готова. Вотъ она:

Какъ по морж, по волнамъ,
Да бурливыми водами,
Корабли идутъ съ полками
Къ дикимъ берегамъ.

Къ Туапсе пришли они,
Чинно рядышкомъ всѣ стали;
Тамъ ихъ горцы ожидали,

Разложивъ огни.

Горцы ждутъ своихъ гостей,
А на нихъ-то наши пушки—
Черномазья старушки,
Смотрять съ кораблей.

Скучно бабамъ смирно жить...
Вотъ онѣ забормотали
И гостинчики поехали—
Горцевъ подарить.

Ихъ подарки ломаютъ лѣсъ,
Скачутъ съ визгомъ, безъ порядку;
А знать, съ радости, въ присядку
Заплясать черкесь.

Самъ матросскій генераль,
Изъ палатъ морскихъ чудесныхъ,
Грудой яблоковъ желѣзныхъ
Горцевъ угощаль.

Бросилъ горцамъ ядеръ тьму...
Храбрый Лазаревъ учтиво
Ихъ употчиваль надиво,—
Спасибо ему.

Принялъ насъ гребной нашъ флотъ,
Съ нами къ берегу пустился,
А черкесь-то изумился
И разинулъ ротъ.

Наши—чу! „ура“ кричатъ;
Всѣ матросы вторятъ съ нами,
И на вантахъ пауками
Молодцы висятъ.

Нашъ Раевскій храбръ и смѣль,
Льва сомнетъ за Русь святую;
На скалу куда крутую,
Соколомъ взлетѣль.

А за нимъ и мы сейчасъ...
Задрожали басурманы;
Генераль занялъ курганы
И построилъ насъ.

Не кричи: яманъ урусъ!
Не дразни, черкесь, колонну;
Зададимъ тебѣ трезвону,
Басурманскій трусь.

Вотъ и двинулся отрядъ;
Въ барабанъ у насъ забили;
Съ тульскихъ ружей мы пустили
Русскій виноградъ.

Гдѣ на скалахъ лѣсъ густой—
Тамъ Ольшевскій съ молодцами;
Онъ, съ тенгинскими стрѣлками,
Пиръ дастъ горой.

Спорить пашка, спорить штыкъ;—
Завязалъ бой рукопашный,
Вельяминова отважный
Чудо-ученикъ.

А тамъ, рѣчка гдѣ течетъ,
На черкеса, безъ пардону,
Навагинскую колонну
Полтининъ ведетъ.

Онъ не слышитъ (*) пулей свистъ,
Онъ привыкъ къ трудамъ и ранамъ,
Маршируетъ съ барабаномъ,
Храбръ и голосистъ.

Лишь сверкнулъ нашъ русскій штыкъ,
Чуть лишь пули засвистали—
Басурмане побѣжали,
Высуня языкъ.

И черкеса забралъ страхъ;
Онъ не радъ былъ этой дракѣ,
Растерялъ свои чевяки,
Потерялъ папахъ.

Съ нами нечего шутить;—
Штыкъ, братъ, данъ не для потѣхи,
А свинцовые орѣхи
Спробуй раскусить.

Мѣсто-жъ то, извольте знать,
Гдѣ прошелъ нашъ полкъ грозою,
Вождь, тенгинскою горою
Приказалъ назвать.

Вождь, иди путемъ побѣдъ,
Вѣе служи, Раевскій, съ нами;
Мы съ тобой, отецъ, штыками
Опробинемъ свѣтъ.

Пѣсня эта скоро разнеслась по отряду и попала на эскадру.
Мнѣ передавали, что генералъ Раевскій, прослушавъ куплеты,

(*) Полковникъ Полтининъ, отъ полученной, въ турецкую 1828 году войну, контузии въ голову, былъ глуховатъ и со всѣми говорилъ очень громко.

сказалъ: „отца моего воспѣлъ знаменитый Жуковскій,—вотъ и я нашель своего поэта въ Федоровѣ“. Такая шутка генерала надоумила меня написать объ этомъ же дѣлѣ такія лирическія строфы, которыя бы могли быть положены на музыку и выполнены пѣвчими, съ оркестромъ, въ родѣ извѣстныхъ строфъ „Защитника Петра града“... Мысль эту одобрили многіе изъ моихъ товарищей, и я написалъ тамъ-же, въ лагерѣ на Туапсе, другую пѣсню, которую положилъ на ноты бывший студентъ виленакаго университета—Юзефъ Пшигодскій.

Вѣтеръ полночи взревѣлъ надъ водами,
Флотъ нашъ шумить по волнамъ;—
Русскихъ дружина плыветъ кораблями
Къ грознымъ кавказскимъ брегамъ.

* * *

Ужъ тебѣ ли, житель горъ,
Силу мѣрить съ нами
И вести кровавый споръ
Съ сѣверными львами?
Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Грянулъ громъ русскій, знаемый со славой—
Дрогнулъ врагъ алчный средь скалъ;
Смерть по ущелью, тропюю кровавой,
Рыщеть, какъ хищный шакаль.

* * *

Прежде въ куполѣ небесъ
Солнце почернѣетъ,
Чѣмъ воинственный черкесъ
Русскихъ одолѣетъ.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Горы Кавказа нашъ крикъ повторяютъ;
Быстро плывемъ мы въ ладьяхъ;
Грани стальные надъ бездной сверкаютъ,
Врагъ насъ уже ждетъ на берегахъ.

* * *

Горцы, съ вами что за брань!
Что намъ смерть и раны!—
Знаетъ громъ нашъ Эривань,
Варна и Балканы.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Вожьдъ нашъ Раевскій, какъ громъ-истребитель,
Первый ступилъ на берега;
Русскихъ героевъ, нашъ грозный воитель
Двинулъ стѣной на врага.

* * *

Грудь черкеса-молодца,
Штыкъ не переломить;
Пулю русскаго свинца
Сердце не растопить.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

И вотъ, мы на брегъ ужъ взлетѣли орлами,
Сыплются пули, какъ градъ;
Грудью сошлись враги со врагами,
Штыкъ встрѣтилъ острый булатъ.

* * *

Горцы, что вашъ дикій крикъ!
Молвить безъ обиды,
Лишь сверкнетъ нашъ русскій штыкъ—
И бѣгутъ джигиты.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Вожь на горѣ, съ рядами дружины,
Твердой колонною стальъ.
Въ память побѣды, тѣ скалы, стремнины
Именемъ храбрыхъ назвалъ.

* * *

Други! грянемъ же ура!
Въ честь вождя-героя,
И тенгинская гора—
Нашъ свидѣтель боя.
Пусть въ грядущіе вѣка
Передастъ крутая
Славу русскаго полка
Царства Николая.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

Въ дѣлѣ при занятіи Туапсе, потеря съ нашей стороны, для кавказской войны, была довольно значительная—особенно, въ лѣвой цѣпи, гдѣ горцы нѣсколько разъ бросались въ пашеи. Такъ, въ числѣ убитыхъ изъ строя, получилъ тяжелую рану шашкою капитанъ Драчевскій и прострѣленъ въ грудь навывлетъ подпоручикъ Томилинъ (*). Сколько убито изъ всего отряда—не знаю; въ цѣпи же нашего баталіона убито: рядовыхъ 7; ранено: унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ 18. Такъ какъ корпусный командиръ въ это время, послѣ занятія, 13-го апрѣля, десантомъ ущеля при устьѣ р. Сочи и возведенія тамъ форта „Александрія“, переименованнаго въ укрѣпленіе „Навагинское“, оставался на прибрежной линіи, то, вскорѣ послѣ занятія Туапсе, въ отрядъ высланы были знаки отличія военнаго ордена св. Георгія—одному фельдфебелю, 11-ти унтеръ-офицерамъ и 34 рядовымъ. Баталіоны, занявъ позиціи на горахъ, оградилась засѣлками, за которыми, какъ обыкновенно, расположилась стрѣлковая цѣпь, а впереди, въ удобныхъ

(*) Оба они 1-го баталіона тенгинскаго полка.

мѣстахъ, при тропинкахъ, ведущихъ къ лагерю, по пробитіи зори, залегли, выслаемые въ темныя ночи, секреты, съ цѣлью предупрежденія неожиданныхъ ночныхъ нападеній горцевъ, которые, кромѣ того, часто маленькими партіями, а иногда и поодиночкѣ, какъ уже не разъ бывало, подрадывались къ засѣкамъ и стрѣляли на огонь въ палаткахъ и въ кружки около костровъ.

Штабъ начальника отряда расположился въ центрѣ позиціи, но ближе къ морю; такъ, что вновь возводимое укрѣпленіе разбили между авангардомъ, поставленнымъ фронтомъ къ ущелью, и палатками штаба. Съ перемѣною главнаго начальника экспедицій праваго фланга линіи, конечно, и штабъ его нѣсколько измѣнился: изъ бывшихъ при генералѣ Вельяминовѣ остались—полковникъ М. М. Ольшевскій, капитанъ генеральнаго штаба Григорій Ивановичъ Филипсонъ и волонтеръ, камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій; изъ новыхъ же лицъ, между другими, былъ числящійся при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, состоящій по кавалеріи, маіоръ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ (*). На третій или на четвертый день приступили къ постройкѣ укрѣпленія, которое повелѣно было, въ память заслугъ генерала Алексѣя Александровича Вельяминова, именовать фортомъ „Вельяминовскимъ“. Работы открылись обыкновеннымъ порядкомъ: ежедневныя фуражировки, посылка командъ въ лѣсъ для приготовленія туровъ, фасинъ, кольевъ и хворосту; эти послѣдніе нужны были какъ для укрѣпленія, такъ и для лагерныхъ надобностей. При этомъ, конечно, были перестрѣлки; но потеря наша состояла, кажется, болѣе въ тратѣ пороха, нежели въ убыли людей. Такъ проводили мы время, съ обычными вечерними оргіями въ палаткахъ записныхъ кутиль, которыхъ, также какъ и шулеровъ,

(*) Родной братъ извѣстнаго нашего поэта А. С. Пушкина, на котораго онъ чертами лица чрезвычайно похожъ; только тотъ былъ брюнетъ, а этотъ нѣсколько рыжеватъ.

обильно порождает всякая война, по неизмѣню въ боевой жизни другихъ свѣтскихъ развлеченій и средствъ къ приобрѣтенію пищи для ума и сердца.

Съ утра, 30-го мая, погода была великолѣпная; къ полудню началъ подувать самый неблагопріятный для нашихъ моряковъ юго-западный вѣтеръ и развелъ на морѣ волненіе, съ приборомъ къ берегу; часовъ въ пять, приборъ усилился. На судахъ, стоящихъ на рейдѣ, моряки засуетились; нѣкоторые хотѣли уйти въ море, для чего пароходы разводили пары, но уже было поздно: буря усилилась; начали укрѣпляться на якоряхъ—не помогло и, часовъ въ восемь вечера, военные и купеческія суда начали дрейфовать. Суда, качаясь съ борта на бортъ, приближались къ берегу; волны ходили чрезъ палубы и уносили людей; тѣ же, которые искали спасенія на вантахъ и марсахъ, при наклоненіи мачтъ то въ одну, то въ другую сторону, отъ сотрясенія и порывовъ вѣтра—падали въ волны; иные, при этомъ, запутывались ногами въ снастяхъ, висѣли головою внизъ, и окровавленные ихъ тѣла ударялись о мачты и реи. Изъ военныхъ судовъ при этомъ несчастіи имѣли направленіе: бригъ „Оемистоельтъ“—на скалистый непріятельскій берегъ, на полверсты отъ устья рѣки Туапсе; транспортъ „Ланжеронъ“—на такой же берегъ и на такое же разстояніе отъ лѣвой стрѣлковой цѣпи; тендеръ „Скорый“—прямо къ устью Туапсе; пароходъ „Язонъ“ (*) и тендеръ „Лучъ“—на песчаный берегъ ущелья, прямо противъ отряда. Ночью буря обратилась въ страшный штормъ, при чемъ, потерпѣли крушеніе, кромѣ поименованныхъ военныхъ, и купеческія суда, изъ которыхъ многія были зафрахтованы для надобностей экспедиціи.

Утромъ, 31-го числа, картина была ужасная: буря не утихла; нѣкоторыя суда продолжали еще дрейфовать, и положеніе эки-

(*) Пароходы «Язонъ» и «Колхида» построены въ Англіи, стоили казнѣ болѣе милліона рублей; отдѣлка ихъ изумительно превосходная.

пажей было вчерашнее: бригъ „Ѳемистоклъ“ и транспортъ „Ланжеронъ“ лежали на берегу, окруженные горцами; на выручку послѣдняго, еще ночью, посланы были три роты нашего баталіона (2-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка) и горцы, послѣ небольшой перестрѣлки въ той сторонѣ, были окончательно отражены; но съ брига отстрѣливались сами моряки, оставшіеся въ живыхъ изъ экипажа, послать же туда въ секурсъ пѣхоту или кавалерію, въ бродъ чрезъ рѣчку, по случаю бури, не предстояло никакой возможности, а потому, подвезены были два полевые орудія къ правому берегу устья Туапсе, изъ которыхъ одно бросало гранаты на лѣсистыя скалы, а другое обстрѣливало картечью лукоморье между тѣми высотами и лежащимъ на боку бригомъ. Наконецъ, часу въ десятомъ утра, въ нѣсколькихъ саженьяхъ выше устья Туапсе, человекъ пять смѣльчаковъ успѣли кой-какъ переправиться въ бродъ на лѣвый берегъ этой рѣчки. Выстрѣломъ изъ кегорновой мортирки бросили имъ, посредствомъ разряженной гранаты, веревку, укрѣпленную однимъ концомъ въ отверстіи, предназначенномъ для трубки; къ веревкѣ привязанъ былъ канатъ, который, будучи принятъ переправившимися солдатами и тщательно привязанъ къ большимъ деревьямъ на противоположныхъ берегахъ, доставилъ возможность 2-мъ ротамъ переправиться на помощь бригу. Къ вечеру же того дня, главная высота прямо противъ него была занята однимъ баталіономъ навагинскаго полка, и тѣмъ обезпечены были разгрузка и раснащеніе судна. Тендеръ „Скорый“ подъ парусами влетѣлъ въ устье Туапсе и почти зарылся въ песокъ; тендеръ „Лучъ“ остановился такъ счастливо, что былъ спасенъ и выведенъ на рейдъ. Пароходъ „Язонъ“ еще поутру качался съ борта на бортъ, и моряки—одни падали, другіе сами бросались въ волны (въ числѣ послѣднихъ былъ машинистъ англичанинъ) и были спасаемы сильными смѣльчаками, пловцами сухопутныхъ войскъ, и особенно изъ азовскихъ казаковъ; при этомъ, были замѣчательные примѣры самоотверженія. Спасеніемъ распоряжался самъ начальникъ отряда

Николай Николаевич Раевскій. Изъ спасенныхъ моряковъ образовался на берегу особый лагерь. Всѣхъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на рейдѣ, при нашемъ отрядѣ, насчитано было четырнадцать. За спасеніе погибавшихъ вскорѣ были посланы девяти казакамъ азовскаго войска серебряныя медали на владимірскихъ лентахъ и выдано по 100 рублей; такія же медали даны тремъ рядовымъ навагинскаго полка и двумъ тенгинскаго, а одинъ изъ разжалованныхъ нашего полка, Руфинъ Николаевичъ Дороховъ, за участіе въ спасеніи погибавшихъ, произведенъ въ унтеръ-офицеры. Вскорѣ послѣ этой катастрофы, мы получили извѣстіе, что Высочайшимъ приказомъ 10-го апрѣля, на мѣсто покойнаго Вельяминова, командующимъ войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи назначенъ генераль-лейтенантъ Граббе.

Въ послѣднихъ числахъ іюня, возведеніе форта Вельяминовскаго приходило къ концу. Между тѣмъ, мы получали довольно часто извѣщенія о нападеніи горцевъ на команды, высылаемыя изъ фортвовъ—для прикрытія погребенія умершихъ, для пастьбы скота и лошадей подъ самыми выстрѣлами батарей, въ лѣсъ для рубки дровъ и другихъ надобностей; даже имѣли положительныя увѣдомленія о нападеніи горцевъ на самыя укрѣпленія, 26-го февраля—на укрѣпленіе Николаевское (Атакуафъ); 16-го и 17-го марта—на укрѣпленіе Михайловское (Вуланъ); 12-го мая, вновь на укрѣпленіе Николаевское. Хотя всѣ эти нападенія были отражены, гарнизоны защищались отчаянно, ожидая съ часу на часъ подрѣпленія сухимъ путемъ: николаевцы—отъ Абина, михайловцы—изъ Геленджика; но эти обстоятельства порождали въ обществѣ офицеровъ разныя толки и умозаключенія по вопросу: что будутъ дѣлать, въ случаяхъ нападенія горцевъ, гарнизоны фортвовъ, не имѣющихъ сухопутныхъ сообщеній съ главными укрѣпленіями? При этомъ вспоминали, что Вельяминовъ, прокладывая операціонныя линіи къ прибрежнымъ укрѣпленіямъ, имѣлъ также въ виду возможность войны съ Турціею, во время которой появленіе одного непріятель-

скаго корабля противъ любаго изъ фортовъ ставило бы гарнизонъ въ безвыходную опасность. Моряки офицеры, служившіе прежде въ балтійскомъ флотѣ и бывшіе при блокадѣ Дарданельскаго пролива въ отрядѣ контръ-адмирала Рикорда, отряженнаго отъ эскадры вице-адмирала графа Гейдена, находившейся въ то время въ Средиземномъ морѣ, весьма справедливо замѣчали, что турецкій флотъ— не бѣда для прибрежныхъ укрѣпленій: „мы его, говорили они, разгромимъ гораздо прежде, чѣмъ онъ вздумаетъ подойти къ этимъ берегамъ; но у насъ есть друзья-союзники, такъ усердно помогавшіе въ истребленіи турецкой эскадры при Наваринѣ; вотъ эти-то друзья, если будутъ пропущены въ Черное море, поистинѣ опасны для нашихъ фортовъ, а, судя по событіямъ 1829 года, такой случай могъ предвидѣться не въ дальнемъ будущемъ. Едва наши войска заняли тогда Адрианополь, соединились при Энотѣ съ эскадрою графа Гейдена, который въ то же время усилилъ блокаду Дарданель, и уже паденіе Константинополя казалось неминуемымъ; едва только настала эта рѣшительная минута, какъ появились къ намъ неприглашенные союзники—англійская эскадра вице-адмирала Малькольма и французская контръ-адмирала Розамеля; обѣ эскадры вмѣстѣ были вдвое сильнѣе всего нашего флота въ Средиземномъ морѣ и заняли позицію такъ, что всѣ наши суда были подъ перекрестнымъ огнемъ этихъ обѣихъ эскадръ, а наши корабли до такой степени завалены были кулями провіанта, что едва ли можно было дѣйствовать нашей артилеріи. Взаимная любезность главныхъ начальниковъ трехъ союзныхъ эскадръ въ то время, хотя была самая дружественная, и при торжественныхъ обѣдахъ на адмиральскихъ корабляхъ пили за здоровье царствующихъ монарховъ-союзниковъ, за храбрыхъ союзныхъ войска, за благоденствіе націй и проч., но, въ искреннихъ бесѣдахъ, французская и англійская молодежь часто проговаривались: „какъ только русскіе войска къ воротамъ древней Византіи—православная эскадра на дно морское. Вотъ поэтому-то, мирный договоръ съ Турціею под-

писанъ былъ не въ Константинополѣ, а въ Адрианополѣ“. Я безъ возраженій вѣрилъ этимъ разсужденіямъ бывалыхъ моряковъ, тѣмъ болѣе, что еще въ крѣпости Варнѣ, когда могилевскій полкъ, въ которомъ я въ то время служилъ, держалъ тамъ гарнизонъ, по заключеніи мира, то тогда еще разсказывали, что причины прекращенія войны были именно тѣ, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ.

Послѣ этого, нельзя было не придти къ окончательному заключенію о странномъ и опасномъ положеніи прибрежныхъ нашихъ фортовъ, не имѣющихъ сухопутнаго сообщенія съ черноморскою и кавказскою кордонными линіями, составляющими наши границы и отстоящими отъ прибрежной линіи на какія нибудь 50 или 60 верстъ. Я сравниваю теперь положеніе этихъ фортовъ съ положеніемъ, во время осады поляками, троицко-сергіевскаго монастыря, отстоящаго отъ Москвы на 60 верстъ; но это было болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ до нашего времени.

Въ эту экспедицію, какъ въ нашихъ пѣхотныхъ полкахъ, такъ и въ черноморскомъ флотѣ, много еще служило офицеровъ и нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ войнахъ съ Персіею, Турціею и бывалыхъ въ кавказскихъ экспедиціяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, а потому, хорошо знавшихъ звѣрство и безпощадность магометанъ при удачахъ въ сраженіяхъ и положеніе христіанъ у нихъ въ плѣну. Припоминая прежніе примѣры самоотверженія и отчаянной храбрости русскаго солдата въ бою и подъ вліяніемъ послѣднихъ извѣстій о нападеніи въ этомъ году горцевъ на укрѣпленія, защищаемыя одною или двумя ротами, весьма естественно, разговоры наши приходили къ вопросу: что будемъ дѣлать въ случаѣ, если гарнизонъ форта не отразитъ нападенія, и горцы въ него ворвутся? На это прямо отвѣчалъ примѣръ капитанъ-лейтенанта Казарскаго, командира брига „Меркурій“, и замѣчательное самоотверженіемъ, предложеніе корпуса штурмановъ поручика Прокофьева: „въ крайности—не сдаваться, а, сдѣ-

пившись съ непріятельскимъ кораблемъ, взорвать бригъ на воздухъ“(*). Объ этомъ случаѣ матросы, во время плаванія къ берегамъ Туапсе, рассказывали солдатамъ, съ приправою анекдотовъ про наваринскую битву, въ которой многіе изъ рассказчиковъ сами участвовали и теперь служили на корабляхъ, назначенныхъ для нашего десанта; да и въ нашихъ рядахъ много было офицеровъ и нижнихъ чиновъ, помнящихъ еще Эчмиадзинъ, Ахалцыхъ, Браиловъ, Варну, Варшаву и проч. А кто изъ военныхъ не знаетъ, какъ сильно дѣйствуютъ на солдата не только рассказы стариковъ-современниковъ о замѣчательныхъ военныхъ событіяхъ, но даже сохранившіяся о нихъ пѣсни: такъ, отцы наши слушали рассказы сподвижниковъ Суворова и пѣсни про Кинбурнъ (1787 г. „Наша кинбурнская коса открыла первы чудеса“), Очаковъ (1788 года)**), Рымникъ (1789 года), Измаиль (1790 года) и проч. Мы же слышали и слышимъ рассказы и поемъ пѣсни про походы царствованія Александра Благословеннаго; прійдетъ время, передадутся потомству и наши подвиги, и также, въ свою очередь,, бу-

(*) Извѣстно, что восемнадцати-пушечный бригъ «Меркурій», во время послѣдней турецкой войны, крейсировавшій въ 1829 году, вмѣстѣ съ другими судами, у Константинопольскаго пролива, 14-го мая, былъ атакованъ двумя непріятельскими кораблями: одинъ былъ 110-ти пушечный, другой—74-хъ пушечный. Въ этой крайности, командиръ брига собралъ военный совѣтъ, на которомъ единогласно принято было предложеніе поручива Прокофьева—сцѣпиться съ непріятельскимъ кораблемъ и съ нимъ взлетѣть на воздухъ, и съ этою цѣлью положенъ былъ на *шпиль* (воротъ для навивки каната при поднятіи якоря) заряженный пистолеть, съ тѣмъ; что кто останется въ живыхъ—выстрѣлитъ бы въ крѣпость-камеру.

(**) Можетъ быть, примѣромъ отчаянной битвы брига «Меркурій» съ двумя кораблями послужилъ сохранившійся въ морскихъ лѣтописяхъ подвигъ капитана Сакена, который, будучи атакованъ (20-го мая 1788 года) тридцатью турецкими судами, не желая спустить флагъ и сдаться военнымъ призомъ непріятелю, взорвалъ свое судно на воздухъ.

Авт.

дуть служить примѣромъ будущимъ хранителямъ русской славы и защитникамъ отечества. Справедливо сказала знаменито-несчастный нашъ поэтъ К. Рылѣевъ, въ предисловіи къ своимъ „Думамъ“:

„Напомянуть юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со „свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ „для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто „уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не „въ состояніи изгладить,—онѣ крѣпнущъ съ лѣтами“... Никто, конечно, противу этой истины возражать не будетъ. Я надъ собою испыталъ сильное нравственное вліяніе патріотическихъ сочиненій Державина, Жуковскаго, Рылѣева и другихъ, писавшихъ въ томъ же родѣ;—это были мои наставники въ нравственной философіи. Одаренный отъ природы большою памятью, особенно для стихотвореній, я, получивъ ничтожное, одностороннее военное образованіе, сохранилъ и сохраню до смерти святыя истины, высказанныя въ стихахъ подобными поэтами:

„Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь,
Покорносѣ—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могучему пороку—брань;
Безсильному—призрѣнье;
Неправдѣ—грозной правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Веселіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.“

В. Жуковскій.

Эти поэтическія мысли и имъ подобныя всегда были и будутъ эпиграфами всѣхъ моихъ дѣйствій жизни, хотя я совершенно увѣрился, что именно онѣ-то и привели меня къ этому незавидному положенію, въ которомъ я теперь нахожусь.

Но я удалился отъ настоящей цѣли моего журнала, и не пояснилъ, какой высказывался отвѣтъ въ кружкахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ на возникшій вопросъ: *что дѣлать въ крайности, если непріятель ворвется въ укрѣпленіе?* Положительно скажу, что отвѣтъ: „взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ непріателемъ“—былъ простой и повсемѣстный во всѣхъ роткахъ, хотя высказывался въ разнообразныхъ выраженіяхъ, съ разными на это взглядами, но всегда и вездѣ энергично и положительно. Не дай Богъ, чтобы случилась такая крайность; но дай Богъ, чтобы такая мысль самоотверженія укрѣпилась въ нашихъ войскахъ.

Въ первыхъ числахъ іюля разнеслось по лагерю, что новый нашъ корпусный командиръ посѣтитъ отрядъ и будетъ находиться самъ при занятіи на линіи десантомъ втораго пункта въ этомъ году. Это извѣстіе для меня было очень пріятно, такъ какъ, во время турецкой войны 1828 года, я нѣкоторое время состоялъ при немъ, отъ полковъ 10-й пѣхотной дивизіи, безсмѣннымъ ординарцемъ, именно, во время занятія отрядомъ, подъ начальствомъ его превосходительства, южной стороны кр. Варны(*). Для приѣма кор-

(*) Когда нашъ могилевскій полкъ, 30-го августа 1828 года, поступилъ въ отрядъ генералъ-адъютанта Головина, для занятія южной стороны кр. Варны, мнѣ приказано было явиться къ начальнику отряда и состоять при немъ ординарцемъ; какъ только я прибылъ къ его превосходительству, онъ отпривилъ меня къ полковнику Лазичу, назначенному для открытія на рѣкѣ Камчикѣ непріятеля. 3-го сентября, послѣ отступленія отряда Лазича и по присоединеніи къ нему одного баталіона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, мнѣ приказано было находиться при флигель-адъютантѣ, полковникѣ бывшихъ польскихъ войскъ, Залускомъ, отъ котораго я, 10-го сентября, явился къ своему баталіону.

Авт.

пуснаго командира, начальникъ отряда приготавлилъ торжественный обѣдъ. Я, чтобы напомнить о себѣ Евгению Александровичу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о прежней, хотя кратковременной, моей при немъ службѣ, написалъ для обѣда, въ честь его приготавлиаемаго, заздравные тосты, которые при штабѣ были одобрены, положены на музыку и внимательно приняты начальникомъ отряда. Тогда мой ротный командиръ просилъ меня, для ротныхъ пѣсенниковъ, написать въ честь корпуснаго командира пѣсню, но чтобы голосъ былъ попроще. Я предложилъ ему голосъ всѣмъ известной пѣсни: „Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ“...Онъ согласился, и я написалъ тою же тоническою мѣрою стихи, которые безъ затрудненія выучили пѣсенники.

Юля 8-го, часовъ въ 10-ть утра, прибылъ къ Туапсе на пароходѣ корпусный командиръ, и, по выходѣ на берегъ, сейчасъ же обошелъ войска; при немъ въ это время находился адъютантъ его, капитанъ Заливкинъ, который, въ чинѣ прапорщика лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, въ одно время со мною, состоялъ при его превосходительствѣ въ южномъ отрядѣ подѣ Варною. Когда, послѣ приѣма Евгения Александровича въ ставкѣ начальника отряда, онъ услышалъ за палаткою пѣсню, въ честь его написанную, пропѣтую ротными пѣсенниками тенгинскаго полка, то, спросивъ, кѣмъ написаны слова и получивъ отвѣтъ, съ поясненіемъ адъютанта Заливкина, что пѣсня написана тѣмъ самымъ Федоровымъ, который подѣ Варною посланъ былъ имъ находиться при полковникѣ Залускомъ, приказалъ меня лично представить къ нему. Приказаніе это дошло до меня часу въ первомъ дня. Со мной пошелъ мой ротный командиръ; я былъ въ толстой солдатской шинели и серебряныхъ очкахъ; встрѣтилъ генерала, идущаго со свитою отъ вновь построеннаго укрѣпленія къ передовой цѣпи, по тропинкѣ, ведущей на гору, занятую нашимъ баталіономъ. Меня представилъ самъ Николай Николаевичъ Раевскій. Первые слова корпуснаго командира были: „я васъ припоминаю, мы видѣлись подѣ Варною. Давно ли вы разжалованы и

за что?“ Получивъ отъ меня короткій и удовлетворительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „никогда не должно уклоняться отъ своего призванія и отъ пути разъ избраннаго: и безъ казначейской должности вы бы были должностнымъ офицеромъ“. Съ этими словами онъ поклонился, и мы разстались. Въ звукѣ его словъ и во взглядѣ такъ много было добродушія, сожалѣнія и привѣтливости, что я рѣшительно воскресъ душою, и надежда на будущее примирила меня съ настоящимъ.

Въ этотъ день, за обѣдомъ у начальника отряда, были пропѣты тенгинскими пѣвчими написанные мною тосты, съ хоромъ музыки; а пѣсенники повторили мою пѣсню—

Заздравные тосты.

Ц а р ю.

Воины-друзи! во славу вѣнчаннаго,
Вспѣнимъ мы кубки виномъ;
Выпьемъ за здравіе Царя православнаго,
Выпьемъ за весь царскій Домъ.
Для счастья народа, для счастья державы,
Боже, продли Его дни!
Да будетъ тронъ царскій въ звѣздахъ вѣчной славы!
Боже Царя храни!

(Гимнъ; „Боже, Царя храни!“)

В о ж д ю.

Воины-друзи!—за чаши! Межъ нами,
Да здравствуетъ нашъ Головинъ!
И въ даръ ему, друзи, лавръ, снятый штыками
Съ грозныхъ Туапсе вершинъ.
Многія лѣта, живи ты на славу

Нашей родимой странѣ,
Паденьемъ Кавказа обрадуй державу,—
Многія лѣта тебѣ!...

(Многія лѣта).

О т е ч е с т в у.

Боже нашъ, счастье дай родинѣ милой,
Груды ей злата, серебра!...
Выпьемъ во славу Россіи родимой,
Выпьемъ и крикнемъ ура!

(Ура! ура! ура!)

Это „ура“ повторилось по всему лагерю и на горахъ въ стрѣлковой цѣпи.

Пріѣздъ новаго начальника въ лагерь на Туапсе.

Солдатская пѣсня.

То не шкваль летитъ по синю морю,
И не вѣтръ шумитъ по волнамъ сѣдымъ,—
По синю морю пароходъ летитъ,
По волнамъ сѣдымъ пароходъ шумитъ,
И колесами, каеъ на мельницѣ,
Мудрено мелеть воды бурныя;
На себѣ несетъ къ намъ начальника.
Здравствуй, батюшка, ты начальникъ нашъ!
Мы привѣтствуемъ посолдатски васъ,
Посолдатскому—русской пѣснiю:
Мы давно ждали гостя добраго,

Мы давно ждали на Туапсе васъ,
Разсказать чтобъ вамъ наши подвиги...
Русскихъ войскъ солдатъ вѣдь не хвастаетъ;—
Вы услышите—перескажетъ вамъ,
Перескажетъ вамъ все молва о насъ,
Перескажетъ вамъ, что мы сдѣлали,
Что мы сдѣлали здѣсь съ черкесами;
А теперь хотимъ лишь одно сказать:
Много слышали о васъ добраго;
Съ вами рады мы умереть въ бояхъ,
За святую Русь, православную;
Мы пройдемъ съ вами горы грозныя,
Мы зальемъ скалы кровью вражеской,
Разметаемъ въ прахъ силы нехристей,
Бросимъ полмя на аулы ихъ,—
И тогда-то ужъ, ой, прости, Кавказъ!
Ты же счастливъ будь вѣкъ, начальникъ нашъ,
Лѣта многія ты живи для насъ!

Вечеромъ въ этотъ день, по словесному приказанію, сдѣлано было распоряженіе, чтобы съ разсвѣтомъ, 2-го числа, всѣ ротныя тяжести и палатки были на берегу, приготовленныя къ нагрузкѣ на суда, а по сигналу „отступленіе“—разбросать засѣки и всѣмъ цѣпямъ отступать одновременно къ берегу за укрѣпленіе.

Мой ротный командиръ былъ всегда мастеръ на оригинальныя военныя выдумки. Такъ, и при этомъ случаѣ: ему вздумалось, какъ онъ выразился, повеселить *трикляту татарву* военною *хитростью*. За засѣками, передъ нашей ротой, какъ вообще у всѣхъ ротъ, вырыты были, огороженныя также засѣками въ видѣ турбастіоновъ, двѣ глубокия, обширныя ямы—для извѣстнаго употреб-

ленія. Онъ приказалъ рабочимъ, назначеннымъ для разборки засѣкъ, не заваливать этихъ ямъ, а только осторожно прикрыть ихъ вѣтками, хворостомъ, прижать немного камнями, дерномъ, присыпать землю, травою—, и на эти ямы, я самъ—добавилъ онъ—положу приманку, чтобы завлечь непріятеля не въ *волчьи*, а въ *человѣчьи* ямы“, съострилъ онъ. Когда я сказалъ, что это будетъ не военная хитрость, но мщеніе; а вы сами говорили, что добрые люди не мстятъ,—тогда онъ, принявъ иронически-воинственную позу, по каратыгински возразилъ:

„ Или не помните Батшевыхъ побѣдъ!

„ Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ“.

На такой патріотическій возгласъ, конечно, я не далъ отвѣта, чтобы не оскорбить самолюбія, которое никогда не прощаетъ. Надо знать, что мой истинно добрый капитанъ очень уважалъ сочиненія Озерова, но чаще декламировалъ на его трагедіи пародіи Баркова и вообще, любилъ барковщину.

Рано угромъ, 9-го числа, едва съ горнами раздался барабанный бой „по возамъ“, начали разбирать засѣки; палатки были сняты еще ночью. Приказаніе моего капитана, цодъ личнымъ его наблюденіемъ, въ точности было исполнено; онъ самъ, на *человѣчьи* ямы, наполнявшіяся въ теченіи трехъ мѣсяцевъ цѣлою ротою, бросилъ на разныя мѣста, надъ серединою ямъ, нѣсколько солдатскихъ патроновъ, а прямо передъ ямами, шагахъ въ двѣнадцать, въ скрытныхъ мѣстахъ, положилъ *человѣкъ* десять вызванныхъ изъ роты охотниковъ. Какъ только раздался сигналъ отступленія, и рота тронулась, черкесы, по обыкновенію, почти не стрѣляя, старались скорѣе занять мѣста цѣпи, чтобы поискать—не потерялъ ли, или не забылъ-ли кто изъ стрѣлковъ чего нибудь на позиціи, и подобрать растерянные патроны, которые, по неудобству нашихъ патронныхъ сумъ за спиною и патронташей на груди, въ большемъ числѣ терялись солдатами. Рота сходила съ горы медленно; мы часто останавливались, оглядывались, что будетъ съ капи-

танскою военною хитростью. Намъ было видно, какъ черкесы слѣдовали за стрѣлками, перебѣгая отъ дерева къ дереву, и изрѣдка изъ за нихъ пускали пули, на которыя наша цѣпь, по приказанію капитана, не отвѣчала. Мы были уже на полугорѣ, когда замѣтили, что человекъ пять или шесть горцевъ опроретью бросились къ ямамъ; мы не спускали съ нихъ глазъ. Едва они взбѣжали на прикрытыя ямы, то исчезли, какъ будто провалились сквозь землю (ямы имѣли глубины болѣе роста человека). Капитанъ захопалъ въ ладони, рота крикнула . ура! стрѣлки изъ засады начали стрѣлять и поодиночкѣ присоединялись къ отступающей цѣпи, которая, не зная причины побѣднаго крика роты, открыла огонь. Изъ отряда бѣжала къ намъ рота въ секурсъ; при ней, на рысяхъ, горный единорогъ; при нихъ, неслись въ карьеръ къ намъ адъютанты и другіе любители отличій: все это въ томъ предположеніи, что на насъ сдѣлано было сильное нападеніе. Нѣкоторые изъ этихъ всадниковъ чуть-чуть не занеслись въ *человѣчьи* ямы, и это бы непремѣнно случилось, еслибы самъ капитанъ не побѣждалъ къ нимъ навстрѣчу, махая фуражкой и предупреждая о ямахъ, но не рассказывая о своей выдумкѣ. И только тогда, когда мы плыли уже къ Шапсуго, на корабль заговорили объ этой *военной хитрости*; моряки много смѣялись; нѣкоторые офицеры, не шутя, одобряли удавшееся предпріятіе,—и мой капитанъ былъ въ восторгѣ.

Вмѣстѣ съ отступленіемъ цѣпей, всѣ тяжести, лошади, артилерія и вообще, все, что съ вечера подвезено было къ берегу, начали отправлять на суда, и такъ успѣшно, что когда передовые баталіоны, отозвавъ свои цѣпи, соединились за вновь возведеннымъ укрѣпленіемъ, на берегу не было почти никакихъ тяжестей, и гребныя суда перевозили на корабли только войска, которая размѣщались по прежней дислокаціи, такъ что нашъ баталіонъ посаженъ былъ опять на корабль „Память Евстафія,“ гдѣ, къ большому нашему удовольствію, мы встрѣтили знакомыхъ уже намъ моряковъ. Какъ только первый рейсъ отчалилъ отъ береговъ, съ барбетовъ

укрѣпленія, по ущелью и по горамъ, начали производить пробныя выстрѣлы ядрами и гранатами. Эта пальба была какъ бы прощальною салютаціею отъѣзжающимъ отряду и флоту. Съ окончаніемъ амбаркаціи, немедленно стали подымать якоря; солдаты помогали матросамъ и, вмѣстѣ съ ними, дружно маршировали подъ звукъ барабана, поворачивая шпиль. Ставъ подъ паруса, мы удалялись, казалось, въ море, и въ полдень не видно было уже береговъ. На кораблѣ все шло обычнымъ порядкомъ, какъ при первомъ плаваніи. Наступила ночь; часу въ четвертомъ, до восхода солнца, я вышелъ на палубу и замѣтилъ кой-гдѣ вдали огни, доказывавшіе приближеніе наше къ берегамъ. По ходу корабля и по положенію огней, я пришелъ къ заключенію, что мы плывемъ обратно въ Тамань. Съ разсвѣтомъ, встрѣтивъ на палубѣ моего капитана, я сообщилъ ему мое замѣчаніе. „Дѣйствительно, сказалъ онъ, мы плывемъ назадъ, но только не въ Тамань, а для занятія втораго пункта при устьѣ р. Шалсуго. Сегодня же послѣдуетъ десантъ; порядокъ высадки такой, какъ и при занятіи Туапсе: нашъ баталіонъ назначенъ въ авангардъ; васъ я отмѣтилъ въ первый рейсъ первой цѣпи; всѣмъ десантомъ будетъ командовать корпусный командиръ“. Послѣ этого, онъ предложилъ мнѣ, вмѣсто чаю, что нибудь закутить, добавивъ, что сегодня, вѣрно, придется только ужинать, если останемся живы;—дѣло, говорятъ, будетъ горячее; ъе даромъ, къ намъ пожаловалъ самъ Евгений Александровичъ. Съ этими словами, мы подошли къ его деньщику, стоявшему тутъ же, на палубѣ, около въючныхъ чемодановъ своего барина. Тутъ мигомъ появилась походная закуска. Капитанъ любилъ плотнуть всегда съ какой нибудь приговоркой, и на этотъ случай, наливая въ довольно порядочной величины серебряный стаканчикъ, прозванный имъ „темная“, въ отличіе стеклянныхъ рюмокъ, и поднося мнѣ, провозгласилъ:

„Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно—

Тотъ бодро ищетъ боя“.

Я, зная его привычку, при этомъ случаѣ, обмануть, не принялъ отъ него „темной“, а, поклонясь въ поясъ, отвѣтилъ: „нѣтъ,

... „Всемогущее вино —

„Веселіе героя.“

Эта моя находчивость, повидимому, сильно понравилась, и онъ, проглотивъ „темную“, сейчасъ-же наполнилъ ее для меня и подалъ уже безъ прибаутки. Во время закуски, онъ, по прежнему, началъ просить меня, послѣ десанта, написать что нибудь, по случаю участія въ этомъ дѣлѣ корпуснаго командира, и добавилъ: „нельзя ли, вотъ, на примѣръ, на этотъ голосъ“ — и запѣлъ куплетъ изъ народнѣ на извѣстную французскую патріотическую пѣсню Беранже:

„

„ Да что съ тобою толковать намъ много;

„ Не изъ такихъ мы прочихъ, такъ сказать.

„ А встарь мы васъ наказывали строго...

„ Ты помнишь ли, французъ ѣ.....“

„Знаю, знаю“ — перебилъ я его, замѣтя, что наша бесѣда обращаетъ на насъ вниманіе людей весьма солидныхъ.

VIII.

Прибытіе эскадры къ Шапсуго. Канонада и десантъ войскъ. Приказъ по корпусу. Наводненіе въ отрядѣ. Плаваніе мое на зафрахтованномъ бригѣ св. Николая въ Тамань. Мое пребываніе въ фанаторійскомъ военномъ госпиталѣ.

Часовъ въ 7 утра (при Шапсуго) корабли введены были въ линію пароходами также, какъ при Туапсе. Рассказывать

порядокъ десанта—значило бы повторять всё тѣ же дѣйствія флота и сухопутныхъ силъ, какія происходили при занятіи, 12-го мая, пункта для возведенія форта Вельяминовскаго; но здѣсь, въ передовой ладѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ, стоялъ корпусный командиръ Евгений Александровичъ Головинъ. На берегъ вышли мы рѣшительно безъ выстрѣла съ непріятельской стороны,—и только тогда, когда наша передовая цѣпь, быстро двинувшись по ущелью и отойдя съ четверть версты, заняла опушку лѣса—послышались изрѣдка въ лѣвой и правой цѣпяхъ непріятельскіе выстрѣлы. Наша же цѣпь подвигалась впередъ, пока не раздался сигналъ „стой“—вовсе не видя непріятеля. Разрушительные слѣды морской артилеріи, какъ и на Туапсе, доказывали, что противъ такой канонады врядъ ли бы удержались и хорошо дисциплинованныя войска—не только, чтобы устояли безпорядочныя толпы горцевъ. Впрочемъ, на берегу, на горахъ, нигдѣ мы не нашли ни рововъ, ни заваловъ—словомъ, никакихъ приготовленій, которыя бы доказывали желаніе горцевъ сопротивляться десанту, какъ это было на Туапсе. Трудно положительно сказать: доказанная ли бесполезность защиты береговъ Туапсе, при большой съ ихъ стороны потерѣ, или просто—незнаніе времени занятія ущелья Шапсуго, были причиною такой безопасности горцевъ, которые хватились только тогда, когда мы уже принялись за устройство засѣкъ и разбивку лагеря, и начали стрѣлять по рабочимъ. Не знаю, сколько убыло изъ строя во всемъ отрядѣ; но знаю, что въ нашей ротѣ оказалось только двое легко раненыхъ. Послѣ этого дѣла, вопреки ожиданій моего боеваго капитана, мы хорошо пообедали, спокойно поужинали, и не знаю, ради какой радости, послѣ ужина, порядкомъ кутнули. Впрочемъ, не при одномъ нашемъ баталіонѣ, но и въ другихъ частяхъ отряда, на горахъ и на берегу, раздавались пѣсни. Кажется, пребываніе на берегу генерала Головина было тому причиною. На другой день, то есть, 12-го іюля, мы прочитали приказъ по корпусу такого содержанія:

„Войска отряда дѣйствующаго со стороны Геленджика! Съ помощію Божіею, предназначенное занятіе новаго пункта на восточномъ берегу Чернаго моря, для укрѣпленія при р. Шапсуго, совершилось съ малою потерею, при благопріятной погодѣ, съ помощію предварительныхъ благоразумныхъ распоряженій. Высадка войскъ сдѣлана въ должномъ порядкѣ, и менѣе, чѣмъ въ двадцать четыре часа послѣ оставленія вами прежняго лагеря, вы вновь расположились спокойно на берегу намъ непріязненномъ, занявъ все нужные для обезпеченія лагеря пункты. Вы исполнили все, чего отъ васъ ожидали: въ порядкѣ и устройствѣ вышли на берегъ и съ полною готовностію встрѣтить непріятеля, еслибъ онъ дерзнулъ вамъ противустать. Радуюсь, что, оставляя васъ, имѣю случай еще васъ благодарить и свидѣтельствовать предъ лицомъ Государя Императора о вашей постоянно усердной и похвальной службѣ. Начальнику отряда, генераль-маіору Раевскому, считаю долгомъ отдать полную справедливость за распорядительность и устройство, съ которыми совершена сія вторая и послѣдняя въ нынѣшнемъ году высадка, чему я самъ былъ свидѣтелемъ“.

Съ отбытіемъ изъ отряда корпуснаго командира, началось возведеніе укрѣпленія, получившаго названіе „Тенгинскаго“. Производство работъ, заготовленіе матеріаловъ, фуражировки, при этомъ ничтожныя перестрѣлки, все пошло обычнымъ порядкомъ. На другой день по отъѣздѣ генерала Головина, я передалъ моему капитану написанную мною пѣсню на занятіе Шапсуго, на голосъ: „*T'en souviens-tu, disait un capitaine*“. Вотъ эта пѣсня:

Къ Творцу міровъ внесемъ молитвы, други,
Онъ насъ въ часъ битвы десницей осѣнилъ:
Въ горахъ Туапсе, на брегахъ Шапсуги,
Побѣдный путь нашъ Онъ благословилъ.

Давно-ль точилъ черкесь свои булаты,
И встрѣтить насъ въ Шапсуго слово даль?
Но лишь сверкнулъ въ долинѣ штыкъ крылатый—
И врагъ-хвастунъ стремглавъ отъ насъ бѣжалъ.

* * *

Онъ не забылъ туапскаго ущелья,
Гдѣ, съ вѣрой въ Бога, вышли мы на брегъ,
Гдѣ дали мы веселое сраженье—
И гдѣ врагъ бросился въ постыдный бѣгъ.

* * *

Намъ не забыть Шапсугъ, съ его горами,
Гдѣ чуть явились ряды дружинъ—
И врагъ въ лѣсахъ спасался передъ нами;
Гдѣ съ нами былъ безстрашный Головинъ.

* * *

Друзья! вождемъ—сердце благодаренье,
Надежды звѣздами они въ бояхъ!
Они грозой врагамъ, въ огонь сраженья,
Идутъ безстрашно съ первыми въ рядахъ.

Дня черезъ три послѣ передачи этой пѣсни, капитанъ говоритъ мнѣ: „что это такое? когда я самъ пою вашу пѣсню—идеть хорошо, у пѣсенниковъ что-то несладно; хотѣлъ перемѣнить голосъ, но, чертъ знаетъ, никакой не приходится; пробовалъ и

„При долинушкѣ“, и „Среди долины“, все-таки не приходится; порѣшили оставить для себя,—буду пѣть подь гитару. Сдѣлайте милость, не обижайтесь“. — „Напротивъ, я очень радъ—отвѣчаю ему—но вы, однако же, убѣдитесь, что предложеніе ваше исполнено мною въ точности“. — „Какъ нельзя лучше, сказалъ онъ; очень благодаренъ“. Я хорошо понялъ причину затрудненія пѣсенниковъ, привывшихъ пѣть, такъ сказать, подь барабанъ, въ четный тактъ, и потому, весьма естественно, что пятистопный ямбъ напѣву ихъ не подчинялся.

На Шапсуго мы простояли до 5-го сентября; изрѣдка случались въ цѣпи небольшія перестрѣлки. Шапсуги, какъ будто упали духомъ и даже на фуражировкахъ мало насъ беспокоили. Зато, съ половины августа сильно надоѣли намъ дожди, которые много препятствовали работамъ и развили въ отрядѣ желчныя лихорадки; въ это время и я захворалъ желчною лихорадкою, сопровождавшеюся сильнѣйшею рвотою. Во время болѣзни я лежалъ на землѣ, въ солдатской палаткѣ, и именно въ тотъ день, въ который дали мнѣ, по рецепту полковаго медика, большой приемъ каломеля, шелъ проливной дождь; рѣчка Шапсуго вышла изъ береговъ и затопила весь лагерь; я лежалъ положительно по горло въ водѣ, и, чтобы не захлебнуться, немного приподнялся и держался на рукахъ. Въ такомъ положеніи засталъ меня капитанъ, которому дали знать объ угрожающей мнѣ опасности. Онъ въ то же время приказалъ перенести меня къ нему въ палатку, гдѣ, поставивъ рядомъ два походныхъ столика, перемѣнивъ на мнѣ бѣлье, уложилъ на сложенный коверъ и, чтобы согрѣть, укрылъ меня всѣмъ, что попало подь руку, и даже сверху войлокомъ, которымъ прикрывался его походный вьюкъ. Часу въ пятомъ вечера дождь пересталъ, и вода быстро начала убывать, и не болѣе, какъ чрезъ четверть часа, прояснилось; когда вода оставила лагерь, солнце было еще довольно высоко и великолѣпно свѣтило; тутъ начали перебивать палатки и приводить въ устройство все разрушенное наводненіемъ. За-

ботливый капитанъ наполнилъ меня чаемъ, при чемъ жалѣлъ, что докторъ, въ это же время навѣстившій меня, не позволилъ подлить въ мой чай рому, который, по мнѣнію капитана, помогъ бы мнѣ болѣе, чѣмъ каломель. Въ это же время медикъ предложилъ—завтра же отправить меня въ фанагорійскій военный госпиталь, вмѣстѣ съ назначенными туда больными. На другой день (это было воскресенье) 21-го августа, часу въ 12-мъ, въ полдень, принесли изъ полковой канцеляріи приказъ, съ надписью: унтеръ-офицеру изъ дворянъ, Михаилу Федорову. Этимъ приказомъ поручалось мнѣ принять въ свое вѣдѣніе 22 человека больныхъ нижнихъ чиновъ и доставить ихъ, на зафрахтованномъ купеческомъ суднѣ св. Николая, въ г. Тамань, гдѣ передать ихъ, съ прилагаемымъ особымъ конвертомъ, въ контору фанагорійскаго военнаго госпиталя, въ которомъ и самому остаться впредь до выздоровленія отъ болѣзни.

Бригъ св. Николая, на который я былъ посаженъ съ командою, принадлежалъ капитану (такъ называютъ себя всѣ хозяева купеческихъ судовъ) австрійско-подданному, славону, изъ Бокка-ди Катаро. Самъ капитанъ пожилыхъ лѣтъ; шкиперъ—его племянникъ, лѣтъ 20-ти; оба они хорошо говорили порусски. Мы снялись съ якоря въ 2 часа послѣ полудня. Экипажъ состоялъ изъ 8-ми матросовъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ славонъ; остальные всѣ до одного были малороссіяне, нанявшіеся къ нему въ Херсонѣ. Командныя слова капитанъ и шкиперъ произносили поитальянски; матросы хорошо понимали команду, и, по словамъ хозяина судна, онъ, въ теченіи почти двадцатилѣтняго плаванія, не находилъ ни въ одной націи людей болѣе способныхъ къ морской службѣ, какъ малороссіянъ. На бригѣ были два небольшія орудія, въ родѣ гаубицъ, укрѣпленныя, на серединѣ обонхъ бортовъ, въ особаго рода желѣзные станки, такъ что на цапфахъ, вложенныхъ въ гнѣзда станка, можно было повышать и понижать орудіе по произволу подъ какимъ угодно угломъ, а самый станокъ можно было поворачивать во всѣ стороны, хотя бы пришлось даже производить выстрѣлы по

своей палубѣ. Въ случаѣ неповиновенія или какихъ нибудь безпорядковъ на суднѣ, виновныхъ высаживали на какой бы то ни было берегъ Чернаго моря, на что каждому даны были свидѣтельства. При этомъ, онъ мнѣ разсказалъ примѣромъ пользу и необходимость, купеческимъ судамъ, плавающимъ у кавказскихъ береговъ, имѣть на нихъ такія орудія, какъ у него. „Однажды—началъ онъ — въ 1833 году, бригъ мой шель недалеко отъ этихъ береговъ; когда былъ онъ на высотѣ почти этого мѣста, откуда мы вышли (Шапсуго), заштилѣло такъ, что судно—ни съ мѣста. Солнце еще было высоко. Я замѣтилъ, что отъ одного ущелья, изъ устья рѣчки, гребутъ прямо на насъ двѣ лодки, съ вооруженными татарами; на каждой изъ нихъ было человекъ по десяти. Съ первой изъ нихъ, по приближеніи сажени на четыре къ судну, начали кричать на турецкомъ языкѣ: „пусти насъ на судно, не то—сожжемъ“. Я изъяснилъ согласіе, и въ то же время поворотилъ гаубицу дуломъ назадъ, наклонивъ жерло орудія къ палубѣ такъ, что горцы не могли его разсмотрѣть; къ станку укрѣпилъ трапъ и, свѣсивъ его за бортъ, приглашалъ татаръ на судно. Но когда они находились уже отъ насъ въ разстояніи не болѣе сажени, я быстро поворотилъ орудіе, заряженное картечью, выстрѣлилъ во время заѣзда лодки къ судну,—зарядъ ударилъ въ лѣвый ея бортъ, и лодка мгновенно опрокинулась килемъ вверхъ. Почти въ это же время, другая лодка причалила къ носу брига. Очень удачно, посредствомъ весель и багровъ, закинувъ узлами навязанную веревку на якорь, висѣвшій за бортомъ, и, зацѣпивъ ею за лапу якоря, горцы рассчитывали взлѣзть по ней на бригъ. Но какъ только двое изъ нихъ повисли уже на этомъ импровизованномъ ими трапѣ, шкиперъ обрубилъ подвязки якоря; якорь, рухнувъ, вмѣстѣ съ взлѣзавшими татарами на бортъ лодки, опрокинулъ ее, подобно первой, вверхъ дномъ; многіе изъ нихъ всплыли и просили о помощи, но спастись ихъ не было почти возможности: спустить баркасъ—значило бы отдать его въ ихъ распоряженіе; принимать на судно людей вооруженныхъ—зна-

чило бы доставить имъ средства къ мщенію. Всплывшіе, между тѣмъ, направлялись къ берегу, гдѣ собравшаяся на берегу толпа не думала подавать имъ помощи—конечно, по неимѣнію болѣе лодокъ. И такъ, вѣроятно, они всѣ погибли, потому что, часу въ 7-мъ, когда немножко посвѣжѣло, и я поднялъ паруса, то видно было на поверхности воды всего только четыре человѣка; но и имъ было еще очень далеко до берега“.—Кромѣ моей команды, былъ на бригѣ еврей портной изъ Гагръ, ѣхавшій въ Керчь за покупкою матеріаловъ. Вѣтеръ былъ для насъ попутный; мы быстро удалялись отъ берега и держали курсъ прямо на сѣверо-западъ. Съ полуночи я замѣтилъ, что капитанъ нашъ засуетился; на мой вопросъ, шкиперъ объяснилъ, что вѣтеръ переходитъ въ чисто западный, барометръ предвѣщаетъ бурю, и потому, мы должны удалиться въ море—а это можетъ замедлить нашъ рейсъ дня на четыре. И дѣйствительно, къ вечеру усилился вѣтеръ; буря разыгралась такъ, что волны заливали палубу; больные лежали въ трюмѣ; люки всѣ были закрыты, внутри судна духота была нестерпимая. Я стоялъ, по указанію шкипера, на самой срединѣ палубы и держался за мачту; еврей надѣлъ на себя всѣ свои моливленныя принадлежности, сидѣлъ на кормѣ и усердно молился. Этотъ день былъ днемъ пароксизма моей лихорадки, который, часовъ въ семь утра, начинался всегда неслышно тошнотою и сопровождался рвотами желчью; а тутъ, не чувствуя приступа пароксизма, я не зналъ, чему приписать мое неожиданное выздоровленіе: медику-ли, съ огромной дозой каломеля, или морю, съ его укачиваніемъ. Къ вечеру, шкиперъ извѣстилъ меня, что почти всѣхъ больныхъ укачало, а вмѣстѣ съ ними и представленнаго фельдшера. Я спустился въ трюмъ. Посовѣтовавшись съ фельдшеромъ, который, кромѣ воды съ уксусомъ, ничего больнымъ не давалъ—ѣсть же никто ничего не могъ,—мы порѣшили: съ помощью всѣхъ, кто еще былъ въ силахъ, вытаскивать трудныхъ поодиночкѣ на палубу; капитанъ и шкиперъ внимательно ухаживали за ними: нѣкоторымъ давали понемножку рому, другимъ—раздавали

омоченные въ лимонный сокъ кусочки сахара, инымъ давали галеты, размоченныя въ водѣ съ уксусомъ,—все это много помогало, но не каждому. На вопросъ мой: что мы будемъ дѣлать, если они начнутъ умирать?—капитанъ отвѣтилъ: кто умретъ—привяжемъ къ ногамъ балластину и опустимъ въ море; а вы, на берегу ихъ опоете. Между тѣмъ, буря продолжалась; я же, заботясь о больныхъ, съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все лучше и лучше. Шкиперъ увѣрялъ всѣхъ, что вѣтеръ уменьшается; но я этого не замѣчалъ. На четвертый день плаванія, гренадеръ изъ ефрейторовъ нашей роты секретно доложилъ мнѣ, что, по предложенію одного изъ матросовъ, почти всѣ больные, а съ ними и всѣ матросы, для укрощенія бури, согласились портнаго еврея, въ ночное время, бросить за бортъ—на томъ основаніи, что *имѣть на корабль еврея—хуже, чѣмъ женщину*; что съ ними, въ морѣ, говорятъ они, всегда бываетъ какое нибудь несчастіе. Я сошелъ въ трюмъ, сѣлъ въ кружокъ больныхъ и, въ присутствіи нѣкоторыхъ матросовъ, началъ доказывать имъ всю нелѣпость такого мнѣнія: указывалъ на плаваніе Ноева ковчега съ живущими на землѣ созданиями *обою пола*; говорилъ, что и родъ человѣческій возобновился отъ поколѣнія Ноя,—слѣдовательно, ковчегъ былъ не безъ женщины; рассказалъ имъ, съ анекдотами, первый рекрутскій наборъ изъ евреевъ въ 1827 году (*), и указалъ, что большая половина этихъ рекрутъ поступила на корабли, а между тѣмъ, въ послѣднюю войну съ Турціею 1828 и 1829 годовъ, флотъ нашъ благополучно кончилъ кампанію и одержалъ многія блистательныя побѣды; да, наконецъ, они сами видѣли, что на военныхъ корабляхъ служатъ евреи. При этомъ, представилъ имъ, какой отвѣтственности подверглись бы они по суду, если бы

(*) Могилевскій полкъ, въ которомъ я въ то время служилъ, стоялъ въ г. Мозырѣ, Минской губерніи, и я помню хорошо плачь, рыданія, крики и вообще, затрудненія, съ какими приходилось выпроваживать этихъ новобранцевъ изъ города.

свершили такое жестокое предложеніе одного глупаго хохла, который, можетъ быть (сказалъ я имъ шутя) самъ съ вѣдьмой изъ своей хаты леталъ въ трубу на свиданіе и для заговоровъ съ нечистыми, а теперь бурю моря сваливаетъ на еврея. Мое объясненіе такъ имъ понравилось, что многіе обѣщали, по прибытіи въ Тамань, при первой встрѣчѣ этого матроса на берегу, дать ему, за его совѣтъ, хорошую потасовку.

На девятый день оказался у насъ недостатокъ въ прѣсной водѣ; пришлось воду раздавать порціями: по расчету количества оставшейся въ занасѣ, предполагая еще четыре дня плаванія, можно было выдавать таковой каждому только по полуманерки. Дождя и грозы не было, и хотя солнце и свѣтило ярко, но вѣтеръ освѣжалъ воздухъ, а по ночамъ даже было холодно. Наконецъ, буря замѣтно стала утихать, и 2-го сентября, поутру, часу въ 7-мъ, показались намъ берега Керчи. Въ полдень увидѣли мы Тамань, противъ которой, на четверть версты отъ берега, часу во второмъ, бросили якорь. Я со шкиперомъ сейчасъ же съѣхали на берегъ и явились воинскому начальнику черноморскаго казачьяго войска, есаулу Дорошенкѣ, который въ то же время распорядился высылкою подводъ и казаковъ для приѣма больныхъ и отправленія ихъ въ крѣпость Фанаторію. Оставивъ шкипера распорядяться доставкою больныхъ съ брига на пристань, я самъ пошелъ въ контору госпиталя; тамъ, смотритель принялъ отъ меня конвертъ, повелъ меня въ госпиталь, гдѣ указалъ палату, предназначенную имъ собственно для разжалованныхъ. Изъ госпиталя я отправился на пристань за своими вещами, которыя помѣщались въ холщевомъ мѣшкѣ, завернутомъ въ войлокъ, замѣнявшій мнѣ постель. Съ пристани всѣ больные были уже перевезены, и лежали только четыре человекъ умершихъ, ожидавшихъ погребенія. Мнѣ сказали, что они вышли на берегъ живыми; скончались не болѣе, какъ чрезъ десять минутъ послѣ снятія ихъ съ баркаса. Я воротился въ госпиталь часу въ 6-мъ вечера; назначенная мнѣ палата была довольно обширная комната, съ тре-

мя большими окнами; въ ней я нашелъ на мѣстахъ разжалованныхъ изъ числа декабристовъ: Н. Ив. Лорера, А. Ив. Черкасова, В. В. Лихарева, и съ ними произведеннаго уже въ унтеръ-офицеры алшеронскаго полка, отданнаго въ солдаты изъ студентовъ московскаго университета, Платона Александровича Антоновича. Кромѣ ихъ, въ палатѣ никого не было, и смотритель указалъ мнѣ единственное, оставшееся незанятымъ мѣсто, прямо противъ мѣста Черкасова, такъ что насъ раздѣлялъ одинъ только госпитальный столикъ. Эти господа сейчасъ же предложили мнѣ чай. Всѣ они были прекраснаго образованія и замѣчательной доброты сердца; на видъ, Лихареву и Черкасову было не болѣе какъ за 35 лѣтъ, Лореру далеко за 40. Первый изъ нихъ былъ худощавъ, болѣзненнаго вида, молчаливъ и постоянно или читалъ, или раскладывалъ пасьянсъ. Мнѣ говорили, что онъ очень любилъ играть въ карты; вообще же, замѣтны были въ немъ глубокая тоска и душевныя страданія (*); напротивъ того, Лореръ и Черкасовъ были права веселаго, особенно первый; онъ зналъ много старинныхъ забавныхъ анекдотовъ изъ жизни придворной и высшаго круга; умѣлъ рассказывать ихъ чрезвычайно любезно, приправляя фразами французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ; рассказывая что нибудь изъ времени пребыванія своего въ каторжной работѣ или на поселеніи въ г. Курганѣ (Тобольской губерніи), онъ велъ рассказъ свой шутками, иронически. Напримѣръ, онъ говорилъ: „насъ заставляли, ручными мельницами, молоть муку, и мы выходили съ ра-

(*) Товарищи его рассказывали, что онъ, незадолго до ссылки, женился на Ковницыной, которая, по отправленіи его въ Сибирь, разрѣшилась сыномъ; но, не смотря на это, она не послѣдовала примѣру Нарышкиной, Трубецкой и другихъ аристократокъ, раздѣлившихъ участь мужей своихъ, а осталась въ Россіи и вышла замужъ за Гурьева — сына бывшаго министра финансовъ, роднаго брата второй жены полковника Кашутина, въ полку котораго Лихареву пришлось служить.

боты напудренными камергерами“, и тому подобное (*). Черкасовъ, при своей веселой любезности, былъ высоко религіозенъ; любилъ читать священныя книги, и, безъ малѣйшаго фанатизма, привлекательно разсуждалъ о святой истинѣ; Антоновича въ шутку называлъ Платономъ божественнымъ; неохотно говорилъ о своемъ пребываніи въ каторжной работѣ, но подробно вспоминалъ жизнь свою на поселеніи въ г. Березовѣ (Тобольской губерніи), разсказывалъ много про городъ, про сохранившіяся тамъ преданія о знаменитомъ ссыльномъ князѣ Меншиковѣ, о построенной имъ церкви, о его могилѣ и проч.—Я былъ невыразимо доволенъ такимъ обществомъ; кромѣ пріятнаго препровожденія времени, они принесли мнѣ существенную пользу: я плохо знаю французскій языкъ, хотя безъ затрудненія понимаю французскихъ писателей. Лихаревъ и Черкасовъ снабжали меня французскими книгами, пособляли мнѣ переводить ихъ, истолковывая правила языка. Они подарили мнѣ на память книги; эти маленькіе подарки людей, такъ много потерпѣвшихъ за свои идеи, указывали на ихъ нравственныя достоинства и на мнѣніе, какое они обо мнѣ получили; послѣдній изъ нихъ иногда подшучивалъ надъ лиризмомъ моихъ стихотвореній,—между тѣмъ, не шутя совѣтывалъ попробовать свои силы въ передоженіи псалмовъ Давида. Такъ мы пробыли вмѣстѣ до праздника Рождества Христова. Когда я выписался изъ госпиталя, воинскій начальникъ отвелъ мнѣ квартиру въ Тамани.

(*) Н. И. Лореръ переведенъ былъ въ вятскій полкъ изъ бывшихъ польскихъ войскъ, гдѣ онъ познакомился съ Фадѣемъ Венедиктовичемъ Булгаринимъ и разсказывалъ про него анекдоты.

1839 ГОДЪ.

IX.

Сборъ отряда на предстоящую экспедицію. Плаваніе отряда къ мѣсту, назначенному для десанта. Буря. Высадка войскъ и занятіе ущелья Субаши. Сильная перестрѣлка и рукопашная схватка съ горцами. Возведеніе форта Головинскаго. Плаваніе къ ущелью Пеззуале. Возведеніе форта Лазарева. Отплытіе отряда для дальнѣйшихъ дѣйствій. Прибытіе къ крѣпости Анапѣ. Занятіе мѣста, для возведенія форта „Раевскій“. Возвращеніе на зимнія квартиры. Пребываніе мое въ Екатеринодарѣ.

Вскорѣ послѣ новаго года, прибылъ въ Тамань генераль-майоръ М. М. Ольшевскій, съ семействомъ; онъ отправлялся въ укрѣпленіе Бомборы, по случаю назначенія его завѣдывать 2-мъ отдѣленіемъ прибрежной черноморской линіи; но бури задержали его, и онъ довольно долго прожилъ въ этомъ городѣ. Во все это время, по старой памяти, я проводилъ цѣлые дни въ домѣ этого добраго человѣка. Супруга его, Шарлота Ивановна, и младшая дочь Адель, были истиннымъ украшеніемъ ихъ семейства: первая—своею умною бесѣдою; вторая—веселою, рѣзвою дѣтскою любезностію; она часто и очень мило декламировала написанную мною солдатскую пѣсню на занятіе Туапсе. Старшая ея сестра, Емилія, въ это время была уже въ харьковскомъ институтѣ, а братъ Александръ—въ Одессѣ, въ пансіонѣ.

Въ это же пребываніе мое въ Тамани, я встрѣтился съ переведеннымъ изъ александровскаго въ нашъ полкъ подпоручикомъ Павломъ Ивановичемъ Кемпфертомъ, и свелъ съ нимъ пріятное знакомство; воспоминанія минувшихъ, турецкой и польской кампаній—сблизили насъ: онъ былъ подъ Шумлою, я—подъ Варною; онъ—подъ

Варшавой, я—подъ Замостьемъ,—было о чемъ поговорить.

По отъѣздѣ генераль-маіора Ольшевскаго, изъ бывшихъ со мною въ госпиталѣ: Антоновичъ, съ полковникомъ Бринкомъ, отправился въ Анапу, оттуда поступилъ въ штабъ генерала Раевскаго; Лихарева съ того времени я потерялъ изъ виду; съ Лореромъ и Черкасовымъ часто встрѣчался на прогулкахъ. Первый изъ нихъ одинъ разъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, предложилъ, вмѣстѣ съ нимъ, зайти къ М. М. Нарышкину, который въ это время нанималъ квартиру въ красивомъ домикѣ, расположенномъ въ саду; по его рекомендаціи, Михаилъ Михайловичъ принялъ меня, какъ добрый человекъ знатнаго происхожденія, съ хорошимъ образованіемъ,—болѣе о немъ ничего сказать не могу. Вскорѣ послѣ этого визита я извѣстился, что экспедиція начнется не ранѣе мая, и мнѣ уже неловко было оставаться долѣе въ Тамани; а потому, при первомъ случаѣ, именно въ концѣ марта, отправился я въ штабъ полка, въ селеніе Ивановское, гдѣ опять встрѣтился съ А. И. Черкасовымъ. Онъ былъ человекъ съ хорошими средствами къ жизни; послѣ ссылки его въ Сибирь, все его имѣніе перешло къ маткѣ, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности; она высылала ему, какъ видно было по его обстановкѣ, порядочныя деньги; при немъ въ прислугѣ былъ крѣпостной человекъ; квартира его отъ моей была недалеко; мы часто видѣлись; бесѣда съ нимъ была пріятна и поучительна. Отправляясь къ баталіону, я, въ память добраго ко мнѣ расположенія, подарилъ ему найденную мною въ Темрюкѣ окаменѣлую человѣческую кость; онъ принялъ этотъ подарокъ съ удовольствіемъ. Въ это время пребыванія моего въ Ивановкѣ, я получилъ письмо отъ Н. Ив. Лорера, которое сохранию на память объ этомъ веселомъ страдальцѣ (*), и тог-

(*). Отрывокъ изъ письма...«Вчера я получилъ письмо изъ Керчи, что нашъ опредѣнный начальникъ, генералъ Раевскій, былъ чрезвычайно хорошо принятъ Царемъ; все, что онъ не представилъ, было милостиво принято, расхвалено, утверждено. Н. Н. Раевскій назначенъ начальникомъ отъ Цоти до Тамани;

да же прочиталъ въ приказѣ по корпусу, что Государь Императоръ, 15-го января, по причинѣ неимѣнія ни въ Анапѣ, ни въ Геленджикѣ никакихъ помѣщеній, повелѣтъ соизволилъ, чтобы, до совершеннаго устройства Цемеса (Новороссійскъ), генералъ Раевскій и штабъ его, съ 1-го ноября по 1-е марта, имѣли мѣстопробываніе въ Керчи; въ прочее же время года обязаны быть въ крѣпостяхъ по восточному берегу Чернаго моря.

На предстоящую экспедицію этого года отрядъ собирався на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли лагеремъ въ прошломъ году, между Бутасомъ и Таманью; нашъ баталіонъ опять амбарировалъ на корабль „Память Евстафія“. Здѣсь, къ величайшему моему удовольствію, я вновь встрѣтилъ А. И. Черкасова; онъ на эту экспедицію зачисленъ былъ въ напу 2-ю гренадерскую роту; мы съ нимъ расположились около 36-ти фунтовой пушки—онъ съ одной, я съ другой стороны, такъ что толстыя, съ уступами, станины орудія замѣняли намъ столы, въ родѣ этажерки. Тутъ развернули мы на полу наши постели, онъ—коверь, я—войлокъ; это было на верхнемъ декѣ, недалеко отъ церкви и каюты іеромонаха (*); въ этомъ же декѣ, въ кормовой части, находилась и каютъ-компанія. Мы приглашались къ столу, какъ и въ прежнія плаванія; чаемъ угощаль Черкасовъ. Амбаркація всего отряда кончилась 25-го апрѣля, и

ему дозволено жить въ Керчи, и онъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, будетъ въ Керчи съ супругою, гдѣ уже нанятъ для него домъ за три тысячи рублей. Экспедиція наша будетъ производиться гѣмъ же порядкомъ, какъ и прошлаго года. Эскадра прибудетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Серебряковъ назначенъ главнымъ начальникомъ—устроить адмиралтейство-въ Цемесѣ, къ нему идутъ два полка изъ Крыма. Государь безпрестанно рекомендовалъ Раевского всѣмъ генераламъ, говоря: „знаете генерала Раевского, — совѣтую съ нимъ познакомиться“.

Фанаторія. 1839 г., 28 февраля.

(*) Въ укрѣпленіяхъ на береговой линіи, также, какъ и на корабляхъ, вмѣсто священниковъ, находились іеромонахи, которымъ предоставлялось право совершенія таинствъ брака и крещенія.

Авт.

эскадра, часу во 2-мъ, стала подъ паруса. Куда плыли—объ этомъ „старшій знаетъ“; но только мы слышали отъ моряковъ, что десантъ генераль Раевскій желаетъ сдѣлать 1-го мая, чтобы веселѣе встрѣтить лѣто. Ночью мы были далеко отъ береговъ. Вѣтеръ, казалось, былъ попутный, чистый сѣверный; эскадра замѣчательно ровнялась. Такъ мы шли три дня, а къ утру, 28-го числа, вѣтеръ началъ усиливаться, волненіе увеличиваться, и въ полдень началась буря. Суда такъ разъединились, что въ виду „Памяти Евстафія“ оставались только два корабля, тогда какъ въ первые дни я насчиталъ ихъ отъ 10-ти до 12-ти, съ пароходами. Волны по морю ходили громадныя, такъ что въ нашъ верхній декъ иногда бросало волны и обдавало насъ брызгами; порты же нижнихъ дековъ всѣ были закрыты. Наступило 1-е число мая, а береговъ мы еще не видѣли...

Буря продолжалась до 3-го мая. Ночью, подъ это число, кавказскіе берега обозначились кострами огней, которыми горцы, какъ тогда говорили, даютъ знать, куда должны собираться воинственныя ихъ толпы, для сопротивленія нашему десанту. Тщетныя усилія! подумалъ я, и тутъ же у меня явилась мысль оправдать кровавыя дѣйствія цивилизованнаго правительства, при описаніи, если останусь живъ, этого десанта и, разумѣется, по моей привычкѣ, въ стихахъ, въ которыхъ софизмы и даже *паралогизмы* простительнѣе, чѣмъ въ прозѣ; да и въ описаніи походовъ, свое умствование въ прозѣ какъ-то неумѣстно,—оно оскорбляетъ распорядителей.

Изъ словеснаго приказанія мы узнали, что къ занятію пункта на берегу предназначалось ущелье Субаши. Порядокъ высадки войскъ, дѣйствіе флота и вообще, диспозиція для всего отряда, на первый день десанта, были тѣ же самыя, какіе были сдѣланы и въ прошломъ году. Нашъ баталіонъ, по прежнему, былъ въ первомъ фасѣ; я вышелъ на берегъ со стрѣлками перваго рейса. Горцы на этотъ разъ были благоразумнѣе: на самомъ берегу не было сооружено никакихъ преградъ, да и подплывая на баркасахъ, которые об-

стрѣливали прибрежье изъ каронадъ, мы вовсе не видѣли непріятеля. Но едва только подошли къ лѣсу, въ полномъ убѣжденіи, что онъ очищенъ морскою артилеріею—какъ были встрѣчены ружейными залпами, отъ горцевъ, засѣвшихъ въ вырытыхъ ими, параллельно берегу, шанцахъ. При этихъ первыхъ выстрѣлахъ убито изъ цѣпи нѣсколько стрѣлковъ, и даже въ рядахъ нашей роты двое были ранены; на капитанѣ прострѣлена фуражка и въ двухъ мѣстахъ сюртукъ. Въ это мгновеніе весь баталіонъ, двигавшійся отдѣльно, поротно, развернутымъ фронтомъ, въ видѣ резерва для цѣпи, вмѣстѣ съ нею, при крикахъ ура! бросился впередъ,—но тутъ проиграли сигналъ „стой“. Въ это время навагинцы, въ правой цѣпи, при двухъ горныхъ орудіяхъ на отвозахъ, миновали уже шанцы и, замѣтя въ нихъ засѣвшаго непріятеля, начали его анфилировать въ лѣвый его флангъ картечью и гранатами; при этомъ, картечныя пули зашвистали передъ самымъ носомъ нашей цѣпи. Мы попятились; но, какъ только замѣтили, что горцы, не выдержавшіе неожиданнаго огня артилеріи, оставили свои засады и побѣжали,—мы, безъ сигнала, двинулись впередъ и заняли ихъ мѣста. Между тѣмъ, въ боковыхъ цѣпяхъ и въ нашей трещала сильная перестрѣлка. Когда стрѣлки нашей роты вскочили въ шанцы горцевъ, тамъ нашли два тѣла съ разбитыми картечью или осколками гранатъ головами, три ружья и одну въ пожнахъ, пополамъ перебитую, пашку; все это доказываетъ удачное дѣйствіе нашей горной артилеріи и поспѣшность, съ которою горцы отступили. По сигналу „движеніе впередъ“, мы оставили позицію, отбитую нами отъ непріятеля, и медленно, съ осторожностію, подвигались впередъ. Вдругъ, нѣсколько паръ навагинцевъ, вмѣстѣ съ примыкавшими къ нимъ правофланговыми парами нашей роты, быстро начали тѣсниться къ парамъ цѣпи 4-й мушкетерской, и вскорѣ затѣмъ, съ крикомъ ура! побѣжали. Почти одновременно раздался гикъ непріятеля, и появилась толпа горцевъ, неожиданно столкнувшаяся съ ротою;—пошла рукопашная. Подобные моменты боевой жизни можно только рисовать

карандашемъ, или воспѣвать въ стихахъ, какъ сдѣлали: Озеровъ, въ описаніи побоища Мамаѣ, Пушкинъ—въ полтавской битвѣ, и другіе; словомъ, эти моменты можетъ рассказывать только тотъ, кто самъ тамъ *не былъ*, такъ какъ въ такое время каждый участвующій видитъ только передъ своимъ носомъ, и только послѣ дѣла, на бивакахъ, и при перевязкѣ раненныхъ, совокупность рассказовъ возвратившихся изъ строя и кровавыя доказательства даютъ нѣкое темное понятіе о событіи. Такой моментъ нашей роты продолжался не болѣе десяти минутъ; горцы побѣжали. Затѣмъ, послѣдовали неумолкаемые крики ура! барабанный бой, ружейные выстрѣлы, рѣзкіе звуки сигнальнаго рожка, повторявшаго нѣсколько разъ „движеніе впередъ“,—все это, сливаясь вмѣстѣ, производило какой-то непонятный шумъ, и всѣ бѣжали впередъ, какъ сумашедшіе, хотя уже непріятельскій слѣдъ давно простылъ. Наконецъ, заиграли „стой“,—затѣмъ, „отбой“. Все стихло; всѣ легли; кто принялся за манерку съ водой, кто за бутылку съ водкой, кто оббивалъ, а кто и перемѣнялъ кремень въ куркѣ, вытиралъ полку, прочищалъ затравку, продувалъ дуло; иной, закуривъ трубочку, безопасно потягивался на спинѣ, а другой, сидя, снялъ сапоги, поправлялъ обувь,—однимъ словомъ, каждый подкрѣплялся, оправлялся и подготавливался на случай новой встрѣчи съ врагомъ. Я, невыразимо утомившись, съ разрѣшенія моего капитана, пошелъ въ колонну, и на пути видѣлъ слѣды нашихъ человѣколюбивыхъ подвиговъ: окровавленные тѣла убитыхъ, изломанное оружіе, изорванную одежду, разбросанные кусочки бумаги отъ скусанныхъ солдатскихъ патроновъ; при этомъ, слышалъ отдѣльные эпизоды изъ нашей схватки съ горцами. Въ нашей ротѣ израненныхъ шапками было всего шесть человѣкъ, изъ которыхъ только одинъ, съ разрубленнымъ у самой шеи плечомъ, умеръ отъ истеченія крови; остальные, не смотря на то, что получили по нѣсколько ранъ шапками—а одинъ даже и кинжаломъ—остались живы; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ ефрейторъ Макаръ Лукьяновъ, имѣвшій за Псе-

зуапе знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія, который, на мо- ихъ глазахъ, въ моментъ схватки, размахнувшись ружьемъ для по- раженія горца, подыавшаго на него пашку, получилъ отъ другаго татарина ударъ кинжаломъ въ лѣвую руку, около кисти, и, выпу- стивъ ружье, уклонился назадъ; противникъ же его, въ это мгнове- ніе, нанесъ ему сильный ударъ, такъ сказать, по діагонали груди, отъ праваго плеча къ лѣвому боку, разсѣлъ какъ плечо, такъ и ситцевый на ватѣ нагрудникъ, откуда посыпались новенькіе или, лучше сказать, тщательно вычищенные серебряные рубли, которые были пристеганы къ суконной подкладкѣ нагрудника. Оба горца, его поразившіе, были тутъ же заколоты, а усердные товарищи, грена- деры, вмѣстѣ съ навагинцами, заботливо подхватили окровавленнаго Лувьянова на руки и начали облегчать его отъ серебряной кир- сы, хотя тотъ кричалъ имъ: „пустите меня, самъ пойду“; но, не смотря на этотъ крикъ, они несли его, и только плеть капитана, висѣвшая у него чрезъ лѣвое плечо—разумѣется, для лошади—мо- гла остановить усердіе стрѣлковъ, у которыхъ уже завязывалась было кулачная между собою расправа. Пройдя эту оставленную нами позицію, я увидѣлъ въ сторонѣ стоявшаго подъ деревомъ, опершагося на ружье, въ сумѣ на перевязи и съ патронташемъ чрезъ плечо, видимо утомленнаго и облитаго потомъ, стараго вете- рана отечественной 1812 г. войны, Н. И. Лорера; онъ, съ привѣт- ливою улыбкою, протянулъ мнѣ руку. Я рассказалъ ему въ корот- кихъ словахъ, что дѣлалось въ нашей цѣпи; онъ, по обыкновенію, вполне одобряя нашихъ солдатъ въ бою, остроумно подшучивалъ надъ ихъ храбростью и, между прочимъ, замѣтилъ: „отнимите у знака отличія георгіевскаго креста преимущество, избавляющее солдата отъ тѣлеснаго наказанія безъ суда,—и вы увидите, что удалство нашихъ героевъ сократится наполовину“. — „Мнѣ кажется, возразилъ я ему, нельзя не признать и въ простомъ солдатѣ, какъ и въ личностяхъ, подобныхъ мнѣ, чувствъ патриотизма и понятія о своей чести“. — „Нѣтъ, дорогой М. Ѳ., сказалъ онъ: пока у насъ

звание солдата будетъ составлять наказаніе, пока рекрутамъ, какъ преступникамъ, будутъ брить лы и заковывать ихъ въ кандалы— до тѣхъ поръ понятіе русскаго солдата о патриотизмѣ и о своей чести—сомнительны“. Я, хотя и не совсѣмъ согласился съ этою мыслью, но не возражалъ ему. О себѣ же онъ сказалъ, что далѣе полугоры, по причинѣ усталости, съ ротою онъ идти не могъ, и, по совѣту ротнаго командира, отправился въ колонну и радъ, что встрѣтился со мною, добавивъ иронически: „вѣроятно, и безъ моей храбрости рота наша разобьетъ непріятеля“. Мы разстались. Я зашелъ въ штабъ начальника отряда, гдѣ, подрѣпившись у знакомыхъ закускою, направился въ лагерь, къ своей ротѣ; когда пришелъ туда, палатки были уже разбиты. Здѣсь, А. И. Черкасовъ пригласилъ меня расположиться съ нимъ вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Между тѣмъ, перестрѣлка въ цѣпяхъ умолкала, а, по очертанію фасовъ отряда, быстро возводились засѣки, такъ что къ вечеру отрядъ былъ совершенно обезпеченъ отъ внезапнаго нападенія. Въ этотъ день потеря, для кавказской войны, была довольно значительна: не знаю, сколько убыло изъ строя во всемъ отрядѣ, но въ нашей ротѣ убито 3, истекъ кровью отъ раны шашкою—1; ранено пулями—унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 7; изранено шашками 7.

Отдохнувъ и поустроившись въ палаткѣ, я это дѣло, какъ уже прежде сказалъ, описалъ въ стихахъ—для оправданія нашихъ кровавыхъ дѣйствій.

Занятіе Субаши.

Развила флагъ эскадра средь пучинъ,
Эвксинъ вскипѣлъ подъ кораблями;
И человекъ—надъ бездною властелинъ,
Некусно правитъ барусами.
Онъ все могуществомъ разсудка покорилъ:

Ему послушенъ вѣтръ, ему покорны воды;
Поправъ умомъ святой законъ природы,
И путь по безднамъ проложилъ;
Онъ смертію и жизнью играетъ,
Безпечно носится средь пѣнистыхъ громадъ,
Онъ жизнь не можетъ дать, а съ радостью вонзаетъ
Въ грудь слабаго убійственный булатъ—
И окровавленный собратъ
Предъ нимъ, какъ червь ничтожный, умираетъ...

Горь житель отважный, въ безумьи своемъ,
Разбоємъ себя утѣшаетъ;
И въ наши предѣлы, съ мечемъ и огнемъ,
Непрошенымъ гостемъ въѣзжаетъ.
Онъ къ вольнымъ наѣздамъ привыкъ среди скалъ,
Въ разбояхъ лишь радость находить,
И въ грудь онъ ребенка вонзаетъ клизгалъ,
И дѣвъ въ плѣнъ позорный уводитъ.
Захватить-ли старца на русскихъ поляхъ—
Смѣется его сѣдинами:
И старецъ нашъ стадо пасетъ на горахъ,
Опутанный рабства цѣлями.
На воина-ли броситъ свой мѣткій арканъ—
Онъ требуетъ выкупъ безмѣрный;
Тѣмъ временемъ, плѣнный, страдая отъ ранъ,
Какъ рабъ угасаетъ презрѣнный.
Что жъ дѣлать намъ, русскимъ? пора положить
Конецъ этой звѣрской забавы;
Пора хоть штыками имъ путь преградить
Въ предѣлы могучей державы.

Уѣтрила убранны. Вотъ якори бросаютъ,
И роты русскія толются на бортахъ.

На мѣстѣ корабли, и вотъ, въ ладьяхъ
Штыки каленые сверкають.
Враги на берегу собралися толпой,
Готовы встрѣтить насъ съ отвагой дерзновенной.
Но вотъ, взгремѣлъ нашъ выстрѣлъ вѣстовой,
И грянулъ съ кораблей перунъ военный;—
Чугунъ убійственный несетъ и смерть, и страхъ,
Покрыла пыль и горы, и ущелья,
И громкое ура! откликнулось въ горахъ—
И въ бѣгствѣ ищетъ врагъ спасенья.
Надъ бурной стихіей легъ дымъ боевой,
И море шумить подъ ладьями:
Потомокъ, достойный героя, герой
Раевскій у берега съ нами (*).

(*) Здѣсь сказано про Николая Николаевича Раевского: «потомокъ, достойный героя, герой» потому, что отецъ его, начальствуя въ 1812 г. дивизію, палъ въ сраженіи съ французами, и незабвенный нашъ поэтъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, служившій тогда въ московскомъ ополченіи, состоя при главной квартирѣ Михаила Иларионовича Кутузова, передъ сраженіемъ подъ Тарутиннымъ, написалъ извѣстное сочиненіе: «Швецъ во станѣ русскихъ воиновъ», гдѣ, въ числѣ отличившихся подъ Бородиномъ и въ другихъ сраженіяхъ до битвы при Тарутинѣ, сказалъ объ отцѣ Николая Николаевича:

Раевскій, слава нашихъ дней.
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ младенцами сынами...

Извѣстно, что этотъ генералъ Раевскій, въ дѣлѣ при Салтановкѣ, 11-го іюля, вывелъ двухъ сыновей своихъ, служившихъ въ то время юнкерами, передъ строй и съ ними, впереди полковъ своей дивизіи, повелъ ихъ на французскія колонны. Послѣ того, въ 1821 году, этотъ стихъ далъ поводомъ Пушкину, посвящая Николаю Николаевичу свою поэму «Кавказскій плѣнникъ», сказать:

Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя,

Онъ первый, съ колонной, навстрѣчу врагамъ,
Грозой впереди онъ дружины;
А воинамъ нашимъ—Россіи орламъ,
Скажи—опрокинуть стремнины.
Черкесы, какъ звѣри, засѣли въ кустахъ,—
Но мы ихъ и тамъ угостили:
Мы вынесли горцевъ на русскихъ штыкахъ,
Кровавой грядой положили,
И знамя святое, на грозныхъ скалахъ,
При гимнахъ, съ мольбой, на горахъ водрузили.

Вотъ заняли ущелье горъ—
И вторить пѣсни намъ кавказская громада.
На станъ Раевского отряда
Теперь черкесъ не смѣетъ бросить взоръ.
Раздался-ль крикъ ура! на каменной вершинѣ,
Въ ущельи, среди скалъ, сверкнулъ-ли строй штыковъ,
Свинецъ-ли нашъ просвистнелъ по долинѣ—
И ужъ бѣгутъ толпы враговъ.

Послѣ 3-го мая, по занятіи мѣста для форта, который предположено наименовать „Головинскій“, начались приготовительныя работы къ возведенію укрѣпленія. Приобрѣтеніе хвороста, лѣса, фуража, вязаніе фашинь, плетеніе туровъ и вообще, работы внѣ лагера, какъ и прежде, не обходилось безъ потерь съ нашей стороны: каждый день убывало изъ строя по два, по три человѣка, иногда и болѣе. Наконецъ, горцы, на возвышенность, покрытую лѣ-

Едва, едва расцвѣлъ, и въ слѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражыхъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ.

Авт.

сомъ, отдѣлявшую долину Субаши отъ р. Шахо, скрытно отъ отряда, втащили орудіе, и въ ночь съ 25-го на 26-е число, начали бросать ядра наугадъ, по палаткамъ, но преимущественно направляли выстрѣлы на штабъ начальника отряда. Хотя эта замѣчательная канонада не дѣлала намъ никакого вреда, но, чтобы положить конецъ такой дерзости, съ разсвѣтомъ, 29-го числа, посланы были туда, при двухъ горныхъ единорогахъ, два баталіона, которые не только прогнали съ этой позиціи горцевъ, съ ихъ забавною артилеріею, но, перейдя на лѣвый берегъ р. Шахо, заняли тамъ высоты, устроили засѣки и тѣмъ—соединили въ одинъ стратегическій пунктъ долины Шахо и Субаши, чѣмъ много облегчились работы по возведенію форта.

На третій день послѣ десанта, я прочиталъ моему доброму капитану свои новыя стихотворенія: „Переложеніе псалма“ и „Занятіе Субаши“. Это послужило ему поводомъ опять предложить мнѣ написать для его гренадеръ пѣсню, да попроще, сказалъ онъ, добавивъ комплиментъ стихомъ Пушкина: „вѣдь рѣшмы съ вами запросто живутъ: двѣ придутъ, третью приведутъ“. Конечно, такой лестной просьбѣ отца-командира нельзя было отказать, и я написалъ „Солдатскую пѣсню на занятіе десантомъ ущелья Субаши“:

Извини, черкесь любезный,

Опоздали мы къ тебѣ;—

Встрѣтить первый май хотѣли

Мы при кликахъ и пальбѣ.

Не пришлось намъ подраться

Въ первый май съ тобою, хватъ,—

Но мы въ томъ не виноваты—

Вѣтръ-буянычъ виновать.

Все равно, повеселились,

Лѣто встрѣтили съ пальбой;

На кровавой, братъ, пирушкѣ

Погуляли мы съ тобой.

Съ пуль тенгинскихъ, навагинскихъ,
Съ пуль отважныхъ моряковъ,
Ошалѣль, злѣть, иль ослѣпнулъ
Ты отъ блеска ихъ штыковъ.

И старинныхъ насъ знакомыхъ

На Субашѣ не узналъ;

Съ нами та-же, братъ, эскадра,

Съ нами тотъ же генераль.

Славно Лазарева знаетъ
Твой землякъ, мусульманинъ,
Ты забыль—такъ онъ припомнить,
Вспомня въ пламѣ Наваринъ (*).

А Раевскій всѣмъ примѣтенъ—

Ростомъ, силой и умомъ;

Такъ тебѣ-ль, чакалка, спорить

Съ нашимъ сѣвернымъ орломъ?

А израенный Кашутинъ?
Какъ его ты не узналъ!—
Вѣдь тебѣ свою онъ дружбу
Въ май десятый доказалъ.

И Ольшевскій съ нами тогъ-же;

Какъ его ты позабыль!—

А онъ знатную замѣтку

На Туансе положилъ.

И Полтнина припомнишь,
Врагъ нашъ, храбрый басурманъ,

(*) Въ извѣстномъ кровопролитномъ сраженіи подъ Навариномъ, 8го октября 1827 года, адмиралъ Лазаревъ, въ то время капитанъ 1-го ранга, командовалъ адмиральскимъ кораблемъ «Азовъ», получившимъ 153 ядра въ свой корпусъ.

Только въ ишаденскомъ ущельи

Вспомни крикъ и барабанъ.

Въ этотъ годъ насъ было меньше,

Русскихъ царскихъ соколовъ:

Но, сознайся, что не стоишь

Силы ты и двухъ полковъ.

Въ носъ щелчокъ—и ты отскочишь

Отъ солдатскаго щелчка.

Эй! не жди, безумецъ храбрый,

Русскихъ грознаго толчка.

Наши хлынуть—опрокинуть

На аулы цѣпи горь,

Въ прахъ падешь и затрепещешь,

И рѣшенъ нашъ будетъ споръ.

Заупрямишься-жъ, негодный,

То и въ будущій насъ май,

Со штыкомъ, свинцомъ, жедѣзомъ,

Снова въ гости ожидай.

Здѣсь, въ лагерѣ на Субаши, ничего особенно замѣчательнаго не случилось. По занятіи высотъ Шахо, примыкающихъ къ морю утесомъ, гдѣ поставили лагеремъ 4-й баталіонъ нашего полка, перестрѣлки въ цѣняхъ значительно уменьшились; работы пошли успѣшнѣе. Около половины іюня, мы прочитали приказъ по корпусу, состоявшійся 15-го мая, изъ котораго узнали, что всѣ укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ устья Кубани до границы Мингреліи, а также Абхазію и Цебельду, съ войсками, повелѣно соединить въ одно управленіе, подъ названіемъ черноморской береговой линіи, и раздѣлить на два отдѣленія: первое, отъ Кубани до Александріи; второе—отъ форта Александріи включительно до

границъ Мингреліи. Начальствовать всею линією—генераль-лейтенанту Раевскому; 1-мъ отдѣленіемъ, въ укрѣпленіи Новороссійскѣ, и устройствомъ тамъ порта, завѣдывать свиты Его Величества контръ-адмиралу Серебрякову; 2-мъ отдѣленіемъ—генераль-маіору Ольшевскому, присвоивъ ему званіе командующаго войсками въ Абхазіи. Пребываніе Раевскому—Новороссійскѣ; Серебрякову тоже, а Ольшевскому—Сухумъ-кале.

Жизнь въ лагерѣ шла шумно и весело, какъ и всегда во всѣхъ кавказскихъ походахъ, и только смерть одного изъ декабристовъ, Александра Ивановича Одсевского, опечалила всѣхъ, знавшихъ хоть сколько нибудь этого замѣчательнаго по уму и душевнымъ качествамъ страдальца отъ юности; онъ былъ истинный поэтъ, но, по обстоятельствамъ жизни, написалъ мало; мнѣ говорили о его близкой, задушевной дружбѣ съ Грибоѣдовымъ, особенно съ того времени, когда творецъ извѣстной комедіи былъ свидѣтелемъ самоотверженія юнаго корнета, князя Одоевского, при спасеніи погибавшихъ во время петербургскаго наводненія, 7-го ноября 1824 года. Александръ Ивановичъ скончался послѣ кратковременной болѣзни (говорили, отъ желчной лихорадки) окруженный своими товарищами, возвращенными, вмѣстѣ съ нимъ, изъ Сибири на Кавказъ. Къ 5-му іюля, въ оборонительномъ отношеніи, фортъ „Головинскій“ былъ оконченъ, вооруженъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. На 6-е число назначена была амбаркація отряда, по примѣру прежнихъ лѣтъ; диспозиція по размѣщенію войскъ на суда оставалась прежняя—что много содѣйствовало сохраненію порядка вообще, и особенно по ротному хозяйству, какъ весьма основательно доказывалъ мой капитанъ. Часу въ 6-мъ утра, разобраны были засѣки, цѣпи начали отступленіе, и стрѣлки пускали пули, кажется, только для прощанья съ мѣстностью, такъ какъ черкесскихъ выстрѣловъ я рѣшительно не слышалъ: на это мое замѣчаніе, капитанъ сказалъ: „увѣряю васъ, это я ихъ напугалъ на Туапсе: они боятся попасть въ человѣчьи ямы“.—Очень можетъ быть,

заклучилъ я.—Часу въ 10-мъ, эскадра была уже въ открытомъ морѣ. Гдѣ сдѣланъ будетъ новый десантъ—мы не знали, и положительо были удивлены, увидя, на разсвѣтѣ, 7-го числа, что наша эскадра очутилась опять вблизи знакомыхъ намъ береговъ; и тогда только, когда, часу въ 8-мъ утра, корабли начали входить въ боевую линію, капитанъ объявилъ мнѣ, что десантъ назначенъ въ ущелье „Псезуапѣ“; что диспозиція и всѣ распоряженія по предмету высадки отряда, безъ всякой отмѣны, оставлены тѣ же, какія сдѣланы были для занятія Субани. Такъ и сбылось; а потому, описывать этотъ десантъ—значило бы повторить рассказъ о томъ шумѣ, громѣ, трескотнѣ, крикѣ, какіе только могутъ производить стопушечные корабли, не имѣя противниковъ и не видя непріятеля, вмѣстѣ съ войсками десятитысячнаго отряда, съ его сухопутною артилерією.

Въ нашей передовой цѣпи, какъ и во всѣхъ рядахъ перваго рейса, ружейной трескотни было много; но вообще, въ нашемъ баталіонѣ убили изъ фронта не было, да и во всемъ отрядѣ въ этотъ день, какъ говорили, было убитыхъ и раненыхъ не болѣе 20-ти человекъ, и то преимущественно изъ числа рабочихъ при устройствѣ засѣкъ. Работы по возведенію укрѣпленія, наименованнаго „фортъ Лазарева“, и вообще, наша лагерная жизнь, шли обычнымъ порядкомъ: хорошо ѣли, пили, кутили, играли въ карты; вмѣсто газетъ и журналовъ, читали приказы и приказанія, изъ которыхъ, между прочимъ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что горцы покушались овладѣть нѣкоторыми изъ нашихъ укрѣпленій, именно: два дня сряду, 24-го и 25-го апрѣля, напали на укрѣпленіе Навагинское, которое, при постройкѣ его въ 1838 году на р. Сочи, было наименовано фортомъ Александровскимъ; но нападеніе не удалось,—горцы были отражены съ большою потерей. Однако же, не смотря на это, повторили свое покушеніе 20-го и 21-го мая—и также неудачно, какъ и первое; а 3-го мая, въ день нашего десанта на Субани, напали на патруль, высланный изъ укрѣпле-

нія Михайловскаго, построеннаго на Вуланѣ въ 1837 году, при чемъ были убиты 2 и ранены 5 рядовыхъ; но патруль, не смотря на свою малочисленность, поддержанный высланнымъ къ нему секундсомъ, вошелъ въ укрѣпленіе, принесъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. 24-го іюля, сдѣлано было сильное нападеніе на фортъ Вельяминовскій, возведенный въ 1838 году на Туапсе; горцы шли на штурмъ, но были отражены, отступили съ потерею и были удачно преслѣдуемы выстрѣлами крѣпостной артилеріи. За это дѣло, начальникъ форта, капитанъ навагинскаго полка Худобашевъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра съ бантомъ. Въ это же время мы узнали о Высочайше утвержденномъ, 30-го іюня, положеніи, по предмету военнаго поселенія на Кавказѣ, которымъ повелѣно: нижнихъ чиновъ, выслужившихъ двадцатипятилѣтній терминъ, кто изъ нихъ пожелаетъ, вмѣсто отставки, обращать въ поселанъ.

Не знаю, по какимъ причинамъ, но видимо, при постройкѣ форта Лазарева, очень торопились. Въ послѣднихъ числахъ августа, фортификаціонныя работы не были еще приведены къ концу, орудія крѣпостной или осадной артилеріи, которою обыкновенно вооружались форты, не были еще доставлены,—а между тѣмъ, укрѣпленіе уже снабжалось продовольственными припасами, лазаретными вещами и другими запасами. Что же всего удивительнѣе—вооружалось артилерією съ кораблей, орудія и лафеты которой приспособлены къ дѣйствию чрезъ порты на судахъ, но отнюдь не чрезъ амбразуры и чрезъ банкъ съ барбетовъ. Въ гарнизонъ этого укрѣпленія назначена была нашего баталіона 4-я мушкетерская рота, командиромъ которой былъ капитанъ Марченко, только что въ прошломъ году, по переводу изъ цолтавскаго пѣхотнаго полка, прибывшій къ намъ на Кавказъ, офицеръ ни разу не бывшій въ дѣлахъ противъ непріятеля, кажется, нигдѣ не учившійся, едва умѣвшій читать и писать, и самыхъ ограниченныхъ умственныхъ способностей. Разговаривая съ нимъ, можно было принять его за помѣшаннаго; о чемъ бы ни шелъ разговоръ,—онъ постоянно смѣ-

ялся;—еще древніе утверждали, что кто постоянно смѣется, тотъ имѣетъ короткій умъ и холодное сердце. И этому-то офицеру вѣбрили одинъ изъ постовъ такой важности, какъ форты береговой линіи! Положимъ, высшее начальство его не знало; да неужели же нельзя разгадать человѣка, разговаривая съ нимъ о возлагаемой на него обязанности?—Эти мысли, съ доказательствами о плохихъ оборонительныхъ средствахъ форта Лазарева, я высказалъ моему капитану, когда онъ вздумалъ предложить мнѣ перейти въ 4-ю мушкетерскую роту, чтобы остаться въ фортѣ и имѣть случай отличиться; къ этому добавилъ я, что если бы онъ самъ былъ назначенъ начальникомъ форта, то я бы охотно остался; но и въ такомъ случаѣ, упробилъ бы его настоять о замѣнѣ корабельныхъ орудій колевыми или даже горными, и непременно—снять турбонеты съ кроны бруствера бастіоновъ, препятствующіе обстрѣливать секторы исходящихъ угловъ; иначе, кажется, не одобровать этому укрѣпленію, особенно при Марченкѣ. „Я совершенно съ вами согласенъ, сказалъ капитанъ, и если бы я самъ остался здѣсь воинскимъ начальникомъ, то непременно бы—добавилъ онъ проницательно—сдѣлалъ васъ моимъ начальникомъ штаба“. Въ фортѣ, при капитанѣ Марченкѣ, оставлены субалтернъ-офицеры: подпоручикъ, мой однофамилецъ, Павелъ Федоровъ; прапорщикъ: Владиміръ Федоровъ, родной братъ перваго, и Богушевичъ,—всѣ трое съ хорошими способностями ума и поистинѣ боевые офицеры; но что значить юное усердіе и храбрость, когда некому ими руководить?...

По окончаніи постройки форта Лазарева и возведеніи на берегу моря деревяннаго блокгауза, какіе устроивались при всѣхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ для помѣщенія командъ азовскихъ казаковъ, поддерживавшихъ мореходное сообщеніе между фортами, предполагалось этотъ блокгаузъ соединить съ укрѣпленіемъ посредствомъ траншеи, которую прикрыть эполементомъ; но 31-го августа, то есть, до дня амбаркаціи отряда, съ цѣлью продолженія экспедиціи этого года, къ этимъ работамъ еще не приступали, хо-

тя, по отдаленности форта от берега моря болѣе чѣмъ на два ружейные выстрѣла, сообщеніе съ блокаузомъ было не безопасно.

Въ полдень, 31-го августа, отрядъ былъ уже на судахъ и эскадра стала подъ паруса. Отступленіе цѣлей къ берегу совершилось безъ выстрѣла; но, при первомъ пробномъ выстрѣлѣ изъ 36-ти фунтовой пушки съ барбета чрезъ банкъ—орудіе, при отдачѣ послѣ выстрѣла, сошло съ платформы и скатилось съ аппарели. Нагрузка же тяжестей, лошадей, ротныхъ вещей и посадка войскъ, сдѣлана была при тихой погодѣ—благополучно.

Послѣ трехдневнаго плаванія при тихомъ попутномъ вѣтрѣ, мы подошли къ крѣпости Анапѣ; верки полигоновъ этой крѣпости, обращенные къ морю, стоятъ на обрывистомъ берегу, къ которому, по причинѣ мелководія, не только военныя, но и купеческія суда ближе 4-хъ или 5-ти верстъ подойти не могутъ, а въ маленькую анапскую бухту входятъ только суда гребной флотилии; по этимъ причинамъ, высадка войска и выгрузка военныхъ снабженій производились чрезвычайно медленно. Отрядъ первоначально сталъ биваками на гласисѣ крѣпости и затѣмъ, разбилъ лагерь. Комендантомъ крѣпости былъ полковникъ Е. Е. фонъ-Бринкъ, плацъ-маіоромъ—маіоръ О. Н. Суходольскій. Такъ какъ въ отрядѣ прошли слухи, что награды за экспедицію прошлаго года уже вышли, то мой ротный командиръ разрѣшилъ мнѣ отправиться въ крѣпость и тамъ ожидать производства въ офицеры. Я воспользовался этимъ позволеніемъ и поселился у О. Н. С-го. Между тѣмъ, отрядъ, 11-го сентября, двинулся къ горамъ на юго-востокъ и, миновавъ станицу Николаевскую (анапскаго поселенія) верстахъ въ 25-ти отъ крѣпости, при слияніи р. Цемесъ съ р. Мискаге (*), сталъ лагеремъ,

(*) Эти двѣ рѣчки, слившись въ одинъ ручей, отъ этого мѣста получаютъ направленіе прямо на югъ, и, подъ общимъ именемъ «Цемесъ», впадаютъ въ бухту, при которой существовала турецкая крѣпость Суджукъ-кале. По словамъ К. И. Тауша, это слово означаетъ «мышинный замокъ».

гдѣ, 12-го числа, начальникъ отряда, генераль Раевскій, заложивъ укрѣпленіе своего имени, передалъ отрядъ генераль-маіору Кашутину, а самъ отправился въ Новороссійскъ.

Сентября 21-го, были получены въ отрядѣ приказы по корпусу, изъ которыхъ узнали, что Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ 20-го августа, въ лагерѣ при селѣ Бородинѣ, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ числѣ прочихъ, произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики Федоровъ. Начальникъ отряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и командиръ нашей 1-й бригады, В. А. Кашутинъ, зналъ меня лично, и потому, 16-го числа сентября, далъ мнѣ предписаніе: по случаю болѣзни бригаднаго адъютанта, штабсъ-капитана Корецкаго, принять мнѣ обязанность отряднаго адъютанта и вступить въ исправленіе должности бригаднаго. По этому предписанію, я, вступивъ въ эти должности, по неимѣнію возможности обмундироваться, исправлялъ ихъ въ солдатской шинели, замѣнивъ ружье пашкою, подаренною мнѣ анапскимъ комендантомъ. Этотъ отрядъ, во все время возведенія укрѣпленія, имѣлъ только двѣ небольшія перестрѣлки, безъ всякой потери съ нашей стороны, и именно—26-го и 27-го сентября. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этихъ перестрѣлокъ, начальникъ отряда получилъ извѣщеніе, что, въ ночь съ 28-го на 29-е число этого же мѣсяца, горцы сдѣлали сильное нападеніе на укрѣпленіе Навагинское, но, какъ и прежде, были отражены съ большою потерею. Такія дѣйствія нашихъ гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ и фортахъ благотворно вліяли на духъ нижнихъ чиновъ въ отрядѣ. Наконецъ, 9-го октября, укрѣпленіе было окончено, и начальникомъ форта назначенъ былъ нашего тенгинскаго полка поручикъ Дормидонтъ Степановичъ Наумовъ. Этотъ офицеръ, при хорошихъ умственныхъ способностяхъ, получивъ теоретическое военное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, подкрѣпившій свои познанія четырехлѣтнею практикою въ кавказской войнѣ, заслужившій уже отличіями въ дѣлахъ противу горцевъ ордена, былъ совершенно противоположенъ капитану Марченкѣ, и выполнѣ заслу-

живаль то довѣріе, которымъ почтило его начальство, не смотря на его молодость.

По приведеніи форта Раевского въ оборонительное положеніе и, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, отрядъ, 18-го числа, чрезъ станицы Николаевскую и Витязеву, выступилъ въ Черноморію; а 22-го числа, по окончательной переправѣ чрезъ Кубань при Бугасѣ, былъ распущенъ, и я отправился въ г. Екатеринодаръ, гдѣ была бригадная штабъ-квартира. Тамъ я провелъ всю зиму, занимая квартиру вмѣстѣ съ больнымъ бригаднымъ адъютантомъ Корецкимъ, имѣя столъ у командира бригады. Во время пребыванія въ этомъ городѣ, жизнь была обыкновенная: поутру, самыя мелочныя занятія въ бригадной канцеляріи, гдѣ и одному писарю нечего было дѣлать; вечеромъ—постоянно въ квартирѣ у насъ была картежная игра: банкъ, шгось, ландскнехтъ и другія. Самъ я въ игрѣ не участвовалъ; но, зная отчасти шулерство, въ которое посвятили меня въ 1829 году въ Варнѣ капитанъ С. и прапорщикъ Д. любовался искусствомъ любезнаго Корецкаго въ этомъ дурномъ ремеслѣ. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ, я посѣщалъ благородное собраніе, устроенное въ зданіи войсковаго училища, къ подъѣзду котораго, по причинѣ знаменитѣйшей въ мірѣ екатеринодарской грязи, дамъ подвозили на арбахъ и на громаднхъ черноморскихъ повозкахъ, запряженныхъ волами, съ которыхъ весь прекрасный полъ ловкіе кавалеры переносили въ уборную на рукахъ. Передъ праздниками Рождества Христова полученъ былъ приказъ по корпусу, состоявшійся 8-го октября, объ установленіи на георгиевской лентѣ медали „за покореніе Ахульго“. Этимъ заключились извѣстныя мнѣ военныя событія 1839 года на Кавказѣ.

1840 ГОДЪ.

Х.

Возвращеніе мое въ полкъ. Квартированіе въ кр. Анапѣ. Празднованіе годовщины дня взятія этой крѣпости. Анапское поселеніе. Мѣновая торговля (сатурва). Празднованіе 6-го декабря. Аманаты. Назначеніе въ крѣпость Анапу новаго коменданта. Госпиталь и болѣзни. Кровавая борьба гарнизоновъ нашихъ укрѣпленій съ горцами. Взятіе горцами форга Лазарева и укрѣпленія Вельяминовскаго. Гибель укрѣпленія Михайловскаго. Самоотверженіе рядового ~~Архипа Осипова~~. Взятіе укр. Николаевскаго. Отраженіе нападенія на укрѣпленіе Абинѣ. Награды. Приказъ объ увѣковѣченіи имени ~~Архипа Осипова~~. Назначеніе М. Ю. Лермонтова въ нашъ тегинскій полкъ.

Въ половинѣ января 1840 года, штабсъ-капитанъ Корецкій выздоровѣлъ; я сдалъ ему должность бригаднаго адъютанта и явился въ полкъ; въ селеніе Ивановское. Командиромъ полка былъ полковникъ Петръ Васильевичъ Вылазковъ, который, по случаю отъѣзда полковаго адъютанта, поручика Баженова, въ отпускъ, назначилъ меня исправлять его должность. Петръ Васильевичъ прибылъ къ намъ изъ образцоваго полка, видный мужчина, хорошій фронтовикъ, порядочный картежникъ; любилъ, какъ и многіе кавказскіе начальники, временемъ покутить, — чрезъ это не пользовался надлежащимъ уваженіемъ общества офицеровъ и потерялъ полкъ; про него, между офицерами, ходили юмористическіе анекдоты. При немъ жила племянница, дѣвица съ небольшимъ образованіемъ, но довольно пріятная; самъ онъ былъ большой волокита, — но все шло хорошо и мирно. Вскорѣ послѣ полковаго праздника св. Петра и Павла (29-го іюня) мы выступили въ кр. Анапу; полковой адъютантъ А. А. Баженовъ возвратился изъ отпуска, и мнѣ приказано было со-

стоять при анапскомъ комендантѣ полковникѣ фонъ-Брингѣ.

Въ Анапѣ мы проводили время весьма пріятно; кромѣ полковаго штаба и одного баталіона нашего полка, гарнизонъ Анапы состоялъ изъ черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ № 1-го и № 14-го резервнаго; у полковаго командира, развѣ въ педѣлю, были танцевальныя вечера; семейныхъ домовъ было болѣе десяти, которыя, въ свою очередь, также не отказывали намъ въ семейныхъ удовольствіяхъ.

Кр. Анапа послѣдній развѣ взята русскими войсками въ 1828 году, 12-го іюля (*). Съ того времени, этотъ день ежегодно

(*) Крѣпость Анапа построена французскими инженерами въ 1771 году. Черкесы называютъ ее «Бугурь-кале». Въ сентябрѣ 1788 года, генераль-аншефъ Текели намѣренъ былъ штурмовать крѣпость, но, по малочисленности войскъ, отказался отъ предпріятія. Въ 1790 году, генераль-поручикъ Бибииковъ также ходилъ подъ Анапу, и 24 марта, въ день Воскресенія Христова, повелъ войска на приступъ; приступъ былъ отраженъ, и Бибииковъ отступилъ; не смотря на это, войска получили серебряныя медали на голубой лентѣ съ надписью «за вѣрность». — Въ этомъ же году эскадра черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Ушакова, предпринимала вырѣзать стоявшія на рейдѣ турецкія военныя суда, но это предпріятіе не удалось. 22-го іюня 1791 года, генераль-аншефъ Гудовичъ сдѣлалъ приступъ и, послѣ пятнадцасоваго жестокаго нападенія, овладѣлъ крѣпостью; въ числѣ плѣнныхъ находился лже-пророкъ Шихъ-Мансуръ, впослѣдствіи умершій на соловецкомъ островѣ. По заключенному въ Яссахъ, въ томъ же году, миру, Анапа обратно отдана Портѣ. 29-го апрѣля, 1807 года, этою крѣпостью овладѣлъ контръ-адмиралъ Пустошкинъ. По миру, заключенному 6-го мая 1812 года, въ Бухарестѣ, крѣпость опять возвращена туркамъ. 2 мая 1828 года прибыла къ Анапѣ эскадра черноморскаго флота, подъ командою вице-адмирала Грейга; высаженъ былъ десантъ генераль-адъютанта Меньщикова, а на другой день пришелъ къ Анапѣ изъ Черноморіи, подъ командою флигель-адъютанта полковника Перовскаго, отрядъ, изъ 4 полковъ черноморскихъ казаковъ, 6 ротъ таманскаго гарнизоннаго полка и 20 легкихъ орудій. Когда апроши были доведены до гребня гласиса, начать былъ спускъ въ ровъ, сдѣланы были брешн въ двухъ бастіонахъ и соединяющей ихъ куртнѣ, — то крѣпость, не желая испытать штурма, 11 іюля сдалась на произволь

празднуется жителями и гарнизономъ крѣпости. Послѣ обѣдни ходятъ съ крестами къ тому мѣсту, гдѣ вошли войска чрезъ пробитую во время осады брешь; тамъ совершаютъ краткую панихиду по убиеннымъ во время осады; затѣмъ, служатъ молебенъ и окропляютъ святою водою мѣсто бреша и всѣ крѣпостные ворота. Во время моего пребыванія въ 1840 году, въ тотъ день, вечеромъ, былъ балъ у коменданта, помѣщавшагося въ домѣ, который, до взятія крѣпости, занималъ наша; передъ садомъ этого дома сожгли довольно богатый фейерверкъ; когда засіялъ вензель Государя Императора—былъ сдѣланъ 101 выстрѣлъ изъ крѣпостныхъ орудій и пропѣтъ гимнъ „Боже, Царя храни“, съ хоромъ музыки. Я, для этого дня, написалъ стихотвореніе: „*Воспоминаніе жителя Анапы въ день празднованія взятія этой крѣпости*“. Нѣсколько экземпляровъ стиховъ были поднесены дамамъ сейчасъ послѣ фейерверка, при входѣ ихъ изъ сада въ залъ.

Воспоминаніе жителя Анапы.

Бывало, здѣсь, Анапы надъ стѣнами,
Бунчукъ, съ луною, турокъ развивалъ;

побѣдителей, и 12-го числа русскія войска вступили въ крѣпость. При этомъ, въ числѣ военно-плѣнныхъ оказался шалсугъ Сеферъ-бей; онъ мальчикомъ взятъ былъ въ плѣнъ русскими, и его благодѣтель, въ распоряженіе котораго онъ достался, замѣтя въ немъ хорошія способности ума, далъ ему хорошее воспитаніе и, по примѣру многихъ русскихъ меценатовъ, предоставилъ ему средства кончить образованіе въ одесскомъ ричельевскомъ лицейѣ. Затѣмъ, онъ служилъ въ черноморскомъ казачьемъ войскѣ и проживалъ въ мирномъ аулѣ, на правомъ берегу Кубани, гдѣ до настоящаго времени существуетъ казачій постъ, именуемый «сефербеевскій». Въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ ушелъ въ горы и пробрался въ Константинополь (разсказъ мирнаго горца изъ аула на Кубани). По адрианопольскому трактату 2-го сентября 1829 года, крѣпость эта осталась за Россією.

Авт.

Бывало, здѣсь, за дружными столами,
Черкесь и турокъ вмѣстѣ пироваль.
Но русскій сталъ лишь на берегахъ Дуная,
Лишь на Балканъ орлиный бросилъ взоръ—
Вздрогнула Анапа, паденья ожидая,
Черкесь бѣжалъ въ свои ущелья горъ;
Нашъ русскій станъ у стѣнъ развилъ знамена,
Къ воротамъ страшный громъ свой подкатилъ—
И рухнули въ пыли Анапы бастіоны,
И православный крестъ съ молитвой водрузилъ.
Теперь, въ стѣнахъ твердыни мусульманской,
Припомнимъ мы, отечества сыны,
Какъ свѣтлый штыкъ нашъ, съ высоты балканской,
Затмилъ своимъ сіяньемъ блескъ луны;
Какъ Государь, на берегахъ Дуная,
Съ дружиной вѣрной славу раздѣлялъ;
Какъ съ батарей, на воиновъ взирая,
Онъ царской мыслию полки благословлялъ;
Какъ черноморскій флотъ, чугунными громами,
Страхъ разсыпалъ среди пучинъ морскихъ;
Какъ Варна гордая въ прахъ пала передъ нами,
Какъ палъ залитый кровью Ахалцыхъ.

* * *

Други! дружнѣе, во славу вѣнчаннаго,
Вспѣнимъ мы кубки виномъ;
Выпьемъ за здравье Царя православнаго,
Выпьемъ за весь царскій Домъ.

* * *

Пусть въ горахъ живетъ злодѣйство,—

Что намъ хищниковъ разбой!...
Мы слились въ одно семейство,
Каждый здѣсь изъ насъ родной.
Врагъ-сосѣдъ чѣмъ будетъ злѣе,
Чѣмъ опаснѣй будетъ намъ,
Тѣмъ мы будемъ жить дружнѣе,
Радость, горе пополамъ.

Здѣсь, перѣдко, подъ стѣнами,
Крики слышатся побѣдъ,
И красочка, съ цвѣтами,
Рѣзво входитъ на банкетъ,
Не боясь войны раската,
Грома жизни боевой,—
Ей не страшень блескъ булата
И свистъ пули роковой;
Ей не страшень взмахъ аркана
Посреди кровавыхъ сѣчь,
И, какъ дѣва Орлеана,
Обнажить готова мечъ....
Дѣвы-звѣзды! украшайте
На чужбинѣ наши дни;
На Кавказѣ расцвѣтайте,
Розы сѣверной страны.

* * *

Юные други, дѣти отчины!

За здравье красавиць станемъ мы пить:
Въ нихъ утѣшеніе, счастье жизни,
Съ ними въ чужбинѣ намъ весело жить.

Комендантъ крѣпости, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и предсѣдателемъ анапскаго временнаго правленія, состоявшаго изъ двухъ членовъ: одинъ гражданскій (надворный совѣтникъ Иванъ Александровичъ Маскинъ), другой—плацъ-маіоръ крѣпости (капитанъ Осипъ Ник. Суходольскій). Подчинялись ему также: управляющій таможенною (Иванъ Васильевичъ Третьяковъ) и карантинный смотритель (С. П. Воиновъ), онъ же завѣдывающій солянымъ магазиномъ. Поселяне размѣщались въ крѣпости, гдѣ для нихъ построены были довольно удобные домики и, кромѣ сего, еще въ четырехъ станицахъ: Благовѣщенской, Джемитей, Витязевой и Николаевской. Станицы обнесены были плетнемъ, съ присыпаннымъ къ нему банкетомъ; на углахъ станичной ограды, на барбетахъ, стояли крѣпостныя орудія. Всѣ жители были вооружены, и, по тревогѣ, всѣ безъ исключенія, обоего пола, даже дѣти, могли поднять камень, обязаны были выходить къ оградѣ; сверхъ того, въ каждой станицѣ стояла рота пѣхоты отъ гарнизона крѣпости и нѣсколько донскихъ казаковъ. Сосѣдями анапскаго поселенія были немирныя племена: натухайцы и шапсуги (*). Во время управленія поселеніемъ коменданта фонъ-Бринка, старшины этихъ племенъ имѣли къ нему особенное уваженіе. Надо знать, что въ это время жители ближайшихъ къ станицамъ ауловъ брали подъ покосы и посѣвы земли, сколько кому было нужно, по раздѣлу старшинъ; точно такое же право предоставлялось и поселянамъ—занимать земли по распоряженію станичнаго начальника и указанію стариковъ. Весьма часто слу-

(*) Эти племена мало занимались хищничествомъ, имѣя на своихъ равнинахъ хорошую почву земли, вели выгодную торговлю съ горными жителями и съ русскими на Кубани, гдѣ для этого устроены были при карантинахъ мѣнныя дворы. Въ главѣ 27 пророка Іезекиила, сказано: «На сѣверѣ финикіане торговали съ іонійскими колоніями на берегахъ Чернаго моря, съ табаренами и мосхами, которые жили между Чернымъ моремъ и кавказскими горами». Не были ли послѣдніе предками шапсуговъ и натухайцевъ?

чалось видѣть на полевыхъ работахъ поселанина рядомъ съ черкешенкою, поселанку рядомъ съ черкесомъ, и, за всѣмъ тѣмъ, весьма рѣдко возникали какія нибудь жалобы; серьезныхъ же происшествій, во время моего пребыванія, ни разу не случилось. Сосѣдство шансуговъ и натухайцевъ было даже болѣе полезно, чѣмъ вредно для поселенія; сосѣдніе жители ауловъ этого народа всегда заблаговременно извѣщали коменданта о намѣреніяхъ болѣе отдаленныхъ отъ крѣпости племень: бжедуховъ, егерукаевцевъ, махонцевъ, баракаевцевъ, убыховъ и другихъ, такъ что мы всегда знали впередъ, гдѣ предпринимается нападеніе: на покось-ли, на пастьбу-ли скота, на станицу, или на колонну и проч., такъ что ни одно злое предпріятіе противъ Анапы непріятелю не удавалось. Въ самой крѣпости учреждена была, по три раза въ недѣлю, на избранной площади, мѣновая торговля—„сатувка“ (отъ черкесскаго глагола „сату,—мѣнять (*). Черкесы привозили на сатувку преимущественно медь, воскъ, баранье сало, масло, татарскій сыръ, иногда барановъ, рогатый скотъ и вооруженіе, по большей части древнее, съ знаками и надписями временъ крестовыхъ походовъ, панцири, кольчуги, шлемы, налокотники, луки, стрѣлы, шашки и кинжалы. Кромѣ денежныхъ знаковъ, червонцевъ голландскихъ, серебряныхъ рублей и полтинниковъ, которые горцы хорошо понимали, денежною единицею для продавца и покупателя, при опредѣленіи цѣны, принята была цѣнность одного пуда соли, именно 40 коп., продажа которой была казенная. Желавшій дѣлать покупки на сатувѣ, заблаговременно пріобрѣталъ за деньги, въ соляномъ магазинѣ, билеты на полученіе соли; въ билетѣ прописывалось коли-

(*) По мнѣнію главныхъ начальниковъ края, эта торговля много содѣйствовала уничтоженію подвоза контрабанды, доставивъ горцамъ средства пріобрѣсть честнымъ образомъ соль и другіе предметы, необходимые въ ихъ домашнемъ быту.

Авт.

чество и цѣна. Въ день сатувки, ставился у крѣпостныхъ, такъ называемыхъ „русскихъ воротъ“, особый карауль, который обязанъ былъ отбирать отъ прїѣзжающихъ для торговли горцевъ оружіе; для этого сдѣланы были деревянные бирки, съ условленными знаками, именно—съ извѣстнымъ числомъ нарисованныхъ мясяною краскою кружковъ и черточекъ, перепиленныя надвое такъ, что если одну половину приложить къ другой, то кружки и черточки прїйдутся на своихъ мѣстахъ; одна часть такой бирки навѣшивалась на отобранное оружіе, а другая отдавалась владѣльцу,—и только тотъ, кто предъявлялъ половинку выданной отъ караульнаго унтеръ-офицера бирки, получалъ, по соотвѣтственной другой половинкѣ, оружіе; на биркахъ были номера, по которымъ велся счетъ выданныхъ бирокъ. Послѣ сатувки, счетъ этотъ повѣрялся плацъ-адъютантомъ, при дежурномъ по карауламъ. На сатувеу съ оружіемъ допускался изъ горцевъ только одинъ дежурный старшина, который, во все время сатувки, долженъ былъ находиться при дежурномъ офицерѣ, съ переводчикомъ, и этимъ-то тремъ лицамъ принадлежало первоначальное разбирательство торговыхъ жалобъ и недоразумѣній, безъ всякаго вмѣшательства баталіонныхъ и ротныхъ командировъ; если же недоразумѣніе не прекращалось, то давали знать коменданту; весьма часто достаточно было одного его появленія для прекращенія спора. Горцы высоко уважали Егора Егоровича Бринка, за его строгую справедливость при разбирательствѣ споровъ и жалобъ, за его безкорыстіе, радушіе гостепрїимство, неустрашимость, или, лучше сказать, довѣріе его къ горцамъ: случилось, что человекъ по тридцати вооруженныхъ черкесовъ ночевали въ его комнатахъ; онъ одинъ былъ вмѣстѣ съ ними и постоянно безъ оружія. Нельзя не удивляться, какъ онъ, своими разсказами, умѣлъ заставить горцевъ благоговѣть предъ именемъ нашего Государя Императора: 6-го декабря этого (1840) года, въ день тезоименитства Его Величества, двадцать шесть почетныхъ натухайцевъ и шапсуговъ, за особымъ столомъ, обѣдали у комен-

данта, пили шампанское (*) за здравіе Государя и, вмѣстѣ съ нами, кричали ура! при громѣ выстрѣловъ изъ орудій; вечеромъ присутствовали на балу; по окончаніи бала они танцевали лезгинку— чего никакъ не хотѣли сдѣлать въ присутствіи дамъ, и исполнили еще подъ звуки голоса одну пляску и пѣсню съ припѣвомъ; все это, по просьбѣ моей, на другой день, завѣдывающій хоромъ музыкантовъ положилъ на ноты.

Во время управленія фонъ-Бринка крѣпостью и анапскимъ поселеніемъ, пять ближайшихъ ауловъ изъявили покорность, дали присягу и аманатовъ, и это покореніе не стоило ни одной капли человѣческой крови. Для аманатовъ, при домѣ коменданта, отведено было особое помѣщеніе; командою аманатовъ, состоявшею, въ мое время, изъ четырнадцати мальчиковъ, завѣдывалъ поручикъ Прасоловъ, а для обученія ихъ грамотѣ и для религіозныхъ обрядовъ приглашенъ былъ мулла, получавшій отъ казны денежное содержаніе. Когда Егоръ Егоровичъ фонъ-Бринкъ, съ производствомъ въ генераль-маіору, назначенъ былъ начальникомъ всей дѣйствующей кавалеріи на предполагавшуюся въ то время большую экспедицію, вслѣдствіе разоренія убухами нѣкоторыхъ изъ нашихъ укрѣпленій, тогда, на его мѣсто, прибылъ въ Анапу комендантомъ полковникъ Федоръ Филиповичъ Ротъ, который, по нравственнымъ достоинствамъ, ни въ чемъ не уступалъ своему предмѣстнику: такой же добрый, внимательный, честный и справедливый; онъ не измѣнилъ ни одного распоряженія бывшаго коменданта, но, напротивъ, многое дополнилъ по указанію опыта, и предполагалъ даже сформировать изъ

(*) Егоръ Егоровичъ, къ этому дню, распорядился было приготовить черкесскій напитокъ «бмак-сима», какъ называютъ его шапсуги, натухайцы и другіе ближайшіе къ Черному морю народы; но посланный для этого *кумакъ* воротился только 8-го числа, и оказалось, что *бмак-сима* ничто иное, какъ напитокъ, дѣлаемый изъ проса, называемый у кабардинцевъ «*фатагуль*», по-тагарски вообще— «буза». Не происходитъ-ли отъ этого послѣдняго названія русская «*брага*»?

шапсуговъ и натухайцевъ эскадронъ. Я скоро заслужилъ и его ко мнѣ расположеніе—строгимъ, точнымъ исполненіемъ порученій, и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Военный госпиталь въ Анапѣ состоялъ въ полномъ вѣдѣніи коменданта крѣпости, имѣлъ женское и мужское отдѣленія для поселянъ; по обширности своей и замѣчательному порядку содержанія во всѣхъ частяхъ, заслуживалъ полного вниманія. Собственно, въ Анапѣ и вообще, въ укрѣпленіяхъ береговой линіи свирѣпствовала цынготная болѣзнь, сдѣлавшаяся эпидемическою. Военное начальство и вообще, правительство ничего не жалѣло для устраненія этого зла: для цынготныхъ больныхъ отпускали кизиль, барбарисъ, лимоны; когда ихъ не было—отпускали лимонный сокъ, полагая по шести золотниковъ на человѣка. Мало этого, вздумали цынготнымъ дѣлать ванны изъ пивной гущи; не забудьте, при этомъ, что дрова для госпиталя доставлялись моремъ изъ Крыма и обходились казнѣ по 120 руб. ас. сажень, а мѣстные дрова по базарнымъ цѣнамъ стоили отъ 6-ти до 8 рубл. ас. и, по представленію коменданта Бринка, разрѣшено было отпускать вмѣсто одной сажени крымскихъ дровъ—4 сажени мѣстныхъ, но комисариатское вѣдомство признало это неудобнымъ, и поставка дровъ изъ Крыма продолжалась.

Между тѣмъ, какъ мы проводили время въ Анапѣ вполнѣ по мирному положенію,—другіе баталіоны и роты нашей 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи (полки тенгинскій и навагулскій) и черноморскіе линейные баталіоны вели кровавую борьбу съ горцами, защищая занимаемыя ими укрѣпленія, изъ которыхъ нѣкоторыя погибли окончательно. О постройкѣ этихъ укрѣпленій я рассказаль въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь, какъ не очевидецъ, о нападеніи горцевъ и о самоотверженіи защитниковъ нашихъ укрѣпленій, расскажу только то, что дошло до меня по слухамъ и путемъ официальныхъ извѣщеній: первую жертвою отмѣны проекта генерала Вельяминова, былъ фортъ Лазарева, построенный въ 1839 г. на р. Пезузане—третьимъ послѣ распоряженія занимать берега моря де-

сантами. Мое предсказаніе сбылось: горцы, въ одинъ годъ времени, поняли невозможность гарнизонамъ такихъ укрѣпленій получать секурсъ своевременно, или отступать къ ближнимъ укрѣпленіямъ. По неосторожности же капитана Марченки, о недостаткахъ котораго я говорилъ прежде, укрѣпленіе, ему ввѣренное, 7-го февраля 1840 года, было ими взято почти безъ сопротивленія. Подробности этого несчастнаго событія записаны мною по разсказу перваго выбѣжавшаго изъ плѣна унтеръ-офицера: капитанъ Марченко, какъ видно, не выслушавъ въ настоящій смыслъ данной ему инструкціи, безъ всякихъ соображеній, принимая пріѣзжавшихъ къ нему горцевъ, старался съ ними сблизиться, сдружиться и заслужить ихъ расположеніе; а потому, допускалъ бунаковъ своихъ не только осматривать все внутреннее расположеніе укрѣпленія: казармы, склады, вооруженіе, но даже, когда, отъ дождей и времени, осѣли наружныя покатости бруствера, особенно при тур-бастіонахъ, и контр-эскарпы мѣстами обрушились, онъ самъ, воинскій начальникъ укрѣпленія, вмѣстѣ съ пріѣзжавшими къ нему изъ горцевъ гостями, подъ веселый часъ, не слушая совѣтовъ молодыхъ офицеровъ, спускался въ ровъ и вѣбгалъ на гласисъ, показывая тѣмъ свою ловкость и молодечество. Горцы, при этомъ, разумѣется, не упустили случая высмотрѣть всѣ мѣста, удобныя для штурма, и такъ были увѣрены въ успѣхъ своего предпріятія, что даже въ день нападенія подошли къ укрѣпленію съ арбами, на которыхъ сидѣли женщины и дѣти—для поднятія добычи. Въ этотъ день, рано утромъ, барабанщикъ вышелъ бить зорю, и едва началъ повѣстку, какъ вдругъ, увидѣлъ передъ собою горцевъ, и сейчасъ же повѣстку перемѣнилъ на тревогу; первые горцы бросились прямо въ офицерскій флигель, другіе—въ казармы. Воинскій начальникъ, капитанъ Марченко, какъ-то успѣлъ выскочить чрезъ потерну, ведущую въ траншею, соединяющую укрѣпленіе съ блокгаузомъ (*) и прикрытую

(*) Въ блокгаузѣ находилось всего двѣнадцать казаковъ азовскаго войска, но Марченко, вѣроятно, рассчитывалъ вмѣстѣ съ ними удалиться на баркасѣ

эполементомъ; но его, нѣсколько человѣкъ, изъ числа знакомыхъ ему кунаковъ, узнали, догнали и изрубили въ куски. Подпоручика Павла Федорова, котораго горцы встрѣтили въ сѣняхъ его квартиры съ обнаженною шашкою, вздумавшаго защищаться, постигла такая же участь, а вмѣстѣ съ нимъ бывшаго при немъ лекаря; родной же его братъ Владиміръ, прапорщикъ, завѣдывавшій провіантскимъ магазиномъ, не имѣвъ при себѣ оружія, благоразумно сдался въ плѣнъ. Прапорщикъ Богусевичъ, дня за три до событія, былъ отпущенъ, для свиданія съ товарищами, въ укрѣпленіе Тенгинское, на Шапсуго. Изъ нижнихъ чиновъ взято въ плѣнъ не болѣе десяти человѣкъ, въ томъ числѣ подпрапорщикъ Дмитрій Ксархаки; остальные частію погибли отъ рукъ непріятеля, частію въ пламени, такъ какъ горцы, зная, что отъ солдата мало поживы, сейчасъ же, по входѣ въ укрѣпленіе, зажгли жилья и лазаретныя казармы. Удачное взятіе форта Лазарева ободрило горцевъ и дало имъ смѣлость нападать на другія укрѣпленія; а значительные запасы пороха, зарядовъ, снарядовъ и даже одно горное орудіе, взятые ими при этомъ случаѣ, дали средства предпринять, въ свою очередь, экспедицію на другія наши укрѣпленія, по приготовленнымъ уже, какъ будто нарочно для нихъ, дорогамъ. Слава побѣдителей несчастной роты капитана Марченки, при этомъ, хорошая добыча и плѣнъ, быстро разнеслась въ горахъ, и не прошло мѣсяца, какъ въ ближайшіе

въ море. Устройство блокгаузовъ при укрѣпленіяхъ имѣло цѣлью содѣйствовать крейсерамъ черноморскаго флота, которые, по громадности своихъ судовъ, не могли близко подходить къ берегамъ, а между тѣмъ, контрабандисты, завидя крейсеровъ, кочерымы свои вытаскивали на берегъ посредствомъ кабестана и обставляли свѣжими вѣтками, такъ что съ моря мѣста ихъ стоянки казались кустомъ. При блокгаузахъ же находилось по два баркаса, вооруженныхъ каронадами, съ командами азовскихъ каааковъ; гребцами были наполовину солдаты изъ того укрѣпленія, при которомъ находился блокгаузъ. Всего такихъ командъ на береговой линіи было 10, онѣ составляли прибрежное крейсерство.

Авт.

къ берегу моря аулы собрались значительныя толпы горцевъ; затѣмъ, долго не думая, 29-го того же мѣсяца, взяли фортъ Вельминовскій на р. Туапсе (*); 22 марта—укрѣпленіе Михайловское на р. Вуланъ. Но здѣсь имъ не совсѣмъ посчастливилось: гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ двухъ ротъ—одна рота черноморскаго линейнаго № 4-го баталіона, подъ командою капитана Лико (онъ же былъ и воинскій начальникъ), другая—нашего тенгинскаго полка, 9-я рота, которою завѣдывалъ подпоручикъ Краумзгольдъ; въ ротѣ состояли: прапорщикъ Гаевскій, подпрапорщикъ Корецкій, фельдфебель Комлевъ; нижнихъ чиновъ въ ротѣ хотя числилось по списку 250 человекъ, но, за убылью, по болѣзнямъ и по другимъ причинамъ, подъ ружьемъ въ это время не было и половины; всего же гарнизона въ обѣихъ ротахъ, съ артиллеристами, считалось до 500 человекъ, вмѣстѣ съ больными. Когда, за убылью этихъ послѣднихъ изъ фронта, нельзя было, въ случаѣ нападенія, занять все протяженіе линіи огня, капитанъ Лико раздѣлилъ укрѣпленіе углубленнымъ ретраншементомъ, съ амбразурою въ передовой насыпи для орудія, снятаго съ оставленнаго имъ бастіона, обращеннаго къ ущелью, откуда скорѣе всего можно было ожидать нападенія. Извѣстившись же о взятіи форта Лазарева, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ, и, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, объявилъ объ угрожающей имъ опасности; при этомъ, напомнилъ долгъ присяги и данное ими обѣщаніе начальнику прибрежной линіи, генераль-лейтенанту Николаю Николаевичу Раевскому: „не сдаваться живыми; въ крайности—взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ непріателемъ“, какъ это поклялись исполнить, въ минувшую турецкую войну, моряки брига „Меркурій“, и Богъ благословилъ ихъ спасти честь своего флага. Имя Николая Николаевича, какъ всегда

(*) При этомъ убиты всѣ офицеры и медики; въ плѣнъ взяты: раненый въ живогъ навагинскаго полка капитанъ Худобашевъ, человекъ пятнадцать нижнихъ чиновъ, всѣ больные изъ лазарета и іеромонахъ изъ церкви.

перваго при десантахъ, вмѣстѣ съ именами Алексѣя Петровича Ермолова и Алексѣя Александровича Вельяминова, знаетъ каждый старый кавказецъ; волю этихъ генераловъ считали священной. На это напоминаніе офицеры отвѣчали единодушнымъ согласіемъ, и солдаты отвѣтомъ: ради стараться. Затѣмъ, распредѣливъ гарнизонъ по бастіонамъ той части укрѣпленія, которую отдѣлили ретраншементомъ, условились, при неустойкѣ, отступать къ бастіону, въ которомъ находился пороховой погребъ, и, въ крайности, привести въ исполненіе данное слово. Ожидая нападенія, весь гарнизонъ постоянно былъ наготовѣ встрѣтить непріятеля, и потому, въ ночное время въ казармахъ никто не оставался. Въ ночь, съ 21-го на 22-е марта, съ четверга подъ пятницу, съ той стороны, откуда именно ожидали нападенія, съ 10-ти часовъ вечера, слышенъ былъ лай солдатскихъ собакъ (*), которыхъ на ночь выгоняли за укрѣпленіе. Этого было достаточно, чтобы именно въ эту ночь ожидать нападенія; а потому, самъ Лико, за нимъ—офицеры и многіе изъ нижнихъ чиновъ, надѣли чистое бѣлье, а офицеры даже принарядились въ лучшіе свои мундиры; во всѣ орудія заложили картечь. Къ утру, часу въ четвертомъ, лай собакъ послышался во рву укрѣпленія. Тогда съ фланга сѣвернаго бастіона сдѣланъ былъ выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ раздался гикъ непріятеля, прежде прямо передъ самымъ ретраншементомъ, изъ за котораго едва успѣли сдѣлать одинъ выстрѣлъ картечью и открыть батальный огонь, какъ горцы воротились за укрѣпленіе. Но вскорѣ затѣмъ, другія толпы появились на всемъ протяженіи линіи огня; удачные выстрѣлы картечью, хотя на время, задерживали непріятеля, но онъ, постоянно усиливаясь, наконецъ, ворвался въ укрѣпленіе. Тутъ началась рукопашная свалка. Лико былъ изрубленъ въ числѣ первыхъ;

(*) Во всѣхъ укрѣпленіяхъ, построенныхъ нами въ горахъ, солдаты завели множество собакъ, которыя съ большою пользою замѣняли ночные разѣзды и обходы около укрѣпленій.

гарнизонъ защищался, отступая къ погребу, двери котораго были отворены; горцы бросились грабить порохъ; изъ погреба повалила пыль. Рядовой роты Краумзгольда, Архипъ Осиповъ, закричалъ: „пора, братцы! Кто останется въ живыхъ—помните Осипова!“ и съ этою рѣчью вбѣжалъ въ погребъ, сдѣлавъ выстрѣлъ... Послѣдовалъ страшный взрывъ; все смолкло,—и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣщало только кровавую картину смерти и разрушенія. По словамъ лазутчиковъ, нападающихъ было болѣе 10,000;—можете судить о потерѣ съ ихъ стороны. Это событіе описано мною, по разсказу Е. Е. фонъ-Бринка, собиравшаго изъ горъ свѣдѣнія отъ оставшихся въ живыхъ плѣнныхъ (*) посредствомъ своего лазутчика, линейнаго казака, бѣжавшаго года четыре тому назадъ изъ отряда полковника Засса, во время наѣздовъ его на егерукаевскіе аулы. Этому бѣглеца комендантъ никогда не хотѣлъ назвать, да и въ Анапѣ, кромѣ его, никто не зналъ именъ лазутчиковъ вообще. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ тотъ же лазутчикъ принесъ извѣстіе о взятіи горцами, 31-го марта, укрѣпленія Николаевского, но уже о подробностяхъ нападенія лазутчикъ ничего не говорилъ и даже самъ не былъ на мѣстѣ происшествія, въ ущельи Атакуафъ. Но контръ-адмиралъ Серебряковъ, изъ Новороссійска, извѣстилъ коменданта письменно, что 31-го марта горцы, въ числѣ шести тысячъ, въ ночное время напали на укрѣпленіе Николаевское. Гарнизонъ, имѣвшій подъ ружьемъ 110 человекъ (**), въ продолженіи цѣлой ночи отражалъ непріятели; наконецъ, поутру, въ 7-мь часовъ, утомленный перестрѣлкою и подавленный многочисленностію, принялъ на штыки ворвавшася въ укрѣпленіе непріятели и погибъ со славою.

(*) Всѣхъ же плѣнныхъ насчитывали тогда: іеромонаха, двухъ офицеровъ и 9-ть человекъ нижнихъ чиновъ.

(**) Одна рота черноморскаго линейнаго № 7-го баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Евсеева.

Вскорѣ послѣ торжественнаго празднованія годовщины дня послѣдняго взятія Анапы, о чемъ я уже говорилъ, мы получили свѣдѣнiе изъ Черноморiи о неудачномъ нападенiи горцевъ, въ числѣ десяти тысячъ, на крѣпость Абинь (**), построенную въ 1834 году на операціонной линiи, проложенной между Кубанью и Чернымъ моремъ, отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до укрѣпленiя Александрiи на р. Дооби. Горцы были отражены подполковникомъ Веселовскимъ съ громадною потерей. Вслѣдъ за тѣмъ, анапскому коменданту предписано было объявить по гарнизону, что 26-го мая, предъ разсвѣтомъ, многочисленныя толпы горцевъ напали на Абинское укрѣпленiе. Нападенiе отражено; отнято у ворвавшихся въ укрѣпленiе горцевъ два знамени и взято изъ нихъ десять человѣкъ въ плѣнъ. Государь Императоръ, за такое славное дѣло, Всемилостивѣйше пожаловалъ: начальнику укрѣпленiя, черноморскаго линейнаго № 1-го баталiона подполковнику Веселовскому, чинъ полковника, орденъ св. Анны 2-й степени съ короною и годовой окладъ жалованья; всѣмъ оберъ-офицерамъ, въ числѣ шестнадцати, годовые оклады жалованья, слѣдующiе чины и ордена; для нижнихъ чиновъ всего гарнизона, въ числѣ восьмисотъ-тридцати человѣкъ, тридцать знаменъ отличiя военнаго ордена св. Георгiя, годовые оклады жалованья, и двое рядовыхъ произведены въ унтеръ-офицеры. Однимъ словомъ, не оставалось ни одного укрѣпленiя за Кубанью и на береговой линiи, на которыя бы горцы не покушались сдѣлать нападенiя по два, по три и болѣе разъ. Вообще же, этотъ 1840 годъ замѣчательенъ не одними только кровавыми событiями въ нашихъ укрѣпленiяхъ, но и нравительственными распоряженiями, имѣющими влiянiе на будущiя судьбы кавказской войны: по Высочайшей во-

(**) Укрѣпленiе вооружено было двѣнадцатью орудiями; имѣло гарнизона: тенгинскаго полка 10-ю мушкетерскую роту; навагинскаго—4-ю гренадерскую, 10 и 12-ю мушкетерскiя и двѣ роты черноморскаго линейнаго № 7-го баталiона.

лѣ, объявленной офицерамъ, поступающимъ на службу въ укрѣпленія береговой линіи, кромѣ прогоновъ на всякое разстояніе, положено выдавать въ единовременное пособіе годовой окладъ жалованья; а если поступають съ семействомъ — двухгодовой; въ апрѣлѣ вновь сформированъ черноморскій линейный № 3-го баталіонъ, и потому, бывший № 3-й—принялъ № 4-й, и т. д. по № 11, принявшій № 12-й. Въ приказѣ 23 марта, № 45-й, п. I, сказано: государь военный министръ, отъ 16-го апрѣля, № 2372, увѣдомилъ, что Государь Императоръ, въ воздаяніе отлично усердной службы и особенныхъ трудовъ, съ примѣрною твердостью и постоянствомъ переносимыхъ въ войнѣ съ горцами тенгинскимъ и навагинскимъ пѣхотными полками и черноморскими линейными № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 бат., Всемилоостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: штабъ и оберъ-офицерамъ означенныхъ войскъ убавить одинъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія, а всѣмъ нижнимъ чинамъ оныхъ—уменьшить одинъ годъ службы. Приказомъ 17-го октября, черноморская береговая линія раздѣлена на три части: 1-е отдѣленіе отъ Кубани до Геленджика вѣрено коутръ-адмиралу Серебрякову; 2-е отдѣленіе—генераль-маіору графу Оперману, 3-е отдѣленіе—исправляющему должность начальника отдѣленія полковнику Муравьеву. Вскорѣ затѣмъ, мы прочитали приказъ военнаго министра, отданный 8-го ноября, слѣдующаго содержанія: „устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для пребращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесскими племенами и въ особенности, для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіи зимы и начала весны нынѣшняго года подвергались непрерывнымъ со стороны ихъ нападѣніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговныя укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщенія, ни откуда не могли получить помощи, горцы устремились на оныя со всѣми своими силами. Но, въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали вездѣ самое мужественное сопротивленіе и ге-

ройскую рѣшимость—пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ вѣрен- ныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покры- ли себя незабвенною славою. Изъ нихъ, въ особенности, гарнизонъ укрѣпленія „Михайловскаго“ явилъ примѣръ рѣдкой неустраши- мости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ пя- тисотъ только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ, въ продолженіи двухъ часовъ, выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше одиннадцати тысячъ горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе; нѣсколько разъ отбивалъ ихъ и принуждалъ къ отступленію. Но когда, наконецъ, потерявъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противустоять непріятелю, въ двадцать разъ его сильнѣйшему, онъ рѣшился взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горами. На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой тен- гинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и мужественно при- велъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто либо изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось. Нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и гибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали. Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими се- мействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Император- ское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить на- всегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты тенгинскаго пѣ- хотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ пере- ключкахъ, при спросѣ его имени, первому отвѣчать: „Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“. Въ этотъ же годъ, отъ пріѣзжавшихъ въ Анапу изъ Ставрополя офицеровъ, мы узнали, что М. Ю. Лермонтовъ, о которомъ я упомянулъ вы- ше (въ 1837 году), служившій въ настоящее время въ гродненскомъ

гусарскомъ полку, 18 февраля дрался на шпагахъ съ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника при петербургскомъ Дворѣ, и былъ раненъ: одни говорили—въ руку, другіе—въ грудь; потомъ, стрѣлялся, и за эту дуэль, какъ видно изъ приказа военнаго министра, Государь Императоръ, 13-го апрѣля, собственноручною конфирмаціею, назначилъ Лермонтова въ нашъ тенгинскій полкъ поручикомъ; но онъ, въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ, по прибытіи въ Ставрополь, къ намъ въ полкъ не явился, а отправился въ Чечню, для участія въ экспедиціи.

1841 ГОДЪ.

XI.

Смерть М. Ю. Лермонтова. Артезіанскій колодезь въ Анапѣ. Сборъ отряда для экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Анрепа. Высочайшій рескриптъ генералъ-маіору Анрепу. Пожаръ на пароходѣ. Береговныя укрѣпленія. Прибытіе мое въ отрядъ на Адлерѣ.

Вскорѣ послѣ встрѣчи новаго (1841) года, который мы отпраздновали у коменданта, Егоръ Егоровичъ произведенъ былъ въ генералы и отправился къ новому назначенію. Штабъ полка возвратился на постоянныя квартиры въ Черноморію, для приготовленія къ экспедиціи, и я, изъ тенгинцевъ, остался въ Анапѣ одинъ, считаясь во временной командировкѣ при комендантѣ.

По выступленіи штаба полка, въ Анапѣ прошли слухи о смерти М. Ю. Лермонтова, поэтическія сочиненія котораго приводили меня въ восторгъ. Мнѣ всегда хотѣлось видѣть эту замѣчательную

личность, чтобы сравнить черты его лица съ чертами лицъ В. А. Жуковскаго и А. С. Пушкина, глубоко врѣзавшимися въ моей памяти; но не суждено было исполниться этому желанію. Разказы же о его фیزیономіи были до того неопредѣлительны, что, по словамъ однихъ, онъ былъ брюнетъ, а другіе увѣряли, что онъ—блондинъ. По письмамъ изъ Пятигорска извѣстно было только, что онъ убитъ маіоромъ Ник. Солом. Мартыновымъ, 15-го іюля, на дуэли, при секундантахъ. титулярномъ совѣтникѣ князѣ Васильчиковѣ и корнетѣ Глѣбовѣ; а пистолетами для дуэли прислужился ему родственникъ его, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ Столыпинъ. Не смотря на то, что дуэль была при свидѣтеляхъ, подробности о ней чрезвычайно разнообразны: одни говорятъ, что Лермонтовъ получилъ рану въ правый бокъ навывлетъ, упалъ, не успѣвъ выстрѣлить; другіе говорятъ напротивъ, Лермонтовъ выстрѣлилъ первый и выстрѣлилъ вверхъ; Мартыновъ, будто бы, сказалъ на это: „я не пришелъ съ тобой шутить“,—и сдѣлалъ выстрѣлъ, но пистолетъ осѣлся по случаю дождя; онъ вновь насыпалъ на полу пороху и вторымъ выстрѣломъ, попавъ въ грудь, положилъ Лермонтова на мѣстѣ. Дуэль была во время сильной грозы, безъ медіа, на случай раны; убитый, а, можетъ быть, еще живой Лермонтовъ, говорятъ, оставался безъ пособія часа три на мѣстѣ; что барьеръ былъ отмѣренъ на покатоности горы и Лермонтовъ стоялъ выше Мартынова,—однимъ словомъ, всѣ обвиняютъ секундантовъ, которые, если не могли отклонить дуэли, могли бы отложить, когда пройдетъ гроза. Впрочемъ, время объяснить сущность дѣла; а намъ теперь остается только сожалѣть объ эгоистахъ, жертвующихъ полезною своею жизнію не отечеству, а своему самолюбію.

Во все время пребыванія моего въ Анапѣ, на площади, почти въ самомъ центрѣ крѣпости, производилось съ 1830 года сверленіе артезианскаго колодца, подъ руководствомъ горнаго инженеръ-капитана Анисимова; для работъ присланы были изъ Сухумъ-кале 14 человекъ скопцовъ. Въ началѣ 1841 года, когда глубина вы-

сверленной трубы, при десяти-дюймовой широтѣ по діаметру, достигла восьмидесяти сажень, и инструмента доставало еще на 120 с., получено было предписание—работы прекратить и инструменты передать въ Керчь. У господина Анисимова, во время работъ, составилъ весьма интересный сборникъ разныхъ породъ грунта земли на восьмидесяти-саженной глубинѣ подь Анапою. Этотъ сборникъ обѣщаетъ принести пользу въ будущемъ, когда обращено будетъ вниманіе на богатства Кавказа въ геологическомъ отношеніи.

Въ этомъ 1841 году нашъ тенгинскій полкъ, съ 1-го августа, находился въ экспедиціи, въ отрядѣ на береговой линіи, подь начальствомъ генераль-лейтенанта Анрепа, а я оставался при анапскомъ комендантѣ Федорѣ Филиповичѣ Ротѣ. Генераль Анрепъ состоялъ при корпусѣ, съ октября 1839 года исправлялъ должность начальника лезгинской кордонной линіи до настоящаго 1841 года, въ которомъ поручена была ему черноморская береговая линія. Въ это время командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ линіи полковникъ Муравьевъ (*), усмирившій въ горной Цебельдѣ дальцевъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ состоялся приказъ (№ 94) объ изъявленіи покорности джигетами и убыхскимъ княземъ Аубла-Ахметовымъ, за что, Высочайшимъ рескриптомъ 3-го іюня, генералу Анрепу изъявлено удовольствіе Его Величества, а, за содѣйствіе въ этомъ важномъ дѣлѣ, полковникъ Муравьевъ пожалованъ въ генераль-маіоры; всѣмъ джигетскимъ и убыхскимъ князьямъ и дворянамъ даны офицерскіе чины.

Этотъ рескриптъ такъ любопытенъ, что я снялъ съ него копію:

Высочайшій рескриптъ ().*

„Господинъ генераль-маіоръ Анрепъ! Разсмотрѣвъ донесеніе

(*) Этотъ Муравьевъ, въ 1839 году, въ чинѣ подполковника, состоялъ по особымъ порученіямъ при корпусномъ командирѣ, въ 1840 году произведенъ въ полковникъ.

(**) Приложение въ приказу по отдѣльному кавказскому корпусу 22 іюля 1841 года, № 94-й, пунктъ 2-й.

ваше къ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса о добровольной покорности, изъявленной прибрежными джигетами и частію убыховъ, Я, къ истинному Моему удовольствію, вижу въ этомъ неожиданномъ событіи доказательство благоразумныхъ вашихъ дѣйствій и распоряженій къ водворенію тишины, спокойствія и порядка на ввѣренномъ вамъ берегу. Мѣрами кротости и убѣжденія, чувствамъ Моимъ исполнѣ соответствующими, важная цѣль эта достигается гораздо прочнѣе, нежели силою оружія. Я остаюсь увѣреннымъ, что это благое начало, поддерживаемое постояннымъ доброхотствомъ и строгою справедливостію къ племенамъ, изъявившимъ покорность правительству, а съ другой стороны неослабными и рѣшительными дѣйствіями противъ непокорныхъ, будетъ имѣть самыя благопріятныя содѣйствія въ отношеніи общаго устройства береговой линіи.

Въ этихъ надеждахъ, изъявляя вамъ особенную Мою признательность за ваши дѣйствія, пребываю къ вамъ благосклоннымъ“.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„НИКОЛАЙ“.

Петергофъ. 5-го іюня 1841 года.

Прочитавъ такой рескриптъ, конечно, нельзя было не порадоваться, что послѣ Вельяминова и Раевского, покорившихъ горцевъ силою оружія, по примѣру покоренія татаръ „великолѣпнымъ княземъ Тавриды“, — нашелся генералъ, открывшій способъ покоренія магометанъ и ихъ родной земли, мѣрами кротости и убѣжденія, чего никому не приходило въ голову со временъ Мамаева побоища.

Августа 6-го, прибылъ въ Анапу командиръ тенгинскаго полка полковникъ Семенъ Ильичъ Хлюпинъ и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ экспедицію, къ полку, стоявшему въ то время лагеремъ при урѣшленіи Святаго Духа, на Адлерѣ. Пароходъ „Мо-

гучій“, на которомъ прибылъ С. И. Хлюпинъ, стоялъ на якорѣ противъ анапской бухты, верстахъ въ двухъ; ближе, по мелководью, подойти къ вѣрѣности нельзя. 7-го числа, на немъ, съ 5 часовъ вечера, играла музыка тенгинскаго полка и нагружали нѣкоторые продукты и вещи для отряда; въ томъ числѣ былъ небольшой ящикъ съ разными лекарствами, котораго командиръ парохода сначала не хотѣлъ было принять. Въ 8-мъ часовъ вечера, распростившись съ Федоромъ Филиповичемъ и со всѣми знакомыми, я оставилъ Анапу и, вмѣстѣ съ полковникомъ Хлюпинымъ, на баркасѣ, отправился на пароходъ; тамъ я нашелъ семейства, отправляющіяся въ укрѣпленія береговой линіи; онѣ состояли изъ шести человѣкъ офицеровъ и пяти дамъ. Послѣ ужина, всѣ штабъ и оберъ-офицеры улеглись спать на палубѣ кормы, подъ тентомъ; дамы заняли капитанскую и офицерскія каюты; двери послѣднихъ открылись въ каютъ-компанію. Въ каютъ-компаніи на серединѣ столъ; надъ столомъ большая лампа освѣщала всю каюту; я записывалъ на столѣ въ мою памятную книжку карандашемъ воспоминанія послѣднихъ дней въ Анапѣ. Была полночь. Воды! воды! пожаръ! раздалось на палубѣ. Въ одинъ моментъ всѣ дамы, въ чемъ спали, очутились въ каютъ-компаніи. Когда изъ каютъ-компаніи я открылъ дверь,—люкъ былъ ярко освѣщенъ горѣвшимъ тентомъ изъ парусины, который мгновенно былъ сорванъ и брошенъ за бортъ. Я бросился по лѣстницѣ на палубу; за мною—дамы, которыя положительно-таки вынесли меня наверхъ, такъ, что я упалъ, ступивъ на палубу, и онѣ за мною, повторивъ каждая тоже самое. На палубѣ былъ чистый маскарадъ; жара была невыносимая, а потому, всѣ были раздѣты, въ однихъ рубахахъ, также, какъ и дамы; въ надлежащей одеждѣ были только: я, вахтенный офицеръ, человѣкъ пять или шесть матросовъ, да пожилая женщина-нянька, съ годовымъ ребенкомъ; командиръ парохода спалъ, какъ говорили, въ кожухѣ колеса, и первый высочилъ на горѣвшую, какъ тогда думали, палубу, при чемъ обжегъ себѣ ноги отъ пятокъ до колѣнъ.

Офицеры, увидя дамъ, набрасывали на себя сюртуки, шинели; но сапоги и другія принадлежности натягивать было некогда,—всѣ думали о потушеніи пожара и о своемъ спасеніи; пожарная труба и помпы дѣйствовали сильно, матросы и музыканты работали усердно; съ парохода подавали сигналы объ опасности фальшфейерами, но не стрѣляли, не видя еще крайности. Между тѣмъ, со всѣхъ, бывшихъ на рейдѣ, судовъ, спущены были баркасы, и всѣ лодки отчалили отъ берега; все направилось къ пароходу, съ котораго также спущены были на воду гичка и баркасъ. Но, благодаря быстрымъ и благоразумнымъ распоряженіямъ, пожаръ былъ прекращенъ не болѣе, какъ въ 10-ть минутъ, и испугъ обратился въ смѣхъ и веселые рассказы; всѣ живо принарядились и уже не скоро улеглись спать. Моряки говорили, что хорошо, что на нашемъ пароходѣ ванты и всѣ снасти желѣзныя, цѣпныя, а не канатныя,—а то-бы намъ такъ дешево не отдѣлаться. Причиною пожара былъ ящикъ съ аптекою, который стоялъ у гротъ-мачты; нянька уложила заснувшее дитя на ящикъ и хотѣла его придвинуть къ борту, по ея выраженію—„къ стѣнкѣ“. Едва она двинула ящикъ—ящикъ задымился. Вахтенный офицеръ, увидя дымъ, закричалъ: ящикъ за бортъ! Матросы подхватили ящикъ за веревки, которыми онъ былъ увязанъ, веревки лопнули; ящикъ, вмѣстѣ со всѣми банками, склянками, переложенными пенькою и соломою, рухнулъ на палубу; разлившіеся спирты, пенька и солома загорѣлись; и, въ то же время, пламя охватило тентъ. Вотъ начало и конецъ происшествія, которое на сухомъ пути казалось бы ничтожнымъ, но между небомъ и водою произвело на насъ сильное впечатлѣніе. Черезъ часъ времени, мало по малу, все утихло; я легъ, завернувшись въ плащъ, вмѣстѣ съ другими, на палубѣ. Въ два часа ночи пароходъ поднялъ якорь; сотрясеніе, произведенное дѣйствіемъ машины, и шумъ колесъ разбудили меня; я долго любовался восходящимъ изъ-за горъ солнцемъ, невольно припоминая то время, когда я, счастливый судьбою, безпечный душою и сердцемъ, согрѣтый чистымъ пламе-

немъ патріотизма, съ чувствомъ неспорченнаго юноши, смотрѣлъ съ высотъ Балкана на показывающееся, какъ бы выходящее изъ глубины Чернаго моря, утреннее солнце. Какъ далеко вершины Балкана отъ высотъ Кавказа, такъ далеко настоящее мое время отъ времени войны 1828 года; эти два хребта горъ раздѣлены бурными пучинами моря,—двѣ эпохи жизни моей раздѣлены шумными ураганами службы; горы тѣ же, да я не тотъ: я, по прежнему, прапорщикъ, да не юноша; на мнѣ тѣ же золотые эполеты, да нѣтъ золота въ душѣ; у меня тотъ же красный воротникъ, да въ сердцѣ не красно: чувства замѣнились страстями, легковѣріе—благоразуміемъ, довѣрчивость—подозрительностью, добродѣтель, обиженная несправедливостью, потеряла свою дѣтскую прелесть и, проученная опытомъ, сдружилась съ хитростью,—однимъ словомъ, я сдѣлался злѣе. Жаль мнѣ самаго себя: я былъ гораздо лучше на западныхъ берегахъ Чернаго моря, чѣмъ на восточныхъ... Въ сущности, это кажется одно воображеніе, одна мечта. Я также слабъ и чувствителенъ къ добру и злу, какъ прежде; о послѣднемъ скажу стихомъ Карамзина: „Зло дѣлать малое—мнѣ мало, большаго дѣлать не могу“. Но исправлюсь-ли я на западѣ жизни?... Можетъ быть—да будетъ уже поздно.

8-го числа, въ 8 часовъ утра, открылась предъ нами суджувская бухта; вдали видно было Кабардинское укрѣпленіе на Дობи, прежде названное Александровскимъ, и скоро открылся предъ нами Новороссійскъ.

Тамъ, гдѣ горы-исполины
Стали вѣчною стѣной,
Моря Чернаго пучины
Плещуть свѣтлою волной;
Гдѣ когда-то слышны были
Звуки рыцарскихъ мечей (*);

(*) Крестоносцы, изгнанные изъ Сиріи въ 1291 году, возвращались въ Европу черезъ Кавказъ.

Гдѣ въ ущельяхъ ядра были
Генуэзскихъ (*) батарей;
Тамъ, гдѣ съ пашками встрѣчались
Ятаганы на скалѣ;
Тамъ, гдѣ башни красовались
Крѣпостцы Суджукъ-кале—
Тамъ-то сѣвера сынами,
И подъ сѣнію знаменъ,
Оградившійся штыками,
Русскій городъ заложенъ (**).

Въ половинѣ 9-го бросили якорь; я съѣхалъ на берегъ. Новороссійскъ болѣе похожъ на разоренную непріателемъ деревню, нежели на вновь строящійся городъ: тутъ остовъ дома, съ печью подъ крышею, безъ стѣнъ, за недостаткомъ хвороста и глины; тамъ—домъ, совершенно оковченный, безъ крыши, за недостаткомъ камыша, и покрытъ рогожами; здѣсь—хваленныя тенгинскія казармы, омыты дождемъ, не стыдятся, выказываютъ матеріалъ, изъ котораго онѣ построены, то есть, вѣтви дубоваго плетня, обмазанныя смѣшеніемъ глины съ животною глиною; этотъ-то знаменитый составъ, изобрѣтеніе котораго приписываютъ черноморцамъ, и замѣняетъ въ Новороссійскѣ штукатурку на извести; даже церковь оштукатурена этимъ же способомъ. Признаюсь, Новороссійскъ не привлекателенъ для горца; онъ не позавидуетъ жителю этого города и не получитъ понятія о пользѣ европейскаго просвѣщенія.

Въ тотъ же день, въ 5-ть часовъ вечера, пароходъ бросилъ якорь въ геленджикской бухтѣ. Крѣпость Геленджикъ исправлена

(*) Генуя и Венеція, въ XVI вѣкѣ, имѣли свои колоніи на кавказскихъ берегахъ Чернаго моря.

(**) Это мѣсто разъ уже было занято русскими, именно—въ 1791 году: генералъ-аншефъ Гудовичъ, по взятіи, 22-го іюня, крѣпости Анапы, чрезъ три дня занялъ и Суджукъ-кале.

и изуродована палисадомъ, поставленнымъ на фронтъ бруствера; строенія и казармы построены прочно и удобно для помѣщенія; внутреннее пространство вѣрности слишкомъ стѣснено строеніями, какъ и во всѣхъ укрѣпленіяхъ береговой линіи.

9-го числа, въ 5-ть часовъ утра, пароходъ снялся съ явора, и въ 12-ть часовъ, въ полдень, мы прибыли на высоту Шапсуго, гдѣ построено укрѣпленіе Тенгинское; пароходъ не бросилъ явора, — легъ въ дрейфъ; я съ полковникомъ Хлюпинымъ съѣхалъ на берегъ. Въ этомъ укрѣпленіи мы оставили лекаря съ молодою женою; нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ эта юная парочка узнала супружеское счастье. Бѣдная чета! имъ суждено лучшее время жизни провести въ одной изъ гробницъ, устроенныхъ для живыхъ, хотя неоспоримо съ полезною цѣлью.

Нельзя не пожалѣть женщинъ и дѣтей, которымъ суждено жить въ укрѣпленіяхъ береговой линіи: эти послѣднія, лишеныя всѣхъ средствъ получить воспитаніе, отъ частыхъ болѣзней теряютъ память и умственные способности; и, какъ дѣти вообще чрезвычайно воспримчивы, то онѣ, постоянно окруженныя солдатами, при всей бдительности родителей, невольно перенимаютъ солдатскія ухватки, образъ выраженія и даже пороки. Бѣдныя дѣти!... А женщины, удаленныя отъ свѣтскихъ обществъ, непрестанно находящіяся въ опасностяхъ, для которыхъ онѣ не созданы, поневолѣ теряютъ свою нѣжность. „Женщины образуютъ душу и сердце; хотя иногда есть случаи, въ которыхъ онѣ развращаютъ нравы, но всегда мужчина, удаляющійся ихъ обществъ, теряетъ любезность“, сказалъ де-Лиль. Но, признаюсь, этой пользы, отъ пребыванія женщинъ въ укрѣпленіяхъ, мужчинамъ ожидать нельзя. Впрочемъ, и этотъ принцъ, при Екатеринѣ II-й, высказалъ свою мысль не о затворницахъ въ укрѣпленіяхъ, а о дамахъ большаго свѣта. Мужчины въ укрѣпленіяхъ—въ положеніи дикихъ островитянъ, съ тою только разницею, что дикихъ веселятъ мѣдные бубенчики, а ихъ—извините—звуки стеклянной посуды.

Въ этотъ же день, въ 4 часа вечера, пароходъ легъ въ дрейфъ передъ Псезуапс; я, съ полковникомъ, посѣтилъ фортъ Лазарева. Этотъ фортъ, какъ уже извѣстно, первымъ взятъ былъ горами; онъ снабдилъ ихъ порохомъ и далъ имъ смѣлость дерзнуть на другія укрѣпленія, послѣдствіемъ чего, какъ уже извѣстно, было взятіе другихъ укрѣпленій. Нынѣ этотъ фортъ возобновленъ совершенно по тому же плану; только построень съ большею тщательностію, усиленъ палисадомъ и вооруженъ крѣпостною и полевою артилеріею, а не морскою съ кораблей, какъ это, по торопливости и, сказать правду, неосмотрительности, сдѣлано было въ 1838 году. Здѣсь я нашелъ стараго своего сослуживца по могилевскому полку, съ которымъ дѣлалъ походы въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ и въ Царствѣ Польскомъ 1831 года, маіора барона фонъ-Менгдена. Въ половинѣ 9-го, мы увидѣли огни на Сочи, и въ 10-мъ часу бросили якорь передъ укрѣпленіемъ Навагинскимъ, а на другой день осматривали укрѣпленіе; оно построено на скатѣ горы, вершина которой, находясь отъ него наполовину пушечнаго выстрѣла, доставляетъ неприятелю всѣ средства обстрѣливать внутреннее пространство укрѣпленія, такъ какъ фронтъ, обращенный въ вершинѣ горы, не дефилированъ; а въ зрительную трубу неприятель можетъ наблюдать за всѣми дѣйствіями въ укрѣпленіи, въ чемъ соглашался со мною и полковникъ Хлюпинъ. Во рву, передъ куртинею этого фронта, устроенъ каменный капониръ, на которомъ красовался двухъ-этажный деревянный блокгаузъ, для невѣдомой цѣли. Послѣ моихъ замѣчаній, рассказывали намъ, что 27-го іюля горцы, дѣйствительно, поставивъ на высотѣ чегыре орудія, открыли огонь по укрѣпленію и окончили 29-го числа: повредили стѣны казармъ; взорвали гранатами блокгаузъ, въ которомъ, на случай приступа, заготовлено было 500 ручныхъ гранатъ; при этомъ взрывѣ погибло 8-мъ человекъ; а во время канонады убыло изъ строя 21 человекъ. Во время нашего приѣзда всѣ поврежденія были уже исправлены.

XII.

Лагерь при укр. Св. Духа. Болѣзни и смертность. Выступление отряда съ Адлера. Фальшивая тревога. Рукопашная схватка съ горцами. Прибытіе отряда въ укрѣпленію Навагинскому. Молва въ отрядѣ о многочисленности непріятеля. Амбаркація отряда. Возвращеніе на зимнія квартиры. Полковой театр.

Въ тотъ же день, то есть, 10-го августа, въ 8-мь часовъ утра, я вышелъ на берегъ на Адлерѣ. Полкъ нашъ стоялъ тамъ при укрѣпленіи Св. Духа на р. Мдымте лагеремъ, и, какъ командиръ полка назначилъ меня баталіоннымъ адъютантомъ въ 3-й баталіонъ, то я въ тотъ же день явился къ командиру баталіона, маіору Льву Львовичу Хромову и поселился въ трехъ соединенныхъ палаткахъ, вмѣстѣ съ поручикомъ Иліодоромъ Сергѣевичемъ Кушелевымъ, прапорщикомъ графомъ Толстымъ и съ разжалованнымъ изъ профессоровъ виленскаго университета, Ордынскимъ. Мы имѣли общій столъ; вѣрностной человѣкъ Кушелева замѣнялъ намъ повара. Шатеръ нашъ былъ такъ устроенъ, что въ немъ образовался залъ и двѣ комнаты; одну занималъ Кушелевъ, другую—я съ Ордынскимъ; а какъ Толстой никогда ничѣмъ не занимался, только напѣвалъ да насвистывалъ бушкетки и курилъ постоянно сигару, то мѣсто его лежанія было не означено въ такъ называемой нами залѣ, въ которой мы обѣдали и совершали оргіи. Картежной игры у насъ не было; за то, по сосѣдству, у командира баталіона, днемъ и ночью шла игра.

Четыре баталіона нашего полка въ то время имѣли подъ ружьемъ никакъ не менѣе 700 человѣкъ каждый. Начались ученья, смотры и незначительныя работы. Была засуха, — днемъ несносный жаръ, ночью сырой холодъ; окрестныя болота гніютъ, воздухъ дѣлается тяжелымъ; появились желтыя лихорадки; люди начинаютъ болѣть, и открылась значительная смертность; 20-го августа похо-

ровили лекаря Германа; 5-го сентября, накануне дня моихъ именинъ, скончался мой благодѣтель, генераль-маіоръ фонъ-Бринкъ, не получившій посланнаго отъ меня изъ Анапы, чрезъ командира тендера лейтенанта Десятаго, въ память моей благодарности, замѣчательнаго трехграннаго кинжала, время крестовыхъ походовъ, какъ значилось по латинской надписи на клинкѣ. Этотъ кинжалъ, при легкомъ ударѣ, пробивалъ двойной панцирь; ножны и ручья были оправлены въ турецкомъ вкусь, серебромъ, подъ позолоту; кинжалъ этотъ, въ Анапѣ, я съ большимъ трудомъ вымѣнялъ у старшины немирнаго аула. Послѣ похоронъ Е. Е. фонъ-Бринка, меня спросили: что бы написать на могильномъ крестѣ этого добраго человѣка?— Нанишите просто: „блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять“, отвѣтилъ я, и это мое предложеніе было исполнено. Вскорѣ послѣ этого, именно—16-го числа, умеръ начальникъ дружины сванетовъ, а изъ числа трехсотъ человѣкъ этой дружины осталось всего сорокъ человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ своего начальника, отплыли восвоеси. Мы похоронили двухъ офицеровъ изъ гарнизона укрѣпленія; двухъ нашего полка. Прибывшіе 26-го августа изъ Крыма, четыре баталіона 13-й пѣхотной дивизіи, полковъ: брестскаго и бѣлостокскаго пѣхотныхъ, виленскаго и литовскаго егерскихъ, хотя и потерпѣли отъ болѣзней, но не обезсилились до такой степени, какъ нашъ полкъ, который, въ день выступленія отряда, 8-го октября, вывелъ подъ ружье 860 человѣкъ. Незадолго до выступленія отряда съ Адлера къ укрѣпленію Навагинскому, я написалъ эпитафію на смерть Егора Егоровича фонъ-Бринка.

Эпитафія его превосходительству генераль-маіору и кавалеру Егору Егоровичу фонъ-Бринку.

Почій, достойный сынъ отчизны!

Дѣлами добрыми и истиной святой

Ознаменованъ путь твоей короткой жизни;
О вѣренныхъ тебѣ ты пекся какъ родной.
Въ сраженьяхъ—первый ты; но смерть тебя щадила:
Рокъ не судилъ тебѣ пасть съ храбрыми въ рядахъ,
Вдали отъ родины взяла тебя могила;
Но дѣти родины благословляютъ прахъ.

Медленный сборъ милиціи, по причинѣ бунта въ Гуріи, задержалъ нашъ отрядъ на Адлерѣ, который, въ досадѣ нашей, слишкомъ два мѣсяца собирался сдѣлать нашествіе на землю убыховъ. Два мѣсяца—такое время, въ которое не только убыхи, имѣющіе земли какихъ нибудь 150 квадратныхъ верстъ, но все побережье линіи могло ополчиться и приблизиться къ отряду.

Мы, маленькіе люди, въ лагеряхъ не знали и не разгадывали обширныхъ плановъ начальника отряда; его почти никто не видѣлъ объѣзжающимъ лагерь или цѣпь; никто не зналъ, какою дорогою пойдѣмъ къ убыхамъ; но каждый понималъ, что отрядъ долженъ былъ двинуться въ горы по ущелью, вникая въ смыслъ названія нашей экспедиціи, которую величали: „экспедиція въ землю убыховъ“. Между тѣмъ, убыхскіе стратегики предугадали намѣренія отряднаго генія, и, судя по заваламъ, которые впоследствии пришлось занимать намъ съ боя, они, по крайней мѣрѣ, мѣсяць трудились надъ укрѣпленіемъ прибрежной дороги; эту дорогу можно назвать до крайности рискованною и могущею быть избранною только для спасенія остатковъ разбитаго отряда; достаточно сказать, что, въ случаѣ бури, при юго-западномъ вѣтрѣ, эта дорога была бы не только непроходима, но просто гибельна для отряда: корабли должны бы были удалиться отъ береговъ, изъ опасности потерпѣть крушеніе, на такое разстояніе, съ котораго нельзя бы было обстрѣливать горъ и скалъ, составлявшихъ правую сторону пути; съ этихъ высотъ и изъ за приготовленныхъ заваловъ непріа-

тель, не тратя пороха, могъ бы безнаказанно громить отрядъ камнями, между тѣмъ, какъ съ лѣвой стороны, прибоемъ волнъ, увлекало бы въ море обозы, вьюки, лошадей, людей и даже артилерію;—кто знаетъ бури у восточныхъ береговъ Чернаго моря, тотъ совершенно согласится съ этимъ заключеніемъ. Сверхъ сего, походъ прибрежною дорогою доставилъ непріятелю средства соединить свои силы на одной только правой сторонѣ (по движенію отряда) и укрѣплять одну только эту сторону; тогда какъ, при движеніи отряда чрезъ ущелья, онъ необходимо долженъ бы былъ раздробить свои силы, не только съ цѣлью поражать отрядъ съ двухъ сторонъ, но чтобы, по возможности, обезпечить аулы, спасти имущество и семейства, совершенно не зная, куда начальникъ отряда направитъ свои силы, или на какой аулъ укажетъ сдѣлать набѣгъ; надо еще замѣтить, что по прибрежью, отъ ущелья до ущелья, на горахъ нѣтъ ауловъ, по неимѣнію прѣсной воды. Мнѣніе, что морская артилерія, при слѣдованіи отряда берегомъ, разрушая завалы и отгоняя непріятеля съ вершинъ горъ, могла содѣйствовать движенію отряда—совершенно было ложно и не оправдалось на дѣлѣ: артилерія съ кораблей не могла дѣйствовать картечью, иначе, она поражала бы своихъ, какъ въ колоннѣ, такъ и въ стрѣлковой цѣпи; да и картечь, при встрѣчѣ покрытыхъ лѣсовъ, пологостей горъ и крутизны скалъ, не могла производить рикошетовъ, а слѣдовательно, не достигала цѣли своего назначенія; приходилось дѣйствовать ядрами и гранатами,—а кто не знаетъ, какое ничтожное дѣйствіе эти снаряды производятъ на рассыпной строй или на такого непріятеля, какъ наши горцы, дѣйствующіе вразсыпную.

Октября 8-го, въ два часа ночи, отрядъ началъ выходить на дорогу и строиться въ походный порядокъ, принятый на Кавказѣ при слѣдованіи въ горахъ—только безъ лѣвой цѣпи, такъ какъ отрядъ долженъ былъ слѣдовать берегомъ моря. Дали сигналъ, отрядъ двинулся. Корабль „Трехъ іерарховъ“, фрегатъ „Тенедось“, буксируемые пароходами „Могучимъ“ и „Бойцемъ“, лодки азов-

сихъ казаковъ, вооруженныя каронадами большаго калибра, баркасы съ корабля и фрегата, такъ сказать, составляли лѣвую цѣпь и слѣдовали по движенію отряда. Правая цѣпь, подъ командою полковника Хлюпина, сначала, слѣдуя чрезъ земли мнимо-покорныхъ джигетовъ, шла подъ прибрежными скалистыми обрывами, безпрестанно мѣшаясь съ баталіонами, идущими въ колоннѣ, и съ вьюками. Граница джигетовъ и убуховъ, какъ вообще въ горахъ, неопредѣлена и неизвѣстна самимъ жителямъ. Время было за полдень; правая цѣпь шла при колоннѣ, и мы, кажется, считали себя въ землѣ джигетовъ. Вдругъ, нѣсколько человекъ стрѣлковъ въ авангардѣ замѣтили, вправо на высотѣ, двухъ горцевъ, слѣлали по нимъ выстрѣлы; а такъ какъ войска, составлявшія колонну, видѣли правую цѣпь идущею не по высотамъ, какъ это всегда бывало въ ущельяхъ, а при колоннѣ, и, по распространившимся въ отрядѣ слухамъ, что убухи въ значительномъ сборѣ ожидаютъ насъ у границы своей земли, то въ одно мгновеніе, послѣ выстрѣловъ въ авангардѣ, невольно въ войскахъ, особенно въ милиціи, блеснула мысль, что ближайшія высоты по всему протяженію отряда заняты убухами, и войска въ головѣ колонны открыли батальный огонь по высотамъ. Нескромность состоявшихъ при штабѣ офицеровъ, неаккуратность въ допросѣ плѣнныхъ убуховъ и преувеличенные рассказы лазутчиковъ, еще до выступленія отряда, распространили слухъ о многочисленности убуховъ; даже прямо опредѣляли, что ихъ въ сборѣ до 9,000. Регулярныя войска, обезсиленныя болѣзнями, зная свою малочисленность, мало надѣясь на горскую дружину и, что свойственно солдатамъ, подозрѣвая милиціонеровъ во вседневной готовности къ измѣнѣ, такъ сказать, были подготовлены къ паникѣ, и потому, при открытіи огня въ авангардѣ, всѣ войска въ колоннѣ послѣдовали тому же примѣру, а милиція, какъ вообще горцы, при этой неожиданности, совершенно растерялась; при чемъ, большая часть самурзаканской конницы слѣшила и открыла пальбу чрезъ сѣдла. Тоже самое повторилось въ арьергардѣ,

когда онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ случилась первая фальшивая тревога, хотя уже тамъ не показывалось ни одного убыха. Въ теченіи этого перехода, фальшивыя тревоги въ колоннѣ повторялись четыре раза и даже тогда, когда, послѣ тревоги въ арьергардѣ, правая цѣпь шла уже по высотамъ. При этихъ тревогахъ, въ колоннѣ оказалось раненыхъ нѣсколько человекъ и лошадей; можетъ быть, и наблюдавшіе съ незанятыхъ высотъ за движеніемъ отряда убыхи, при этомъ случаѣ, пустили нѣсколько пуль въ колонну. Послѣ занятія высотъ цѣпью, начали встрѣчаться завалы. Завалы эти обыкновенно горцы сооружаютъ изъ срубленныхъ съ вѣтвями деревьевъ, колючихъ кустарниковъ, каменьевъ, хвороста и земли, вынутой изъ неглубокаго ровика, дѣлаемаго всегда за заваломъ. По приближеніи авангарда къ завалу, морская артилерія открывала по немъ огонь ядрами и гранатами, которые, разрушая завалы, дѣлали ихъ только, такъ сказать, ниже, но за то—шире, разбрасывая бревна, колючки и камни; такое разрушеніе, когда по сигналу прекращалась пальба съ флота, и баталіоны съ крикомъ ура! бросались на завалы, задерживало только стрѣльбовъ и атакующую колонну, перебивавшуюся черезъ эти препятствія, подъ огнемъ непріятеля, лишая самыя войска возможности отстрѣливаться; между тѣмъ, горцы, какъ только открывался огонь съ кораблей, оставляли завалы, сбѣгали въ ближайшіе овраги и выжидали только крика ура; съ этимъ крикомъ открывали огонь по штурмующимъ и затѣмъ, бросались въ пашки. При этомъ случаѣ намъ много помогала горная артилерія, встрѣчая толпы горцевъ картечью, прежде чѣмъ они могли смѣшаться съ штурмующими завалы. Надо отдать полную справедливость дѣйствию авангарда и вообще, баталіонамъ, участвовавшимъ въ приступахъ. Горная артилерія удивляла насъ порядкомъ, быстротою, вѣрностію выстрѣловъ, дѣствуя подъ сильнымъ и мѣтвымъ ружейнымъ огнемъ убыховъ. Въ этотъ день, то есть, 8-го октября, 4-й баталіонъ, вмѣстѣ съ абхазскою милиціею, занялъ въ арьергардѣ гору, на время остановки отряда, по случаю

встрѣченнаго на дорогѣ, прямо противъ авангарда, большаго завала. Убыхи, можетъ быть, и съ частью джигетовъ, открыли первоначально перестрѣлку съ абхазцами, которые шли впереди баталіона; абхазцы отступили; остался только баталіонъ, имѣвшій подъ ружьемъ менѣе двухсотъ человекъ. Перестрѣлка утомляла; отрядъ двинулся; баталіону приказано спускаться съ горы. Какъ только подали сигналъ отступленія, убыхи бросились на баталіонъ; завязался рукопашный бой. Баталіонъ отступилъ съ значительною потерей, оставивъ на мѣстѣ своихъ убитыхъ, въ томъ числѣ поручика Эшопара и отданнаго въ солдаты изъ профессоровъ—Ордынскаго (*).

Ночлеги отряда, съ 8-го на 9-е октября, надо считать однимъ изъ особенно замѣчательныхъ въ кавказской войнѣ: часа за два до заката солнца, оставивъ за собою версты за двѣ маленькую рѣчку, вытекающую изъ горъ, съ превосходною водою, мы остановились у рѣчки, протекающей чрезъ болотистую мѣстность, вода въ которой была мутна и чисто соленая; между тѣмъ, какъ версты за три впереди, что мы узнали при дальнѣйшемъ движеніи, была хорошая вода, о чемъ можно было узнать отъ лазутчиковъ. Около рѣчки, при которой мы остановились для ночлега, между грядями горъ, образовалась незначительная площадка, покрытая густымъ кустарникомъ, имѣвшая пространства не болѣе 60-ти квадратныхъ сажень; на эту-то площадку помѣстили всѣ пѣшія войска, слѣдовавшія въ колоннѣ; тѣснота была необыкновенная; не только негдѣ

(*) Эшопаръ, по фізіономіи, принадлежалъ къ племени индѣйцевъ; и, дѣйствительно, по его словамъ, отецъ его былъ испанецъ, а мать индіянка; его вывезъ въ Россію адмиралъ Литке, возвратясь изъ кругосвѣтнаго путешествія. Во время схватки съ горцами, при немъ находился подпрапорщикъ Мищенко, который, получивъ четырнадцать ранъ, лежалъ рядомъ съ Эшопаромъ, и ночью, возвратясь въ отрядъ совершенно голымъ, окровавленный, говорилъ, что онъ оставилъ Эшопара еще живымъ.

было развести огня, но даже не было мѣста прилечь солдатамъ. Вьючныя лошади, коглы, козлы ружей, солдатскія торбочки, все это было перемѣшано, какъ будто эти войска, послѣ сильнаго пораженія, столпились въ кустарникѣ и ищутъ случая скрытно уйти отъ непріятели. 9-го числа, по неизвѣстнымъ причинамъ, отрядъ стоялъ въ этомъ безпорядкѣ до 11-ти часовъ; между тѣмъ, корабль и фрегатъ, какъ будто для того, чтобы созвать убуховецъ, открыли канонаду по завалу, отстоящему отъ авангарда, по крайней мѣрѣ, въ полуверстѣ. Наконецъ, отрядъ двинулся; началась сильная перестрѣлка въ авангардѣ и въ правой цѣпи, продолжавшаяся до заката солнца. Солнце сѣло, перестрѣлка умолкла. Нашъ 3-й баталіонъ уже въ темнотѣ занялъ гору нѣсколько впереди авангарда; ниже, сзади насъ, на уступѣ той же горы — 4-й баталіонъ. Нельзя было не предвидѣть, что, съ разсвѣтомъ, горцы сдѣлаютъ нападеніе на этотъ пунктъ; между тѣмъ, баталіоны, которымъ ни одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, какъ это дѣлалось въ прежнія экспедиціи, не указалъ мѣста и порядка строя, для ночлега, стали по указанію вовсе несвѣдущаго и неопытнаго въ военномъ дѣлѣ маіора Хромова (4-мъ командовалъ капитанъ); на мои замѣчанія, какъ баталіоннаго адъютанта и неотлучнаго спутника командира, я получалъ отвѣтъ: „не ваше дѣло“. Люди были утомлены походомъ по горамъ, оврагамъ и безъ приваловъ, при постоянной перестрѣлкѣ; не ѣли цѣлый день; весь отрядъ расположился ночлегомъ на мѣстѣ, гдѣ не было воды; а сухой сухарь въ сухое горло не слишкомъ пойдетъ; часу въ 10-мъ догадались — послали на корабли за водою! Меня съ горы командировали на берегъ за приѣмомъ воды; дали по двѣ манерки въ роту. Между тѣмъ, полковникъ Хлюпинъ, командовавшій цѣпью, прибылъ къ баталіону и поставилъ 3-ю гренадерскую роту фронтомъ по продолженію фронта авангарда, нѣсколько впереди послѣдняго, такъ что, въ случаѣ надобности, 2-й взводъ этой роты, сдѣлавъ перемѣну фронта правымъ флангомъ впередъ, могъ бы фланкировать съ высоты фронтъ авангарда; 7-ю мушке-

терскую роту—фронтомъ по направленію правой цѣпи; 8-ю и 9-ю, въ дивизионной колоннѣ, въ серединѣ этого полукаре такъ, чтобы онѣ могли, въ случаѣ нужды, подкрѣпить какъ 3-ю гренадерскую, такъ и 7-ю мушкетерскую роты. 4-й баталіонъ, поставленный на уступѣ, въ видѣ главнаго резерва, стоялъ въ дивизионной колоннѣ фронтомъ къ правой цѣпи. Это расположеніе ротъ имѣло впереди себя цѣпь застрѣльщикова, съ резервами, которая правымъ своимъ флангомъ примыкала въ оврагѣ къ лѣвому флангу цѣпи баталіона виленскаго полка. Тишина ночи не была нарушена ни однимъ выстрѣломъ. Между тѣмъ, непріятель, въ довольно значительномъ числѣ, пользуясь темнотою ночи и густымъ лѣсомъ, покрывавшимъ здѣсь всю мѣстность, подползъ къ цѣпи 7-й роты; съ разсвѣтомъ, цѣпь, замѣтивъ непріятеля, открыла огонь; завязалась перестрѣлка; цѣпь была усилена. Въ это же время убухи, большими толпами, быстро дебушировали изъ ущелья противоположнаго углу каре, послѣжая къ мѣсту перестрѣлки; тутъ, вскорѣ изъ колонны прибылъ къ баталіону начальникъ штаба, полковникъ Филипсонъ, и, съ барабаннымъ боемъ, при крикахъ ура! двинулъ 3-й баталіонъ въ штыки на собравшіяся толпы, предупредивъ ихъ намѣреніе броситься въ шашки. Завязался рукопашный бой, и горцы штыками были вынесены на вершину противоположной высоты; 4-й баталіонъ занялъ ущелье, изъ котораго вышелъ непріятель. Во время преслѣдованія горцевъ, послѣ рукопашной схватки, прибылъ къ 3-му баталіону 6-й пѣшій казачій полкъ, и этотъ полкъ, съ баталіономъ, довершилъ пораженіе бѣгущаго непріятеля; цѣпь была восстановлена и приведена въ порядокъ. Баталіонъ виленскаго полка, по причинѣ чрезвычайно затруднительнаго подъема изъ оврага, въ которомъ онъ провелъ ночь, прибылъ къ мѣсту сраженія уже на вершинѣ занятой полковникомъ Филипсономъ горы. Гибельный ударъ, нанесенный этимъ сраженіемъ непріятелю, обезпечилъ правую цѣпь такъ, что послѣ этого дѣла, до самой Сочи, гдѣ построенъ фортъ Навагинскій, непріятель почти не показывался и довольствовался

только незначительною перестрѣлкою съ арьергардомъ. Потеря 3-го баталіона въ этомъ дѣлѣ состояла: убиты—поручикъ Титовъ, унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 7; ранены: штабсъ-капитанъ Мякинъ, поручикъ Росляковъ, унтеръ-офицеровъ 6, рядовыхъ 27. Собрано 3-мъ баталіономъ на мѣстѣ и съ непріятельскихъ тѣлъ оружія: пашекъ 14, кинжаловъ 9, ружей 22, луковъ 5, стрѣлъ до 15. Послѣ этого дѣла и предшествовавшаго дѣла въ авангардѣ, при взятіи завала, когда убили адъютанта корпуснаго командира, капитана гвардіи Лауница, генераль-маіоръ Муравьевъ принялъ командованіе авангардомъ. Муравьевъ—храбрый генераль, но, какъ видно, мало опытенъ и мало знакомъ съ порядкомъ боевыхъ движеній въ горахъ. Онъ забылъ, что голова правой цѣпи должна слѣдовать неразрывно съ правымъ флангомъ цѣпи авангарда, а роты, въ видѣ резервовъ, слѣдующія рядами за боковою цѣпью, не должны терять изъ вида ротъ, идущихъ въ авангардѣ развернутымъ фронтомъ, и, въ нарушеніе этихъ извлеченныхъ изъ опыта правилъ, взялъ двѣ роты изъ авангарда и форсированнымъ маршемъ двинулся къ Сочи, даже не извѣстивъ правой цѣпи о предпріятомъ имъ движеніи. Эта цѣпь, зная свою обязанность, сначала слѣдовала, соображаясь съ движеніемъ сказанныхъ двухъ ротъ, идущихъ по безлѣсной равнинѣ; но сама, продираясь чрезъ густой вѣковой лѣсъ, безпрестанно спускаясь въ овраги и подымаясь на высоты, необходимо разорвалась; и наконецъ, утомленная этимъ бѣшенымъ движеніемъ авангарда, отъ него отстала, и чрезъ это, конечно, могла бы быть обойдена и поставлена между двухъ огней, если бы убыхи умѣли воспользоваться случаемъ и не потерялись послѣ послѣдняго дѣла; а взятая генераломъ Муравьевымъ двѣ роты могли быть истреблены, если бы непріятель строже наблюдалъ за нашими движеніями. Говорятъ, что это быстрое движеніе двухъ ротъ сдѣлано было съ цѣлью занять высоту, съ которой горцы въ іюлѣ мѣсяцѣ стрѣляли изъ орудій по форту Навагинскому. Вопросъ: если бы горцы и дѣйствительно заняли ту высоту, то не-

ужели генераль Муравьевъ думалъ съ двумя ротами скинуть толпы убыховъ съ горы? Неужели фортъ, поставленный въ безопасность ожиданіемъ съ часу на часъ прибытія отряда, не могъ бы сосредоточить всю свою артилерію на бастіонахъ фронта, обращеннаго къ высотѣ, и, открывъ канонаду, согнать непріятеля, который, конечно, имѣя въ рукахъ ту высоту, въ противномъ случаѣ могъ бы безнаказанно стрѣлять по отряду, выходящему на позицію, и при занятіи мѣсть для устройства лагеря.

Наконецъ, 10-го октября, отрядъ вошелъ въ ущелье къ укрѣпленію Навагинскому, и, къ 7-ми часамъ вечера, занята уже была позиція и разбитъ лагерь. Вскорѣ по прибытіи отряда, по распоряженію отряднаго штаба, мнѣ приказано было, съ открытымъ предписаніемъ, объѣхать на баркасѣ всѣ суда принадлежащей отряду флотилии и привести въ извѣстность число убитыхъ и раненыхъ, находящихся на судахъ. Я кончилъ это порученіе къ 11-ти часамъ ночи; при чемъ, оказалось убывшими изъ строя во время похода 8-го, 9-го и 10-го чисель, отъ Адлера до Сочи, изъ всѣхъ частей войскъ и милиціи, штабъ и оберъ-офицеровъ 37, нижнихъ чиновъ 634. На другой день, убитые, не оставленные на мѣстѣ сраженія и умершіе отъ ранъ на корабляхъ, перевезены были на берегъ и съ надлежащими почестями преданы землѣ. Не прошло трехъ-четырехъ дней, какъ пошли по отряду толки и ропотъ на генерала Анрепа, который, по занятіи позиціи на Сочи, не объѣхалъ отряда, не поздравилъ войска съ побѣдою, не ободрилъ ихъ для дѣйствій на будущее время; а между тѣмъ, рассказывали, что горцы и самъ Берзекъ (*) распространяли слухи въ горахъ о бессилии русскихъ: говорили, что, если бы не флотъ, то отрядъ не

(*) Убыхскій старшина Хаджи Берзекъ, семидесятилѣтній старецъ, потерявшій въ послѣдніе два дня, изъ девяти своихъ сыновей, четырехъ убитыми; остальные, израненные, принесены въ отцовскій домъ.

дошелъ бы до Сочи; что русскій отрядъ идти уцельемъ побоялся; даже въ отрядѣ, умы менѣе прозорливые, особенно между милиціонерами, въ своихъ разговорахъ, проводили ту же мысль—что, конечно, имѣло невыгодное нравственное вліяніе на нижнихъ чиновъ. Дабы убуховъ лишить средствъ въ будущемъ—вредить форту пушечными выстрѣлами съ ближайшей высоты, о которой говорено было выше, и отъ которой, какъ уже было сказано, укрѣпленіе не дефилировано, предпринято было перенести туда одинъ изъ блокгаузовъ и обнести оный каменною стѣною; а для сообщенія съ фортомъ—устроить капониръ. 14-го числа приступили къ заложению этого блокгауза; постройка продолжалась во все время пребыванія отряда на Сочи; на работы высылались нижніе чины отъ черноморскихъ пѣхотныхъ казачьихъ полковъ и часть отъ регулярныхъ войскъ; а милиція, получая значительное содержаніе, повременамъ, вмѣстѣ съ войсками, ходила только на фуражировку. Наконецъ, 7-го ноября, это малополезное устройство блокгауза и капонира было окончено. Между тѣмъ, отрядъ, со дня на день, ожидалъ выступленія въ горы, чтобы, если уже не покорить убуховъ, то, по крайней мѣрѣ, отмстить имъ за взятіе нашихъ укрѣпленій. Вмѣсто этого, мы видѣли только ту же медленность, которая была на Адлерѣ. Безпрестанная перемѣна приказаній показывала нерѣшительность начальника, а медленность давала Берзеку, съ приверженцами, поддержать нравственную силу убуховъ и поправить свое на нихъ вліяніе, сильно упавшее послѣ большой потери и неудачи горцевъ, которые, надѣясь на успѣхъ, оставивъ аулы, женъ, дѣтей, собравъ послѣднее свое достояніе, явились, можетъ быть, за 50 и 60 верстъ изъ горъ, къ берегу, и принесли, при возвращеніи въ дома свои, только раненыхъ, да тѣла убитыхъ. Нельзя сказать, чтобы и отрядъ пылалъ желаніемъ сразиться съ непріателемъ; скорѣе скажу, что отрядъ упалъ духомъ, не слыша никакого одобренія, и, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе замѣчая нерѣшительность начальника отряда, который, не показавъ убухамъ силы-могущества отря-

да, не разоривъ у нихъ ни одного аула, открылъ съ ними переговоры о покорности,—тогда какъ слово покорность не существуетъ и въ языкѣ горцевъ. Конечно, если бы сейчасъ по прибытіи въ Сочи, двинулись подъ аулы; если бы, не давъ опомниться убхамъ, воспользоваться ихъ раздорами, которые обыкновенно возникаютъ между горами послѣ неудачъ, и упреками ихъ Берзеку, поклявшемуся аллахомъ не пропустить русскихъ въ Сочу,—то, можетъ быть, новыя быстрыя пораженія непріятели и разореніе его ауловъ повели бы въ какому нибудь благопріятному результату. Но отрядъ стоялъ безъ дѣйствія; Берзекъ умѣлъ пользоваться медленностію русскихъ, поправилъ свою репутацію, возстановилъ вновь въ себѣ довѣріе и уваженіе, потерянные имъ, какъ уже сказано, чрезъ пропускъ русскихъ въ Сочи, доказалъ соотечественникамъ, что русскіе, безъ морской артилеріи, не рѣшатся идти въ горы. Я самъ слышалъ отъ одного лазутчика, что Берзекъ, подсмѣиваясь надъ нами, такъ говорилъ убхамъ: „вы замѣчаете медленность русскихъ,—они дожидаются, что ихъ Государь пришлетъ имъ награды и корабли, на которыхъ они поплывутъ по нашимъ ущельямъ съ большими пушками. Пусть стоятъ, говорилъ онъ, намъ меньше будетъ работы; съ помощію аллаха, если они не перемрутъ всѣ здѣсь, такъ половина ихъ убавится отъ болѣзней“. Второе ноября еще болѣе убѣдило непріятели въ нашей нерѣшительности и даже въ упадкѣ духа въ войскахъ. Ввечеру, съ 1-го на 2-е число ноября, приказано усилить пѣнь; если будутъ выстрѣлы въ лагерь—отряду не дѣлать тревоги; пѣшей дружинѣ въ этотъ вечеръ приказано пѣть пѣсни. Прошу разгадать военную хитрость отряднаго начальника: войска ничего не знаютъ, теряются въ догадкахъ. Поутру открылась тайна: вся кавалерія, вьючныя лошади и часть артилерійскихъ, подъ командою генерала Муравьева, оставили отрядъ, и, какъ тати, тою же дорогою, которою мы шли, пробрались въ Адлеръ; вечеромъ же, неожиданные пушечные выстрѣлы въ лагерьъ были сигналами для сказанной рети-

рады. Между тѣмъ, мнимо-покоренные генераломъ Муравьевымъ джигиты, видя ничтожность нашихъ предпріятій противъ убыховъ, начали колебаться въ вѣрности, и 5-го ноября, для доказательства преданности своей русскимъ, подъ укрѣпленіемъ Святаго Духа, сдѣлали нападеніе на пастьбу скота, въ прикрытіи изрубилъ офицера и 14 человѣкъ нижнихъ чиновъ; взяли нѣсколько въ плѣнъ и угнали всю скотину. Ночью, съ 7-го на 8-е число, мы зажгли засѣвки, сняли лагерь, отступили къ берегу, и началась амбаркація отряда; поутру кончили нагрузку, и все было на судахъ; въ 8-мъ часовъ снялись съ якоря—и тѣмъ кончили знаменитую экспедицію въ землю убыховъ, которая не принесла никакой пользы, разоривъ казну расходомъ на содержаніе дружинъ: мингрельской, имеретинской, гурійской, самурзаканской, и уронивъ въ глазахъ горцевъ достоинство русскаго оружія. Солдаты насмѣшливо называли эту экспедицію—нашествіемъ двадцати языковъ на землю убыховъ.

Въ то время, когда стояли мы на Адлерѣ, я, какъ „пѣтъ армейскій“, не упустилъ случая, и „подмахнулъ стишекъ злодѣйскій“,—вотъ онъ:

Солдатская пѣсня.

Друзья, мои товарищи,
Львы страшные въ бояхъ!
Пойдемъ въ походъ съ молитвою
И съ вѣрою въ сердцахъ.

* * *

Пойдемъ, и Божье солнышко
Освѣтитъ блескъ штыковъ—
На маковкахъ высокихъ горъ
И выше облаковъ.

* * *

Пойдемъ, отмстимъ, товарищи,
За штурмы крѣпостей,
Засыпемъ горцевъ пулями
За смерть своихъ друзей.

* * *

За Туапсе, Псезуапсе,
За Атакуафъ, Вуланъ,
Ты дорого расплатишься,
Проклятый басурманъ.

* * *

За кровь своихъ товарищей,
Умѣеть мстить солдатъ:
За кровь ихъ, души нехристей
Стольнемъ штыками въ адъ (*).

* * *

За этими куплетами слѣдуютъ еще три куплета, написанные для домашняго солдатскаго обихода. Пѣсню эту пѣли въ ротахъ тенгинскаго полка, до отступленія генерала Муравьева; по возвра-

(*) Туапсе — укр. Вельяминовское; Псезуапсе — фортъ Лазарева; Атакуафъ — укр. Николаевское; Вуланъ — укр. Михайловское.

щеніи въ Черноморію, только подъ веселый часъ, наши тенгинцы затыгивали три послѣдніе куплета, здѣсь не помѣщенные.

Полкъ нашъ, 8-го ноября, оставивъ укрѣпленіе Навагинское, 14-го числа вышелъ на берегъ близъ Тамани, на мѣстѣ, называемомъ „Тузла“. Отсюда я не пошелъ съ баталіономъ, но, по предложенію полковника Семена Ильича Хлюпина, отправился въ штабъ полка, въ селеніе Ивановское (въ Черноморіи); тамъ, командиръ поручалъ мнѣ производство полковыхъ уголовныхъ слѣдствій и назначалъ за депутата, если слѣдствіе зависѣло отъ казачьяго вѣдомства. Но главною моею обязанностію было—завѣдывать полковымъ театромъ по искусственной и репертуарной частямъ, а хозяйственная часть была въ полномъ распоряженіи брата полковника, капитана Василя Ильича Хлюпина, командовавшаго учебною командою, къ которой были прикомандированы всѣ юнкера. Вотъ эти-то господа, вмѣстѣ съ кантонистами изъ пѣвческаго хора и писарей, замѣняли у насъ актеровъ и актрисъ; иногда нѣкоторые главныя роли брали на себя и молодые офицеры. Репертуаръ театра составляли комедіи и водевили изъ свѣтской жизни, по возможности подходящіе къ народному и солдатскому быту, или, по крайней мѣрѣ, имѣвшіе между дѣйствующими лицами роли крестьянъ, крестьянокъ, солдатъ, мѣщанъ, словомъ—что нибудь изъ сельской жизни; но, какъ при всемъ стараніи командира полка, встрѣчалось большое затрудненіе въ приобрѣтеніи подобныхъ пьесъ, то я, чтобы по возможности пополнить этотъ пробѣлъ репертуара, написалъ мелодраму, подъ названіемъ „Русскій солдатъ“, въ трехъ актахъ: 1—рекрутъ, 2—плѣнный и бѣглый, 3—солдатъ на родинѣ. Командиръ полка одобрилъ пьесу, и она, поставленная на полковомъ театрѣ, очень понравилась нашимъ зрителямъ, такъ что нѣсколько разъ сряду пришлось давать ее на нашей сценѣ, а послѣ того, почти къ каждому спектаклю, добавляли первый или третій актъ моей мелодрамы; второй, по затрудненію въ постановкѣ, ни одного раза не давали; только изъ него брали въ дивертиссемен-

тахъ хоры, аріи и дуэты, музыка на которые была оригинальная, подобранная въ кадансъ мѣры стиховъ, офицерами, знавшими мотивы изъ старинныхъ романсовъ, пѣсенъ и другихъ музыкальныхъ сочиненій. Товарищи въ шутку называли меня директоромъ театра.

М. Ф. Федоровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ „Походнымъ запискамъ“.

I.

Приѣздъ намѣстника кавказскаго, князя Михаила Семеновича Воронцова, въ г. Ставрополь, 27 сентября 1845 года.

Въ это время я, въ чинѣ подпоручика, состоялъ по особымъ порученіямъ при командующемъ войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-отъ-кавалеріи Николаѣ Степановичѣ Заводскомъ, и записалъ событія этого дня, какъ памятнаго для жителей города и войскъ, тамъ квартировавшихъ.

„Сорокъ лѣтъ назадъ я началъ также службу на Кавказѣ, подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова, былъ съ нимъ подъ Елисаветполемъ; былъ съ храбрымъ Гуляковымъ на Алазани и въ Закаталахъ, опять съ Циціановымъ при покореніи Имеретіи; потомъ на знойныхъ поляхъ эриванскихъ и зимою — въ снѣжныхъ горахъ осетинскихъ. Съ молодыхъ лѣтъ я научился и привыкъ удивляться подвигамъ храбрыхъ воиновъ кавказскихъ“ (*).

Такъ Михаилъ Семеновичъ привѣтствовалъ Высочайше ввѣренныя ему войска, предназначенныя дѣйствовать на Кавказѣ.

(*). Приказъ по отдѣльному кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, — марта 14-го дня, 1845 года, гор. Керчь. *Авт.*

Сорокъ лѣтъ назадъ!... Много-ли осталось воиновъ, сражавшихся за освобожденіе Грузіи отъ угнетеній иновѣрныхъ сосѣдей? Кто расскажетъ, какъ очевидецъ, о славномъ штурмѣ крѣпости Ганджи, которая, съ десяти тысячнымъ гарнизономъ, въ полтора часа времени взята приступомъ горстью русскихъ (1)? Много-ли тѣхъ, которые мстили джаро-бѣлоканскимъ лезгинамъ, за набѣги на Кахетію, уничтожили партіи соучастниковъ ихъ — хановъ аварскаго и кази-кумыскаго, поражали лезгинъ на берегахъ Алазани и, въ чудной схваткѣ, устлали тѣлами ихъ ущелье Закагалы (2)? Много-ли тѣхъ, которые внесли знамена русскія въ границы Имеретіи (3) и для спокойствія Грузіи дрались съ многочисленными войсками Фетъ-Али-Шаха персидскаго, на степи вадаршапатской (4), и которые наказали осетинъ за набѣги на Карталинію (5)? А Михаилъ Семеновичъ былъ участникомъ во всѣхъ этихъ славныхъ подвигахъ русскаго войска на Кавказѣ... Вотъ какого главнокомандующаго имѣютъ теперь войска кавказскія!

Да, протекло сорокъ лѣтъ, и въ рядахъ кавказскихъ воиновъ стали уже дѣти и внуки тѣхъ храбрыхъ кавказцевъ, которые въ то время дѣлили военные труды съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ....

И вождей ужъ прежнихъ мало;
 Много въ день великій пало
 На поляхъ Бородина!
 Позже—тѣхъ взяла война,
 Тѣ—свершивъ въ Парижѣ тризну
 По Москвѣ, и рать въ отчизну
 Проводивши, отъ земли
 Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Бород. Годови. Ж.

Много утекло воды, говоря порусски, со временъ Циціанова: на стѣнахъ Елисаветполя, бывшей крѣпости Ганджи, сорокъ лѣтъ

гремигъ барабанъ русскій; на Алазани—процвѣтають христіанскія селенія; въ Закаталахъ — сторожатъ лѣсистое ущелье твердыня русская; Имеретія выставляетъ храбрую свою дружину, и, подъ знаменами русскими, наказываетъ хищниковъ-горцевъ; осетины забыли набѣги и благоденствуютъ подъ русскимъ правленіемъ; степи вадаршанатскія (*) вошли въ границы русскія.

А самый Ставрополь, который такъ радостно и богато встрѣтилъ князя намѣстника—что представлялъ за сорокъ лѣтъ назадъ? Небольшая крѣпостца, поставленная на высотѣ, гдѣ теперь красуется каменный соборъ во имя казанской Божіей Матери, обстрѣливала небольшую станицу Хоперскую (6), обнесенную плетнемъ, а частію каменною стѣною съ бойницами. Гдѣ теперь домъ командующаго войсками, и гдѣ останавливался въ настоящій прїѣздъ князь Михаилъ Семеновичъ—былъ густой лѣсъ, съ единственнымъ источникомъ ключевой воды, куда жители крѣпости выходили за водою подъ прикрытіемъ роты, при орудіи. А теперь Ставрополь вмѣщаетъ 12,000 жителей (**), имѣетъ хорошій гостинный дворъ, каменный театръ, красивый бульваръ, а зданіями можетъ поспорить съ иными губернскими городами православной матушки-Россіи. Ставрополь не хвастунъ, не кричитъ про себя въ газетахъ; онъ мало говоритъ, да много дѣлаетъ;—даетъ въ пользу бѣдныхъ спектакли, концерты, пожертвованіями сооружаетъ храмы — православный соборъ и католическую церковь. Концертъ, данный здѣшними любителями музыки 5-го апрѣля, собралъ 1,200 рублей серебромъ и доставилъ случай бѣднымъ семействамъ истинно порадоваться въ

(*) Стѣны вадаршанатскія лежатъ между Эриванью и Эчмиадзиномъ.

Авт.

(**) Всѣ эти свѣдѣнія слѣдуетъ отнести ко времени написанія авторомъ настоящей статьи.

Ред.

первый день Пасхи, а послѣдній спектакль принесъ имъ 700 рублей.

Послушайте же теперь, какъ этотъ городъ, за сорокъ лѣтъ бѣдная станица, принялъ князя намѣстника, и подивитесь успѣхамъ просвѣщенія и промышленности, въ краѣ далекомъ отъ сердца и головы Россіи — отъ Москвы и Петербурга; въ краѣ, процвѣтающемъ не болѣе полувѣка, подъ сѣнію побѣдныхъ знаменъ роднаго воинства; въ краѣ, очерченномъ отъ враговъ - хищниковъ линіею казачьихъ пикетовъ на протяженіи болѣе 1,000 верстъ! Сравните минувшее съ настоящимъ, не заглядывайте далеко въ исторію, пробѣгите только военныя событія на Кавказѣ XIX вѣка — и васъ поразитъ успѣхъ русскаго оружія, о которомъ много говорятъ, да мало знаютъ.

27-го сентября, едва пронеслась молва по городу, что князь намѣстникъ, около пяти часовъ вечера, прибудетъ въ Ставрополь и остановится въ домѣ командующаго войсками — площадь предъ домомъ его превосходительства закипѣла народомъ; экипажи съ дамами выѣхали на дорогу въ Черноморію, откуда возвращался князь Михаилъ Семеновичъ; всѣ, отъ убогаго до богатаго, отъ мала до велика, спѣшили встрѣтить намѣстника. Кому изъ русскихъ незнакомо имя Воронцова? Кто не знаетъ добрыхъ дѣлъ его въ быту гражданскомъ и славныхъ подвиговъ на полѣ брани? И такъ, не одно любопытство влекло толпы народныя навстрѣчу его сіятельства: чувство благодарности, святое для русскаго сердца, пробудило въ народѣ желаніе встрѣтить посѣдѣлаго генерала, всю жизнь свою посвятившаго трудамъ, для пользы родины, и въ послѣднемъ походѣ этого года уничтожившаго гнѣздилище Шамиля—аулъ Дарго.

Прошло семь часовъ. Намѣстника не было. Плохая дорога, перерѣзанная глубокими балками, задержала Михаила Семеновича. Стемнѣло. Городъ освѣтился богатою иллюминаціею; дорога отъ города почти на версту была также освѣщена огнями; одноэтажный домъ командующаго войсками, не смотря на простенькій фа-

садъ свой, будучи со вкусомъ иллюминованъ, казался великолѣпнымъ. Въ девять часовъ толпы народа грянули „ура“ (*) — и его сіятельство былъ встрѣченъ начальникомъ штаба войскъ кавказской линіи и Черноморіи (временно-командующій войсками въ это время сопровождалъ князя и прибылъ вмѣстѣ съ нимъ и кавказскимъ гражданскимъ губернаторомъ). Въ это же время два протоіерея, отъ имени преосвященнаго Іереміи, архіепископа кавказскаго и черноморскаго, поднесли образъ Архистратига Михаила — ангела-соименника его сіятельства, символъ благословенія Господня на поприщѣ трудовъ, подъятыхъ для пользы православной нашей родины.

На другой день, то есть, 28-го числа, поутру, представлялись его сіятельству генералы, штабъ и оберъ-офицеры квартирующихъ войскъ и чиновники гражданскаго вѣдомства; въ 10 часовъ, князь, посѣтивъ преосвященнаго Іеремію, отправился въ военный госпиталь, оттуда въ тюремный замокъ, въ казармы кавказскаго линейнаго № 1-го баталіона, въ казармы, гдѣ расположена военно-арестантская рота, и въ пять часовъ изволилъ откушать на званномъ обѣдѣ у временно-командующаго войсками. На третій день, 29-го, посѣтилъ всѣ отдѣленія дежурства и генеральный штабъ войскъ кавказской линіи и Черноморіи, комиссаріатскую комиссію, провіантское комиссіонерство, всѣ присутственныя мѣста, арестантскую роту гражданскаго вѣдомства, областную гимназію, былъ въ частномъ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ г-жи Щербо, отъ котораго была поднесена его сіятельству подушка, вышитая малолѣтними дѣвками, съ золотымъ вензелемъ князя намѣстника и съ изображеніемъ 1845 г., подъ которымъ, на темномъ фонѣ, едва замѣтными золотыми буквами, вышито было: *Андіа. Дарго*. Однимъ словомъ,

(*) По случаю пробитія зари, почетный караулъ и музыка были отпущены.

Михаилъ Семеновичъ былъ вездѣ и видѣлъ все, ничто не ускользнуло отъ внимательности его сѣятельства. Въ этотъ день здѣшнее купечество дало въ честь Михаила Семеновича на полтораста чловѣкъ великолѣпный обѣдъ. Въ столовой залѣ сѣялъ освѣщенный огнями, сплетенный изъ цвѣтовъ, вензель князя намѣстника; а вечеромъ, передъ садомъ командующаго войсками, былъ сожженъ фейерверкъ. Намѣстникъ находился въ саду на терасѣ, окруженный первенствующими военными и гражданскими чинами, съ ихъ семействами; когда запылалъ вензель Михаила Семеновича, народъ грянулъ ура! и заглушилъ трескъ ракетъ взлетѣвшаго павильона.

На четвертый день, 30-го сентября, его сѣятельство занимался у себя дома; вечеромъ былъ спектакль въ театрѣ, но Михаилъ Семеновичъ не могъ этотъ вечеръ посвятить публикѣ и прислалъ за себя въ театръ сына, князя Семена Михайловича. 1-го октября, въ праздникъ Покрова Богородицы, Михаилъ Семеновичъ слушалъ обѣдню въ кафедральномъ соборѣ (въ старомъ, новый еще не былъ оконченъ); по окончаніи литургіи, посѣтилъ преосвященнаго Іеремію. 2-го октября, въ воскресенье, слушалъ обѣдню въ крестовой церкви при домѣ архіепископа; затѣмъ, былъ на званномъ обѣдѣ наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска, а вечеромъ удостоилъ посѣтить балъ благороднаго собранія; 3-е число посвятилъ занятіямъ. Наконецъ, 4-го октября проводили князя намѣстника; съ его отъѣздомъ грустно стало городу; какъ будто простились съ роднымъ; нѣсколько дней только и было разговора, что о привѣтливости и внимательности Михаила Семеновича.

Когда коляска скрывалась въ облакахъ пыли, цѣлая толпа стояла безмолвно, провожая глазами поѣздъ добраго начальника.

Во время пребыванія князя Михаила Семеновича въ Ставрополѣ, я написалъ его сѣятельству въ стихахъ привѣтствіе, по случаю благополучнаго его возвращенія изъ экспедиціи подъ Дарго. По докладу объ этомъ князю состоявшимъ при немъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Павловичемъ Щерби-

нинимъ, я получилъ, чрезъ начальника штаба генераль-маіора Григорія Ивановича Филипсона, разрѣшеніе — мое стихотвореніе поднести лично князю намѣстнику, и затѣмъ, въ день покоренія Варны, 29 сентября, въ домъ командующаго войсками, при общемъ приѣмѣ, я лично поднесъ мое сочиненіе его сіятельству. Князь весьма ласково принялъ слабый трудъ мой и внимательно благодарилъ меня. Вотъ это сочиненіе:

**Привѣтствіе князю намѣстнику Михаилу Семеновичу
Воронцову.**

Ораторія ().*

1.

Гражданинъ.

Воины-соколы, страшные въ брани,
Мысли, желанія вмѣстѣ сольемъ.
Весело съ ними, Кавказа граждане!
Вмѣстѣ пѣснь радости, вмѣстѣ споемъ.

Пѣвецъ.

Вожьдъ, избранный Царемъ для новой славы,
Прійми привѣтъ отъ гражданъ и дружинъ!
Тебѣ давно знакомъ въ ущельяхъ путь кровавый,
Не въ первый разъ ты бросилъ громъ съ вершинъ...

(*) Эту ораторію предполагалось выполнить на сценѣ театра, но, послѣ разрѣшенія автору лично поднести свое сочиненіе его сіятельству, прежнее распоряженіе отмѣнено.

Авт.

Вѣдь съ дружиною родною
Ты въ горахъ бывалъ не разъ;
И знакомъ тебѣ, герою,
Руси давній врагъ—Кавказъ.
Помнить горный мусульманъ
Закаталы, Алазань.

Граждане.

Вѣрный щить страны родной,
Мудрый мужъ совѣта!
Правдой, истиной святой
Грудь твоя согрѣта.
Для отчизны ты готовъ
Въ пламя, въ воду, на край свѣта.
Честь Россіи—Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины.

Грозный врагъ коварствамъ свѣта,
Въ битвахъ—гибель для враговъ,
Князь намѣстникъ Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины и граждане.

Многія лѣта!

2.

Гражданинъ.

Гражданинъ, воинъ-ли—равно щить слабому;
Каждому долгъ свой отчизною данъ.

Счастье отечества—радость Державному;
Воиновъ слава—слава гражданъ.

Пѣвецъ.

Намѣстникъ добрый добраго Царя!
Какъ не любить тебя сынамъ Россіи?
Когда Европы врагъ топталъ поля родныя,
Ты, къ родинѣ святой любовію гора,
Богатство, мужество и умственные силы,
И кровь, и жизнь отчизнѣ посвятилъ,
Спокойствіе—трудами замѣнилъ,
И трудъ готовъ нести до гроба, до могилы!...
Краонской битвы (?) лавръ твой украшаетъ щитъ;
А мечъ вручилъ тебѣ самъ Царь державный;
Во славу родины, на томъ мечѣ блеститъ:
„За покоренье Варны“ (8).

Граждане.

Вѣрный щитъ страны родной,
Мудрый мужъ совѣта!
Правдой, истиной святой
Грудь твоя согрѣта.
Для отчизны ты готовъ
Въ пламя, въ воду, на край свѣта.
Честь Россіи—Ворошцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины.

Грозный врагъ коварствамъ свѣта,
Въ битвахъ—гибель для враговъ,
Князь намѣстникъ Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины и граждане.

Многія лѣта!

3.

Воинъ.

Что намъ дивихъ горъ громады,
Что для насъ толпы враговъ,
Ихъ завалы, палисады—
Если съ нами Воронцовъ!
Съ нимъ ходили наши дѣды;
Онъ отцовъ въ штыки водилъ;
Съ нами-жъ новый путь побѣды
Черезъ горы проложилъ.
Отъ ущелій Мечикала
До вершины Технучала
Врагъ испуганный дрожалъ;
Мы же, смѣлыми рядами,
Шли на приступы; штыками
Брали гору и заваль.
Мы-ль, друзья, въ пылу атаки,
Не сумѣли поражать?
Мы-ль, друзья, въ снѣгу биваки
Не сумѣли разбивать (*)?
Въ славномъ штурмѣ Анчимаера

(*) Когда, подъ личнымъ предводительствомъ Воронцова, тогда еще графа, отрядъ вошелъ въ ущелье Анчимаеръ, 16-го іюня 1845 г., выпалъ снѣгъ и лежалъ до 24-ого числа.

Доказалъ врагу солдатъ,
Что гдѣ храбрость, честь и вѣра—
Тамъ въ прахъ ляжетъ супостатъ.
Мы исполнили штыками
Волю добраго Царя,
И въ прахъ пала передъ нами
Градъ-столица Шамиля.
Правда, жаденъ бой кровавый:
Много храбрыхъ тамъ легло,—
Но за то, прошли со славой
Андю, Дарго.

Воины.

Горы кремнистыя, скалы, крутизны,
Бездны съ тобою, нашъ вождь, перейдемъ.
Лишь укажи намъ—и мы, для отчины,
Чалму ледяную съ Эльбруса сорвемъ.

Пъвецъ.

Лишь укажи на грозныя стремнины,
На неприступныя громады горъ,—
И вѣрныя кавказскія дружины
Умрутъ или рѣшатъ съ врагомъ кровавый споръ.

Граждане.

Вѣрный щитъ страны родной,
Мудрый мужъ совѣта!
Правдой, истиной святой
Грудь твоя согрѣта.
Для отчины ты готовъ

Въ пламя, въ воду, на край свѣта.
Честь Россіи—Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины.

Грозный врагъ коварствамъ свѣта,
Въ битвахъ—гибель для враговъ,
Князь намѣстникъ Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины и граждане.

Многія лѣта!

ФИНАЛЬ.

Пѣвецъ.

Безъ пышности и злата, и сребра,
Но, съ чувствомъ искреннимъ, тебя здѣсь принимаютъ,
Семейства бѣдныя молитвы возсылають,
Въ восторгѣ, юноши кричатъ ура!
А старцы слезы проливають.

Юноши.

Ура! Ура! Ура!

Пѣвецъ.

Да здравствуетъ намѣстникъ князь!
И да падетъ воинственный Кавказъ!

Предъ силой русскаго Царя!
Граждане, воины! Царю ура!

Всѣ.

Ура! Ура! Ура!

25-го сентября проѣхала чрезъ городъ княгиня Елисавета Ксаверьевна. Почетное купечество, въ домѣ благороднаго собранія, въ честь ея сіятельства, дало блистательный балъ и богатый вечерній столъ, на который приглашено было 250 персонъ; за столомъ было 86-ть дамъ. Городъ былъ иллюминированъ; на бульварѣ, освѣщенномъ разноцвѣтными фонарями, мимо котораго должна была проѣзжать на балъ княгиня Елисавета Ксаверьевна, игралъ оркестръ полковой музыки; у подѣзда благороднаго собранія кипѣли толпы народа. Въ день приѣзда княгини, городъ былъ иллюминированъ, вензель ея сіятельства надъ гостиннымъ дворомъ былъ освѣщенъ 3,500 плошекъ, а въ залѣ собранія, на малиновомъ фонѣ, подъ искусно отдѣланною драпировкою, красовался вензель княгини, сплетенный изъ живыхъ цвѣтовъ.

Примѣчанія къ приложенію первому.

(1). Крѣпость Ганджа, защищаемая Джаватъ-ханомъ ганджинскимъ, съ десяти тысячнымъ гарнизономъ, 3-го января 1804 года, взята приступомъ, въ полтора часа времени, отрядомъ, имѣвшимъ подъ ружьемъ три тысячи человекъ, при 11-ти орудіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго въ Грузіи, генераль-

лейтенанта Циціанова. Въ крѣпости найдено 12-ть орудій, 6-ть фалконетовъ, одинъ штандартъ, 8-мь знаменъ, 55 пудовъ пороха и большой запасъ хлѣба. Крѣпость Ганджа, по представленію князя, украшена именемъ блаженныя памяти Императрицы Елисаветы Алексѣевны, подъ названіемъ „Елисаветполь“.

(Изъ донесенія князя Циціанова блаженныя памяти Государынь Императриць, отъ 3-го января 1804 г.).

(2) Князь Циціановъ обратилъ вниманіе на джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, обитавшихъ за р. Алазанью и съ давняго времени разорявшихъ Кахетію, которые много надѣялись на хановъ аварскаго и кази-кумыкскаго. Партіи этихъ хановъ, имѣвшія до десяти тысячъ человекъ, 22-го октября 1803 г., были наголову разбиты отрядомъ генераль-маіора Гулякова, при урочищѣ Пекайро. Отрядъ состоялъ изъ кабардинскаго мушкетерскаго полка и шефскаго баталіона тифлискаго полка. Въ ночь, съ 9-го на 10-е число января 1804 года, генераль-маіоръ Гуляковъ, переправясь чрезъ рѣку Алазань при Александровскомъ редутѣ, вступилъ въ джарскую область; 12-го числа встрѣтился съ партіею лезгинъ, которая бѣжала отъ штыковъ русскихъ, оставя на мѣстѣ сто человекъ убитыми. Лезгины ретировались въ неприступное ущелье. Генераль-маіоръ Гуляковъ преслѣдовалъ ихъ, и 15-го числа пошелъ ущельемъ, называемымъ Закаталы. Отрядъ состоялъ изъ коннаго и пѣшаго грузинскаго ополченія, одного полка казаковъ, двухъ полковъ и одного баталіона пѣхоты и 140 человекъ стрѣлковъ, при одномъ орудіи. Едва только русскіе вступили въ ущелье, замѣнутое съ обѣихъ сторонъ каменистыми горами, непріятель открылъ сильный перекрестный огонь и бросился на отрядъ. Первые выстрѣлы стоили жизни генераль-маіору Гулякову. Смерть начальника, къ которому солдаты имѣли слѣпую довѣренность, разстроила на нѣсколько минутъ порядокъ въ колоннахъ, тѣмъ болѣе,

что находившіяся въ авангардѣ иррегулярныя войска бросились назадъ, прямо на колонны, смѣшали ихъ и многихъ столкнули въ глубокой оврагъ. Генераль-маіоръ князь Орбеліани, какъ старшій, принялъ начальство, возстановилъ порядоѡ, отбросилъ непріятеля; но, не имѣя свѣдѣній относительно дальнѣйшихъ намѣреній покойнаго Гулякова, рѣшился отступить (*). Лезгины чрезъ нѣсколько дней прислали къ князю Орбеліани депутатовъ, испрашивая пощады, а 3-го апрѣля прибыли въ Тифлисъ депутаты отъ всѣхъ лезгинскихъ обществъ, джаро-бѣлоканскаго союза и владѣній эли-суйскаго султана.

(Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ, II. Зубова. 1835 г.).

(3). 21-го апрѣля 1804 года имеретинскій царь Соломонъ вступилъ въ вѣчное подданство Россіи.

(Полное собраніе законовъ, томъ XXVII).

(4). Въ началѣ 1804 г., Абасъ-Мирза, сынъ Фетъ-Али-Шаха персидскаго, вступилъ въ Эриванскую область съ шестидесяти-пятью тысячами войска. Узнавъ о намѣреніи Магометъ-хана эриванскаго обратиться въ подданство Россіи, персидскія войска, въ первыхъ числахъ мая 1804 г., окружили Эриванъ и начали грабить форштаты; ограбили и разорили окрестныя деревни и монастырь Эч-міадзинъ. Князь Циціановъ поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать противъ персіянъ, потому что персіяне, овладѣвъ эриван-

(*) Михаилу Семеновичу суждено, чрезъ 40 лѣтъ, почтить память храбраго генерала Гулякова; онъ осмотрѣлъ мѣсто славной драки, мѣсто, напоминающее ему первыя лѣта военной молодости и первыхъ походовъ. Князь, въ ущельи Закачалахъ, соорудилъ памятникъ генералу Гулякову.

скимъ ханствомъ, могли открыть свободный путь въ предѣлы татарскихъ дистанцій и поколебать спокойствіе Грузіи; а потому, князь Циціановъ, 30 мая 1804 г., выступилъ противъ персіанъ и уничтожилъ силы сына шаха, Абасъ-Мирзы. Представляя объ отличившихся въ сраженіяхъ съ 20 на 26 іюня, главнокомандующій князь Циціановъ выражался въ слѣдующихъ словахъ о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ: „При томъ, не могу особенно не рекомендовать при мнѣ находящагося за бригадъ-маіора, несмѣняющагося, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручика, графа Воронцова, который дѣятельностію и попечительностію своею, замѣняя мою дряхлость, большую мнѣ служить помощію и достоинъ быть сравненъ съ его сверстниками. О семъ дерзаю Всеподданнѣйше представить, зная священныя правила Вашего Императорскаго Величества, по строгости коихъ служба сего молодаго офицера, обѣщающаго много для пользы службы, заслуживаетъ всеконечно Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества вниманія къ одобренію его“.

(Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ, П. Зубова. 1835 г.).

(5). Осетины дѣлали частые набѣги на Карталинію, между тѣмъ, какъ другія племена беспокоили кордоны наши на Малѣѣ, Терекѣ и Кубани. Наконецъ, въ исходѣ октября 1804 г., главнокомандующій предпринялъ лично экспедицію въ осетинскій округъ, усмиривъ мятежниковъ и, водворивъ спокойствіе, въ декабрѣ возвратился въ Тифлисъ.

(Тамъ-же).

(6). Въ 1716 г., на рѣкѣ Хопрѣ, составились селенія изъ черкесъ, казаковъ и части персіанъ, проживавшихъ въ Саратовской губерніи, не приписанныхъ ни къ какому сословію. Впослѣдствіи

времени эти селенія обращены въ казачье сословіе и приняли названіе хоперскаго казачьяго полка. Этотъ-то полкъ, по Высочайше утвержденному докладу астраханскаго, новороссійскаго и азовскаго генераль-губернатора, князя Потемкина, 24-го апрѣля 1777 года, назначенъ къ перечисленію на линію между Тереконъ и Дономъ. Оная линія (сказано въ докладѣ) прикрываетъ отъ набѣговъ сосѣднихъ горцевъ, границу между Астрахани и Дона. Въ описаніи линіи назначена подъ № 8 крѣпость на вершинѣ Егорлыка, называемой Ташла, которая, будучи первою крѣпостью къ черному лѣсу, прикрываетъ, обще съ крѣпостью № 7 (по калауской вершинѣ, называемой Аджилю) проходъ между калаускими вершинами и чернымъ лѣсомъ. Вотъ эта-то крѣпость № 8, подъ прикрытіемъ которой, съ 1777 года, возникла станица хоперскихъ казаковъ, есть основаніе Ставрополя; станица впоследствии переименована въ уѣздный городъ; а 1822 г., іюля 24-го, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату, Кавказская губернія переименована въ область, и уѣздный городъ Ставрополь назначенъ областнымъ.

(Полное собраніе законовъ, томъ V. XX и XXXVIII; см. приложение 4-е).

(7). Краонъ—небольшой городъ во Франціи (Craon petite ville du dépt. de la Mayenne, sur l'Oudon). Подъ этимъ городомъ, въ 1814 г., въ то время графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, водилъ свой егерскій полкъ въ штыки на французскую гвардію, и за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

(8). Въ память покоренія Варны, графъ Воронцовъ награжденъ шпагою съ алмазами и надписью „за взятіе Варны“; сверхъ того, его сіятельству пожаловано орудіе, взятое въ непріятельскомъ редутѣ ночью, съ 13-го на 14-е сентября. Здѣсь, встати, припомнимъ, что Государь Императоръ, по взятіи Варны, въѣзжая

въ крѣпость чрезъ главные ворота, въ сопровожденіи войскъ, вступавшихъ чрезъ бреши и проломъ, соизволилъ сказать: „*Смерть Владислава отомщена*“. Эти слова скоро разнеслись по лагерю, а чрезъ нѣсколько дней мы уже читали данный на имя графа Воронцова рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Графъ Михайлъ Семеновичъ! Воздавъ жертву должной хвалы и благодаренія Богу, поборающему правдѣ и увѣнчавшему оружіе Россійское новымъ блистательнымъ успѣхомъ, Я желаю почтить память Моего предшественника, утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подъ стѣнами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ, ратуя подъ знаменемъ Христовымъ, мужественный сынъ Ягайлы, Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія незнаемо, но да будетъ ему воздвигнуть въ самой столицѣ Польши памятникъ его достойный. Назначивъ для сего ей, въ даръ, 12 турецкихъ пушекъ, изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, Я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ, по распоряженію Его Императорскаго Высочества, Цесаревича, въ честь героя и въ честь храбрымъ Россійскимъ войскамъ, отмстившимъ побѣдою за его паденіе.

Возлагая на васъ исполненіе Моей воли, пребываю къ вамъ всегда благосклонный“.

Послѣ этого рескрипта, въ лагерѣ подъ Варною говорили, что пушки, назначенныя въ Варшаву, отправлены были въ Одессу на двухъ военныхъ судахъ, и что одно изъ нихъ, бригъ „Змѣйка“, при берегахъ Каварны, потерпѣло крушеніе, и отправленныя на немъ орудія погибли. Во время усмиренія въ 1831 году мятежа въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, ходили въ нашихъ войскахъ слухи, будто бы орудія, дошедшія изъ Варны до Варшавы, были поляками положены на лафеты и употреблены противъ нашихъ войскъ.

Впослѣдствіи, во время экспедицій на Кавказѣ, чины бывшей польской арміи, поступившіе уже въ наши полки, горячо опровергали эти слухи, утверждая, что если и было со стороны революціоннаго правительства подобное распоряженіе, то это было совершенно противъ воли регулярныхъ войскъ и народа.

II.

Нѣсколько словъ о построеніи города Ставрополя и объ учрежденіи кавказской кордонной линіи.

Историческій очеркъ.

Съ назначеніемъ меня ставропольскимъ полиціймейстеромъ (1857 г.), мнѣ представилась возможность и явилось желаніе ознакомиться съ исторіею ввѣряемаго моему полицейскому надзору города, который въ это время содѣлался уже центромъ военнаго и гражданскаго управленія кавказской кордонной линіи, проложенной отъ Чернаго до Каспійскаго моря, состоявшей подъ главнымъ начальствомъ командующаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, при которомъ я служилъ по особымъ порученіямъ въ теченіи ровно десяти лѣтъ. Это мое намѣреніе тѣмъ удобнѣе было исполнить, что еще въ 1836 году я имѣлъ случай собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ городѣ.

Въ 1716 году, на рѣкѣ Хопрѣ, составились селенія изъ черкесъ, казаковъ и части персіянъ, проживавшихъ въ Саратовской губерніи и не приписанныхъ ни къ какому сословію. Впослѣдствіи времени эти селенія обращены были въ казачье сословіе и приняли названіе хоперскаго казачьяго полка; селенія этого полка находились невдалекѣ отъ донскихъ станицъ. Затѣмъ, по докладу астраханскаго, новороссійскаго и азовскаго генераль-губернатора, князя Потемкина, Высочайше утвержденному 24-го апрѣля 1777 года, — полкъ этотъ назначенъ къ переселенію на линію между Тереконъ и Дономъ. Оная линія (сказано въ докладѣ) прикрываетъ отъ набѣговъ сосѣднихъ горцевъ границу между Астраханью и Дономъ, далѣе, она соединитъ Азовскую губернію съ Астраханью и во время войны съ сосѣдними народами можетъ удержать стремленіе ихъ на наши земли... Линія, назначенная на картѣ, оставляетъ Моздокъ фланговымъ пунктомъ и идетъ чрезъ рѣки: Цулугу (Золка), Куму, по вершинѣ Карамыка, Тамузлова, Байбалы (Буйволка), Калауса, подлѣ чернаго лѣса, по Егорлыкамъ, при соединеніи вершинъ оныхъ, и внизъ—по большому Егорлыку до Маныча форпостами которые, по Манычу продолжаясь, применутъ около Черкаска къ Дону.

Въ описаніи этой линіи назначена подъ № 8-мъ крѣпость на вершинѣ Егорлыка, называемой Ташла, которая, будучи первою крѣпостью въ черному лѣсу, прикрываетъ, обще съ крѣпостью № 7-й (по калауской вершинѣ, называемой Аджилу) проходъ между калаускими вершинами и чернымъ лѣсомъ. Вотъ эта-то крѣпость № 8-й, подъ прикрытіемъ которой съ 1777 по 1785 годъ, возникла станица хоперскихъ казаковъ, переименованная, съ учрежденіемъ въ томъ-же 1785 году кавказскаго намѣстничества, въ уѣздный городъ *Ставрополь*, а въ 1822 году въ областной; въ настоящее же время этотъ городъ вошелъ въ число губернскихъ городовъ новаго кавказскаго намѣстничества, главное управленіе котораго въ г. Тифлисѣ.

Во времени переселенія на сказанную линію хоперскаго полка, на ней были уже посты, то есть, поселенія казаковъ, обнесенныя плетневою огорожею, съ бойницами и передовымъ рвомъ; нѣкоторыя имѣли мѣстами земляные брустверы съ барбетами и амбразурами для орудій. Всѣхъ постовъ считалось 12, именно:

№ 1. На Курѣ. Нынѣ ауль Орбелиановскій—	близь г. Моздока.
№ 2. На вершинѣ Куры. Нынѣ станица	Государственная.
№ 3. На Золкѣ (Цулугѣ) „ „	Незлюбная.
№ 4. На Подкумкѣ „ „	гор. Георгіевскъ.
№ 5. На Томусловѣ „ „	стан. Александровская.
№ 6. На вершинахъ би-
баленскихъ „ „	хутора медвѣдскіе, въ вер-
шинахъ сухой Буйволы.
№ 7. По калауской вер-
шинѣ, называемой
Аджилю „ „	Сергіевская.
№ 8. На вершинѣ Егор-
лыка, называемой
Ташла „ „	Михайловская, близь Став-
рополя.
№ 9. На Егорлыкѣ „ „	Новотроицкая.
№ 10. При трехъ дорогахъ: къ Кубани, къ Азову и къ Дону —	станица Средне-егорлыцкая.

Въ указѣ объ утвержденіи Таврической области, 2-го февраля 1784 г., сказано: „что же касается до кубанской стороны, то она по удобности имѣетъ вступить въ составленіе Кавказской губерніи“; а какъ островъ Тамань, вмѣстѣ съ полуостровомъ Крымомъ, составилъ въ то время Таврическую область, — то ясно, что Кавказская губернія тогда начиналась отъ р. Копыла (Черной Протоки), о которой упомянуто въ моихъ походныхъ запискахъ, (стр. 35), а потому, начинавшаяся отъ Моздока кордонная линія назы-

вадась „моздокскою“, какъ это видно и изъ указа 10-го февраля 1784 г., которымъ предоставлено екатеринославскому и таврическому генераль-губернатору, князю Потемкину, „линію моздокскую“ продолжить до Тамани и связать съ укрѣпленіями Ейскимъ и Фанаторійскимъ, которые и составили посты:

№ 11. Нынѣ городъ Ейскъ.

№ 12. „упраздненная вѣрѣность Фанаторія.

Затѣмъ, 17-го декабря того же 1784 г., послѣдовало распоряженіе о дозволеніи желающимъ переселиться въ Кавказскую губернію однодворцамъ, также экономическимъ и государственнымъ крестьянамъ Курской и Тамбовской губерній; на этомъ основаніи, однодворцы курскаго намѣстничества, въ числѣ 1,742 душъ, поселены неподалеку отъ Ставрополя, на рѣкѣ Ташлѣ.

Въ 1785 году, 9-го апрѣля, именнымъ указомъ положены были въ кавказскомъ намѣстничествѣ для дворянъ и губернскихъ чиновниковъ мундиры: темновишневый кафтанъ съ голубымъ бархатнымъ воротникомъ и косыми обшлагами, съ четырьмя пуговицами, подбой и камзолъ, такого же цвѣта, пуговицы бѣлыя на кафтанѣ, по обѣимъ сторонамъ гнѣздами, и карманы косые.

Въ томъ же 1785 году, 5-го мая, повелѣно генераль-поручику, правящему должность генераль-губернатора саратовскаго и кавказскаго, Павлу Сергѣевичу Потемкину, сдѣлать исполненіе по учрежденіямъ 7-го ноября 1775 года и въ кавказскомъ намѣстничествѣ; а какъ эти учрежденія изданы были для управленія губерній всей Россійской Имперіи,—то ясно, что въ то время, т. е., въ 1775 г., кавказское намѣстничество существовало, но въ немъ не введено было сказанное учрежденіе 1775 г., а 9-го мая, на его же, генераль-поручика Потемкина имя, послѣдовалъ именной указъ объ устройствѣ кавказской губерніи и области астраханской. Въ этомъ же указѣ, между прочимъ, сказано: „Мы сходно представленію вашему, повелѣли губернскимъ городомъ быть Екатеринограду,

назначили раздѣленіе уѣздовъ по настоящему положенію *Кавказской губерніи и области того же имени.*

Изъ этихъ двухъ указовъ видно, что кавказское намѣстничество состояло: изъ Астраханской области съ областнымъ городомъ Астраханью, Кавказской губерніи съ губернскимъ городомъ Екатериноградомъ, и собственно Кавказской области, которая, какъ выше было объяснено, простиралась до острова Тамани влючительно. Относительно же надѣленія землями желающихъ селиться въ Кавказской губерніи, сказано въ указѣ: „вы не оставите земли, остающіяся отъ надѣла, раздать для населенія и заведенія хозяйства желающимъ, на такомъ основаніи, какъ предписано было Нашему генералъ-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину, по его управленію тогдашнему въ Астраханской губерніи и на новой линіи“. Въ этотъ же годъ, 1-го іюня, послѣдовалъ указъ о дозволеніи селиться въ кавказскомъ намѣстничествѣ и объ отсылкѣ въ оное отставныхъ отъ воинской службы нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ, именно—14-го іюля, обнародованъ указъ о дозволеніи иностранцамъ селиться по городамъ и селеніямъ Кавказской губерніи и отправлять безпрепятственно торги, промыслы и ремесла. 13-го же августа, опредѣлены границы Таврической области, о которыхъ въ 6-мъ пунктѣ указа значится: „границы Таврической области должны остаться по Калаусу, присовокупляя къ нимъ донскія селенія, а къ Таману присоединя земли отъ Кубани по черту, назначенную на картѣ отъ васъ представленной“. Черта эта есть граница современной Черноморіи съ Ставропольскою губерніею.

Изъ Высочайше утвержденного доклада правительствующаго Сената 4-го ноября 1785 г., положительно видно, что кавказское намѣстничество состояло изъ двухъ провинцій: Кавказской и Астраханской, которое съ 1786 года, при содѣйствіи правительства, необыкновенно быстро начало заселяться. Въ этотъ годъ едва послѣдовало, 21-го января, торжественное открытіе присутственныхъ мѣстъ намѣстничества, какъ послѣдовали указы: 18-го марта, генералъ-

поручику Потемкину—поселить въ Кавказской губерніи калмыковъ; 11-го апрѣля, президенту военной коллегіи князю Потемкину—о сформированіи войска изъ горскихъ кавказскихъ жителей; 3-го іюня— о высылкѣ женъ отставныхъ солдатъ, поселенныхъ въ намѣстничествѣ; 16-го августа—о порядкѣ переселенія туда жителей изъ разныхъ мѣстъ; 26-го того-же мѣсяца—объ обращеніи большой и малой Кабарды въ поселенное войско, и въ тоже время генераль-фельдмаршалъ князь Потемкинъ уполномоченъ принимать подъ Державу и покровительство Россіи кавказскіе народы; 3-го сентября— о дозволеніи крестьянамъ казеннаго вѣдомства переселиться въ кавказское намѣстничество, по отобраніи напередъ отъ остающихся въ ихъ жительствохъ согласія о платежѣ за нихъ въ теченіи указанного срока казенныхъ податей.

Послѣ продолженія моздокской кордонной линіи до Тамани и соединенія ея съ укрѣпленіями Ейскимъ и Фанагорійскимъ, 24-го апрѣля 1777 года, послѣдовало Высочайшее утвержденіе доклада астраханскаго, новороссійскаго и азовскаго генераль-губернатора, князя Потемкина, объ учрежденіи линіи отъ Моздока до Азова, изъ котораго видно, что князь Потемкинъ только-что въ то время принялъ подъ свое начальство Астраханскую губернію, въ которой принадлежалъ и Кавказъ, и что въ то время былъ астраханскимъ губернаторомъ генераль-маіоръ Якоби. Далѣе, въ докладѣ значитсѣ: „гдѣ построитъ новыя укрѣпленныя селенія (въ томъ числѣ на Ташлѣ) указать назначеннымъ къ переселенію на ту линію волжскому войску, также хоперскому казацкому полку, имѣющему селеніе свое въ 27 верстахъ отъ донскихъ станицъ и, слѣдовательно, въ ненужномъ мѣстѣ расположенному, указать перейти туда наступающею весною“. Затѣмъ, въ 4-мъ пунктѣ доклада пояснено: „назначенныя вновь линейныя укрѣпленія наименовать какъ угодно будетъ, а царицынскую линію, которая теперь никакого уже предмета и защиты не составляетъ, оставить, и сими способами кубанская степь будетъ преграждена“.

Построеніе этой новой линіи, заселеніе таковой войсками и командованіе оними возложено на губернатора, генераль-маіора Якоби.

Въ 1789 году (27 января) повелѣно кавказскому намѣстническому правленію предписать, дабы оное, по поступленіи съ бѣглыми разнаго званія людьми въ Кавказскую губернію, зашедшими по указу 8-го апрѣля 1763 года, то есть, причисляя ихъ къ казенному вѣдомству сего намѣстничества, сообщало прямо отъ себя во всѣ тѣ мѣста, откуда оныя бѣжали, чтобы таковыя казеннаго вѣдомства люди въ тѣхъ мѣстахъ были исключены, а помѣщикамъ бѣглыхъ крестьянъ зачислены были въ рекруты.

Въ 1790 году (30 апрѣля) повелѣно правленіе губерніи Кавказской, съ палатами и съ прочими мѣстами, перенести изъ Екатеринограда въ Астрахань; уѣздъ же екатериноградскій раздѣлить по лучшей удобности и присоединить къ другимъ ближнимъ уѣздамъ; а 14-го августа того же года повелѣно и нижнюю расправу изъ Екатеринограда перевести въ г. Георгіевскъ, гражданству дозволить перейти въ желаемые города; казенныя строенія гражданскаго вѣдомства передать воинскому начальнику (*). Съ этого времени въ

(*) Къ доводу правителя кавказскаго намѣстничества, генераль-маіора Брянчанинова, по которому послѣдовалъ этотъ указъ 14 августа, приложена любопытная вѣдомость о величинѣ тѣхъ строеній: домъ генераль-губернаторскій, съ флигелями, и присутственныя мѣста о 57 комнатахъ, вице-губернаторскій домъ о 14 комнатахъ, домъ эконома директорскій о 13 комнатахъ, домъ для *аманатчиковъ*, въ коемъ нынѣ (1790 г.) находится народное училище, о 20 комнатахъ; при немъ погребъ для кладви льда; домъ для *аманатовъ* о 19-ти комнатахъ; для совѣтника таможенныхъ дѣлъ о 7 комнатахъ; кордегардія, въ коей нынѣ (1790 г.) состоитъ гауптвахта, о 8 комнатахъ; деревянный амбаръ, въ коемъ находится соль, о 3-хъ перегородкахъ; магазины: винный съ перегородкою и кладовая палата съ предвыходомъ.

Примѣчаніе. Вѣроятно, *аманатами* назывались собственно заложники, а *аманатчиками* — завѣдывающіе аманатами. Двт.

Георгиевскѣ соединились гражданское и военное управленія краемъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ 1791 г. (23 іюля) генераль-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому повелѣно: изъ тептерей и бобылей составить пятисотенный казачій полкъ и наименовать его уфимскимъ казачьимъ полкомъ, а 28-го февраля 1792 г. послѣдовалъ генераль-аншефу Гудовичу указъ о приведеніи терской линіи въ лучшее оборонительное состояніе, о поселеніи шести донскихъ полковъ на кавказской линіи и объ учрежденіи суда и расправы для кабардинцевъ.

Въ такомъ положеніи охраненіе границъ нашихъ на сѣверномъ Кавказѣ существовало до перенесенія военнаго и гражданского главныхъ управленій, въ 1822 г., какъ выше сказано, изъ Георгіевска въ г. Ставрополь; послѣ чего, г. Георгіевскъ поступилъ въ число заштатныхъ городовъ, съ упраздненною и обезоруженною крѣпостью, въ которой до настоящаго времени сохранились старыя казенныя зданія, въ которыхъ помѣщаются артилерійскіе склады съ мастерскими и квартируетъ управленіе георгіевскаго окружнаго арсенала.

III.

Проѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича, чрезъ г. Георгіевскъ, Ставропольской губерніи, 9-го октября 1858 года.

Въ цѣломъ свѣтѣ есть одна только нація, которая говоритъ: батюшка-Царь, матушка-Россія. Эти священныя названія Царю и

своему отечеству доказываютъ уже, какою любовью народъ нашъ любить Государя и родину. Конечно, при такой мысли, въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ наше отечество, слившееся, при своей разноплеменности, въ одну душу, преданную царственному Дому, -- прїѣздъ членовъ Императорской Фамиліи въ каждомъ городѣ составляетъ эпоху, составляетъ какъ бы семейный праздникъ, на которомъ жители всѣхъ сословій радуются одною радостію, пылаютъ однимъ желаніемъ: привѣтствовать дорогихъ Гостей и излить предъ Ними чувства своей преданности.

Изъ первыхъ распоряженій главныхъ начальствъ на Кавказѣ, о путешествіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича, по кавказскому краю, также изъ циркуляровъ комитета, по этому случаю учрежденнаго въ г. Ставрополѣ, видно было, что высокіе Путешественники не располагали путь свой чрезъ заштатный городъ Георгіевскъ, а предпринимали побывать въ г. Пятигорскѣ, и оттуда проѣхать прямо чрезъ станцію Лысогорскую; станицу Александрійскую, въ Ставрополь; такимъ образомъ, Георгіевскъ оставался въ сторонѣ, за 15-ть верстъ отъ пути слѣдованія Великихъ Князей, а счастливый Пятигорскъ, со своими величественными высотами, цѣлительными источниками, замѣчательными галереями, готовился блеснуть всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, которымъ одарила его природа и украсило заботливое правительство: блистательный фейерверкъ, замѣчательная иллюминація, щитъ въ двѣнадцать аршинъ высоты и въ восемь аршинъ ширины, съ вензелевымъ изображеніемъ именъ Ихъ Высочествъ; наконецъ, изячно меблированные покои для временнаго дворца, -- все это было уже готово, и жители съ нетерпѣніемъ ожидали прїѣзда царственныхъ Гостей. Въ этомъ случаѣ, нашъ бѣдный городокъ, когда-то губернской, сосредоточивавшій въ себѣ главныя военное и гражданское управленія на Кавказѣ, завидовалъ счастливому своему сопернику -- Пятигорску, любимцу природы, отнявшему отъ него уѣздъ -- послѣднее утѣшеніе послѣ по-

тери выгоды и достоинствъ губернскаго города; Георгіевскъ, говорю я, завидовалъ счастію Пятигорска и готовилъ только скромную депутацію для встрѣчи съ хлѣбомъ и солью, въ ст. Александрійской, высокодостоянныхъ Братьевъ вѣнчаннаго Отца отечества.

Октября 6-го, начальникъ губерніи проѣхалъ чрезъ Георгіевскъ въ Пятигорскъ, для личныхъ распоряженій, о приѣмѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ; едва его превосходительство успѣлъ выѣхать изъ города, какъ вдругъ, чрезъ почтовое вѣдомство, дано было знать, что высокіе Путешественники взяли путь на Екатериноградъ, Георгіевскъ, Ставрополь, въ Тамань, и что въ Георгіевскъ благоволятъ прибыть именно 11-го октября. Начальникъ губерніи, узнавъ объ этомъ въ Пятигорскѣ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все, приготовленное въ Пятигорскѣ для встрѣчи Великихъ Князей: фейерверкъ, иллюминація, музыка, мебель для дома, даже обѣденный столъ, однимъ словомъ, все, что только тамъ устроено, было-бы перевезено въ Георгіевскъ. На другой день, то есть, 7-го числа, начальникъ губерніи проѣхалъ чрезъ городъ для встрѣчи Великихъ Князей во Владикавказѣ и рассказалъ о своемъ распоряженіи. Послѣ такого распоряженія, жителямъ Георгіевска оставалось одно: сложить руки и беззаботно ожидать счастія увидѣть дорогихъ Гостей.

8-го числа, въ три часа послѣ полудня, прискакалъ курьеръ съ открытымъ извѣстіемъ отъ начальника праваго крыла кавказской линіи, что Ихъ Императорскихъ Высочества изволятъ выѣхать изъ Владикавказа 8-го октября, то есть, въ тотъ же день, въ 2 часа пополудни, и продолжаютъ путь свой чрезъ Екатериноградъ, Георгіевскъ, Ставрополь, въ Тамань, день и ночь; а какъ Георгіевскъ отъ Владикавказа въ 185-ти верстахъ, то, по расчету времени, высокіе Путешественники должны были прибыть въ Георгіевскъ въ 5-ть или въ 6-ть часовъ утра, 9-го числа. Такое извѣстіе порадовало, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и озаботило жителей Георгіевска: на Пятигорскъ надежда уже пропала, готовить достойно-при-

личный приемъ—поздно, осталось дѣйствовать по пословицѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

По полученіи послѣдняго извѣщенія чрезъ курьера, собрались въ квартирѣ городничаго господя начальники частей, квартирующихъ здѣсь войскъ, городской голова, съ почетными жителями, и рѣшили общимъ совѣтомъ: приготовить иллюминацію возможную по средствамъ и краткости времени, приготовить также холодную закуску, бульонъ, чай и кофе,—на случай, если бы Ихъ Императорскія Высочества, путешествуя цѣлую ночь, пожелали бы сдѣлать здѣсь отдыхъ, а, можетъ быть, вздумали бы взглянуть на бывшій кавказскій окруженный, нынѣ лѣваго крыла кавказской линіи, арсеналь,—но и тутъ бѣда: нѣтъ въ городѣ ни одного экипажа, приличнаго для высокихъ Гостей; экипажи же, назначенные на этотъ случай, изъ Пятигорска на 11-е число еще не прибыли.

Хотя, въ этомъ случаѣ, положеніе мѣстнаго начальства было странно-затруднительно, однако, къ четыремъ часамъ утра, все предположенное было уже готово, и улица, по которой долженъ былъ слѣдовать поѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, домъ для Нихъ приготовленный и ограда соборной церкви, заблестали огнями двухъ тысячъ плашекъ, а ночь скрыла мѣстные недостатки города, похожаго болѣе на большое село.

Въ четвертомъ часу проскакалъ фельдъегерь и передалъ волю Великихъ Князей, чтобы никакой парадной встрѣчи для Ихъ Высочествъ дѣлаемо не было,—поэтому, приготовленный отъ мѣстныхъ войскъ почетный караулъ былъ распущенъ; но чувствамъ сердца запретить было нельзя: съ ранняго утра весь городъ былъ на ногахъ. Солнце взошло; иллюминація догарала,—и городъ вполне открылъ свое полуразрушенное состояніе.

Въ 8-мъ часовъ утра, показался поѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ; приближеніе поѣзда было объявлено жителямъ пушечнымъ выстрѣломъ; при вѣздѣ въ городъ, Ихъ Императорскія Высочества встрѣчены были городничимъ, который отрапортовалъ о

благополучіи города, указаль экипажу путь слѣдованія къ приготовленному дому, около котораго собрались начальники частей войскъ, съ своими офицерами, и почетные граждане съ хлѣбомъ и солью, и гдѣ также готовы уже были почтовые лошади, поставленные въ порядкѣ, по номерамъ. При въѣздѣ въ городъ, громкое ура! привѣтствовало царственныхъ Гостей, а крѣпость, при колокольномъ звонѣ, салютовала двадцати однимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Великіе Князья вышли изъ экипажей, удостоили принять предложеніе гражданъ — откушать чаю и наскоро приготовленный завтракъ; между тѣмъ, Его Императорское Высочество генераль-фельдцейхмейстеръ, въ сопровожденіи командующаго войсками праваго крыла кавказской линіи, начальника артилеріи того крыла и ставропольскаго гражданскаго губернатора, отправился осмотрѣть арсеналь; при этомъ, посѣтилъ мастерскія, осматриваль издѣлія оконченныя и неоконченныя; въ числѣ оконченныхъ, Его Высочество изволилъ обратить особенное вниманіе на полевые и горные лафеты, которые, по чистотѣ отдѣлки и оковки, не могли быть незамѣченными. Его Высочество пожелаль знать: изъ какого дѣлаются эти лафеты; командиръ арсенала, артилеріи капитанъ Сенаторскій, положительно объяснилъ, что на эти лафеты употребляется дѣло мѣстной породы, и именно — *карагачъ* (*), не уступающій въ прочности дубу. Осмотрѣвъ арсеналь и посѣтивъ казармы, Его Высочество удостоилъ личною благодарностію командира арсенала и нижнимъ чинамъ благоволилъ пожаловать мясную и винную порціи.

Послѣ арсенала, Его Высочество осмотрѣлъ склады бывшаго георгіевскаго артилерійскаго гарнизона, остался доволенъ порядкомъ и чистотою, одобрилъ зданія и устройство пороховыхъ по-

(*) Мѣстное названіе — карагачъ или карагучъ; въ великороссійскихъ губерніяхъ — вязь (*ulmus effusa*); эта порода дерева, въ заграничной артилеріи употребляется на лафетныя станины; во Франціи извѣстна подъ названіями: *urteau*, *ureteau*, *orme*. Порусски — племъ, илемовое дерево. *Авт.*

гребковъ, почтилъ личною благодарностію командующаго гарнизонамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи генераль-фельдцейх-мейстера, Ихъ Императорскаго Высочества изволили сѣсть въ экипажъ, и, сопровождаемые радушнымъ, громкимъ ура!—отправились далѣе въ путь, по дорогѣ къ Ставрополю.

М. Ф. Федоровъ.

10-го октября, 1858 года.
Георгіевскъ.

1845 ГОДЪ.

Воспоминанія В. А. Геймана.

I.

Производство въ прапорщики. Прибытіе въ Ташкичу. Движеніе къ Евгеніевскому укрѣпленію и сборъ тамъ отряда.

Когда я посѣтилъ, 8-го мая, прошлаго 1873 года, Дарго (въ Ичкеріи, Терской области) у меня невольно возобновились въ памяти воспоминанія прошлаго бурнаго времени, когда чуть-ли не каждый день гдѣ нибудь да раздавался громъ пушечныхъ выстрѣловъ, лилась кровь, и падали жертвы долголѣтней, упорной борьбы съ воинственными горцами.

Впрочемъ, все это входило въ рамку обыденной жизни; а человекъ, какъ извѣстно, по натурѣ своей, скоро ко всему привыкаетъ. Но, среди этой жизни выдавались годы, которые останутся для участниковъ памятными до послѣдней минуты, какъ напримѣръ: на восточномъ Кавказѣ 1839 годъ—Ахульго, Аргуань; 1842 г.—ичкеринскій лѣсъ; 1843 г.—возстаніе въ Дагестанѣ: Хунзахъ, Зыряны, Бурная; 1845 г.—экспедиція въ Андію и Дарго.

О послѣдней я хочу напомнить моимъ старымъ боевымъ това-

рицамъ, которыхъ, къ сожалѣнiю, уже весьма мало осталось на свѣтѣ: часть ихъ или пала позже въ честномъ бою, и имена ихъ пропали безслѣдно; другiе — умерли отъ ранъ; немцюге оставили службу, а еще меньше, ожидаая скорой выранжировки, пока продолжаютъ служить.

Конечно, очень естественно, старое поколѣнiе должно уступить мѣсто новому, и никто не станетъ оспаривать, что послѣднее должно во многомъ опередить первое; но все же, и мы сослужили кое-какую службу Царю и отечеству. Даже и теперь, когда подчасъ раны болятъ и ревматизмы одолеваютъ, слышавъ бранную трубу, пойдемъ, подобно бракованному коню, галопировать съ той ноги, съ которой прикажутъ.

Прошу читателя не искать въ моемъ повѣствованiи ни витѣватаго слога, ни высшихъ военныхъ соображенiй; — я былъ въ то время молодымъ прапорщикомъ и могу только подѣлиться своими воспоминанiями и впечатлѣнiями того времени, ругаясь за вѣрность фактовъ.

Въ сороковыхъ годахъ, и даже позже, на Кавказѣ существовалъ порядокъ: всѣхъ нижнихъ чиновъ, удостоиваемыхъ къ производству въ офицеры, отправлять предварительно на испытанiе въ кавказскую резервную дивизию. Тамъ насъ обучали фронту и, кромѣ того, въ программѣ (военнаго) образованiя не малое мѣсто занимали, такъ называемые, „пунктики“. Они состояли изъ нѣсколькихъ вопросовъ: что есть солдатъ? что есть знамя? какая обязанность часоваго? и т. д. Все это было очень полезно для солдата того времени и больше чѣмъ ничего — для офицера.

Резервные офицеры, наши учителя, ни образованiемъ и ничѣмъ другимъ не вселяли къ себѣ уваженiя, а о нравственной ихъ сторонѣ нечего было говорить: большинство ихъ состояло изъ выслужившихся фельдфебелей и каптенармусовъ, съ весьма узкимъ взглядомъ на военное дѣло и, вдобавокъ, безъ всякаго образованiя, короче—„ремешки“, какъ тогда было принято называть. Само

собою понятно, что, при такихъ условіяхъ, они не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на прибывающую съ Кавказа молодежь, развившуюся самостоятельно, исключительно при боевой обстановкѣ. Съ другой стороны, для того времени весьма трудно было сдерживать толпу сорванцевъ, наѣзжавшихъ съ разныхъ концовъ Кавказа въ г. Таганрогъ, преимущественно прямо изъ отрядовъ, и бредившихъ военными подвигами.

Располагаясь по квартирамъ, почти внѣ всякаго контроля, буйный народъ этотъ способенъ былъ скорѣе наводить ужасъ на жителей, нежели подчиняться требованіямъ внѣзавказской почвы, и резервщина, какъ мы называли нашихъ наставниковъ, никакъ не могла справиться съ нами. Въ дѣйствительности, пребываніе въ Таганрогѣ служило лишь испытаніемъ—до какой степени молодые люди, попавъ, послѣ трудовъ и лишеній боевой жизни, въ шумный, многолюдный городъ, могли испортиться? Это былъ своего рода университетъ, изъ котораго всякій всѣми силами старался уйти какъ можно скорѣе.

И вотъ, выучившись пунктикамъ, сходявъ раза три на ординарцы къ начальнику дивизіи, я, въ числѣ 126 человекъ, былъ представленъ, осенью 1844 года, въ прапорщики, въ кабардинскій полкъ. Хотя при представленіи въ офицеры обыкновенно спрашивали насъ, въ какую часть хотимъ быть произведены, но желанія наши исполнялись весьма рѣдко.

20-го февраля, 1845 года, насъ произвели въ офицеры, и я попалъ, вмѣсто кабардинскаго полка, въ 16-й грузинскій линейный баталіонъ, расположенный въ то время въ укрѣпленіи Закаталахъ. Отъ такого неожиданнаго сюрприза я былъ въ полномъ отчаяніи, но приходилось покориться судьбѣ. Насъ, какъ милыхъ молодыхъ людей, очень скоро выпроводили на Кавказъ; новая команда юнкеровъ, еще недостоенная представленія, на первое время вела себя довольно сносно, и въ это время Таганрогъ обыкновенно отдыхалъ; за то, весь почтовый трактъ до Ставрополя, буквально, трещалъ.

Вновь отпечатанные прапорщики ѣхали, ради экономіи, по два, по три, а иногда и по четыре человекъ на одной тройкѣ; бывало, нагрянетъ ватага — всю станцію разнесутъ. Я думаю, ни одному курьеру такъ скоро не запрягали лошадей, какъ намъ; станціонные смотрители, старосты и ямщики рады-радешеньки были отдѣлаться, какъ можно проворнѣй, отъ подобныхъ гостей, а потому — вездѣ крайне были любезны и предупредительны съ нами.

Въ Ставрополѣ я на нѣкоторое время остался у родныхъ, и тутъ-же, благодаря вниманію бывшаго начальника штаба войскъ кавказской линіи, генераль-маіора Норденстама, былъ прикомандированъ, впредь до перевода, къ кабардинскому полку. Здѣсь же я узналъ, что готовится огромная экспедиція, и что самъ главнокомандующій принимаетъ въ ней участіе. Конечно, я ничего не помышлялъ о томъ, что, гдѣ и какъ будетъ. Полонъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, молодой, пылкій и беззаботный, безъ денегъ въ карманѣ, и никого не зная, полетѣлъ на перекладной въ кабардинскій полкъ. Тутъ, считаю нужнымъ нѣсколько оговориться: послѣ перевода моего изъ Россіи, изъ нижегородскаго полка, дядя мой, не желая брать на себя отвѣтственности передъ моею матушкой, не пустилъ меня въ экспедицію, а зачислилъ въ 1-й кавказскій линейный баталіонъ, откуда я былъ отправленъ въ резервную дивизію, почему, дальше Ставрополя до сихъ поръ нигдѣ на Кавказѣ не былъ.

За Ставрополемъ, на придорожныхъ возвышенностяхъ, стали попадаться то тамъ, то слѣмъ часовые и казачьи посты; всѣ эти предосторожности напоминали объ опасности пути. На распросы мои, на станціяхъ рассказывали, что тамъ-то проѣзжающаго взяли въ плѣнъ, а тогда-то убили; но все это, какъ оказывалось, было давно.

До Моздока я добрался безъ всякихъ приключеній, но тутъ уже, подъ вечеръ, никого изъ города не выпускали, говоря, что опасно. Дѣлать нечего, приходилось заночевать, не смотря на все

мое нетерпѣніе добратся скорѣе до полка. Отъ скуки, я отправился, съ деньщикомъ, покупать шашку и другія принадлежности для похода. Кстати о деньщикѣ: рядовой Максимъ Тюлентьевъ, мордвинъ, кажется, уроженецъ Пензенской губерніи, былъ зачисленъ ко мнѣ изъ линейнаго баталіона; это — чистый типъ деньщика того времени: добръ, честенъ, привязанъ до крайности и, вмѣстѣ съ этимъ, отчаянный пьяница. Еще въ 1832 году онъ находился въ старой крѣпости Везапной, когда она была обложена Кази-муллою, и затѣмъ, освобождена генераломъ Эммануэлемъ, бывшимъ тогда командующимъ войсками на кавказской линіи; въ этомъ же дѣлѣ онъ и самъ получилъ рану. Максимъ Тюлентьевъ, состоя рядовымъ въ бывшемъ крымскомъ полку, былъ раненъ въ патронную суму, и хотя этимъ очень гордился, но такой казусъ до того сильно на него повліялъ, что онъ нашель болѣе полезнымъ избѣжать повторенія. Тѣмъ не менѣе, не имѣя ни малѣйшаго понятія о военныхъ дѣлахъ на Кавказѣ, рассказы его я слушалъ съ жадностью, хотя и сознавалъ, что онъ говоритъ вздоръ.

Если не ошибаюсь, 21 мая, мы чуть-свѣтъ выѣхали изъ Моздока. Дорога пролегла параллельно Тереку; посты и пикеты попадались чаще; всѣ встрѣчавшіеся по пути были вооружены съ головы до ногъ, и тутъ уже рассказы совсѣмъ другіе: говорятъ не о томъ, что когда-то было, а вчера, съ недѣлю—тамъ порубили въ садахъ, тамъ отбили скотъ, того-то увели въ плѣнъ, и уже не называютъ общимъ именемъ, черкесы или татары, а говорятъ—чеченцы. Къ вечеру того-же дня мы пріѣхали въ Амиръ-аджи-юртъ.

Амиръ-аджи-юртъ—маленькая слободка, на лѣвомъ берегу р. Терека, огороженная плетнемъ вмѣсто вала. Карантинный чиновникъ, соляной магазинъ, бунты, нѣсколько бабъ-торговокъ, съ бѣлымъ хлѣбомъ и бубликами, два-три кабака, да базарный изъ линейныхъ солдатъ, въ качествѣ блюстителя порядка, съ палкой въ рукахъ (агрибутъ власти) и воинскій начальникъ,—вотъ и все. Малочисленная линейная рота, содержащая также караулъ въ ма-

ленькомъ укрѣпленіи, на правомъ берегу, въ видѣ тетъ-де-пона, прикрывающемъ переправу, составляла гарнизонъ. Обыкновенно скучный Амиръ-аджи-юртъ, во время моего пріѣзда, былъ необыкновенно оживленъ: на правомъ берегу Терека стоялъ небольшой отрядъ изъ войскъ 5-го корпуса, съ своднымъ казачьимъ полкомъ, да, по случаю пребыванія главнокомандующаго въ укр. Ташкичу, въ 18 верстахъ, ежедневно приходили колонны.

Вечерѣло. На единственной улицѣ слободки становилось людно и оживленно: тамъ раздавалась боевая залихватская пѣсня, тутъ — взрывъ задушевнаго хохота, вызванный какой-нибудь ловкой шуткой остряка-балагура; то слышалось крѣпкое русское слово съ приправкой, или визгъ гребенской казачки, притворно старавшейся вырваться изъ объятій какого-нибудь отряднаго донъ-Жуана; словомъ, чистый хаосъ. Но, что особенно бросалось мнѣ въ глаза, какъ новичку, такъ это — что весь людъ двигался бойко, весело, вездѣ и во всемъ виднѣлась какая-то особенная энергія и самоувѣренность, которая не могла не повліять заразительно на мою молодую, впечатлительную натуру. Насмотрѣвшись новаго для меня зрѣлища, отправился являться начальству. Воинскій начальникъ, капитанъ Флепсъ — старый, почтенный офицеръ, принялъ меня весьма просто, любезно, но съ такимъ тактомъ, какого мнѣ никогда не случалось встрѣчать въ нашемъ университетѣ — резервной дивизіи.

Отъ него я узналъ о существованіи на противоположной сторонѣ Терека отряда, и что старшій братъ мой состоитъ тамъ врачомъ при кавалеріи, а также, что изъ Ташкичу пришла оказія, (колонна), которая завтра съ разсвѣтомъ возвращается обратно, и я могу съ нею отправиться. Меня очень занимало знаніе совершенно незнакомаго слова „оказія“; боясь попасть впросакъ, я сильно хотѣлъ узнать, что это такое, но стѣснился спросить. Выйдя отъ капитана Флепса, я столкнулся съ братомъ, который объяснилъ мнѣ, что такое оказія. Братъ уже нѣсколько дней ожидалъ

моего приѣзда и, забравъ Максима съ багажемъ, помѣщавшимся въ двухъ маленькихъ вьючныхъ чемоданахъ, потащилъ насъ къ себѣ. Переправившись на паромѣ, мы очутились въ лагерѣ. На первыхъ порахъ я таки-порядочно надоѣлъ брату, забросавъ его разными вопросами, изъ которыхъ многіе вызывали его смѣхъ, и мы далеко за полночь не могли уснуть. На утро, при содѣйствіи брата, мнѣ привели подъ вьюкъ коня, котораго я тутъ-же купилъ довольно недорого; навьючивъ свое имущество, я вручилъ коня попеченію деньщика, а самъ отправился съ оказіей пѣшкомъ.

Надо сознаться, что эта лошадь была у меня первою въ жизни и составляла предметъ моей гордости и особыхъ заботъ: я то-и дѣло, оглядывался назадъ, отдавая приказаніе деньщику, то подтянуть подпруги, то поправить вьюки, хотя и въ томъ, и въ другомъ не было никакой надобности. Тутъ же, въ оказіи, подошелъ ко мнѣ какой-то молодой человѣкъ, въ статскомъ платьи, путешествовавшій также, какъ и я, пѣшкомъ. Слово за слово, оказалось, что онъ Шиманскій, сынъ извѣстнаго актера въ Варшавѣ; провинившись въ чемъ-то, былъ разжалованъ въ рядовые въ кабардинскій полкъ. Хорошо образованный, онъ прекрасно говорилъ порусски, хотя и слышался слегка польскій акцентъ; впоследствии мы съ нимъ очень подружились. Шиманскій былъ убитъ въ послѣднюю войну съ Турціей, бывши адъютантомъ въ гурійскомъ отрядѣ. Болтая о томъ, о семъ, мы незамѣтно прошли 18 верстъ до Ташкичу—цѣли нашего путешествія. Не доходя версты, колонна стаялась и вступила въ укрѣпленіе въ строгомъ порядкѣ. Ташкичу на р. Аксаѣ (давно уже упраздненное) было въ то время маленькое укрѣпленіе, съ землянымъ валомъ, по угламъ котораго, на батареяхъ, красовалось нѣсколько пушекъ; единственныя два зданія: домъ воинскаго начальника и казарма заняты были, первое — главнокомандующимъ, и тутъ-же, на дворѣ, въ палаткахъ, помѣщался весь его штабъ; а послѣднее—канцелярією и лазаретомъ; за укрѣпленіемъ — форштатъ, и около него стояли лагеремъ 1-й и 2-й ба-

таліоны кабардинскаго полка. На небольшой площади около укрѣпленія кишмя-кишѣла бездна народа: казаки, кумыки, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, сновали въ разныя стороны; адъютантство покупало бурки, оружіе — разумѣется, въ три-дорога; нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ толкались тутъ-же, посреди общаго говора и суеты; слышались языки: кумыкскій, русскій, французскій и нѣмецкій. Все это слилось въ общій говоръ, и выходила оригинальная картина—нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго.

Надѣвъ шарфъ и шапку, я отправился являться полковому командиру, полковнику Козловскому (нынѣ умершій полнымъ генераломъ—миръ праху его!) но попалъ, какъ видно, въ недобрый часъ: онъ чего-то сердился, и въ то время, когда я, подойдя къ нему, собирался произнести обыкновенную въ подобныхъ случаяхъ фразу, онъ крикнулъ на меня:

— Что вамъ угодно?

— Честь имѣю явиться, такой-то.

— Чортъ знаетъ, зачѣмъ въ полкъ посылаютъ всякую...

Тутъ онъ остановился, а я совершенно растерялся; однако, скоро оправившись, возразилъ:

— Г. полковникъ, я-бы не смѣлъ пріѣзжать въ полкъ безъ вашего на то согласія. Вы писали объ этомъ моему дядѣ.

— А кто вашъ дядя?

Я назвалъ фамилію.

— Очень хорошо. Затѣмъ, позвавъ полковаго адъютанта, приказалъ меня тотчасъ зачислить въ 5-ю егерскую роту. Выйдя отъ командира полка, я отправился къ баталіонному командиру, полковнику Ранжевскому. Тотъ принялъ меня даже не приподнявшись со стула, а только процѣдилъ съвозъ зубовъ: „ну, служите хорошо, молодой человѣкъ, и явитесь къ ротному командиру“, а наклоненіемъ головы даль понять, что я могу уходить.

Надо сознаться, что этотъ второй пріемъ превзошелъ всѣ мои ожиданія и сильно меня сконфузилъ. Не смотря на годы, я живо

припоминаю эту могучую личность, обожаемую солдатами, называвшими его не иначе, какъ „железный дѣдъ“. Въ то время Ранжевскому было лѣтъ за пятьдесятъ, косая сажень въ плечахъ, вершковъ 12 ростомъ и слегка сутуловатъ; честенъ былъ, какъ рыцарь; съ подчиненными—строгъ донельзя; въ дѣлѣ едва-ли можно было найти человѣка храбрѣе; весь полкъ питалъ къ нему вполне заслуженное, глубокое уваженіе. Подобныя личности рѣдки въ арміи. Впослѣдствіи, онъ былъ убитъ въ Дарго, 11 іюля, — вѣчная память герою!

Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ князь Тумановъ, принялъ меня вѣжливо, но какъ-то сухо, несимпатично, и даже не позаботился спросить, гдѣ я помѣщаюсь—чѣмъ окончательно, такъ сказать, дорѣзаль. Отправляясь отыскивать своего деньщика, я былъ очень озабоченъ: что же это будетъ со мной въ походѣ? гдѣ же мнѣ, наконецъ, ночевать? Ко всему этому, послѣ 18 верстъ прогулки пѣшкомъ и любезнаго приѣма начальства, желудокъ началъ сильно напоминать о себѣ. Нерадостныя размышленія мои были вдругъ прерваны вѣстовымъ, съ запискою отъ полковаго адъютанта, извѣщавшаго, что, въ отмѣну отданнаго распоряженія, я зачисляюсь во 2-ю егерскую роту; значитъ, опять надо являться. Командиръ 1-го баталіона, подполковникъ Гроденфельдъ, родомъ изъ Финляндіи, весьма плохо объяснявшійся порусски, также высокаго роста, но уже довольно преклонныхъ лѣтъ. Когда я назвалъ свою фамилію, первый его вопросъ былъ:

— Шпрехенъ зи дейтшъ?

Я отвѣчалъ, что не говорю понѣмецки.

— Та-та-та, понимаемъ; ви русскій нѣмецъ, нѣмецкій фамилія, православный исповѣданіи и не говоритъ понѣмецки.

— Отчасти, такъ точно, но я совсѣмъ не нѣмецъ.

— Ви въ карты играишь?

— Не имѣю понятія, полковникъ,

— А водка пьетъ?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, такъ понимаемъ; а волочиться любите?

— Почему-же, если представится случай.

Этимъ окончилась наша аудіенція. Подобная, если хотите, любезность, на меня хуже подѣйствовала, чѣмъ простосердечная грубость Ранжевскаго и полковаго командира. Потомъ я узналъ, что, по выходѣ моемъ изъ палатки, подполковникъ Гроденфельдъ потребовалъ баталіоннаго адъютанта и сказалъ ему: „къ намъ прибылъ новый офицеръ; должно быть, дрянной: нѣмецкій фамилія и ничего понѣмецки не знаетъ“.

Командиръ 2-й роты, капитанъ Дуровъ, уроженецъ Оренбургской губерніи, на видъ казался грубымъ и суровымъ, съ огромными усами; въ сущности-же, былъ вполне хорошій человекъ и отличный офицеръ. Онъ первый протянулъ мнѣ руку; предложилъ въ палаткѣ уголь и спросилъ, есть-ли у меня выюкъ и деньги. Я, съ самодовольнымъ видомъ, отвѣчалъ, что имѣю то и другое. Въ моемъ новомъ ротномъ командирѣ я впервые встрѣтилъ человека, который, видя мою молодость и неопытность, выказалъ товарищескую заботливость и участіе—что меня очень тронуло. Тутъ-же я засталъ поручика Гостыминскаго, онъ командовалъ 1-й егерской ротой; товарищи прозвали его „шукачъ“. Еще юнкеромъ, участвуя въ одной свалкѣ, ночью, онъ струхнулъ, и когда товарищи, по окончаніи дѣла, нашли его подъ повозкой и спросили, что онъ тутъ дѣлаетъ, тотъ впопыхахъ отвѣчалъ: „шукачъ“; съ тѣхъ поръ прозвище „шукачъ“ такъ за нимъ и осталось. Въ сущности-же, это былъ донельзя добрый и бравый боевой офицеръ и любимъ всѣми. Кромѣ того, тамъ было еще два офицера: одинъ прапорщикъ Драгомировъ, произведенный вмѣстѣ со мною, уже старикъ, добрякъ, былъ за что-то разжалованъ и теперь мечталъ объ отставкѣ; другой—прапорщикъ Прушинскій, совершенный юноша и маменькинъ сынокъ; онъ, кажется, былъ изъ пажей; его ба-

ловали всё,—да и стоилъ онъ того. Это, дѣйствительно, былъ слава-ный молодой человекъ.

Потомъ оказалось, что всё мы трое помѣщались въ одной солдатской палаткѣ, въ повалку, на землѣ: кто спалъ на буркѣ, кто на войлокѣ, но жилось всёму весело и дружно. Устроившись кое-какъ, новые мои товарищи тотчасъ-же позаботились и накормить меня—чѣмъ Богъ послалъ. Спустя нѣкоторое время, пришли къ намъ: командиръ 1-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Краузе, общій любимецъ, молодой, бравый, очень толковый и храбрый офицеръ; командиръ 3-й егерской роты, поручикъ Киселевъ, который держалъ себя какъ-то немного странно и слылъ скупымъ—хорошій и вполне исправный офицеръ; объ немъ говорили: „Илья Абрамовичъ—начальникъ строгій, но справедливый“; баталіонный адъютантъ прапорщикъ Квятковскій, веселый и острый малый, отлично копировавшій полковника Козловскаго, Ранжевскаго и Гроденфельда. Еще въ баталіонѣ были: подпоручикъ Мажоровъ и прапорщики—Чернявскій и Натеръ; къ вечеру я уже былъ со всеми хорошо знакомъ (*).

Разговоръ между нами шелъ преимущественно о прошедшихъ походахъ; о предстоящемъ—никто ни слова, что меня крайне удивило. Тутъ-же я узналъ, что Краузе, Гостыминскій и Квятковскій были уже ранены; я смотрѣлъ на нихъ съ особымъ уваженіемъ, какъ на героев, и въ душѣ имъ завидовалъ. Поздно вечеромъ получено было приказаніе—послѣзавтра выступать въ отрядъ; ротные командиры тутъ-же сдѣлали соответствующія приказанія. Ночь провелъ я вполне безмятежно; такъ спать только счастливые люди,—а я тогда былъ вполне счастливъ.

(*) Краузе въ отставкѣ генераль-маіоромъ; Киселевъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ чинѣ подполковника, плацъ-маіоромъ въ Пятигорскѣ; Квятковскій умеръ; остальные, за ранами, давно вышли въ отставку.

22-го мая, въ войскахъ не было замѣтно особенной суеты; оказалось, что всѣ давно уже готовы. Вся забота, какъ видно, была обращена на большую численность людей въ строю. Миѣ помнится, въ обоихъ баталіонахъ, среднимъ числомъ, было въ ротахъ по 207 штыковъ и 14 или 17 офицеровъ на оба баталіона. Въ этотъ день, часовъ около 11 утра, пріѣхалъ изъ кр. Грозной, въ коляскѣ, конвоируемый двумя сотнями линейцевъ, только-что возвратившійся изъ отпуска, генераль-маіоръ Фрейтагъ, начальникъ лѣваго фланга кавказской линіи. Линейцы промчались мимо насъ и быстро выстроились около укрѣпленія. Изъ коляски вышелъ маленькій, плотный генераль; короткіе ноги и длинное туловище не придавали красоты его фигурѣ, но умное, выразительное лицо, привѣтливость, или скорѣе—добродушіе и простота въ обращеніи, невольно какъ-бы влекли къ нему. Возвратясь въ палатку, я началъ спрашивать у товарищей, и всѣ единогласно относились о генералѣ Фрейтагѣ съ глубокимъ уваженіемъ; считали его однимъ изъ способнѣйшихъ начальниковъ; притомъ, онъ былъ добръ и доступенъ каждому. Вечеромъ офицеры толковали между собою, что главнокомандующій принялъ Фрейтага сухо за то, что онъ доказывалъ невозможность успѣха въ предстоящей экспедиціи, а между близкими людьми называлъ этотъ походъ—просто безразсудствомъ. Ко всему этому примѣшались интриги въ его отсутствіе: упрекали генерала въ томъ, что онъ не принимаетъ участія въ походѣ, и потому, относится къ нему критически. Во всякомъ случаѣ, какъ мы узнали позже, его и отпустили также крайне сухо.

23-го мая, чуть-свѣтъ, мы поднялись; два баталіона стали покоемъ; батюшка отслужилъ молебенъ; окропилъ всѣхъ святою водою. Полковникъ Козловскій прошелъ по фронту, говоря солдатамъ: „смотри, братцы, какъ... быть молодцомъ“ (*). Потомъ, выз-

*) Полковникъ Козловскій имѣлъ поговорку: „какъ, какъ бишь“; Ранжевскій—„тень, тень“; Гроденфельдъ—„какже, какже, такомъ-то роду“.

валь офицеровъ и сказала: „господа, будьте, какъ... тѣми-же кабардинцами, какъ прежде; люди пойдутъ, когда вы будете дѣлать свое дѣло, а то—смотрите! какъ“...

Мы молча разошлись по своимъ мѣстамъ; никому и въ голову не пришло обидѣться; слова полковника Козловскаго были сказаны просто, безъ всякой задней мысли,—это хорошо знали офицеры и питали къ нему довѣріе. Во время молебствія всѣ непритворно молились, особенно солдаты; не одному взгрустнулось по родинѣ, гдѣ остались дорогіе и близкіе сердцу; не могла также не промелькнуть мысль и о томъ, прійдется-ли вернуться,—по крайней мѣрѣ, я былъ въ такомъ настроеніи.

Глядя на солдатъ, я невольно провикался къ нимъ чувствомъ глубокаго уваженія. Да и что это были за молодцы! Загорѣлыя, воинственные лица ихъ дышали отвагою; во взглядахъ и движеніяхъ ихъ читалось—смѣсь добродушія съ самоувѣренностью, спокойствіе, съ сознаниемъ собственнаго достоинства; съ такими солдатами не можетъ существовать никакихъ преградъ,—имъ робость незнакома. Баталіоны построились въ походную колонну, и вашъ покорнѣйшій слуга, имѣя десять монетъ въ карманѣ, да на полтрети маркитантскую книжку, беззаботно пошелъ шалать передъ своею ротою. Пройдя версть 25, ночевали у аула Бамать-юрта.

24-го, переходъ почти такой-же; ночевали у огромнаго аула Костекъ.

25-го, переходъ былъ нѣсколько меньше предыдущаго; мы пришли къ небольшому укрѣпленію Кази-юртъ, расположенному на правомъ берегу р. Сулака. Единственный небольшой паромъ переправилъ къ вечеру только первый баталіонъ, а второй на другой день, утромъ. Всѣ эти дни приходилось переправляться въ бродъ, чрезъ рр. Яманъ-су, Ярыкъ-су, Актанъ и бездну канавъ, особенно около Костека, гдѣ въ большомъ количествѣ обрабатывались марена и рисъ, требующіе большаго орошенія. Я, по неопытности, собрался въ походъ въ маленькихъ сапогахъ, на высокихъ каблу-

кахъ, которые въ то время только-что входили въ моду; переправляясь черезъ первую рѣчку, мнѣ казалось стыдно снимать сапоги, а идти прямо въ бродъ—невыгодно! Къ счастью, всѣ офицеры были верхомъ, только я, Натеръ и Драгоміровъ были пѣшіе; переправившись на ту сторону, намъ присылали лошадей; такимъ порядкомъ перевозили и юнкеровъ, и это нисколько не считалось одолженіемъ.

На привалахъ старшіе офицеры заботились накормить молодежь, особенно Краузе и Гостыминскій. Укрѣпленіе Кази-юртъ маленькое, съ крошечнымъ форштадомъ. Здѣсь нашъ командиръ полка, выпущенный въ офицеры въ 1815 году, безвыѣздно прожилъ 17 лѣтъ въ линейномъ баталіонѣ, — признаюсь, испытаніе не малое. Около Кази-юрта особенно вредна трава, отъ которой лошади падаютъ во множествѣ; мы потеряли двухъ, поэтому, съ полудня, отобѣдавъ, двинулись дальше къ аулу Чантаулъ, сдѣлавъ около 20 верстъ. 27-го мая мы ночевали, пройдя Чиръ-юртъ; переходъ былъ съ небольшимъ 20 верстъ.

До сихъ поръ мы слѣдовали по равнинѣ, и только, пройдя верстъ шесть вверхъ по Сулаку, начались горы; впереди насъ во всей величавой красотѣ рисовалось грозное зубутское ущелье. Я еще въ первый разъ видѣлъ подобную картину. Поэзія присуща молодости, и я невольно увлекался невиданной картиной суровой природы, чему не мало содѣйствовало и восхитительное утро 28-го мая. Послѣ покойнаго сна и съ свѣжими силами мы двинулись далѣе: въ надеждѣ на перестрѣлку, выдвинуты цѣпи; я былъ назначенъ въ лѣвую. Когда мы подошли къ первому подъему Зубута покрытому лѣсомъ, цѣпи тотчасъ вытянулись; шли мы, то по скату горы, то прямо карабкались наверхъ; я, по неопытности, изъ-за каждаго дерева ожидалъ выстрѣла, или, что вотъ-вотъ выскочитъ горецъ и, соблюдая осторожность, напоминалъ людямъ быть повнимательнѣе. Меня не на шутку бѣсило, что никто не беспокоился, подобно мнѣ, и всѣ себѣ спокойно лѣзутъ впередъ, на гору. Нако-

пецъ, и я уходился: день былъ жаркій, въ лѣсу — ни малѣйшаго движенія воздуха, а въ довершеніе всего, франтовскіе сапоги, на высокихъ каблукахъ—что крайне было неудобно. Наконецъ, слава Богу! видѣнъ конецъ горы. Собравшись съ духомъ, я началъ ободрять солдатъ, тогда какъ они, бѣдные, согнувшись подъ тяжестью полного походнаго снаряженія, медленно подавались впередъ. Одинъ изъ старыхъ кавалеровъ отозвался мнѣ совершенно покойнымъ голосомъ, безъ всякой ироніи: „ваше благородіе, я тутъ не впервые; мы уже ходили по этимъ мѣстамъ въ 1843 году; за этой горой есть нѣсколько гораздо выше; надо идти тише, а то совсѣмъ не дойдемъ“. Я замолчалъ, подумавъ: вѣрно, старина похвасталъ, вѣдь вотъ уже и конецъ горы; разсуждая такимъ образомъ, прибавилъ шагу. Но какова была моя досада, когда открылось, что за горой—спускъ, а дальше еще гора, но только выше. Я сконфузился и началъ увѣрять солдатъ, что тутъ навѣрно будетъ приваль, чего мнѣ очень хотѣлось; но тотъ же кавалеръ возразилъ: „приваль, ваше благородіе, будетъ совсѣмъ на горѣ, тамъ и вода есть; отдохнемъ, и до самыхъ Чирковъ пойдемъ все внизъ, — дорога разработанная“. Все сказанное солдатомъ, къ моему сожалѣнію, оказалось справедливо; но распоряженія начальства относительно марша меня удивляли: мнѣ казалось, что людей морятъ напрасно и не такъ слѣдовало идти. Я, конечно, всего этого не высказывалъ, а разсуждалъ про себя. Я былъ прапорщикомъ, а каждый прапорщикъ, извѣстно, Наполеона по косточкамъ разберетъ. Такъ мы прошли до 12 часовъ, остановки заключались въ подтягиваніи вьюковъ; въ это время, минутъ на пять, иногда на десять, люди безъ приказанія ложились, или, лучше сказать, упираясь ранцами, сидились подъ гору, чтобы тяжесть ихъ не давила на плечи; — это сноровка старыхъ солдатъ. Наконецъ, взобрались на послѣднюю гору; вся колонна стянулась постепенно. По мѣрѣ того, какъ роты подходили, составлялись ружья, люди снимали ранцы; но прежде всего, на видныхъ мѣстахъ поставлены были довольно сильныя пи-

кеты. Фурштаты живо сняли выюки, солдаты почти всё лежали; вездѣ молчаніе; видно было, что всё сильно утомились. Спустя полчаса, къ офицерскимъ группамъ начали подносить циркульники и горнисты закуску, а солдаты то-и дѣло посматривали на нашу сторону. Въ это время неожиданно раздался голось полковника Ранжевскаго: „гг. ротные командиры, прикажите дать людямъ спирта“. Во мгновеніе все встрепенулось; одни побѣжали къ ближайшему роднику по воду, другіе — къ выюкамъ, а нѣкоторые начали умываться. Изъ бурдюка въ ротное ведро налили спирта, и роты стали строиться; я съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ это будутъ пить спиртъ—чего мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть, ибо до этого дня переходы считались пустыми, и винныя порціи берегли, а самъ-же я не зналъ еще вкуса вина. Фельдфебель скомандовалъ ротѣ „направо“; каждый солдатъ, зачерпнувъ крышку изъ ведра, выпьетъ, крякнетъ и, передавъ крышку слѣдующему, отправляется къ своему ранцу дожевывать сухари, а нѣкоторые принимались варить въ котелкѣ тюрю. Это весьма простое и незатѣйливое кушанье готовится такъ: въ кипячую воду сыплютъ толченныя сухари, соли по вкусу и мѣшаютъ ложкою; если есть сало, то кладутъ маленькій кусочекъ, отчего кушанье дѣлается вкуснѣе. Болѣе зажиточныя солдаты варятъ мамалыгу; это любимое солдатское блюдо готовится также, какъ и тюрю, только вмѣсто сухарей кладутъ кукурузную муку.

Послѣ спирта развязались языки, пошелъ общій говоръ, иногда прерываемый дружнымъ взрывомъ хохота, вызваннымъ какою-нибудь остротой ротнаго балагура. Любо было смотрѣть на этихъ лихихъ, неприхотливыхъ солдатъ; особенно бросалось въ глаза, что, не смотря на близость тутъ-же офицеровъ, они, казалось, нисколько не стѣснялись: всё говорили свободно, лежали, закусывали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слышно было ни одного грубаго слова, никто не сидитъ, не стоитъ спиною къ сторонѣ начальства. Случалось, офицеръ позоветъ кого-нибудь, чтобы отдать приказаніе, или

просто спросить что-либо—солдаты вскочить живо, подбѣжить весело, бойко, свободно разговариваетъ съ офицеромъ, но стоитъ почтительно и на вытяжку. Офицеры, особенно ротные командиры, обращаясь къ нимъ, всегда называютъ по фамилии; видно, что они своихъ солдатъ всѣхъ хорошо знали, поэтому, выработались отношенія солдатъ къ офицерамъ не на основаніи палочной логики, а изъ постоянного общенія и полного уваженія. Вотъ, что составляетъ основаніе разумной дисциплины, которая ведетъ армию къ побѣдѣ! Это была особенность кавказцевъ, и духъ ихъ паритъ еще до сихъ поръ — что трудно сохранить въ продолжительное время мира. Для подтвержденія высказаннаго мною, можно указать на прежнія продолжительныя войны Россіи, въ которыхъ выработывалась дисциплина не искусственная, а такая, которая въ мирное время, особенно въ продолжительное, составляетъ мечту. Прусская дисциплина, теперь поставляемая намъ въ примѣръ, положительно искусственная; она составлена не на разумныхъ началахъ, а на правѣ сильного, и ею могутъ увлекаться только теоретики; о дисциплинѣ армии можно судить только послѣ неудачъ, въ минуты тяжелаго испытанія, а потому, послѣднее слово о прусской дисциплинѣ можно будетъ сказать впоследствии, когда жребій оружія не поблагопріятствуетъ имъ. Мы же, кавказцы, терпѣли подчасъ достаточно неудачъ, но до конца сохранили въ святости дисциплину, чѣмъ поистинѣ можемъ справедливо гордиться. Старые мои товарищи согласятся со мною, молодое поколѣніе самонадѣянно улыбнется. Господа, вамъ и карты въ руки; мы скромно уступаемъ вамъ мѣсто, но съ условіемъ: покорите Россіи новый Кавказъ, а пока—намъ принадлежитъ прошедшее, имъ можетъ гордиться каждый русскій, а ваше—будущее... Исполать вамъ!

Но я отклонился отъ своего разсказа. Сознаюсь, начинаю старѣть и люблю поболтать; и такъ, продолжаю.

Офицеры сгруппировались побаталіонно, начали закусывать; трапеза была тоже неприхотливая: холодные битки, называемые

„тужурки“—у одного, у другого — кусокъ сала и маркитантскаго сыра, у третьяго—кусокъ холоднаго-же мяса, чарка водки, а кто желалъ—и стаканъ простаго чихиря,—вотъ и все. Разговоръ тоже оживлялся: кто-то рассказывалъ, что былъ при взятіи Чирея въ предыдущихъ годахъ, кажется, при корпусномъ командирѣ Головинѣ, который самъ участвовалъ въ экспедиціи, и въ честь его укрѣпленіе названо Евгеніевскимъ. Въ одной изъ ротъ грянули пѣсенники, а чрезъ нѣсколько минутъ пѣли уже во всемъ отрядѣ, что служило какъ-бы тонкимъ намекомъ со стороны солдатъ, что мы-де отдохнули, пора подыматься, идти дальше. Дѣйствительно, вскорѣ ударили подъемъ, и мы тронулись, только цѣпи не были выставлены, такъ какъ мѣстность того не позволяла. Отсюда уже шелъ спускъ въ котловину, въ глубинѣ которой, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, очень привѣтливо виднѣлось Евгеніевское укрѣпленіе. Дорога разработана частью въ скалѣ, частью въ красной глинѣ, мѣстами то расширялась, то суживалась отъ частыхъ отсыпей; но выюки могли идти свободно, при небольшомъ исправленіи, идущей впереди рабочей команды. Дорога эта—работа войскъ, пробита большею частью въ крутомъ обрывѣ, образующемъ правый берегъ ложбины Сулака, который съ страшною быстротою горнаго потока, шумя, несетя гдѣ-то ввизу. Съ лѣвой стороны дороги высятся отвѣсные обрывы въ нѣсколько сотъ футовъ, а выдающіяся громадныя скалы, казалось, готовы раздавить дерзкаго, рѣшившагося идти по дорогѣ; справа такой-же, ежели не больше, обрывъ внизъ; стоитъ поскользнуться, чтобы сорваться въ бездну, разбившись вдребезги. Но ни того, ни другаго съ нами не случилось; мы шли гуськомъ, мѣстами даже въ одного человѣка. Отрядъ растянулся версты на двѣ, если не больше, и подъ гору подвигались чрезвычайно быстро. При постоянныхъ изгибахъ дороги казалось, что люди и лошади выходили изъ-за горы, изъ какой-нибудь трещины. Картина природы и наше движеніе вмѣстѣ производили особенное впечатлѣніе; вся эта масса народа, съ разныхъ концовъ

нашего обширнаго отечества, отторгнутая отъ роднаго очага, отъ всѣхъ привязанностей сердца, стремилась весело, беззаботно, чтобы гдѣ-нибудь сложить свою буйную головушку и въ цвѣтѣ лѣтъ погнубить безъ слѣда. Эти мысли копошились въ моей головѣ; мнѣ думалось: я тоже, подобно имъ, иду беззаботно; можетъ быть, и мнѣ суждено, тамъ, въ невѣдомыхъ горахъ, сложить свои кости, но я иду по доброй волѣ, я ищу чего-то новаго, незнакомаго.... Солдатъ—другое дѣло... Мнѣ помнится, что съ той минуты во мнѣ зародилась та духовная связь съ солдатомъ, которая послужила началомъ той привязанности и глубокаго уваженія къ герою, кавказскому солдату, которыя навсегда сохранятся въ моемъ сердцѣ и будутъ самыми дорогими воспоминавіями. Это не пустая фраза, а чувство, выработанное въ общихъ трудахъ, въ тяжелыя минуты, когда приходилось становиться лицомъ къ смерти... Не каждому изъ насъ, старыхъ кавказцевъ, удалось высказать, что чувствуемъ; но всякій, кто служилъ долго въ рядахъ доблестныхъ войскъ, пойметъ меня. Мнѣ случалось часто слышать: другой начальникъ скажетъ и красно передъ фронтомъ, да не произведетъ никакого впечатлѣнія: много фразъ, да сердца нѣтъ, и наоборотъ, простая рѣчь В. М. Козловскаго, съ прибавленіемъ „какъ братцы“, или Ранжевскаго, понималась каждымъ солдатомъ,—они взаимно уважали и любили другъ друга. Отсюда и вытекала та нравственная связь, одушевлявшая войска на величайшіе подвиги и самопожертвованія; при подобныхъ условіяхъ можно проиграть сраженіе, но оставаться въ полной увѣренности, что войска никогда не дойдутъ до деморализаціи, такъ какъ для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Здѣсь-то и надо искать причину того, отчего, повидимому, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, части пользовались различною репутаціею.

Солнце было уже довольно низко, когда мы подошли къ Евгеніевскому укрѣпленію, хотя видѣли его часами двумя раньше; тутъ мы застали небольшую часть войскъ, имѣвшихъ поступить въ составъ дагестанскаго отряда. Черезъ часъ, палатки были по-

ставлены, походное хозяйство устроено,—къ тому-же, оно и не затѣливо. Самовары имѣлись только у баталіонныхъ командировъ; у насъ-же отлично служили мѣдные чайники, перловый супъ, да битки, состряпанные деньщикомъ, ѣлись съ аппетитомъ, достойнымъ удивленія. Въ то время еще не была выдумана модная болѣзнь—„катарръ желудка“. Спали въ повалку; совѣмъ раздѣваться въ походъ какъ-то не входило въ обыкновеніе; говоря вообще, жилось отлично, и никто не мечталъ о лучшемъ.

Лагерь расположенъ былъ на берегу р. Сулака, на почвѣ каменистой, изобилующей скорпіонами и фалангами въ огромномъ количествѣ, что сначала казалось весьма непріятно и очень меня озабочивало; но, видя, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія, я тоже совершенно успокоился. Здѣсь мы простояли до 2-го іюня. На первый же день отправились осматривать укрѣпленіе, состоявшее изъ оборонительныхъ каменныхъ казармъ, съ батареями, вооруженными чугунными, крѣпостными пушками и двухпудовыми мортирами, которыя я видѣлъ въ первый разъ. Гарнизонъ занималъ какой-то линейный баталіонъ, размѣщавшійся въ чистенькихъ казармахъ; около десятка домовъ составляли форштатъ; нѣсколько бабъ, съ бубликами, маркитантская лавка, пара кабаковъ—вотъ и все.

Грустная печать унынія лежала на всемъ окружающемъ; что-то щемящее хватало за сердце, глядя на окружающія какого-то сѣраго, неопредѣленнаго цвѣта окрестныя горы. Я въ душѣ благодарилъ Бога, что не попалъ въ такую обстановку. Въ лагерьѣ то и дѣло сновали тавлинцы, направиваясь ковать намъ лошадей, что они дѣлали хорошо и очень ловко; напримѣръ, моя выючная лошадь, подкованная здѣсь, дѣлала весь походъ по каменистой почвѣ и была отбита, 16-го іюля, съ тѣми-же подковами. Мы уже начинали скучать отъ продолжительнаго бездѣйствія. Между тѣмъ, ежедневно прибывали войска изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, но, кромѣ алперонцевъ, нашихъ кунаковъ, все незнакомые, чужіе; ихъ наши

солдаты называли: „это рассейскія войска“. Къ вечеру, 31-го мая, собрались всѣ войска дагестанскаго отряда, кромѣ кавалеріи, въ слѣдующемъ составѣ: 1-й и 3-й баталіоны минскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны житомирскаго полка, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны алшеронскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны кабардинскаго полка; саперъ и стрѣлковъ по двѣ роты; 8 легкихъ и 8 горныхъ орудій и ракетная команда.

1-го іюля, часа въ три пополудни, прибылъ къ намъ начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ князь Бебутовъ, въ сопровожденіи трехъ сотенъ кавалеріи. Мы встрѣтили его на линейкѣ, и князь, не слѣзая съ коня, объѣхалъ всѣ войска. Князь Бебутовъ подѣхалъ къ намъ на красивой бѣлой лошади; его смуглое лицо, умные глаза, спокойная осанка, не смотря на огромный носъ, внушали къ нему какое-то особое уваженіе, особенно, когда онъ говорилъ. Рѣчь его къ солдатамъ самая привѣтливая, простая, дышала задушевностію. Поговоривъ съ солдатами, онъ прибавилъ, что очень радъ имѣть у себя въ отрядѣ молодцовъ кабардинцевъ; освѣдомился о больныхъ, о довольствіи, а также о матеріальной части баталіоновъ. Вечеромъ послѣдовало приказаніе, что завтра утромъ отрядъ выступаетъ; наши два баталіона, съ четырьмя горными орудіями, назначены въ арьергардъ. Офицерство начало разсуждать: „видно сейчасъ, что мы тутъ чужіе; своихъ алшеронцевъ, небось, послалъ впередъ“. Признаюсь, я не понималъ, чего тутъ обижаться; надо-же кому нибудь идти сзади; потомъ уже, познакомившись ближе, я убѣдился, что тутъ главную роль играла подозрительность. У кабардинцевъ до того было развито самолюбіе, что они готовы были завидовать всему; этотъ характеръ до сихъ поръ присущъ полку, только нѣсколько въ иной формѣ. Во время самаго интереснаго разговора, основаннаго на предположеніяхъ: куда пойдѣмъ и по какой дорогѣ, раздался въ ближайшей солдатской палаткѣ, какъ-бы въ отвѣтъ намъ, голосъ: „на покрощеніе!“ затѣмъ, веселый хохотъ. Меня это очень заинтересовало, и я тутъ-

же получилъ разъясненіе. Между солдатами существовалъ обычай: всякій курильщикъ-солдатъ, когда окончить кропить табакъ, обыкновенно на сапожной доскѣ, и половину скрошеннаго табаку положить въ кисеть, то кричитъ: „на покрошеніе“, и торопливо начинаетъ прятать остальной туда-же; по этому зову, каждый изъ товарищей имѣетъ право захватить щепотку табаку на трубку. Крошительщикъ всегда съ умысломъ оставляетъ табаку 'трубки на двѣ, на три; при этомъ, ни толкотни, ни спора никогда не бываетъ,—солдаты между собою бывали крайне деликатны.

Не знаю, существуетъ-ли теперь этотъ обычай; но прежде, бывало, то-и дѣло слышалось: „на покрошеніе“. Только, такъ называемые „особняки“, т. е. необщительные, и скряги не придерживались этого обычая.

II.

Выступленіе дагестанскаго отряда. Переходъ черезъ теренгульскій оврагъ. Соединеніе съ чеченскимъ отрядомъ. Переходъ черезъ переваль Кыркъ. Холодная гора. Занятіе андійскихъ воротъ.

Второго іюля, съ разсвѣтомъ, двинулись на лѣвый берегъ Сулака,—апшеронцы въ авангардѣ; за ними — прочія войска, обозы; въюки наши мы снарядили часовъ въ восемь, двинулись едва только въ десять. Въ ожиданіи же движенія, мы занимались невинной забавой — сталкивали огромные камни въ Сулакъ и любовались, какъ они съ страшнымъ грохотомъ катились въ пѣнящійся потокъ; надъ инымъ камнемъ возились дѣля роты, такъ что, въ конецъ, всѣ порядочно устали. Трудно себѣ вообразить, до какой степени

въ горномъ походѣ тяжело идти въ арьергардѣ; что ни шагъ — то остановка: то выюкъ свалится, то надо подтянуть подпруги. Легкая артилерія тоже не мало замедляла движеніе, и такимъ порядкомъ мы тянулись до вечера и едва въ сумерки дотащились до лагернаго расположенія на высотахъ Ибрагимъ-дады. Проходя чрезъ развалины аула Чиркей, мы видѣли остатки огромныхъ садовъ; вѣковые орѣховыя деревья свидѣтельствовали о быломъ богатствѣ разбѣжавшихся обитателей; каменные сакли представляли одни руины — послѣдствіе кровавой борьбы. Ауль Чиркей воспѣтъ Лермонтовымъ:

„Великъ, богатъ ауль-Джемаъ,
Онъ никому не платитъ дани“...

3-го іюля была Троица — полковой праздникъ апшеронскаго полка; командовалъ имъ полковникъ Ковалевскій или Ковалинскій — хорошо не помню. Апшеронцы — старые кунаки кабардинцевъ; однако, наши хотя и отправились на праздникъ, но только старшіе, да и то немногіе; ожидали прибытія чеченскаго отряда, при которомъ находился и главнокомандующій. Мы ожидали также, съ третьимъ баталіономъ, и нашего полковаго командира.

Около 12 часовъ можно было издали различить движущіяся войска чеченскаго отряда. Вскорѣ къ намъ пріѣхало нѣсколько офицеровъ 3-го баталіона, всѣ мнѣ незнакомые. Вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ молодой, бравый юноша, въ толстомъ мундирѣ съ галунами, въ верблюжьихъ шароварахъ, чевякахъ и съ пашкой чрезъ плечо; подобной формы я еще не видѣлъ. Это былъ юнкеръ князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій; тутъ-же мы съ нимъ и познакомились. Пріѣхалъ также и братъ его Владиміръ, служившій въ апшеронскомъ полку; по его костюму — щегольской тонкой шинели солдатскаго покроя, шапкѣ черезъ плечо и разговорамъ о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, легко можно было догадаться, что онъ состоитъ при штабѣ. Офицеры рассказывали штабъ-квартирные

последнія новости, а также, что третьимъ баталіономъ будетъ командовать, или уже командуетъ, адъютантъ Государя Наслѣдника, князь Барятинскій, а къ намъ, на мѣсто подполковника Гроденфельда, назначенъ маіоръ Тимерманъ, недавно переведенный изъ грузинскаго гренадерскаго полка. Вдругъ, разнеслась вѣсть, что мы сегодня-же выступаемъ на новую позицію. Дѣйствительно, часа черезъ два, получило приказаніе, и въ 5 часамъ пополудни отрядъ тронулся,—и на этотъ разъ мы шли впереди всѣхъ. Пройдя нѣсколько верстъ, стали спускаться по крутизнѣ въ глубокой оврагъ, называемый теренгульскимъ. Начало уже смеркаться, небо быстро заволакивало тучами, и надъ нами разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Мы уже впотѣмахъ поднялись съ трудомъ на противоположный берегъ оврага; пройдя еще версты двѣ, стали на позиціи, и пока разбили впотѣмахъ палатки, мы промокли до костей и передрогли отъ холода. Нашъ отрядъ перешелъ теренгульскій оврагъ нѣсколько выше, прямо противъ лагернаго расположенія на Ибрагимъ-дада, арьергардъ прибылъ на позицію едва къ 7 часамъ утра; на долю же чеченскаго отряда выпало еще хуже: они переправились ниже, и ихъ арьергардъ едва пришелъ къ 10 часамъ утра.

Къ полудню, 4 іюля, погода разгулялась, солнце насъ обогрѣло, сушили свой походный багажъ. Войска обоихъ отрядовъ — чеченскаго и дагестанскаго — расположились рядомъ. Чеченскій отрядъ прибылъ въ слѣдующемъ составѣ:

1-й баталіонъ литовскаго полка, 1-й и 3-й — прагскаго, 1-й и 3-й — люблинскаго, 2-й — замосцскаго, 3-й и 4-й — навагинскаго, 1-й, 2-й и 3-й — куринскаго, 3-й — кабардинскаго; двѣ роты саперъ, рота стрѣльцовъ; двѣ дружины грузинской пѣшей милиціи,— всего 12 баталіоновъ, три роты, 1000 человекъ милиціи, 12 легкихъ орудій, 12 горныхъ, четыре мортирки и 13 сотенъ кавалеріи. Всего же за теренгульскимъ оврагомъ сосредоточилось войскъ обоихъ отрядовъ: пѣхоты—21 баталіонъ, саперъ—1 бат., стрѣл-

ковъ—3 роты, пѣшей милиціи—1000 чел., орудій легкихъ—20, орудій горныхъ—20, мортиръ—4, летучій паркъ—1, запасный паркъ—1; два черводарскихъ транспорта и полубригада коннаго подвижнаго магазина, всего 2,380 вьюковъ.

Весь день адъютанты и офицеры сновали взадъ и впередъ: то развозили приказанія, то отыскивали знакомыхъ. Я тоже встрѣтился съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей одного производства; они мнѣ совѣтовали, пройдя нѣсколько впередъ, рапортоваться больнымъ и отправиться въ шуринскій госпиталь; по ихъ словамъ, на награду рассчитывать нечего, и они поэтому уѣзжаютъ обратно. Дѣйствительно, въ Дарго, я, кажется, только одинъ дошелъ; по крайней мѣрѣ, никого изъ товарищей тамъ не встрѣчалъ; но теперь, можно пробѣрить, кто изъ насъ лучше поступилъ: одного изъ нихъ я недавно встрѣтилъ только маіоромъ, хотя онъ въ то время ѣхалъ верхомъ, а я путешествовалъ пѣшечкомъ. Весь день мы простояли на мѣстѣ; мнѣ пришлось сходить за дровами для штаба. Въ мое отсутствіе пріѣзжалъ командиръ полка провѣдать насъ. Вечеромъ, къ моему несказанному удовольствію, ротный сапожникъ принесъ походные сапоги, заказанные ему еще въ Евгеньевскомъ: онъ урывками, во время похода, успѣлъ смастерить огромные, походные солдатскіе сапоги, съ подковами и гвоздями. Вѣсили они, каждый, безъ малаго пудъ—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, когда я ихъ примѣрялъ. Однако, благодаря имъ, я могъ продолжать походъ пѣшкомъ; щегольскіе сапоги, хотя уже со спиленными каблукками, невыносимо жали мнѣ ноги, особенно на крутыхъ и каменистыхъ спускахъ, и страхъ, что прійдется, пожалуй, продолжать походъ босикомъ, преслѣдовалъ меня постоянно, подобно кошмару.

5 іюля намъ приказано было пообѣдать съ разсвѣтомъ и затѣмъ, первые баталіоны полковъ: литовскаго, житомирскаго, люблинскаго, ашперонскаго, куринскаго и нашъ, пѣшая дружина, три сотни казаковъ, шесть сотенъ милиціи, при 8 горныхъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-маіора Пассека, выступили совсѣмъ на-

легкахъ. Вскорѣ насъ нагналъ и главнокомандующій, съ многочисленную свитою и конвоемъ.

Свита главнокомандующаго была огромная и блестящая; въ экспедиціи принималъ участіе и принцъ Александръ гессенскій. Каждый изъ генераловъ или отдѣльныхъ начальниковъ, для отличія, имѣлъ значекъ; у главнокомандующаго, сколько помню, на длинной куртинской пикѣ былъ флюгеръ, нѣсколько больше уланскаго, цвѣтовъ краснаго и бѣлаго; между остріемъ и флюгеромъ—пучъ волосъ изъ лошадиныхъ хвостовъ;—выходило нѣчто въ родѣ бунчука. У начальника чеченскаго отряда, генераль-адъютанта Лидерса—значекъ имѣлъ полосы красную и черную, въ родѣ владимірской ленты; у начальника главнаго штаба, генераль-лейтенанта Гурко—красный; у генерала Пассека—красный съ чернымъ крестомъ; какіе были у другихъ—не помню.

Блестящая свита, щегольской конвой, въ которомъ нѣсколько курдовъ, въ своемъ національномъ костюмѣ, съ длинными пиками, обращали на себя особенное вниманіе; разнородные значки—все это было не только картинно и эффектно, но и воинственно. Въ особенности, бросалось въ глаза и говорило чувству, когда передъ такимъ блестящимъ эскортомъ мы видѣли сѣдовласаго краонскаго героя, съ большимъ Георгіемъ на шеѣ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ князя Воронцова, и поэтому, не удивительно, что онъ возбуждалъ во мнѣ чувство благоговѣнія.

Движеніе наше было сперва хотя и по волнистой мѣстности, но идти было легко и не утомительно. Когда мы прошли версть около десяти, впереди насъ, немного правѣе, видна была непріятельская партія конныхъ, въ нѣсколько сотъ человекъ; къ той сторонѣ держалась и наша кавалерія. Было очень жарко; однако, часамъ къ десяти, мы прошли версть 15. Куринцы остановились на берегу оврага, за ними—и вся остальная пѣхота. Совершенно отлогая поватость оканчивалась большою горою, имѣвшею съ нашей стороны покрытый травою крутой скать, а противоположный

—обрывистый; этотъ обрывъ, спускаясь круто отъ самой вершины помянутой горы, составлялъ вправо и влѣво какъ-бы отвѣсную стѣну очень глубокаго и широкаго оврага; издали-же, противоположную сторону этого оврага составляла гряда огромныхъ горъ. Мнѣ и въ голову не приходило, что намъ прійдется туда взбираться. Тутъ мы простояли часа два. Изъ разсказовъ офицеровъ и солдатъ я уяснилъ себѣ слѣдующее: мы остановились на перевалѣ Кырѣ, съ котораго крутой спускъ внизъ, въ описанный мною оврагъ, ведетъ вправо, въ ущелье Мичикаль, а налѣво—къ Аргуани. Въ 1839 году, въ Аргуани, кабардинцы покрыли себя славою, и ихъ легло тамъ около шестисотъ человѣкъ. Впереди насъ находилась гора, называемая Крюковой, знаменитая тѣмъ, что въ какомъ-то году генераль Крюковъ обморозилъ на ней не мало солдатъ, вслѣдствіе чего гора и получила наименованіе „Крюковой“. Все это мнѣ разсказывали очевидцы, бывшіе въ то время въ походѣ.

Для разработки спуска потребовали рабочихъ съ шанцевымъ инструментомъ, а между тѣмъ, куринцы, за ними алшеронцы, житомірцы, начали поодиночкѣ спрыгивать съ довольно большой кручи. Грузинская пѣшая дружина дѣлала тоже самое правѣе, и всѣ быстро спускались внизъ. Когда спускъ нѣсколько разработали, двинулись литовцы, съ четырьмя горными орудіями, а за ними и нашъ баталіонъ, имѣя тоже два орудія. Для дальнѣйшей разработки спуска, оставленъ былъ баталіонъ люблинскаго полка и при немъ два горныхъ орудія. Спускъ былъ очень длиненъ и крутъ; я совсѣмъ-бы погибъ въ маленькихъ сапогахъ и мысленно благодарилъ моего благодѣтеля, снабдившаго меня, хотя тяжелыми, но надежными сапогами. Наконецъ, слава Богу! спустились и двинулись по дорогѣ къ сторонѣ Аргуани. Пройдя съ версту, мы увидѣли, что грузинская дружина, куринцы, алшеронцы и житомірцы полѣзли прямо на огромную крутую гору, и тогда только замѣтили на вершинѣ ея многочисленную толпу горцевъ, казавшихся намъ просто муравья-

ми,—такая была страшная высота. Нѣсколько лѣвъѣ, на эту же гору, обходною тропою двигался литовскій баталіонъ, съ четырьмя горными орудіями, и всѣ патронные вьюки; намъ же было приказано ожидать внизу прибытія люблинскаго баталіона. При появлѣніи нашихъ колоннъ, непріятель открылъ огонь изъ орудія, поставленнаго на краю горы, въ особенности по войскамъ, взбиравшимся на нее; слышенъ былъ полетъ снарядовъ, но они падали далеко; мы-же, стоя подъ горою, находились внѣ всякой опасности. Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за движеніемъ нашихъ войскъ; солдаты казались все меньше и меньше; послышался частый ружейный огонь; выстрѣлы были громкіе,—видно, что непріятель стрѣлялъ сильно въ нашихъ; потомъ—отдаленное, едва слышное ура!—и все затихло..... Въ это время наше вниманіе было обращено на слѣдующее обстоятельство: одинъ фурштатъ, вѣроятно, по неопытности, увязался съ патроннымъ вьюкомъ за войсками, которыя пошли прямо на гору. Сначала онъ подвигался медленно и значительно отсталъ; поднявшись довольно высоко, остановился въ нерѣшимости, какъ-бы раздумывая, что ему дѣлать; затѣмъ, лошадь съ трудомъ начала снова подниматься и, потерявъ балансъ, сорвалась. Въ первое время она, казалось, силилась удержаться; но потомъ, кувыркомъ, черезъ голову, быстро покатила по обрыву и разбилась вдребезги; патронныхъ ящиковъ не осталось и признаковъ. Спусти нѣкоторое время, принесли куринца, ранаго камнемъ въ грудь; онъ, бѣдный, очень страдалъ. Это былъ первый раненый, котораго мнѣ пришлось видѣть; у меня сжалось сердце, и я испытывалъ какое-то очень тяжелое чувство. Его тотчасъ окружили любопытные. Старымъ, закаленнымъ въ бояхъ, солдатамъ тоже было тяжело смотрѣть на страданія товарища, хотя, повидимому, старались скрывать свои чувства, но подъ ихъ суровою личиною таилась бездна той сердечной теплоты, которая недоступна многимъ.

Конечно, любопытство присуще каждому, желающему видѣть

то, что съ нимъ можетъ случиться завтра, или черезъ минуту. Наконецъ, голосъ штабсъ-капитана Краузе нарушилъ общее грустное настроеніе: „пошли отсюда! чего не видали“? И въ голосѣ его было слышно нѣчто, напоминающее, что и ему чувство состраданія было не чуждо; онъ въ высшей степени былъ добрый и мягкій человѣкъ—что, однако-же, не мѣшало быть ему лихимъ боевымъ офицеромъ. Немного погодя, спустился съ горы офицеръ, посланный генераломъ Пассекомъ съ словеснымъ донесеніемъ къ главнокомандующему, и онъ намъ наскоро разсказалъ, что горцевъ было около 3000 человѣкъ, что грузинская дружина князя Меликова и куринцы—первые ударили на непріятеля; что у насъ 17 человѣкъ раненыхъ, и куринцы чуть не отбили орудія. „Ну, чуть не считается“, послышался голосъ сзади, въ толпѣ, и всѣ расхохотались. Кажется, въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ въ плечо командующій куринскимъ баталіономъ графъ Бенкендорфъ. Въ это время прибылъ ожидаемый нами люблинскій баталіонъ, которому было приказано, въ случаѣ прибытія офицера съ донесеніемъ, отдѣлить ему конвой на переваль Кыръзъ; затѣмъ, по возвращеніи его, присоединиться на горѣ Анчимееръ къ прочимъ войскамъ. Мы сейчасъ тронулись по тропинкѣ, гдѣ поднимался литовскій баталіонъ. Тропинка была очень крутая; мы поднимались очень медленно; артилерійскія лошади то-и-дѣло останавливались. Солнце было довольно низко, такъ что опасались не дойти къ вечеру на вершину горы. Когда мы поднялись довольно высоко, на одномъ изъ поворотовъ дороги, при солнечномъ закатѣ, предъ нами открылась величественная картина: грозный кавказскій хребетъ, позлащенный лучами заходящаго солнца, предсталъ во всемъ своемъ великолѣпнн. Между нами и главнымъ хребтомъ, параллельно ему, видѣлась какая-то страшная продольная пропасть, дна которой не видно и, казалось, солнечные лучи никогда туда не проникаютъ. Надъ этой бездной лѣпились, словно орлиныя гнѣзда, небольшіе аульчики и отдѣльныя сакли, которыя съ трудомъ можно было отличать отъ сѣроватыхъ скалъ.

На исполинскихъ отрогахъ главнаго хребта, доходящихъ до описанной бездны, старыя служивыя указывали Аргуань; дальше— двѣ огромныя, круглыя скалы, въ видѣ бастіоновъ, называли— Ахульго. Это—живыя памятники безсмертной славы ^{Зиммерингъ} ширванцевъ, кабардинцевъ и куринцевъ. Много васъ тамъ легло, герои русской земли! Вѣчная вамъ память и слава!

Подобной величественно-грозной картины мнѣ не удавалось больше видѣть во всю мою службу; душа невольно просилась преклониться предъ величіемъ Бога! Я увѣренъ, что самый закоренѣлый атеистъ долженъ бы былъ смириться и, сознавъ свое ничтожество предъ Создателемъ вселенной, познать истиннаго Бога. Знаменитый Гумбольдтъ, говоря въ своемъ „Космосѣ“, что „познаніе природы есть источникъ богопознанія“, высказался также невольно, когда онъ, съ одной изъ высшихъ точекъ Кордильеровъ, обнималъ взглядомъ раскинувшуюся передъ нимъ природу. Разказы о мѣстности, короткое, но ясное повѣствованіе очевидцевъ о подвигахъ въ этихъ мѣстахъ, привели и меня къ сознанію, что пока не наступило еще для меня время—когда бы я могъ указать на сдѣланное мною что-либо полезное въ жизни. При моей воспримчивой натурѣ, я былъ-бы готовъ въ эту минуту на всевозможныя подвиги. Впослѣдствіи, приходилось много испытывать сильныхъ ощущеній и увлеченій, но такія минуты встрѣчаются въ жизни только разъ. Надо сказать, что не я одинъ, а всѣ, когда открылась предъ нами эта волшебная картина, остановились, какъ вкопанные. Изъ этого оцѣнненія вывелъ насъ опять все тотъ-же штабсъ-капитанъ Краузе, крикнувъ: „ну, что стали? иди!“ Дрожащій голосъ его ясно говорилъ, что и онъ поддался общему влеченію. Нашъ командиръ, подполковникъ Гроденфельдъ, тоже бормоталъ про себя: „каже, такомъ-то роду“! но никто не обращалъ вниманія, всѣ шли молча подъ впечатлѣніемъ видѣннаго; только произнесенныя Гроденфельдомъ, при послѣднемъ кругомъ подъемѣ, слова: „бѣдный мой кабилъ“, вызвали всеобщій смѣхъ—впрочемъ, про себя. Надо знать,

что онъ самъ ѣздилъ и вьюги возилъ на кобылицахъ, и при нихъ же находились жеребята—что составляло его первую и, кажется, единственную заботу. Въ сумерки, усталые, мы дотащились до вершины, гдѣ застали отдыхающими войска, бывшія на штурмѣ Анчимаера.

Мы, какъ я уже говорилъ, были совершенно налегкахъ; офицеры, имѣвшіе верховыхъ лошадей, захватили съ собой бурки въ торока, а другіе—даже и переметныя сумы; ротнымъ командирамъ, горнисты и цирюльники, составлявшіе ихъ главный штабъ, несли въ рукахъ чайники и закуску. Мы же, прапорщики, въ однихъ сюртукахъ, на полномъ сухоядѣніи, и къ тому-же, цѣлый лѣтній день на ногахъ. Сдѣлавъ верстъ тридцать, по горамъ, при скудной закускѣ на перевалѣ Кыркъ, еще часовъ въ 11 утра, я чувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Холодный горный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, аппетитъ былъ страшный; спасибо, ротный командиръ предложилъ нѣсколько сухарей и стаканъ чаю—вотъ и все, что нашлось для возстановленія силъ. Наши солдаты устроились скоро; поужинавъ сухариками съ водою, они улеглись по нѣсколько человекъ вмѣстѣ, а нѣкоторые вырыли, въ сторонѣ отъ вѣтра, ямки, въ родѣ ложементовъ, укрылись шинелями, и чрезъ часъ дружный храпъ свидѣтельствовалъ о сильной усталости. Я тоже улегся, прикрывшись мѣшкомъ отъ носилокъ, но сырость не давала возможности уснуть,—такъ и пришлось всю ночь проплясать. Къ счастью, лѣтнія ночи коротки; выкуривая трубку за трубкой, дождался разсвѣта. Впрочемъ, и другимъ, какъ видно, тоже плохо спалось по милости сыраго, пронзительнаго вѣтра. Еще задолго до зари, половина народа была уже на ногахъ. Съ тѣхъ поръ бурка была всегда со мною; ее носилъ горнистъ, отданный въ мое распоряженіе заботливымъ ротнымъ командиромъ.

6-го іюня, съ разсвѣтомъ, пришелъ люблинскій баталіонъ, и мы тронулись дальше. Впереди насъ, на далекомъ разстояніи, видѣлась довольно большая конная непріятельская партія, отступа-

шая передь нами. Шли мы съ горы на гору, и около двухъ часовъ пополудни начали подниматься на большую гору, называемую, какъ потомъ узнали, Зуну-Мееръ, или иначе—Соухъ-Булакъ. На послѣдней первоначально остановились, полагая, что будетъ приваль. Густой туманъ, покрывавшій насъ, превратился въ холодный дождь; всякій старался защитить себя, чѣмъ могъ: кто прикрылся буркой, кто—шинелью; я же, положительно, коченѣлъ отъ холода и былъ близокъ къ оцѣпненію. Подполковникъ Гроденфельдъ, хотя въ буркѣ и въ шапкѣ, но промокъ и продрогъ; бѣдный старикъ, коченѣя, обратился къ офицерамъ: „дѣтъ-ли у васъ, господа, чего нибудь сухой одѣваться“? Но ни у кого ничего не оказалось, только баталіонный лекаръ Комарецкій, невозмутимый, хохолъ, преспокойно вынулъ изъ кармана носовой платокъ и предложилъ Гроденфельду. Старикъ разсердился. — „Ви мнѣ этого не скажите!“ крикнулъ онъ и отошелъ въ сторону. Дѣло подвигалось къ вечеру; туманъ становился гуще. Генераль Пассекъ, выбравъ позицію для бивака на вершинѣ горы, приказалъ войскамъ двигаться. Всѣ баталіоны, какъ стояли, такъ и двинулись на гору и какъ-то самисобой устроились, колоннами, одинъ за другимъ, въ двѣ линіи. И такъ, какъ все передвиженіе состояло въ томъ, чтобы пройти какихъ-нибудь шаговъ тысячу, то и арьергардъ не былъ назначенъ. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ снизу посыпались пули: горцы видимо ожидали насъ и стрѣляли на шумъ идущихъ войскъ, потому что въ десяти шагахъ нельзя было различить предметовъ—такъ былъ густъ туманъ. Поднялась суматоха, слышались крики: „кто въ арьергардѣ? кто въ арьергардѣ“? Но отвѣта не послѣдовало, только всѣ прибавили шагъ. Въ это время генераль Пассекъ громко крикнулъ: „кабардинцы, въ арьергардѣ“! Баталіонъ остановился тотчасъ, повернулся кругомъ; два горныя орудія снялись съ передковъ, а роты присѣли, взявъ ружья наизготовку. Все это сдѣлалось моментально, какъ будто всѣ были предупреждены. Въ арьергардѣ воцарилось глубокое молчаніе, а прочія вой-

ска продолжали движеніе. Между тѣмъ, горцы, не подозрѣвая близости войскъ, дали новый залпъ вверхъ. Пули перелетѣли чрезъ наши головы. Этотъ залпъ раздался такъ близко отъ насъ, что пороховой дымъ какъ-бы смѣшался съ туманомъ и сгустилъ его. Съ нашей стороны, въ отвѣтъ, послѣдовалъ залпъ цѣлаго баталіона и картечь обѣихъ орудій, которые, какъ видно, лучше дошли по назначенію. Послышался вблизи страшный крикъ и какъ-бы стоны, потомъ—все стихло. Выждавъ нѣкоторое время, мы тронулись и присоединились къ прочимъ войскамъ. Чрезъ полчаса изъ главнаго отряда прибыли выюки, подъ прикрытіемъ нашего баталіона. Имъ были слышны выстрѣлы, но они казались слишкомъ отдаленными. Сбросивъ выюки, лошади, съ прикрытіемъ, возвратились обратно, такъ какъ тутъ не было для нихъ корма. Палатки привезли только нашему баталіону, а остальные войска опять расположились на открытомъ воздухѣ. Въ числѣ выюковъ прибыли два маркитантскіе, одинъ—спеціально со спиртомъ, другой—съ предметами первой погребности. Вообще, мы были обязаны этимъ командиру полка; онъ одинъ помнилъ о насъ, тогда какъ другіе, по видимому, оставались равнодушными къ своимъ баталіонамъ. Руки у солдатъ коченѣли, и они, съ большимъ трудомъ, ставили палатки; грунтъ на горѣ былъ до того рыхлъ, что ноги вязли по колѣно. Мы, офицеры, общими силами натаскали плитнаго камня, выложили имъ полъ палатки и разостлали бурки. Солдаты набрали кое-какихъ горныхъ растений и, разложивъ скудный огонекъ, съ трудомъ согрѣли чайникъ. Хотя чай оказался достаточно мутнымъ, но все-таки, съ кускомъ сыра и сухарями, достаточно поддержалъ наши силы. Мы улеглись уже довольно поздно; къ намъ примкнуло нѣсколько знакомыхъ офицеровъ, алшеронцевъ и кабардинцевъ, такъ-что всѣхъ насъ въ солдатской палаткѣ оказалось пятнадцать человекъ.

Укрывшись чѣмъ попало, хотя все было мокро, мы скоро заснули. Не знаю, долго-ли я спалъ, но сильная боль въ боку за-

ставила меня очнуться. Оказалось, что одинъ изъ камней до того вѣззался въ бокъ, что боль становилась просто невыносимой. Къ довершенію всего, отъ нашей тяжести, камни засѣли въ рыхлый грунтъ, и изъ подъ нихъ выступала вода. Положеніе крайне непривлекательное: повернуться или подняться нельзя—потревожишь товарищей, и я положительно недоумѣвалъ, на что рѣшиться. Вдругъ, залпъ ружей по нашему авангарду и вслѣдъ затѣмъ, гикъ горцевъ, заставили насъ быстро вскочить на ноги и броситься къ своимъ ротамъ. Тутъ оказалось, что горцы, пользуясь туманомъ и ночью темнотою, подобралась очень близко къ нашимъ сторожевымъ постамъ, и завязали перестрѣлку. Я былъ выдвинутъ со взводомъ впередъ, при чемъ, у меня выбыло изъ фронта пять человекъ ранеными.

Предшествовавшая перестрѣлка передъ вечеромъ, въ общей суматохѣ, не произвела на меня особаго впечатлѣнія, а тутъ уже пришлось стать лицомъ къ лицу съ опасностью. Слава Богу, что это было ночью. Я не то, чтобы совсѣмъ уже струсиль, а, признаться, сначала растерялся порядкомъ, особенно, когда около меня ранили нѣсколько человекъ; но скоро удалось совладать съ собой, да и перестрѣлка продолжалась недолго. Въ это время я состоялъ прикомандированнымъ на нѣсколько дней къ 3-й егерской ротѣ—не знаю, по какому случаю. Поручикъ Киселевъ, когда все успокоилось, предложилъ мнѣ идти въ палатку, говоря, что онъ, все равно, останется при ротѣ до утра—что сдѣлали и прочіе ротные командиры. Я было началъ возражать, что, молъ, и я останусь, но легко уступилъ настоянію начальства. Въ палаткѣ было просторно, и мнѣ довелось отлично проспать до утра.

7-го числа, съ разсвѣтомъ, пошелъ огромными хлопьями снѣгъ; къ вечеру его выпало выше колѣнъ; затѣмъ — сильный морозъ. Положеніе наше становилось буквально невыносимымъ; дровъ—ни плахи; казачьи пики, древки отъ носилокъ были уничтожены еще днемъ, чтобы сварить въ котелкахъ кашницу или согрѣть чайникъ.

Мы очень терпѣли отъ стужи, особенно, казаки и пѣшая дружина; 8-го числа, утромъ, оказалось много съ отмороженными членами. Около одиннадцати часовъ, изъ главнаго отряда привезли намъ на вьюкахъ много дровъ, сухарей, спирта и другихъ необходимыхъ припасовъ. Тогда-же мы узнали, что нашимъ движеніемъ обойдено сильно укрѣпленное мичикальское ущелье, вслѣдствіе чего, горцы покинули его, и нашъ главный отрядъ занялъ ущелье безъ боя. Въ ущельи снѣга не было, только дождь, и довольно тепло. Выѣстѣ съ колонною отправили обратно своихъ обмороженныхъ—грузинскую дружину и казаковъ. Къ вечеру, всѣ подрѣднись горячею пищею, экономничая въ дровахъ такъ, что ихъ, хотя съ трудомъ, но кое-какъ достало приготовить разъ въ день горячую пищу. 9-го и 10-го числа солнца не было видно; густой туманъ пронизывалъ сыростью и еще болѣе усиливалъ холодъ; войска страшно зябли, но не было слышно ни одного слова ропота; напротивъ, иногда даже подшучивали. Мы находились въ положеніи людей, заброшенныхъ на какой нибудь необитаемый островъ ледовитаго моря, отчужденныхъ отъ всего свѣта. Но всему бываетъ конецъ. 11-го іюня, около 10 часовъ утра, къ намъ пришли вьючныя лошади. Еще до часа пополудни чего-то ждали. Начало проглядывать сквозь туманъ солнце, и мы стали спускаться безконечно долго; въ сумерки залѣзли въ какой-то оврагъ и едва къ ночи выбрались на равнину, гдѣ оказалось множество огней—какъ-бы признакъ расположенія значительнаго числа войскъ. Мы прошли, оставя ихъ въ сторонѣ, и стали лагеремъ. Вокругъ насъ—густая сочная трава, съ ароматомъ цвѣтовъ, наполнявшихъ воздухъ благоуханіемъ, и весенняя теплота. Послѣ страданій на Соухъ-Булакѣ, или „холодной горѣ“, какъ ее прозвали, намъ казалось, что мы попали въ рай.

12-го іюня, рано утромъ, всѣ поднялись съ восходомъ солнца. Прекрасное утро во всей прелести обрисовало великолѣпную равнину, окаймленную высокими горами, на которыхъ разбитъ былъ

нашъ лагерь. Вдали виднѣлись палатки главнаго отряда, пройденнаго нами наканунѣ вечеромъ; словомъ, восхитительное мѣстоположеніе заставило насъ забыть всѣ прошлыя невзгоды.

Отобѣдавъ часовъ въ 9, мы двинулись въ авангардѣ. Далеко позади насъ тянулись войска и обозы главныхъ силъ. Не успѣли отойти съ ночлега версты двѣ или три, какъ опять густой туманъ началъ заволакивать горизонтъ. Движеніе черезъ переваль Бурундукъ-кале сильно затруднялось выпавшимъ скоро дождемъ, а когда войска спустились, то изъ каждаго ущелья или котловины обдавала насъ струя до того холоднаго порывистаго вѣтра, что просто трудно было держаться на ногахъ. Казалось, самъ борей разгнѣвался на насъ бѣдныхъ. Прийдя на мѣсто, указанное для лагеря, я былъ тотчасъ посланъ съ командою за дровами для баталіона. Съ трудомъ цѣпляясь за камни, взобрались на огромную гору, гдѣ можно было достать горючій матеріаль, въ виднѣвшихся сакляхъ. Сакли оказались отличныя, но каменные; только балки изъ прекраснаго лѣса, но, на нашу бѣду, очень прочно построенныя. Однако, солдатики усердно принялись за разрушеніе, и толстыя балки, не смотря на крутой спускъ, живо перетасчили въ лагерь. Возвратясь къ отряду почти въ сумерки, застали нѣкоторыя палатки уже разбитыми, но съ большинствомъ еще возились, и волей-неволей приходилось ежиться отъ холода и вѣтра. Не смотря на усталость, я долго не могъ заснуть; то-и дѣло слышались вопросы: „какого полка лагерь? а гдѣ такой-то полкъ“? Это были отставшіе люди и вьюки, блуждавшіе наугадъ, въ темную ночь, по незнакомой мѣстности. Къ свѣту вѣтеръ стихъ. Получено было приказаніе —къ 7-ми часамъ изготавиться къ выступленію. Утромъ, между нѣшними палатками оказалось семь человекъ люблинскаго полка умершими. Грустно было смотрѣть на окоченѣвшіе трупы. Они бѣдные, вѣроятно, истомленные, дотащившись на огонекъ, не въ состояніи были издать звука о помощи—въ чемъ имъ, конечно, не отказали-бы. Я самъ видѣлъ утромъ солдатъ полковъ 5-го корпуса,

которые благословляли кабардинцевъ за спасеніе жизни. Нашъ священникъ, отецъ Михайль, любившій иногда выпить лишнюю рюмку, потерялъ отъ холода сознание и началъ-было совсѣмъ конченѣть; но его кое-какъ привели въ чувство, подержали спиртомъ, а потомъ—чаемъ.

13-го, утромъ, войска готовы были къ выступленію, какъ получилось приказаніе—людямъ отобѣдать и обсушиться. Погода стояла ясная, теплая. Живо начали сушить одежду, готовить кушанье,—и опять стало весело.

Однако, труды и холодъ отрезвили меня; поэтическое настроеніе прошло. Я чувствовалъ, что сразу сталъ старѣе, опытнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мечты о будущемъ покинули меня: я началъ жить настоящимъ. Я убѣждался на каждомъ шагу, что не легко выполнить и то, что выпадаетъ на мою долю,—такъ гдѣ-же тутъ забѣгать впередъ! Мнѣ стало понятно, почему каждый изъ моихъ товарищей и солдатъ дѣлаетъ только то, что слѣдуетъ, но дѣлаетъ хорошо, сознательно, толково, не лѣнясь и не выказывая неудовольствія, хотя иногда и черезъ силу. Это была школа, въ которой можно было сдѣлаться истымъ солдатомъ, честнымъ, закаленнымъ, или никуда негоднымъ человекомъ. Отсюда становится понятнымъ, почему рѣдкіе изъ насъ выдерживали службу до конца во фронтѣ, а большинство гибло отъ пьянства или, наживъ ревматизмы и всякія болѣзни, принуждены были покидать службу, не говоря о искалѣченныхъ въ бояхъ.

Часа въ 2 пополудни, кажется, шесть баталіоновъ, съ горною артилерією и частью кавалеріи, подъ командою генерала Клюкифонъ-Клугенау, двинулись къ андійскимъ воротамъ, отдѣляющимъ Гумбетъ отъ Андіи. Это—широкая расщелина въ грядѣ горъ, у дороги совершенно суживающаяся, была укрѣплена каменными завалами съ бойницами. Позиція сильная; но завалы эти можно, съ большимъ успѣхомъ, атаковать съ фланга. Это, вѣроятно, и послужило причиной, что непріятель не рѣшился оборонять ихъ, и

ночью отступили—что сдѣлалось извѣстно въ отрядѣ только утромъ. По полученіи этого извѣстія, предполагаемое движеніе отмѣнено до послѣ-обѣда, дабы дать войскамъ возможность нѣсколько оправиться. Генераль Клюки-фонъ-Клугенау, котораго солдаты называли „клюка“, не смотря на полноту, былъ въ полной силѣ и бодрый человѣкъ. Въ его движеніяхъ, словахъ, проглядывало много энергіи; добродушіе, рисующееся въ его глазахъ, располагало всѣхъ въ его пользу и, по отзыву близко знавшихъ его, онъ былъ вполне рыцарь и человѣкъ способный на все доброе, котораго онъ не мало сдѣлалъ въ своей жизни. Я съ нимъ никогда не служилъ, но это отзывы тѣхъ, кто его зналъ,—въ чемъ мнѣ пришлось впоследствии убѣдиться изъ рассказовъ бывшего его адъютанта, графа Евдокимова, способности котораго онъ отличилъ еще въ малыхъ чинахъ.

До андійскихъ воротъ мы дошли безпрепятственно, лишь издали нѣсколько конныхъ горцевъ наблюдали за нашимъ движеніемъ. Оставивъ въ воротахъ всю нашу артилерію, подъ прикрытіемъ небольшого числа пѣхоты,—остальные войска двинулись дальше, для рекогносцировки, а также съ цѣлью заготовить дровами. Только что мы прошли ворота, нашимъ глазамъ представилась въ глубокой котловинѣ Андія и пылающіе въ ней аулы, покидаемые жителями. Быстро спустившись внизъ, мы, въ ближайшихъ сакляхъ, набрали дровъ и благополучно взобрались обратно на гору, въ сумерки.

Большія непріятельскія массы виднѣлись вдали; но насъ никто не тревожилъ ни во время фуражировки, ни при обратномъ слѣдованіи.

12-го числа, на позицію къ намъ прибылъ для командованія баталіономъ маіоръ Тимерманъ, нынѣ умершій генераль-маіоромъ въ отставкѣ. Уже было выше сказано, онъ прибылъ передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, изъ грузинскаго гренадерскаго полка. Это былъ хлѣбосоль, хотя и весьма расчетливый человѣкъ, но не изъ числа выдающихся офицеровъ; любилъ подчасъ похвастать прошлыми боевыми отличіями. Въ первый-же вечеръ онъ рассказалъ

намъ, какъ съ ротою взялъ Карсъ въ 1828 году, но ему возражали, что въ Карсъ ворвался первымъ поручикъ Лабинцевъ, съ 7-ю егерскою ротою. Тогда онъ безъ запинки отвѣчалъ; „я, братецъ, взялъ цитадель“! А когда кто-то спросилъ: „отчего вамъ не дали георгіевскаго креста“? онъ объяснилъ: „интриги, братецъ“! Любилъ также пошумѣть, но считался вполне безвреднымъ чело-вѣкомъ, даже весьма слабымъ. По складу тогдашняго времени, кабардинцы приняли его довольно сухо, и онъ никогда не пользовался популярностью въ полку.

III.

Дѣло 14-го іюня на высотахъ Азаль. Движеніе къ Технуцалу. Возвращеніе.
Пребываніе въ Андїи до 6-го іюля.

14-го іюня мы всѣ поднялись рано; независимо холоднаго воздуха, ожиданіе давно желаннаго боя лишило насъ сна. Часъ спустя послѣ разсвѣта, войска начали выстраиваться. Нашъ баталіонъ долженъ былъ идти впереди; но едва прошли андїйскіе ворота, получено было приказаніе остановиться и, пропустивъ пѣ-шую дружину и третьи баталіоны нашего и люблинскаго полковъ, слѣдовать за ними. Это приказаніе насъ огорчило и казалось несправедливымъ; между солдатами слышалось ворчаніе: „да чѣмъ мы хуже 3-го баталіона! развѣ когда нибудь мы бѣжали, что-ли“? Офицеры рѣшили, что преимущество 3-му баталіону дано было потому, что имъ командуетъ князь Барятинскій. Я, какъ молодой офицеръ, молчалъ, но мысленно соглашался съ мнѣніями недовольныхъ. Недолго намъ пришлось дожидаться. Начали проходить мимо

насъ пѣшая и конная милиціи, за ними—нашъ 3-й и люблинскій баталіоны, съ горною артилерією; впереди ѣхалъ нашъ командиръ, полковникъ Козловскій, за нимъ командующій баталіономъ, князь Барятинскій, молодой, красивый, съ полнымъ достоинствомъ; офицеры, проѣзжая мимо, немного хвастливо перекинулись съ нами нѣсколькими словами. Наконецъ, тронулись и мы, но молча и угрюмые. Когда мы нѣсколько прошли, то, на половинѣ подъема высоты Азалъ, показались огромныя скопища горцевъ въ нѣсколько тысячъ. Лишь только спустились наши передовыя войска къ аулу Гогатль, непріятель открылъ довольно частый огонь изъ трехъ орудій. Въ аулѣ завязалась ружейная перестрѣлка, но что тамъ происходило—намъ не было видно; потомъ узнали, что изъ аула Гогатль конная милиція выгнала непріятеля и преслѣдовала до аула Анди, гдѣ за горѣвшими саклями горцы упорно защищались. Къ нимъ начали подходить съ высоты Азалъ подкрѣпленія, и уже нашей конной и пѣшей милиціи, не смотря на то, что онѣ дрались лихо, приходилось плохо; но князь Барятинскій, подоспѣвъ съ 3-мъ баталіономъ, направилъ въ аулъ 3-ю карабинерную и 7-ю роты. Онѣ, вмѣстѣ съ милицією, вытѣснили горцевъ изъ аула, горячо преслѣдуя до ручья Годоръ, отдѣляющаго аулъ Анди отъ возвышенности Азалъ, и, затѣмъ, переправившись, начали подыматься на эту высоту. Услышавъ первые ружейные выстрѣлы, мы прибавили шагъ и почти шли бѣгомъ, быстро прошли аулы Гогатль и Анди. Намъ остановили на ручьѣ Годоръ около двухъ ротъ люблинскаго баталіона, составлявшихъ прикрытіе горной артилеріи, которая не могла дѣйствовать по дальности разстоянія отъ непріятеля. Тутъ намъ представилась слѣдующая картина: на половинѣ высоты Азалъ, на болѣе отлогомъ мѣстѣ, съ небольшимъ въ верстѣ отъ насъ, всѣ силы непріятеля составляли нестройную толпу отъ шести до семи тысячъ пѣшихъ и конныхъ; огонь изъ трехъ орудій не умолкалъ; слышенъ былъ полетъ снарядовъ, но, кажется, они вреда не дѣлали никакого. На половинѣ разстоянія между нами и непріятелемъ

медленно подымались: правѣе—милиція; нашъ 3-й баталіонъ, имѣя впереди 3-ю карабинерную и 7-ю роты, составилъ какъ-бы центръ; лѣвѣе, по краю оврага, подымались двѣ роты люблинцевъ. Мѣстность представляла искусственно сдѣланныя терасы для посѣва хлѣба, которыя постепенно занимались нашими стрѣлками, и являлась возможность, подъ прикрытіемъ крутизны ихъ, нѣсколько перевести духъ. Сравнительно съ сосредоточеннымъ непріателемъ на крѣпкой позиціи, наши разбросанныя войска казались ничтожными. Всѣ офицеры баталіона начали уговаривать баталіоннаго командира—испросить разрѣшеніе генерала Клюки-фонъ-Клугенау о поддержаніи нашихъ товарищей, которымъ угрожала опасность быть опрокинутыми, но маіоръ Тимерманъ не рѣшился подойти къ генералу. Тогда мы сами отправились съ этою просьбою. Солдаты совершенно намъ сочувствовали; неудовольствіе ихъ дошло до смѣшнаго; я самъ слышалъ, какъ одинъ солдатъ, въ досадѣ, увѣрялъ другаго, что „клюка“ изъ татаръ, поэтому, и бережетъ своихъ. Генераль, выслушавъ насъ съ полнымъ добродушіемъ, сказалъ: „мнѣ особенно досадно, что я не могу, этихъ (*), послать въ дѣло такой славный баталіонъ; нельзя оставить безъ прикрытія, этихъ, артилерію, тѣмъ болѣе, что можно ожидать движенія непріателя справа, по ущелью; но если подойдутъ войска, то, этихъ, тотчасъ двину васъ впередъ“. Возраженіе генерала было совершенно вѣрно, но все-таки, понуривъ головы, мы возвратились къ баталіону. Наши подошли уже довольно близко къ непріателю; завязалась самая оживленная ружейная перестрѣлка. Толпы горцевъ двинулись навстрѣчу, и огромною числительностью, казалось, были готовы задавить, сравнительно, горсть храбрецовъ, которые, хотя медленно, но безостановочно все лѣзли на гору. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя

(*) „Этихъ“ была поговорка генерала Клюки-фонъ-Клугенау.

за каждымъ шагомъ, мы переживали цѣлую жизнь; тутъ я понялъ впервые, что значитъ честь полка, и какъ она дорога каждому, кто носить его славное имя. Чувство, которое мы испытывали, было до того тягостно, что я его могу сравнить только съ тѣмъ чувствомъ, которое мнѣ пришлось испытать гораздо позже, стоя на берегу моря, когда видѣлъ крушеніе судна, гибель экипажа и не былъ въ состояніи спасти ихъ. Ружейная перестрѣлка усилилась до невозможности; гикъ горцевъ, крикъ ура! нашихъ, все слилось въ одно. Наконецъ, массы непріятеля начали отступать; невольно каждый изъ насъ осѣнилъ себя знаменіемъ креста. Въ эту минуту зависть не имѣла мѣста, и долгое томленіе замѣнилось радостію. Главнокомандующій, лично слѣдившій за ходомъ дѣла, направился на гору. Бой уже совсѣмъ почти прекратился. Наши горячо преслѣдовали шибко отступающаго непріятеля; аріергардъ его хотя и задерживался, въ устроенныхъ по пути отступленія завалахъ, чтобы дать возможность главнымъ массамъ по крутой дорогѣ подняться на гору, а главное—увести артилерію, но наши егеря ихъ тотчасъ выбивали, и надо удивляться, какъ горцы успѣли увести свои пушки. Сзади насъ показалась голова какого-то баталіона, и намъ приказано было идти впередъ на гору. Поднявшись довольно высоко, мы прошли мѣсто боя, на которомъ валялись трупы убитыхъ горцевъ, съ отрѣзанными кистями правыхъ рукъ (обычай тушинъ, перешедшій къ другимъ милиціонерамъ). Стороною несли нашихъ раненыхъ и убитыхъ, но кого именно мы потеряли—пока не могли еще узнать. Черезъ нѣкоторое время насъ остановили, и едва только успѣли стаянуться, подѣхалъ главнокомандующій и, поздоровавшись, сказалъ: „поздравляю васъ съ побѣдою“. — Покорно благодаримъ, вмѣсто „рады стараться“, было отвѣтомъ. Князь Воронцовъ продолжалъ: „кажется, вы, братцы, опоздали въ дѣло“?—„Мы, ваше сіятельство не опоздали, а насъ не пустили въ дѣло“, отвѣчали старые карабинеры; въ голосѣ слышалось и огорченіе, и досада. Таковой главнокомандующій, какъ князь Воронцовъ, не могъ не оцѣ-

нить подобной жалобы и, улыбнувшись, самымъ мягкимъ голосомъ связалъ: „я, братцы, разберу, кто васъ не пустилъ въ дѣло, и еще доставлю случай вамъ отличиться“. — Рады стараться! гаркнулъ весь баталіонъ, и главнокомандующій это помнилъ и исполнилъ обѣщаніе.

Быстро мы спустились обратно внизъ и остановились въ ожиданіи 3-го баталіона; тутъ узнали, что командующій 7-ю егерскою ротою, поручикъ Маевскій, былъ сперва раненъ, но продолжалъ вести роту впередъ — пока не былъ убитъ наповаль. Полкъ потерялъ въ немъ отличнаго боеваго офицера. Раненъ командиръ 3-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Эдлеръ-фонъ-Нейманъ — казалось бы, нѣмецъ, а на дѣлѣ кровный малороссъ, бравый, лихой офицеръ; пуля попала ему въ пахъ, — рана опасная; онъ сидѣлъ молодцомъ на носилкахъ, въ эриванской папахѣ на бекрень, и когда главнокомандующій лично освѣдомлялся о здоровьи раненыхъ, то Нейманъ, отвѣчая ему, добавилъ: „а что, ваше сіятельство, кто лучше дерется: кабардинцы или куринцы“? Надо полагать, что эта мысль преслѣдовала его и въ самомъ бою. Также были ранены: поручикъ Алалаевъ и подпоручикъ Нѣмцовъ; раненъ былъ также въ ногу и полковникъ князь Бярятинскій, до конца боя не оставившій баталіонъ, продолжая имъ распоряжаться. Однимъ словомъ, въ этотъ день покрыли себя славою кабардинцы, особенно 3-я карабинерная и 7-я роты (теперешнія 9-я и 10-я). Я гордился тѣмъ, что служилъ въ такомъ славномъ полку и въ дунѣ завидовалъ, что не удалось участвовать въ такомъ блестящемъ дѣлѣ. Когда главнокомандующій отправился къ своей ставкѣ, и мы тронулись тоже, генераль Клюки-фонъ-Клугенау, проѣзжая мимо нашего баталіона, благодарилъ слѣдующими словами: „этихъ, братцы кабардинцы, молодцы! спасибо; орлы, этихъ! Вы летѣть впередъ хотѣли, только крыльевъ не доставало, этихъ“. Дружное „рады стараться“ было отвѣтомъ. Я буквально помню эти слова, и вижу передъ собою фигуру стараго, боеваго генерала; онъ умѣлъ цѣнить, какъ дорого

войско, которое рвется въ бой. Всѣ, дѣйствительно, были рады такой блестящей побѣдѣ. Этотъ день намъ стоилъ общей потери, убитыми: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 5; ранеными: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 54; контуженными: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 57. Надо полагать, что неприятелю этотъ день тоже обошелся не дешево. Къ вечеру всѣ войска расположились лагеремъ: чеченскій отрядъ между аулами Анди и Гогатль, а дагестанскій—рядомъ, нѣсколько выше.

До 20 іюня мы вполне бездѣйствовали. Какъ слышно было, черводарскія лошади начали сильно падать отъ безкормицы, плохихъ горныхъ дорогъ и непогоды. Доставка затруднилась, намъ уменьшили дачу сухарей; за то, мяса было вдоволь. Въ это время, по недостатку крупы, намъ отпустили овесъ, но приказали сперва парить, потомъ толочь и варить. Это вызвало много остротъ, что, молъ, будетъ легче, а то, пожалуй, отъ овса и брыкаться начнемъ; но никто не ропталъ, всѣ были веселы и довольны. Офицеры получали сухари натурою и порціонныя деньги на мясо, поэтому, когда отпускались главнокомандующимъ войскамъ мясныя и винныя порціи, то ихъ получали и мы—только вдвое противъ солдатъ.

Въ продолженіи этого времени, ежедневно на высотахъ Азаль виднѣлись массы горцевъ, но перестрѣлокъ не было, за исключеніемъ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ прикрытіи, назначенномъ при пастьбѣ лошадей. 20-го іюня часть войскъ была оставлена въ прикрытіи лагеря, подъ командою генераль-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау. Нашъ 3-й баталіонъ былъ отправленъ для сопровожденія генераль-лейтенанта князя Бебутова, отправлявшагося въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и прикрытія транспорта, за сухарями; баталіонъ долженъ былъ остаться гдѣ-то въ вагенбургѣ, а 7 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и нашъ, рота саперъ, рота стрѣлковъ, двѣ пѣшія дружины милиціи, 9 сотенъ кавалеріи и 8 горныхъ орудій выступили довольно рано по ущелью, вдоль ручья Годоръ, параллельно

хребту высотъ Азаль. Вскорѣ насъ обогналъ главнокомандующій; мы шли за кавалеріею и пѣшими дружинами. Сначала было идти хорошо, но около 11 часовъ начали подыматься безъ дороги, но едва замѣтной горной тропинкѣ, на огромную гору хребта Речель, составляющаго продолженіе хребта Азаль. Мы подымались нѣсколько часовъ, положительно выбивались изъ силъ, солдаты еще болѣе терпѣли; имѣя на себѣ все походное снаряженіе, они шли медленно, мѣрно, дѣлая маленькіе, но ровные шаги и ложились отдыхать гораздо рѣже меня. Тутъ я понялъ, что для ходьбы по горамъ надо имѣть большую своровку. Когда мы поднялись уже довольно высоко, вниманіе всѣхъ насъ было обращено къ сторонѣ андійскихъ воротъ, гдѣ слышна была оживленная перестрѣлка. Возвратясь, мы узнали, что изъ вагенбурга, у андійскихъ воротъ, прикрываемаго житомірцами, послана была колонна за дровами къ аулу Рикюани, на которую напала весьма значительная партія; но житомірцы лихо отбились и, набравъ дровъ, возвратились. Солнце было уже довольно низко, когда мы взобрались, наконецъ, на гору; передъ нами предсталъ немного волнистый, отлогій скатъ, покрытый травою; справа, солнечные лучи играли, какъ въ зеркалѣ, на поверхности довольно большаго озера; вдали виднѣлись дымки отъ выстрѣловъ кавалеріи,—звука не было слышно; весь скатъ былъ усянъ растянувшимися пѣшими и конными милиціонерами. Пріятно было вдыхать чистый горный воздухъ; какъ-то вдругъ легко стало. Здѣсь намъ приказано было прибавить шагъ. Уже совсѣмъ были сумерки, когда стали на мѣсто бивачнаго расположенія. Не прошло и часа—чайники дымилась, солдаты въ котелкахъ варили кашу; мой Максимъ, на походѣ, захватилъ у какого-то казака штукъ 20 форели, что улучшило нашъ незатѣйливый ужинъ. Оказалось потомъ, что солдаты всю ночь, а казаки еще передъ вечеромъ, ловили въ озерѣ форель, которой тамъ была гибель, и съ этихъ поръ это озеро получило названіе „форельнаго“. Биваль нашъ былъ недалеко отъ границы Технуцала. Не помню, кто раз-

сказывалъ за ужиномъ, что когда-то, давно, тутъ проходилъ донской полкъ и имѣлъ у озера ночлегъ. Казаки, увлекшись ловлею рыбы, забыли о предосторожности и были, всѣ до одного, изрублены горцами. Мнѣ казалось, что это—ни болѣе, ни менѣе—выдумка, хотя рассказчикъ, повидимому, говорилъ утвердительно. Никто изъ насъ не зналъ, что предстоитъ на другой день: идти впередъ или возвращаться назадъ въ Андію. Тѣмъ не менѣе, по случаю сильной усталости, бивакъ скоро успокоился. 21-го числа, на разсвѣтѣ, войска начали обратное движеніе двумя колоннами: одна—по той-же дорогѣ, а другая—по высотамъ Азалъ; нашъ баталіонъ назначенъ въ послѣднюю. Подъемъ обратно былъ отлогій, а затѣмъ, по гребню хребта было идти хорошо; справа намъ виднѣлась волнистая покатошь, и послѣ—нѣсколько круче подъемъ, оканчивающійся вдали цѣпью огромныхъ горъ; слѣва—ущелье или, лучше сказать, долина, по которой наканунѣ двигались, вся котловина Андій, нашъ лагерь, красивыя андійскія ворота. Идти было какъ-то легко, и мы шли вообще очень шибко; на спускѣ съ высоты Азалъ, на которой подымался, отступая, 14-го числа, непріятель, заготовлено было очень много камня, чтобы угощать штурмующія войска; поэтому, можно судить о поспѣшности, съ какою отступали горцы, если эти камни остались на мѣстѣ. Спускаясь по весьма крутой аробной дорогѣ, мы опять удивлялись, какъ Шамиль успѣлъ 14-го іюня увезти свои пушки. Еще довольно рано возвратились въ лагерь; все наше имущество безъ насъ сдвинули въ общій вагенбургъ; намъ указано было новое мѣсто лагернаго расположенія, надъ самою рѣчкою, которую мы называли Андійка, лицомъ къ андійскимъ воротамъ. Этотъ фасъ занимали наши два баталіона; невдалекѣ отъ насъ была расположена главная квартира.

До 6-го іюля занятія наши были вполнѣ скучныя: строилось особое временное укрѣпленіе, для прикрытія вагенбурга, который здѣсь оставался; назначались войска для прикрытія пастъбы лошадей и порціоннаго скота. Но все наше вниманіе было обращено

большою частію на андійскіе ворота, откуда ожидались сухари; ихъ у насъ уже совсѣмъ подъ конецъ не было, соли — тоже. Одна мясная пища начала скоро вліять на здоровье: въ лицѣ явилась какая-то обрюзглость, голова кружилась и вообще, чувствовалось непріятное состояніе; но все это переносилось легко. Недостатокъ табаку казался самымъ ощутительнымъ. Мой Максимъ Тюлентевъ подѣлился со мною махоркою; пришлось ее курить, но всякій разъ со мною дѣлалось что-то въ родѣ обморока; мнѣ казалось, что это самое лучшее средство отучиться курить, но на дѣлѣ выходитъ иначе: не прошло и трехъ дней, я уже безъ обмороковъ отлично курилъ, какъ называли солдаты, „самъ-кроше“, но гораздо меньше обыкновеннаго табаку. Въ этотъ періодъ, до 6-го іюля, при полномъ почти бездѣйствіи, слѣдующіе эпизоды сохранились въ моей памяти.

Въ одну изъ очередей по прикрытію табуна, ротный командиръ оставался дома; я велъ роту, которую, съ двумя горными орудіями, расположили со стороны Андій на возвышенности, довольно незначительной; но когда мы на нее поднялись, намъ представилась величественная картина: подъ нашими ногами разстилалась Салатавія, часть нагорной Чечни, вся кумыкская плоскость и терская линія. Терекъ виднѣлся въ видѣ узкой ленты, едва замѣтно; часть Сулака тоже была видна; называли станицы, укрѣпленія и аулы. Я все это видѣлъ, но не могъ быть судьей, потому что вовсе не былъ знакомъ съ мѣстностію; однако, солдаты, какъ мнѣ казалось, совершенно вѣрно опредѣляли видимые пункты. Мы стояли на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ разстилающеюся подъ нашими ногами плоскостію. Скатъ къ ней крутой, безлѣсный, покрытъ травою; внизу, въ небольшой ложбинѣ, виднѣлось нѣсколько сакль; около нихъ ходили домашнія животныя, но людей не было видно. Надъ самымъ спускомъ, гдѣ мы стояли, былъ огромной величины, въ нѣсколько тысячъ пудовъ, камень, настолько наклоненный, что, казалось, только его толкнуть — и онъ

грохнется внизъ; но на дѣлѣ оказалось, что онъ далеко вросъ въ землю. Живо солдаты взялись за шанцевый инструментъ; кирки, лопатки, топоры, все пошло въ ходъ; едва-ли возможно было усерднѣе работать; вотъ что значить „охота пуще неволи“. И только, послѣ шести-семи часовъ работы, наши труды увѣнчались успѣхомъ,—громада пошатнулась и страшно ринулась внизъ, сперва какъ будто медленно, а потомъ съ такою быстротою, что едва возможно было слѣдить за полетомъ; по линіи паденія попались двѣ сакли,—ихъ какъ не бывало; хорошо, если въ этихъ сакляхъ никого не было, а, въ противномъ случаѣ, это непростительная шалость, отъ которой, впрочемъ, могли погибнуть только семейства непріятели.

Въ 5-й егерской ротѣ былъ унтеръ-офицеръ Бурдыга; это былъ вполне герой. Казалось, для него не существовало опасности; въ самомъ жаркомъ бою онъ всегда былъ спокоенъ, и не безъ юмора, но, при этомъ, внѣ службы очень любилъ выпить; весь израненный—что нисколько не вліяло на его здоровую натуру. Въ этой-же ротѣ былъ унтеръ-офицеръ Гладковъ, нѣсколько лучшей нравственности и болѣе счастливъ относительно ранъ, но тоже храбрецъ; во 2-й карабинерной ротѣ были унтеръ-офицеры Щепкинъ и Башкатовъ; это были тѣ-же Бурдыга и Гладковъ: что это были за богатыри! Вѣчная вамъ память, товарищи! Вы были истинные сыны Россіи, о которыхъ было справедливое заключеніе безсмертнаго генія войны, кажется, послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау: „русскаго солдата мало-что убить,—его надо еще свалить“. Кавказская война выработала столько такихъ героевъ, что ихъ и не перечесть. Рѣдкій изъ нихъ возвратился на родину не раненый; кости другихъ разбросаны по всему Кавказу, и едва-ли новое поколѣніе сдумаетъ оцѣнить ихъ героизмъ. Бурдыга и Башкатовъ убиты въ этой-же экспедиціи, при движеніи отъ Дарго къ Герзель-аулу; Щепкинъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ одномъ изъ дѣлъ былъ изрубленъ, имѣя на себѣ прежнихъ 12 ранъ. Одинъ Гладковъ, въ

мое командованіе 5-ю егерскою ротою, вышелъ въ отставку, женившись на службѣ, имѣя 5 ранъ, и, кажется, умеръ въ укр. Куринскомъ, гдѣ остался жить. Я помню еще во 2-й карабинерной ротѣ унтеръ-офицера Кропа; это былъ такого-же склада солдатъ, честный и безстрашный; онъ уже былъ старикомъ и кандидатомъ, т. е., имѣлъ золотой шевронъ; обыкновенно передъ выступленіемъ въ походъ онъ всякій разъ рапортовался больнымъ. Ротный командиръ хорошо зналъ Кропа, и прикажетъ ему оставаться на ротномъ дворѣ, но чуть утромъ пробилъ барабанщикъ „по возамъ“, Кропъ живо соберется, и первый выйдетъ къ ротѣ. Командиръ, видя его на флангѣ роты, обратитъ на него вниманіе и спроситъ: „вѣдь ты рапортовался больнымъ, Кропъ?“ — „Точно такъ, ваше благородіе, раны болятъ, и что-то мочи нѣтъ; да какъ-же это рота, на 26-мъ году, первый разъ пойдетъ безъ меня въ походъ? Ужотко, ваше благородіе, послѣдній разъ схожу съ ротою, а тамъ — и шабань...“ Эти послѣдніе разы были до самой его смерти. Рядовые 5-й карабинерной роты: Хомяковъ, Скворцовъ, Копалкинъ, Семеновъ, выслуживъ 27 лѣтъ во фронтѣ, умерли. Все это были георгіевскіе кавалеры, чудо-богатыри; я теперь съ гордостію вспоминаю о нихъ; это были люди уважаемые и товарищами, и начальниками; подобными солдатами полкъ гордился; старые кавказскіе полки много ихъ насчитывали.

Эти-то солдаты составляли основаніе того героизма, той дисциплины, которыми поистинѣ могла гордиться наша армія; имъ мы обязаны той милостію нашего обожаемаго Царя, которая постоянно высказывалась кавказцамъ. Онъ лично ихъ видѣлъ въ былые годы, и впечатлѣніе того времени не изгладилось изъ Его добраго сердца; отсюда становится понятно, почему мы, протянувшіе десятки лѣтъ въ рядахъ этихъ славныхъ боевыхъ товарищей, теперь живемъ только прошедшимъ, сохраняя къ нему самое теплое чувство. Но я опять увлекся... Обратимся къ дѣлу: вотъ, этотъ-то Бурдыга и учинилъ скандалъ въ Андіи. Ему надоѣло

бездѣйствіе, да недостатокъ сухарей; немного подвыпилъ и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго. Войдя въ столовую палатку, началъ осматривать накрытые приборы; на каждомъ, подъ салфеткою, было положено по одному сухарю. Онъ что-то про себя ворчалъ, когда вошелъ камердинеръ князя Воронцова (нахалъ и дерзкій человѣкъ, которыхъ очень много имѣется у большихъ баръ) и грубо началъ выгонять Бурдыгу. Но, каково было его удивленіе, когда, въ отвѣтъ, услыхалъ: „ахъ, ты, дрянъ! И ты еще смѣеишь грубить георгіевскому кавалеру и старому унтеръ-офицеру? Смотри, братъ, худо будетъ!“ Этотъ господинъ, видя, что тутъ не шутки, отправился съ жалобою, что въ столовой шумитъ какой-то солдатъ. Главнокомандующій, войдя лично, спросилъ: „что тебѣ, братецъ, надо?“ Бурдыга, нисколько не конфузясь, и ставъ въ почтительную позу, отвѣчалъ: „плохо дѣло, ваше сіятельство; если у самого главнокомандующаго даютъ по одному сухарику, стало быть, о нашемъ братѣ нечего и говорить“. Князь Воронцовъ, позвавъ ординарца, приказалъ его арестовать и послалъ за полковымъ командиромъ, которому, по прибытіи, сказалъ: „любезнѣйшій, вашъ какой-то солдатъ у меня дѣлаетъ безчинство; что это значигъ?“ Полковникъ Козловскій, не зная въ чемъ дѣло, смѣшался; но вдругъ, увидѣвъ у караула Бурдыгу, отвѣтилъ такимъ тономъ, какъ будто тутъ нечего больше и говорить: „это Бурдыга, какъ...“ Въ свою очередь, князь Воронцовъ былъ этимъ отвѣтомъ удивленъ. Но когда ему полковникъ Козловскій разъяснилъ, что это за личность, главнокомандующій, подозвавъ Бурдыгу, похвалилъ его за примѣрную храбрость, приказалъ ему выдать два золотыхъ, сказавъ при этомъ: „ты себѣ оставь, любезнѣйшій, немного на расходы; остальные деньги отдай артельщику на сохраненіе; вернешься изъ похода — тебѣ деньги пригодятся“. Бурдыга исполнилъ приказаніе, только нѣсколько иначе: онъ отдалъ артельщику на сохраненіе 40 коп., остальные растратилъ, и когда былъ смертельно раненъ въ шею, 15-го іюля, то, идя въ колоннѣ, рассказывалъ юнкеру Жеребцову,

шутя: „вотъ, теперь Бурдыга умираетъ; такъ и пропали-бы деньги“. Онъ шелъ самъ, не позволяя себя вести, и затѣмъ, ментально упалъ и умеръ.

Въ андійскихъ воротахъ находился вагенбургъ, подъ прикрытiемъ одного баталiона житомирскаго полка. Изъ главнаго отряда, рота литовскаго полка была послана туда за спиртомъ. Когда слѣдовало возвратиться, ротный командиръ, по какой-то надобности, задержался въ вагенбургѣ, а роту отправилъ съ субалтернъ-офицеромъ, молодымъ прапорщикомъ, обѣщавъ сейчасъ догнать роту. Отъ андійскихъ воротъ къ лагерю дорога шла сперва какъ-бы выпрѣзавшая въ крутомъ скатѣ, но на половинѣ разстоянiя мѣстность расширяется; тутъ-то, за камнями, отъ лагеря съ лѣвой стороны дороги, засѣли нѣсколько десятковъ горцевъ, и когда рота съ ними поровнялась, открыли частый ружейный огонь. Надо полагать, что рота была ведена безъ всякихъ военныхъ предосторожностей. Нечаянность сконфузила людей; молодой офицеръ не успѣлъ найтись, и вмѣсто того, чтобы выбить горцевъ изъ-за камней или, нѣсколько отступивъ, занять на высотѣ позицію и дать возможность присоединиться ротному командиру, всѣ бросились бѣжать къ лагерю. Лишь только послышались выстрѣлы, наша 2-я карабинерная и 2-я егерская роты бросились на выручку, и встрѣтили бѣгущую роту, которую остановили съ трудомъ; тутъ мы узнали, въ чемъ дѣло. Солдаты говорили, что они видѣли, какъ капитанъ скакалъ къ нимъ, и просили позволенiя идти навстрѣчу, но прапорщикъ приказалъ скорѣе слѣзти къ лагерю. Кто правъ, кто виноватъ— не наше дѣло было разбирать; но офицеръ молчалъ и былъ очень сконфуженъ.

Поднявшись на первую высоту, на дорогѣ нашли тѣло капитана; онъ былъ совершенно раздѣтъ, только на шеѣ оставался галстухъ; пуля попала ему въ грудь, и было перерѣзано горло; онъ былъ еще теплый. Капитанъ былъ красивый мужчина, лѣтъ 32-хъ; тѣло его передали литовцамъ. Солдаты очень грустили, говорили,

что капитанъ былъ для нихъ отцомъ. Конечно, въ этомъ случаѣ солдатъ, особенно малоопытныхъ, нельзя винить; они были дурно ведены офицеромъ, и печальность ихъ сконфузила. Черезъ нѣсколько дней эти-же самые литовцы, при занятіи Дарго, покрыли себя славою. Послѣ этого происшествія, ежедневно, на половину дороги къ андійскимъ воротамъ, высылались наши двѣ роты въ видѣ аванпостовъ; предосторожность не лишняя: спустя дня четыре, едва не повторилось тоже самое съ командою мовдокскихъ казаковъ, возвращавшихся отъ андійскихъ воротъ, куда конвоировали курьера.

Съ выѣздомъ князя Бебутова въ Темиръ-Ханъ-Шуру для распоряженій по своевременному снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ довольствіемъ, всѣ свободныя отъ занятія вагенбурговъ войска обоехъ отрядовъ, по пути сообщеній между Андіею и укрѣп: Евгеніевскимъ, составили въ Андіи одинъ отрядъ, подъ названіемъ главнаго дѣйствующаго; начальство надъ нимъ было поручено командиру 5 корпуса, генераль-лейтенанту Лидерсу.

Всѣ мы были заняты предстоящимъ движеніемъ въ Дарго; никто изъ насъ не зналъ туда дорогъ, и какая мѣстность, но толковъ было много; говорили, что туда ведутъ двѣ дороги: одна безлѣсная, по которой нельзя везти даже горной артиллеріи, другая—лѣсистая, и можно ожидать большаго дѣла. Для движенія ожидали только прибытія колонны съ продовольствіемъ. Сухарей, табаку, соли у насъ давно уже не было; одно мясо до того надоѣло, что его даже видѣть не хотѣлось. Наконецъ, 4-го іюля, ожидаемая колонна прибыла; кромѣ сухарей и прочаго казеннаго имущества, подвезли и маркитантамъ много продуктовъ. Всѣ бросились за покупками, въ томъ числѣ и я, съ своимъ деньщикомъ. Войдя въ одну маркитантскую палатку, я нашель тамъ почти весь главный штабъ, и засталъ тотъ моментъ, когда князь Паскевичъ, отсчитывая нѣсколько сторублевыхъ бумажекъ изъ большой пачки, говорилъ: „слѣдуетъ сдачи десять рублей, такъ дай мнѣ два фунта еще галетъ“. Я подумалъ: куда же мнѣ соваться, когда у меня въ кар-

манѣ всего нѣсколько рублей, и потихоньку отретировался; затѣмъ, ограничился покупкою у какого-то милиціонера двухъ фунтовъ черныхъ, но пшеничныхъ, сухарей, — что мнѣ стоило рубль, да фунта два табагу.

Съ этою же колонною получились извѣстія, что, во время слѣдованія, 21 іюня, нашего 3-го баталіона, которымъ командовалъ маіоръ Майдель (нынѣ генераль отъ инфантеріи) между переваломъ Бурцуль и Мичикаломъ, весьма значительныя толпы непріятеля напали на колонну, когда она очень растянулась; но наши егеря отдѣлались лихо, причемъ, самъ князь Бебутовъ лично подвергся опасности: на него понесся одинъ лихой наѣздникъ; князь, замѣтивъ это, выхватилъ пашку и поскакалъ навстрѣчу, но тутъ былъ вблизи солдатъ 8-й егерской роты (фамиліи не помню); въ моментъ, когда оба противника должны были скрестить оружіе, выстрѣломъ сбоку ссадилъ всадника. Съ этихъ поръ князь Бебутовъ до самой смерти каждый годъ, къ 21-му іюня, присылалъ этому солдату собственноручное письмо самаго теплаго содержанія, и всегда со вложеніемъ денегъ. Въ этотъ день нашъ 3-й баталіонъ потерялъ 11 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ, непріятель оставилъ на мѣстѣ 10 тѣлъ, и вообще, какъ говорили, имѣлъ большую потерю.

5-е іюля употреблено на принятіе сухарей и вообще, на приготовленіе къ давно-желанному выступленію въ Дарго. Ожидали жаркаго боя; было какъ-то весело; скорѣе хотѣлось побывать въ резиденціи Шамяля; никому и въ голову не приходило, что многіе тамъ сложатъ свои кости, и многіе изъ насъ будутъ искалѣчены. Въ вагенбургѣ, у аула Гогатль, оставлены были пять ротъ пражскаго полка, три орудія, 20 казаковъ; здѣсь-же должны были остаться и всѣ больные, которые не могли двигаться съ войсками. Всѣ эти команды были подчинены подполковнику Бельгарду.

IV.

Дѣло въ лѣсу, 6-го іюля, и занятіе Дарго. Дѣло 7-го іюля близъ Пантерп. Такъ называемое „сухарное дѣло“, 10-го и 11-го іюля.

На разсвѣтѣ, 6-го іюля, всѣ войска были на ногахъ; приказано было имѣть людямъ съ собою по куску мяса, полный комплектъ патрѣновъ; вообще, видно было, что ожидалось серьезное дѣло. Всѣ ходили бодро, говорили весело, суматоха общая, — снимались палатки, здѣсь несли котлы, одни—тамъ поили лошадей, другіе — сѣдали, иной, усердный, прежде времени навьючивалъ лошадь. Есть натуры, которыя вѣчно торопятся и боятся опоздать; въ начальникѣ это большой недостатокъ, и ложится тяжестью на подчиненныхъ; у такого начальника всегда больше утомлены солдаты;— гдѣ много суеты, тамъ всегда мало толку. У солдатъ, этотъ недостатокъ проявляется больше у молодыхъ, мало бывалыхъ; другой спозаранку надѣнетъ ранецъ — и доволенъ. Солдаты, особенно старые, спокійно сидѣли около своихъ ранцевъ и молча курили трубки; трудно было прочесть въ ихъ добрыхъ, но серьезныхъ лицахъ, о чемъ они размышляли. Въ половинѣ четвертаго ударили „по возамъ“; затѣмъ, „сборъ“, и не прошло пяти минутъ, — уже всѣ войска на своихъ мѣстахъ построили колонны; суета продолжалась только у обозныхъ. Около четырехъ часовъ войска тронулись въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ, подъ командою генераль-маіора Бѣлявскаго—1-й баталіонъ литовскаго полка, 2-й баталіонъ кабардинскаго, рота саперъ, четыре горныхъ орудія № 4 батареи, сотня казаковъ. За авангардомъ слѣдовали войска, назначенныя въ правую цѣпь (*), подъ командою полковника Меллера-

(*) Правая обходная колонна.

Закомельскаго: 6 ротъ вуринцевъ, взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, вторая дружина грузинской пѣшей милиціи. Дальше, войска, назначенныя въ лѣвую цѣпь (*), подъ командою полковника Козловскаго: 1-й баталіонъ люблинцевъ, 1-й баталіонъ кабардинскаго полка, взводъ стрѣлковъ, первая дружина грузинской пѣшей милиціи. Главныя силы, подъ командою генераль-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау: три роты саперъ, двѣ роты стрѣлковъ, 3-й баталіонъ люблинскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны навагинскаго полка, два легкихъ орудія № 7-й батареи, 20-й артилерійской бригады, шесть горныхъ №№ 1-й, 3-й и 4-й батарей, всѣ व्यюки и тяжести отряда. Арьергардъ, подъ командою генераль-маіора Лабинцева: 2-й баталіонъ замосцскаго полка, 3-й баталіонъ апшеронскаго, четыре горныхъ орудія № 3-го батареи, три сотни казаковъ.

Вся остальная кавалерія, въ составѣ девяти сотенъ, подъ командою генераль-маіора Безобразова, слѣдовала особою колонною, лѣвѣе отряда.

Всего выступило изъ Андій въ Дарго: 10½ баталіоновъ пѣхоты, 4 роты саперъ, 3 роты стрѣлковъ, двѣ дружины пѣшей милиціи, 4 сотни казаковъ, 9 сотенъ конной милиціи, 2 легкихъ и 14 горныхъ орудій,—числомъ 9,500 человекъ (**).

Войска двигались въ вышеозначенномъ порядкѣ, общею колонною, и слѣдовали баталіонъ за баталіономъ. Съ мѣста начали подыматься на довольно отлогій подъемъ; идти было хорошо, а ожиданіе боя, прекрасное утро въ горахъ; общее движеніе большой

(*) Лѣвая обходная колонна.

Авт.

(**) Всего въ строю: пѣхоты 7,940 человекъ, конницы 1,218 и 342 артилериста. При отрядѣ находилась 6-ти дневная провіанта, до 4,000 артилерійскихъ зарядовъ, 600,000 патроновъ и около 5,000 подъемныхъ, казачьихъ, транспортныхъ и артилерійскихъ лошадей.

Ред.

массы войскъ, все это вмѣстѣ дѣйствовало обаятельно, и какъ-то было весело на душѣ; почти во всѣхъ войскахъ пѣли пѣсенники. Около 5-ти часовъ послышалось издали: „здравія желаемъ, ваше сіятельство“! Это здоровался главнокомандующій, объѣзжая войска. Подѣхавъ къ нашему баталіону, сѣдовласый вождь, поздоровавшись, добавилъ: „я вамъ, братцы, обѣщаль доставить случай отличиться. Вы будете въ лѣвой цѣпи, и, вѣроятно, будете имѣть жаркое дѣло“. Лихое „рады стараться“ было отвѣтомъ, и всѣ еще какъ-то стали веселѣе. Пройдя верстъ пятнадцать, мы остановились на большой возвышенной площадкѣ, чтобы стаянуться для отдыха; предъ нами предстала великолѣпная картина.

Мы стояли на высотѣ перевала; внизъ отъ насъ шель крутой спускъ, ованчивавшійся узкимъ, но не глубокимъ, оврагомъ, вымытымъ потоками дождевой воды, чрезъ который пролегла дорога; за оврагомъ—небольшой подъемъ. Дорога, круто поворачивая налѣво, проходитъ по лѣвому скату небольшого безлѣснаго гребня, но съ правой стороны подошва его покрыта густымъ лѣсомъ; пройдя около версты вдоль гребня, дорога входитъ въ густой лѣсъ, чрезъ который намъ предстоитъ идти. Мѣстность, сперва покати-стая, ованчивалась огромною долиною, дна которой намъ не было видно. На противоположной сторонѣ этой долины, на большой полянѣ, видѣнъ былъ станъ Шамиля. До сихъ поръ, мы видѣли одни голыя скалы и горы, а у ногъ нашихъ разстилалась вся Ичкерія, перерытая ко всевозможнымъ направлениямъ оврагами; все это покрыто вѣковыми лѣсами, на которыхъ пріятно отдыхалъ глазъ; ландшафтъ поистинѣ великолѣпный. Всѣ, молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, рассматривали предстоящій намъ путь. Я смутно понималъ, что тутъ-то, вѣроятно, начнется кровавая драма, къ которой мы, военные, такъ рвемся, и гдѣ многіе добиваются славы, у многихъ удовлетворяется въ извѣстной степени честолюбіе, а большинство находитъ общій удѣлъ всего человѣчества—могилу, только преждевременную. Собственно я былъ въ неопредѣленномъ состояніи:

меня влекло и желаніе испытать сильное ощущеніе, и, не испытавъ себя, сомнѣніе, что не съумѣю быть достойнымъ — стоять въ рядахъ такого славнаго полка. Когда прошло первое впечатлѣніе, почти всѣ расположились спокойно закусывать. Было около 11-ти часовъ. Обыкновенная веселость не оставляла, казалось, никого.

Послѣ нѣкотораго отдыха, войска правой цѣпи стали въ ружье, затѣмъ, двинулись внизъ; за ними—авангардъ, а потомъ, и войска лѣвой цѣпи. Видно было, что предполагалось занять сперва опушку лѣса, тянувагося справа, вдоль гребня, прикрывавшаго дорогу, а потомъ, авангардомъ, опушку лѣса спереди, и тогда уже двинуться дальше. Куринцы быстро спустились внизъ; пройдя оврагъ, начали рассыпаться цѣпь влево. Но лишь только, устроившись, двинулись впередъ, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ страшнымъ гикомъ. Цѣпь на минуту какъ-бы остановилась и съ крикомъ ура! бросилась въ опушку; резервы еще не успѣли подойти, и цѣпь была опрокинута; огромный перевѣсъ непріятели далъ этому возможность. Но чуть резервы показались изъ-за гребня, какъ цѣпь бросилась опять въ опушку лѣса съ такою стремительностью, что и мысли нельзя было допустить о возможности вторично ее опрокинуть. Мы, въ это время, только-что начали спускаться внизъ, и намъ все это было видно до мельчайшей подробности. Куринцы были хороши до увлеченія, — подобное войско непобѣдимо; они дѣйствовали и дружно, и смѣло. Занявъ опушку, они прикрыли общее движеніе. Между прочимъ, авангардъ, а за нимъ — и мы тоже переправились черезъ оврагъ. До сихъ поръ перестрѣлка весьма живая была только въ правой цѣпи, но лишь авангардъ втянулся въ лѣсъ, — послышался ожесточенный огонь съ обѣихъ сторонъ. Въ вѣковомъ лѣсу непрерывная ружейная пальба, частые пушечные выстрѣлы, гикъ горцевъ, „ура“ нашихъ, какъ-то страшно повліяли на меня, — это былъ чистый адъ, но мы быстро шли въ этотъ омутъ, и во всемъ этомъ хаосѣ было что-то увлекательно хорошее. По мѣрѣ усиленія огня, мы прибавляли шагу, и шли почти бѣгомъ;

насъ остановили съ лѣвой стороны дороги, надъ крутымъ спускомъ въ лѣсистый оврагъ, или, скорѣе, надъ обрывомъ, который отдѣлялся, справа, отъ такого же оврага, узкимъ перешейкомъ. чрезъ который и проходила дорога въ одну повозку. Этотъ перешеекъ, въ видѣ перемычки, всего шаговъ двадцать; за нимъ слѣдуетъ подъемъ, на которомъ былъ устроенъ огромный заваль, стоившій намъ много жертвъ; изъ-за него былъ встрѣченъ нашъ авангардъ убійственнымъ огнемъ. Литовскій баталіонъ, взявшій уже заваль, пошелъ дальше; нашъ 2-й баталіонъ стоялъ за заваломъ, имѣя вправо цѣпь; тутъ же лежалъ убитый отрядный оберъ-квартирмейстеръ, генеральнаго штаба подполковникъ Левинсонъ,—объ немъ всѣ отзывались очень лестно; здѣсь же былъ раненъ поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ и еще какой-то молодой артилерійскій офицеръ, раненый въ шею; послѣдній сильно страдалъ, хотя и крѣпился. Съ правой стороны огонь непріятели дѣйствовали убійственно: вся артилерійская прислуга была перебита. Состоящій при главнокомандующемъ, генераль-маіоръ Фокъ, собравъ кое-какъ артилеристовъ отъ зарядныхъ выковокъ, самъ началъ наводить орудіе, и былъ смертельно раненъ. Это былъ большаго роста человекъ, казалось, очень сильный, но мгновенно до того измѣнился, что его нельзя было узнать; нѣсколько часовъ до смерти онъ перенесъ страшныя страданія. Хотя мы генерала и не знали вовсе, но онъ возбудилъ сочувствіе всѣхъ. Тутъ же лежало много раненыхъ и убитыхъ солдатъ. Ружейный огонь сталъ постепенно отъ насъ удаляться. Наконецъ, все утихло. Главныя силы и обозъ уже тронулись чрезъ перешеекъ, намъ же приказано оставаться на мѣстѣ до прибытія арьергарда. Здѣсь со мною случилось слѣдующее происшествіе: до прибытія главныхъ силъ мы не сдѣлали ни одного выстрѣла, кромѣ цѣпи; подъ обрывомъ столпилось много зѣвакъ. Отсюда хорошо былъ видѣнъ описанный заваль; въ немъ продѣлывался проходъ саперами. Я стоялъ, подбоченясь лѣвою рукою, и, задумавшись, смотрѣлъ въ глубину оврага. Внизу, изъ чащи зелени, показался дымовъ, послѣдовалъ выстрѣлъ, — пуля

пролетѣла между моимъ бокомъ и рукою, попала прямо въ сердце солдату 1-й егерской роты, стоявшему сзади меня. Нечаянность эта страшно меня озадачила, я нѣсколько поблѣднѣлъ; оправившись, мысленно возблагодарилъ Бога за спасеніе жизни. Однако, этотъ случай, и впослѣдствіи нѣсколько другихъ, особенно 14 іюля, произвели на меня громадное впечатлѣніе, и я невольно сдѣлался отчасти фаталистомъ.

Оставаться на мѣстѣ, въ бездѣйствіи, невыносимо скучно. Я, нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ, отправились осматривать заваль. Онъ былъ сложенъ изъ огромныхъ вѣковыхъ деревьевъ, и его можно было обойти только съ фланговъ. Заваль былъ расположенъ поперекъ дороги, упираясь краями въ чащу лѣса, шагахъ въ ста впереди перешейка, на которомъ можно было бить каждаго навѣсѣ. Посрединѣ былъ сдѣланъ саперами проходъ для выюковъ, по сторонамъ лежало много убитыхъ и раненыхъ. Рабочіе постепенно выносили ихъ. Изъ числа раненыхъ многіе очень страдали; особенное вниманіе обращалъ на себя лежавшій въ сторонѣ и, казалось, забытый всѣми, милиціонеръ, которому въ голову попало нѣсколько пуль, такъ-что виднѣлся мозгъ; онъ былъ въ безпамятствѣ, однако, въ сумерки еще въ немъ были признаки жизни. Уже стемнѣло. Настала прелестная лѣтняя ночь; ясное звѣздное небо едва виднѣлось сквозь чащу деревьевъ; по дорогѣ—черная масса движущихся выюковъ; изрѣдка только слышно фырканіе усталой лошади, или возгласъ вожатаго; все какъ-будто затихло вмѣстѣ съ природою. Не смотря на усталость и бездѣйствіе, никого не клонило ко сну; мы молча курили трубки, предаваясь каждый своимъ думамъ. Наконецъ, часовъ около одиннадцати, подошелъ аріергардъ, и намъ приказано было, обогнавъ выюки, двигаться впередъ, присоединивъ два орудія, стоявшія справа на позиціи. Ночью, въ лѣсу, по узкой дорогѣ, обойти выюки — не легкая задача; однако, съ помощью — гдѣ слова, гдѣ палки, мы довольно скоро прошли узкое пространство и вышли на довольно большую площадку, на

которой тѣсно столпились вьюки. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ, мы добрались до спуска, загроможденнаго вьюками главнаго штаба. Тутъ уже было труднѣе пробираться: при вьюкахъ народъ все чиновный, смотрящій на фронтовую братію съ высоты величія своихъ господъ. „Посторонись!“ Не тутъ-то было: и вниманія не обращаютъ; и когда никакія убѣжденія не помогли, пришлось прокладывать дорогу прикладами—чего они терпѣть не могутъ. Послышались возгласы: „я буду жаловаться князю, графу“ и т. д. Но карабинеры молча продолжали крестить прикладами направо и налево. Дорога мигомъ очистилась; мы начали нисходить по весьма крутому спуску; густая тѣнь отъ деревьевъ совершенно закрывала луну, и мы спускались, какъ въ погребъ. Вдали послышалась перестрѣлка, показалась яркая полоса свѣта; когда мы дошли до ней, дорога повернула круто направо, и намъ представилась великолѣпная картина: узкая, длинная поляна, освѣщенная полною луною, съ правой стороны окаймлялась безлѣсною возвышенностію; вдали виднѣлся лѣсъ; слѣва, по камнямъ, шумѣлъ быстрый Аксай; лѣвый берегъ его довольно высокъ, покрытъ перелѣсками, изъ темноты которыхъ поминутно мелькали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ засѣвшихъ горцевъ; впереди—заревы пылавшихъ двухъ ауловъ, составлявшихъ цѣль нашихъ стремленій. Это—Дарго. Исходивъ полтора мѣсяца по горамъ, увидѣть совершенно ровную поляну, великолѣпную живописную мѣстность и перестрѣлку, въ сферу которой мы тотчасъ-же вошли; почувствовать свѣжій южный воздухъ передъ разсвѣтомъ,—все-это вмѣстѣ наполняло душу чѣмъ-то сладостнымъ. Всѣ были бодрѣе, и съ трудомъ вѣрилось, что цѣлые сутки были мы на ногахъ и ничѣмъ особенно не подкрѣплялись. Даже мой капитанъ, мастеръ ругаться, и тотъ затихъ подъ общимъ обаяніемъ. Выходитъ, что и нашимъ грубымъ натурамъ доступна поэзія; только для этого нужна подобная обстановка. Горцы изъ-за Аксая провожали насъ довольно частымъ огнемъ, но выстрѣлы ихъ не причиняли намъ вреда, хотя пули крутомъ свистѣли; мы даже

не отвѣчали. Не доходя пылавшаго аула, мы поднялись на небольшую высоту вправо и получили приказаніе расположиться бивакомъ, съ тѣмъ, что утромъ будетъ показано новое мѣсто для лагеря. Разъ, что цѣль достигнута, ничто не возбуждаетъ—бренное тѣло, какъ говорится, потребовало отдыха, и откуда вдругъ взялась усталость. Заря, предвѣстница утра, уже показалась; явилось непреодолимое желаніе уснуть. Но, на бѣду, оказалось, что опять бурка на вьюгѣ; двѣ солдатскихъ шинели замѣнѣ ея, одна—подъ голову, другая—вмѣсто одѣяла, въ предохраненіе отъ утренней росы, и офицеръ уснулъ безмятежнымъ сномъ. Я думаю, изнѣженный столличный фронтъ, отправляющійся въ Швейцарію, чтобы видѣть восходъ солнца, позавидовалъ бы моему сву, хотя и на скромномъ ложѣ; а же этой минуты наслажденія не уступилъ-бы за все его богатства.

Утромъ, солнце уже сильно припекало, когда я проснулся; не хотѣлось вставать, и первая мысль моя: какъ-бы выпить стаканъ чаю. Но какова была моя радость, когда я только-что открылъ шинель, и первое, что увидѣлъ, это—моего добраго Максима, съ чайникомъ въ рукахъ. Вьюги пришли, когда было уже совсѣмъ свѣтло; онъ тотчасъ-же распорядился поставить къ огню чайникъ и явился съ готовымъ чаемъ. Въ походѣ, хорошій, расторопный деньщикъ—истинный благодѣтель. Для утренняго туалета потребовалось немного времени, — полманерки воды освѣжить лицо; усы только-что начали пробиваться, а стрижка подъ гребенку не требуетъ особенной заботы. Перекрестивъ лобъ, спокойно я расположился на бурѣ пить чай; черные сухари замѣняли бисквиты и, черезъ пять минутъ, завтракъ оконченъ. Въ 8 часовъ было указано лагерное мѣсто здѣсь-же, вблизи. Черезъ часъ былъ поставленъ лагерь. Мы, съ капитаномъ, стояли въ одной палаткѣ; солдаты живо вбили сошки, притащили изъ аула какіе-то ворота—и кровать готова; охалка травы, покрытой буркою, замѣнила матрасъ.

День 6-го іюля, однако, обошелся намъ не дешево; 173 человека вышло изъ строя, не считая 32-хъ контуженныхъ, а именно, убиты: генераль 1, штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 28, милиціонеровъ 4; ранены: штабъ и оберъ-офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 98, милиціонеровъ 30.

Устроившись въ лагерѣ, я и нѣсколько офицеровъ отправились осматривать ближайшій аулъ, гдѣ была резиденція Шамиля, и жили наши бѣглецы; другой аулъ былъ нѣсколько дальше. Сакли Шамиля уже сгорѣли до тла, но нѣкоторые домики уцѣлѣли, и солдаты разобрали ихъ на дрова. Нѣкоторые изъ домиковъ имѣли видъ русскихъ избъ, не безъ нѣкотораго щегольства; но больше всего приковала наше вниманіе яма, въ которой содержались наши плѣнные; она была устроена совершенно наподобіе ямъ, какія дѣлаются въ Малороссіи и Бѣлороссіи для волковъ, съ тою разницею, что сверху была построена сакля для караула; свѣтъ туда не проникалъ, о воздухѣ нечего и говорить. Когда мы осматривали, сакля уже сгорѣла, и яма была открыта, но до того былъ тяжелый запахъ, что съ трудомъ можно было простоять нѣсколько минутъ.— Здѣсь-то наши несчастные плѣнники страдали. Понятно, что одинъ видъ этой тюрьмы не только возбудилъ полное состраданіе къ ближнему, но и явилось какое-то озлобленіе къ непріятелю. Тутъ же, по поводу плѣнныхъ, было нѣсколько рассказовъ,—всегда являются всезнайки; но рассказы эти скоро выходили изъ памяти.

На противуположномъ берегу Аксая, на отертой возвышенности, стояли массы непріятеля, въ нѣсколько тысячъ. Оттуда былъ открытъ огонь изъ трехъ орудій, по правому флангу лагеря; снаряды къ намъ не долетали. Около 12-ти часовъ, нѣкоторые войска начали выстраиваться; оказалось, что генераль-маіору Лабинцеву поручено было, съ частью войскъ, отбросить непріятельскія толпы дальше. Генераль Лабинцевъ построилъ войска въ три линіи: въ первой—3-й и 4-й баталіоны навагинскаго и первый люблинскаго полковъ, съ 4-мя горными орудіями; во второй—ба-

таліонъ замосцскаго, 3-й апшеронскаго, двѣ роты куринскаго полковъ, двѣ роты стрѣлковъ и рота саперъ, при двухъ орудіяхъ; четыре сотни казаковъ и двѣ сотни конной милиціи, подъ командою генераль-маіора Безобразова, составляли резервъ или третью линію. Лишь только войска подошли къ Аксаю, какъ завязалась перестрѣлка, перешедшая въ ожесточенный бой. Навагинцы стремительно атаковали лѣсъ, защищаемый огромною массою горцевъ, и послѣдніе должны были быстро его очистить. Горцы, занявъ аулъ Белгатой, упорно въ немъ держались; но опять навагинцы, поддержанные люблинскимъ баталіономъ, выбили ихъ оттуда штыками. Вслѣдъ затѣмъ, послѣдовало общее преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля, до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ отброшенъ въ овраги и лѣса. Но едва наши войска начали обратно отступать эшелонами, какъ опять горцы собрались со всѣхъ сторонъ и завязали упорный бой, особенно около аула Белгатой и его кладбища, которое нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Навагинцы и апшеронцы лихо держались, и этимъ облегчили отступление прочихъ войскъ. На спускѣ къ рѣкѣ Аксаю генераль Лабинцевъ остался съ баталіонами навагинскимъ и апшеронскимъ, и пока всѣ войска не переправились, всѣ упорные натиски непріятеля отбивалъ штыками, такъ какъ почти всѣ патроны были уже выпущены. Только въ сумерки войска возвратились въ лагерь, покрывъ себя славою, особенно навагинцы и апшеронцы. Изъ лагеря было видно стройное движеніе войскъ, особенно при отступленіи, что составляло на Кавказѣ всегда самую трудную задачу; но генераль Лабинцевъ, старый боевой кавказецъ, былъ мастеръ своего дѣла.

Это славное дѣло стоило намъ убитыми: 1 штабъ-офицера, подполковника Познанскаго, командира апшеронскаго баталіона, храбрѣйшаго и дѣльнѣйшаго офицера арміи; 1 оберъ-офицера, 28 нижнихъ чиновъ; ранеными: штабъ-офицера 1, командира люблинскаго баталіона, подполковника Корнилова, молодаго, дѣльнаго офицера, весьма много обѣщавшаго въ будущемъ; онъ былъ раненъ

смертельно; оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 178. Надо полагать, что 7-го іюля и горды понесли значительную потерю.

8-го іюля былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю занятія Дарго, и потомъ—панихида по убитымъ. 8-го и 9-го войскамъ данъ былъ отдыхъ. Поминутно звуки похороннаго марша и залпы на могилѣ наводили уныніе на всѣхъ насъ; какъ-то тяжело становилось на душѣ. Мы всѣ смутно понимали, что многихъ еще въ будущемъ не досчитаемся, но каждый таилъ это про себя; однако, музыка и залпы на похоронахъ были въ послѣдующіе дни воспрещены.

Часовъ въ 11-ть, 8-го числа, я былъ посланъ разбить палатки для главнаго штаба, т. е., перенести ихъ на другое мѣсто, кажется, по причинѣ, что Шамиль, узнавъ, гдѣ ставка главнокомандующаго, направилъ туда артилерійскій огонь. Было-бы, конечно, смѣшно, если-бы маститый старецъ, краонскій герой, изъ одного тщеславія подвергалъ напрасно свою жизнь опасности; я помню, что тогда мы всѣ такъ къ этому относились. Палатки были перенесены, поставлены; почти всѣ штабные давали солдатамъ на водку; но тому изъ нихъ, съ синимъ воротникомъ, что-то въ родѣ оберъ-гевальдигера, или что либо другое поважнѣе, какъ-то не угодили: онъ сперва ругнулъ солдатъ, а потомъ—ударилъ одного нагайкою. Я спокойно скомандовалъ: „въ ружье“! И когда онъ спросилъ: какъ я смѣю? отвѣчалъ: что солдаты присланы на работу, а не для того, чтобы ихъ били. Послѣдовала угроза: „я доложу главнокомандующему“; но я, въ отвѣтъ, скомандовалъ „направо“, увелъ роту, и, возвратясь въ лагерь, доложилъ командиру полка. Полковникъ Козловскій сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: „напрасно, какъ... вы погорячились, а впрочемъ, поступили хорошо“. Вечеромъ полковникъ Ранжевскій прислалъ за мною. Признаюсь, я боялся его и былъ удивленъ, зачѣмъ онъ зоветъ меня, когда я не его баталіона. Когда я вошелъ въ палатку, онъ принялъ меня привѣтливо, пригласилъ сѣсть и сказалъ нѣсколько любезностей по

случаю моей службы, при чемъ далъ совѣтъ—продолжать такъ-же. Я былъ тронутъ такимъ вниманіемъ человѣка, котораго за храбрость и его правила всѣ глубоко уважали; три дня спустя, онъ былъ убитъ, а я тяжело раненъ.

Вечеромъ, 9-го числа, мнѣ было такъ грустно, какъ никогда въ жизни. Было-ли это предчувствіе? Надо полагать, да. Вспомнились мнѣ мои старики, которыхъ я давно не видѣлъ, и другіе родные, и сердце мое въ то время билось тою юношескою страстью, которая способна подвинуть молодаго человѣка и на великое дѣло, и на пошлую выходку. Звѣздное небо, полная тишина въ боевомъ станѣ еще болѣе разжигали мои думы. Уже за полночь, мой Максимъ, хорошо выснавшись, вспомнилъ обо мнѣ, сказавъ, что пора спать, а то, какъ-бы утромъ куда нибудь не погнали. Этотъ совѣтъ былъ встать; я его исполнилъ, хотя и жаль было расстаться съ сладкими мечтами.

10-го іюля, утромъ, показалась на высотѣ, гдѣ мы 6-го числа отдыхали передъ вступленіемъ въ лѣсъ, колонна съ сухарями. Отдано было приказаніе, какимъ войскамъ идти навстрѣчу, и около трехъ часовъ онѣ выстроились въ слѣдующемъ порядкѣ: подѣ командою генераль-маіора Пассека — 2-й баталіонъ кабардинскаго полка, рота стрѣлковъ, двѣ роты саперъ и часть милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Правая цѣпь—сводный баталіонъ, по двѣ роты, литовскаго и замосцскаго полковъ. Лѣвая цѣпь — три роты куринцевъ. Въ головѣ колонны, за авангардомъ, казаки, 3-й баталіонъ люблинскаго полка; за нимъ всѣ व्यюки, на нихъ раненые, которые могли ѣхать, и тѣло генерала Фока. Арьергардъ, подѣ командою генераль-маіора Викторова: сводный баталіонъ навагинскаго полка, двѣ роты апшеронцевъ, полроты стрѣлковъ, при двухъ орудіяхъ, милиція, казаки; артилерійскія команды посланы въ половинномъ числѣ. Всѣми войсками командовалъ генераль-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау.

Лишь только колонна эта поднялась на возвышенную площадку

и начала втягиваться въ лѣсъ, слышалась ожесточенная перестрѣлка; намъ былъ видѣнъ только дымъ и слышны выстрѣлы. Главнокомандующій, съ своею свитою, стоялъ шагахъ въ ста впереди куринскаго лагеря и смотрѣлъ въ бинокль по направленію къ лѣсу.

Мало-по-малу собралось много офицеровъ, которые въ сторонѣ составили группу, въ томъ числѣ и я; мы всѣ всматривались въ лѣсъ и ничего не видѣли. Уже совсѣмъ вечеромъ, главнокомандующій обратился къ полковнику Козловскому: „Викентій Михайловичъ, назначьте офицера сюда, на пиветь, и пришлите его ко мнѣ“. Полковникъ Козловскій подошелъ къ нашей группѣ и, замѣтивъ меня, приказалъ идти за собою, и тутъ-же подвелъ къ князю Воронцову. Очень ясно, что я сперва совсѣмъ сконфузился, но скоро оправился. „Мой любезный, вы останьтесь здѣсь на всю ночь, и прислушивайтесь, что тамъ будетъ дѣлаться въ лѣсу, а завтра утромъ я прїѣду, мнѣ скажите; если-бы можно было предположить по выстрѣламъ, что колонна двинется ночью—дайте мнѣ тотчасъ знать, особенно, когда услышите три пушечные выстрѣла и три ракеты; это условный знакъ“. Командиръ приказалъ мнѣ сходить въ лагерь и взять себѣ въ прикрытіе чetyре челоуѣка. Черезъ полчаса я возвратился и еще засталъ главнокомандующаго, который уѣхалъ тогда только, когда совсѣмъ прекратилась перестрѣлка.

Всю ночь я былъ въ положеніи любовника, которому назначено свиданіе: то всматривался, то прислушивался; слышно было, какъ горцы перекинулись со стороны Аксая. Въ лѣсу, гдѣ было дѣло, видѣлись огни, и слышался стукъ топоровъ, — ясно, что строили завалы. Ночь казалась нескончаемою; къ довершенію всего, вѣтерокъ изъ горъ пронизывалъ насквозь; да и не успѣлъ я напиться чаю и поужинать,—а это тоже не совсѣмъ пріятное положеніе. Наконецъ, начало свѣтать. Едва явилась возможность разсмотрѣть предметы на дальнее разстояніе, какъ открылись вереницы горцевъ, тянувшихся, одинъ за другимъ, въ лѣсъ, чрезъ ко-

торый должна была возвращаться колонна. Еще не всходило солнце, когда приѣхалъ главнокомандующій, съ однимъ адъютантомъ. Я тотчасъ доложилъ, что видѣлъ и слышалъ. До прибытія главнокомандующаго, пришли черезъ лѣсъ, прямо въ лагерь, нѣсколько солдатъ люблинскаго полка; они были наканунѣ ранены и притворились убитыми; ихъ раздѣли буквально донага и въ такомъ видѣ они возвратились. Хотя ихъ оставили въ главномъ штабѣ подъ присмотромъ, но тотчасъ по лагерю разнесся слухъ, что генераль Викторовъ убитъ, взяты пушки, большая потеря и т. д. Кромѣ люблинцевъ, прибылъ кабардинскаго полка юнкеръ Длошовскій, съ запискою отъ генерала Клугенау, за что тутъ-же былъ произведенъ въ прапорщики. Длошовскій былъ баснословный вральманъ, но безспорно смѣлый человекъ. Горцы продолжали все тянуться группами въ лѣсъ; казалось, имъ и конца не будетъ. Потомъ, стало извѣстнымъ, что это были чеченцы, прибывшіе наканунѣ, по требованію Шамиля. Когда взошло солнце, вниманіе наше было обращено на слѣдующее: на полянѣ, за Аксаемъ, гдѣ было дѣло 7-го іюля, колонна, человекъ въ шестьсотъ, стройно маршировала подъ звуки хора горнистовъ и барабанщиковъ; это — наши бѣжавшіе разновременно солдаты, и надо полагать, Шамиль хотѣлъ насъ этимъ подразнить. Эта комедія, однако, продолжалась около часа.

Въ 8 часовъ утра, явственно послышались три пушечные выстрѣла и видны были пущенныя три ракеты—условный знакъ, что колонна тронулась обратно. Вскорѣ послышалась перестрѣлка, постоянно усиливающаяся, особенно былъ силенъ огонь непріятельскій; выстрѣлы горскихъ винтовокъ рѣзко отличались отъ нашихъ кремневыхъ самопаловъ. Главнокомандующій потребовалъ нашъ баталіонъ; онъ быстро прибѣжалъ. Поздоровавшись, князь Воронцовъ сказалъ: „вотъ, братцы, случай вамъ отличиться; ступайте выручать товарищей“.—„Рады стараться“! былъ отвѣтъ, и мы тронулись. Я былъ въ бѣлой фуражкѣ; Максимъ меня догналъ и, подавая черную, сказалъ: „надѣньте этотъ картузь, а то, въ лѣсу, бѣлый—да-

леко видѣнь“ . Признаюсь, я былъ не прочь перемѣнить, но, по-смотря на солдатъ, какъ-то посовѣстился, хотя баталіонъ имѣлъ шапки безъ чახловъ, — и я остался въ бѣлой. Лишь только мы спустились съ пригорка, гдѣ оставили князя Воронцова, по насъ открыли, съ лѣваго берега Аксая, вправо отъ насъ, ружейный огонь. Сначала пули едва долетали; люди шли такъ быстро и такъ весело что можно было-бы подумать, что торопятся на пирь. Я командовалъ правою цѣпью, въ которой было нѣсколько стрѣлковъ, подъ командою лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона подпоручика Адамъ. Пройти пространство до подъема, взобраться по высокой крутизнѣ на площадку, было дѣломъ четверти часа, двадцати минутъ; по крайней мѣрѣ, время было незамѣтно. Только-что мы остановились, чтобы стянуться и идти впередъ, какъ начали выходить изъ лѣса навстрѣчу къ намъ, въ полномъ безпорядкѣ, пѣшая милиція, перемѣшанная съ люблинскимъ баталіономъ, и впереди ихъ — полковникъ Беклемишевъ (онъ, кажется, былъ адъютантомъ у фельдмаршала князя Паскевича). Мы его забросали вопросами: что тамъ дѣлается? куда идти на помощь? гдѣ нашъ 2-й баталіонъ? и получили отвѣтъ: „я прошелъ впереди всѣхъ, всѣ завалы“ и еще что-то въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, мы ничего не узнали новаго. Мы всѣ желали идти впередъ, но баталіонный командиръ, маіоръ Тимерманъ, сказалъ: „намъ надо дожидаться здѣсь приказанія, и мы пріймемъ сами на себя отступление. — Тамъ, можетъ быть, перебили половину, и мы, вмѣсто того, чтобы помочь, будемъ здѣсь стоять? Наконецъ, нашъ 2-й баталіонъ, можетъ быть, въ опасности“! — „Ничего, прійдутъ“, былъ его отвѣтъ. Въ это время моего ротнаго командира, капитана Дурова, ранили въ руку около локтя. Онъ чуть-ли не первый изъ нашего баталіона былъ въ этотъ день раненъ. Вслѣдъ за этимъ, штабсъ-капитанъ Краузе, не слушая возраженій маіора Тимермана, крикнулъ: „карабинеры, за мною“! Рота быстро побѣжала за своимъ храбрымъ командиромъ; за ними, поручикъ Гостыминскій пошелъ съ своею первою ротою, а затѣмъ, и я

крикнулъ: „вторая рота, маршъ“! Все это сдѣлалось моментально. Мы бѣжали по узкой дорогѣ гуськомъ, растянулись; пули, какъ пчелы, жужжали со всѣхъ сторонъ. Навстрѣчу намъ несли раненыхъ; пронесли тѣло убитаго полковника Ранжевскаго. Ни отъ кого нельзя было добиться толку, что дѣлается; всѣ, какъ будто-бы, сконфузились. Наконецъ, мы встрѣтили лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручика Козлянинова, который былъ прикомандированъ къ нашему 2-му баталіону и, раненый въ обѣ ноги, съ трудомъ пробирался по дорогѣ; онъ-то и сообщилъ намъ, что идетъ страшная бойня, что 2-й баталіонъ нашего полка безъ патроновъ, и что навагинцы съ трудомъ держатся у заваловъ, и также безъ патроновъ. Тутъ-же, между ранеными, пробиралось много и цѣлыхъ, невредимыхъ. На площадкѣ, съ которой мы тронулись, и особенно на дорогѣ, лежало много убитыхъ и тяжело раненыхъ; всѣ они—совершенно голые, съ отрубленными руками; у многихъ кинжаломъ выпущены внутренности. Все это не столько грустно вліяло на насъ, сколько ожесточало. Въ эту минуту, едва-ли была-бы дана кому-нибудь пощада. На меня особенно тяжело повліялъ слѣдующій случай: на краю описанной площадки лежалъ совершенно раздѣтый молодой человѣкъ, брнетъ, красавецъ въ полномъ значеніи слова; его вѣжное, бѣлое тѣло свидѣтельствовало о хорошемъ происхожденіи; у него была отрублена кисть руки, и виднѣлась рана въ груди; онъ былъ еще живъ; глаза, уже съ предсмертнымъ блескомъ, провожали насъ. У меня судорожно сжалось сердце, и хотя я видѣлъ его только мимоходомъ, но и теперь я помню эти глаза, полные грустнаго выраженія, эти прекрасныя черты юноши, передъ которымъ такъ много было впереди, и ранняя смерть не только скосила его послѣ тяжкихъ страданій, но и брошено онъ былъ на сѣденіе хищнымъ шакаламъ. И много тамъ брошено васъ, братья-товарищи, вѣчная вамъ память!..... Не успѣлъ я пробѣжать съ ротою шаговъ сто, какъ дорога начинала суживаться обрывами съ обѣихъ сторонъ. Первая рота начала занимать правую цѣпь; слѣва

отъ дороги обрывъ нѣсколько выдавался полукругомъ, внутренняя сторона была обращена къ дорогѣ, по которой мы бѣжали. Шагахъ въ десяти отъ насъ, на этомъ полукругѣ, лежало нѣсколько бревенъ; за ними засѣли горцы и били проходящихъ навывборъ; такъ и у меня повалили нѣсколько человѣкъ. Замѣтивъ горцевъ, я крикнулъ ротѣ: „налѣво!“ и мигомъ мы сбросили этихъ господъ подъ кручу. Тутъ-же, разсыпавъ роту, мы составили лѣвую цѣпь. Такимъ образомъ, дорога была прикрыта съ обѣихъ сторонъ, хотя пули и летали все-таки кругомъ. Горцы преимущественно стрѣляли съ деревьевъ, на которыя взобрались, и, за зеленью, ихъ не было видно. Рота моя потеряла уже человѣкъ 15 раненыхъ; съ одного изъ нихъ я взялъ ружье и патронташъ, началъ стрѣлять, прислонясь къ большому чинару, такъ, что вся рота, лежавшая впереди, за бревнами, мнѣ была видна. Кто-то изъ старыхъ солдатъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „ваше благородіе, станьте за дерево, а то занапрасно васъ убьютъ“. Я возразилъ: „пустяки! виноватаго пуля найдетъ“.— „Да гляньте на дерево, вѣдь вамъ цѣлятъ въ голову; ваша бѣлая фуражка въ лѣсу далеко видна“. Я невольно поднялъ голову вверхъ и назадъ, чтобы посмотрѣть, и дѣйствительно, выше головы все дерево было испещрено пулями, и тутъ-же одна врѣзалась. Признаюсь, это меня покорило; но стать за дерево было уже не въ моей волѣ: возможно-ли было исполнить совѣтъ, когда я первый разъ въ такомъ жаркомъ бою, да еще командуя ротою, и такими лихими солдатами, которыхъ то-и-дѣло вытаскиваютъ убитыми или ранеными, а цѣлые или подшучиваютъ другъ надъ другомъ, или ободряютъ молодыхъ, и безъ малѣйшей суеты, совершенно спокойно, стрѣляютъ, стараясь беречь патронъ на критическую минуту. Я остался на мѣстѣ и, смотря на этихъ героевъ, совершенно успокоился. Послѣ третьяго выстрѣла, я повернулся направо, чтобы выдернуть шомполь. Въ этотъ моментъ пуля попала мнѣ въ лѣвое плечо. Сначала сильная боль, а затѣмъ, чувство, какъ будто-бы чѣмъ-то тяжелымъ ударило по плечу, начало захва-

тывать дыханіе; какъ будто-бы мало воздуха: голова кружится и все тянетъ внизъ. Только сила воли заставила меня удержаться на ногахъ. Тутъ пришло мнѣ въ голову, а что, если я легко раненъ, то стыдно будетъ, если разнѣжусь. Эта мысль заставила меня встрепенуться, и я вышелъ изъ цѣпи самъ. Крикнули фельдшера, который усадилъ меня около дороги для перевязки. На вопросъ мой: „какова рана“? онъ сказалъ: „ничего, порядочная“, и съ этими словами началъ ощупывать у меня правый бокъ. „Что ты, братецъ, ищешь“?— „Да выхода пули“. Тутъ я подумалъ: если пуля попала въ лѣвое плечо, а ея выхода ищутъ въ правомъ боку, такъ гдѣ же тутъ жить; — и со мною сдѣлался обморокъ. Фельдшеръ, приведя меня въ чувство, продолжалъ перевязку. Меня постоянно не покидала мысль: какъ-бы держаться бодрѣе и не показать малодушія, и помню хорошо, я былъ довольно спокоенъ, хотя и сознавалъ, что рана опасна. Между прочимъ, пули кругомъ жужжали, и я опасался одного: какъ-бы не ранили опять сидячаго. Когда окончилась перевязка, и меня хотѣли везти, мимо пронесли тѣло генерала Пассека. Надо знать, что въ лѣсу очень много валялось коры, сдувленной съ большихъ деревьевъ, срубленныхъ для заваловъ. Вѣроятно, горцы ночью или на нихъ отдыхали — потому, что было мокро, или же лубки составляли навѣсъ отъ дождя. На одномъ изъ такихъ лубковъ Пассекъ лежалъ со сложенными руками, въ бѣлой фуражкѣ, съ окровавленнымъ, но совершенно спокойнымъ лицомъ; онъ былъ привязанъ, и его тащили два донскіе казака волокомъ, какъ на саняхъ. Вслѣдъ за тѣломъ Пассека повели и меня два егеря; одинъ несъ ружье, мой сюртукъ и шапку, а другой велъ меня подъ руку. Я шелъ съ трудомъ, чувствовалъ сильную слабость; къ довершенію всего, ноги вязли въ грязи. Когда мы вышли на площадку передъ спускомъ — тамъ царствовалъ полный беспорядокъ: выюки, люди, раненые, убитые, все перемѣшалось; шумъ, гамъ страшный; всѣ толнятся. Пришлось остановиться. Одинъ изъ проводящихъ моихъ притащилъ тоже большой лубокъ и предложилъ

мнѣ на немъ спуститься съ горы, убѣждая, что на спускѣ очень грязно и круто, и что мнѣ будетъ удобнѣе. Я согласился, и пока его приготовляли, т. е. продѣлывали дыры, чтобы продѣть веревку и потомъ меня привязать, я замѣтилъ вправо, шагахъ въ двѣнадцати, генерала Клугенау. Онъ сидѣлъ на лошади надъ самою кручею и смотрѣлъ въ лѣсъ; на немъ былъ какой-то сѣрый костюмъ, въ родѣ теперешнихъ нашихъ пальто, и оживотворялъ собою статую командора изъ „Донъ-Жуана“. Онъ былъ одинъ; вся его свита была перебита; его платье кругомъ было прострѣлено, но онъ остался невредимъ; блѣденъ, но совершенно спокоенъ. Богъ хранилъ этого достойнаго, храбраго генерала. Ружейный огонь сзади продолжался усиленно, но здѣсь, на площадкѣ, мало пролетало пуль. Наконецъ, спускъ былъ прикрытъ цѣпью, и вся эта беспорядочная масса тронулась. Каждый силился скорѣе пробраться впередъ. Тронулись и мы. Меня потащили опять-же за тѣломъ генерала Пассека. Положеніе раненыхъ было ужасное: каждый изъ насъ рисковалъ быть задавленнымъ или лошадыю, или вьюкомъ; тутъ уже ничего и никого не разбирали. На спускѣ толпа сгустилась еще больше, — мѣста мало; положительная давка. Въ это время послышался съ лѣвой стороны залпъ, ружей изъ десяти, и гикъ горцевъ; вся масса стремглавъ бросилась вправо и увлекла все. Я только помню первый моментъ и чувствовалъ, что куда-то лечу; когда пришелъ въ себя, я лежалъ въ оврагѣ; около меня нѣсколько разбитыхъ лошадей, разбросанные вьюки; то тамъ, то сямъ—кто поднимался, какъ бы послѣ крѣпкаго сна—стоны раненыхъ. Первое время я не могъ дать себѣ отчета, что случилось, но постепенно, приходя въ себя, я понялъ въ чемъ дѣло, а когда отыскивали меня мои провожатые—объяснилось все. Слѣва была слабая цѣпь. Когда сдѣлали горцы залпъ, вся масса, нестройно движущаяся, по чувству самосохраненія, бросилась направо; и тогда люди, вьюки, раненые полетѣли съ дороги въ оврагъ по весьма большой крутизнѣ. Я летѣлъ въ своемъ лубкѣ, какъ вещь, потому что былъ привязанъ, и этотъ-же лубокъ

предохранить меня отъ камней;—я только отдѣлался нѣсколькими лишними синяками. Оправившись, мы начали пробираться вдоль опушки лѣса, и, благодаря совершившейся катастрофѣ, сразу очутились внизу, и намъ не предстояло спускаться. Выбравшись на поляну, гдѣ пролегалла дорога въ лагерь, уже для насъ видимый, мы встрѣтили прикрытіе, высланное оттуда, которое давало возможность свободно всѣмъ идти. Но тутъ силы начали меня оставлять; къ довершенію всего—проливной дождь. Находясь въ одной рубашкѣ, я озябъ до того, что не въ состояніи былъ слова вымолвить. Совсѣмъ вечерѣло. Перестрѣлка вдали еще была слышна, но рѣдкая. Къ моему счастью, вели мимо меня верховую лошадь одного изъ офицеровъ нашего полка, кажется, прапорщика Чернецкаго; меня на нее посадили и, поддерживая, довели въ лагерь. Главнo-командующій былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы его оставили. У начала лагеря меня встрѣтилъ мой Максимъ; онъ уже зналъ, что я раненъ; онъ плакалъ. Его сморщенное лицо до того было смѣшное, что, не смотря на то, что онъ меня тронулъ своею привязанностію, я невольно улыбнулся. Скромная, походная постель была уже приготовлена, чай—тоже; такъ пріятно было, наконецъ, успокоиться послѣ тяжелыхъ тревоженій дня. Капитана своего я засталъ въ постели; онъ видимо страдалъ, но крѣпился. Первый его вопросъ: „что рота“? Я отвѣтилъ: „молодцы, но теперь тамъ нѣтъ ни одного офицера; фельдфебель убитъ, и вообще, много потери; да обоихъ насъ подстрѣлили.—„Куда васъ хватило“? Я сказалъ: „въ плечо“—„Ну, нехорошо“,—и на томъ нашъ разговоръ прекратился. Часъ спустя, пришелъ лекаръ Верминскій; его всѣ, въ полку, отъ мала до велика, любили за доброту и искусство; онъ одинаково былъ внимателенъ и къ солдату, и къ офицеру; для него—человѣкъ страдаеть, и онъ готовъ за него положить душу. Верминскій, по политическому преступленію, былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ, окончивъ уже виленскую академію; постоянно былъ въ походахъ; за отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и прапор-

щипи и, спустя нѣкоторое время послѣ производства, переименованъ въ баталіонные лекаря. Верминскій тоже былъ съ колонною въ лѣсу и, едва возвратившись, тотчасъ зашелъ къ намъ, осмотрѣлъ раны и сдѣлалъ перевязку. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ, что рана тяжелая и опасная, но мнѣ отчаяваться не слѣдуетъ, такъ какъ я молодъ, полонъ нетронутыхъ силъ и поэтому, я навѣрное выздоровѣю, но не скоро. Онъ говорилъ такимъ спокойнымъ голосомъ, что окончательно меня успокоилъ. Только-что окончилась перевязка, намъ дали знать, что идетъ къ намъ командиръ полка. Когда онъ вошелъ, то, поцѣловавъ капитана, сказалъ ему какую-то любезность; потомъ, подойдя ко мнѣ, тоже послѣ поцѣлуя: „поздравляю, какъ... съ первою ранюю; это хорошо, какъ... Кто такъ славно начинаетъ боевую службу, того... какъ... ожидаетъ въ будущемъ слава“. Я подумалъ, да съ чѣмъ же онъ поздравляетъ? По моему, лучше начинать и продолжать боевую службу съ цѣлыми боками. Вечеромъ перебывали у насъ почти всѣ товарищи, рассказывали подробности дѣла, и хотя это меня утомляло, но я съ жадностію слушалъ всѣ подробности. Вотъ онѣ: 10-го числа колонна поднялась на площадку въ лѣсу совершенно безиреянтственно, но дальше — возобновленные и разбросанные нами 6-го іюля завалы, и еще усиленные, задержали наше движеніе. Нашъ 2-й баталіонъ, однако, бралъ завалы легко, съ небольшою потерею, причемъ, полковникъ Ранжевскій былъ легко раненъ въ ногу; но когда вьюки столпились на описанномъ выше перешейкѣ, и произошелъ безпорядокъ, горцы бросились на арьергардъ и отрѣзали его, часть его изрубили; но наши еще держались у орудій. Смерть генерала Викторова нравственно подѣйствовала на горсть еще державшихся храбрецовъ. Замѣтивъ это, горцы сдѣлали новый сильный натискъ. Въ моментъ, вся артилерійская прислуга была перебита, орудія брошены подъ кручу и окончательно разсѣявъ арьергардъ. Въ это время авангардъ, уцѣлѣвшіе вьюки и прочія войска уже вышли изъ лѣса и соединились съ колонною, прибывшею изъ Андіи, а съ ними и генералъ Клутенау. Никто не

зналъ и не подозрѣвалъ о случившемся въ арьергардѣ. Генераль распорядился о подаііи помощи раненымъ. Перестрѣлка въ лѣсу прекратилась, и всѣ поджидали: вотъ, покажется изъ лѣса арьергардъ. Прошло много времени. Вдругъ, начали показываться изъ лѣса, по дорогѣ, сначала одиночные раненые, а затѣмъ, въ безпорядкѣ, остатки арьергарда. Тогда объяснилось все. Клугенау, собравъ начальниковъ частей, спокойно отдавалъ соотвѣтствующія распоряженія объ обратномъ движеніи, но, видно было, что большая понесенная потеря и страданіе раненыхъ на него сильно повлияли.

Въ ночь, всѣ завалы были еще болѣе усилены и прибавлены вновь. Трупы нашихъ убитыхъ, раздѣтые донага, были уложены ярусами передъ завалами, чтобы нравственно дѣйствовать на войска; у большинства были распороты животы и выпущены внутренности. При обратномъ слѣдованіи, въ авангардѣ шель люблинскій баталіонъ и милиція, до перешейка. Хотя изъ-за вновь устроенныхъ заваловъ сильно поражалъ насъ непріятельскій огонь, но войска двигались безостановочно, и лишь только подошли къ перешейку, съ противоположной стороны и съ боковыхъ заваловъ до того былъ открытъ убійственный огонь, что не было возможности допустить и мысли— приступитъ къ разработкѣ огромнаго завала, возобновленнаго и усиленнаго, который расположенъ поперекъ дороги, упираясь своими концами съ обѣихъ сторонъ къ кручамъ. Этотъ заваль, убранный нашими убитыми наканунѣ тѣлами, не былъ защищаемъ; горцы, повидимому, съ цѣлью его оставили, чтобы съ боковъ бить всѣхъ, кто покажется на перешейкѣ; и, затѣмъ, когда начнутъ разработывать описанный большой заваль. Генераль Пассекъ тотчасъ послалъ двѣ роты люблинцевъ, подъ командою какого-то кирасирскаго полка, гвардіи поручика Вальховскаго, овладѣть правымъ заваломъ, а другія двѣ роты самъ повелъ на лѣвый. Не смотря на убійственный огонь, люблинцы, съ Вальховскимъ, бросились на заваль. Уже Вальховскій вскочилъ на него первый, но тутъ же былъ убитъ.

Люблинцы понесли огромную потерю; лишившись начальника, дрогнули и въ безпорядкѣ отступили. Тогда и роты, бывшія съ генераломъ Пассекомъ, тоже отступили назадъ. Генераль Пассекъ съ трудомъ возстановилъ порядокъ, вторично повелъ атаку, но самъ слишкомъ далеко увлекся впередъ; — выскочившій изъ-за куста горець убилъ его изъ пистолета въ упоръ. Тогда люблинцы и милиція, не смотря уже на убійственный съ боковъ огонь, бросились на большой заваль, чтобы, кто можетъ, пробраться въ лагерь. Вотъ мы-то ихъ и встрѣтили на площадкѣ, бѣгущихъ толпой. Саперы, полагая, что заваль взять и прикрыть, приступили къ прорубкѣ въ немъ прохода; но, окруженные со всѣхъ сторонъ, мигомъ были всѣ изрублены. Наконецъ, подошедшіе навагинцы взяли завалы и кое-какъ прикрыли дорогу. Въ главномъ завалѣ съ трудомъ былъ продѣланъ узкій проходъ, у котораго столпились вьюки. Огонь непріятельскій не умолкалъ; поминутно падали убитыми люди, лошади; все пространство передъ большимъ заваломъ и площадкою было буквально загромождено тѣлами убитыхъ людей и лошадей, вьюками и разными тяжестями, такъ-что пѣшему невозможно было пробраться. Лошади артилерійскаго взвода, вся прислуга—перевиты, а орудія брошены въ грязи на дорогѣ. Въ этотъ-то моментъ нашъ баталіонъ бросился впередъ. Какъ сказано выше, штабсъ-капитанъ Краузе, съ своими карабинерами, пошелъ первый и былъ тотчасъ раненъ; пуля ударила сбоку въ заднюю пуговицу его сюртука, на талии, и вмѣстѣ съ нею, пройдя внутрь глубоко, остановилась. Краузе, закрывъ рукою рану, чтобы не замѣтили ее карабинеры, добѣжалъ до большаго завала и занялъ отъ него правую цѣпь; правѣ стала 1-я егерская рота, а я, со второю, составилъ лѣвую цѣпь. Этимъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ, впрочемъ, самовольно, прикрылась дорога. Поручикъ Киселевъ отъ проходящихъ узналъ, что нашъ 2-й баталіонъ, составляя арьергардъ, находится въ критическомъ положеніи, отдѣленный отъ общей колонны грудой убитыхъ людей, брошенныхъ вьюковъ, и, къ довершенію всего, поте-

рявъ баталіоннаго командира, остался совсѣмъ безъ патроновъ. Поручикъ Киселевъ, забравъ наши патронные выюки, съ трудомъ началъ пробираться ко 2-му баталіону, который засталъ въ слѣдующемъ положеніи: роты лежали за бревнами, у солдатъ осталось всего по два, по три патрона на критическую минуту. Когда полковникъ Ранжевскій былъ убитъ, старшимъ остался штабсъ-капитанъ Цитовскій. Онъ собралъ на совѣтъ офицеровъ, и всѣ рѣшились—стрѣлять только въ критическую минуту, и ни въ какомъ случаѣ не отступать, пока не прійдетъ выручка; никто и мысли не допускалъ, чтобы ихъ не выручили товарищи. Горцы, догадавшись, что патроновъ у насъ нѣтъ, тоже перестали стрѣлять, и ожидали, когда начнется отступление, чтобы броситься въ пашки, тѣмъ болѣе, что на этомъ мѣстѣ, до этого момента, баталіонъ выдержалъ нѣсколько страшныхъ натисковъ, которые горцамъ обошлись весьма дорого. Наши и горцы были такъ близко, что одинъ изъ находчивыхъ солдатъ бросилъ къ непріятелю камень, попавшій удачно; это возбудило хохотъ, и пошло перебрасываніе большихъ или меньшихъ камней съ обѣихъ сторонъ. Все это сопровождалось поговорками, коверканнымъ языкомъ, то порусски, то почеченски, и хохотомъ,—чистые ребятишки въ деревнѣ, за заборомъ. И это — люди, обреченные на смерть! На прибытіе 3-й роты горцы не обратили особеннаго вниманія, не зная, что это свѣжая часть. Когда-же незамѣтно были розданы патроны, баталіонъ началъ быстро отступать залогами за 3-ю роту, которая осталась сзади. Но лишь только успѣлъ немного отбѣжать баталіонъ за 3-ю роту, какъ горцы бросились на нее, въ огромной массѣ, безъ выстрѣловъ, въ пашки. Поручикъ Киселевъ это предвидѣлъ, и, подпустивъ массу непріятеля на тридцать шаговъ, далъ цѣлою ротою залпъ. Казалось, ни одна пуля не пропала даромъ, потому-что передніе всѣ пали; остальные нѣсколько смѣшались. Рота успѣла повторить залпъ, отъ котораго горцы разбѣжались во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ груды убитыхъ и раненыхъ. Это единственное удачное распоряже-

ніе дало возможность нашему арьергарду отступить чрезъ перешеекъ и спасти кой-какъ вьюки, при чемъ, брошенныя орудія съ трудомъ были вытащены изъ тины,—у одного сломался лафеть, его спустили подъ кручу, а другое притащили въ лагерь на себѣ. Уже совершенно въ сумерки, наши 2 баталіона прибыли послѣдними въ лагерь, отдѣльно отъ прочихъ войскъ; одно время даже считали ихъ совсѣмъ уничтоженными.

Дѣла 10-го и 11-го іюля, названныя „сухарною экспедиціею“, обошлись намъ весьма дорого. Выбыло изъ строя, убитыхъ: генераловъ два—Пассекъ и Викторовъ, тѣла которыхъ, равно и тѣло Фока, брошены въ лѣсу; штабъ-офицеровъ—три; изъ нихъ полковникъ Рацкевскій 10-го былъ раненъ въ ногу, 11-го распорядился баталіономъ на носилкахъ, пока не былъ убитъ; его тѣло солдаты вынесли; остальные тѣла брошены; оберъ-офицеровъ 14, нижнихъ чиновъ 537; раненыхъ: 32 оберъ-офицера и 738 нижнихъ чиновъ. Убитые, за немногимъ исключеніемъ, брошены въ лѣсу; тамъ-же осталась и часть раненыхъ, но наши были всѣ до одного вынесены. Всѣхъ-же выбыло изъ строя: 2 генерала, 49 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1,275 нижнихъ чиновъ; потеряны три горныхъ орудія, большинство лошадей съ вьюками и разнымъ продовольствіемъ.

Вся свита генерала Клюки-фонъ-Клугенау была перебита; онъ же, находясь постоянно въ самомъ жаркомъ огнѣ, спасся чудомъ.

V.

Движеніе отряда отъ Дарго къ Герзель-ауду. Дѣла 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и 19-го іюля. Прибытіе въ Герзель-аудъ и дневка тамъ.

Совершенно спокойное положеніе въ постели и вѣрпкій сонъ, послѣ напряженной дѣятельности наканунѣ, поддержали мои силы;

только сухость во рту и отсутствіе аппетита доказывали болѣзненное состояніе. Боль въ ранѣ, если не трогаться, особенно не беспокоила; вся лѣвая половина, начиная отъ головы, какъ-бы одеревенѣла; за то, малѣйшее движеніе вызывало невыносимую боль.

Цѣлый день не было отдаваемо никакихъ приказаній; дѣлалась провѣрка людей, патроновъ, продовольствія, котораго оказалось мало. Большая потеря товарищей возбуждала естественную грусть, особенно во 2-мъ баталіонѣ потеря любимаго и вполне достойнаго командира, полковника Ранжевскаго, замѣтно печалила всѣхъ; не слышно было пѣсенъ, веселаго хохота; всѣ говорили какъ-бы вполголоса; не мало такому настроенію помогали и сильный холодный дождь, который шелъ все 12-е число. Но объ уныніи или упадкѣ дѣла не было и мысли, по крайней мѣрѣ это видно было по окружающимъ и по словамъ посѣщающихъ насъ товарищей. Утромъ, унтеръ-офицеръ, замѣнившій убитаго фельдфебеля, прійдя съ обычнымъ рапортомъ къ капитану, докладывалъ, что ружья промыты, патроны пополнены, провіантъ розданъ, и люди отдохнули; передалъ подробно, кто изъ солдатъ убитъ, тяжело или легко раненъ, однимъ словомъ—какъ это обыкновенно и ежедневно бываетъ, всѣ подробности, начиная отъ варки пици. Оказалось, что въ нашей ротѣ вчерашняго числа вышло изъ строя пятьдесятъ два нижнихъ чина; не помню, кому была поручена рота для дальнѣйшаго командованія.

Передъ вечеромъ разнесся слухъ, что завтра отрядъ выступаетъ къ укр. Герзель-аулу, расположенному на границѣ кумыкской плоскости, и что во время движенія будемъ постоянно держиваться рѣки Аксая, на которой и расположено это укрѣпленіе. Поздно вечеромъ получило приказаніе — на разсвѣтѣ быть готовымъ къ выступленію, ночью отобрать съ убитыхъ и тяжело раненыхъ ружья, которыя зарыть, палатки порвать на бинты, все лишнее сжечь; однимъ словомъ, освободить возможно больше выученныхъ лошадей для перевозки раненыхъ. Часовъ въ 11-ть вечера,

мой деньщикъ сообщилъ мнѣ, подъ секретомъ, что отрядъ выступаетъ ночью, и что, говорятъ, будто-бы раненыхъ, которые не могутъ ѣхать, оставлять. Конечно, я этому не повѣрилъ, но сѣмя сомнѣнія запало; мнѣ вспомнился Наполеонъ въ Египтѣ; воображеніе постепенно разыгрывалось, и я, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что это возможно. Не мало этому содѣйствовало и горячее состояніе — обыкновенное явленіе у раненыхъ. Къ утру, тревожный сонъ меня еще болѣе разстроилъ; однако, я никого не спрашивалъ, что будетъ съ нами, но всю ночь прислушивался къ малѣйшему шороху.

13-го іюля, очень рано, утромъ, отрядъ тронулся въ слѣдующемъ порядкѣ:

Авангардъ, подъ командою генераль-маіора Бѣлявскаго: 3-й баталіонъ алшеронскій, 1-й люблинскій, 5-й саперный, три роты стрѣлковъ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, осетинская, дигорская, кабардинская и грузинская конныя милиціи. Главныя силы, подъ командою генераль-лейтенанта Кюки-фонъ-Клугенау: 1-й баталіонъ литовскій, 2-й замосцскій и 3-й люблинскій; два полевыхъ и пять горныхъ орудій. Всѣ раненые и тяжести были при этихъ войскахъ. Правая цѣпь, подъ командою полковника Бибикова: два баталіона навагинцевъ, гурійская и тифлисская пѣшія дружины. Лѣвая цѣпь, подъ командою полковника барона Меллера-Закомельскаго: шесть ротъ куринцевъ и горійская пѣшая дружина. Арьергардъ, подъ командою генераль-маіора Лабинцева: два баталіона кабардинцевъ, (собственно говоря, 7 ротъ, потому что одна рота, поочереди, назначалась для несенія своихъ раненыхъ), два горныхъ орудія и всѣ казаки, командуемые полковникомъ Витовскимъ (*).

(*) Иосифъ Петровичъ Витовскій, въ чинѣ генераль-маіора, командуя 2-й бригадою 20-й пѣхотной дивизіи, былъ командующимъ войсками на кумысской плоскости; умеръ въ 1848 году, въ укр. Ташкичу.

Еще было темно. Тѣло полковника Ранжевскаго опустили въ могилу. Говорятъ, солдаты были очень грустны, и многіе не могли скрыть слезъ. Чрезмѣрная строгость, при справедливости, не лишила Ранжевскаго искренней любви солдатъ. Не найти теперь уже такихъ командировъ!

Переправа черезъ Аксай и очень крутой подъемъ много заняли времени; раненые перемѣшались съ вьюками, солдаты съ трудомъ несли носилки по крутой тропинкѣ, то и дѣло спотыкаясь. Каждое мгновеніе можно было ожидать, что вотъ-вотъ полетимъ всѣ внизъ. Боль въ ранѣ—невыносимая; солнце жгло особенно жарко; пришлось переносить страшныя страданія; къ довершенію всего, непріятельскія гранаты, когда мы еще были въ ложбинѣ рѣки, то-и-дѣло ложились по близости насъ. Послѣ подъема на высоту, движеніе, сравнительно, было-бы довольно сносно, если-бы не утомительныя, безпрестанныя остановки. Пройдя ауль Белгатой, съ носилокъ было видно движеніе почти всего отряда. Кругомъ перестрѣлка не особенно сильная; вообще, казалось довольно картинно. Впереди войска подходили къ довольно большому оврагу, переправившись черезъ который, мы поднялись на весьма большую высоту Кетечъ-Кортъ, гдѣ и была выбрана позиція для ночлега. Въ этотъ день горцы больше всего насѣдали на аріергардъ, и вся потеря преимущественно была у кабардинцевъ; она состояла: убитыхъ — оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 5; раненыхъ—штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 62.

14-го числа, съ разсвѣтомъ, войска двинулись въ томъ-же порядкѣ, съ тою лишь разницею, что въ авангардѣ люблинскій баталіонъ замѣненъ литовскимъ. Сначала завязалась незначительная перестрѣлка, которая, постепенно усиливаясь, дошла до ожесточеннаго боя; намъ, раненымъ, не было ничего видно, хотя изрѣдка долетали и къ намъ непріятельскія пули; но постоянныя остановки, усиленная пальба, крики ура! убѣждали, что бой жаркій. Раненые

перемѣшались съ выюками; при остановкахъ, милиціонеры, нисколько не стѣсняясь, переступали чрезъ наши головы, не заботясь о томъ, что можетъ наступить на голову или на рану. Съ этихъ поръ я возненавидѣлъ пѣшую милицію, которая, большею частію толкаясь по обозу, еще болѣе производила безпорядокъ. Послѣ долгой остановки, наконецъ—тронулись. Насъ внесли въ густой лѣсъ; шли мы гуськомъ, въ перемежку съ выюками. Всѣ какъ-то торопились пройти это пространство. Перестрѣлка слышалась только впереди и сзади; по сторонамъ выстрѣлы раздавались только изрѣдка. Впереди несли флигель-адъютанта графа Бенкендорфа, полковника Завальевского и другихъ; я же, какъ прапорщикъ, очутился назадъ. Цѣпей въ лѣсу не было видно; казалось, мы двигались одни, безъ прикрытія. Вдругъ, слѣва ворвалось въ колонну человекъ 20 горцевъ, всѣ отлично одѣтые, оружіе подъ серебромъ, такъ что ихъ сперва приняли за казаковъ. Но обманъ продолжался недолго. Горцы, обнаживъ пашки, бросились рубить раненыхъ; перваго убили полковника Завальевского, нанесли нѣсколько ранъ графу Бенкендорфу; защищавшій его, конной гвардіи штабсъ-ротмистръ баронъ Шенингъ, получилъ нѣсколько ранъ; другимъ раненымъ тоже досталось. Въ куринскомъ полку служилъ переведенный изъ гвардіи капитанъ У., довольно плотный мужчина. Будучи легко раненъ въ ногу, онъ лежалъ на носилкахъ, хотя очень удобно могъ ѣхать верхомъ. Когда произошла суматоха въ колоннѣ, У., не дождавшись, пока опустятъ носилки, вскочилъ на ноги и такого даль стрелача, что и верхомъ не догонишь. У. любилъ похвастать иногда, и, владея хорошо словомъ, рѣзко относился къ дѣйствіямъ другихъ, за что былъ нелюбимъ товарищами; но послѣ этого случая его жало нѣсколько притупилось. Объ этомъ происшествіи на другой день много говорили товарищи, конечно, цитируя смѣшную его сторону. Въ этотъ день для несенія раненыхъ нашего полка назначена была 8-я егерская рота, которою

командовалъ штабсъ-капитанъ Горяиновъ (*). При началѣ суматохи въ обозѣ всѣ закричали ура! но „ура“ отъ страха, жалкое, и бросились въ противоположную сторону. Солдаты, которые несли меня, сказавъ: „ваше благородіе, мы васъ бросимъ“, опустили носилки на землю. Я попросилъ поднять меня на ноги; — казалось, легче было быть изрубленнымъ стоя. Солдаты, быстро исполнивъ мою просьбу, бросились было впередъ, въ горцамъ; но, когда передній, не успѣвъ еще выстрѣлить, попалъ подъ пашки, остальные тотчасъ регировались. Это происходило не болѣе, какъ въ пяти шагахъ отъ меня; я стоялъ, облокотившись о вычную лошадь; выюки столпились такъ, что не было возможности пробраться на правую сторону; изъ числа раненыхъ оставался въ живыхъ одинъ я. Два горца дорубали уже лежащаго солдата, одного изъ моихъ носильщиковъ, о которомъ говорилъ выше; уже я видѣлъ, что меня замѣтили,—положеніе безвыходное; я живо сохранилъ все въ памяти, и до сихъ поръ помню даже лица. Замѣтившій меня горецъ былъ въ темно-желтаго цвѣта черкескѣ, большаго роста, съ крашеною бородою, въ оружіи подѣ серебромъ, папахъ за поясомъ, бритая голова, звѣрское лицо. Помню хорошо, что безвыходное положеніе и физическое ослабленіе дали мнѣ полное самообладаніе: я перекрестился, мысленно сотворилъ молитву, попрощался съ близкими сердцу; мгновенно въ мысляхъ пробѣжало все лучшее, прошедшее, сладкія мечты и т. д. Еще мгновеніе—и конецъ... Уже крашеная борода сдѣлала шагъ впередъ, и, какъ-бы забавляясь, еще разъ черкнула пашкою по лицу изрубленнаго солдата, павшаго подѣ пашечными ударами... Въ этотъ моментъ, изъ-за густаго кустарника, въ лѣсу, влѣво отъ меня, гаркнули ура! да такое ура, отъ котораго дрогнетъ самый сильный врагъ. Курицы, находясь въ лѣвой цѣпи, услышали сквозь чашу, что въ обозѣ

(*) Въ пятидесятихъ годахъ вышелъ въ отставку подполковникомъ.

неладно: выстрѣловъ вовсе не было, горцы работали шашками. Муромскаго полка капитанъ Перепелицынъ (*), прикомандированный къ куринскому полю для участвованія въ экспедиціи, подхвативъ бывшій съ нимъ въ резервъ взводъ, бросился на шумъ въ колонну. Въ описанный мною моментъ, они гаркнули ура! и тутъ-же подняли на штыки незваныхъ гостей. Перепелицынъ—13-ти вершковъ роста, положительно великанъ; я еще былъ мальчуганомъ, живя у моего дяди, офицера нижегородскаго полка, одной бригады съ муромцами; помню его, когда онъ прибылъ изъ Дворянскаго полка юнкеромъ; огромнаго роста, въ кадетской курткѣ, онъ очень былъ красивъ. И вотъ, гдѣ намъ пришлось встрѣтиться... При огромномъ ростѣ Перепелицына, куринцы, маленькіе егеря, казались около него дѣтьми; но эти дѣти были чудо-богатыри; поистинѣ, можно было сказать: „егерь малъ, но удалъ“. Какъ жаль, что въ арміи теперь уничтожено названіе егерей! Съ этимъ именемъ связано много воспоминаній нашей славной арміи. И такъ, товарищи-куринцы, вамъ я обязанъ спасеніемъ жизни! Подобныя минуты не забываются до гробовой доски... Когда опасность миновала—возбужденіе прошло, упадокъ силъ сталъ сильнѣе; и не помню, съ помощію кого я перешелъ на правую сторону обоза. Силы оставили меня, и когда я пришелъ въ себя, то сидѣлъ уже подъ деревомъ, въ полномъ изнеможеніи; только бѣлая фуражка съ кокардой свидѣтельствовала, что я офицеръ. Все же, что находилось со мною на носилкахъ, какъ-то: шуба, подушки и т. д., осталось на мѣстѣ, куда горцы бросились, и я лишился самаго необходимаго для покоя раненаго. Передо мной, около куста, стояла какая-то лошадь; видно, на ней ѣхалъ какой-нибудь раненный солдатъ, и въ общей

(*) Перепелицынъ въ отставкѣ, не знаю, въ какомъ чинѣ; живетъ въ Петербургѣ, гдѣ у него три сына служатъ въ лейбъ-егеряхъ, и одинъ въ артилеріи; остальные три еще воспитываются.

суматохѣ, можетъ быть, бѣднѣй свалился. Обозъ уже двигался. Я рассчитывалъ, что когда подойдетъ арьергардъ, меня подберутъ свои; но тутъ проходятъ мимо какой-то деньщикъ и артилерійскій солдатъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „давай, братъ, посадимъ этого офицера на лошадь, а то, пожалуй, такъ и пропадетъ“. Тутъ-же подошелъ горнистъ 2-й роты, въ которой я числился, и одинъ изъ солдатъ, меня несшихъ; они, вчетверомъ, буквально навалили меня на лошадь; солдатъ ее повелъ, а горнистъ поддерживалъ меня сбоку. Дождь шелъ довольно сильный, я страшно озябъ; шаговъ 20 кое-какъ сидѣлъ, но дальше началъ валиться. Тогда меня сняли съ лошади и перекинули поперекъ сѣдла; я не въ силахъ былъ противорѣчить и тотчасъ впалъ въ безпамятство. Когда пришелъ въ себя — мнѣ было такъ хорошо, я испытывалъ такое пріятное чувство, что трудно описать. Когда открылъ глаза — у моего изголовья сидѣли молодой офицеръ и юнкеръ; они тотчасъ освѣдомились, какъ я себя чувствую, и спросили, не хочу-ли немного вина. Я согласился, и глотокъ вина меня очень подкрѣпилъ. Тутъ я узналъ, что они навагинцы, и стоятъ въ резервѣ своей правой цѣпи. Когда меня привезли, то офицеръ спросилъ: „что, убитъ?“ — „Никакъ нѣтъ; должно быть, еще живеть“, отвѣчали мои вожатые. Тотчасъ меня сняли съ лошади, положили на солдатскую шинель, голову выше, другую укрыли, и я согрѣлся и пришелъ въ себя. Я не знаю, кто вы, мои благодѣтели! Но, если вамъ попадутся эти строки, и вы вспомните этотъ случай, то вѣрьте, что я научу своихъ дѣтей благословлять васъ! Подобное вниманіе къ незнакомому человѣку — есть лучшее доказательство той сердечной теплоты, которая не всякому дана.

Поданъ сигналъ — правой цѣпи движеніе, и я разстался съ своими благодѣтелями. Опять меня усадили на лошадь. Сперва я ѣхалъ довольно бодро. Дождь пошелъ сильнѣе; это отчасти уравновѣшивало жаръ отъ горячки; повязки давно всѣ слѣзли, и я весь былъ облитъ кровью. Дѣло шло къ вечеру. Предстояло взбираться

на огромную высоту; лошадь скользить; силы начали оставлять меня, и я уже сам просил, чтобы меня перекинули через лошадь поперег—что и было исполнено. Когда взобрались на гору, было уже совсѣмъ темно; мои вожакі спустили меня на землю въ большую впадину, гдѣ лежали всѣ раненные нашего полка, и догадались положить головой выше. Надо полагать, что было уже довольно поздно, когда я пришелъ въ себя. Дождь шелъ проливной; сверху—вода съ грязью стекала во впадину, въ которой мы лежали; я не только весь былъ мокрый, но и въ грязи; холодъ чувствовался страшный; кто-то изъ проходящихъ солдатъ, по моей просьбѣ, меня поднял, и я, крича изъ всей силы, звалъ моего Максима, — но тщетно: слабый голосъ, ливень и говоръ дѣлали совершенно неслышными мои звуки. Дѣлать нечего, съ помощію тоже какого-то проходящаго, я легъ на землю, и, свернувшись отъ усталости, крѣпко уснулъ.

14-е іюля намъ обошлось очень дорого. Убиты: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 65; ранены: штабъ-офицеровъ 3; полковникъ Альбрантъ, съ 11 апшеронцами, бросился на заваль и былъ раненъ въ руку, которую на другой день ему отняли, и во время операціи онъ курилъ трубку. Командиръ навагинскаго полка, полковникъ Бибииковъ, и командующій апшеронскимъ баталіономъ, подполковникъ графъ Стембокъ, ранены въ ногу; чрезъ нѣсколько дней Стембоку отняли ногу; оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 158; безъ вѣсти пропало 7 нижнихъ чиновъ.

Войска сдѣлали переходъ всего 12 верстъ. Сильный бой и ливень страшно ихъ изнурили, именно потому, остановились почевать. Наши кабардинцы только утромъ присоединились; полевая артилерія не могла подняться на послѣднюю высоту.

Когда утромъ я проснулся, деньщикъ мой, съ выюкомъ, былъ уже тутъ; оказалось, что онъ всю ночь, не развьючивая лошади, простоялъ отъ меня всего въ пятнадцати шагахъ. Вещи хотя у меня были, но переодѣваться было некогда; главная бѣда—нечѣмъ

было укрыться. Къ этому прибавился страхъ, что опять носилоеъ пѣтъ. Весь мокрый, съ открытою раною, я не зналъ, какъ помочь горю. Шагахъ въ пяти отъ меня, лежалъ на носилкахъ раненый фельдфебель 2-й кабардинской роты, покрытый моею буркою и на моей подушкѣ. Оказалось, что сзади меня несли фельдфебеля, и солдаты подобрали мои вещи, брошенные въ лѣсу съ носилками. Мы были оба въ одномъ положеніи, и мой Максимъ заявилъ, что вещи слѣдуетъ возвратить, и мнѣ ихъ отдали тотчасъ. Лекаръ Верминскій, осматривая съ разсвѣта раненыхъ, отыскалъ меня и сдѣлалъ перевязку; затѣмъ, по моей просьбѣ, отправился розыскивать для меня носилки. Жажда и голодъ страшно меня начали беспокоить, костровъ не раскладывали—все мокрое; да и, кажется, варить-то нечего было. Вдругъ, подходитъ ко мнѣ корнетъ князь Яшвилъ, и съ полнымъ участіемъ, освѣдомившись о моемъ здоровьи, куда-то скрылся на минутку, а затѣмъ, принесъ мнѣ стаканъ чаю и крецдель; потомъ, бросился розыскивать носилки. Благодаря ему, я черезъ четвергъ часа не только лежалъ на носилкахъ, но и были назначены рабочіе для послѣднихъ. Князь Яшвилъ, кажется, обломокъ золотой орды, гвардейскій лейбъ-гусарь; за дуэль былъ разжалованъ, потомъ произведенъ въ корнеты по кавалеріи и состоялъ въ распоряженіи полковника Козловскаго. Я лично съ княземъ не былъ знакомъ, но видѣлъ и самъ испытывалъ благотворныя послѣдствія его неутомимыхъ заботъ о раненыхъ. Когда ему былъ возвращенъ прежній чинъ ротмистра, всѣ искренно этому радовались, и уже гораздо позже, назначеніе его командиромъ лейбъ-гусарскаго полка было принято всѣми нами очень сочувственно. Князь Яшвилъ вообще, по простодушному обращенію со всѣми, готовности во всякую минуту быть каждому полезнымъ, снискалъ себѣ общую любовь.

Около 10 часовъ, отрядъ тронулся дальше, и, въ виду сильнаго утомленія войскъ, переходъ былъ всего верстъ пять. Войска двигались безъ особенной задержки, хотя съ незначительною перестрѣлкою; видно, горцы тоже были утомлены. Передъ вечеромъ,

отрядъ расположился на довольно живописной мѣстности, у аула Аллерой.

Вечеромъ пошелъ теплый дождикъ; капитанъ и я лежали рядомъ. Деньщикъ покрылъ меня буркою, которую я надъ лицомъ поддерживалъ здоровою рукою, чтобы свободнѣе дышать. Мимо насъ сновали впередъ и назадъ проходящіе. Вдругъ, изъ числа ихъ, подходитъ какой-то офицеръ, кавалеристъ, сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и пуговицы съ орлами; до этого, я никогда не видѣлъ его. Спросивъ у деньщика топоръ, приказалъ вырубить колья, затѣмъ, вбилъ ихъ по угламъ носилокъ и по серединѣ и, соединивъ тонкими перекладинами, покрылъ сверху буркою, такъ что мнѣ стало совсѣмъ удобно. Я на все это смотрѣлъ молча, ломая голову, кто это, и какого полка? Когда же, по окончаніи работы, я благодарилъ моего незнакомца и спросилъ, кому обязанъ такимъ любезнымъ вниманіемъ, онъ отвѣчалъ: „конно-гренадерскаго полка поручику барону Вранкинъ“. Больше я его и не видѣлъ.

Потеря 15-го числа состояла изъ убитыхъ: нижнихъ чиновъ 15; раненыхъ: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 44; безъ вѣсти пропавшаго—одного нижняго чина.

16-го іюля, густой туманъ и дождикъ задержали движеніе, пока нѣсколько не разъяснилась погода. Въ 8-мъ часовъ отрядъ двинулся въ томъ же порядкѣ, но, съ первымъ шагомъ началась перестрѣлка, не умолкавшая до тѣхъ поръ, пока къ вечеру не расположились бивакомъ у аула Шаухаль-Берды. Усиленная перестрѣлка слышалась особенно въ лѣвой цѣпи и арьергардѣ; но съ носилокъ не было ничего видно, да и отъ упадка силъ явилась какая-то апатія ко всему. Не разъ приходила въ голову мысль: хорошо, если бы сразу покончить, чѣмъ переносить тяжелыя страданія. Лишь только стали на бивакъ, подходитъ ко мнѣ мой деньщикъ (его лицо отъ слезъ сморщилось) съ словами: „Василій Александровичъ, что мы будемъ дѣлать! Все наше имѣніе пропало!“ Я сначала не понималъ, въ чемъ дѣло; но онъ пояснилъ, что, не доходя мостива, че-

ченецъ у него изъ рукъ отобралъ лошадь и его чуть не изрубилъ, но онъ спасся бѣгствомъ. „Слава Богу, что ты остался живъ“, былъ мой отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе, оказалось, что положеніе мое было очень непривлекательное: ни гроша денегъ, ни вещей, да двобавокъ — еле-живой.

Этотъ день намъ обошелся дорого. Убито: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 107; ранено: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 306; безъ вѣсти пропало нижнихъ чиновъ 15.

Около Шаухаль-Берды, большая поляна, на которой мы расположились, окаймлялась съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а четвертая примыкала къ Аксаю, правый возвышенный берегъ котораго представлялъ высокую крутизну, частію обрывистую, частію покрытую лѣсомъ. Кругомъ поляны, по опушкѣ лѣса, были раскинуты наши цѣпи. Скопище же Шамиля было расположено главнымъ образомъ на крутизнѣ за Аксаемъ, и кругомъ весь лѣсъ былъ занятъ неприятелемъ.

Съ восходомъ солнца, 17-го числа, неприятель изъ-за Аксаля открылъ по насъ безнаказанный огонь изъ трехъ орудій, на который мы не могли отвѣчать, по малому количеству зарядовъ. Кругомъ, изъ лѣса, ружейный огонь не умолкалъ; то-и-дѣло, съ одной стороны падали артилерійскіе снаряды, съ другой — щелкали пули; къ довершенію — страшная жара; притомъ, положительно ѣсть нечего. И такъ цѣлые два дня томиться — пытка невыносимая. Если въ такомъ положеніи былъ офицеръ, то что-же испытывали бѣдные раненные солдаты? Часовъ въ 11-ть, главнокомандующій верхомъ объѣхалъ всѣ войска; тутъ его положительно осыпали пулями; но онъ совершенно спокойно, привѣтливо, здоровался съ солдатами; мнѣ это хорошо было видно съ моихъ носилокъ. Солдатъ очень ободрило спокойствіе князя Воронцова; они были положительно въ восторгѣ, вполне понявъ цѣль его объѣзда. Меня въ этотъ день

навѣстили генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ баронъ Сталь (*) и нашель, что моя позиція очень невыгодна; но мы пришли къ тому заключенію, что вездѣ скверно, все равно — вездѣ бьютъ. У насъ былъ полковой маркитантъ Фавишовичъ; всѣ вьюки его были отбиты, и только осталось немного чаю и сахару; однако, онъ сохранилъ всѣ офицерскія росписки. Должно быть, онъ готовился тоже къ смерти: обходилъ раненыхъ и поилъ чаемъ, сдѣлался добродушнымъ; пожалуй, при нѣкоторой назойливости, да если бы еще по близости лопнула непріятельская граната, Фавишовичъ съ готовностью разстался бы и съ росписками. Впрочемъ, надо правду сказать, что нашъ маркитантъ былъ старый полковой, и не безъ хорошихъ качествъ, хотя и не забывалъ себя.

Съ утра еще прошла вѣсть по биваку, что ночью посланы къ генералу Фрейтагу, въ Герзель-ауль, охотники съ записками одного содержанія. Охотники были—два егеря нашего полка, два казака и два милиціонера; они должны были пробраться врозь, сквозь непріятельскую позицію. По прибытіи отряда въ Герзель-ауль, мы узнали, что первыми пришли егеря, а послѣдними—милиціонеры.

18-го числа, съ восходомъ солнца, опять непріятель открылъ огонь со всѣхъ сторонъ; свистъ пуль и артилерійскихъ снарядовъ казался еще непріятнѣе. Передъ закатомъ солнца, вдали, къ сторонѣ аула, показались на высотѣ войска. Это былъ генералъ Фрейтагъ. Въ отрядѣ все встрепенулось; взоры всѣхъ были обращены къ сторонѣ Фрейтага. Мнѣ, конечно, ничего не было видно, но много глазъ смотрѣло, и впечатлѣнія высказывались въ слухъ.

Потеря 17-го и 18-го чиселъ выразилась—убитыми: 12 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 оберъ-офицеръ, 24 нижнихъ чина.

19-го числа, всѣ поднялись очень рано; но, помнится, мы долго стояли на мѣстѣ. Съ восходомъ солнца, на дальней высотѣ

(*) Вслѣдствіи командовалъ волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, по производствѣ въ генералъ-маіоры, вышелъ въ отставку.

показались войска генерала Фрейтага; затѣмъ, была открыта канонада по непріятельскимъ массамъ, расположеннымъ на высотѣ за Аксаемъ, гдѣ, послѣ первыхъ выстрѣловъ, сдѣлалась большая суета. Около 10-ти часовъ, отрядъ двинулся. Первыми шли раненые, которые могли сами двигаться; затѣмъ, понесли и носилки. У входа въ узкій проходъ одного перелѣска столпилось много носилокъ, и тутъ я замѣтилъ, что рядомъ со мною, вмѣсто носилокъ, держали на древкахъ желѣзную кровать, которая кругомъ, въ родѣ ящика, была обита досками; на кровати лежалъ раненый 14-го числа, командиръ навагинскаго полка, полковникъ Бибиковъ. Я съ нимъ совершенно не былъ знакомъ, но онъ обратился ко мнѣ съ словами: „господинъ офицеръ, напрасно вы не обставили носилки досками, какъ у меня, а то, пожалуй, могутъ подстрѣлить“. Пройдя небольшой перелѣсокъ, насъ остановили на небольшой полянкѣ; по обыкновенію, носилки опустили на землю. Случилось такъ, что со мною лежали рядомъ: полковникъ Бибиковъ и лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Козляниновъ, большой мой пріятель. Козляниновъ съ Бибиковымъ перекидывались словами по-французски, со мною-же—порусски. Было очень жарко; выстрѣлы слышались гдѣ-то вдали. Вдругъ, съ небольшого пригорка, лѣвѣе дороги, осыпали насъ пулями. Все вскочило. Открыли и съ нашей стороны ружейный огонь; крикъ, суматоха — общіе. Но это продолжалось недолго; горцы скрылись, и на ихъ мѣстѣ показалась наша цѣпь. Этими выстрѣлами убить нановаль полковникъ Бибиковъ; поручикъ Козляниновъ раненъ въ носъ; я же отдѣлался счастливо: убить одинъ изъ моихъ носильщиковъ и прострѣлено древно носилокъ. Не было-ли предчувствіе со стороны Бибикова? Чему же приписать обшивку носилокъ досками, когда Бибиковъ, какъ говорили, не имѣлъ привычки избѣгать пуль? Смерть его огорчила многихъ; память о немъ сохранилась между офицерами навагинскаго полка до сихъ поръ.

Мы двинулись дальше. Перестрѣлка довольно сильная слы-

палась только сзади. Пройдя небольшой оврагъ, мои носильщики положили меня подъ кустомъ, немного въ сторонѣ отъ дороги, чтобы самимъ отдохнуть. Въ это время 4-я и 5-я карабинерныя роты кабардинскаго полка, изъ отряда генерала Фрейтага, быстро пробѣжали мимо насъ; онѣ были посланы въ арьергардъ. 4-ю карабинерною ротою командовалъ штабсъ-капитанъ Кириленко, 5-ю—поручикъ Берзенадзе; субалтернъ-офицеры были: прапорщики Бѣликъ и Аслановъ (*). Эти послѣдніе два—мои товарищи по таганрогскому университету. Прапорщикъ Аслановъ, замѣтивъ меня лежащимъ подъ кустомъ, живо соскочилъ съ лошади и съ полнымъ участіемъ освѣдомился о моемъ здоровьи; я у него тотчасъ попросилъ хлѣба и получилъ. Не могу пройти молчаніемъ о впечатлѣніи, какое на меня сдѣлали карабинеры: что это были за молодцы, чудо-богатыри! Всѣ мы, черные, исхудалые, голодные, а они—въ бѣлыхъ рубахахъ, синихъ шароварахъ, чисто одѣтые, красавцы, шли съ такимъ одушевленіемъ, что, повидимому, горе тому, кто имъ не уступить! И дѣйствительно, чуть дошли до арьергарда—штыками вынесли все, что было впереди, и начали медленно отступать, отстаивая твердо каждый шагъ. Но уже до прибытія карабинеръ, наша 1-я карабинерная рота, бывшая въ арьергардѣ, сильно пострадала. Дѣло, какъ тогда рассказывали, происходило такъ: 1-я и 2-я карабинерныя роты отступали въ арьергардѣ, такъ называемымъ *перекатнымъ отступленіемъ*, 1-я лѣвѣе 2-й; послѣдней надо было подняться на горку, а потомъ, на ея мѣсто перейти 1-й, потому что на пути ея отступленія была тина и густой кустарникъ, заросшій дикимъ виноградомъ,

(*) Кириленко убитъ подъ Гергебилемъ въ 1848 году, въ чинѣ майора, командуя 4-мъ баталіономъ; Берзенадзе—подполковникомъ въ отставкѣ, живеть въ г. Грозномъ; Бѣликъ—полковникъ, при кавказской арміи; Аслановъ въ отставкѣ, кажется, еще съ конца сороковыхъ годовъ.

сквозь которой не было возможности пробраться. Отъ генерала Лабинцева посланъ былъ съ приказаніемъ подпоручикъ Кудрявцевъ (*), чтобы предупредить роты о порядкѣ отступленія; въ это время былъ ожесточенный огонь со стороны непріятели, почему, надо полагать, Кудрявцевъ ограничился тѣмъ, что съ горки помахалъ платкомъ. По этому сигналу, 1-я карабинерная рота, видя, что уже 2-я отступила, тоже начала отступать прямо, какъ была расположена, и лишь только вошли въ чащу карабинеры, горцы гикнули и окружили роту, требуя сдачи. Командующій ротой, штабсъ-капитанъ Тимаховичъ, видя безвыходное положеніе, обратился къ ротѣ: „что, братцы, дѣлать“? — „Ваше благородіе, ляжемъ всѣ, а не дадимъ поживы этимъ оборванцамъ“ — былъ отвѣтъ солдатъ. И дѣйствительно, карабинеры легли почти всѣ, но не даромъ: въ рукопашной схваткѣ досталось порядкомъ горцамъ. Бой продолжался недолго, но былъ жестокой бой и шелъ на смерть. Штабсъ-капитанъ Тимаховичъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ, и потомъ уже мы слышали отъ лазутчиковъ, что съ него живаго сняли кожу. Юнкеръ Жеребцовъ, молодой юноша, во все время отступленія шелъ въ обозъ, но въ этотъ день, видя войска генерала Фрейтага, полагалъ, что уже не будетъ дѣла, пошелъ съ ротой и былъ убитъ. Изъ всей роты спаслось, кажется, три человека, пробравшихся кое-какъ сквозь чащу; они и рассказали подробности дѣла. Богъ наказалъ подпоручика Кудрявцева, который, послѣднимъ выстрѣломъ, былъ тяжело раненъ въ руку.

Къ вечеру пошелъ проливной дождь, и мы едва дотащились до мѣста ночлега у аула Мискитъ; полевая-же артилерія, съ арьергардомъ, едва притащилась къ разсвѣту.

19-е іюля намъ обошлось не дешево. Убиты: штабъ-офицеръ

(*) Послѣ экспедиціи вышелъ въ отставку.

1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 78; ранены: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 139; безъ вѣсти пропало 17 нижнихъ чиновъ.

Съ генераломъ Фрейтагомъ пришли слѣдующія войска: 2-й баталіонъ модлинскаго полка, 2-го баталіона пражскаго полка 1 рота, 2-го баталіона люблинскаго полка 2 роты, 1-й баталіонъ замосцскаго полка, 2-го баталіона навагинскаго полка 3 роты, 4-й баталіонъ кабардинскаго полка, 5-го баталіона того-же полка 2 роты, 4-й и 5-й баталіоны куринскаго полка, кавказскій линейный № 15 баталіонъ, всего 7½ баталіоновъ; легкой № 3 батареи, 14 артилерійской бригады, 1 орудіе, батарейной № 2 батареи, 20-й артилерійской бригады, 3 орудія, донской казачьей конной № 1-го батареи 2 орудія, линейной казачьей № 14 конной батареи 4 орудія, подвижной гарнизонной артилеріи 3 орудія, всего 13 орудій; донскаго казачьяго № 20 полка 1 сотня и № 52 полка 2 сотни, всего 3 сотни кавалеріи.

Изъ вышеозначеннаго видно, что генераль Фрейтагъ взялъ съ собою все, что могъ, уменьшивъ вездѣ гарнизоны, и оставилъ край почти безъ подвижныхъ резервовъ и лишь только почти со всею кавалеріею.

Войска генерала Фрейтага, 19-го числа, имѣли потерю: убито 14 нижнихъ чиновъ; ранены: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 27; безъ вѣсти пропало 2 нижнихъ чина.

20-го іюля, отрядъ снялся съ ночлега довольно поздно. Войска генерала Фрейтага занимали боевыя цѣпи и арьергардъ; наши-же, утомленные, составляли авангардъ и главныя силы. Послѣ того безпорядка, въ какомъ несли раненыхъ въ предыдущіе дни, намъ казался страннымъ строй, въ которомъ мы тронулись. Въ головѣ колонны—два баталіона съ артилеріею, потомъ—носилки съ ранеными офицерами и баталіонъ, носилки съ ранеными солдатами и баталіонъ, раненые верхомъ и баталіонъ, обозъ и т. д. Къ каждому роду раненыхъ — особый офицеръ для наблюденія за порядкомъ и

докторъ; однимъ словомъ, все приняло видъ строгаго порядка и заботливости о раненыхъ. Къ сожалѣнію, это не могло вознаградить насъ за перенесенныя страданія.

Отрядъ тронулся въ 10 часовъ; дорога ровная; выстрѣловъ не слышно; но невыносимая жара страшно насъ томила. Около четырехъ часовъ пополудни послышались издали, впереди насъ, громкіе пушечные выстрѣлы. Это былъ салютъ главнокомандующему съ батареи укрѣпленія Герзель-аула, которое уже виднѣлось. Многие изъ насъ перекрестились. Слава Богу, конецъ мученіямъ! Всѣ приободрились, но только на время; недостатокъ пищи и труды до того изнурили силы солдатъ, что они едва тащились; то-и-дѣло спускали на землю носилки для отдыха. Люди постоянно спотыкались, части растянулись. Тутъ невольно пришла въ голову басня дѣдушки Крылова „Лисица и виноградъ“. Видя Герзель-ауль, мы никакъ не могли до него дотащиться. Наконецъ, уже совсѣмъ стемнѣло, когда меня принесли къ ротѣ, расположенной внизу, на берегу р. Аксая. Но тутъ сказали намъ, что раненыхъ офицеровъ велѣно нести въ крѣпость. Надо было обратно взбираться на большую гору, гдѣ расположено укрѣпленіе. Тутъ носильщики наотрѣзъ отказались нести, говоря, что не въ силахъ. Дѣйствительно, они, бѣдные, устали донельзя. Унтеръ-офицеръ 2-й роты, въ которой я числился, назначилъ рабочихъ, и меня потащили на гору. У воротъ крѣпости народъ сноваль взадъ и впередъ, нельзя было пробраться сквозь толпу, по мостику, чрезъ ровъ. Вдругъ, какой-то офицеръ, замѣтивъ носилки, давай крестить нагайкою по головамъ всѣхъ, бормоча что-то на неопредѣленномъ языкѣ. Живо очистили дорогу, и меня свободно пронесли въ ворота крѣпости. Оказалось потомъ, что это былъ состоящій по кавалеріи и при главномъ штабѣ поручикъ Іедлинскій (*). Ему было поручено—всѣхъ ране-

(*) Состоялъ въ распоряженіи генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ чинѣ генераль-маіора.

ныхъ офицеровъ направлять въ крѣпость. Едлинскій, кажется, говорилъ на 8-ми языкахъ; въ послѣдствіи, мы часто встрѣчались въ походахъ и всегда были хорошими пріятелями. Адальбертъ Артуровичъ былъ бравый кавалеристъ; въ бесѣдѣ, за стаканомъ, былъ незамѣнимъ: бездна юмора всегда оживляла все общество. Наконецъ, меня принесли въ казарму, опустивъ носилки и, поднявъ на ноги, ввели въ большую освѣщенную половину. Я остановился въ дверяхъ, и мнѣ представилось слѣдующее: во всю длину казармы, съ обѣихъ сторонъ, почти вплотную, были поставлены лазаретныя кровати, всѣ заняты ранеными офицерами; у дверей, направо, на нѣсколькихъ кроватяхъ, сподрядъ лежали и сидѣли гвардейскіе офицеры—надо полагать, большею частію легко раненые, потому-что очень бойко и громко говорили, нисколько не стѣняясь, что тутъ были страдалцы, которымъ необходимъ покой; рѣчь сыпалась по-французски, съ русскими вставками, смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Дальше, за гвардейцами, были слышны только тихіе стоны, потому-что изъ армейскихъ были тутъ одни тяжело раненые; остальные расположились при своихъ частяхъ. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что уже всѣ мѣста заняты; но мой денщикъ отыскалъ единственную свободную кровать, отъ противоположнаго конца влѣво—четвертую. Меня положили на кровать; все мое имущество, бурка и подушка—со мною, а денщикъ усѣлся на полу у моихъ ногъ. Устроившись, я началъ осматриваться. Слѣва мой сосѣдъ, апте-ронецъ, прапорщикъ, раненый въ ногу, былъ совершенно спокоенъ; справа—куринецъ, штабсъ-капитанъ Костырко, раненый въ грудь; онъ тяжело дышалъ и мутными глазами обводилъ во всѣ стороны; наискось, въ углу, лежалъ подполковникъ графъ Стембокъ, тяжело раненый въ ногу, и рядомъ съ нимъ — капитанъ люблинскаго полка, довольно полный мужчина, раненый въ грудь; онъ очень страдалъ, ему все мало было воздуха. Прочіе — кто тяжело дышитъ, кто стонетъ, кто молча терпитъ; одни французы за полночь не давали никому покоя. Спустя часъ послѣ того, какъ меня

принесли, лазаретный служитель принесъ въ фартухѣ порціи хлѣба и началъ раздавать. Я спросилъ: „не дадите-ли намъ супъ“! „И супъ дамъ“, отвѣтилъ онъ съ полною флегмою. Дѣйствительно, не много спустя, тотъ-же служитель принесъ намъ и супъ. Я добросовѣстно раздѣлилъ свою порцію съ моимъ Максимомъ; онъ былъ здоровъ, и воображалъ, какъ ему хотѣлось ѣсть, если я, еле-живой, страшно мучился отъ голода. Поужинавъ, я улегся такъ, чтобы ногою можно было разбудить деньщика, который расположился подъ кроватью, потому-что я самъ ни подыматься, ни повернуться безъ посторонней помощи не могъ.

На другой день, т. е. 21-го іюля, я проснулся рано. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза—это мой сосѣдъ справа, Костырко; онъ умеръ, и никто не закрылъ ему глаза. Его смерть произвела на меня тяжелое впечатлѣніе; мнѣ пришло въ голову: вѣдь и мой конецъ, можетъ быть, близокъ, и подумаешь, изъ-за-чего человѣкъ бьется. Спустя нѣкоторое время, смерть Костырки была замѣчена служителемъ, и его вынесли. Графа Стембока, для операціи, перенесли въ другое помѣщеніе, и я приказалъ череложить себя на его мѣсто; но мой новый сосѣдъ, люблинскій капитанъ, къ вечеру тоже умеръ; это я встрѣтилъ уже спокойнѣе.

Я уже выше сказалъ, что все мое имущество было отбито,— ни денегъ, ни бѣлья у меня не было; деньщикъ снялъ съ меня рубаху, чтобы вымыть, я же остался въ видѣ Адама, покрытый буркою. Жажда мучила страшно; за стаканъ чаю готовъ былъ-бы отдать полжизни; но и за эту цѣну трудно достать, а просить незнакомыхъ—лучше томиться. Въ такомъ видѣ, часовъ около девяти, перевязалъ мнѣ рану докторъ Верминскій, въ присутствіи Эрасга Степановича Андреевскаго, доктора, состоявшаго лично при главнокомандующемъ, по приказанію котораго онъ осматривалъ всѣхъ раненыхъ. Тутъ-же полковникъ Дружининъ, комендантъ главной квартиры, громко объявилъ намъ, что главнокомандующій разрѣшаетъ намъ ѣхать лечиться куда угодно, лишь-бы въ районѣ арміи;

что его сіятельство приказать изволят: прямо обращаться къ нему, если кто имѣетъ какую нужду; что намъ будетъ вообще оказано денежное пособіе, и добавилъ, между прочимъ, что намъ къ обѣду готовится супъ и жаркое. Невольно всѣ улыбнулись на послѣднее добавленіе, и оно, пожалуй, больше всего обрадовало голодную публику. Вслѣдъ затѣмъ, меня посѣтилъ баронъ Сталг, о которомъ я уже говорилъ; у него всего капитала было въ кошелькѣ 6 рублей, и онъ со мною подѣлился пополамъ, такъ-что мы съ Максимомъ вечеромъ уже пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Около десяти часовъ, къ намъ пришелъ начальникъ главнаго штаба, генераль-лейтенантъ Гурко, обошелъ раненыхъ и, подойдя ко мнѣ, не знаю уже почему, обратился съ вопросомъ: „можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно“? Надо полагать, что моя молодость обратила его вниманіе. Я открылъ бурку и сказала: „прошу приказать мнѣ дать солдатскую лазаретную рубаху; я, видите, лежу голый“. — „Потерпите, завтра главнокомандующій дастъ вамъ по 20 червонцевъ“. У меня кровь бросилась въ голову, и дальше не помню, что со мною было, — такъ меня оскорбилъ отвѣтъ этого генерала, который, между прочимъ, какъ сегодня вижу, былъ одѣтъ, какъ денди съ невискаго: бѣлые брюки, такой-же жилетъ, сюртукъ генеральнаго штаба безъ эпoletъ, съ тросточкой, которую, надо полагать, возилъ съ собою во вьюкѣ, потому что въ Герзель-аулѣ едва-ли можно было такую приобрести. И костюмъ, и манера далеко не шли къ генералу, занимающему такой высокій постъ.

Лишь только ушелъ генераль Гурко, все засуетилось, и въ палату вошелъ главнокомандующій, въ сопровожденіи доктора Андреевскаго, полковника Дружинина и адъютанта. Сдѣлавъ общій поклонъ наклоненіемъ головы, спросилъ громко полковника Дружинина: передалъ-ли онъ намъ его предложеніе? Дружининъ живо отвѣтилъ: „какъ-же, ваше сіятельство, я передалъ обо всемъ, что вы жертвуете“. Князь Воронцовъ вдругъ вытянулся, поблѣднѣлъ; какъ-то борода у него затряслась и, возвысивъ голосъ, сказала:

„какъ вы смѣли сказать, что я жертвую? какое я имѣю право жертвовать офицерамъ? это жалуетъ Государь!“ Затѣмъ, повернувшись спиною къ Дружинину, совершенно спокойно, съ добродушною улыбкою, началъ освѣдомляться о здоровьи каждаго, при чемъ Андреевскій пофранцузски объяснялъ состояніе здоровья тяжело раненныхъ. Очередь дошла до меня. Надо сказать, что у меня нагноеніе раны до того было сильное, что еще издали былъ слышенъ тяжелый запахъ, противный мнѣ самому; но князь Воронцовъ подошелъ ко мнѣ близко, выслушалъ съ полною подробностію пофранцузски докладъ о состояніи раны, и потомъ сказалъ: „мужайтесь, молодой человѣкъ! Богъ милостивъ, вы молоды еще; не только оправитесь, но успѣете за себя отомстить; кто начинаетъ такъ доблестно военное поприще, у того много хорошаго въ перспективѣ“. У меня вообще были нервы разстроены, вниманіе и теплыя слова стараго вождя вызвали невольно слезы; — такъ привѣтливо можетъ говорить и производить впечатлѣніе только личность, подобная князю Воронцову, — онъ видѣлъ не одну смерть въ своей жизни. Миръ праху твоему, доблестный вождь! Гдѣ ты былъ — вездѣ оставилъ по себѣ память, а твоя дѣятельность принадлежитъ исторіи.

День казался безконечно-длиннымъ; жара, мухи и французская неумолкаемая рѣчь гвардейцевъ страшно надоѣли, особенно слово *écoutez*. Казалось, безъ этого они не умѣли ничего начинать:

Вся потеря наша въ описываемую экспедицію состояла: убито — генераловъ 3, штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 28, нижнихъ чиновъ 909; ранено — штабъ-офицеровъ 11, оберъ-офицеровъ 96, нижнихъ чиновъ 1,951; безъ вѣсти пропало — нижнихъ чиновъ 42; контужено — штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 248.

Изъ этого числа собственно въ кабардинскомъ полку убиты полковникъ Ранжевскій, штабсъ-капитанъ Тимаховичъ, поручикъ

Маевскій, прапорщики—Войнеловичъ и Невинскій; ранены: штабсъ-капитаны—Дуровъ, Краузе, Кириленко, фонъ-Нейманъ; поручики—Алалаевъ и Ежовъ; подпоручики—Гаркушевскій, Нѣмцовъ, Мажаровъ и Кудрявцевъ; прапорщики—Чернецкій, Прушинскій и Гейманъ; прикомандированные—адъютантъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя, гвардіи полковникъ князь Барятинскій и лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Козляниновъ.

VI.

Переѣздъ раненыхъ въ кр. Вnezапную. Пребываніе въ госпиталѣ. Штабъ-квартирная жизнь. Полковой балъ. Переѣздъ въ Ставрополь. На пути балъ въ ст. Червленной.

22-го іюля, раннимъ утромъ, всѣмъ раненымъ было отпущено денежное пособіе: штабъ-офицерамъ по 40, а оберъ офицерамъ по 20 голландскихъ червонцевъ. Такого золота и такъ много денегъ у меня еще никогда не было. Здѣсь-же намъ также объявили, что желающіе ѣхать въ кр. Вnezапную могутъ отправиться въ 10 часовъ; мы и отправились, въ числѣ 26-ти офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ, на кумыкскихъ арбахъ. Ни одна пытка инквизиціи не можетъ сравниться съ тѣми мученіями, какія пришлось испытывать при эгомъ переѣздѣ. Надо полагать, что арбы нарочно выдуманы правосѣрными, чтобы православнымъ, ѣхавшимъ на нихъ, вытрясти всю душу. Каждый толчекъ сопровождался мучительною болью; я лежалъ, сидѣлъ, и все напрасно. Пришлось терпѣть...

Въ конвой транспорта съ ранеными были назначены 1-й и 2-й баталіоны кабардинскаго полка. Эти грозные, предъ выступле-

ніемъ въ походъ, баталіоны представляли собою какіе-то клочки, составленные изъ загорѣлыхъ, исхудалыхъ солдатъ, въ весьма поношенномъ костюмѣ, но все-же бодрыхъ, могущихъ за себя постоять. Я помню, на вопросъ мой: сколько штыковъ? мнѣ отвѣтили, что среднимъ числомъ въ ротѣ по 32 штыка. Это все, что осталось; слѣдовательно, въ каждой ротѣ вышло изъ строя, убитыми, ранеными и заболѣвшими слишкомъ 170 человекъ, — и это въ какіе нибудь два мѣсяца! Изъ офицеровъ остались цѣлыми: маіоръ Тиммерманъ (онъ командовалъ нашею колонною), штабсъ-капитаны — Цитовскій, Горяиновъ, поручики — Гостыминскій и Киселевъ.

Огромный обозъ шель медленно, для облегченія страданій тяжело раненыхъ; постоянныя остановки, — такъ что уже почти садилось солнце, когда мы добрались до теперешняго Хасагъ-юрта. Тутъ былъ продолжительный приваль; уже очень поздно кое-какъ дотащились до кр. Внезапной. Это, кажется, единственная крѣпость, которая вполне соотвѣтствовала своему назначенію; она расположена была на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Акташъ, и, при проѣздѣ по дорогѣ со стороны линіи, открывалась вдругъ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла (*). Госпиталь въ кр. Внезапной имѣлъ всего 300 мѣстъ для нижнихъ чиновъ и десять офицерскихъ, поэтому, можно себя вообразить, какая давка и какъ мало могло быть удобствъ для помѣщенія такого огромнаго количества больныхъ. Всѣ казармы и офицерскіе флигеля были очищены. Насъ помѣстили въ офицерскую палату. Я чувствовалъ полное изнеможеніе. Пришло нѣсколько врачей — дѣлать намъ перевязки. Я попалъ на долю лекаря Прянишниковъ; отъ него такъ несло водкою, что не было возможности терпѣть; притомъ, онъ уже очень безцеремонно взялся за перевязку, и отъ невольнаго толчка ногою не успѣлъ опомниться, какъ очутился подъ кроватью. Тутъ-же былъ молодой врачъ

(*) Кр. Внезапная нынѣ упразднена.

Костимиревскій; онъ меня успокоилъ и перевязалъ рану. Хотя въ госпиталѣ насъ содержали, относительно, не совсѣмъ хорошо, но дѣлали все возможное.

Черезъ нѣсколько дней, проѣздомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, посетилъ насъ главнокомандующій, очень подробно освѣдомился о здоровьи каждаго изъ насъ, а также о содержаніи, и съ полною заботливостью приказалъ оказывать намъ совершенное вниманіе.

По прибытіи нашемъ въ госпиталь, первое время завѣдывалъ нашею палатою лекарь Дуцанскій; но, дня черезъ два, мы настоятельно просили о назначеніи другаго, и намъ дали молодого врача Костимиревского (*). Много мы ему обязаны, особенно я; положительно, онъ спасъ мнѣ жизнь. Костимиревскій кровный руссалетъ; Москву и все русское обожалъ; весьма развитой и хорошо владѣвшій словомъ; онъ, не говоря уже о томъ, что всегда дѣлалъ намъ перевязку собственноручно, просиживалъ у насъ до поздней ночи, говоря безъ умолку; это не мало развлекало насъ, при скучной госпитальной обстановкѣ. Первоначально мы были очень тѣсно размѣщены; поэтому, восьмерыхъ изъ насъ перевели въ два офицерскіе флигеля, и въ одномъ изъ нихъ, въ двухъ комнатахъ, мы размѣстились вчетверомъ: въ первой комнатѣ помѣщался гвардейской артилеріи поручикъ Форселлесъ (**); онъ былъ раненъ въ кисть руки. Рана хотя не очень опасная, но онъ, бѣдный, очень страдалъ и проводилъ бессонныя ночи; малѣйшее сотрясеніе производило страшную боль, а тутъ, на бѣду, доски на полу ходили, какъ клавиши. Во второй комнатѣ расположились: я, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Козляниновъ, раненый въ обѣ ноги и въ носъ, и лейбъ-гвардіи литовскаго полка поручикъ Лапа (***) , раненый доволь-

(*) Кажется, нынѣ въ отставкѣ, проживаетъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

(**) Нынѣ генераль-лейтенантъ.

(***) Лапа, кажется, былъ впоследствии полиціймейстеромъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

но легко въ руку. Намъ было просторно и удобно, но съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе слабѣлъ; отдѣленіе костей, нарывы и сильное нагноеніе окончательно меня изнурили; открылся сильный кашель, кровь и матерія, вмѣсто истеченія изъ раны, которая почти была сухая, шли горломъ. Дни мои были сочтены; я уже еле дышалъ. Потомъ уже мнѣ сказали, что Костимиревскій назначилъ мнѣ жизни одинъ день, но онъ же и спасъ меня, ухитрившись приладить иначе перевязку: изъ мокрой газетной бумаги сдѣлалъ валикъ, умудрился его очень туго прикрѣпить бинтомъ съ лѣвой стороны груди, чтобы не допускать матерію просачиваться изъ раны въ грудную полость. Кашель тотчасъ началъ уменьшаться, образовался ниже плеча, на груди, нарывъ — его вскрыли; потомъ силы поддержали хересомъ, крѣпкими бульонами, и я началъ быстро поправляться, такъ что въ концѣ сентября, при посторонней помощи, могъ прохаживаться по комнатѣ. Все это время Козляниновъ меня не оставлялъ и нравственно поддерживалъ; письма отъ родныхъ, знакомыхъ, полныя сочувствія, доставляли истинную отраду. Во время самаго кризиса, я просилъ Козлянинова прочитывать ихъ по нѣсколько разъ; онъ же былъ моимъ секретаремъ, отвѣчая за меня. Козляниновъ былъ человѣкъ съ отличнымъ сердцемъ, способенъ на все честное, храбрый офицеръ; онъ всею душою любилъ своихъ измайловцевъ и былъ вполне достойнымъ представителемъ этого славнаго полка. Ранняя смерть Константина Яковлевича лишила нашу армію полезнаго, дѣятельнаго человѣка (*).

Старшимъ врачомъ въ госпиталѣ былъ статскій совѣтникъ М., уже порядочная развалина, но предобрый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, препотѣшный старикъ. Онъ очень часто съ нами бесѣдовалъ, и одинъ

(*) Командуя, кажется, пражскимъ полкомъ, убитъ въ послѣднее возстаніе въ Польшѣ, въ 1863 году; говорятъ, что повстанецъ разсѣкъ ему топоромъ голову.

разъ, съ полнымъ простодушіемъ, рассказалъ про свою женитьбу въ Петербургѣ. Ему предложило одно высокопоставленное лицо жениться, само изволило сватать; но онъ, подобно мусульманину, невѣсты не видѣлъ, и послѣ свадебнаго пира, тутъ - же подкатила почтовая тройка, вручили ему подорожную, прогоны, и покатилъ молодой супругъ, вмѣсто спальни новобрачной, на погибельный Кавказъ. Отъѣздъ мотивировали тѣмъ, что онъ молодецъ, а положеніе жены требуетъ, чтобы онъ заслужилъ нѣкоторыя регалии. Спустя нѣсколько лѣтъ, М. получилъ орденъ на шею, и отправился въ Петербургъ, чтобы порадовать жену, и съ твердымъ намѣреніемъ, во что-бы ни стало, или взять ее съ собою, или жить съ нею въ Петербургѣ. Является утромъ, его принимаютъ очень любезно, тотчасъ ему представили его дѣтей, которыя, хотя всѣ значились по формуляру, но онъ ихъ видѣлъ въ первый разъ; отвели ему комнату на другомъ концѣ обширной квартиры, подъ видомъ того, чтобы не беспокоили дѣти. Надо знать, что въ то время на Кавказѣ была мода носить бешметы; и вотъ, почтенный М., когда его позвали вечеромъ-пить чай, полагая произвести извѣстный эффектъ, нарядился въ новый бешметъ и явился съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, пуская ароматный дымъ. Но каково было его удивленіе, когда супруга, назвавъ его невѣжею, просто выгнала вонъ, и утромъ онъ получилъ строжайшее предписаніе отъ начальства—немедленно отправиться къ мѣсту служенія. Судя по интонаціи голоса, казалось, больше всего оскорбило М. послѣднее событіе, и онъ съ тѣхъ поръ въ Петербургъ больше не ѣздилъ.

Въ числѣ раненыхъ, лечившихся въ Вnezапной, былъ и полковникъ Альбрантъ. Послѣ операціи 14-го іюля, по прибытіи отряда въ Герзель-ауль, онъ тотчасъ отправился въ Вnezапную и жилъ въ домѣ полковаго командира. Когда Левъ Львовичъ началъ выходить, часто насъ посѣщалъ, а потомъ, и мы къ нему ходили. Это была личность не дюжинная: средняго роста, брюнетъ, глаза искрились огнемъ; владѣя вполне словомъ, онъ говорилъ увлекательно.

Трудно допустить человека болѣе энергичнаго и симпатичнаго; при этомъ, онъ былъ экзальтированъ. Изъ нашихъ частыхъ бесѣдъ, вотъ два эпизода, сохранившіеся у меня въ памяти, частію изъ рассказовъ самого Л. Л. Альбранта, а частію, касательно его женитьбы, изъ словъ роднаго его племянника, въ то время прапорщика, Богдановича (*).

Л. Л. Альбрантъ былъ молодымъ еще человекомъ. Не умѣю сказать, гдѣ онъ служилъ—въ военной или въ гражданской службѣ. Живя въ Петербургѣ, онъ полюбилъ одну дѣвушку съ полнымъ увлеченіемъ молодой страстной природы; но, когда сдѣлалъ предложеніе, чтобы связать себя узами Гименея, ему отвѣчали, что его тоже любятъ, но до тѣхъ поръ не состоится его свадьба, пока онъ не сдѣлаетъ военнаго отличія, которое составляло бы ея гордость. Понятно, что искреннюю любовь со стороны дѣвицы подозрѣвать трудно, но довольно было одного слова—и Альбрантъ полетѣлъ на Кавказъ. Молодой Альбрантъ попалъ въ адъютанты, или состоялъ при бывшемъ командирѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, баронѣ Розенѣ—хорошо не помню; но былъ въ экспедиціи, окончившейся взятіемъ Гимръ и смертью знаменитаго Кази-муллы, предшественника Гамзатъ-бека, а потомъ Шамиля. Альбрантъ былъ посланъ, съ двумя ротами тифлисскаго полка, на штурмъ башни; лѣвѣе шли эриванцы на укрѣпленные завалы. Со стороны атакующихъ тифлисцевъ, башня стояла довольно высоко, одно лишь окно, въ которое можно было влѣзть, и по сторонамъ нѣсколько бойницъ. Тифлиscopy подбѣжали къ башнѣ; предстояло лѣзть въ окно на вѣрную смерть, по крайней мѣрѣ, первымъ смѣльчакамъ. Альбрантъ обратился къ солдатамъ: „братцы! кто честный русскій солдатъ, тотъ за мною, —

(*). Смертельно раненъ при отступленіи отъ аула Гурдали, 11-го августа 1852 года; въ тотъ-же день умеръ въ чинѣ капитана.

подсадите"! Съ этими словами онъ полѣзъ первый. Когда Альбрантъ поднялся въ окно, его осыпали пулями, и одна прострѣлила ему грудь навывлетъ. Единственною мыслью у него было—упасть впередъ, а не назадъ, что онъ и успѣлъ сдѣлать. За нимъ влѣзъ фельдфебель, затѣмъ, поодиночѣ, и остальные. Конечно, первые герои пали, но остальные перекололи всѣхъ, бывшихъ въ башнѣ горцевъ, въ томъ числѣ палъ и Кази-мулла. Когда окончилось дѣло, и начали вытаскивать изъ башни тѣла убитыхъ горцевъ и своихъ, послѣднимъ вытащили, безъ признаковъ жизни, Альбранта. Онъ палъ первымъ, и всѣ, влѣзшіе въ окно, прыгали на него. Тутъ случился молодой врачъ, который замѣтилъ въ немъ признаки жизни; оказано было пособіе, а молодость и энергія поставили его на ноги, хотя и не скоро. Левъ Львовичъ, когда нѣсколько оправился, поѣхалъ въ Петербургъ. Мысли о женитьбѣ уже не было, — прошло нѣсколько лѣтъ, можно было успокоиться и убѣдиться, что кого любятъ, того не подвергаютъ случайностямъ войны. Онъ не былъ въ домѣ своей возлюбленной. Уже довольно долго прожилъ въ Петербургѣ. Какъ-то разъ, возвращаясь послѣ веселаго завтрака у Дюссо, онъ вдругъ встрѣчаетъ ея брата, который, повидимому, ужасно обрадовался встрѣчѣ. Тутъ ловко было вставлено, что сестра только-что узнала о его пріѣздѣ и съ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть. Альбрантъ вспыхнулъ; вся прежняя страсть воскресла живѣе; берутъ извожика, ѣдутъ. На лѣстницѣ онъ слышитъ звуки пьесы, которая его нѣкогда сводила съ ума; вбѣгаетъ, падаетъ на колѣна — и все кончено. Черезъ мѣсяць была свадьба, а послѣ первыхъ родовъ, которые дали ему двухъ близнецовъ-сыновей, онъ потерялъ жену.

Въ разговорѣ съ нами, Левъ Львовичъ, вспоминая о женѣ съ глубокимъ чувствомъ, говорилъ, что его жизнь съ женою была короткимъ сномъ, единственное, лучшее, свѣтлое въ его жизни...

Не знаю, до женитьбы или послѣ, Левъ Львовичъ, по предварительному согласію нашего и персидскаго правительствъ, былъ

посланъ въ Тегеранъ, чтобы вывезти оттуда, если пожелаютъ, нѣсколько сотъ нашихъ бѣглыхъ и плѣнныхъ. Очень понятно, прїѣздъ Альбранта не могъ понравиться шаху и персидскимъ властямъ. Первый не далъ ему даже аудіенціи. Наши составляли особую стражу, нѣчто въ родѣ гвардіи при властителѣ Персіи, помѣщались въ особой казармѣ, и жилось имъ относительно не дурно. Левъ Львовичъ, представившись властямъ и получивъ разрѣшеніе, отправился въ казарму, и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сказалъ бѣглецамъ рѣчь, напомнивъ имъ о родинѣ, о церкви, о присягѣ въ вѣрности Царю, и заключилъ, что имъ будетъ дано полное прощеніе, за что онъ отвѣчаетъ, и что онъ нарочно присланъ, чтобы имъ все это объявить и вывезти изъ Персіи. Ораторствовалъ онъ, забравшись на нары, и, окончивъ рѣчь, предложилъ желающимъ отдѣлиться въ одну сторону. Постепенно, почти всѣ согласились возвратиться, но тутъ одинъ изъ слушателей обозвался: „что, братцы, онъ балы-то точить; небось, говоритъ красно, теперь все обѣщаетъ, а потомъ, какъ прїедемъ, насъ всѣхъ разстрѣляютъ, или разоплотъ по арестантскимъ ротамъ“. Во мгновеніе ога Альбрантъ подскочилъ къ оратору, отпустивъ полновѣсную пощечину, и крикнулъ: „какъ ты смѣешь такъ говорить при офицерѣ? Молчать, каналья!“ Тотчасъ невольно опустили руки у дерзкаго. „Виновать, ваше высокоблагородіе, больше не буду, это по глупости“. Эта находчивость Альбранта окончательно дала толчекъ, и всѣ безъ исключенія изъявили согласіе идти изъ Персіи. Чтобы еще болѣе увлечь этотъ сбродъ, Левъ Львовичъ, ничего не пившій, три дня съ ними пировалъ; на четвертый день раздѣлил всю команду на роты и капральства, назначилъ старшихъ, и въ строгомъ порядкѣ выступилъ изъ Тегерана. Но, передъ выступленіемъ, роздалъ каждому по одному патрону, съ тѣмъ, что они могутъ его убить, если не будутъ всѣ поголовно прощены.

Независимо разказа объ этомъ самого Альбранта, все подтвердилъ и дополнилъ хорунжій, вается, моздокскаго полка, кото-

рый въ то время былъ казакомъ и ѣздилъ съ нимъ въ Персію, и, по случаю болѣзни Льва Львовича, по старой памяти, ухаживалъ за нимъ во Вnezапной.

Эти только-что разсказанные два эпизода изъ жизни и дѣятельности Льва Львовича Альбранта отчасти его характеризуютъ; притомъ, онъ былъ до крайности добръ и очень мягкаго характера. Умеръ впоследствии, въ чинѣ генераль-маіора, начальникомъ одного изъ отдѣленій бывшей черноморской береговой линіи.

Съ начала октября, здоровье мое начало поправляться; много костей уже отдѣлилось и вынуто; было рѣшено, что пулю извлечь нельзя. Я дѣлалъ уже легкія прогулки по крѣпости, но въ халатѣ. Въ концѣ октября пріѣхалъ во Вnezапную начальникъ лѣваго фланга генераль Фрейтагъ. Командиръ полка, потребовавъ полковаго адъютанта, штабсъ-капитана Козинцова (*), отдалъ приказаніе: „позвать, какъ... нашихъ дамъ сегодня на балъ“. А ихъ-то всѣхъ было четыре, да госпитальныхъ три, и того—семь. Впрочемъ, у аптекарши было чуть-ли не пять дочерей — старшей десять, младшей пять лѣтъ; онѣ тоже считались дамами, и прапорщики съ ними упражнялись въ танцахъ. Въ то время были у насъ еще короткіе мундиры, и они далеко были не у всѣхъ; поэтому, многихъ изъ офицеровъ не было на балу; я же, какъ раненный, былъ въ сюртукѣ, который съ большимъ трудомъ надѣлъ первый разъ. Тутъ-же, на балу, полковымъ командиромъ я былъ представленъ генералу Фрейтагу, при нѣсколькихъ лестныхъ отзывахъ. Робертъ Карловичъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ нѣсколько простыхъ, ласковыхъ словъ, спросилъ, между прочимъ, о состояніи здоровья. Квартира полковаго командира была довольно тѣсная, танцевали въ малень-

(*) Убитъ въ чинѣ капитана, въ 1847 году, въ набѣгѣ къ аулу Зондакъ.

кой залѣ; музыка помѣщалась въ сѣняхъ, и что она тамъ играла— трудно было разобрать; но шуму было много. Въ антрактахъ, между кадрилиями, ставили для дамъ варенье, маркитантскіе конфеты; но, чуть повѣстка кадрили—все уносилось, чтобы прапорщички не поѣли. Надо полагать, что распоряженіе было не отъ хозяина, а избрѣлъ его мажордомъ. Закуска въ особой комнатѣ для офицеровъ, правда, далеко не изысканная, за то обильная, то и дѣло подновлялась. Часовъ въ 12-ть—ужинъ, въ этой же залѣ, гдѣ танцовали; безконечное накрываніе стола, за ужиномъ тостъ за здоровье виновника торжества, потомъ желе — офиціальное пирожное въ то время во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ; однимъ словомъ, балъ, какъ слѣдуетъ.

Въ тѣ времена штабъ-квартирная жизнь была далеко не привлекательная: полковыхъ собраній не было, библіотеки заключались въ нѣсколькихъ періодическихъ журналахъ — и то, они читались немногими; квартиры отвратительныя, общества никакого, всѣ жили на походную ногу. Вся форма заключалась въ сюртукѣ съ конгръ-погончиками; широчайшіе верблюжьи шаровары, непременно съ шелковымъ очкуромъ, дополняли костюмъ, да азіятская пашка подъ серебромъ, неразлучная спутница каждаго; зимою—шубка изъ мерлушекъ азіятскаго покроя. Вотъ костюмы, въ которыхъ ходили офицеры и дома, и на службѣ, и представлялись начальству. Считалось у насъ еще большимъ шикомъ имѣть подъ сюртукомъ шелковый бешметъ и на поясѣ кинжалъ, — тогда уже сюртукъ растегнутый. Я помню, какъ сегодня, въ описываемую экспедицію у В. М. Козловскаго былъ зеленый бешметъ, на поясѣ большой кинжалъ подъ серебромъ; въ этакомъ костюмѣ, для начальства, и то—большаго, застегивались верхнія три пуговицы на сюртукѣ; но дисциплина, однако, отъ этого не страдала; напротивъ, она была образцовая.

Какъ видитъ читатель, скарбъ у офицеровъ былъ небольшой; за то, рѣдкій изъ нихъ не имѣлъ хорошей верховой лошади, съ

приличнымъ азіятскимъ сѣдломъ, и всѣ лихо ѣздили верхомъ. Большинство офицеровъ было занято ежедневно службою, а свободные сходились, какъ говорилось, „заводить толковище“; обыкновенно, являлась водочка, закусочка и зачастую требовались пѣсенники — утро-ли это, вечеръ, или ночь, все равно — какъ прійдетъ вдохновение; это считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Сказавъ, что мы въ то время не читали, будетъ не совсѣмъ вѣрно; напротивъ того, въ большой модѣ тогда были три журнала: „Современникъ“, „Отечественныя записки“ и „Сынъ отечества“; но они читались при различныхъ условіяхъ, на примѣръ: въ походѣ читали всегда „Современникъ“, это — спиртъ; въ штабъ-квартирѣ всегда „Отечественныя записки“ — очищенная; ну, а „Сынъ отечества“ — полугарь, только при неимѣннн другихъ журналовъ. Публика соберется въ нѣсколько человѣкъ; немного почитаютъ—ну, и весело. Маркигантская лавка представляла собою нѣчто въ родѣ клуба: тамъ пили портеръ, привилегированное аристократическое питье, и всегда мы его имѣли отличнаго качества; сардинки, сыръ и колбаса, единственные привилегированныя закуски, отвратительнаго качества. Вообще, жили очень неприхотливо. По вечерамъ обыкновенно человѣкъ десять, иногда больше, собирались въ полковую канцелярію — узнать новости и сплетни. Такъ проходили дни за днями. Одни тревоги чуть-ли не каждый день нѣсколько нарушали монотонность, но и къ нимъ такъ привыкли, что если кого-нибудь притащатъ на носилкахъ, то это не нарушало обыденныхъ привычекъ: никто не былъ застрахованъ отъ смерти или раны. Много надо было имѣть силы воли, чтобы такъ долго прожить; однако, до того свыклись, что и подъ старость грустили объ этой жизни: видно, привычка другая натура.

Приходила оказія (*) съ линіи; она привозила почту и всѣ

(*) Колонна.

новости. Это событіе нарушало на нѣсколько часовъ обыденную жизнь. Оказія посылались разъ въ недѣлю въ укр. Ташкичу, съ небольшимъ 30 верстѣ; на другой день свѣжая рота шла въ Амिर-аджи-юртъ; къ вечеру—назадъ, и на третій день колонна возвращалась во Вnezапную. Въ оказію назначалась рота съ орудіемъ, иногда двѣ и больше, послѣднее зависѣло отъ сбора по близости горцевъ. Обыкновенно, нѣсколько человѣкъ молодежи отпрасятся въ Ташкичу, подъ видомъ покупокъ. Всегда отпускали; но чуть оказія скроется изъ вида крѣпости, нагайка щелкнула — и были таковы! Къ вечеру—въ Червленной или въ Щедринѣ; это верстѣ 80. Тамъ дневка, и на третій день, не доходя Вnezапной, догонялась оказія и возвращались, какъ ни въ чемъ не бывало. Конечно, никто никакихъ покупокъ не дѣлалъ, и всѣ это знали.

Ставица Червленная была своего рода Андалузія; всѣ мечты стремились туда. Не даромъ, и пѣсня была сложена:

Въ Ташкичу я не хочу,
Въ Грозную не надо;
А въ Червленную пойдемъ —
Тамъ всѣ радости найдемъ.

Въ тѣ времена женитьба считалась роскошью, и это право принадлежало денежному люду, на примѣръ: казначею, квартирмейстеру, которымъ и подобало вступать въ законный бракъ; прочіе, вообще, не торопились разставаться съ свободою. Впрочемъ, сказать правду, и приманки не было, и, конечно, невѣсты не засиживались, если судьба ихъ забрасывала въ штабъ-квартиру. Тутъ не разбиралось, есть-ли зубы, или нѣтъ,—все равно. Не то, что теперь, когда все, очертя голову, женится — впрочемъ, и не безъ причины, если присмотрѣться ближе.

Около половины ноября мы, съ Козляниновымъ, рѣшили вмѣстѣ выѣхать изъ Вnezапной; я—въ Ставрополь, чтобы лечиться у

родныхъ, а онъ намѣревался пробраться въ Новгородскую губернію, тоже къ роднымъ. Купили повозку, что-то въ родѣ брички. 20-го ноября, съ оказією, выѣхали, и только 23-го добрались до Червленной. Каждое сотрясеніе производило страшную боль. Я-было рѣшилъ совсѣмъ возвратиться обратно, но товарищъ уговорилъ ѣхать дальше; я согласился, и мы условились дѣлать двѣ-три станціи въ день, а иногда и дневку; первую сдѣлали 24-го ноября, въ ст. Червленной.

Утромъ, мы находились еще въ постели, когда къ намъ зашелъ баронъ Франкъ, поручикъ нашего полка (*); въ сущности, онъ былъ хорошій малый, но службы не любилъ; присталъ къ намъ, какъ съ ножомъ къ горлу, чтобы вечеромъ быть на балу у князя Гагарина, по случаю именинъ его сестры, и что ему поручили насъ пригласить. Намъ было не до бала, и мы отказали наотрѣвъ, что больны, не можемъ одѣться, да и незнакомы. Черезъ часъ опять является баронъ, опять настойчиво упрощиваетъ быть на балу, говоря, что мы можемъ быть въ какомъ угодно костюмѣ; насъ, какъ раненыхъ, просили не стѣсняться, что за нами пришлютъ экипажъ и, наконецъ, сама княжна собирается насъ навѣстить. Не знаю, можетъ быть, Франкъ послѣднее отъ себя прибавилъ, но это меня до того напугало, что я согласился быть, лишь-бы княжна не пріѣзжала. Какъ ее принять въ казачьей избѣ? Да и одѣваться—была своего рода пытка. Однако, когда баронъ ушелъ, мы рѣшили все-таки не быть на балу, если за нами не пришлютъ; но, черезъ часъ, является казакъ отъ князя съ вопросомъ: въ которомъ часу прислать экипажъ? Пѣшемъ, молъ, придемъ—былъ отвѣтъ.

Вечеромъ опять является, какъ злой духъ, баронъ Франкъ, и

(*) Перешелъ въ казачьи и, кажется, умеръ.

съ нимъ два казака съ фонарями. Дѣлать нечего, надо идти — и мы отправились. Съ трудомъ мы пробирались, обходя страшную грязь. Выйдя на площадь, мы увидѣли залитый огнями двухъ-этажный домъ командира гребенскаго полка, полковника Сулова (*), который большую часть своей квартиры уступилъ семейству князя Гагарина.

Прикомандированный къ гребенскому полку, кажется, въ то время ротмистръ по кавалеріи, князь Гагаринъ, съ цѣлымъ семействомъ, жилъ въ Червленной; надо полагать, что ему некуда было дѣваться, если онъ не нашелъ лучшаго мѣста. При немъ жила и его сестра, княжна Екатерина, виновница торжества. Впослѣдствіи, князю Гагарину, подъ Гергебилемъ или Салтами, оторвало ногу, и онъ слылъ подъ названіемъ безногаго Гагарина; куда-же потомъ дѣвался—не знаю.

Наконецъ, добрались. У дверей освѣщенной залы любезно насъ встрѣтилъ хозяинъ, представилъ княгинѣ, молодой, весьма красивой женщинѣ, съ прекраснаго цвѣта пепельными волосами; потомъ—швейцаркѣ, гувернанткѣ; наконецъ, изъ боковыхъ дверей выходитъ княжна. Насъ представили, и я тутъ растерялся по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, я воображалъ княжну идеальной красавицею; тутъ — наоборотъ: довольно полная и не первой молодости дѣвушка, у которой оспа оставила на лицѣ страшные слѣды; вовторыхъ, не успѣли мы поклониться, княжна посыпала мелкимъ бисеромъ пофранцузски, да такъ безостановочно, что я никакъ не могъ выбрать момента, чтобы сказать, что не говорю пофранцузски. Княжна имѣла, повидимому, привычку всегда близко стоять, съ кѣмъ разговариваетъ, такъ что даже дыханіе ея

(*) Нынѣ генераль-лейтенантъ, состоитъ по кавалеріи.

слышно; я началъ тихонько пятиться; она наступаетъ; наконецъ, сзади—диванъ, и отступление отрѣзано. Рѣчь княжны была безъ перерыва, и сначала я, должно быть, былъ пресмѣшной, выпучивъ глаза и не зная, что мнѣ дѣлать; я первый разъ въ жизни былъ на княжескомъ балу и чистосердечно въ умѣ каялся, что не говорю пофранцузски. Потомъ, постепенно возвратилось самосознаніе; я рассудилъ, что все-равно, ничего не понимаю, и началъ разсматривать публику. Крутомъ стѣнъ, на стульяхъ, возсѣдали мамуки и нянюки (*). Между ними было очень много красавицъ. Своеобразный азіятскій костюмъ, который я видѣлъ въ первый разъ, поразилъ меня оригинальностію; было нѣсколько дамъ и въ европейскихъ костюмахъ. Наконецъ, все разсмотрѣлъ; оставалось пересчитать только развѣ свѣчи, а княжна все продолжаетъ. Но вдругъ, по голосу я догадался, что мнѣ предложили вопросъ; я скромно отвѣтилъ, что не говорю пофранцузски. Княжна была очень любезна, нисколько не измѣняясь, повторила то-же порусски, только покороче. Дѣло въ томъ, что лейбъ-гусаръ князь Мещерскій, большой ея другъ, былъ тяжело раненъ, и его повезъ въ Москву мой родной братъ, докторъ, котораго княжна считала очень любезнымъ и острымъ.

Заиграла музыка—ужъ, право, не помню, какая. Начались танцы: кадрили, вальсъ и очень часто лезгинка, которую танцовали одни станичныя дамы. Лезгинку я тоже видѣлъ въ первый разъ. Этотъ граціозный танецъ не лишень прелести, если его танцуетъ хорошенькая женщина. Мнѣ кажется, ни въ одномъ танцѣ женщина не имѣетъ возможности такъ выказать свою грацію и кокетство,

(*) Гребенскіе казаки—старообрядцы, говорятъ особымъ русскимъ нарѣчіемъ; замужнія женщины называются мамуками, а дѣвушки—нянюками.

какъ въ лезгинкѣ; но для этого, дѣйствительно, надо имѣть и то, и другое.

Въ половинѣ вечера опять княжна подсѣла ко мнѣ. Ей, по-видимому, нравилось неожиданными оборотами рѣчи конфузить молодого, неопытнаго юношу. Можетъ быть, это напоминало ей прошедшую юность? Но надо отдать полную справедливость и уму, и любезности княжны Екатерины, хотя мнѣ было и не подъ силу поддерживать разговоръ,—что она не могла не замѣтить.

Гостепрѣимство чисто барское, и любезное вниманіе хозяевъ ко всѣмъ гостямъ бросалось всѣмъ въ глаза, хотя незамѣтно по ихъ лицамъ и скользила иногда улыбка, при неловкости нѣкоторыхъ гостей. Ужинали на маленькихъ столикахъ. Меня, Козлянинова и сотника Федюшкина (*) княжна пригласила къ своему столу. Федюшкинъ былъ въ полномъ значеніи слова красавецъ и, по-видимому, очень нравился ей.

Возвратясь поздно домой, я, хотя чувствовалъ себя очень усталымъ, но далеко не раскаявался, что воспользовался любезнымъ приглашеніемъ на балъ. Нельзя было не оцѣнить того вниманія и любезности, которыя выказало намъ семейство князя Гагарина. Годъ спустя, я встрѣтился съ ними на водахъ въ Кисловодскѣ. Я былъ опытнѣе, и, не смотря на всѣ любезныя приглашенія, ограничился однимъ визитомъ: это общество—не моей сферы, такъ не зачѣмъ туда и стремиться.

На другой день мы тронулись дальше. Ѣхали шагомъ, съ дневками. Дорогою, гдѣ были военные врачи, они осматривали насъ съ полною предупредительностію и, наконецъ, только въ первыхъ

(*) Нынѣ генераль-маіоръ, начальникъ отдѣла въ терскомъ казачьемъ войскѣ.

числахъ декабря дотащились до Ставрополя, гдѣ я остался, а мой добрый товарищъ, погостивъ у моихъ родныхъ дня три, потащился въ свои Боровичи.

VIII.

Нѣсколько словъ о походѣ 1845 года въ Андю и Дарго.

Походъ въ Андю и Дарго принадлежалъ къ тому періоду военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, когда еще не была выработана строго обдуманная система веденія войны, — говоримъ, система, потому-что горная война противъ воинственнаго населенія, прикрытаго недоступною или трудно доступною мѣстностію, независимо плана, требуетъ еще и системы. Движеніе въ горы, разореніе ауловъ наносили непріятелю, сравнительно, незначительный вредъ; имущество, обыкновенно, уносили жители уносить въ лѣса и трупцы, гдѣ скрывались и семейства; аулы жгли, но ничего не стоило ихъ опять возобновлять на прежнихъ мѣстахъ, особенно, если они вдали отъ нашихъ укрѣпленій. Горцы, сравнительно, несли потери гораздо меньше насъ, потому-что они были вооружены наръзными винтовками, которыя стрѣляли и дальше, и вѣрнѣе нашихъ весьма плохихъ кремневыхъ самопаловъ. Къ тому-же, горцы были искусные стрѣлки, приучаясь къ стрѣльбѣ чуть-ли не съ дѣтства; нашимъ-же солдатамъ некогда было учиться стрѣлять, и искусство замѣнялось огромнымъ количествомъ выпускаемыхъ патроновъ, на каждый горскій выстрѣлъ. Затѣмъ, горцы искусно умѣли пользоваться мѣстностію и дѣйствовали враспынную; мы-же должны были двигаться массами. Горецъ легко одѣтъ, безъ

всякой ноши, быстро могъ перемѣнять мѣсто; наши-же солдаты, съ тяжелымъ боевымъ снаряженіемъ, зачастую съ шестидневнымъ сухарнымъ запасомъ, шанцевымъ инструментомъ, должны были двигаться медленно. Вотъ и главная причина, почему мы, сравнительно, несли громадныя потери.

Плохое оружіе было главною причиною принятаго строя при движеніяхъ въ Чечнѣ: это былъ такъ называемый *ящикъ*, т. е. по всѣмъ четыремъ сторонамъ цѣпи, потомъ—поддержки, резервы и въ среднѣй обозъ. Введеніе нарѣзнаго оружія, вмѣстѣ съ которымъ впервые обращено было вниманіе на обученіе стрѣльбѣ, сразу дало намъ перевѣсъ въ бою; и съ этого лишь времени ящикъ началъ терять свою форму: выдвигались отдѣльныя боковыя колонны, и непріятель уже не рисковалъ подходить близко, а долженъ былъ держаться на такомъ разстояніи, что его выстрѣлы были или совсѣмъ неэффективны, или пули, на излетѣ, приносили незначительный вредъ. Вмѣстѣ съ введеніемъ нарѣзнаго оружія, совпадаетъ отчасти и принятая послѣдняя система веденія войны, что и ускорило паденіе Кавказа.

Теперь перейдемъ къ краткому очерку веденія военныхъ дѣйствій.

Въ командованіе генераломъ Ермоловымъ кавказскимъ корпусомъ, мюридизмъ еще не былъ въ силѣ, хотя къ этому времени надо отнести его начало. Въ Чечнѣ, одинъ-два баталіона ходили свободно; отъ пушечнаго выстрѣла разбѣгалось все; а въ Дагестанѣ какихъ нибудь четыре баталіона держали въ страхѣ всю страну. Въ то время, горцы были еще совершенно неопытны въ дѣлѣ войны, не были сплочены подъ одною властію и не были связаны однимъ интересомъ; оттого еще не выказались способные военные люди. Общее возстаніе Чечни въ 1840-мъ году, присоединеніе къ мюридизму, признаніе Шамиля имамомъ и подчиненіе его власти, были началомъ кровопролитной борьбы послѣднихъ 20-ти лѣтъ, которая потребовала страшныхъ усилій Россіи. Предпримчивые и

смѣлые люди Чечни, какъ на примѣръ: Ахверды-Магома, Шуаибъ-мулла, и позднѣе, въ Дагестанѣ, Хаджи-Муратъ, не считая многихъ второстепенныхъ, не только содѣйствовали упорной войнѣ съ нами, но не разъ имѣли и перевѣсъ. Постепенное напряженное состояніе нашихъ войскъ, которыя должны были прикрывать и нашу казачью линію, и покорные намъ аулы; дерзкіе набѣги горцевъ въ наши предѣлы, вызвали и съ нашей стороны такіе-же набѣги, которые немало стоили русской крови, не принося никакой пользы. Этими набѣгами многіе начальники подчасъ и злоупотребляли. Конечно, войска дѣлали свое дѣло, дрались отлично, но въ общемъ—это было безъ всякой цѣли. Всякій набѣгъ (а они по всей занятой нами линіи были не рѣдки) стоилъ намъ подчасъ сотни раненыхъ и убитыхъ; писались реляціи, прославлялась потеря наша, а непріятельская всегда больше,—вѣдь ее повѣрить было невозможно, и всегда обозначалось: „непріятель потерялъ самыхъ лучшихъ людей“. Сложился по этому поводу даже слѣдующій анекдотъ: адъютантъ, докладывая начальнику реляцію, спрашиваетъ: „ваше превосходительство, сколько прикажете показать потери у непріятеля?“ „Да что ихъ жалѣть! покажите столько-то“. Если по всѣмъ реляціямъ сосчитать показанную потерю непріятеля, то надо удивляться плодовитости горцевъ, когда еще ихъ такъ много осталось послѣ покоренія Кавказа. Неудачная экспедиція въ Ичкерію генерала Граббе, въ 1842-мъ году, имѣла ту-же цѣль и тотъ-же характеръ, какъ и въ 1845-мъ году экспедиція въ Дарго, съ тою разницею, что послѣдняя велась съ другаго конца; но обѣ стоили огромныхъ потерь и не принесли никакихъ результатов. Впрочемъ, послѣдняя положила начало систематическому движенію впередъ, посредствомъ проведенія просѣкъ, устройства укрѣпленій на болѣе важныхъ пунктахъ, а также цѣлаго ряда казачьихъ станицъ и т. д. Мысль—дѣлать просѣки, принадлежитъ, кажется, генералу Ермолову, который, въ двадцатыхъ годахъ, построивъ на рѣкѣ Сунжѣ кр. Грозную, сдѣлалъ просѣку въ ханкальское ущелье; по-

томъ, просьбы были оставлены, и уже при главнокомандующемъ князѣ Воронцовѣ были сдѣланы просьбы: гойтинская, гехинская, на Валерикѣ и дальше къ Ачхою. Но, рядомъ съ этимъ, набѣги получили большее развитіе. Князь Барятинскій окончательно развилъ и настойчиво преслѣдовалъ систему просьбъ. Набѣги совсѣмъ почти прекратились; равъ занятый пунктъ уже не оставлялся. Круглый годъ медленно, но прочно подвигающіеся впередъ отряды, уже не безъ цѣли, а по строго-обдуманному плану, рѣшили судьбу Кавказа. Воинственная Чечня, разоренная, скученная въ горахъ, истомленная долгою борьбою, должна была покориться, а съ нею палъ и Дагестанъ, который безъ Чечни не могъ держаться, потому-что доступъ къ нему уже былъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Въ составленіи метода, хотя медленнаго, но настойчиваго движенія впередъ, не мало было въ основаніи — знаніе характера горцевъ. Насколько горцы воинственны, настолько, если не больше; легко-вѣрны: малѣйшій ихъ успѣхъ, или оставленіе на время нами пункта, давало идею о нашей несостоятельности—чѣмъ ловкіе люди успѣвали пользоваться и подымали нравственный духъ до невозможности. Система набѣговъ, и въ нихъ жаркія схватки, постоянныя тревоги, дѣлали войска закаленными въ бояхъ и трудахъ: для солдата того времени не было невозможнаго; наша пѣхота поистинѣ была идеаломъ, о которомъ въ настоящее время можно лишь мечтать. Въ параллель съ этимъ, офицеры тоже были отличные, правда—не паркетные, и многіе частенько читали „Современникъ“; но на нихъ всегда можно было положиться, какъ-бы трудно предпріятіе ни было. Между ними и солдатами была тѣсная связь, потому-что одинаково всѣ подвергались опасностямъ и равно несли труды. Солдаты уважали своихъ офицеровъ и искренно ихъ любили.

Разсматривая затѣмъ, собственно экспедицію 1845-го года въ Андю и Дарго, нельзя не прійти къ заключенію, что началомъ неудачи служилъ огромный падежъ транспортных лошадей. Страшныя непогоды, имѣющія особенный характеръ въ горахъ,

бездорожіе, или, вмѣсто дорогъ, крутыя каменистыя тропинки, недостатокъ корма для такого огромнаго количества лошадей, независимо тяжестей на вьюкахъ, на большое разстояніе—вотъ главныя причины падежа лошадей. Все это отчасти трудно было предвидѣть, хотя и много было опытныхъ служивыхъ. Отъ медленной доставки провіанта, мы еще въ Андїи ощущали въ немъ недостатокъ, и бесполезно стояли на мѣстѣ, въ ожиданіи подвоза припасовъ.

Главную неудачу мы потерпѣли въ такъ называемой „сухарной экспедиціи“ 10-го и 11-го іюля, давшей намъ большую массу раненныхъ, которыхъ надо было нести и везти. Большая потеря продовольственныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ, брошенныхъ въ лѣсу, выразилась въ значительномъ во всемъ недостаткѣ; брошенные въ лѣсу три горныхъ единорога, а также брошенные тамъ же убитые и раненые, подняли до того нравственный духъ горцевъ, что, когда мы были расположены у Шаухаль-Берды, женщины изъ окрестныхъ деревень собрались съ мѣшками, чтобы дѣлать добычу.

Намъ кажется, что можно было-бы избѣгнуть катастрофы въ „сухарной экспедиціи“, если-бы, при прохожденіи лѣса 6-го іюля, между Андїею и Дарго, въ немъ мимоходомъ устроить двѣ сильныя засѣки, и въ каждой оставить по баталіону, съ двумя единорогами; тогда, конечно, непріятель не могъ-бы устроить вновь заваловъ и не пришлось-бы въ этомъ лѣсу имѣть отчаянный бой. Могутъ возразить, что въ лѣсу не было воды; да вѣдь Аксай всего въ двухъ верстахъ, и лагерь—въ трехъ: можно-бы было, при смѣнѣ, приносить съ собою воду въ манеркахъ, въ котелкахъ, даже въ ротныхъ котлахъ; вѣдь не разъ приходилось воду носить и дальше. Главную неудачу боя 10-го и 11-го іюля надо приписать наряду въ колонну сборныхъ частей. Подобный нарядъ никогда не приносилъ пользы и не долженъ былъ быть допускаемъ. Намъ тогда-же было извѣстно, что генераль Клугенау противъ

этого протестовалъ, но на это не было обращено особеннаго вниманія, а это именно и было началомъ неудачи. Потомъ, выборъ людей для исполненія всякаго дѣла — есть главная задача; по нашему разумѣнію, въ данномъ случаѣ, не было обращено должнаго вниманія. Напримѣръ: Клюки-фонъ-Клугенау безспорно былъ храбрый и дѣльный генералъ, но большая часть его дѣятельности была въ Дагестанѣ, гдѣ былъ особый методъ боеваго порядка, и наоборотъ, генералъ Лабинцевъ всю свою службу былъ въ лѣсныхъ походахъ, требующихъ особаго навыка. Казалось-бы, дѣло 7-го іюля слѣдовало поручить генералу Клугенау, а 10-го и 11-го іюля генералу Лабинцеву. Потомъ, генералу Клугенау были назначены помощниками генералы: Пассекъ и Викторовъ. Первый — пылкій, способный, любимый войсками; послѣдняго никто не зналъ, — да и бывалъ-ли онъ еще въ дѣлахъ? Не лучше ли было, вмѣсто Викторова, назначить одного изъ полковыхъ командировъ, Козловскаго или Бибигова, которые бесполезно оставались въ лагерѣ безъ всякаго дѣла. Весьма важно во всякомъ дѣлѣ, особенно въ военномъ, умѣть выбрать человѣка для исполненія известной операціи, и весьма ошибаются тѣ военачальники, которые думаютъ: кого-бы не назначить для исполненія ихъ предначертаній — лишь-бы соотвѣтствовалъ чину. Войска дисциплированные пойдутъ за всякимъ, но пойдутъ иначе за тѣмъ, кого знаютъ, кому довѣряютъ. Вѣдь тутъ дѣло идетъ о жизни, которая каждому дорога, а войско далеко не есть безжизненное бревно, которымъ можно ворочать, какъ угодно; наоборотъ, это живая машина, которою долженъ управлять привычный механикъ, знающій хорошо малѣйшій винтикъ ея и умѣющій одинъ изъ нихъ подвинтить, другой — ослабить, тамъ подмазать и т. д. Великій Суворовъ это очень хорошо понималъ, всегда умѣлъ сдѣлать выборъ, что кому поручить, и его армія не знала поражений. Почему, напримѣръ, всѣ бывшіе корпуса имѣли одинъ составъ, однако 3-й, 4-й и 5-й были лучшими боевыми и считались самыми надежными? Очень ясно; къ корпуснымъ команди-

рамъ войска имѣли полное довѣріе, и за ними вездѣ шли безусловно, вѣря въ побѣду.

При всей неудачѣ въ дѣлахъ 10-го и 11-го іюля, движеніе изъ Дарго къ Герзель-аулу могло-бы быть исполнено съ меньшими потерями, если-бы было болѣе обращено вниманія на порядокъ въ обозѣ. Что тамъ творилось—одному Богу извѣстно. При выступленіи изъ Андїи, на какія нибудь безъ малаго десять тысячъ войскъ, не считая главнокомандующаго, начальника главнаго штаба и начальника главнаго дѣйствующаго отряда, было семь генераловъ, огромный главный штабъ, потомъ — отрядный, независимо штаба 5-го корпуса, который былъ тутъ-же; адъютантовъ—цѣлый легіонъ, все это люди комфорта; масса व्यюковъ, а при нихъ прислуга избалованная, не подчиняющаяся какимъ-бы то ни было распоряженіямъ, упираясь на значеніе господъ въ штабѣ; въ соединеніи съ пѣшею милиціею, они производили полнѣйшій беспорядокъ въ обозѣ, что не мало содѣйствовало увеличенію потери, такъ какъ требовалось не по силамъ растягивать боковыя цѣпи, прорываемыя неприятелемъ, какъ это случилось 14-го и 16-го іюля.

Намъ кажется, что движеніе въ Дарго было бы удобнѣе отъ Герзель-аула, если-бы у этой крѣпости собрать ту-же массу войскъ, которая сосредоточилась за теренгульскимъ оврагомъ, придавъ пѣхотѣ, не считая сапернаго и стрѣлковаго баталіоновъ, по 300 топоровъ на каждый, что составило бы 6,300 топоровъ. Въ десять дней, много въ двѣ недѣли, не только была бы сдѣлана просѣка до Дарго, но и колесная дорога до Кетечь-Корта. Тогда потери, въ общей сложности, было-бы гораздо меньше; доставка провіанта на колесахъ обошлась бы гораздо дешевле, и тогда, конечно, нанесенъ былъ бы Чечнѣ ударъ и ускорено бы ея паденіе, такъ какъ отъ Кетечь-Корта до Ведено всего верстъ 15-ть, и занятіемъ харачаевскаго ущелья главные пути въ Дагестанѣ были бы въ нашихъ рукахъ, не говоря уже о томъ, что изъ Дарго и Ведено мы господствовали бы надъ всею Чечнею, съ которой управиться было бы

уже не такъ трудно.

Когда фактъ совершится, его легко подвергнуть критическому разбору. Теперь прошло много уже лѣтъ, и объ экспедиціи 1845 года легко трактовать. Никто не зналъ, кромѣ главнокомандующаго, причинъ, по которымъ было поступлено такъ или иначе, поэтому, можно разсуждать объ его дѣйствіяхъ только по совершившимся фактамъ. Во всякомъ случаѣ, по трудности экспедиціи, громадности жертвъ, 1845-й годъ есть знаменательный въ шестидесятилѣтней борьбѣ Россіи съ дикими горами. Съ этого года выработался болѣе вѣрный взглядъ на веденіе кавказской войны, которая увѣнчалась покореніемъ всего Кавказа.

Природа Алжира, съ которою такъ долго боролась Франція, не можетъ сравниться съ Кавказомъ, изрытымъ громадными горами, непроходимыми дебрями, покрытымъ вѣковыми лѣсами. Исполать вамъ, богатыри земли русской! вы доказали, что передъ вашей мощной силой все должно пасть. Вѣчная память павшимъ героямъ! ваши кости разбросаны по всему Кавказу. Слава оставшимся въ живыхъ! васъ уже осталось не такъ много. Теперь взоры Россіи обращены на новые интересы, а при всякой новинкѣ старое забывается скоро. Но поздняя исторія, чуждая всякой зависти, безпристрастно васъ оцѣнитъ, и ваша доблесть и достойное удивленія терпѣніе, при перенесеніи трудовъ, для славы Государя и отечества, будетъ прекраснымъ примѣромъ для грядущаго поколѣнія.

VIII.

Посѣщеніе Дарго чрезъ 28 лѣтъ.

Въ началѣ моего разсказа было упомянуто о посѣщеніи Дарго 8-го мая 1873-го года. Я прибылъ въ укр. Ведень для инспекторскаго смотра куринскаго полка и, спрашивая о Дарго, о дорогѣ туда, выразилъ желаніе когда нибудь побывать еще тамъ, Коман-

дирь названнаго полка, полковникъ Ломновскій, послѣ окончанія смотра, обязательно предложилъ мнѣ прогулку въ Дарго.

Утромъ, 8-го мая, нѣсколько офицеровъ полка, окружной начальникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чеченцевъ, отправились всѣ вмѣстѣ въ Дарго; въ этой поѣздкѣ приняла участіе и жена полковаго командира. Дорогою, моему воображенію живо представилась вся мѣстность Дарго и экспедиція 1845-го года, такъ-что, до спуска въ Кетечь-Кортъ, откуда открывается верхняя долина Аксая въ которой расположенъ аулъ Дарго, я съ полною увѣренностію говорилъ, между прочимъ, что найду даже дерево, около котораго раненъ, описывая его видъ. Издали, долина Аксая показалась какъ-будто меньше, чѣмъ я ее помнилъ. Прибхавъ въ аулъ, мы наскоро позавтракали и отправились на гору, гдѣ было дѣло 10-го и 11-го іюля. Въ 1845-мъ году, съ этой горы я спустился ночью, 6-го іюля, съ перестрѣлкою; 11-го поднялся, и мнѣ казалась не такъ высока гора, какъ въ этотъ разъ. Подымаясь верхомъ, поневолѣ пришлось сознаться, что тогда былъ молодъ, а теперь уже начинаю старѣть, поэтому, и верхомъ ѣхать кажется и долго, и круто. Площадка на горѣ не измѣнилась, только вырублена часть лѣса на сторонѣ, гдѣ я съ ротою занималъ лѣвую цѣпь. Поѣхали мы сперва къ перешейку, гдѣ былъ главный завалъ. Конечно, его и признаковъ не было; по сторонамъ, въ густой травѣ, еще мѣстами валялись кости нашихъ убитыхъ; чеченцы мнѣ ихъ подносили. Грустно мнѣ было вспомнить о павшихъ братьяхъ, и я благодарилъ Бога, что мои кости, подобно этимъ, не валяются; еще живѣе представилась картина благо. Возвращаясь, я безъ особеннаго труда отыскалъ дерево, около котораго былъ раненъ; оно уцѣлѣло отъ топора, потому-что это былъ довольно толстый чинаръ; онъ сильно былъ испещренъ пулями, нѣсколько выше головы, по моему росту, и только знаки отъ пуль приняли коричневый видъ. Не скрою, я былъ очень доволенъ, что память мнѣ не измѣнила.

Возвратясь въ Дарго, послѣ краткаго отдыха, вся компанія

расположилась обѣдать на коврахъ, въ саду аульнаго старшины. Чистый горный воздухъ, прогулка и любезное гостепріимство хозяевъ подзадоривали аппетитъ, и мы вполне сдѣлали честь прекрасному обѣду. Постепенно начали собираться глѣзть на насъ чеченцы; потомъ, пришли дѣвушки, и начались танцы. Чеченцы совершенно дружелюбно съ нами разговаривали. Я замѣтилъ: какъ же они танцуютъ лезгинку безъ выстрѣла изъ пистолета. Тотчасъ явился пистолетъ; танцоваль чеченецъ лѣтъ сорока, и когда надо было выстрѣлить, то не только онъ отвернулся, но даже послѣ выстрѣла вздрогнулъ, что замѣтно было и въ большинствѣ окружающихъ. Я подумалъ, что это уже не тѣ грозные ичкеринцы! Ихъ прежде выстрѣлъ одушевлялъ, и приемы съ оружіемъ были другіе; еще десять, двадцать лѣтъ спокойной жизни, и эта грозная нѣкогда Чечня, съ улучшеніемъ своего быта, будетъ все болѣе и болѣе благодушествовать, а вмѣстѣ съ этимъ и облѣнится. И будетъ время, когда они будутъ тѣмъ-же, что и казанскіе татары; положимъ, не скоро, а все же будетъ...

Уже поздно вечеромъ, довольно усталые, мы возвратились. Я не могъ всю ночь уснуть—такъ на меня подѣйствовало впечатлѣніе дня, и уже утромъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: молодости не воротись; это уже пропащее дѣло! А разъ, что это рѣшено—лучше подъ старость, въ чинѣ генерала, видѣть мѣста, нѣкогда обогрѣнные собственной кровью, чѣмъ быть какимъ нибудь, положимъ, усть-сысольскимъ городничимъ, о чемъ я мечталъ, когда томился, раненый, въ госпиталѣ. И возблагодарилъ я Господа, что предпочелъ всему строевую службу, и что мнѣ пришлось еще разъ посѣтить эти мѣста чрезъ 28 лѣтъ, въ настоящемъ служебномъ положеніи.

31-го августа, 1876 г.

Г. Грозный.

В. Гейманъ.

1858 ГОДЪ ВЪ ЧЕЧНѢ.

I.

Перемѣна образа веденія войны на лѣвомъ крылѣ кавказской линіи, и послѣдовавшія отсюда измѣненія въ быту солдата. Значеніе, географическій и стратегическій очеркъ аргунскаго ущелья. Соображенія и подготовительныя дѣйствія генерала Евдокимова по взятію ущелья. Жилище въ в.р. Воздвиженской артиллерійскихъ офицеровъ и ихъ досуги. Распоряженіе о походѣ и короткіе сборы: Командиръ легкой № 5 батареи. Выступленіе. Положеніе генерала Евдокимова. Составъ отряда и дислокація войскъ. Бой. Неловкость Кашинцева и неосторожность Тверитинова. Бомбардированіе заваловъ; штурмъ горы; общее наступленіе; взятіе аргунскаго ущелья.

Съ 1858-го года, военныя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ кавказской линіи (нынѣ Терская область) принимаютъ иной характеръ: прежняя война на плоскости, по большей части въ мѣстахъ открытыхъ, смѣняется войною въ горахъ, лѣсахъ, оврагахъ и разныхъ трущобахъ; рядъ набѣговъ уступаетъ мѣсто движеніямъ прочнымъ, и хотя, относительно, медленнымъ, но устойчивымъ;—куда бы ни ступила наша нога—прорубаются непроходимые лѣса, дѣлаются просѣки,

разрабатываются колесныя дороги, закладываются редуты, укрѣпленія: природа осилена—Кавказъ сдается.

Такимъ образомъ, 1858-й годъ, являясь, такъ сказать, началомъ конца, составляетъ весьма важную эпоху въ исторіи кавказской войны.

Съ переменной внѣшняго вида военныхъ дѣйствій, во многомъ измѣняется и самый бытъ войска: удалъ, молодечество уступаютъ мѣсто геройству болѣе рассчитанному, холодному; опредѣляется полная непобѣдимость русскаго солдата.

Обыкновенное условіе практической жизни въ этомъ случаѣ на войскѣ сказалось вполне: когда надоѣло шутить, перебрасываться фразами, любезностями, политическими намеками; когда вашей игры, подъ которою скрывается дѣло, не понимаютъ или понять не хотятъ,—необходимо сосредоточиться, нахмуриться, дѣйствовать серьезно и рѣзко, прямо въ упоръ.

Декабрьскія дѣйствія въ 1857-мъ году генераль-лейтенанта Евдокимова въ большой Чечнѣ, будучи послѣднимъ актомъ драмы, разгравшейся до тѣхъ поръ на плоскости, имѣли, какъ теперь можно судить, всѣскій смыслъ: разгромленіемъ ауловъ по Джалкъ, Шавдону и Хулхулау и приведеніемъ въ наше подданство нѣсколькихъ сотенъ семействъ непокорныхъ горцевъ, онъ имѣлъ въ виду, какъ можно болѣе, ослабить силы Шамиля и тѣмъ облегчить непосредственныя свои дѣйствія въ предстоявшемъ затѣмъ году, о которыхъ, какъ видно, крѣпко и заранѣе подумалъ. И дѣйствительно, лишивъ имама до трехсотъ покорныхъ ему дотолѣ семействъ, онъ отнял у него навѣрное триста, если не болѣе, добрыхъ воиновъ и значительно подорвалъ его матеріальные ресурсы, потому что изъ рукъ его ускользнула періодическая денежная и имущественная дань, которую платили ему эти триста семействъ.

Вообще, къ 1858-му году дѣла были поставлены хорошо; но оставалась главная наша заноза—аргунское ущелье: это былъ ключъ къ жилищу Шамиля. Прорвавшись въ аргунское ущелье, мы ста-

новились, раньше или позже, владѣтелями такъ называемыхъ Черныхъ горъ, открывали себѣ пути въ тылъ главнымъ убѣжищамъ имама, а также и дороги на соединеніе съ Дагестаномъ, отбрасывали непріятеля за андійское Койсу, отрѣзывали ему самое лучшее сообщеніе съ малою Чечнею и вообще, садились ему на плеча.

Но какъ прорваться въ это ущелье?... Вотъ вопросъ, который порывались разрѣшить многіе,—и всегда неудачно. Бывшій командиръ куринскаго полка, князь С. М. Воронцовъ, одинъ изъ послѣднихъ попробовалъ покончить его, но, въ сожалѣнію, не покончилъ: въ полчаса потерялъ до трехсотъ нижнихъ чиновъ и около семнадцати офицеровъ—и вернулся домой. Такъ рассказывали мнѣ участники этого дѣла;—я самъ не былъ въ этомъ побоищѣ.

Если ермопильское ущелье было тоже, что аргунское, то я нимало не удивляюсь ни Леониду, ни его спартамцамъ, ни даже князю С. М. Воронцову.

Двадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы прошли насквозь аргунскіе ворота; но, какъ живые, встаютъ они у меня теперь передъ глазами, съ своимъ чернымъ зіяющимъ отверстіемъ, наподобіе пасти крокодила.

Аргунское ущелье находится въ пяти верстахъ отъ крѣпости (нынѣ укрѣпленіе) Воздвиженской, вверхъ по теченію Аргуна. Оно представляетъ собою тѣснину, огражденную съ двухъ сторонъ у входа высокими горами, покрытыми темнымъ густымъ лѣсомъ, между которыми въ отвѣсныхъ почти берегахъ, имѣющихъ отъ 10—20 саж. высоты, бѣтается и клокочетъ бѣшенная рѣка. Разстояніе между контрфорсами, образующими самое ущелье, не превышаетъ хорошаго пистолетнаго выстрѣла. Дорога изъ кр. Воздвиженской лежитъ по лѣвому берегу рѣки и, вступая въ ущелье, плотно прижимается къ горѣ. Такъ она проходитъ на нѣкоторомъ пространствѣ до самаго оврага, неожиданно пересѣкающаго ее въ недалекомъ разстояніи отъ входа. Затѣмъ, перейдя оврагъ, становится нѣсколько удобо-проходимѣе и открываетъ глазамъ влѣво, по правую сторону рѣки,

ауль Дачу-Барзой, раскинутый на просторной, круглой полянѣ, охваченной со всѣхъ сторонъ горами-же.

Изъ этого краткаго и, конечно, слабого, въ сравненіи съ дѣйствительностію, описанія, видно, что для того, чтобы прорваться въ ущелье, необходимо вопервыхъ, вести войска не въ колоннахъ, а рядами; вовторыхъ, понавъ сразу подѣ перекрестный огонь невидимаго непріятели, двигаться, такимъ образомъ, до неожиданной встрѣчи съ оврагомъ; потомъ, очутившись, по необходимости, въ этомъ оврагѣ, терпѣливо ждать, пока съ горы всѣхъ перестрѣлаютъ.

Шамиль столько же хорошо понималъ всю важность и всѣ выгоды этой неприступной твердыни, сколько видимо и сильно безпокоился за нее въ концѣ 1857-го года. Послѣ декабрьскихъ поражений въ большой Чечнѣ, онъ какъ-бы догадывался, что намъ остается, въ постепенномъ порядкѣ, только движеніе въ аргунское дефиле. Вслѣдствіе этого, онъ согналъ туда не только большую часть воиновъ Чечни, но даже и сборныя сотни изъ Дагестана. Мало того, принялся укрѣплять ущелье такимъ образомъ, чтобы—если позволено выразиться—муха не проскользнула бы въ него, а именно: при входѣ въ тѣснину правая высота (по лѣвому берегу) была застроена тремя рядами заваловъ изъ толстыхъ бревенъ; передъ оврагомъ — заваль, по ту сторону его — еще два завала; по правому берегу рѣки, параллельно дорогѣ, еще одинъ длинный заваль, изъ-за котораго горцы могли видѣть каждаго изъ насъ въ лицо, а перпендикулярно этой дорогѣ — опять заваль, защищавшій путь по ту сторону Аргуна. Этотъ послѣдній заваль восходилъ снизу на гору, почти до верхнихъ ея предѣловъ, и былъ прикрытъ спереди глубокимъ и широкимъ рвомъ. Соображая эти укрѣпленія, можно думать вопервыхъ, что Шамиль былъ того мнѣнія, что намъ необходимо будетъ вести наступленіе по обоимъ берегамъ рѣки—какъ мы и сдѣлали,—а вовторыхъ, что вѣроятно всего, онъ имѣлъ въ виду голову нашей наступной колонны пропустить въ ворота

тѣснины, и тогда уже распорядиться съ нами желаннымъ образомъ; — послѣдствія понятны.

Не мало передумалъ и генераль Евдокимовъ о томъ, какъ-бы изловчиться и ухитриться, чтобы и аргунское ущелье было въ нашихъ рукахъ, и крови бы поменьше было пролито. И вотъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что ни стратегія, ни тактика тутъ ни къ чему не послужатъ, а нужно, просто на просто, надуть Шамиля: отвлечь куда нибудь подальше его силы, такъ, чтобы въ одинъ день ему оттуда не послѣтъ въ ущелье, а самому, тѣмъ временемъ, нагрянуть на Дачу-Барзой, какъ снѣгъ на голову.

Евдокимовъ былъ генераль тихій, негромкій, сосредоточенный и замкнутый. Самыя приказанія онъ отдавалъ всегда вполонину, какъ-бы боясь, чтобы никто не проникъ въ настоящій ихъ смыслъ, а ужъ заранѣе освоить божій міръ съ этими приказаніями или съ его намѣреніями — да это было бы истымъ и чистѣйшимъ въ его глазахъ преступленіемъ, ударомъ для него самого, котораго бы онъ, просто, не пережилъ. Какъ вдругъ, декорація перемѣнилась, — и мы не хотѣли вѣрить ни ушамъ, ни глазамъ своимъ: Николай Ивановичъ начинаетъ заблаговременно и громко — вовсе не по характеру — толковать и проповѣдывать о томъ, что нужно бы опять въ большую Чечню, къ Кишень-Ауху, въ Автуры, и заложить бы въ послѣднемъ солидное укрѣпленіе. Главное дѣло въ томъ, что покойный генераль дѣлится этими намѣреніями съ тѣми лицами, которымъ меньше всего, по своей натурѣ и опытности, довѣрялъ, а именно: съ нѣкоторыми представителями нашей татарской милиціи и съ приближенными къ нему начальственными лицами изъ горцевъ. Естественно, что соображенія и виды генерала быстро проникли въ массу нашихъ чеченцевъ-милиціонеровъ, а отъ нихъ сообщились установленнымъ порядкомъ и въ Шамилю. Но старикъ не такъ былъ легковѣренъ, какъ казалось: такъ-то-такъ, думалъ онъ себѣ, но... все-таки... аргунское ущелье...

И имамъ недовѣрчиво покачивалъ головою и щипалъ свою съдую бороду.

Николай же Ивановичъ, видя, что почтенный соперникъ затрудняется ему вѣрить на-слово, рѣшилъ убѣдить его въ своихъ намѣреніяхъ фактически: приказалъ перевезти въ Шали фуражъ, которымъ бы легко могъ оттуда снабжать автурійскую колонну; велѣлъ повсюду нанимать подводы для перевозки строительныхъ матеріаловъ и, наконецъ, 15-го января, двинулъ значительную часть войскъ и большой обозъ на правый берегъ Аргуна, у Бердыкеля, по этой дорогѣ, по которой обыкновенно мы ходили изъ Грозной въ большую Чечню.

На этотъ разъ маститый имамъ не могъ болѣе сомнѣваться въ искренности намѣреній нашего полководца и тотчасъ отозвалъ изъ аргунскаго ущелья всю массу своихъ войскъ къ Автурамъ, а оборону дефиле—и то лишь на случай чего нибудь нечаяннаго — предоставилъ отважному и распорядительному шатоевскому наибу Батока, ввѣривъ ему до двухъ тысячъ войска изъ жителей окрестныхъ обществъ.

Съ 15-го на 16-е число января 1858-го года ночь была темная, суровая. Темнота ея слегка смягчалась кое-гдѣ разбросаннымъ снѣгомъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подталъ днемъ, уже образовались оледнѣлыя тундры; сверху все моросило, да моросило; изрѣдка не крѣпкій, но неожиданный вѣтеръ обдавалъ предметы мокрою пеленою, висѣвшею въ воздухѣ въ видѣ густато тумана.

Въ крѣпости Воздвиженской тихо и спокойно; кромѣ часовыхъ и обходовъ, на улицахъ и площадяхъ—никого. Огни по большей части уже потушены, и только въ домѣ командира куринскаго полка, генераль-маіора Мищенко, половина дома освѣщена — какъ въ день свадьбы.

Но кому охота дознавать: зачѣмъ и для кого эта иллюминація?

Черною массою выступаетъ цитадель, съ ея высокою каменною стѣною, лишь сверху окаймленною снѣгомъ, какъ бѣлою ленточкою. Подойдя поближе къ этой стѣнѣ, видишь, что еще чернѣе глубокий ровъ, охватывающій кругомъ цитадель, раскрылъ свою внутренность. Внутри цитадели также тихо, какъ и въ крѣпости вообще, лишь на гауптвахтѣ, влѣво отъ воротъ, монотонно прохаживается часовой, да у артилерійскихъ конюшенъ изрѣдка во всю глотку звѣнетъ другой часовой—и только. Свѣтъ мелькаетъ лишь въ окнахъ крѣпостнаго флигеля—жилища офицеровъ 5-й легкой батареи—который вытянулся по самой серединѣ цитадели. На одномъ изъ оконъ довольно обширной комнаты стоитъ догорающая стеариновая свѣчка и освѣщаетъ собою пустыя, довольно грязныя стѣны, ветхій, старомодный биліардъ и двухъ лицъ, усердно упражняющихся на немъ, съ кѣями въ рукахъ. Лица эти, по внѣшнему виду, представляютъ двѣ противоположности: блондинъ и брюнетъ, довольно высокій—и довольно приземистый, тонкій—и круглый, въ дубленомъ полушубкѣ—и въ красной кумачевой рубахѣ. Игра идетъ свирѣпая: шары прыгаютъ, валятся за бортъ, лузы трещатъ.

Дверь въ смежную комнату тихонько приотворяется, и на порогѣ является третья личность.

— Господа, не пора-ли за закуску, да и въ постель?

— Постойте, Вильгельмъ Адольфовичъ; — я, для удовольствія Александра Николаевича, еще одинъ карамболь устрою.

— А онъ, вѣрно, для вашего удовольствія—оттяжку?

— Куда тебѣ, бутузъ! подхватилъ Александръ Николаевичъ. Поучись прежде, продолжалъ онъ, а тогда и суйся въ игру.

— Ну, Кашинцовъ провалился! замѣтилъ, спустя нѣкоторое время, Вильгельмъ Адольфовичъ;—партія за вами, Александръ Николаевичъ.

Игра кончилась.

Въ это время дверь изъ передней тихо отворилась, раздался сдержанный, робкій кашель, и на порогѣ, вытирая ладонью усы, появился фельдфебель 5-й легкой батареи.

— Ты что? спросилъ у него штабсъ-капитанъ Вевернъ, удаляя отъ себя подсвѣчникъ, который принялъ съ окна.

— Въ походъ, ваше благородіе!

Минутное молчаніе; офицеры переглянулись.

Хотя подобное неожиданное извѣстіе никого не удивило, потому что къ нему не привыкать-стать, но все же оно застало артиллеристовъ болѣе или менѣе врасплохъ, потому что похода въ эти дни ни у кого даже и на думкѣ не было.

— Куда? спросилъ Вевернъ.

— Не могу знать, ваше благородіе. Приказано выступать дивизиону вашего балагородія и взводу горныхъ орудій.

— Хорошо, сказалъ равнодушно командиръ дивизиона. Распорядись.

Фельдфебель выпелъ и быстрыми шагами направился къ казармѣ.

Войдя въ казарму, онъ остановился на порогѣ и окинулъ ее быстрымъ, молодецкимъ взглядомъ: дежурный на мѣстѣ, люди спятъ, огни въ исправности, все въ порядкѣ. Здѣсь фельдфебель былъ уже совсѣмъ не тотъ, какъ за пять минутъ назадъ предъ командиромъ дивизиона;—видно было, что тутъ онъ являлся прямымъ хозяиномъ всего окружавшаго его.

Хозяинъ присанился; кашлянулъ и зычнымъ голосомъ крикнулъ на всю казарму:

— Пошолъ, выходи, ступай, маршъ!

Это былъ его обыкновенный призывъ къ походу.

Моментально приподнялась на нарахъ сотня головъ, — и казарма ожила; затѣмъ, не прошло и трехъ минутъ, какъ въ конюшнѣ уже ржали и отхралывались гнѣдые черноморцы!

— Ну!... тпрр!... шалишь!... Не дури! — только и слышно было то въ томъ, то въ другомъ концѣ сарая.

Издали послышался давно знакомый всѣмъ голосъ командира батареи, подполковника Тверитинова, который никогда не говорилъ тихо.

— Здорово, черти! крикнулъ онъ, являсь у входа въ конюшню.

— Здравія желаемъ, вашеск—бародіе! отвѣчали солдаты.

Павель Васильевичъ почти бѣгомъ прошелъ насквозь конюшню, выругалъ на ходу двухъ-трехъ ѣздовыхъ, снабдилъ подзатыльникомъ вожатого и толкнулъ въ брюхо ногою одну лошадь, которая безцеремонно загородила ему дорогу.

— Живѣе!

И съ этимъ словомъ командиръ скрылся, направляясь въ крѣпостной флигель.

— Вы ужъ готовы? прокричалъ онъ, входя въ билиардную, куда двери изъ сосѣднихъ офицерскихъ комнатъ были отворены настежь. И, не дождавшись отвѣта, Павель Васильевичъ продолжалъ:

— Александръ Николаевичъ, водка есть?

— Дома, Павель Васильевичъ. Иванъ, подай водку!

Явился дубинообразный Иванъ, съ стаканомъ и бутылкою, подавая то и другое своему командиру.

— Чортъ!... Наливай самъ;—я не работникъ твой.

Третъ стакана осушена.

— Куда пойдемъ, Павель Васильевичъ? спросилъ прапорщикъ Кашинцовъ.

— Про то Евдокимовъ знаетъ.—

Павель Васильевичъ вынулъ изъ кармана папиросу и, закуривъ ее, направился обратно къ дверямъ.

Павель Васильевичъ былъ закаленный артиллеристъ стараго кавказскаго покроя, любимый своими офицерами, уважаемый сол-

датами и всегда готовый подѣлиться съ тѣми и другими послѣднимъ кускомъ своего хлѣба. Это радушіе и хлѣбосольство отчасти были причиною того, что впоследствии онъ самъ остался безъ куска хлѣба и кончилъ жизнь свою весьма печальнымъ образомъ. Какъ сейчасъ востаетъ предо мною его фигура, въ длинномъ, походномъ, потасканномъ сюртукѣ, въ прилепешенной на лбу фуражкѣ, въ расплепанныхъ сапогахъ, безъ галошъ...

Въ полночь, на площади, между цитаделью и домомъ командира полка, начали собираться войска. Они двигались, перестраивались, появлялись то тамъ, то здѣсь, — такъ что рѣшительно нельзя было, среди ночной мглы, составить себѣ точнаго понятія о томъ: какихъ полковъ эти отдѣльныя части; явились-ли онѣ съ мѣста, изъ казармъ, или подходятъ извнѣ; какая цѣль всѣхъ этихъ построений и передвиженій. Офицеровъ, конечно, нельзя было замѣтить иначе, какъ по отсутствію у нихъ ружья со штыкомъ; въ остальномъ, одѣтые въ нагольные и дубленные полушубки, они ничѣмъ не отличались отъ солдатъ.

Наконецъ, войска утомонились; батарея заняла мѣсто въ центрѣ.

Прошелъ часъ, прошелъ и другой,—войска все стоятъ на одномъ мѣстѣ, уталтывая ногами скользкую землю. Нетерпѣніе, досада начинаютъ овладѣвать всѣми; приказаній—никакихъ; всѣ мокнутъ и дрогнуть подъ ледяною пылью; слышится ропотъ, неудовольствіе.

По флангу колонны проскользнулъ какой-то закрытый экипажъ и повернулъ въ дому командира полка.—Евдокимовъ пріѣхалъ, заговорили въ рядахъ. Вѣрно, скоро двинемся.

Однако, не смотря на прибытіе командующаго войсками, мы еще съ часъ—если не болѣе—стояли все въ томъ-же положеніи. Затѣмъ, откуда-то послышалась команда, и голова колонны тронулась къ аргунскимъ воротамъ, которые медленно, какъ-бы лѣнливо, раздвоились передъ нею.

Теперь стало всѣмъ понятно, куда мы направлялись.

Вещь естественная, что никто и не думалъ задаваться мыслью о предстоящей опасности; но ожиданіе серьезнаго и рѣшительнаго боя не сходило у всѣхъ съ языка, такъ какъ всѣ хорошо помнили наши прежнія неудачи въ аргунскомъ ущельи, и всѣ хорошо знали, что въ настоящее время оно укрѣвлено въ нѣсколько разъ лучше, чѣмъ прежде. Тѣмъ не менѣе, войска шли охотно: аргунское ущелье, вызывавшее постоянныя, ежедневныя тревоги, крѣпко ужъ надоѣло куринскому полку и 5-й легкой батареѣ; — хотѣлось съ нимъ поскорѣе и разомъ порѣшиться.

Войска, какъ бы преднамѣренно, подвигались довольно медленно. Это, дѣйствительно, было дѣлаемо съ цѣлью, и самая цѣль состояла въ томъ, чтобы согласовать движеніе войскъ, выступившихъ изъ Воздвиженской, съ движеніемъ другой колонны—генераль-маіора Кемпферта. Объ этомъ мы уже узнали впоследствии; при нашемъ же выступленіи не предполагали за собою или вблизи себя никакихъ другихъ войскъ.

Между тѣмъ, все дѣло сложилось и происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ то время, когда съ вечера, на 16-е число, фельдфебель докладывалъ штабсъ-капитану Веверну о томъ, что приказано готовиться къ выступленію, другія войска уже двигались по другимъ направленіямъ раньше насъ: колонна генераль-маіора Кемпферта, составлявшая лѣвое крыло наступнаго отряда, заключавшая въ себѣ пять баталіоновъ пѣхоты и восемь орудій и, какъ выше сказано, выдвинутая за Бердыкель, чтобы обмануть непріятеля, получила приказаніе—слѣдовать, съ наступленіемъ ночи, по правому берегу

Аргуна и достигнуть ущелья одновременно съ нами. Такъ какъ этой колоннѣ приходилось сдѣлать обходное движеніе верстъ въ двадцать пять, то, понятно, что наша колонна двинута изъ Воздвиженской, по расчету времени, только тогда, когда можно было предполагать, что Кемпфертъ находится по ту сторону Аргуна, на одной линіи съ нами. Онъ огибалъ своею колонною полукругъ, а мы шли изъ Воздвиженской по прямой линіи, изъ чего слѣдовало, что наше движеніе мы и дальше должны были по возможности замедлять и приостанавливать, не смотря на выступленіе въ три часа пополудни. Эти приостановки оказывались тѣмъ болѣе необходимыми, что наша колонна, составлявшая правое крыло наступнаго отряда, вѣренна командирѣ куринаскаго полка, генераль-маіору Мищенкѣ, шла хотя по дорогѣ скользкой, но почти безснѣжной и ровной; тогда какъ баталіоны Кемпферта во все время пути не выходили изъ снѣга по колѣно. Затѣмъ, когда они, часа за три до разсвѣта, поднялись на высоту крѣпости Воздвиженской, затрудненія ихъ еще болѣе увеличились, такъ какъ отсюда дороги въ аргунское ущелье не было, снѣгъ во многихъ мѣстахъ лежалъ до пояса, и движеніе предстояло совершить большею частію среди лѣса, кое-гдѣ пролагая себѣ путь при помощи прикладовъ. Люди выбивались изъ силъ, падали; лошади спотыкались на каждомъ шагѣ; только и слышно было съ минуты на минуту:

— Не отставать! Не растягиваться! Смѣлѣе, ребята: скоро къ мѣсту!

И усталые солдаты собирали всѣ свои силы, чтобы достигнуть этого обѣтованнаго „мѣста“.

Ну что, еслибы въ это время они могли быть встрѣчены въ лѣсу какою-нибудь засадою, — положимъ, хоть изъ одной сотни горцевъ? ... Думалъ-ли что нибудь подобное генераль Евдокимовъ? Должно полагать, что думалъ. Это можно замѣтить изъ того, что на утро, когда онъ громилъ ущелье и, двигая штурмовыя колонны, оглядывался все въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ пока-

заться Кемпфертъ, онъ вовсе не имѣлъ на своемъ лицѣ отпечатка рѣшимости и увѣренности; даже, смотря ему прямо въ лицо—пока дѣло не сдѣлалось горячимъ—я былъ вполне убѣжденъ, что онъ болѣе, чѣмъ наполовину, какъ бы сомнѣвается въ счастливомъ исходѣ битвы.

Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ въ эти минуты положеніе командующаго войсками, его тяжелую душевную борьбу, сознание отвѣтственности—нравственной еще болѣе, чѣмъ служебной—за всякую неудачу. А такая неудача вездѣ и всегда возможна, какъ хорошо ни рассчитай всѣ шансы;—вѣдь бывали же случаи, когда непредвидѣнное обстоятельство, ошибка начальника колонны или что нибудь въ этомъ родѣ разрушали всѣ соображенія начальника войскъ и радикально измѣняли къ худшему его ожиданія: Дарго, ичкеринскій лѣсъ, упущеніе Шамиля при нападеніи его на Кабарду—все это тѣ ошибки, о которыхъ я говорю, и которыя стоили намъ много крови и—болѣе или менѣе—остались позоромъ на нашей памяти. Единственный расчетъ всѣхъ нашихъ кавказскихъ полководцевъ былъ не столько на себя самихъ—въ особенности, въ крайнихъ случаяхъ—сколько на офицеровъ и на солдатъ;—они были, какъ дважды два, увѣрены, что тѣ и другіе не струсятъ,—и никто не станетъ отвергать, что на дѣйствительности этого факта почіеть навѣки слава многихъ кавказскихъ генераловъ; что славу эту многіе изъ нихъ стяжали личными заслугами гораздо менѣе, чѣмъ при помощи и посредствомъ безсмертныхъ заслугъ ихъ желѣзнаго войска.

Да, я вполне утверждаю, что Евдокимовъ, вступая въ аргунское ущелье, не былъ увѣренъ въ безусловномъ успѣхѣ. Въ этомъ дѣлѣ онъ изображалъ собою отличнаго игрока, который ставилъ на карту все, что у него было, весь громадный свой выигрышъ, скопившійся въ теченіи многихъ лѣтъ,—и можетъ его проиграть. Что остается дѣлать хорошему, знающему, даже добросовѣстному игроку, если все онъ проигрываетъ разомъ и *безвозвратно*?

Генераль Евдокимовъ находился въ такомъ тревожномъ состояніи еще потому, что онъ заранѣе ввѣрилъ главнокомандующему свои намѣренія о взятіи аргуискаго ущелья и, сколько намъ было извѣстно, обнадеживалъ его въ томъ.

А вдругъ-бы да не взяли?...

Аргуискаое ущелье — не простая непріятельская позиція, не ауль, который можно разорить набѣгомъ, сналета, съ тѣмъ, чтобы черезъ три мѣсяца онъ опять явился на своемъ мѣстѣ; аргуискаое ущелье—это вопросъ жизни и смерти почти половины непокорныхъ племенъ Кавказа, и еслибы мы покорили весь сѣверный Кавказъ со стороны Дагестана, большой и малой Чечни, но не совладали бы съ аргуискимъ ущельемъ — мы никоимъ образомъ неправѣ бы были считать за собою эту сторону края и постоянно должны были бы держать войска подъ ружьемъ, постоянно должны были бы видѣть и испытывать самыя пагубныя для насъ сношенія покорныхъ горцевъ малой Чечни съ непокорными, — тогда какъ взятіемъ аргуискаго ущелья мы разъ навсегда положили преграду этимъ вреднымъ для насъ сношеніямъ и раздѣляли овецъ направо, козловъ — налево. Важность такого раздѣленія понятна только для тѣхъ, кто захватилъ еще кавказскую войну на лѣвомъ крылѣ и самъ въ ней участвовалъ.

Но возвратимся къ отряду.

Колонна генераль-маіора Мищенки состояла изъ трехъ баталіоновъ куринскаго полка, шести орудій (въ томъ числѣ двухъ горныхъ) легкой № 5-го батареи и двухъ сотенъ казаковъ.

Резервъ колонны генерала Кемпферта, подъ командою генераль-маіора Рудановскаго, составляли: пять баталіоновъ тенгинскаго, виленскаго и бѣлостокскаго полковъ; 20-й стрѣлковый баталіонъ, четыре орудія и двѣ сотни казаковъ. Резервъ колонны генерала Мищенки, подъ командою полковника Тимермана, составляли: два съ половиною баталіона апшеронскаго полка, сводный линейный стрѣлковый баталіонъ, рота саперъ и два орудія. Резервы эти были

двинуты ночью-же, съ 15-го на 16-е января, непосредственно за ихъ центральными силами—первый изъ Бердыжеля, второй — изъ Грозной; послѣдній явился къ крѣпости Воздвиженской одновременно съ выступленіемъ изъ нея колонны генерала Мищенко. Наконецъ, арьергардъ всего этого отряда, находившійся подъ командою полковника Муссы-Кундухова, состоялъ изъ четырехъ эскадроновъ драгунъ, шести сотенъ казаковъ, четырехъ съ половиною сотенъ милиціи, и четырехъ конныхъ орудій. Этотъ арьергардъ слѣдовалъ также изъ крѣпости Грозной по пятамъ резерва праваго крыла (ген. Мищенко) отряда.

Уже одно исчисленное количество войскъ, достаточное для порядочнаго генеральнаго сраженія, подтверждаетъ наше заключеніе о томъ, что командующій войсками далеко не сквозь пальцы смотрѣлъ на возможность какой либо неудачи при взятіи собственно аргунскаго ущелья.

На полпути къ цѣли, у казачьяго поста, колонна генерала Мищенко остановилась, привела въ порядокъ свои ряды и приготовила свою артилерію. Съ этого мѣста были уже раскинуты цѣпи, и баталіоны двигались въ боевомъ порядкѣ, съ орудіями въ головѣ и на лѣвомъ флангѣ.

Стало разсвѣтать. Яснѣе начали обрисовываться ребра лѣсистыхъ горъ, ограждающихъ входъ въ ущелье. Ни одного выстрѣла, ни единого звука голоса не было слышно, кромѣ громкаго кашля генерала Мищенко (*), которымъ обнаруживалось его присутствіе впереди колонны; по этому кашлю горцы давно привыкли отгадывать, кто именно ведетъ войска.

Тутъ нагналъ насъ генераль Евдокимовъ.

(*) Генераль Мищенко былъ раненъ въ грудь, и отъ этого постоянно страдалъ сильнымъ и глухимъ кашлемъ.

Колонна остановилась у самого входа въ тѣснину. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ по ущелью раздалось нѣсколько горскихъ выстрѣловъ, которые, повидимому, были для непріятеля призывнымъ сигналомъ къ битвѣ.

Тотчасъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: стрѣлковыя роты своднаго линейнаго баталіона спущены внизъ къ лѣвому берегу рѣки; на дорогѣ противъ ущелья поставлены два горныхъ и два полевыхъ орудія легкой № 5-го батареи, которымъ приказано было дѣйствовать по заваламъ, преграждавшимъ входъ въ ущелье и защищавшимъ съ фланга правую высоту; два другія полевыхъ орудія той-же батареи были направлены нѣсколько правѣе, на верхніе завалы, защищавшіе гору съ фронта; влѣво отъ дороги былъ поставленъ подоспѣвшій къ этому времени взводъ конныхъ орудій, которому предстояло дѣйствовать по заваламъ правого берега рѣки и, такимъ образомъ, облегчить взятіе ихъ колонною генерала Кемпферта, которая, между прочимъ, еще не показывалась.

Пѣхота расположена была по флангамъ и позади орудій.

Едва только роты спустились внизъ къ рѣкѣ, а артилерія успѣла установить орудія, съ разныхъ сторонъ—съ боковъ, сверху, снизу—горцы открыли по войскамъ перекатный ружейный огонь. Въ отвѣтъ на это мгновенно засвистѣли ядра, зашипѣли гранаты, —и все слилось въ одинъ непрерывный гулъ, среди котораго свистъ горской пули былъ слышенъ только тогда, когда она пролетала возлѣ самаго уха. Снизу, отъ рѣки, густыми клубами поднимался къ намъ дымъ отъ бѣглой пальбы линейнаго баталіона. Огонь становился все чаще и чаще, и начиналось то, что на простомъ языкѣ называется свѣтопреставленіемъ. Канонада продолжалась уже около получаса, но горцы держались упорно и не думали еще очищать ни одного завала.

Генералъ Евдокимовъ сидѣлъ верхомъ на лошади, какъ вкопанный, безпокойно поводилъ кругомъ глазами, обращая ихъ чаще всего туда, откуда долженъ былъ показаться Кемпфертъ, и время

отъ времени перебрасывался замѣчаніями съ генераломъ Мищенко.

Видя, что непріятель не поддается орудійному огню, командующій войсками приказалъ генералу Мищенкѣ направить два баталіона, подъ командою полковника Рихтера (*), на штурмъ правой горы и ея заваловъ. Эта гора, ограждая собою входъ въ дефиле, и господствуя надъ прилежащими къ ней высотами, составляющими, вглубь по ущелью и вправо по равнинѣ, ея продолженіе, являлась главнымъ оплотомъ всей непріятельской силы и главною защитою самаго ущелья; взятіемъ расположенныхъ на ней, по ущелью и перпендикулярно къ нему, заваловъ, мы сѣдлѣ, какъ головы горцамъ, находившимся внизу, по обѣ стороны оврага, и могли ихъ оттуда поражать навѣсью.

Съ порученіемъ, по фронту, поскакалъ прапорщикъ Агишевъ; но, едва поровнялся съ орудіями — вспрыгнулъ въ сѣдлѣ, какъ обожженный, и остановился.

— Что случилось? спросилъ его одинъ изъ артилерійскихъ офицеровъ.

— Кажется, раненъ, жалобно произнесъ Агишевъ, хватаясь рукою ниже поясицы.

— Ничего, поѣзжай далѣе, подхватилъ, смѣясь, вопрошавшій. Не умрешь.

Вслѣдъ за Агишевымъ галопомъ скакалъ командиръ батареи, подполковникъ Тверитиновъ и, не сворачивая съ дороги, чтобы объѣхать орудія, направилъ свою лошадь какъ-разъ передъ самыми дулами, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди ихъ. Онъ видѣлъ, что въ это время орудія заряжались и, вѣроятно, рассчитывалъ проскольз-

(*) Нынѣ генералъ-адъютантъ и начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи.

нута благополучно,—а, можетъ быть, и вовсе ни на что не рассчитывалъ, а пустился вскачь сторяча, въ забывчивости,—какъ вдругъ ядро изъ орудія, которымъ командовалъ Капинцовъ, просвистѣло мимо него такъ близко, что конь подъ нимъ остановился, какъ пригвожденный къ землѣ.

Павель Васильевичъ опѣшилъ.

— А — а, чортъ! крикнулъ онъ, оправившись. Не видите меня, что-ли? Вѣрно, булава?

Капинцовъ, не обращая на это замѣчаніе никакого вниманія, простодушно ослабилъ, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и продолжалъ свое дѣло.

Случай былъ, дѣйствительно, курьезный и возбудилъ нѣсколько острогъ среди офицеровъ надъ неловкостью Капинцова.

Подполковникъ Тверитиновъ подсказалъ къ правому флангу батареи, гдѣ дѣйствовалъ единорогъ.

— В—ій, крикнулъ онъ канониру, бывшему при орудіи за фейерверкера, — возьмите въ свое распоряженіе этотъ единорогъ, поставьте его правѣе и дѣйствуйте только по правымъ заваламъ, черезъ головы штурмовой колонны, которая поднимается на гору. Смотрите, не перестрѣляйте своихъ,—чортъ! крикнулъ Павелъ Васильевичъ—и исчезъ.

Единорогъ поставленъ по указанію,—и граната за гранатою полетѣла въ данную точку.

Замѣчательно было, въ своемъ родѣ, восхожденіе штурмовой колонны, осѣняемой, поверхъ головъ, параболическимъ шипѣніемъ гранатъ, словно пастырскимъ благословеніемъ: впереди колонны шли до двухсотъ охотниковъ, открывая ей дорогу; за ними красовалась статная и спокойная фигура полковника Рихтера, и за плечами у него — два баталіона въ колоннахъ, шагъ за шагомъ окунающіеся по поясъ въ снѣгъ, барахтающіеся въ немъ, какъ въ ямѣ, хватающіеся по дорогѣ за деревья, склоненные подъ выстрѣлами своихъ-же гранатъ и почти задыхающіеся отъ усталости.

По мѣрѣ того, какъ баталіоны поднимались все выше и выше, гранаты летѣли навѣснѣе, и огонь былъ учащенъ до предѣловъ крайней возможности;—орудіе накалилось, какъ въ огнѣ, но останавливаться было невозможно, потому что наступала минута рѣшительная.

Командующій войсками перенесъ теперь все свое вниманіе на штурмовую колонну; горцы же пока не замѣчали ея приближенія.

Прошло около часа. Штурмующіе были уже близко къ цѣли. Гранаты рвало очень удачно, и каждая изъ нихъ ложилась непосредственно по ту сторону завала; огонь горцевъ становился все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, почти вовсе прекратился (*). Пора была остановить и стрѣльбу изъ единорога.

Чуть только орудіе замолкло — раздалось громкое ура!—и куринцы, почти въ одиночку, вскочили, другъ за другомъ, на заваль. По первому ихъ клику, горцы въ нѣсколько секундъ очистили все пространство завала, оставивъ лишь по себѣ во многихъ мѣстахъ обильные слѣды крови.

Въ ту-же минуту по ту сторону рѣки показалась колонна генерала Кемпферта и, поддержанная отсюда конными орудіями, охватила, такимъ образомъ, перекрестнымъ артилерійскимъ огнемъ завалы по горѣ праваго берега Аргуна. Пользуясь смятеніемъ и быстрымъ отступленіемъ горцевъ въ этихъ двухъ важныхъ пунктахъ, генералъ Евдокимовъ приказалъ тотчасъ-же сводному стрѣлковому баталіону, находившемуся внизу, перейти тамъ-же къ наступленію вдоль по берегу рѣки, а по дорогѣ въ ущелье двинулъ первый баталіонъ куринскаго полка и два горныхъ орудія — по-

(*) За этотъ подвигъ канониръ В—ій награжденъ георгіевскимъ крестомъ, присланнымъ командующимъ войсками въ батарею собственно на имя отличившагося.

слѣднія подѣ командою прапорщика Тегулова. Орудія эти, выставившись почти въ упоръ противъ заваловъ, ограничивавшихъ спереди и сзади оврагъ, открыли по нимъ картечный огонь. Горцы не дождались атаки перваго баталіона куринцевъ, которые имъ всегда очень не нравились въ подобныхъ случаяхъ, бросили свои завалы и спасались бѣгствомъ. Въ это время стрѣлки, рота за ротою, достигнувъ переднихъ заваловъ у оврага, думали перебраться на ту сторону и отрѣзать отступление, по крайней мѣрѣ, хотя тѣмъ горцамъ, которые спускались сюда сверху изъ подѣ выстрѣловъ колонны полковника Рихтера; но увы! — должны были остановиться у оврага, потому что дорога была раскопана, испорчена, идти по ней впередъ было невозможно и слѣдовало прежде устроить переправу.

Прошло еще пять минутъ; пальба все рѣже, слабѣе — и наконецъ, вовсе стихла.

Аргунское ущелье взято!...

Побѣда эта стоила намъ одного убитаго и шести человекъ раненыхъ нижнихъ чиновъ; непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ.

Въ лавровый вѣнокъ Евдокимова вполетена новая вѣтвь, а въ исторію куринскаго полка и 5-й легкой батареи, 20-й артиллерійской бригады, вошла еще одна золотая страница.

II.

Балъ. Отдыхъ послѣ утомленія. Ауль Дачу-Барзой. Американскіе топоры. Рекогносцировка. Атака милиціонеровъ. Общее состояніе отряда. О качествахъ частей войскъ въ кавказской арміи. Преднамѣренія Шамиля и прибытіе его сына. Обзоръ сосѣдней мѣстности. Маневры Казы-Магомы. Взятіе нами ауловъ: Чалги-Ирзау, Дутена и Изманль-Юрта. Штурмъ аула Улусъ-Керты. Наши потери. Передвиженіе колонны къ Изманль-Юрту и схватка съ горцами. Указаніе на дѣйствія полковника князя Мирскаго въ большой Чечнѣ.

Такое важное историческое событіе, какъ взятіе аргунскаго ущелья, не могло не быть отпраздновано подобающимъ образомъ. Всякое празднество должно было имѣть двоякую цѣль: существенную, т. е. ликованіе, веселье, и внѣшнюю—чествованіе виновника столь славнаго дѣла, генерала Евдокимова. Естественно, что въ ближайшихъ къ отряду пунктахъ никто кромѣ Павла Васильевича Тверитинова, съ его широкою, нестѣсняемою ни въ какихъ денежныхъ расходахъ натурою, не могъ устроить торжества; да, пожалуй, никому оно бы и въ голову не пришло. Покойному Тверитинову тѣмъ болѣе пристало задать пиръ, что онъ самъ былъ не послѣднимъ главнымъ дѣятелемъ во *вскрытіи входа* въ сердце Кавказа со стороны Чечни, съ той стороны, откуда всякая удача казалась до 16-го января сомнительною.

Нашъ командиръ батареи (царство ему небесное!) ничего не дѣлалъ вполонину:

„Коль спорилъ — такъ ужъ смѣло,
Коль стоялъ — такъ ужъ за дѣло,
Коль ругнетъ — такъ сгоряча,
Коль рубнетъ — такъ ужъ сплеча“...

Такъ оно и вышло по отношенію къ балу, который онъ устроилъ: гости были приглашены отовсюду, со всѣхъ концовъ самаго отдаленнаго горизонта: и изъ Грозной, и изъ станицъ, и изъ укрѣпленій, и изъ отряда; вина, закуски, десертъ были выписаны и привезены особыми нарочными чуть не изъ самой за-границы,—и, конечно, все это обошлось въ тридорога; туалетъ жены, нѣкоторыя балныя приспособленія для парадной гостинной доставлены чуть не на курьерскихъ изъ самаго Ставрополя; къ повару Ивану Васильевичу, нанятому въ Харьковѣ за сорокъ рублей въ мѣсяцъ (преимущественно для обыденнаго кормленія гостей и своихъ офицеровъ) прикомандированы были Павломъ Васильевичемъ еще четыре другіе повара, а къ оберъ-камердинеру Мезенцову — цѣлая свита подкамердинеровъ, вице-камердинеровъ, валетовъ ливрейныхъ, валетовъ номерныхъ, просто лакеевъ, посыльныхъ, разсыльныхъ и тому подобныхъ дармоѣдовъ.

Судили и радили всѣмъ домою, гдѣ и какое избрать помѣщеніе для бала. Оказался наиболѣе подходящимъ полковой домъ (куринскаго полка), гдѣ помѣщалась бібліотека. Конечно, съ такими вещами, какъ бібліотека, церемониться нечего: ее живо сдвинули въ одну комнату, остальные очистили, и явилось такое помѣщеніе, которое бы сдѣлало честь любому губернскому городу. Теперь послѣдній вопросъ: кто-же займется соответственнымъ устройствомъ бала, въ особенности и преимущественно докоративною и всякою подобною частію зала, гостинной и прочихъ комнатъ,—чтобъ это вышло и съ шикомъ, и торжественно, и для всѣхъ удобно.

— Какъ ты думаешь, Саша? спрашиваетъ Павелъ Васильевичъ у жены.

— Право не знаю, какъ хочешь; мнѣ и безъ того хлопотъ по горло.

Павелъ Васильевичъ подошелъ къ столу, съ котораго день и ночь никогда не сходила закуска, налилъ полрюмки водки, выпилъ,

крякнулъ, закусилъ кусочкомъ хлѣба съ солью и хлопнулъ въ ладоши. Мезенцовъ выросъ, какъ изъ земли.

— Черти! не дозовешься васъ, крикнулъ онъ на Мезенцова, который имѣлъ постоянное обыкновеніе стоять насторожѣ у дверей, какъ собака въ буднѣ, и божился Христомъ-Богомъ, что съ той минуты, какъ служить Павлу Васильевичу, приучилъ себя спать черезъ двое сутокъ, и то — одѣтымъ и всего не болѣе трехъ-четырехъ часовъ въ одинъ разъ, т. е. другими словами, онъ добился того, чего такъ жадно хотѣлъ достигъ Фридрихъ Великій — и не достигъ.

— Позвать ко мнѣ В — скаго, продолжалъ Павелъ Васильевичъ.

И канониръ В — скій чуть не какъ изъ земли выросъ, хотя жилъ въ крѣпостномъ флигелѣ, отстоявшемъ отъ дома командира батареи на четверть версты, только что явился изъ отряда, такъ сказать, умыться да переодѣться и не чувствовалъ ногъ подъ собою.

— Здравствуйте, В—скій! сказалъ Павелъ Васильевичъ, протягивая руку. Хотите закусить? Кушайте скорѣе. Да ну-же, не церемоньтесь, чортъ!

Спустя три минуты, командиръ продолжалъ:

— Вотъ вы занимаетесь тамъ разными глупостями: книжки читаете, статьи пишете... Я вамъ повторяю, что или дочитаетесь и допишется до розовой лошади, или подъ судъ угодите (*). Но это въ сторону... А сумѣете-ли устроить балъ?

(*) Оно такъ чуть-чуть и не случилось: спустя мѣсяцъ, тотъ-же канониръ В—скій, за напечатанную имъ въ первыхъ №№ газеты „Кавказъ“ того года статью „Кое-что о женщинахъ вообще и о кавказской въ частности“, по палъ въ ссылку, на Даргинь-Дуку, за рядового, да еще и съ ранцемъ на плечахъ. И не скоро смилосердился Павелъ Васильевичъ, которому почему-то пова-

— Радъ стараться, Павелъ Васильевичъ!

— Какой тамъ „радъ стараться“! Чортъ!... Говорите просто: сьумѣете-ли?

— Все сьумѣю, если приказать изволите.

— Ну, такъ смотрите: если выйдетъ что не такъ—на часы въ ящичку. А вечеромъ приходите закусить, въ карты поиграемъ, да съ барынями подурчимся.

— Слушаю-съ.

И такъ, выборъ нѣкотораго рода распорядителя сдѣланъ.

На слѣдующій день не только помѣщеніе библіотеки, такъ сказать, затрепало, но досталось и всей внѣшней архитектурѣ дома, включая туда же и крыльцо, и подъѣздъ, и противоположную сторону улицы (у крѣпостной стѣны), гдѣ предполагался вензель блаженной памяти Н. И. Евдокимова: одно тащили, другое вытаскивали, третье рубили, иное ломали, а тамъ — воздвигали; словомъ, содомъ, да и только.

Въ двое сутокъ всѣ приготовления были окончены: люстра, канделябры, горшки съ цвѣтами, мебель, вообще внутренняя обстановка; затѣмъ, иллюминація, щить—все и вся на своихъ мѣстахъ. На одной изъ стѣнъ танцевальнаго зала, изъ ружейныхъ курковъ, блестящихъ, отшлифованныхъ, было выбито: *16 января 1858 года*. Подъ этою надписью, изъ штыковъ, тесаковъ, ноженъ и тому подобнаго прочаго красовались большаго размѣра буквы *Н. И. Е.* Кругомъ и надъ надписями симметрично нависли разноцвѣтные значки, и все это было драпировано зеленою, которая какъ будто висѣла въ воздухѣ, потому что горшки были ловко маскированы. Кенкеты

залось, что въ этой статьѣ, написанной по поводу цѣлой годичной полемики съ легкаго пера Викторова, авторъ коснулся общества дамъ, среди которыхъ вращался, т. е. командирши и прочихъ.

Авт.

были устроены также изъ штыковъ, а по всѣмъ четыремъ угламъ— пирамиды изъ ружей, освѣщенныя, каждая, четырнадцатью огнями. Не были забыты ни банники, ни барабаны и тому подобныя вещи, которыя всѣ нашли свое назначеніе. Дѣйствительно, уборка и обстановка зала и гостинной были въ полномъ смыслѣ слова эффектны и оригинальны, хотя Павелъ Васильевичъ, навѣщая своего канонира четыре-пять разъ въ сутки, только мѣшала работамъ.

Въ восемь часовъ вечера комнаты благоухали, и начался сѣздъ, т. е., лучше сказать, сходъ, потому что гости, за немногими исключеніями, являлись пѣшкомъ.

Павелъ Васильевичъ, въ истоптанныхъ и разлапистыхъ сапогахъ, хотя и въ мундирѣ, самодовольно прохаживался по залѣ, любовно встрѣчая каждаго гостя. Въ гостинной, на мягкой кушеткѣ, сидѣли двѣ царицы бала, Лайса и Аспазія, двѣ соперницы, А. Е. Т. и Л. И. М. Возлѣ нихъ красовалась видная, прекрасная фигура Отто В. Р—ра, идеала всѣхъ дамъ, аргунскаго героя, украшеннаго впоследствии за это дѣло георгіевскимъ крестомъ, всѣми уважаемаго, всѣми обожаемаго. Офицерство, что помельче, заняло свободныя уголки.

Грянулъ хоръ — и вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ залъ Николай Ивановичъ. Все встрепенулось.

Покойный графъ Евдокимовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя, если ничему не удивляются и ничѣмъ не поражаются, то по крайней мѣрѣ скрываютъ настолько глубоко свои впечатлѣнія, что по наружности ничего въ нихъ не подхватишь. Однако, на этотъ разъ было видно, что Павелъ Васильевичъ достигъ цѣли: Николай Ивановичъ не только съ особеннымъ удовольствіемъ озирался вокругъ, но и видимо останавливался на нѣкоторыхъ предметахъ убранства и, въ концѣ концовъ, пожелалъ, чтобы ему представили того, кто такъ изячно распорядился обстановкою. Павелъ Васильевичъ подвелъ къ нему канонира В., который, въ сво-

емъ солдатскомъ сюртукѣ, почтительно остановился передъ славнымъ, знаменитымъ кавказскимъ вождемъ.

— Это вы, почтеннѣйшій?

— Такъ точно, в. п.

— И въ дѣлѣ молодець, и здѣсь не ударилъ лицомъ въ грязь, сказалъ генераль, съ улыбкою, обратясь къ Павлу Васильевичу.

Затѣмъ, послѣдовало нѣсколько вопросовъ В—му относительно его прибытія на Кавказъ, поводовъ къ настоящему положенію и, въ заключеніе, чистосердечное пожатіе руки.

Баль начался. Николай Ивановичъ былъ здѣсь, какъ въ своей семьѣ, и отрадно было видѣть, что и всѣ вокругъ него составляли семью. Онъ былъ подѣ самыми пріятными, еще неостывшими впечатлѣніями послѣдней побѣды и являлся вездѣ, во всемъ и для всѣхъ настолько любезнымъ и внимательнымъ, насколько позволяла его постоянная сосредоточенность.

Баль длился до трехъ часовъ, и Николай Ивановичъ не оставлялъ его—даже противъ обыкновенія.

Этотъ баль стоилъ Павлу Васильевичу много денегъ: дай Богъ, чтобы онъ отдѣлался вообще двумя тысячами; но за то, онъ и не принадлежалъ къ числу тѣхъ вечеровъ и баликовъ, которые обыкновенно въ оно-время давались въ нашихъ крѣпостяхъ, въ родѣ Владикавказа, Грозной и т. д. Это былъ баль на славу, во всю ивановскую...

Не считая нужнымъ описывать самое времяпровожденіе, я призналъ необходимымъ коснуться этого бала потому, что онъ хотя отчасти характеризуетъ время, лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, каковы: самъ виновникъ торжества, знакомящійся съ солдатомъ, и въ особенности Павелъ Васильевичъ—типъ челоуѣка во многомъ оригинальнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во многомъ и замѣчательнаго, какъ обломка стараго золотого кавказскаго времени, когда люди жили минутою, не разсуждая „объ утрѣи“; наконецъ, вообще, привелъ я этотъ баль, какъ личное воспоминаніе объ уда-

ломъ періодѣ времени, какъ штрихъ, очерчивающій отношеніе разныхъ лицъ кавказской старины, какъ указаніе на существовавшіе въ то время приемы, имѣвшіе вліяніе нерѣдко на всю дѣятельность и даже будущность тѣхъ или другихъ членовъ тогдашней кавказской семьи.

Говоря „объ утри“ и обязанный прибавить, что многіе, даже большинство военнoслужачихъ кавказцевъ стараго времени, жили болѣе или менѣе по программѣ Павла Васильевича, приноровляясь, впрочемъ, къ своей сферѣ, нельзя тутъ-же не оговориться, что эта распашность, что это стремленіе жить *поскорѣе*, во весь духъ, происходили изъ единственнаго положенія: завтра... а что завтра?... Легко можетъ быть, что завтра и пуля въ лобъ. Такъ отчего же не пожить сегодня?

Теорія эта, неизмѣющаяся теперь ни основанія, ни логики, въ свое время не была чужда смысла; и тогда она важна была еще тѣмъ, что къ общей кавказской удали, столь нелишней въ бывшемъ долгомъ кровавомъ пиру, прибавляла одинъ-два градуса высокой температуры.

Бессонная ночь и всѣ другія неудобства до того утомили людей, что въ день взятія аргунскаго уцелья ничего нельзя было предпринять или сдѣлать, кромѣ того, что было уже сдѣлано. Войска остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились въ минуту побѣды, и тутъ-же разбили лагерь. До какой степени общая усталость могла быть велика — я судилъ по себѣ, хотя потрудился, конечно, меньше другихъ солдатъ: на снѣгу поставили палатку нашего командира дивизіона, штабъ-капитана Веверна; будучи приглашенъ въ эту палатку къ чаю и напившись его съ особеннымъ наслажденіемъ, я тутъ-же, въ первомъ часу дня, завалился на боковую и

только страхнулся на другой день въ полдень, когда былъ разбужень для обѣда.

Должно полагать, что не менѣе молодецки спали — если возможно было спать — и многіе другіе мои сослуживцы.

Когда я проснулся, колонна генераль-маіора Кемпферта побѣдоносно вступала въ ауль Дачу-Барзой, занявъ его безъ выстрѣла.

Дачу-Барзой, гдѣ вслѣдъ затѣмъ заложено укрѣпленіе Аргунское, находился нѣсколько ниже извѣстнаго уже намъ оврага, устрашавшаго насъ, сутки назадъ, своими грозными завалами, — отъ которыхъ, между прочимъ, день спустя, не осталось и слѣда. Ауль обширенъ, сплоченъ на круглой и просторной полянѣ, дающей проходы въ два ущелья, изъ которыхъ выбѣгаютъ Шаро и Чанты-Аргунъ. Дачу-Барзой укрѣпленъ двумя-тремя бапнями, — а больше всего природою, которая сплотила вокругъ него естественный валъ. Генераль Кемпфертъ расположился въ аулѣ съ своими войсками, какъ дома у себя.

17-го января приступлено къ постройкѣ моста черезъ оврагъ — для сообщенія съ Дачу-Барзою; къ возведенію тетъ-де-пона и къ рубкѣ лѣсовъ; — усердно и шумно во всѣхъ концахъ застучали американскіе топоры — на дѣлѣ далеко уступавшіе достоинствамъ нашихъ русскихъ топоровъ. Съ этимъ злополучнымъ американскимъ топоромъ, трудно поддающимся выостренію, двое нашихъ солдатъ цѣлыя сутки трудились надъ однимъ деревомъ, имѣющимъ пять-шесть аршинъ въ окружности, и едва только къ вечеру успѣвали свалить его. Можетъ быть, американцы лучше насъ умѣютъ справляться съ этимъ орудіемъ, или ихъ лѣса мягче и влажнѣе нашихъ (что весьма возможно, такъ какъ ихъ лѣса произрастаютъ преимущественно въ мѣстахъ низменныхъ, а наши кавказскіе — на высотахъ) только это насъ мало заботитъ; — для насъ важно то, что ихъ американскій топоръ былъ проклятъ разъ навсегда нашимъ

русскимъ солдатомъ, который ежеминутно съ удовольствіемъ вспоминалъ широкое и острое лезвее своего роднаго топора.

Лишь только генераль Кемпфертъ утвердился въ Дачу-Барзоѣ, командуящій войсками, съ частію кавалеріи, предпринялъ рекогносцировку къ верховьямъ Шаро и Чанты-Аргуна. Рекогносцировка обошлась благополучно, безъ приключеній; но когда онъ возвращался уже въ лагерь — на лѣвомъ берегу Чанты-Аргуна явилась привѣтствовать его конная непріятельская партія, примѣрно человѣкъ въ пятьсотъ, и по косоугру, изъ-за поворота, показалась красивая бѣлая артилерія Шамиля. Но на этотъ разъ ей не удалось попробовать свои ядра, потому что навстрѣчу этому скопищу понесся маіоръ Давыдовъ, подъ командою у котораго для этого случая были двѣ сотни казаковъ владивавказскаго полка и около двухъ сотенъ милиціи. Перестрѣлка завязалась жаркая. Хотѣли-ли здѣсь милиціонеры похвастать своею преданностію намъ, въ которую вообще всѣ такъ мало вѣрили, или храбрость въ нихъ явилась потому, что они были пущены впередъ, а позади ихъ массою двигались казаки, — но только, къ общему удивленію, они бросились въ атаку и въ нѣсколько минутъ сбили горцевъ съ позиціи, вмѣстѣ съ ихъ артилеріею, и прогнали ихъ къ аулу Чипки. Въ этой схваткѣ у милиціонеровъ было ранено двое. Въ Дачу-Барзоѣ найдено — хотя и не очень много — всякаго хлама и живности. Это доказывало, что горцы не успѣли его очистить и что, значить, до нашего прибытія къ ущелью они не трогались съ мѣста, вѣроятно, будучи наполовину убѣждены въ томъ, что и теперь, какъ прежде, русскіе пострѣляютъ — да и уйдутъ восвояси, унося десятки или даже сотни своихъ раненыхъ.

Но вышло не то: на этотъ разъ мы прочно и твердо усѣлись въ аргунскомъ ущельи и вовсе не намѣрены были ограничиваться однимъ *занятіемъ позиціи*, — доказательствомъ чему служили начатая нами работы по устройству дорогъ и укрѣпленія.

Не одинъ генераль Евдокимовъ радовался своей побѣдѣ, — ра-

довались всё: уже 17-го января, вечеромъ, не смотря на дневные труды и работы, солдаты весело распѣвали пѣсни у палатокъ, плясали, шутили, остряли. Въ спиртѣ и водкѣ не было недостатка, вошервыхъ потому, что начальство этою малостью не стѣснялось; а вовторыхъ, что Воздвиженское — подѣ бокомъ; — если-бы весь спиртъ былъ конченъ разомъ, то черезъ три-четыре часа его явилось-бы вдвое больше. Костры пылали всю ночь и весь день напролетъ, — благо, что дѣса вдоволь и дѣвать некуда; отъ костровъ не отходили группы солдатъ съ ихъ историческими котелками; въ которыхъ варилась до развара непріятельская кукуруза, получившая на-время предпочтеніе даже передъ солдатскимъ борщомъ и кашпцею; чужой столъ кажется всегда какъ-бы вкуснѣе своего собственнаго,—по крайней мѣрѣ, на одинъ разъ.

Что радость и удовольствіе были искренни, — служить доказательствомъ пѣсня, сложенная въ честь взятія нами аргунскаго ущелья и разученная солдатами въ нѣсколько дней. Только и слышно было по вечерамъ въ разныхъ концахъ лагеря:

Какъ заняли мы ущелье,
Что аргунскимъ-то зовутъ,—
То-то было намъ веселье,
То-то пѣли пѣсни тутъ....

И далѣе исчислялись подвиги Евдокимова, Мищенки, Рихтера и чуть-ли даже, сколько помнится, не подполковника Тверитинова.

Должно быть, эта пѣсня -еще и до сихъ поръ сохранилась въ репертуарѣ куринскаго полка.

Но наибольшимъ выраженіемъ радости, связывавшей всѣхъ вообще и каждаго отдѣльно другъ съ другомъ, было тѣсное сближеніе — *куначество* нашихъ кавказцевъ съ русскими войсками — виленцами и бѣлостокцами, которымъ пришлось раздѣлить нашу

побѣду. Обычай куначества ротъ до такой степени глубоко вкоренился среди кавказскихъ войскъ и до такой степени былъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ обычаемъ, вполне сроднымъ русской широкой, доброй и гостепріимной натурѣ, что было-бы непозволительно, при этомъ удобномъ случаѣ, обойти его молчаніемъ.

Куначество заимствовано кавказскими войсками у горцевъ; но получило у первыхъ болѣе широкое и болѣе искреннее значеніе и примѣненіе.

Горцы зовутъ кунакомъ того, съ кѣмъ удалось имъ обмѣняться какими нибудь болѣе или менѣе значительными услугами. Понятно, что для русскаго солдата не могло быть услуги важнѣе той, которую ему оказывали такіе-же, какъ онъ, солдаты, раздѣляя съ нимъ безкорыстно его труды, лишенія, побѣды и нерѣдко самыя неудачи. Такимъ образомъ, у русскаго солдата являлось гораздо болѣе основанія къ куначеству съ своими сотоварищами, чѣмъ даже у тѣхъ, отъ которыхъ онъ перенесъ этотъ обычай на свою почву.

Горецъ, разъ сдѣлавшись кунакомъ своего единовѣрца, держался этихъ отношеній, по возможности и большею частью, въ теченіи всей своей жизни; мало того, они нерѣдко переходили и въ наслѣдство. Если-же, какъ бываетъ иногда въ жизни, какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство, послуживъ предметомъ ссоры, прерывало куначество, то послѣднее смѣнялось полною ненавистью и мстью, не имѣя въ исходѣ никакого иного чувства.

Кунакъ, въ буквальномъ переводѣ, значитъ — пріятель; покуначиться—значитъ сойтись, но не подружить.

При куначествѣ ротъ въ кавказской арміи, личные интересы стояли позади; первое мѣсто принадлежитъ интересу общему, касающемуся всей части. Роты, которыя куначатся—по большей части, послѣ того, какъ въ бою дрались, такъ сказать, плечо въ плечо—нерѣдко до того видѣли другъ друга въ глаза всего одинъ разъ; покуначившись-же и пробывъ вмѣстѣ въ отрядѣ или въ какомъ ни-

будь укрѣпленіи опредѣленное время, онѣ нерѣдко расходились вслѣдъ затѣмъ на цѣлые годы. Но это не мѣшало, при первой встрѣчѣ, сходиться вновь кунаками, такъ какъ каждая рота строго помнила и чтала свое куначество съ другою ротою совсѣмъ иного полка и даже дивизіи, — хотя-бы въ обѣихъ ротахъ уже не было и половины тѣхъ солдатъ, при которыхъ завязалось куначество. Рота, кунацкая какой нибудь другой ротѣ въ чужомъ полку — о своемъ полку и говорить нечего — не задумается подѣлиться съ послѣднею частью всего своего ротнаго хозяйства, если только встрѣчается въ томъ надобность; за то, такое-же одолженіе, при первой нуждѣ или при удобномъ случаѣ, должно быть выплачено. Нерѣдко бывало такъ, что съ одного конца Кавказа вспомогательныя войсва приходили на другой конецъ и оставались тамъ долгое время. Понятно, что гости эти, будучи оторваны отъ своихъ штабъ-квартиръ, не могли имѣть при себѣ ни особыхъ запасовъ, ни вообще испытывать тѣхъ удобствъ, которыми пользовались у себя дома. Спусти немного, они, гдѣ нибудь въ передовомъ укрѣпленіи или среди боевой стоянки, оставались безъ фуража, безъ овощей, безъ спирта и т. п. Если исхарчившаяся рота имѣла кунацкую тамъ, куда пришла, то послѣдняя доставляла ей все нужное совершенно безвозмездно; въ случаѣ, если у прибывшей роты кунаковъ нѣтъ, и нѣтъ особаго повода къ куначеству, въ родѣ пособія въ битвѣ и пр., то пришедшіе старались покуначиться съ другими подобными имъ и безъ руководящихъ основаній. Нерѣдко случалось такъ, что одна рота имѣла въ разныхъ полкахъ до десяти кунацкихъ ротъ, — и это вовсе не мѣшало дѣлу; если-бы всѣ десять ротъ, одна за другою, явились въ мѣсто ея расположенія, она всѣхъ ихъ принимала-бы съ полнымъ гостепримствомъ отличными щами, водкою и удовлетворяла-бы, при первомъ требованіи, чѣмъ могла. Случалось даже и такъ, что если для прибывшей роты что либо доставалось покупкою, по ея средствамъ, дорого, — наприкладъ, фуражъ, то кунацкая рота, для сбереженія ея средствъ, доста-

вляла ей этотъ фуражъ даромъ. Обмѣнъ этихъ одолженій поддерживался съ полною добросовѣстностію и безпристрастіемъ.

Обыкновенно было принято за правило, чтобы, по возможности, рота одного баталіона или полка куначилась въ другомъ полку или баталіонѣ съ ротою соотвѣтственнаго номера; но такъ какъ это не всегда было возможно, то вторымъ условіемъ было то, чтобы въ куначьихъ ротахъ было побольше земляковъ—уроженцевъ одного уѣзда или одной губерніи. Затѣмъ, роты часто куначились и съ батареями, даже съ кавалерійскими эскадронами и, такимъ образомъ, обычай куначества поддерживался и въ пѣхотѣ, и въ артилеріи, и въ кавалеріи.

Куначество прочно поддерживалось не только солдатами, но ихъ командирами и офицерами, какъ между ротами, такъ, вслѣдствіе этого, и между собою. У покуначившихся ротъ командиры должны были быть также кунаками, и эта связь цѣлыхъ обществъ и ихъ представителей какъ нельзя благодѣтельнѣе отзывалась на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій: поддержать куначью роту въ бою, выручить ее изъ опасности, сберечь и охранить ее остающееся, за выступленіемъ въ походъ, имущество — были священныя прерогативы всякой куначьей роты.

Какъ очевидецъ, расскажу одинъ случай куначества ротъ, происходившій въ передовомъ укрѣпленіи въ большой Чечнѣ.

Рота, прибывшая въ составъ баталіона изъ Дагестана, скоро почувствовала недостатокъ въ разныхъ хозяйственныхъ потребностяхъ. Имѣя у себя не въ дальнемъ разстояніи, на постоянныхъ квартирахъ, роту одного изъ полковъ 20-й дивизіи (сколько помнится, первая рота была апшеронскаго полка, вторая—куринскаго) прибывшая рота рѣшила покуначиться съ своею сосѣдкою. Испросили позволенія ротнаго командира, который, конечно, не прекословилъ. Тогда изъ среды всѣхъ капральныхъ унтеръ-офицеровъ апшеронская рота выбрала двоихъ, пограмотнѣе и досмышленнѣе, и

въ ассистенты къ нимъ — двухъ-же рядовыхъ — что ни на есть побалагуристѣе.

Депутація, надѣдивъ изъ ротнаго боченка двѣ манерки спирта, усѣлась на артельную тройку и покатила къ куринцамъ.

Приѣхали. У воротъ ротнаго двора встрѣчается имъ солдатъ. Встали съ повозки и подходятъ къ встрѣтившемуся.

Заговорилъ одинъ изъ капральныхъ:

— Здравствуйте, землячекъ!

— Здравія желаемъ, господа приѣзжіе.

— Вы, значитъ, * * * роты?

— Такъ точно.

— А при чемъ состоите?

— При самомъ.

— А — а! Значитъ, вы ихній вѣстовой?

— Справедливо.

— Люди они у васъ... ничего себѣ?

— Вѣстимо, ничего: на то и фельдфебелемъ отъ Царя пожалованы.

— Дома изволятъ быть?

— Таперича будутъ дома.

— Что подѣлываютъ-съ?

— Да, почитай, съ гостями забавляются.

— Ну, а на счетъ тово... господинъ они тоже хорошій?

— Насчетъ всего хорошій, скажу вамъ, господа.

— А величать-то ихъ какъ?

— Яковъ Тимофѣевичъ.

— Доложите, землячекъ, Якову Тимофѣвичу, что, молъ, * * * роты алшеронскаго полка капралы прибыли.

— Доложимъ; извольте пообождать маленько.

Спустя десять минутъ, вѣстовой вернулся.

— Просятъ пожаловать, заявилъ онъ.

Гости, вслѣдъ за вѣстовымъ, подходятъ къ избѣ. Указавъ имъ

рукою на дверь, вѣстовой ретировался.

Капральные, оставив рядовыхъ на дворѣ, тихонько приотворяютъ дверь и, склонувъ папахи, становятся у косяка. Въ избѣ дымно, накурено. У стола, на самодѣльныхъ табуретахъ, сидятъ три лица: хозяинъ, какой-то почтенный казакъ съ двумя георгиевскими степенями и шеvronистъ, — должно полагать, баталіонный писарь или что-нибудь въ родѣ того. На столѣ—тарелка съ мелко-нарѣзанными солеными огурцами, булка, водка и маленькій самоваръ съ принадлежностями.

Остановившись у порога и откашлявшись, капралы въ одинъ голосъ проговорили:

— Здравія желаемъ, Яковъ Тимофѣевичъ!

— Здравствуйте, господа капралы!

Фельдфебель всталъ и подошелъ къ нимъ.

— Чѣмъ прикажете услужить, дорогіе гости? продолжалъ онъ.

— Мы, Яковъ Тимофѣевичъ, съ покорнѣйшею просьбою. А допрежь того, осмѣливаемся доложить: кланяется вамъ нашъ ротмистръ; шлютъ поклонъ Иванъ Николаевичъ (фельдфебель); капралы низко кланяются, а также всѣ старые солдаты и всѣ молодые нижайше кланяются.

На Кавказѣ, различіе между солдатами старослуживыми и молодыми соблюдалось во всѣхъ случаяхъ очень строго.

— Покорнѣйше благодаримъ, отвѣчалъ фельдфебель, ихъ благородіе, господина ротнаго командира, и судыря Ивана Николаевича; также благодаримъ господъ капраловъ и *** алшеронскую роту. Просимъ не позабыть—передать имъ наше почтеніе.

— Рады стараться, Яковъ Тимофѣичъ, отвѣчали гости въ одинъ голосъ.

Маленькая пауза. Затѣмъ, одинъ изъ прибывшихъ продолжалъ:

— И просимъ мы, Яковъ Тимофѣичъ, — коли на то будетъ

ваша милость — покуначиться съ нами: мы, то-есть, народъ забѣзжій; штабъ нашъ, почитай, верстъ сотни за три отселева, — такъ и выходитъ — бѣдствуемъ на чужбинѣ.

— Ужъ не оставьте, Яковъ Тимофѣичъ! подхватили другой. Люди мы служащіе, да и всѣ одинаково подъ Богомъ ходимъ: сегодня мы, а завтра—вы.

Фельдфебель немного опустил глаза и съ важностію покручиваетъ усъ, будто раздумывая. Черезъ минуту онъ отвѣчалъ:

— Очень радъ, господа капралы, покуначиться съ вами, если на то будетъ согласіе роты. Да только, таперича сказать, я на васъ сердце имѣю.

— За что изволите серчать, Яковъ Тимофѣичъ? Мы впервой, кажись, видимся, и васъ ничѣмъ не огорчили.

— Такъ-съ. Да вотъ что, господа: обидно намъ, что всѣ ваши три роты уже покуначились съ нашими, а вы одни загордились.

— Изволите-ль видѣть, Яковъ Тимофѣичъ, вина въ томъ нашего фельдфебеля — не во гнѣвъ будь имъ сказано: они у насъ оченно ужъ почтенные по службѣ и по возрасту, не сегодня, такъ завтра и въ чистую, — имъ и все равно, а мы, извѣстно, что? — ничего: народъ подчиненный. Вы, примѣрно, и сами фельдфебельскую должность правите, изволите знать: рота безъ фельдфебеля — ничуть-никуда. Вотъ, поэтому-то и задержка была. А какъ намъ приспѣло, да поразмыслили мы, что, молъ, безъ кунаковъ плохо, такъ и говоримъ Ивану Николаевичу: слѣдъ-бы намъ съ вами покуначиться. А они сейчасъ и подхватили: что-жъ, оченно довольны и уважительны будемъ; подите, молъ, съ поклономъ къ Якову Тимофѣичу.

— Гм... Милости просимъ садиться, господа!

Усѣлись.

— Ермолаевъ! закричалъ фельдфебель.

Явился вѣстовой.

Пошли капраловъ, ефрейторовъ, да изъ каждаго капральства старика по два.

Тѣмъ временемъ, у фельдфебельскаго стола бесѣда продолжалась. Говорили о ротномъ хозяйствѣ, о начальникахъ, о землякахъ; но приглашенія къ выпивкѣ, закускѣ и чайку не было пока. Какъ у фельдфебеля на столѣ все это оставалось неприкосновеннымъ, такъ точно неподвижно висѣли на ремняхъ черезъ плечо у капраловъ манерки со спиртомъ.

Вскорѣ у квартиры фельдфебеля собрались всѣ потребованные имъ ротные чиновники. Яковъ Тимофѣевичъ, выйдя къ нимъ, въ сопровожденіи гостей, сообщилъ имъ о пріѣздѣ представителей * * * роты алшеронскаго полка, въ краткихъ выраженіяхъ передалъ имъ цѣль прібытія гостей и свое согласіе на куначество съ ними.

Составился кружокъ, въ которомъ, послѣ нѣкотораго совѣщанія, изрѣдка слышались такіа выраженія: что-жъ!... почему-жъ!... Извѣстное дѣло, какъ не покуначиться!... Рука руку моетъ!...

Черезъ четверть часа одинъ изъ капральныхъ обратился къ фельдфебелю, стоявшему поодаль:

— Согласны, Яковъ Тимофѣичъ; значить, рота желаетъ.

— Ну, коли согласны, такъ покуначимся.—Значить, очень рады, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ пріѣзжимъ; просимъ быть кунаками и командиру доложимъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, Яковъ Тимофѣичъ.

И тутъ-же между обѣими сторонами началось пожатіе рукъ.

— Ермолаевъ, подай! крикнулъ фельдфебель.

Пока гости съ хозяевами обмѣнивались привѣтствіями, на дворѣ явился столикъ и двѣ бутылки спирта. Пріѣзжіе капралы тутъ-же поставили и свои манерки. Началась *заруновка* будущихъ отношеній.

Яковъ Тимофѣичъ первый подошелъ къ столу и, наливъ изъ

своихъ бутылокъ два полустакана, предложилъ гостямъ. Тѣ, въ свою очередь, налили столько же въ третій стаканъ.

— Просимъ, господа, сказалъ фельдфебель, обращаясь къ гостямъ.

— Милости просимъ, Яковъ Тимофѣичъ, отвѣчали они.

Стаканы разобраны по рукамъ.

— Здравствуйте, господа апшеронцы! провозгласилъ фельдфебель, обращаясь къ пріѣзжимъ.

— Здравія желаемъ, господа куринцы! отвѣчали привѣтствуемые.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались, господа апшеронцы!

— Не привелъ Богъ, господа куринцы!

— Дай Богъ знаться, господа апшеронцы!

— Дай Богъ вѣдаться, господа куринцы!

Выпили. Потомъ, изъ манерокъ апшеронцевъ *откушали*, съ подобными же привѣтствіями, и остальные члены совѣта.

По окончаніи этого обряда пріѣзжіе, вмѣстѣ съ фельдфебелемъ, отправились къ мѣстному ротному командиру для доклада обо всемъ происходившемъ. Конечно, со стороны ротнаго командира, какъ ужъ всегда было принято, никакихъ препятствій къ куначеству ротъ не встрѣтилось. Тамъ, своимъ порядкомъ, поднесено было капраламъ по чаркѣ водки.

Возвратясь въ избу фельдфебеля, гости, вмѣстѣ съ капралами куринской роты, порѣшивъ все, что было имъ предложено по части выпивки и закуски, усѣлись на другую тройку, запряженную для нихъ кунаками, предоставивъ свою въ распоряженіе Якова Тимофѣевича и двухъ его унтеръ-офицеровъ, и отправились всѣ вмѣстѣ къ Ивану Николаевичу, гдѣ сообща *закрѣтили* новое куначество.

Болѣе или менѣе подобнымъ образомъ куначились всѣ роты кавказской арміи.

Если-же какая-нибудь рота вступаетъ въ лагерь, въ штабъ-квартиру или вообще въ мѣста расположенія ея кунацкой роты, то кунаковъ, какъ водится, встрѣчаютъ водкою, обѣдомъ и выходятъ къ нимъ съ привѣтствіями чуть не за версту впередъ. А при встрѣчѣ уже на мѣстѣ, у приготовленнаго стола, происходитъ обычн. венно слѣдующая церемонія: выходятъ перво-на-перво фельд-фебеля и пьютъ каждый за здоровье роты. Затѣмъ, первый фельд-фебель, обращаясь къ пришедшей ротѣ, провозглашаетъ:

— Вы, господа, люди походные; — просимъ покорно. Благодаримъ, что не забываете насъ, своихъ кунаковъ.

— Да ужъ что Бога гнѣвить, отвѣчаетъ другой,—и вы насъ встрѣчаете ужъ чисто покунацки. Когда-то Богъ приведетъ отплатить вамъ.

Затѣмъ, чарки передаются капральнымъ и т. д.

Выкушавъ по мензурѣ, старые знакомые обнимаются, земляжки цѣлуются, обнаживъ при этомъ головы, и, наконецъ, расходятся въ палатки или въ казармы, въ ожиданіи обѣда или ужина. И въ этотъ день, по случаю свиданія съ кунакомъ и съ землякомъ, среди ликованія до поздней ночи, нерѣдко улетаетъ изъ кармана иного солдата послѣдній грошъ, береженный имъ на черный день. Такимъ образомъ, этотъ грошъ получаетъ совершенно противоположное назначеніе, и непредвидѣнный черный день обращается въ день красный.

На этотъ ладъ и, примѣняясь, по возможности, ко всѣмъ вышеуказаннымъ утвердившимся порядкамъ, на стогнахъ Дачу-Барзоя куначились съ кавказскими ротами виленцы и бѣлостокцы. Солдатамъ было весело, ихъ *ротмистрамъ* пріятно, а маркитанту — лафа.

Но пока наши куначились, Шамиль — къ бородѣ котораго прибавилось еще нѣсколько процентовъ бѣлизны — придумывалъ средства, какъ-бы испортить наше дѣло, столь блистательно совершенное и имѣвшее впереди еще болѣе блистательные результаты.

Онъ придумалъ: послалъ къ намъ своего возлюбленнаго сына Кази-Магому—и, дѣйствительно, лучшаго для насъ и худшаго для себя не могъ ничего придумать; — увы! таково общее заблужденіе родителей, воображающихъ въ своихъ дѣтяхъ всё тѣ достоинства, которыми онѣ вовсе не обладаютъ.

Въ ночь съ 17-го на 18-е января мы узнали, что явился Кази-Магома. Съ двумя полевыми орудіями и семнадцатью сотнями тавлинцевъ, онъ занялъ аулы, лежавшіе вблизи насъ по Шаро-Аргуну: Чалги-Ирзау (на лѣвомъ берегу), Улусъ-Керты, Дутень и Измаиль-Юртъ (на правомъ берегу), учредивъ свою резиденцію въ послѣднемъ изъ нихъ.

Тутъ необходимо въ трехъ словахъ ознакомиться со вновь занятою нами мѣстностію.

Рѣка Аргунъ слагается изъ двухъ притоковъ: Шаро-Аргуна (чернаго) и Чанты-Аргуна. Эти притоки выбѣгаютъ изъ глубины горъ по двумъ почти противоположнымъ направленіямъ и сливаются въ аргунскомъ дефиле. Въ углу сліянія ихъ находится уже извѣстный намъ аулъ Дачу-Барзой, который заняли главные силы отряда, пустивъ въ ходъ свои топоры, ломы, кирки, лопаты и вообще, весь шанцевый инструментъ. По истеченіи немногихъ дней послѣ занятія Дачу-Барзой, мы живо ознакомились съ теченіемъ Шаро-Аргуна—какъ увидимъ ниже—и названными выше аулами; но что касается Чанты-Аргуна, его замѣчательныхъ лѣсовъ, расщелинъ, проходовъ и всѣхъ адскихъ поворотовъ и изворотовъ дороги, служившихъ теперь и далѣе главнымъ театромъ дѣйствій противъ насъ храбраго намба Батока, то всѣмъ этимъ мѣстамъ, куда до сихъ поръ не проникали ни глазъ, ни нога гяура, суждено было еще почти на цѣлые полгода оставаться для насъ terra incognita.

И такъ, Кази-Магома пожаловалъ и поселился въ Измаиль-Юртѣ...

Съ минуты его появленія, горцы стали безпокойнѣе и пред-

метомъ своихъ дѣйствій избрали колонну генераль-маіора Кемпферта, не забывая, впрочемъ, изрѣдка и главныхъ силъ отряда, занятыхъ исключительно возведеніемъ укрѣпленія, рубкою лѣса, устройствомъ переправы на Чанты-Аргунѣ и прочими подобными работами. Каждый день, съ наступленіемъ сумерокъ, взбиралась по косогорамъ, большею частью незамѣтно для насъ, бѣлая артилерія и открывала свой огонь, къ огорченію ея, вовсе не убійственный и не вредный для насъ. А чуть только ночь спускалась совсѣмъ на землю—тамъ и сямъ, конечно, въ цѣпяхъ, раздавались ружейные выстрѣлы. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ боевыхъ поползновеніяхъ горцевъ не выражалось вовсе никакой серьезной настойчивости;—это были укушенія комара—даже менѣе того: мухи. Всѣ тревоги доказывали, что ими руководить сила сонная, вялая... И не мудрено: вѣдь во главѣ тавлинцевъ стоялъ Кази-Магома.

Но такъ или иначе, а все-таки нужно было оборвать эти тревоги, оттѣснить непріятеля, который хотя и не приносилъ намъ существеннаго вреда, но зачастую не давалъ спокойно спать, заставляя стоять подъ ружьемъ тѣ или другія роты.

И вотъ, 3-го февраля, генераль Евдокимовъ предпринялъ нѣчто въ родѣ рекогноспировки къ аулу Чалги-Ирзау. Составивъ колонну изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ сотенъ казаковъ и шести орудій, онъ ввѣрилъ ее полковнику Старицкому. Движеніе было недалеющее: версты двѣ-три—и только. Едва только эта колонна подошла къ аулу на орудійный выстрѣлъ и пустила въ него четыре или пять картечныхъ зарядовъ, горцы, не сопротивляясь, бросили Чалги-Ирзау и перекинулись на правый берегъ Аргуна. Тамъ они соединились съ тѣми, которые повыскакали изъ ауловъ Дутена и Улусъ-Керты, и стали какъ-бы строиться въ боевые порядки,—вѣроятно, ожидая нашего наступленія.

Командующій войсками, не разочаровывая ихъ въ ожиданіяхъ, послалъ пѣхоту разорять аулъ Чалги-Ирзау, самъ-же, съ конницею, занялся изслѣдованіемъ и изученіемъ окрестностей, а изъ

отряда потребовалъ дивизионъ батарейной батареи. Черезъ три четверти часа орудія явились, остановились по сю сторону Аргуна и салютовали горцевъ, на первый разъ залпомъ, а потомъ—повзводно. Бой былъ неравенъ: горцы бросили, въ отвѣтъ нашему батарейному дивизиону, три-четыре ядра—и исчезли.

Тѣмъ временемъ, Чалги-Ирзау пылалъ со всѣхъ концовъ.

Колонна возвратилась въ лагерь. Ночь и послѣдующій затѣмъ день мы спали покойно, и ни одна пуля не прорѣзала широкаго пламени множества костровъ, на которые солдаты вовсе не скупились, потому что дрова доставались очень дешево.

Но однимъ Чалги-Ирзау удовлетвориться было нельзя: намъ нужно было столько-же все теченіе Шаро-Аргуна, сколько и окончательное очищеніе его береговъ до крайнихъ, по возможности, предѣловъ.

5-го февраля слѣдовало порѣшнить съ остальными аулами: Улусъ-Керты, Измаиль-Юртомъ и Дутеномъ. Это были аулы обширные, видимо богатые и болѣе или менѣе—конечно, сравнительно или относительно—хорошо отстроенные.

Въ указанный день къ этимъ ауламъ двинулись двѣ колонны: правая, подъ начальствомъ генераль-маіора Кемпферта, въ составѣ шести баталіоновъ пѣхоты, двухъ дивизионовъ драгунъ, трехъ съ половиною сотенъ казаковъ, двѣнадцати орудій разнаго рода и калибра, и милиціи; эта колонна, переправившись въ бродъ черезъ Шаро-Аргунъ, двинулась на аулы съ фронта; лѣвая же, подъ командою генераль-маіора Рудановскаго, въ составѣ пяти баталіоновъ пѣхоты, четырехъ орудій и полсотни казаковъ, пошла правымъ берегомъ рѣки, съ намѣреніемъ отрѣзать отступленіе непріятеля.

Болѣе выгоднымъ для горцевъ, по мѣстному положенію, былъ аулъ Улусъ-Керты; вслѣдствіе этого, они оставили намъ безъ боя Дутенъ и Измаиль-Юртъ и сосредоточились въ первомъ аулѣ, открывъ по передовымъ войскамъ колонны генерала Кемпферта бѣг-

лый ружейный огонь. Имъ отвѣчали картечью; но, не взирая на это, упрямые тавлинцы продолжали держаться стойко.

Признавъ совершенно лишнимъ состязаться съ горцами въ бесполезной стрѣльбѣ и, вслѣдствіе этого, прекративъ орудіяную пальбу, генераль Кемифертъ приказалъ первому баталіону навагинскаго полка взять ауль штурмомъ. Дѣло было нелегкое, потому что Улусъ-Керты былъ разбросанъ на небольшихъ и лѣсистыхъ холмахъ, окруженъ разными балками, наполненными снѣгомъ выше пояса, и, по положенію своихъ сакль, представлялъ отличную перекрестную оборону.

Барабанъ коротко пробилъ сигналъ наступленія—и роты, одна за другою, почти вразсыпную бросилсь вправо и влѣво, какъ будто слышали на званный обѣдъ, куда опоздать было неловко.

Сколько мнѣ ни случалось слѣдить, во время нашихъ штурмовъ, за дѣйствіями непріятеля, всегда я убѣждался, что онъ ожидалъ перваго удара и давалъ первый отпоръ для того, чтобы ближе, такъ сказать, всмотрѣться въ штурмующую колонну, т. е. видѣть, какой полкъ штурмуетъ данное мѣсто — кавказскій или русскій, и если кавказскій, то какіе это кавказцы: навагинцы-ли, куринцы-ли и проч.; подъ какимъ вліяніемъ, въ какомъ настроеніи, при какихъ условіяхъ мѣстности происходитъ штурмъ; какіе офицеры идутъ во главѣ штурмовой колонны и т. д. И если всё или нѣкоторыя обстоятельства служили въ пользу горцевъ, они дрались молодцами, уступая лишь шагъ за шагомъ; но если, по ихъ мнѣнію, дѣло было дрянъ—они послѣ перваго отпора благоразумно ретировались.

Такъ было и теперь: горцы увидѣли, что на нихъ летятъ не виленцы или бѣлостокцы, а ихъ старые знакомые—кавказцы, для которыхъ балки, овраги, снѣгъ.— все пустяки; и летятъ они соколомъ. Нечего дѣлать: прекративъ пальбу, тавлинцы, не ожидая ни ободреній, ни особыхъ приказаній своего соннаго военачальника, бросили Улусъ-Керты и—давай, аллахъ, ноги!

Отступление ихъ было такъ быстро, что генераль-маіоръ Рудановскій не успѣлъ имъ его отрѣзать; ускользнуть же вполне отъ Рудановскаго также было невозможно, потому что черное войско (такъ солдаты называли смуглыхъ тавлинцевъ, одѣтыхъ всегда бѣдно, въ темныя чохи и бурки) почти *напѣзлось* на нашу лѣвую колонну. При этомъ быстромъ движеніи отступавшаго непріятели, Рудановскій посторонился нѣсколько вправо, занялъ высоты Шамберды и почти сквозь строй пропустилъ мимо себя воиновъ имама. Но они не бѣжали молча: пальба и съ ихъ стороны гремѣла неутомляемо до тѣхъ поръ, пока едва мелькали вдали ихъ черныя бурки, и когда артиллерійскій огонь на дальнюю дистанцію замѣнилъ собою наши ружейные выстрѣлы. Удирая, кто во что гораздъ, горцы налету подхватывали своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Наконецъ, стало тихо, и генераль Евдокимовъ, проѣзжая среди пылавшихъ сакль Улусъ-Керты—представьте себѣ!—даже улыбнулся.

Въ теченіи всего времени со дня окончательнаго взятія аргунскаго ущелья, значить, съ 17-го января, до настоящаго числа (т. е. 5-го февраля включительно) потери наши были невелики: убито пять нижнихъ чиновъ, ранены—одинъ офицеръ и двадцать семь нижнихъ чиновъ, включая сюда казаковъ и милиціонеровъ; да, кромѣ того, ранены двѣ или три артиллерійскія лошади.

И такъ, главная мѣстность по Шаро-Аргуну была въ нашихъ рукахъ, открывая намъ безпрепятственное движеніе въ глубь Черныхъ горъ, покрытыхъ заповѣднымъ и непроходимымъ лѣсомъ. Оставивъ въ Улусъ-Керты два баталіона пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и приказавъ Рудановскому занять Дутень и тотчасъ приступить къ расчисткѣ лѣса вокругъ этихъ ауловъ, генераль Евдокимовъ отправилъ Кемпферта на свое мѣсто, а самъ ретировался въ главный лагерь, въ Дачу-Барзой, и скрылся въ своей палаткѣ, плотно закутавъ ея полы, впредь до слѣдующаго бенефиса.

Спустя нѣсколько дней, командованіе колонною генераль-маіора

Рудановскаго ввѣрено было командиру виленскаго полка, полковнику Алтухову. Хотя горцы, какъ намъ было извѣстно, удалились въ ущелье рѣки Басса и нѣсколько дней оставались тамъ въ совершенномъ бездѣйствіи; но, подкрѣпленные Шамилемъ, который имъ наслалъ нѣсколько своихъ наибова, отдохнувъ отъ послѣдняго пораженія, опять начали насъ беспокоить. Въ виду этого, полковнику Алтухову приказано было придвинуться къ Измаиль-Юрту, чтобы прикрыть собою главный отрядъ. Лишь только колонна его снялась съ позиціи,—откуда ни возьмись, явилась половина отряда Кази-Магомы, занявъ высоты, окружавшія Измаиль-Юртъ. Но это, конечно, не помѣшало наступавшей колоннѣ повторить маневръ перваго баталіона навагинскаго полка, который на этотъ разъ былъ исполненъ тенгинцами; — двѣ стрѣлковыя роты тенгинскаго полка въ полчаса сбили непріятеля со всѣхъ пунктовъ, безъ всякаго для себя урона, и затѣмъ, колонна расположилась у Измаиль-Юрта— какъ ей было лучше.

Почти одновременно съ этими дѣйствіями чеченскаго отряда въ бассейнѣ р. Аргуна, въ концѣ января 1858-го года, происходили нѣкоторыя наши боевыя движенія и въ большой Чечнѣ, гдѣ начальникъ кумыкскаго владѣнія, флигель-адъютантъ полковникъ князь Святополкъ-Мирскій, предпринялъ нѣсколько весьма успѣшныхъ и далеко не безплодныхъ рекогносцировокъ въ землю ауховцевъ. Подробности ихъ до насъ въ то время не дошли; поэтому, не будучи въ состояніи изложить ихъ, предоставляемъ пополнить этотъ пробѣлъ въ настоящемъ разсказѣ тѣмъ лицамъ, которыя въ то время состояли подъ начальствомъ полковника князя Мирскаго (*).

(*) Признавая полезнымъ тревожить непріятеля во время суровой зимы и желая дать ему почувствовать значеніе вновь построеннаго въ центрѣ ауховскихъ земель—укрѣпленія Кишень, начальникъ кумыкскаго владѣнія, флигель-адъютантъ полковникъ князь Святополкъ-Мирскій, 20-го января, присоединилъ

III.

Застоялись — и скучно, выступили — и не рады. Беспорядочное движение на гору Даргинь-Дукъ. Перестрѣлка. Неестественная борьба съ естественными преградами. Падение артилерійскихъ лошадей въ кручу. Шествіе взвода горныхъ орудій при свѣчахъ. Рекогносцировка Даргинь-Дука. Новые наши подданные.

Диспозиція войскъ.

До конца февраля мы стояли на своихъ мѣстахъ довольно спокойно, безъ особенныхъ тревогъ; спали, ѣли и пили исправно. Но начала одолѣвать скука, потому что первое впечатлѣніе удовольствія, по случаю взятія столь важной и считавшейся непри-

къ гарнизону Кишень — два баталіона кабардинскаго полка, 4 сотни № 78, двѣ сотни № 70 донскихъ казачьихъ полковъ, при двухъ орудіяхъ резервной конно-артилерійской батареи кавказскаго линейнаго казачьяго войска и двухъ орудіяхъ батареи № 4-го батареи 20-й артилерійской бригады, и желая ближе ознакомиться съ новою для насъ мѣстностію — сдѣлалъ изъ Кишени слѣдующія движенія :

21-го января, съ тремя баталіонами пѣхоты, шестью сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, выступилъ къ аулу Зандаку. Непріятель появился при самомъ началѣ движенія и завелъ перестрѣлку. Глубокій снѣгъ помѣшалъ идти далѣе Зандака; почему, обозрѣвъ окрестности его, полковникъ князь Святополкъ-Мирскій возвратился въ укрѣпленіе, — при этомъ, въ арьергардѣ ведена была сильная перестрѣлка. Оказалось, что въ Зандакѣ и въ деревняхъ, лежащихъ по лѣвую сторону Ярыкъ-су, жителей нѣтъ; по правой же сторонѣ этой рѣки, въ хуторахъ, растянутыхъ по лѣсистымъ балкамъ по направленію къ Агташу — держатся еще жители.

22-го января, съ тѣми же войсками, замѣнивъ только полевые орудія двумя горными, полковникъ князь Святополкъ-Мирскій перешелъ на правый

ступною аргунской позиціи, уже миновало, а погода мѣшала всякому иному развлеченію, кромѣ сидѣнья у костра: вмѣсто снѣга по горло, изъ за котораго чуть выглядывали верхи палатокъ, явилась грязь по колѣна и образовались такія лужи, что хоть въ лодкахъ разѣзжай. Вообще, оказалось, что стоянка скверная. Не разъ мысленно взывали мы къ Николаю Ивановичу, чтобы онъ насъ вывелъ изъ „плѣна египетскаго“; но Николай Ивановичъ былъ замкнутъ и въ себѣ, и въ своей палаткѣ,—и мыслей нашихъ, по выраженію глазъ и фѣзіономіи, отгадать не могъ. Наконецъ, пришелъ день, когда желанія наши исполнились. Но и день этотъ—будь онъ неладенъ! — никогда не улетучится изъ нашей памяти: вышло, какъ обыкновенно бываетъ, что мы попали изъ кулъка въ рогожку.

День этотъ былъ замѣчательный, историческій. Онъ не былъ тѣмъ боевымъ днемъ, когда кавказскій солдатъ, вскинувъ ружье

беречь Ярыкъ-су и поднявшись на высоту Худумъ-башъ, обреченноспировавъ дорогу къ Буртунаю и долину Акташа. Въ этотъ день только при отступленіи была незначительная перестрѣлка въ арьергардѣ.

23-го января, съ двумя съ половиною баталіонами пѣхоты, всею кавалеріею и двумя горными орудіями, полковникъ князь Святополье-Мирскій двинулся на высоты, отдѣляющія долину Ярыкъ-су отъ оврага, по которому течетъ ручей Безеани, и отъ долины Яманъ-су. Непритель былъ встревоженъ этимъ движеніемъ, и съ высокой точки, на которую взошли войска, видно было, какъ жители спасались бѣгствомъ съ лѣсистыхъ овраговъ. Спасая семейства, ауховцы почти не стрѣляли по нашимъ войскамъ. Въ балкахъ по Безеани и Яманъ-су видно было присутствіе довольно значительнаго населенія въ разоренныхъ аулахъ. Войска благополучно спустились къ гойтемировскимъ воротамъ; тамъ часть изъ нихъ, взятая изъ Кишена, была возвращена съ этого пункта въ укрѣпленіе, а остальная часть—въ Хасафъ-юртъ. Во всѣхъ движеніяхъ этихъ съ нашей стороны потери не было.

(Извл. изъ офиц. донесеній).

Ред.

на руку, бодро и молодецки бѣжалъ навстрѣчу непріятелю... Это былъ день, когда въ теченіи двадцати часовъ движенія подь небеса, по непроходимому снѣгу, среди лѣсныхъ трущобъ, куда не проникалъ ни единый лучъ солнца, нельзя было ни присѣсть, ни сухаря откусить, ни трубки покурить.

И онъ былъ не первымъ и не послѣднимъ днемъ въ кавказскихъ экспедиціяхъ.

Дѣло началось съ того, что генералъ Евдокимовъ призналъ необходимымъ проложить себѣ путь изъ аргунскаго ущелья въ тылъ большой Чечни. Какимъ-то образомъ онъ освѣдомился, что одна изъ крайнихъ и весьма важныхъ высотъ чернойгоріи, именуемая Даргинь-Дукъ, какъ-разъ примыкаетъ къ ущельямъ большой Чечни съ той стороны, которая для него служила разрѣшеніемъ предвзятой имъ задачи. И вотъ, онъ рѣшилъ, не обращая вниманія на всѣ препятствія природы и времени года, неожиданно явиться на Даргинь-Дукъ, занять его какъ можно прочнѣе и продѣлать оттуда такую дорогу, что когда бы только захотѣлъ—тотчасъ и проѣдешь ее всю, какъ ни въ чемъ не бывало. Но чтобы дать этотъ новый бенефисъ и съ честью выйти изъ него—необходимо было взползти на Даргинь-Дукъ въ одинъ переходъ, нигдѣ не останавливаясь, — хотя предстояло совершить до 30 верстъ: эка важность! что значить этотъ трудъ для кавказскаго солдата? Остановиться-же нельзя было потому, что если горцы узнали бы объ этомъ движеніи, то, естественно, предупредили бы его, — и тогда во всемъ блескѣ повторилась бы ичкеринская экспедиція генерала Граббе, который, сидя на барабанѣ, съ глазами полными слезъ, диктовалъ приказъ по отряду: „Ребята, мы потерпѣли неудачу“!...

И такъ, нужно однимъ взмахомъ взойти на Даргинь-Дукъ и предупредить движеніемъ пѣхоты всякое движеніе даже непріятельской кавалеріи. Что-жъ, и это возможно: развѣ кавказскій солдатъ одинъ разъ доказалъ, что онъ во всей походной аммуниціи ходитъ скорѣе, чѣмъ горецъ налегкѣ ѣздитъ верхомъ?

Денекъ, который желательнo оставить на память исторіи, былъ —28-е февраля 1858-го года.

Въ третьемъ часу пополуночи поднялись на ноги 13½ баталіоновъ пѣхоты, 10 горныхъ орудій, пять сотенъ казаковъ и двѣ сотни милиціи. Въ составъ этого отряда входили слѣдующія части войскъ: 1-й, 3-й, 4-й баталіоны навагинскаго полка; 3-й, 4-й, 5-й баталіоны тенгинскаго; 2-й, 4-й баталіоны виленскаго; 4-й баталіонъ бѣлостожскаго; 2-й и 3-й баталіоны куринскаго; 1-й баталіонъ алшеронскаго полка; рота кавказскаго сапернаго № 2-го баталіона; двѣ роты 20-го стрѣлковаго баталіона; своднолинейный стрѣлковый баталіонъ; двѣ сотни владикавказскаго, двѣ сотни 1-го сунженскаго, одна сотня 2-го сунженскаго линейныхъ казачьихъ полковъ; назрановская, чеченская и кабардинская милиціи; четыре орудія горной № 2-го батареи и два горныхъ орудія легкой № 5-го батареи, 20-й артилерійской бригады; четыре горныхъ-же орудія легкой № 4-го батареи, 19-й артилерійской бригады.

Общее командованіе этимъ отрядомъ принялъ на себя лично генераль-лейтенантъ Евдокимовъ. Въ лагерѣ у Дачу-Барвоа, подъ начальствомъ полковника фонъ-Кауфмана, остались пять съ половиною баталіоновъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, всѣ батарейныя и легкія орудія.

Наступной отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны: первая и передовая находилась подъ командою генераль-маіора Кемпфера и состояла изъ полугора баталіона пѣхоты, полусотни казаковъ и четырехъ орудій; вторая—подъ командою генераль-маіора Мищенки — изъ семи баталіоновъ, двухъ съ половиною сотенъ казаковъ, шести горныхъ орудій и милиціи. Это раздѣленіе отряда на двѣ неравныя части, изъ которыхъ аріергардная заключала въ себѣ, такъ сказать, центръ тяжести его, имѣло свой смыслъ, оправдываемый боевою опытностію генерала Евдокимова: при условіяхъ мѣстности, при предстоящемъ длинномъ переходѣ, среди котораго ночь слѣдующихъ сутокъ могла застать заднюю колонну въ перво-

бытныхъ лѣсахъ кавказской чернойгоріи, генераль Мищенко долженъ былъ ждать и вынести на себѣ всю тяжесть возможнаго паденія непріятеля.

Ночь была темная (*); къ общему огорченію, еще и моросило. Кой-гдѣ нетронутый снѣгъ указывалъ въ темнотѣ на обрывъ или балку. Въ одной сторонѣ черною лентою обвивали уступъ какіе-то выюки, въ другой — ползла какая-то рота; тамъ — тянулся взводъ артилеріи, который обгоняли казаки на своихъ тощихъ лошаденкахъ; слѣва — кто-то оралъ во всю глотку, что его конь чубурачился въ кручу; справа — какой-то джигитъ вертѣлся на иноходцѣ, пробуя на крупу бѣднаго животнаго достоинство своей плети и окликая каждую проходившую часть: видно, недоспавшій адъютантъ или заспавшійся субалтерникъ; словомъ, шуму и беспорядка, не смотря на затишье передъ выступленіемъ, было столько-же, какъ на любой деревенской ярмаркѣ.

Подобная безалаберность часто водилась въ ночныхъ кавказскихъ движеніяхъ, если только заранѣе не было приказываемо молчать. Въ случаѣ-же, если подобное приказаніе было отдаваемо, то, не взирая ни на какія невыгодныя условія движенія, ни на какое, происходившее отъ того, беспорядочное состояніе отряда, воцарялась такая тишина, что и кошка не проснулась-бы.

Взводъ горныхъ орудій легкой № 5-го батареи двигался въ хвостѣ втораго эшелона. Кто его прикрывалъ — то вѣдалъ лишь святой угодникъ Николай, который, какъ кажется, одинъ и прикрывалъ его. Среди кутерьмы, господствовавшей по выступленіи изъ лагеря, солдаты были большею частію, какъ одурѣлые: и не доспали, и не видно ничего; а огонь костровъ, отъ которыхъ мы

(*) Отсюда и до вступленія на Даргинь-Дувъ я обращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ, напечатаннымъ мною въ № 59 газеты „Кавказъ“ за 1860 годъ.

постепенно удалялись, не только не помогая намъ своимъ свѣтомъ, а даже портилъ дѣло. Только пришли въ себя въ то время, когда вступили на шаро-аргунскій мостъ, потому что нѣсколько освоились съ своимъ положеніемъ и вступили въ область тьмы и мрака, гдѣ всѣ пять чувствъ наостраются и электризуются.

По недавно разработанной дорогѣ отрядъ около полуверсты поднимался въ гору, а затѣмъ—очутился въ лагерѣ двухъ баталіоновъ куринскаго полка. Эти баталіоны занимали менѣе мѣста, чѣмъ проходившій возлѣ нихъ по берегу рѣки взводъ орудій съ своимъ прикрытіемъ. (Тутъ только оказалось, что въ прикрытіи орудій была какая-то рота).

У куринцевъ было тихо и спокойно; — стало быть, народъ привычный: на суету его не поднимешь. Это были 2-й и 3-й баталіоны, которые должны были примкнуть къ нашему шествию. Ихъ палатки были уже убраны, и только торчали три или четыре офицерскія, да маркитантская.

Арьергардъ остановился. Стоимъ полчаса, часъ, полтора часа... А отчего? Оттого, что передніе вытягиваются въ струнку: знать, вступили въ трупцы.—Разсвѣло; читать можно.

Пришла, наконецъ, и наша очередь; двинулись и мы. Но, Боже мой! что это было за движеніе: не то шли, не то — стояли: подвинемся впередъ шаговъ на сто—п. тпрр... Еще на пятьдесятъ— и еще разъ тпрр...

Рота, которая вывела изъ лагеря горный взводъ 5-й легкой батареи, сбросила его на руки второму баталіону куринцевъ, а сама куда-то исчезла; — тѣмъ лучше: этотъ баталіонъ былъ свой, домашній, одночадцы,—умреть, но не выдасть (*).

(*) Куринскій полкъ и 5-ая легкая батарея имѣли вмѣстѣ одну штаб-квартиру въ кр. Воздвиженской и, конечно, были друзьями, начиная отъ ихъ командировъ и кончая послѣднимъ солдатомъ.

Верстахъ въ трехъ отъ недавно разореннаго нами аула Ду-тена мы приняли влѣво и пропустили мимо себя обозъ всего отря-да, чтобы потомъ замкнуть общее движеніе. Несноснѣе подобной роли ничего быть не могло!

Часа три или четыре тянулся этотъ обозъ; но, не смотря на это, лошадей горнаго взвода разовьючивать было невозможно, потому что—того и гляди—среди этой белиберды можетъ неожиданно наскочить какой-нибудь адъютантъ и сказать: вамъ-де приказано двинуться туда и туда.

Вдали раздавались слабые ружейные выстрѣлы, и на лѣсистой горѣ за Шаро-Аргуномъ, время отъ времени, мелькали оборванные черкески горцевъ.

Но вотъ—рожокъ!

— Маршъ! скомандовалъ командиръ баталіона.

Идемъ.

Прошли Дутенъ, спускаемся въ глубокой оврагъ; взбираемся потомъ на полуотвѣсную гору къ бывшему аулу Улусъ-Керты и, пройдя версты двѣ или три, снова останавливаемся.

Тамъ, вдали, передъ нами возстаетъ Даргинъ-Дукъ.

— Глазамъ видно, да ногамъ обидно, поговариваютъ солдаты.

И возстаетъ передъ нами этотъ гигантъ, шести тысячъ фуговъ роста, съ ногъ до головы покрытый столѣтними чинарами.

Идемъ еще часъ. Солнце, проглянувшее на этотъ разъ для того только, чтобы подразнить насъ въ этотъ день своимъ свѣтомъ, быстро закатывается;—наступаютъ сумерки; вечерѣетъ.

Почти у вершины Даргинъ-Дука видна струя дыма; черезъ полчаса видна другая; еще черезъ полчаса—третья: знать, передніе добрались;—счастливицы!

А у насъ лошади гнутся, стонуть и кряхтятъ подъ тяжестью вьюковъ. Ни бревна, ни куска хвороста, на которомъ можно было

бы присѣсть и отдохнуть; запекшіяся губы освѣжаются только комками снѣга.

Вправо раздаются выстрѣлы все чаще и чаще: непріятель насѣдаетъ. Цѣпь спущена внизъ, къ рѣкѣ, и приняла на себя весь огонь.

— Подать орудію! кричатъ куринцы.

Значить, неустойка.

Взводъ снимается съ выюковъ и, среди наступающей темноты, открываетъ огонь по ту сторону рѣки—гранатами.

На минуту притихло. Взводъ укладывается на выюки и продолжаетъ свое молчаливое шествіе. Но вотъ, опять загремѣла пальба въ дѣпи, и опять куринцы зовутъ на выручку „орудію“. Снова орудія снимаются со выюковъ и громятъ—куда попало.

А на Даргинѣ-Дукѣ все ярче и ярче пылаютъ костры...

И такимъ образомъ, перемежаясь съ ноги на ногу, перемежая каждый десятокъ шаговъ орудійными выстрѣлами, навьючивая и разовьючивая, подвигался взводъ 5-й батареи въ составѣ баталіона куринцевъ: зналъ покойный генераль Евдокимовъ, кого оставить въ хвостѣ всего отряда!...

Отчего-бы ему не оставить тамъ виленцевъ или бѣлостокцевъ?

Пройдя какой-то полуразоренный кутанчикъ, мы начали снова спускаться въ глубокую трущобу по узкой тропѣ, на которой двѣнадцать баталіоновъ и весь обозъ размѣсили густую глину. Внизу, гдѣ-то невидимо бурлил Шаро-Аргунъ, и лошади, почувявъ воду, напрягали послѣднія усилія, чтобы скорѣе спуститься къ рѣкѣ. Наконецъ, приползли,—и разомъ окунулась въ мутную сѣрнистую воду сотня котелковъ. Съ неистовствомъ глотали голодные солдаты эту пѣнистую влагу, наполняя ею пустой желудокъ; съ остервененіемъ вбирали ее несчастныя животныя, — такъ что нельзя было ихъ отогнать отъ воды ни пальниками, ни банниками.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ изнуреннаго и обезспленнаго аріергарда, слабо дымящіяся костры освѣщаютъ собою двѣ-три

полуразрушенные сабли. Возлѣ нихъ, на бревнахъ, сидятъ нѣсколько старухъ — жены горцевъ, вступившихъ въ тотъ день въ наше подданство — и, протянувъ къ огню свои худыя, черныя, обнаженные ноги, согрѣваютъ ихъ по возможности. Вокругъ нихъ шныряетъ дюжина босыхъ и почти нагихъ дѣтей. Впереди раздаются крики фурлейтовъ, погоняющихъ артельныхъ лошадей, которыя, не смотря ни на какія понуканія, не взирая ни на какія изступленные аріи своихъ вожатыхъ, кричатъ, упираются и, наконецъ, вовсе отказываются отъ всякаго движенія.

Но подоспѣлъ баталіонъ, пошли въ ходъ приклады, — и бѣдныя животныя двигаются далѣе.

И за что, спрашивается, погонщики изливали свою досаду на безотвѣтныхъ четвероногихъ, которыя, по ихъ мнѣнію, замедляли будто-бы шагъ аріергарда? Все было сдѣлано и со стороны коней, — все, что только возможно: но откуда же было взять силъ, когда почти въ теченіи сутокъ лошадиныя зубы не пережевывали клокъ сѣна; когда выюкъ надламываетъ хребетъ; когда съ каждымъ шагомъ или приходится увязнуть въ густой глинѣ по колѣна, или, скользя назадъ и сбиваясь на сторону, удерживаться на обрывахъ надломленными отъ усталости ногами, лишь-бы не слетѣть въ балку или оврагъ?

Впереди—гора, и на нее предстояло взлзять, какъ на стѣну. Но, увы! это еще не Даргинъ-Дукъ; это предверіе его, или выходъ изъ труппы, въ которой аріергардъ стоялъ по колѣно въ грязи; — и если помните въ любомъ курсѣ физики или механики чертежъ наклонной плоскости — такъ можете себѣ составить нѣкоторое понятіе объ этой горѣ.

Начала подниматься артилерія; тѣла, лафеты и колеса были, конечно, на выюкахъ.

Рождался вопросъ: какъ подняться? Взбираться на стѣну самому и въ тоже время вести въ поводу коня — не было никакой возможности: или конь долженъ былъ стянуть за собою внизъ или

въ кручу вожатаго, или вожатый, ища опоры въ обезсиленной лошади, долженъ былъ задерживать ее на каждомъ шагу. Въ виду этого, приказано было забросить узды на шеи лошадей, предоставивъ имъ идти по слѣдамъ своихъ вожатыхъ, а вожатымъ — взбираться, какъ умѣютъ и какъ знаютъ, — хоть на четверенькахъ.

Но, не смотря на всѣ эти условія и предосторожности, гора будто сбрасывала съ себя тѣхъ, чья отважность стремилась осилить ея природныя недостатки.

Кое-гдѣ, хватаясь руками за землю или опираясь на что попало — было-ли то ружье, палиникъ или сломанная по пути дубина — солдаты карабкались, какъ кошки, останавливаясь для роздыха на каждаыхъ пяти шагахъ. Не преувеличивая, должно сказать, что аріергардъ представлялъ собою въ эти минуты стадо барановъ, разсѣянныхъ по скатамъ этой горы, на которой лишь одинъ снѣгъ ослаблялъ мракъ наступившей ночи. Сверху слышались голоса, понуканія и приказанія офицеровъ; изъ балки, снизу, подгоняли переднихъ тѣ, которымъ уже надоѣло кутаться въ грязь; вправо и влѣво раздавалось фырканье коней, бряцанье лафетныхъ цѣпокъ и стукъ оглобель о шины колесъ.

При самомъ дурномъ настроеніи духа, при разлившейся въ груди каждаго желчи, у всѣхъ на языкѣ былъ одинъ вопросъ: да война-ли это?

И долго такимъ образомъ ползли искалѣченные люди, на которыхъ не видно было ни изорваннаго платья, ни выступившей на рукахъ и колѣнахъ крови только потому, что толстый слой глинистой грязи облѣплялъ собою каждаго солдата съ ногъ до головы.

Къ довершенію несчастія — поперегъ тропы явился сплошной камень. Люди кое-какъ всползали на него; но лошади останавливались, фыркали и отказывались идти. Нѣкоторыя изъ нихъ пробовали переднею ногою это новое препятствіе, но топырчили уши и пятились назадъ. Напрасны были всѣ понуканія. Лошади сами

чувствовали необходимость карабкаться далѣе, но въ то же время понимали и всю опасность этого маневра. Наконецъ, при пособіи людей, тѣ, у которыхъ вьюки были полегче, собравъ всю мочь и рискуя подковами и ногами, вспрыгивали на камень съ такимъ изступленіемъ, что только искры сыпались изъ подъ копытъ; но зато другія, какъ и слѣдовало ожидать, не миновали своей участи: тѣловая, вмѣстѣ съ навьюченнымъ на ней единорогомъ, съ громомъ рухнула въ балку и, только застонавъ, дала тѣмъ знать, что остановилась гдѣ-то недалеко. При ея паденіи, орудіе сорвалось съ сѣдла—и было таково. За тѣловою пошелъ туда-же и лафетный; за лафетнымъ еще одинъ ящичный...

— Послать рабочихъ! раздалось на всѣхъ концахъ горы.

Медленно стали спускаться съ горы опередившія насъ роты, которыя, въ ожиданіи обоза и его прикрытія, успѣли уже развести большіе костры.

По странному и счастливому случаю, тѣловая и лафетная лошади, съ которыхъ тяжести сорвались при паденіи, остались живыми, хотя и сильно помятыми; но ящичный конь болѣе не вышелъ изъ балки, хотя она была и не глубока (*).

Кое какъ встали наверхъ орудіе, лафетъ и ящики и, при помощи рабочихъ, внесли ихъ на гору.

Былъ одиннадцатый часъ ночи, когда арьергардъ стянулся на этой горѣ. Кажется, вотъ такъ-бы и легъ въ грязь, у костра, и, не обращая вниманія ни на холодъ, ни на слякоть, лежалъ-бы сутки безъ просыпа, не шевелясь.

Но не тутъ-то было;—спустя четверть часа, раздалось:

— Впередъ! Маршъ!

И потянулись мы снова.

(*) Ящички были подняты и навьючены на запасную лошадь.

Здѣсь ужъ стало темнѣе — такъ темно, что съ трудомъ у самаго носа можно было отличить вожатаго отъ его лошади.

Въ воздухѣ очень тихо.

Дорога тутъ была значительно шире предыдущей, такъ что горныя орудія могли уже идти на колесахъ, придерживаемыя лямками. Но были мѣста, которыя угрожали тѣмъ-же случаемъ, что произошелъ часъ назадъ. Вслѣдствіе этого, солдаты приняли всѣ предосторожности; — явились даже огарки свѣчь, которыми освѣщали дорогу впереди и по сторонамъ. При этихъ импровизованныхъ факелахъ, движеніе горнаго взвода было похоже на какое-то погребальное шествіе.

Уже давно заманчиво и привѣтливо глядѣли на насъ даргинь-дужскіе костры; сверху они кое-гдѣ даже освѣщали намъ дорогу; но чѣмъ болѣе мы приближались къ нимъ, тѣмъ все далѣе и далѣе они уходили отъ насъ.

— Скоро-ли? лаконически спрашивали многіе другъ у друга.

Молчаніе: никто не знаетъ,—каждый здѣсь впервые.

А между тѣмъ глаза смыкались, ноги подкапывались; люди шли пошатываясь и—то и дѣло—обдергивая ранцы.

Но все-таки шли и шли безъ проклятій, безъ жалобы, даже безъ упрека: сознаніе долга, необходимости руководило всѣми одинаково.

Эхъ, золотая кавказская армія прежнихъ лѣтъ! Явится-ли когда либо въ будущемъ еще что нибудь, хотя отчасти похожее на тебя?

Еще нѣсколько десятковъ сажень,—и чаще стали попадаться навстрѣчу мелкія деревья; еще четверть часа, — и лѣсъ гуще. Не смотря, однако, на эту густоту, между деревьями явлются силуэты полусвѣщенныхъ палатокъ; чуть слышны голоса людей.

Снова начался подъемъ; это—Даргинь-Дужъ.

По узкой тропѣ, хватаясь за поваленныя деревья, арьергардъ

началь взбираться на крутизну. Близость ночлега, казалось, должна бы была придать силы и людям, и лошадям,—но, увы! силъ-то и не было болѣе.

Лишь только что либо замедляло движеніе арьергарда, солдаты, какъ скошенные, опускались на бревна, а лошади — или, просто, падали, или, мало по малу сгибаясь, ложились на землю.

Въ половинѣ двѣнадцатаго мы добрались до перваго лагеря. Лѣсъ былъ до того густъ, что едва лишь въ немногихъ уголкахъ было мѣсто для нѣсколькихъ палатокъ—конечно, офицерскихъ; солдаты же лежали плашмя у костровъ, на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ,—котораго, впрочемъ, здѣсь и днемъ нельзя было видѣть. Въмѣсто подушекъ, были въ головахъ ранцы. Бодрствовали только кашевары, помѣшивая крупу въ котлахъ, да часовые,—первые потому, что у нихъ, во время движенія, была возможность запрягать свои ранцы въ котлы и идти налегкахъ, вторые—по необходимости. Кое гдѣ можно было услышать стужъ топора—и то, глухой, слабый: видно, обезсиленная рука рубила полѣно.

Пока арьергардъ, барахтаясь въ грязи, преодолевалъ всѣ трудности пути, наподобіе Сизифа, генераль Евдокимовъ успѣлъ заключить этотъ день нѣкоторыми весьма удачными движеніями.

Опередивъ отрядъ еще рано утромъ, командующій войсками явился на Даргинь-Дукъ, конечно, прежде всѣхъ, въ сопровожденіи кавалеріи, которая стягивалась вокругъ него по мѣрѣ того, какъ онъ обгонялъ эшелоны. Вскорѣ за нимъ на Даргинь-Дукъ явился баталіонъ маіора Коньяра. Давъ нѣсколько отдохнуть этому баталіону, начальникъ отряда, въ сопровожденіи его и бывшей при немъ, подъ начальствомъ полковника Кундухова, кавалеріи, предпринялъ рекогносцировку по всѣмъ направленіямъ горы,—гдѣ только позволяла мѣстность.

Горцы спохватились только тогда, когда первый эшелонъ, движеніе котораго не затрудняли никакія тяжести, занялъ Даргинъ-Дукъ. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые въ состояніи были подослѣть къ мѣсту слѣдованія отряда, обрушились на арьергардъ, и этимъ объясняется та перестрѣлка, гдѣ пришлось употребить въ дѣло орудіе, стоившая намъ, впрочемъ, одного раненаго рядоваго.

Отбитые отъ арьергарда, они разсѣялись по окрестнымъ хуторамъ и начали жечь савли и запасы сѣна. Въ это время они случайно наткнулись на командующаго войсками, который атаковалъ ихъ такъ быстро, что они, обратившись въ полнѣйшее бѣгство, не успѣли даже захватить имущество, оставшееся въ хуторахъ. При этой атакѣ былъ раненъ одинъ милиціонеръ и одна лошадь.

Въ хуторахъ, разсѣянныхъ по Даргинъ-Дуку и окрестнымъ горамъ, находились, между прочимъ, семейства горцевъ изъ разоренныхъ нами ауловъ Чалги-Ирзау, Измаиль-Юрта, Дутена и Улусъ-Керты. Эти семейства, сообразивъ весьма благоразумно, что лишившись своего очага, онѣ въ то же время лишаются и гостепріимнаго очага своихъ сосѣдей, а слѣдовательно, должны будутъ погибнуть отъ голода или скитаться въ горахъ безъ пріюта, на подавніи — прислали депутацію съ покорнѣйшею просьбою: принять ихъ въ наше подданство. Конечно, просьба была принята и нѣкоторымъ изъ нихъ была предоставлена возможность, согласно желанію, примкнуть къ отряду; другія же, которыя захотѣли остаться въ полуразрушенныхъ хуторахъ, не были стѣснены и въ этомъ. Потомъ уже объяснилось, что къ числу ихъ принадлежали тѣ женщины и дѣти, которыхъ арьергардъ видѣлъ на пути къ Даргинъ-Дуку. Въ лагерѣ, къ ночи, оказалось до двадцати семействъ, которыхъ, весьма понятно, пришлось сейчасъ напоить и накормить. И странно, и смѣшно было смотрѣть на добрую, русскую, широкую натуру нашего солдата, когда онъ дѣлился съ плѣнными крохами своего сухаря и своею водянистою кашпцею.

— Эй, марушка, шалтай-балтай, хлѣбъ хочешь?

И въ это время онъ протягивалъ изможденной и полунагой старухѣ тотъ сухарь, который бы и для него былъ вовсе лишнимъ.

Марушка съ оживленіемъ протягивала руку къ сухарю и съ жадностію его поглощала.

На другой день уже можно было видѣть, какъ маленькіе чеченята грѣлись у одного костра съ куринцами, пытливо озираясь во все стороны, въ ожиданіи солдатскаго обѣда; — словомъ, подружилась скоро.

Когда арьергардъ отряда прибылъ къ Даргинь-Дуку, онъ остановился на нижнемъ уступѣ горы, потому что въ дальнѣйшемъ восхожденіи и надобности не было, да и вполне невозможнымъ ужъ оно представлялось: ноги отказались служить; существо челоуѣка какъ бы болѣе не существовало.

На ночлегъ войска были размѣщены такимъ образомъ: на самой вершинѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Кемпферта, три съ половиною баталіона пѣхоты и два горныхъ орудія; на полугорѣ, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ вершины— семь съ половиною баталіоновъ пѣхоты, милиція и шесть горныхъ орудій; здѣсь же была и ставка командующаго войсками; внизу, у подошвы горы, три баталіона пѣхоты, сопровождавшіе, въ головѣ и въ хвостѣ, вьюки отряда и два горныхъ орудія.

Хотя къ полуночи капица была готова, но немногіе въ арьергардѣ пожелали ее попробовать, не смотря на то, что цѣлые сутки были безъ пици: отдыхъ и сонъ оказались нужнѣе и дороже всякой пици.

IV.

Даргинь-дукские леса и рубка ихъ. Мысль и аванпостъ на немъ. Ночныя перестрѣлки съ 3-го по 6-е марта. Отправленіе колонны за провіантомъ. Замыслы непріятеля. Возвращеніе колонны. Бой и пораженіе горцевъ у вашинь-дарійскаго оврага. Нападеніе на аванпостъ, бѣгство роты и подвигъ бомбардира Бурцова. Различіе между выраженіемъ храбрости артиллериста и воина иного рода оружія. Кавказскіе артиллеристы, ихъ заслуги и ихъ доля. Всесоженіе срубленнаго на Даргинь-Дукъ леса. Взятіе и разореніе ауловъ Шарихатой и Вашинь-Дарой. Наши потери. Соженіе ауловъ Чипши. Отступленіе отряда въ Дачу-Барвой.

Отдыха войскамъ не было. На слѣдующій день, съ ранняго утра, по всему пространству Даргинь-Дука застучали тысячи топоровъ, сливая свои звуки въ однообразную и несносную музыку. Нескоро, однако, раздался трескъ первыхъ падающихъ деревьевъ, такъ какъ работа была начата съ наиболѣе старыхъ и толстыхъ, вѣковыхъ, а съ ними не легко было справиться: на срубленныхъ пняхъ этихъ великановъ человекъ укладывался во весь ростъ, и этотъ опытъ, сколько мнѣ помнится, спустя нѣсколько дней, былъ произведенъ прапорщикомъ куринскаго полка Рѣзниковымъ. Возлѣ подобныхъ гордынь природы трудились обыкновенно не менѣе трехъ человекъ и едва успѣвали справиться съ ними въ полдня, а иногда только и къ вечеру; чинаръ, твердый, какъ желѣзо, не легко поддавался топору, въ особенности американскому.

Съ какимъ ужасающимъ грохотомъ падали эти, поистинѣ, предметы удивленія нашей кавказской природы, увлекая въ то-же время за собою полдюжины другихъ, меньшихъ, которые попада-

лись имъ на пути. Сколько, я думаю, завѣтнаго, историческаго падало вмѣстѣ съ этими „ирминсульскими“ гигантами! Не мудрено, если кавказскіе язычники стараго времени поклонялись дереву Ходоса; — нельзя было не благоговѣть, не преклоняться предъ этимъ сокровищемъ природы: на язычника оно не могло не производить рѣшительнаго впечатлѣнія.

А мы рубили и рубили эту драгоценность, жгли, испепеляли, уничтожали. Чего бы каждая изъ нихъ стоила гдѣнибудь на равнинѣ Россіи?..

Наиболѣе жаль было краснаго дерева, которое росло у подошвы Даргинъ-Дука; оно называется на Кавказѣ „негноемъ“, потому что не поддается гніенію. Его, вѣроятно, уже теперь и встрѣтить-то невозможно, такъ какъ оно присуще собственно глубинѣ кавказской чернойгоріи, гдѣ теперь, конечно, даже всякій старый чинаръ въ диковинку. Этому дереву никогда не знали надлежащей цѣны, потому что оно—*свое*, не иноземное; между тѣмъ, для мебели, для разныхъ комнатныхъ внутреннихъ подѣлокъ оно гораздо благодарнѣе и красивѣе заморскаго краснаго дерева: цвѣтъ его въ отдѣлкѣ темнорозовый, и мнѣ помнится, что кто-то такой—въ Воздвиженской-ли, или въ другомъ укрѣпленіи — имѣлъ срубъ одной комнаты изъ этого дерева, внутри штукатуренной. Хотя этотъ срубъ былъ сдѣланъ топоромъ, и внутренняя стѣна невылащирована; но, не смотря на это, комната заслуживала вниманія, какъ рѣдкость.

И этотъ негной, вмѣстѣ съ чинаромъ и, валился, и ложился въ глубокой снѣгъ подъ неумолимыми и несмолкаемыми ударами американскихъ топоровъ. При другихъ условіяхъ подобное истребленіе можно было бы назвать варварствомъ, вандализмомъ; но здѣсь, на Даргинъ-Дукѣ, въ 1858-мъ году, оно было дѣломъ необходимости.

Мало по малу, то тамъ, то сямъ, стали возникать среди лѣса небольшія поляны, усѣянные лишь пнями; будто снятыми съ плечъ

человѣчьими головами. День и ночь весь Даргинь-Дукъ былъ въ дыму и въ огнѣ.

Воды не было, и лошадей кормить было нечѣмъ. Но первый недостатокъ восполнялся снѣгомъ, который массажи лежалъ повсюду; что-же касается втораго, то, усмотрѣвъ его тотчасъ по вступленіи на Даргинь-Дукъ, генераль Евдокимовъ на другой-же день отправилъ обратно въ Дачу-Барзой всю кавалерію, весь вьючный обозъ и часть артилерійскихъ лошадей; при отрядѣ оставлена была только упряжь для четырехъ горныхъ орудій и сотня пѣшихъ милиціонеровъ.

Взводу горныхъ орудій легкой № 5-го батареи не выпало на долю отретироваться восвояси; мало того, онъ поднятъ былъ на самую крайнюю и высшую точку Даргинь-Дука, которая для него, по возможности, была расчищена. Среди окружающей мѣстности эта точка была тоже самое, что скалистый мысъ, выдавшійся надъ моремъ: слѣва и сзади было хорошо, потому что его ограничивали быстро-склонявшіяся покатоги Даргинь-Дука, гдѣ съ утра и до ночи копошились наши войска; съ фронта было также несовсѣмъ дурно, такъ какъ мѣстность была открытая: глубокой и безлѣсный, на версту или болѣе протяженія, оврагъ, раздѣлявшій Даргинь-Дукъ отъ одного изъ отроговъ главнаго снѣговаго хребта. Но зато, справа мѣстность была невозбуждавшая къ себѣ никакого довѣрія: съ этой стороны мысъ довольно круто обрывался въ глубокой, темный, лѣсный оврагъ, по которому можно было жаловать къ намъ въ гости во всякую минуту, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ, — тѣмъ болѣе, что здѣсь никакая цѣпь, по неудобству мѣстности, не могла держаться, — да и опасно было ее держать. Во все время пребыванія на Даргинь-Дукѣ орудія съ этой стороны были предоставлены собственной защитѣ, — и это обстоятельство едва не обошлось намъ очень дорого, другими словами: мы едва не потеряли здѣсь оба орудія.

Первые два дня мы стояли на Даргинь-Дукѣ спокойно; только

изрѣдка слышались выстрѣлы въ цѣпяхъ, то въ одной, то въ другой сторонѣ; рѣшительнаго-же — горцы ничего не предпринимали, такъ что мы, почитай, начали отвыкать отъ постоянныхъ тревогъ. Вѣрно, въ эти дни самъ непріятель осматривался и приглядывался. Но на третій день, какъ видно, онъ присмотрѣлся: перестрѣлка въ цѣпяхъ не умолкала цѣлый день, и только въ закату солнца пріутихла. Въ цѣпи, съ нашей стороны, было два или три раненыхъ. Горцы отступили и замолкли только послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ.

Наступила ночь. На аванпостѣ были приняты мѣры предосторожности, такъ какъ понятно было, что непріятель, освоившись съ нашимъ расположеніемъ, не долженъ былъ, по здравому выводу, оставить насъ въ покоѣ.

Аванпостъ состоялъ собственно изъ двухъ горныхъ орудій легкой № 5-го батареи — и больше ничего. Никакого редута, никакой засѣлки вокругъ не было. Лошадей при орудіяхъ не было; онѣ были отправлены 1-го марта въ Дачу-Барвой. Орудійная прислуга помѣщалась въ одной палаткѣ, которая была разбита въ десяти шагахъ отъ орудій. На мысѣ нельзя было и поставить болѣе какою нибудь другую, хотя маленькую, часть войска. На покато-сти мыса, съ тыла и влѣво, были расположены враздробь баталіоны пѣхоты. Днемъ, орудія оставались сами по себѣ, а ночью — являлась въ прикрытіе очередная дежурная рота, назначаемая по приказаніямъ начальника колонны. Костры пылали цѣлый день; съ наступленіемъ-же ночи, среди лѣса, они представляли собою и въ связи со всѣмъ, ихъ окружающимъ: съ палатками, складами зарядныхъ ящиковъ, съ толпою солдатъ, какою-то фантазмагорію, — будто фокусникъ, желающій повліять на воображеніе зрителей, воспроизвелъ всю эту картину своимъ магическимъ жезломъ.

Изъ двухъ горныхъ орудій, находившихся на аванпостѣ, одно было направлено вправо, въ лѣсистый оврагъ, другое — прямо въ открытый оврагъ, отдѣлявшій насъ отъ снѣговаго хребта. Съ на-

ступленіемъ ночи, въ дуло каждаго изъ орудій вкладывался картечный зарядъ и возлѣ — стоялъ неугасаемый пальникъ; сума, съ двумя запасными картечными зарядами, и сумка съ скорострѣльными трубками передавались съ рукъ на руки отъ часоваго къ часовому.

Взводъ былъ боевой, обстрѣлянный, не выходившій круглый годъ изъ подъ огня непріятеля; круговая порука — была главнымъ основаніемъ взаимнаго самоохраненія. Кто-бы ни стоялъ на часахъ: Иванъ или Карпъ — остальные спали спокойно, вполне увѣренные, что Иванъ или Карпъ однимъ банникомъ встрѣтитъ цѣлую толпу горцевъ, костями ляжетъ, но не двинется съ мѣста, пока въ немъ будетъ капля теплой крови, или пока товарищи не подскочатъ на выручку.

При этомъ послѣднемъ условіи, естественно, попытки непріятеля привести въ смущеніе артилерію, бывшую на аванпостѣ, не могли никоимъ образомъ увѣнчаться успѣхомъ, — какъ тамъ себѣ ни хлопочи.

Въ ночь съ 3-го на 4-е марта, лишь только темнота окутала собою Даргинь-Дужъ съ его окрестностями, и костры запылали ярче и свѣтлѣе; лишь только большая часть отряда, послѣ скуднаго солдатскаго ужина, завернувшись въ изодранные плащи, расположилась у огня, — тамъ и сямъ начали раздаваться непріятельскіе выстрѣлы. Пули свистѣли, но никто не обращалъ на нихъ вниманія; никто даже не отвѣчалъ на эти выстрѣлы.

Но вотъ, пальба становится все чаще и чаще; — приходится принять мѣры, потому что выстрѣлы направлены на наши костры, возлѣ которыхъ рисуются силуэты солдатъ, бесѣдующихъ про Бову-королевича или розыгрывающихъ фильку.

Отдано приказаніе потушить костры и стать въ ружье.

Люди на ногахъ, — и въ такомъ положеніи прошла ночь до разсвѣта. А съ разсвѣтомъ барабанъ вызвалъ ихъ на рубку лѣса.

И снова полетѣли чинары; прогалина за прогалиною, все

шире и шире, стала образовываться по направленію къ подошвѣ Даргинь-Дука.

Генераль Евдокимовъ задался мыслью—прорубить просѣку на полный орудійный выстрѣлъ, т. е. гдѣ возможно, даже на пятьсотъ сажень въ ширину, и онъ назойливо преслѣдовалъ эту мысль; онъ-таки осуществилъ ее вполнѣ.

Съ 4-го на 5-е и съ 5-го на 6-е марта повторилась предыдущая ночь: пальба вокругъ — и отрядъ подъ ружьемъ; костры вездѣ потушены: холодно, томительно, скверно, — а дѣлать нечего. Лишь изрѣдка цѣпи перебрасывались съ непріателемъ выстрѣлами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по ружейнымъ огнямъ, присутствіе его можно было угадать безошибочно.

Но, видно, и горцы или утомились, или признали бесполезнымъ излишнюю трату своихъ патроновъ: нѣсколько слѣдующихъ дней отрядъ спокойно сидѣлъ ночью у костровъ, спокойно спалъ и бодро — конечно, по возможности — вставалъ съ зарею на работу.

Провіантъ приходилъ къ концу; — нужно было освѣжить его.

Ночью, 8-го марта, отдано было приказаніе баталіону куринскаго полка, подъ начальствомъ маіора Эрнрота, отправиться въ Дачу-Барзой за съѣстными припасами.

Маіоръ Эрнротъ, офицеръ генеральнаго штаба, который предпочелъ боевое поприще — поприщу штабному, т. е. письменному, былъ командиръ стрѣлковаго баталіона и инструкторъ куринскаго полка, человекъ весьма молодой, только что — можно сказать — начинавшій свою карьеру и сразу неотгаданный. Это была личность храбрая, разумная, другъ въ бою и отличный товарищъ въ бесѣдахъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ помощникомъ начальника дивизіи, а теперь, пожалуй, уже и начальникъ дивизіи.

Генераль Евдокимовъ, всегда предусмотрительный, зналъ, кому поручить колонну, слѣдовавшую въ Дачу-Барзой за провіантомъ и маркитантскими запасами. Какъ въ выборѣ и назначеніи будущаго

графѣ не ошиблось высшее начальство, такъ точно Николай Ивановичъ не ошибался въ выборѣ нужныхъ для себя сподручниковъ.

9-го марта, съ разсвѣтомъ, маленькая колонна маіора Эрнрота спустилась съ Даргинъ-Дука и потянулась въ аргунскому ущелью.

Генераль Евдокимовъ провожалъ ее и наблюдалъ за нею. По его соображенію, она не должна была миновать нѣкоторыхъ затрудненій.

И дѣйствительно, лишь только она прошла Даргинъ-Дукъ, миновала ложбину, отдѣляющую его отъ той горы, которую мы назвали предверіемъ Даргинъ-Дука, и затѣмъ, стала спускаться съ этой горы въ вашинтъ-дарійскій оврагъ, — съ противоположной стороны этого оврага показалась весьма солидная партія горцевъ — примѣрно, человекъ въ пятьсотъ, которая быстро стала занимать опушки и окраины лѣса. Эрнротъ едва-ли могъ ее видѣть; но Николай Ивановичъ ее видѣлъ. Мало того, что онъ ее видѣлъ, — онъ угадалъ, что она не намѣрена теперь помѣшать движенію Эрнрота, но накинется на него тогда, когда онъ будетъ возвращаться изъ Дачу-Барзоя. А возвращаться онъ долженъ былъ завтра.

Такъ и случилось: маіоръ Эрнротъ прошелъ благополучно, безъ выстрѣла. По всему видно было, что эти горцы сперва имѣли въ виду схватиться съ колонною Эрнрота, воображая, что это — какая-нибудь рота и, притомъ, прикрывающая тяжести; но когда увидѣли, что идетъ цѣлый баталіонъ, да налегкахъ, да еще и при артилеріи, они, догадавшись во первыхъ, въ чемъ дѣло, а вовторыхъ, что пожива будетъ впереди — благоразумно уклонились отъ всякой перестрѣлки.

Но за то, на слѣдующій день они не намѣрены были упустить случай — перерѣзать намъ дорогу; съ другой стороны, не намѣренъ былъ и командующій войсками опростоволоситься первый разъ въ жизни.

Рано утромъ, 10-го марта, командующій войсками послалъ навстрѣчу маіора Эрнота баталіонъ пѣхоты, съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ полковника Папа-Федорова, котораго снабдилъ обстоятельными наставленіями.

Горцы, засѣвшіе въ оврагѣ, не могли ни видѣть встрѣчной колонны, потому что сами скрывались въ трупобахъ, такъ сказать, отъ свѣта божія—не то, что отъ людей,—ни звать о движеніи къ нимъ этой колонны, потому что это движеніе было устроено весьма секретно и послѣшно; они наблюдали только противную сторону, т. е. ту, откуда долженъ былъ показаться Эрнотъ, который шелъ очень спокойно, ничѣмъ не задаваясь и ничего не предполагая. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ двигался медленно, потому что слѣдовалъ съ тяжестями и въ гору, а Папа-Федоровъ, цѣлыми двумя часами опередилъ его приближеніе къ оврагу,—что и составляло суть всей этой задачи.

Прибывъ къ Вашинь-Дари, начальникъ колонны тотчасъ охватилъ двумя ротами съ двухъ сторонъ весь оврагъ, поставилъ въ серединѣ цѣпи орудія подъ прикрытіемъ третьей роты, а четвертой ротѣ велѣлъ спуститься въ глубину оврага, чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе, и затѣмъ, долго не думая, открылъ сильный картечный огонь по тѣмъ закоулкамъ оврага, гдѣ, на основаніи указаній генерала Евдовимова, гнѣздились отдѣльныя толпы горцевъ. Послѣдніе, какъ видно, были сначала ошеломлены этою неожиданностію, такъ что нѣкоторое время съ ихъ стороны не раздалось ни одного выстрѣла; но потомъ, прійдя въ себя, загремѣли цѣлыми залпами по артилеріи и по ея прикрытію. Обнаруживъ, такимъ образомъ, свое мѣстонахожденіе, они дали возможность двумъ ротамъ, находившимся въ цѣпи, вступить съ ними въ бой. Въ это время на противоположной сторонѣ оврага показалась колонна маіора Эрнота. Тутъ только увидѣли горцы, что означалъ весь этотъ сонъ;—ждать было некогда и не для чего: толпами стали они выскакивать изъ своихъ гнѣздъ, напутствуемые нашимъ бѣг-

лымъ орудійнымъ огнемъ и принятыя въ штыки тою ротою, которая едва только успѣла занять мѣсто въ оврагѣ. Вездѣ, гдѣ только была какая-нибудь лазейка, — она была спасительною тропкою для оторопѣвшихъ горцевъ. Бѣгство ихъ было такъ усердно и поспѣшно, что они оставили въ нашихъ рукахъ восемь тѣлъ, — а это у нихъ считалось вещью вполне невозвратимою и противною ихъ закону и обычаямъ: значить, поражение было очень чувствительное. Но, кажется, оно было-бы полное, если-бы полковникъ Папа-Федоровъ выждалъ-бы открывать пальбу, далъ возможность подойти маіору Эрнроту къ мѣсту боя, а посланной имъ въ оврагъ ротѣ — хорошенько и прочно утвердиться и, этимъ способомъ, охватилъ-бы непріятели со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Такъ или иначе, — но хорошо, что и это удалось. Не будь такъ предусмотрителенъ и распорядителенъ командующій войсками, то съ Эрнротомъ повторилась-бы вполне сухарная экспедиція 1845-го года.

Потеря горцевъ вообще въ этомъ дѣлѣ заключалась въ тридцати убитыхъ и раненыхъ; у насъ раненъ одинъ рядовой.

Урокъ, данный горцамъ 10-го марта, былъ такъ поучителенъ, что они примолкли на нѣсколько дней, и даргинъ-дуксѣй отрядъ въ эти дни пользовался полнымъ спокойствіемъ.

Но это было — небольшое затишье передъ маленькой бурей; — азіятская натура требовала мести.

15-го марта, съ наступленіемъ сумерокъ, на аванпостъ, въ прикрытіе орудій, прибыла рота пѣхоты; но отъ какой именно части — не помню. Солдаты поставили ружья въ козлы и предварительно усѣлись возлѣ артилерійскаго костра — погрѣться и побалагурить. Огонь трещалъ во весь карьеръ, и солдаты то и дѣло подваливали къ нему цѣлыя деревья, такъ какъ еще за нѣсколько дней отдано было рѣшительное приказаніе, чтобы какъ можно болѣе сожигать нарубленный лѣсъ. Долго-ли, коротко-ли бесѣдовали пѣхотинцы и артиллеристы — а стала одолавать дремота. И вотъ,

одинъ за однимъ, прикрытіе начало уходить къ орудіямъ, гдѣ, конечно, снѣга ужь давно не существовало и было чисто и гладко, какъ на полу, и завернувшись въ плащи, прижавшись плотнѣе другъ къ другу, скоро погрузилось въ безмятежный сонъ, оставивъ бодрствовать за себя лишь одного своего часового. Начали понемногу уходить и артиллеристы въ свою палатку. Бомбардиръ Серегинъ — солдатъ всегда суровый, но очень добросердечный — окуталъ съ ногъ до головы своего племянна * * *, у котораго былъ дядькою, буркою, связавъ ему ноги фитилемъ — устройвъ, такимъ образомъ, изъ этой бурки родъ мѣшка—уложили его на плетенку, собственно для этой цѣли и для этого племянна устроенную, и самъ вытянулся подлѣ него во весь свой длинный и неуклюжій ростъ.

На первую смѣну, т. е. до полуночи, поставили на часы къ орудіямъ бомбардира Бурцова. Это былъ красивый, молодой солдатъ, хорошо знающій службу, ловкій и расторопный, получившій впоследствии георгіевскій крестъ — чуть-ли даже не за эту памятную ночь.

Вездѣ тихо и безмолвно; костры стали понемногу слабѣть; прикрытіе спало молодецкимъ сномъ, — и только навстрѣчу другъ другу прохаживались Бурцовъ и пѣхотинецъ, — первый у орудій, второй у ружей.

Такъ прошло болѣе часа и, должно полагать, одиннадцатый былъ на исходѣ, потому что часовые уже зѣвали во весь ротъ. Изрѣдка, какъ-бы въ видѣ развлеченія, Бурцовъ подходилъ къ зажженному и воткнутому въ землю у орудій пальнику и отряхалъ съ него нагаръ, — потомъ, опять прогуливался и вновь зѣвалъ.

Вдругъ, среди этой, поистинѣ, исторической тишины, съ окраины извѣстнаго уже намъ праваго лѣсистаго оврага, раздается выстрѣлъ, за нимъ тотчасъ другой, и тутъ-же — залпъ сотни винтовокъ, сопровождаемый самымъ отчаяннымъ гикомъ. Впечатлѣніе, подѣ которымъ проснулось отъ этой неожиданности прикрытіе, было до такой степени для него ужасное, что, не отдавая себѣ

отчета въ томъ, гдѣ оно, что дѣлаетъ, что все это значитъ,—прикрытіе это, въ полномъ его составѣ, бросивъ свои ружья, оставивъ на мѣстѣ большую часть папахъ и плащей, ползкомъ, кубаремъ—словомъ, кто какъ попало—кинулось назадъ, къ мѣсту расположенія ближайшаго баталіона, находившагося вверху, саженьяхъ въ тридцати или сорока. Часовой пѣхотнаго полка приросъ къ землѣ въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ его залпъ непріятельскихъ винтовокъ,—и одинъ только Бурцовъ выручилъ всѣхъ и далъ возможность всѣмъ придти въ себя.

Лишь только раздался съ окраины оврага первый выстрѣлъ, Бурцовъ не сталъ ожидать втораго: бросивъ на землю свой тесакъ и схвативъ, вмѣсто него, лежавшій на орудіи банникъ, онъ ментально догналъ зарядъ въ камору, протравилъ его, наложилъ трубку, нанесъ пальникъ,—и не успѣлъ еще прогичать послѣдній татарскій голосъ, какъ картечь засѣяла собою все протяженіе окраины оврага. Въ ту-же минуту артиллеристы уже стояли у орудій — одни, безъ прикрытія, предоставленные защитѣ и покровительству лишь божіихъ угодниковъ. Возлѣ Серегина тутъ-же торчалъ и его племяншъ, въ одной лишь теплой курткѣ и, конечно, безъ бурки на ногахъ. Какимъ образомъ онъ вынырнулъ изъ нея—онъ никогда не могъ дать себѣ въ этомъ отчета. За первымъ орудійнымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, за вторымъ — третій,—и снова все смолкло. По всему отряду, сверху и до низу Даргинъ-Дука, пролетѣла команда:

— Въ ружье!

Отрядъ всталъ на ноги; прикрытіе возвратилось на свое мѣсто и ужъ, не розыскивая папахъ и плащей, схватило свои ружья на руку и приготовилось встрѣтить непріятеля.

Но надобность уже миновала.

Въ приказѣ по корпусу этотъ случай, перенесенный потомъ въ послужные списки даргинъ-дукскаго отряда, названъ нападениемъ на редутъ, устроенный впереди лагеря.

Здѣсь заслуга Бурцова является до такой степени важною; стойкость же и храбрость артиллеристовъ, бросившихся съ голыми руками на защиту своихъ орудій въ то время, когда прикрытіе, въ паническомъ страхѣ, бѣжало вонъ,—до такой степени заслуживающими вниманія и наводящими на многія воспоминанія и размышленія, что было бы непростительно, по поводу этого, не сказать нѣсколько словъ въ пользу старыхъ кавказскихъ артиллеристовъ.

Отъ артиллериста—солдатъ-ли онъ, или офицеръ—не требуется въ бою та храбрость, которою должны быть обусловлены дѣйствія воина всякаго другаго рода оружія. Въ то время, когда пѣхотинецъ или кавалеристъ обязаны выразить отвагу, молодечество, удалъ; въ то время, когда имъ позволительно выразить пылъ, увлеченіе, доходящія иногда до ожесточенія и самозабвенія,—отъ артиллериста требуются: стойкость до смерти, присутствіе духа, выражаемое въ степени высшаго хладнокровія, не допускающаго никакого увлеченія, находчивость и—кому надлежитъ—распорядительность.

Тѣ и другія свойства—все свойства и оттѣнки одной и той же храбрости, но разныя ея стороны. Что ни говорите, а гораздо легче быть храбрымъ пѣхотинцу или кавалеристу, чѣмъ артиллеристу: первые даже и самую трусость могутъ маскировать требуемыми отъ нихъ въ бою условіями храбрости; для послѣднихъ же это невозможно, потому что нѣтъ трусости тамъ, гдѣ есть или должно быть спокойствіе, хладнокровіе. Пѣхотинцу или кавалеристу часто приходится однимъ одушевляющимъ крикомъ ура! заглушать, подавлять въ себѣ чрезмѣрныя біенія сердца; артиллеристъ же лишень и этого послѣдняго удовольствія, потому что ему никогда не приходится кричать ура! Напротивъ, въ то время, когда повсюду раздается этотъ крикъ, т. е. въ минуты рѣшительныя, артиллеристъ долженъ быть еще болѣе сосредоточенъ, еще болѣе молчаливъ, такъ какъ въ этотъ моментъ быстрота его выстрѣловъ, его искусство въ артиллерійскомъ дѣлѣ служатъ главнѣйшимъ содѣйствіемъ тѣмъ, кто идетъ по направленію боеваго крика, а слѣдова-

тельно, и главнымъ подспорьемъ для рѣшенія битвы. Наконецъ, при всѣхъ внезапныхъ неудачахъ — хоть, положимъ, при такой, какъ была на Даргинъ-Дукъ—пѣхотинцу и кавалеристу есть возможность спастись отъ пораженія, отъ смерти — попросту, бѣжать; артиллеристъ же долженъ волей-неволей умирать на своемъ орудіи, такъ какъ другаго знамени, въ которомъ бы заключалась вся его боевая честь, у него нѣтъ.

Вотъ разница между требованіями, въ время боя, со стороны пѣхоты и кавалеріи и со стороны артилеріи.

Кавказская артилерія—съ открытымъ лицомъ и во всеуслышаніе должно сказать—вполнѣ оправдала до дня покоренія края то высокое значеніе, которое опредѣлено для нея военнымъ искусствомъ, и если кто либо знаетъ на памяти ея хоть одно пятнышко, которое бы—не скажу: затемняло—мѣшало ея славѣ,—пусть скажетъ и заявитъ.

Много славныхъ, *честныхъ* боевыхъ дней насчитываетъ она за собою, и много ея золотыхъ подвиговъ кануло въ вѣчность безъ шума, безъ слѣда,—тѣмъ болѣе потому, что кавказскіе артиллеристы никогда не фигурировали, никогда не рисовались, нигдѣ и никогда не восхваляли себя. Всѣ ихъ подвиги, гдѣ они своею стойкостью, искусствомъ и находчивостію спасали цѣлыя колонны, рѣшали нерѣдко исходъ битвъ, остались вѣдомы и памятны лишь тѣмъ изъ нихъ, кто ихъ раздѣлялъ. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами! Обратимся къ минувшей войнѣ и вспомнимъ Ивана Николаевича Броневскаго, у котораго, въ рѣшительную минуту (подъ Ингуромъ) при наступленіи непріятеля, ложится возлѣ орудія вся прислуга, и онъ беретъ въ руки палець, наноситъ его . . . вдругъ, пуля прострѣливаетъ ему кисть руки. Онъ перехватываетъ палець въ другую руку—и даетъ картечный выстрѣлъ въ упоръ непріятелю. Затѣмъ, гдѣ записанъ или занесенъ подвигъ командира батареи Брискорна, который, въ сраженіи при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, положительно рѣшилъ исходъ битвы тѣмъ, что съ своею батарейною батареею,

сперва безъ всякаго прикрытія; а потомъ уже подь прикрытіемъ саперъ; случайно здѣсь подвернувшись съ подполковникомъ Кауфманомъ, взлетѣлъ на гору, подь которою проходилъ непріятель, и картечнымъ огнемъ не только остановилъ его наступленіе, не только отбилъ отъ себя атаку башибузукъ, но и вовсе разстроилъ непріятельскую колонну, лишивъ ее возможности продолжать движеніе.

Всѣ эти дѣла и подвиги переходятъ у артилеристовъ изъ устъ въ уста, — а самая исторія, или какая-нибудь хроника, много-ли объ нихъ сказала?

Войска всѣхъ остальныхъ родовъ оружія какъ-то счастливѣе въ этомъ случаѣ: ихъ больше, слухъ и говоръ объ нихъ шире и громче, на нихъ вездѣ и всегда обращалось въ бою болѣе вниманія, составъ ихъ частей многозначительнѣе, и въ самомъ этомъ составѣ всегда найдется кто-нибудь одинъ, который передаетъ бумагѣ или въ печать заслуги своихъ товарищей. У артилеристовъ это очень рѣдко;—они исполнили свой долгъ—и замолкли; тѣмъ и покончили. Къ главной заслугѣ кавказскихъ артилеристовъ прежняго боеваго времени нужно отнести еще и то, что насколько они мало о себѣ говорили или восхваляли себя, настолько же никогда не роптали и не жаловались на свою долю, которая, въ военное время, въ особенности во время движеній, была, сравнительно, хуже другихъ: у остальныхъ частей войскъ и стоянка всегда лучше, и походы лучше,—артилеріи же по большей части доставался послѣдній кусокъ, а иногда, просто, такъ сказать, объѣдки. И сколько разъ я это видѣлъ и въ Россіи, и на Кавказѣ!

Не одни артилерійскіе офицеры или командиры частей, въ родѣ Броневскаго и Брискорна, ждуть и не дождутся своей исторіи; не одинъ только Бурцовъ, дождавшійся, наконецъ, попасть въ хронику, заявили себя случаями, вызывающими на серьезныя размышленія: такихъ случаевъ были тысячи, — и что было бы, еслибы собрать ихъ воедино? Какая славная бы вышла эпопея!

На умѣ у меня вертится одинъ случай еще и такого рода:

Когда взять былъ въ малой Чечнѣ аулъ Урусъ-Мартанъ, его тотчасъ обнесли рвомъ, валомъ и устроили тамъ передовой пунктъ. Ни днемъ, ни ночью за укрѣпленіе нельзя было выставить носа, безъ опасенія получить пулю въ лобъ, потому что тутъ-же, подъ рукою, были лѣса, гдѣ каждую минуту сторожили насъ горцы, — не тѣ горцы, которые уже болѣе или менѣе выродились ко дню окончательнаго завоеванія Кавказа, а тѣ, которыми въ свое время гордился Шамиль, которые такъ долго были одушевлены своими удачами сороковыхъ годовъ.

Вотъ, однажды изъ Урусъ-Мартана отправилась въ лѣсъ, на рубку дровъ, колонна, въ составѣ баталіона куринецевъ и двухъ орудій легкой № 5-го батареи. Ничего себѣ: рубка шла, какъ и обыкновенно, при перестрѣлкѣ. Но эта перестрѣлка стала завязываться все сильнѣе и сплывѣе; пришлось употребить въ дѣло орудія. На бѣду, въ одномъ изъ ящиковъ коренникъ былъ конь молодой, несовсѣмъ обѣзженный, и, притомъ, пугливый. По мѣрѣ того, какъ учащались орудійные выстрѣлы, онъ все болѣе и болѣе ртался и, наконецъ, не смотря на всѣ усилія ѣздоваго, рванулся — и былъ таковъ. Вся тройка, конечно, подхватила и вынесла ящикъ въ сторону, по дорогѣ къ Мартану и полуоборотомъ къ лѣсу, сажень на сто отъ орудій. До лѣса оставалось сажень двадцать. Въ эту минуту изъ опушки выскакиваютъ во весь карьеръ человекъ десять чеченцевъ и бросаются наперерѣзъ къ ящику. Участъ ящика, казалось, была рѣшена; но ѣздовой напелся: лишь только онъ замѣтилъ первыхъ, отдѣлившись отъ лѣса чеченцевъ, мгновенно, что было силы, повернулъ коренника въ поворотъ, по направленію къ Мартану, — и только видно было одно: какъ плеть его описала въ воздухѣ двѣ параболы. Затѣмъ, столбъ пыли скрылъ отъ глазъ колонны и тройку съ ящикомъ, и десятерыхъ чеченцевъ.

— Ну, конецъ ему! мысленно проговорили артиллеристы.

Но дѣло вышло иначе: Ыздовой на этотъ разъ не щадилъ свою любимую и любезную тройку, и плеть его бороздила спины и крупы лошадей такъ усердно, что вся тройка буквально сталась по землѣ; морды же чеченскихъ лошадей почти лежали на задкѣ ящика; — нельзя же, пожива вѣдь богатая. Наконецъ, впереди — Урусъ-Мартанъ. Тамъ, съ вала, сквозь пыль, успѣли кое-какъ разсмотрѣть всю эту исторію и, догадываясь, что ящикъ нашъ — потому, что у чеченцевъ его бытъ не могло — отворили ворота. Ыздовой, какъ циркулемъ, вымѣривъ отношенія ящика къ мостику, перекинутому у воротъ черезъ ровъ и, какъ молнія, взлетѣлъ на этотъ мостъ — и былъ спасенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, спасъ и самый ящикъ. Чеченцы такъ увлеклись, что едва остановили своихъ лошадей въ десяти шагахъ отъ моста, повернули ихъ и разсѣялись. Конечно, послѣдъ имъ не упустили послать съ вала гранату, но она не принесла имъ никакого вреда.

Этотъ случай хорошо помнятъ старослужилые офицеры легкой № 5-го батареи, изъ которыхъ одинъ находится теперь въ Тифлисѣ и командуетъ видимою артилерійскою частью.

Но на этотъ разъ довольно о кавказской артилеріи былого времени. Если я ей рѣшился теперь посвятить три - четыре страницы, то только потому, что въ прежней моей статьѣ (*) не упустилъ сказать должное и доброе слово и о кавказскихъ войскахъ иного рода оружія.

Къ двадцатому марта рубка лѣса была окончена по всему протяженію Даргинъ-Дука и вплоть до вашинь-дарійскаго оврага; просьба была такая, что хоть цѣлый полкъ иди развернутымъ фронтомъ.

Осторожность командующаго войсками не ограничивалась этими

(*) См. I и II т. „Кавк. Сб.“

работами: нужно было уничтожить срубленный лѣсъ, чтобы онъ не послужилъ непріятелю матеріаломъ для постройки заваловъ, ауловъ и т. п. И вотъ, съ 21-го числа началось всеожженіе павшихъ подъ топоромъ солдата великановъ. Это былъ генеральный пожаръ, не унимавшійся день и ночь въ теченіи цѣлой недѣли; на всемъ этомъ пространствѣ снѣга и въ поминѣ уже не было, а съ нимъ вмѣстѣ истощилась и вода; съ трудомъ добывали ее солдаты въ близлежащихъ къ пожару мѣстахъ.

Когда стремленія и цѣли генерала Евдокимова по отношенію къ Даргинь-Дуку были удовлетворены, онъ вытребовалъ изъ Дачу-Барвоя и изъ Воздвиженской артилерійскихъ и кавалерійскихъ лошадей и возимѣлъ намѣреніе свое отступленіе съ Даргинь-Дука завершить разореніемъ ближайшихъ ауловъ, еще доселѣ нетронутыхъ, по теченію рѣчки Вапинъ-Дара и рѣки Чанты-Аргуна.

29-го марта, ввѣривъ колонну изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ горныхъ орудій командиру тенгинскаго полка, полковнику Баженову, командующій войсками приказалъ ему разгромить и уничтожить расположенные по теченію указанныхъ выше рѣкъ аулы: Шари-Хатой и Вапинъ-Дарой.

Тутъ было послѣднее убожище мѣстныхъ жителей, и они вовсе не намѣрены были уступить его безъ боя.

Едва только колонна подошла къ первому изъ этихъ ауловъ, какъ ее встрѣтилъ бѣглый ружейный огонь нѣсколькихъ сотъ винтовокъ. Обстрѣлявъ наскоро аулъ картечью и видя, что горцы не покидаютъ сакль, которыя ихъ все-таки защищали отъ выстрѣловъ, полковникъ Баженовъ приказалъ ударить наступленіе, и такъ какъ мѣстность была, относительно, открытая, то одинъ изъ баталіоновъ, въ сомкнутомъ строѣ, бѣглымъ шагомъ кинулся въ аулъ. Горцы оставили сакли, но и оставляя ихъ пользовались каждымъ прикрытіемъ, чтобы нанести намъ хоть какой-нибудь вредъ. Наконецъ, сила сломила солому: аулъ очищенъ — и запылалъ со всѣхъ сторонъ.

Та-же участь, спустя нѣсколько часовъ, постигла и ауль Ва-шинъ-Дарой.

По разгромленіи этихъ ауловъ, полковникъ Баженовъ болѣе не вернулся на Даргинъ-Дукъ, а отвелъ свою колонну на пелелище Улусъ-Керты.

До 29-го марта, во всѣхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ на Даргинъ-Дукъ, у насъ вообще было 2 убитыхъ, 11 раненыхъ рядовыхъ и 1 раненый милиціонеръ. 29-го же марта вышло изъ строя: 1 раненый офицеръ, 3 убитыхъ и 9 раненыхъ нижнихъ чинновъ,— потеря весьма значительная въ теченіи однихъ сутокъ и при взятіи лишь двухъ ауловъ. Изъ нея усматривается, что горцы въ этотъ день дрались рѣшительно. Ихъ потеря, къ сожалѣнію, осталась для насъ неизвѣстною; да и мало кто заботился о ней.

Затѣмъ, генераль Евдокимовъ началъ постепенно спускаться внизъ и остальные войска. Мы предполагали, что, въ виду приближающейся Пасхи, онъ насъ распуститъ по домамъ, но онъ думалъ иначе.

31-го марта онъ отрядилъ три баталіона пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и шесть орудій, подъ начальствомъ полковника Рихтера, и отправилъ ихъ прямо въ малую Чечню, къ р. Энгелику; самъ-же, между тѣмъ, взявъ съ собою четыре баталіона, двѣ сотни и два горныхъ орудія, произвелъ рекогносцировку по теченію Чанты-Аргуна.

По пути встрѣтились ему два аула — Чишки. Усмотрѣвъ наступленіе самого начальника отряда, жители этихъ ауловъ разбѣжались въ лѣса, оставивъ свои жилища и часть имущества на жертву пламени.

Оттуда генераль Евдокимовъ возвратился въ Дачу-Барзой, который уже выглядѣлъ укрѣпленіемъ, обеспеченнымъ необходимою обороною. По ту сторону Аргуна и оврага, который 16-го января былъ прегражденъ завалами, высился достроивавшійся тетъ-де-понъ, а черезъ оврагъ и черезъ рѣку красовался мостъ.

Такимъ образомъ, въ два мѣсяца, т. е. съ 23-го января (день заложения на мѣстѣ Дачу-Барвоа нынѣшняго Аргунскаго укрѣпленія) и до 1-го апрѣля аргунское дефиле приняло, такъ сказать, европейскій видъ; ничего азіятскаго болѣе не оставалось.

Пока мы не знали, гдѣ Даргинь-Дукъ, и что онъ такое—для насъ вся мѣстность по Шаро-Аргуну за десятки верстъ впередъ была ничѣмъ инымъ, какъ неизвѣстнымъ горнымъ пространствомъ, усѣяннымъ сверху до низу вѣковыми лѣсами; но теперь, прійдя въ Дачу-Барвой и оглянувшись назадъ, мы увидѣли, что это болѣе не лѣса и не горы: обнаженный, въ шесть тысячъ футовъ высоты, великанъ смотрѣлъ на насъ уже не гордо, но печально, а на вершину его вела широкая проѣзжая дорога. Лѣса посторонились отъ нея на разстояніе весьма почтенное.

Такъ засвидѣтельствовала себя русская мощь и сила; такъ заявили себя трудъ и работа русскаго солдата въ теченіи времени, которое едва лишь достаточно для того, чтобы иной порядочной птицѣ высидѣть свои яйца.

V.

Послѣдствія взятія аргунскаго ущелья. Наступленіе генерала Евдокимова въ малую Чечню. Изъявленіе покорности и принятіе русскаго подданства девяносто-шестью аулами. Сожженіе этихъ ауловъ и переселеніе жителей на Сунжу. Появленіе Шамиля. Противодѣйствіе его цѣлямъ. Мнѣніе о покойномъ графѣ Евдокимовѣ. Диспозиція войскъ для охраненія лѣваго крыла отъ вторженія Шамиля. Кавалерійскій бой при Ачхоѣ и торжество драгунъ. Неудавшіяся намѣренія Шамиля. Зачатки благоденствія переселенцевъ.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ вовсе не забылъ о томъ, что наступаетъ свѣтлый праздникъ, и что не мѣшало-бы дать христову

народу возможность нѣсколько отдохнуть, да провести эти дни, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть, онъ даже и хотѣлъ это сдѣлать, но необходимость ковать желѣзо, пока оно горячо, заставила его предпочесть боевыя движенія всякому отдыху и всякому празднику.

1-го апрѣля, лишь только онъ спустился съ Даргинъ-Дука, тотчасъ-же двинулся въ малую Чечню, взявъ съ собою 10½ баталіоновъ пѣхоты, 3 сотни казаковъ, 2 сотни милиціи и 6 орудій. Во вновь возведенномъ, на развалинахъ Дачу-Барзоя, укрѣпленіи онъ оставилъ всего одинъ баталіонъ навагинскаго полка, подъ командою майора Черепанова, а на Чанты-Аргунъ выставилъ 4½ баталіона пѣхоты, одну сотню казаковъ и 4 горныхъ орудія — подъ начальствомъ полковника Шатилова. Главное назначеніе послѣдней колонны состояло въ разработкѣ дорогъ, устройствѣ моста и въ охраненіи новаго укрѣпленія отъ всякихъ покушеній на Бабока, который, при угрожающемъ положеніи относительно его такой солидной колонны, волей-неволей долженъ-бы былъ сидѣть на Чанты-Аргунъ спокойно, не тревожа насъ съ этой стороны.

Горячее желѣзо, о которомъ мы выше сказали, было ничто иное, какъ какое-то движеніе въ малой Чечнѣ, которое лазутчики хотя и объясняли въ нашу пользу, но пока еще никакихъ доказательствъ тому не представили. Сердце-же генерала Евдокимова чувствовало, что каково-бы ни было это движеніе, но если онъ имъ сумѣетъ во-время воспользоваться въ свою сторону и предупредить всякія поползновенія Шамиля на жителей малой Чечни, то, естественно, въ накладѣ не будетъ. Онъ зналъ, что аргунская экспедиція не можетъ и не должна остаться безъ послѣдствій.

Выше было замѣчено, что взятіе аргунскаго ущелья отрѣзывало всякія сношенія и сообщенія жителей малой Чечни съ горами, населяющими нагорную Чечню. Первые изъ нихъ въ этомъ убѣдились тотчасъ-же и предвидѣли заранее свою участь. Благоразуміе требовало или бѣжать къ Шамилю, или сдаться; но такъ какъ первое условіе было положительно невозможно, потому что

нужно было пробираться чрезъ завоеванныя нами земли, натываясь постоянно на наши укрѣпленія въ малой и въ большой Чечнѣ, то приходилось избрать второе. Въ этомъ и состояло движеніе горцевъ, о которомъ вскользь, поверхностно, получилъ первоначальныя свѣдѣнія командующій войсками. Понятно, что тутъ было не до свѣтлаго праздника.

Не успѣлъ начальникъ отряда прибыть къ Энгелику, какъ, одинъ за другимъ, девяносто-шесть ауловъ, съ населеніемъ до 15-ти тысячъ, предъявили ему свое желаніе принять наше подданство. Въ этомъ-то и состояли главнѣйшія послѣдствія взятія аргунскаго ущелья: ни десятки лѣтъ и ни одинъ періодъ кавказской войны не приводили къ такимъ блестящимъ результатамъ, къ какимъ привели семьдесятъ пять дней аргунскаго похода. Тутъ не только владычество Шамиля было окончательно подорвано, но и поколебался, съ этой минуты, весь сѣверный Кавказъ;—участь его была предрѣшена.

Все дѣло произошло слѣдующимъ образомъ:

Когда генераль Евдокимовъ явился 1-го апрѣля на Энгеликъ, онъ уже засталъ тамъ колонну полковника Рихтера, прибывшую наканунѣ. Въ тотъ-же день, прежде всѣхъ другихъ, явились къ нему депутаты отъ гойтинскаго общества, соприкасающагося съ Энгеликомъ и занимающаго отсюда все пространство рѣки до Урусъ-Мартана. Выслушавъ ихъ краснорѣчивую и льстивую исповѣдь о томъ, что русскіе для нихъ — чуть не первѣйшіе благодѣтели, а Шамиль, со всѣмъ своимъ причтомъ — дрянъ, яманъ, и что онѣ готовы хоть сію минуту пасть передъ нами на колѣна, лишь-бы только охранить и оградить ихъ при переселеніи, куда указано будетъ, отъ шамилевыхъ партій, могущихъ препятствовать ихъ искреннимъ и честнымъ намѣреніямъ, — генераль Евдокимовъ сказалъ имъ два-три комплимента, подходящихъ къ случаю, обѣщавъ оказать имъ всякое содѣйствіе и велѣлъ угостить „почтеннѣйшихъ“ на славу. Всѣхъ депутатовъ тотчасъ-же спровадили въ

милиціонный лагерь, — и началось ликованіе — благо, что пророкъ Магометъ здѣсь не присутствовалъ.

Накормленные по горло и полупьянные депутаты, въ восторгѣ отъ приѣма, разошлись въ свои ближайшіе аулы.

Шамиль еще не зналъ о коварномъ намѣреніи своихъ *подданныхъ*, но до Батока слухи долетѣли какъ-бы по телеграфу, — и не успѣли депутаты закончить свой раутъ, какъ ужъ онъ пробирался горами къ вѣроломнымъ измѣнникамъ, чтобы остановить и наказать ихъ, и къ полуночи сидѣлъ уже у гойтинцевъ почти на шеѣ. Жители объ этомъ немедля сообщили генералу Евдокимову, и онъ тотчасъ-же, еще до разсвѣта, поставилъ на ноги шесть баталіоновъ пѣхоты, четыре орудія, двѣ сотни казаковъ и двинулъ ихъ въ лѣсъ, къ верховьямъ Энгелика, навстрѣчу Батока, — зная очень хорошо, что это движеніе чрезъ аулы, изъявившіе готовность покориться, не могло быть для него опаснымъ.

Батока, конечно, благоразумно посторонился, и наши войска, такимъ образомъ, прикрыли гойтинское общество, какъ діадема любую голову.

И началось переселеніе кавказскихъ гунновъ: заскригѣли по разнымъ направленіямъ десятки арбъ, закудахтали куры, заблеяли бараны и овцы, завизжали дѣти. Цѣлый день прибывали арбы въ лагерь, — и образовался новый отрядъ. Содомъ былъ невѣроятный. Батока въ это время думалъ какъ нибудь перехватить хоть одинъ транспортъ, но лишь только намѣревался прорваться — вездѣ наткнулся то на артилерію, то на пѣхоту, то на казаковъ. Усмотрѣвъ, что на этотъ разъ долженъ покориться необходимости, онъ проклялъ гойтинцевъ, со всѣми ихъ чадами и домочадцами, и ретировавшись подальше, на высоты горъ, засѣлъ тамъ со всѣми своими войнами — и то лишь на всякій случай — въ раздумьи молчаливомъ.

На слѣдующій день примѣру гойтинцевъ послѣдовало и ге-

хинское общество. Повторилась та-же исторія, которая едва окон-чилась въ теченіи трехъ дней.

Командующій войсками, конечно, не задерживалъ долго въ лагерѣ всѣхъ этихъ нашихъ новыхъ подданныхъ и приказалъ, чтобы, по прибытіи каждаго транспорта, онъ былъ на другой день эскортируемъ на Сунжу, гдѣ переселенцамъ тотчасъ отводились мѣста въ виду станицъ, а также и между станицами, расположенными по этой рѣкѣ.

Чуть только жители оставляли свои родные аулы — усердные солдатики тотчасъ закигали ихъ въ двадцати мѣстахъ, и едва наши гупны достигали лагеря — отъ ихъ жилищъ оставался только дымъ и пепелъ.

Батока все это видѣлъ, но горю помочь не могъ.

Когда гойтинское и гехинское общества были снесены съ лица земли и съ географической карты, Николай Ивановичъ, убѣжденный, что примѣръ вообще заразителенъ, подвинулся 8-го апрѣля на Рошню. Тутъ ужъ мѣста были большею частію поистинѣ недоступныя, въ особенности между верховьями рр. Теньги и Гехи; но это не помѣшало произвести диверсію, подобную предыдущей: оставивъ малую часть войскъ въ лагерѣ, генералъ двинулъ большую часть изъ нихъ въ горы и занялъ господствующія позиціи. Снова потянулись въ нашу сторону десятки и сотни арбъ со всѣмъ своимъ скарбомъ, и снова задымались и запылали аулы и хутора, считавшіеся еще наканунѣ непріятельскими.

Такимъ образомъ, до 15-го апрѣля включительно, командующій войсками блуждалъ съ своимъ отрядомъ по всѣмъ окрестнымъ трущобамъ и, сказать попросту, выкуривалъ оттуда населеніе малой Чечни.

Батока вознегодовалъ и справился восвояси.

Увидѣвъ, что тутъ дѣлать болѣе нечего, генералъ Евдокимовъ, оставивъ одну колонну на распутьи движенія переселенцевъ, самъ,

съ остальными войсками, спустился на плоскость и 16-го апрѣля расположился на Валерикѣ.

Потеря наша, при перестрѣлкахъ, происходившихъ во время переселенія горцевъ съ шатоевскимъ наибомъ, заключалась въ двухъ убитыхъ и девяти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

При этихъ всѣхъ обстоятельствахъ, и въ большую Чечню стали закрадываться преступныя, по мнѣнiю Шамиля, идеи. Было надъ чѣмъ бѣдному имаму поломать свою сѣдую голову. Убѣдившись теперь окончательно, что его дѣтище — Кази-Магома, никуда негоденъ и ни на что неспособенъ, онъ отозвалъ его съ театра военныхъ дѣйствiй въ Дарго-Ведено, подъ крыло трехъ маменекъ, а самъ явился въ большой Чечнѣ, предваряя, проповѣдая, угрожал... Жители этой плоскости и на этотъ разъ его послушались: стеклись подъ его знамя, въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, и расположились въ лѣсахъ между крѣпостью Воздвиженскою и укрѣпленiемъ Шали. Узнавъ объ этомъ, и генералъ Евдокимовъ передвинулся опять на Аргунь, оставивъ на Гехѣ часть своего отряда для того, чтобы никто не обезпокоилъ движенiя переселенцевъ.

Цѣль Шамиля была — не только угрожать намъ своею особою и своими скопищами, не только стараться возвратить переселенцевъ въ нагорныя мѣста малой Чечни, но и достойно наказать ихъ за вѣроломство и измѣну. Но генералъ Евдокимовъ зорко слѣдилъ за всѣми его дѣйствiями и, забывъ о всякомъ отдохновенiи, оставляя безъ вниманiя все тяжелое положенiе въ полномъ смыслѣ слова оборваннаго и истрепавшагося отряда, расположилъ войска по обѣимъ сторонамъ Аргуна такимъ образомъ, что какое-бы движенiе Шамиль не предпринялъ, — оно дѣлалось ему тотчасъ извѣстнымъ и тотчасъ-же было предупреждаемо. Тутъ ужъ была не война, но игра — и почти-что игра на уловки, гдѣ одолѣть и осилить долженъ былъ тотъ, у кого больше ума, предусмотрительности и осторожности. А послѣдняго качества, въ особенности — генералу Евдокимову не занимать-стать.

О покойномъ графѣ солдаты говорили, что это — генералъ „незадорный, но кремень“. Въ этихъ двухъ выраженіяхъ, дѣйствительно, заключалось все, что можно сказать о главныхъ качествахъ и особенностяхъ Николая Ивановича. Онъ употреблялъ всѣ ухищренія, чтобы обойти драку: отвлекалъ непріятеля, обманывалъ его ложными диверсіями, надувалъ распространяемыми имъ самимъ ложными-же слухами; словомъ, вводилъ въ дѣло тѣ уловки, которыя иной, такъ называемый, бонтонный генералъ всегда-бы призналъ нѣсколько унижающими его генеральское достоинство. Покойный-же Евдокимовъ не считалъ униженіями и отвергалъ личныя достоинства тамъ, гдѣ дѣло шло, во первыхъ, о пользѣ государства; во вторыхъ, о спасеніи жизни десятковъ и сотенъ людей, и втретьихъ, гдѣ того и другаго, въ войнѣ съ народомъ исключительнымъ, нельзя достигнуть иначе, какъ жертвуя нерѣдко не только генеральскою бонтонностію, но даже—пожалуй, и личнымъ достоинствомъ.

Оттого-то, при многихъ недостаткахъ, свойственныхъ человѣку, не воспользовавшемуся *вышшими идеями вѣка*, заслуги Евдокимова, какъ воина, какъ руководителя битвъ, были достойно оцѣнены и вполне достойно награждены.

При своей военной сноровкѣ, которая далась ему на Кавказѣ вслѣдствіе долгой и личной опытности — и менѣе всего вслѣдствіе какого-либо подражанія, потому что Евдокимовъ былъ самъ представителемъ и родоначальникомъ особой школы — онъ, дѣйствительно, былъ генералъ незадорный: бывало, сколько можно и кого можно — Шамиля или его наиба — надуетъ и двигается потихоньку впередъ, принимая бой лишь тамъ, гдѣ его избѣжать невозможно, гдѣ ужъ „некуда податься“, по кавказскому выраженію. Сразился — и сѣлъ на этомъ мѣстѣ, потому что оно ему было нужно; но, разъ усѣвшись, утверждался уже такъ прочно, что четыре Шамиля съ двадцатью четырьмя Кази-Магомами не сдвинули-бы его одной ноги съ занятой позиціи.

Такъ онъ себѣ и подвигался все впередъ и впередъ.

Еще одно важное качество покойнаго генерала заключалось въ томъ, что онъ одного шага не дѣлалъ безъ цѣли. Такъ у него было всегда и въ житейскомъ быту. Вообще, практичность сквозила вездѣ и во всемъ.

Оттого-то и аргувское ущелье взято; оттого-то и сѣверный Кавказъ покоренъ.

И такъ, генералъ Евдокимовъ игралъ съ Шамилемъ на уловки, или еще вѣрнѣе, въ кошки и мышки; — уподобленіе вполне безупречное. По мѣрѣ того, какъ имамъ хотѣлъ прорваться въ одномъ пунктѣ, Николай Ивановичъ тотчасъ опускалъ цѣпь и загораживалъ ему дорогу; по мѣрѣ того, какъ Шамиль сторонился отъ какой-нибудь, по его мнѣнію, западни, — генералъ поднималъ цѣпь, приглашая его въ кругъ. Наконецъ, когда онъ увидѣлъ, что „почтеннѣйшій“ возимѣлъ намѣреніе, попросту, прорвать эту цѣпь тамъ, гдѣ ему было нужнѣе и удобнѣе, командующій войсками тотчасъ принялъ мѣры, загородивъ ему всѣ входы въ этотъ кругъ, — для чего расположилъ войска слѣдующимъ образомъ:

Два баталіона, одну роту стрѣлковъ, два дивизіона драгунъ, двѣ сотни казаковъ и шесть орудій, подъ командою полковника Алтухова, близъ ст. Ассинской — чтобы преградить непріятелю доступъ частію въ малую Чечню и вообще, на сунженскую линію;

три баталіона, одну роту стрѣлковъ и четыре орудія, подъ командою полковника Кауфмана, на высотѣ горы Сейвидукъ, на границѣ галашевскаго общества — чтобы охранить Владикавказъ и частію военно-грузинскую дорогу;

семь сотенъ казаковъ, одну сотню милиціи и четыре конныхъ орудія, подъ командою полковника Шостака, на Камбилеевкѣ — чтобы преградить горцамъ доступъ въ Осетию и въ назрановскій округъ;

одинъ баталіонъ и два горныхъ орудія, подъ командою пол-

ковника Баженова, въ тарской долинѣ — для освѣженія просѣки къ Владикавказу и частью для охраненія его;

два баталіона, четыре сотни казаковъ и шесть орудій, подъ командою подполковника Бѣлика, въ Урусъ-Мартанѣ — аулѣ, хотя и мирномъ, по разбойничьемъ и неблагонадежномъ, способномъ прежде всѣхъ другихъ поддаться вліянію Шамиля. Помня этотъ аулъ хорошо, я не ошибусь, должно быть, считая въ немъ не менѣе 400 — 500 дымовъ. На плоскости малой Чечни онъ составлялъ болѣе или менѣе срединный пунктъ столько-же по отношенію ко вновь водвореннымъ въ то время на Сунжѣ ауламъ, сколько и по отношенію къ другимъ покорнымъ намъ ауламъ на плоскости малой Чечни.

Такимъ образомъ, имаму были заперты всѣ главные горные выходы, хотя, конечно, нѣкоторыя лазейки все таки оставались. И вотъ, по одной изъ этихъ лазеекъ онъ рѣшился выдвинуться на плоскость, между рр. Ачхоемъ и Нетхоемъ, овладѣть ачхоевскимъ ауломъ и оттуда, взявъ въ свои руки общества галашевское и галгаевское, дѣйствовать на малую Чечню.

Планъ очень хорошій, — но, къ сожалѣнію имама, онъ ему не удался, потому что полковникъ Алтуховъ, предугадывая, при помощи лазутчиковъ, его намѣренія, 8-го іюня перешелъ отъ ст. Ассинской на р. Нетхой — чтобы ближе слѣдить за его движеніями и защитить покорные намъ аулы. Должно полагать, что Шамиль не зналъ объ этомъ движеніи полковника Алтухова, такъ какъ не останавливался въ своемъ намѣреніи, и на слѣдующій-же день вышелъ съ своимъ громаднымъ скопищемъ, тысячи въ три человекъ, изъ лѣсныхъ трупцобъ и потянулся у подножія черныхъ горъ по предвзятому направленію. Полковникъ Алтуховъ, оставивъ при себѣ пѣхоту, четыре орудія и двѣ сотни казаковъ, послѣдовалъ быстро по пятамъ Шамиля, держась въ сторонѣ настолько, чтобы скрыть свое движеніе, а полковнику Никорицѣ поручилъ, съ двумя дивизіонами драгунъ и двумя конными орудіями, опять-

такъ стороною, обогнать Шамиля и встрѣтить его, гдѣ будетъ удобнѣе.

Этотъ день былъ днемъ праздника и торжества драгунъ, такъ какъ имъ пришлось выдти полными побѣдителями изъ такого кавалерійскаго дѣла, изъ такого неравнаго и опаснаго боя, какихъ немного было на Кавказѣ.

Драгуны и артилерія поскакали на рысяхъ. Приближаясь, сообразно мѣстности, постепенно къ подножію горъ, полковникъ Никорица поровнялся съ Ачхоемъ и тутъ, лицомъ къ лицу, встрѣтился съ массою горцевъ, численности которыхъ даже не предугадывалъ. Пока драгуны стянулись и выстроились въ колонны, онъ успѣлъ сдѣлать по непріятелю нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Но это его не поколебало, во первыхъ потому, что съ нимъ былъ уже не Кази-Магома, а восторыхъ потому, что Шамиль вполне рассчитывалъ раздавить драгунъ. Не ожидая, пока свершатся его расчеты, полковникъ Никорица бросился въ атаку и врѣзался, такъ сказать, въ самое сердце непріятельскаго отряда. Горцы стойко выдержали этотъ ударъ и, какъ желѣзнымъ кольцомъ, охватили драгунъ со всѣхъ сторонъ. Кавалерія наша была буквально поглощена непріятельскимъ скопищемъ. Боевые клики прекратились, выстрѣловъ болѣе не было, и только со всѣхъ сторонъ раздавался стукъ и звонъ сабель. Было два момента, когда драгуны подались назадъ, потому что масса напирала; но, мгновенно оправляясь, они, въ свою очередь, снова ломали непріятельскіе ряды, прорывали передніе изъ нихъ, и углублялись въ самую середину шамилевскаго отряда. Тутъ они вырвали у горцевъ два значка, которые, между прочимъ, остались трофеями ихъ побѣды.

Рукопашный бой длился далеко болѣе получаса, и хотя непріятель былъ видимо разстроенъ, но до окончательной побѣды было еще далеко; тѣмъ болѣе, что, ° при значительномъ превосходствѣ горцевъ, у нихъ еще была часть силъ вполне свѣжихъ, почти не-

тронутыхъ, тогда какъ руки драгунъ замѣтно уставали и силамъ ихъ была-же, наконецъ, граница.

Но въ эту минуту показался полковникъ Алтуховъ съ пѣхотой и четырема полевыми орудіями. Еще издали, съ громкимъ ура! пѣхота бѣгомъ пустилась на непріятеля. Послѣдній сталъ пятиться къ лѣсу, скрываясь въ опушкѣ. Тогда драгуны уступили честь и мѣсто своимъ собратамъ: стрѣлки тотчасъ разсыпались вправо и влево, орудія заняли фланги, а роты бросились впередъ, къ опушкѣ. Горцы встрѣтили ихъ градомъ выстрѣловъ; но это не помогло: пѣхота, не стѣсняясь тысячью пуль, прорвала опушку — и сѣла на шею у непріятеля; артилерія громила, гдѣ могла.

Черезъ пять минутъ дѣло было кончено: горцы въ безпорядкѣ бѣжали за Нетхой и скрылись въ тущобахъ черныхъ горъ; выстрѣлы стихли; на полѣ битвы валялось до пятидесяти непріятельскихъ труповъ; число раненыхъ и мертвыхъ тѣлъ, унесенныхъ съ поля, превышало это количество — какъ оказалось впоследствии — почти вдвое; солдаты, опершись на ружья, вытирали ладонями крупный потъ, катившійся съ ихъ лица; драгуны, спѣшившись, оправляли лошадей и сбрую; издали, видѣ выстрѣла, нѣкоторые жители ближайшихъ ауловъ смотрѣли на эту картину удивленными глазами: такъ все это свершилось быстро и неожиданно.

Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ у насъ ранено два офицера и двадцать восемь нижнихъ чиновъ; убито на мѣстѣ трое рядовыхъ.

Уже вечерѣло. Драгуны бережно приняли своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей и отступили пока къ аулу.

Казалось бы, что послѣ такого урока Шамплю слѣдовало уняться... Но старикъ былъ упрямъ, и, притомъ, онъ хорошо зналъ характеръ горцевъ, во имя котораго слѣдовало дѣйствовать немедля — подъ вліяніемъ-ли побѣды, или неудачи. Считая себя, какъ добрый римлянинъ, „разбитымъ, но не побѣжденнымъ“, онъ на слѣдующій день вторгся въ галашевское общество и неожиданно занялъ

Мужичъ и Алкунъ—два аула, готовые всегда, подобно Урусъ-Мартану, принять его прежде другихъ.

Къ чести стараго воина нужно сознаться, что онъ на этотъ разъ предупредилъ и обманулъ генерала Евдокимова, который никакимъ образомъ не могъ ожидать отъ него такого рѣшительнаго шага.

Но за то, на этомъ и кончилась удача имама, потому что была приостановлена столько-же своевременною распорядительностію командующаго войсками, сколько и вообще неблагоприятствовавшими старику обстоятельствами.

Лишь только Николай Ивановичъ узналъ о новой дерзости своего противника, какъ тотчасъ приказалъ полковнику Алтухову соединиться съ отрядомъ полковника Кауфмана, а новую колонну, подъ командою полковника Черткова, послалъ занять станицу Нестеровскую, усиливъ эти войска возможно большимъ числомъ милиціи и двумя сотнями горскаго казачьяго полка.

Въ два дня всѣ распоряженія были приведены въ исполненіе, и войска, стоя на назначенныхъ имъ мѣстахъ, ожидали случая—дать новый отпоръ и урокъ непріязненнымъ скопищамъ.

Шамиль зналъ обо всѣхъ этихъ движеніяхъ, но, не попытавъ счастья, не рѣшился оставить занятые имъ аулы. А чтобы попытать это счастье, онъ положился на наиба Батока, которому ввѣрилъ большую часть своихъ скопищъ, съ придачею, въ помощь, роднаго сына. Батокъ двинулся къ аки-юртовскому ущелью и засѣлъ въ лѣсахъ у аула Наглиева. Всю ночь онъ провелъ въ лѣсу, производя развѣдки и рекогносцировки. Къ утру онъ убѣдился, что всякое стремленіе прорваться на плоскость или къ Сунжѣ, или вообще состязаться съ нашими войсками, было бы не только для него бесполезно, но даже губительно. Предпочитая не ронять своихъ заслугъ въ глазахъ Шамиля наивѣрнѣйшимъ пораженіемъ, наобъ возвратился къ нему съ понурою головою, не выпустивъ ни одного заряда.

Шамиль же, сидя въ Алжунѣ, не оставался, тѣмъ временемъ, празднымъ: онъ выбралъ изъ среды своихъ мюридовъ десятка два наиболѣе дѣльныхъ, преданныхъ и благонадежныхъ и отправилъ ихъ въ разныя мѣста Осетіи—склонить на свою сторону населеніе всякими мѣрами, увѣщаніями и обѣщаніями. Мюриды дѣйствовали добросовѣстно, но осетины не видѣли никакой выгоды входить въ сношенія съ Шамилемъ, и поэтому все усилія миссіонеровъ остались безъ всякаго успѣха. Они возвратились къ имаму съ тѣмъ же, съ чѣмъ возвратился и Батока.

Шамиль еще разъ убѣдился, что звѣзда его меркнетъ; — онъ распустилъ свои скопища по домамъ, и самъ, въ сопровожденіи дѣтща и небольшой свиты, ретировался восвосяи.

Насколько все эти обстоятельства подготавливали паденіе Шамиля въ его собственной средѣ, настолько же онѣ притягивали къ намъ взоры и желанія непокорнаго населенія.

Съ отступленіемъ имама, вся малая Чечня вздохнула свободно—въ особенности переселенцы, которые пуще всего боялись кары своего бывшаго владыки. Новые аулы быстро начали отстраиваться и укрѣпляться; поля засѣялись и затѣмъ, скоро обильные всходы дали почувствовать нашимъ новымъ подданнымъ, что подъ владычествомъ и покровительствомъ русскихъ живется и лучше, и уютнѣе, и безбѣднѣе. Слѣдовало ожидать—хотя и подъ большимъ сомнѣніемъ — что бывшіе разбойники и авантюристы станутъ современнымъ похожими на людей.

VI.

Соображенія и маневры генерала Евдокимова. Начало лѣтней экспедиціи. Движеніе внутрь горъ. Бои при урочищѣ Ярашъ-Марды. Отважная переправа черезъ Аргунь подъ пулями непріятельскихъ винтовокъ и взятіе аула Соси-Ирзау. Рубка лѣса и открытіе просѣки пока безъ надобности, но съ намѣреніемъ.

Незапамятный бой при взятіи мескендукскихъ высотъ.

Крѣпость Воздвиженская построена чрезвычайно выгодно: до покоренія сѣвернаго Кавказа, она представляла собою наилучшій базисъ для дѣйствій отряда—почти во всѣ стороны большой и малой Чечни, и въ то же время служила опорнымъ пунктомъ всѣхъ нашихъ движеній, такъ что, въ случаѣ надобности, къ этому мѣсту всегда удобно было относиться за удовлетвореніемъ всякихъ требованій дѣйствующаго отряда.

Когда генераль Евдокимовъ вполне убѣдился, что Шамиль отказался отъ всякихъ замысловъ на покорное намъ населеніе Осетин и малой Чечни, онъ незамѣтно сталъ стягивать отдѣльныя колонны въ крѣпость Воздвиженскую, чтобы приступить къ новымъ дѣйствіямъ, безъ которыхъ взятіе аргунскаго ущелья не имѣло бы полнаго смысла, законченной идеи,—именно: врѣзаться въ сердце горъ и тамъ утвердиться. При этомъ выяснилась и цѣль завоеванія—ружьемъ и топоромъ—высотъ Даргинь-Дука: эта гора, открывавшая намъ доступъ и служившая прямою дорогою къ жилищу Шамиля, должна была служить пунктомъ, отвлекающимъ отъ насъ силы имама, а слѣдовательно, и привлекающимъ его исключительное вниманіе. Опасаясь за этотъ проходъ, Шамиль, естественно, долженъ былъ сберегать его цѣлою массою своихъ воиновъ, и въ то же время облегчить намъ движеніе къ покоренію низменностей

между верховьями Терека и Аргуна, т. е. къ осуществленію завѣтной мечты командующаго войсками.

Генераль Евдокимовъ, идя къ ней настойчиво и желая показать Шамилю, что завоеваніе Даргинь-Дукъ сдѣлано имъ собственно для того, чтобы открыть себѣ путь въ его штабъ-квартиру, отовзвалъ часть войскъ изъ разрозненныхъ колоннъ и ввѣрилъ ихъ начальнику штаба лѣваго крыла—полковнику Зотову. Подъ команду Зотова на этотъ разъ вступили: 2-й баталіонъ навагинскаго полка; 2-й, 4-й и 5-й баталіоны куринскаго полка; 1-й и 2-й баталіоны бѣлостокскаго полка; рота 2-го кавказскаго сапернаго баталіона; двѣ стрѣлковыя роты линейныхъ №№ 9-го и 10-го баталіоновъ, 4-е горныхъ орудія легкой № 5-го батареи 20-й артиллерійской бригады и сотня милиціи. Но командующій войсками именно только *показать желалъ* непріятелю, что онъ особенно дорожитъ дорогою черезъ Даргинь-Дукъ, которую для этого и разработалъ; въ сущности же, вопервыхъ, онъ ее подготовилъ столько же на случай встрѣчныхъ движеній съ той стороны снѣговаго хребта, сколько и для обезпеченія себя на тотъ разъ, еслибы отсюда дѣйствовалъ самъ непріятель; вовторыхъ, онъ занялъ эту гору и привелъ ее въ порядокъ—или, лучше сказать, произвелъ на ней беспорядокъ—для того, чтобы быть совершенно покойнымъ съ этой стороны во время своихъ движеній и дѣйствій вверхъ по теченію Чанты-Аргуна.

Но все же, желая дать понять Шамилю, что завѣтный для него Даргинь-Дукъ такъ-же дорогъ и для насъ, генераль Евдокимовъ приказалъ полковнику Зотову произвести ложныя диверсіи по направленію къ горѣ и ознакомить имама съ нашими силами, въ которыхъ онъ долженъ былъ, по мнѣнію генерала, видѣть отрядъ независимый отъ колоннъ, расположенныхъ въ разныхъ пунктахъ малой Чечни,—такъ какъ — что и выше замѣчено — эти колонны были отовзаны подъ начальство Зотова совершенно невѣдомымъ и незамѣтнымъ для Шамиля способомъ. Полковникъ Зотовъ, слѣдую

указаніямъ генерала, предпринялъ къ Даргинь-Дуку, 28-го и 29-го іюня, обширныя рекогносцировки. Шамиль, предполагая, что всё наши дѣйствія пойдутъ въ эту сторону, быстро сталъ устраивать здѣсь завалы—такъ, что они возникали часами — и сосредоточилъ на границѣ чабурловскаго общества партію—тысячъ до трехъ человекъ, подъ начальствомъ наибовъ Лабазана и Дубы. Этого только и нужно было командующему войсками; онъ зналъ, что имамъ, развѣ устроивъ здѣсь свою оборонительную линію, не броситъ ее легко, а тѣмъ временемъ намъ возможно будетъ свернуть изъ Дачу-Барзоя вправо, вверхъ по Чанты-Аргуну, и отвоевать у непріятели лѣсистый, непрерывный горный кряжъ, огибающій кольцеобразно долины между истоками Терека и Аргуна. Условія войны и дѣли покоренія края не допускали возможности о томъ, чтобы оставить эти долины въ сторонѣ. Онѣ были столько же кормилицами многочисленнаго населенія, еще не видѣвшаго насъ въ этихъ мѣстахъ, сколько и представляли для насъ опасность съ тыла, еслибы мы продолжали наше движеніе исключительно по направленію Даргинь-Дука. Словомъ, занятіе Даргинь-Дука служило для насъ столько же пособіемъ къ завоеванію мѣстности между верховьями указанныхъ двухъ рѣкъ, сколько самая эта мѣстность, будучи однажды отнята у непріятели, должна была служить предверіемъ и обезпеченіемъ окончательнаго покоренія нагорной Чечни — главнаго пріюта Шамиля. Самъ по себѣ и не въ связи съ этою мѣстностью, Даргинь-Дукъ былъ только относительно важенъ, а здѣсь, при этомъ условіи, онъ представлялся абсолютно-важнымъ.

Когда Николай Ивановичъ убѣдился, что ложными диверсіями полковника Зотова онъ еще разъ надулъ своего противника, и что возвращеніе скопищъ Шамиля на плоскость малой Чечни представляется почти немислимымъ, онъ приказалъ стягиваться оттуда къ крѣпости Воздвиженской и остальнымъ колоннамъ. Такимъ образомъ, къ 30-му іюня постепенно подошли къ назначенному пункту: 4-й баталіонъ и 2-я стрѣлковая рота тенгинскаго полка; 1-й и 5-й

баталіоны навагинскаго полка; 1-й баталіонъ виленскаго полка; три роты 20-го стрѣлковаго баталіона; горные взводы батарей 20-й артилерійской бригады: батареейной, легкой № 4-го и горной; сотни моздокскаго, сотня 2-го сунженскаго и двѣ сотни кизлярскаго казачьихъ полковъ. Независимо этихъ войскъ, въ Воздвиженской были подготовлены двѣ мортиры и еще двѣ сотни кавалеріи.

Отъ Дачу-Барзоя, по направленію, которое имѣлъ въ виду предпринять командующій войсками, тянется долина, или лучше сказать ложбина, вверхъ по Чанты-Аргуну и замыкается ауломъ Соси-Ирзау. Все это пространство покрыто густымъ лѣсомъ. У Соси-Ирзау, вверхъ по рѣкѣ, начинается тѣснина, въ которой бьется и влокочетъ Чанты-Аргунъ, и двѣ дороги: одна—по ущелью, другая—съ лѣваго берега рѣки прямо на лѣсистую гору и потомъ—черезъ нее на другую ея сторону. Конечно, что движеніе по ущелью было весьма опасное, поэтому начальникъ отряда предпочелъ лучше перевалиться черезъ гору.

Генераль Евдокимовъ прибылъ въ Дачу-Барзой ровно въ полночь, съ 30-го іюня на 1-е іюля, и тотчасъ приказалъ готовиться къ выступленію.

Командованіе всею артилеріею отряда было ввѣрено подполковнику Тверитинову.

Изъ состава артилеріи, во вновь возведенномъ на стогнахъ Дачу-Барзоя Аргунскомъ укрѣпленіи, остались до времени: взводъ легкихъ орудій батареейной № 4-го батареи, 20-й артилерійской бригады, подъ командою поручика Мамацева; взводъ орудій легкой № 7-го батареи, 18-й артилерійской бригады, подъ командою поручика Попова, и взводъ полупудовыхъ мортиръ—подъ командою резервной батареейной батареи, 20-й артилерійской бригады, подпоручика Бѣлецкаго.

Авангардною колонною, въ составѣ 4-го и 5-го баталіоновъ куринскаго полка и взвода горныхъ орудій легкой № 5-го батареи,

20-й артиллерійской бригады, подъ командою штабсъ-капитана Кнорринга, начальствовалъ полковникъ Зотовъ. Въ хвостѣ этой колонны и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, вѣѣ выстрѣловъ, шель 2-й баталіонъ куринскаго полка.

Колонна эта находилась по сю сторону укрѣпленія Аргунскаго и выступила съ мѣста въ два часа ночи; орудія слѣдовали между баталіонами (*).

Одновременно съ этою колонною снялся съ позиціи, у входа въ аргунское ущелье, эшелонъ ея, въ составѣ одного баталіона виленскаго полка, двухъ баталіоновъ бѣлостокскаго полка и взвода горныхъ орудій легкой № 5-го батареи, поручика Кулепова,—подъ командою бѣлостокскаго полка полковника Давыдова. Эшелонъ этотъ послѣдовалъ за авангардною колонною.

Въ тоже время изъ крѣпости Воздвиженской выступили еще два эшелона: первый, подъ командою полковника Баженова, въ составѣ двухъ ротъ 20-го стрѣлковаго баталіона, пяти ротъ тенгинскаго полка (части эти составляли эшелонъ полковника Баженова только до 4-го іюля) взвода горныхъ орудій легкой № 6-го батареи, подъ командою прапорщика Щурскаго, и взвода орудій горной № 4-го батареи, 20-й артиллерійской бригады, подъ командою прапорщика

(*) Въ описаніи здѣсь всѣхъ дѣйствій отряда съ 1-го іюля, я исключительно руководился моими записками, сохранившимися у меня съ 1858 года и составленными въ то время, день за днемъ, на боевомъ полѣ;—онѣ напечатаны нигдѣ не были. Кромѣ того, съ 6-го іюля, послѣ взятія мескендукскихъ высотъ, я имѣлъ возможность внести въ эти записки всѣ подробности дѣйствій отряда и всѣ распоряженія по войскамъ изъ официальныхъ источниковъ, т. е. почти изъ палатки генерала Евдовимова, такъ какъ заступалъ мѣсто адъютанта начальника артилеріи дѣйствующихъ войскъ и, по обязанности своей, не долженъ былъ упускать никакихъ распоряженій.

Алексѣева (*); второй, подъ начальствомъ командира навагинскаго полка, полковника фонъ Кауфмана, въ составѣ 1-го и 5-го баталіоновъ навагинскаго полка, двухъ ротъ кавказскаго линейнаго № 10-го баталіона и взвода горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи, 20-й артилерійской бригады, подъ командою прапорщика Разуваева.

Колонна полковника Зотова, перейдя по мосту на правый берегъ Чанты-Аргуна и миновавъ Аргунское укрѣпленіе, къ разсвѣту подошла къ глубокому оврагу, по ту сторону котораго находилось урочище Ярашъ-Марды. Наканунѣ, передъ наступленіемъ ночи, въ этихъ мѣстахъ шелъ сильный дождь и до того размылъ всѣ тропы, что артилеріи не предстояло слѣдовать иначе, какъ на спускахъ и лямкахъ — и то, при помощи рабочихъ отъ пѣхоты. Низойдя въ эту балку, нужно было подниматься на крутую гору, по которой вились двѣ тропы, глинистыя и скользкія, представлявшія новое невѣроятное затрудненіе для подъема артилеріи. Лишь только колонна начала спускаться въ оврагъ, къ Аргуну — ее встрѣтили выстрѣлы. Тогда полковникъ Зотовъ приказалъ маіору Эрнроту, съ тремя ротами муринцевъ, идти по лѣвой тропѣ и занять высоту, которая бы могла прикрыть движеніе колонны, а направо послалъ еще двѣ роты, которыя должны были занять другую высоту праваго берега рѣки. Едва только маіоръ Эрнротъ занялъ указанную ему позицію, а полковникъ Зотовъ двинулся внизъ, — съ обрыва праваго

(*) Нельзя умолчать объ одномъ странномъ обстоятельстве, съ которымъ тѣсно связаны воспоминанія о нѣкоторыхъ артилерійскихъ офицерахъ, дѣйствовавшихъ въ 1858-мъ году въ чеченскомъ отрядѣ. Трое изъ нихъ, черезъ непродолжительное время, пали жертвами печально сложившихся для нихъ условій жизни: подполковникъ Тверитиновъ застрѣлился, поручикъ Кулешовъ также застрѣлился, а Щурскаго застрѣлила чужая рука въ одномъ знакомомъ домѣ.

берега рѣки начался бѣглый непріятельскій огонь. Три роты куринцевъ отвѣчали ему съ занятой ими высоты и въ десять минутъ заставили замолчать горцевъ, сбивъ ихъ съ позиціи; но когда въ этомъ мѣстѣ непріятель присмирѣлъ, а колонна спустилась на дно оврага—съ противоположнаго лѣваго берега рѣки послѣдовали залпы за залпами. На этотъ разъ они встрѣчены были мѣткимъ огнемъ нашихъ двухъ ротъ, занимавшихъ правый берегъ рѣки, и пока эти роты выдерживали обращенные ими на себя выстрѣлы непріятели, колонна миновала оврагъ и стаялась на полянѣ, находившейся вслѣдъ за нимъ, у подошвы горы Бинъ-Дука.

Непріятель ожидалъ нашего движенія по лѣвому берегу рѣки и нагромоздилъ на немъ послѣдовательно и параллельно другъ другу до двадцати заваловъ; но теперь всѣ эти завалы остались у насъ позади. Чтобы окончательно парализовать ихъ значеніе—предстояло занять лѣвый берегъ Чанты-Аргуна. Это составляло задачу весьма трудную и опасную, потому что моста здѣсь никакого не было съ одного берега на другой, а черезъ рѣку были перекинуты только два бревна, составлявшія собою кладки для отважныхъ пѣшеходовъ. Внизу, подъ ними, кипѣла и билась въ тѣснинѣ бѣшеная рѣка, такъ что заглушала собою всякій говоръ. Но, не смотря на это затрудненіе, куринцы не остановились, когда имъ приказано было перебираться на лѣвый берегъ, какъ умѣютъ и какъ знаютъ. Одинъ по одному, подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, четвертый баталіонъ куринцевъ, во главѣ съ своимъ командиромъ, полковникомъ Барабашомъ—ветераномъ незапамятнаго времени—сталъ перебѣгать на ту сторону рѣки и затѣмъ карабкался на гору, въ лицо непріятели. Это была картина замѣчательная и духъ захватывавшая даже у посторонняго зрителя: два бревна, почти танцующія подъ вереницею солдатъ; внизу кипучая рѣка, готовая ежеминутно поглотить этихъ смѣльчаковъ; отважные, но молчаливыя и сосредоточенныя, съ сжатыми губами, фізіономіи испачканныхъ, загрязненныхъ и оборванныхъ воиновъ, балансирующихъ надъ про-

пастью; навстрѣчу имъ, почти въ упоръ, ниги непріятельскихъ пуль, — что могло быть торжественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснѣе этого момента, при которомъ, къ несчастію, не присутствовалъ ни одинъ изъ извѣстныхъ художниковъ, способныхъ во всей истинѣ и правдивости передать его на полотно? Смотри на этихъ безстрашныхъ кавказскихъ рыцарей, искавшихъ подъ собою точки опоры, невольно приходилось закрывать глаза, чтобы не быть свидѣтелемъ какой-нибудь катастрофы. Оступись хоть одинъ изъ нихъ—и задній его товарищъ, рассчитывавшій свои шаги только по пятамъ передняго, исчезъ бы въ пучинѣ, навѣрное увлекая за собою десятокъ послѣдующихъ героевъ. И еслибы, не дай Богъ, это случилось, то любопытно знать: остановились-ли бы передъ раскрытою пастью рѣки остальные воины? Едва-ли: четвертое іюля показало, что эти герои не умѣютъ останавливаться даже и передъ большею невозможностью.

Лѣвый берегъ былъ быстро занятъ, непріятель сбитъ оттуда, и куринцы, не задерживаясь ни минуты надъ обрывомъ, съ крикомъ ура! кинулись въ аулъ Соси-Ирзау, находившійся тутъ же, выбили оттуда горцевъ и, счастливые исполненіемъ своего долга, наконецъ, остановились, вытирая почти кровавый потъ съ лица и иѣну, налипѣвшую на губахъ отъ сильной борьбы чувствъ и утомленія. Соображая этотъ замѣчательный подвигъ славнаго четвертаго куринскаго баталіона, каждый человекъ, не чуждый предрасудковъ и повѣрій, сказалъ бы, положивъ руку на сердце, что эти воины продали свою душу чорту.

Потеря наша въ этотъ день состояла въ легко раненомъ маіорѣ Эрнротѣ, двухъ убитыхъ и десяти раненыхъ нижнихъ чиновъ и въ пяти убитыхъ лошадяхъ.

Артилеріи дѣйствовать не приходилось столько же потому, что мѣстность не позволяла, сколько и потому, что надобности въ ней на этотъ разъ не явилось.

Вслѣдъ за куринцами, къ Бинъ-Дуку прибыли и остальные эшелоны.

На Бинь-Дукѣ взводы штабсъ-капитана Кнорринга и поручика Кулешова соединились и вступили подъ начальство командира дивизиона, капитана Парчевскаго (нынѣ генераль-маіоръ).

Генераль Евдокимовъ настигъ авангардную колонну въ то время, когда торжество ея было полное, и она уже спокойно отдыхала. Тотчасъ онъ распорядился укрѣпить занятый нами аулъ завалами, оставилъ въ немъ побѣдителей и приказалъ немедленно приступить къ постройкѣ моста тамъ, гдѣ лежали бревна. Въ двое сутокъ мостъ выросъ, какъ изъ земли, и начались сообщенія оторваннаго баталіона съ главными силами, отъ которыхъ въ пособіе ему былъ посланъ одинъ баталіонъ бѣлостокскаго полка. Въ теченіи этого же времени войска работали надъ рубкою и расчисткою окружающаго лѣса, который валился снопами. Эта рубка вовсе не имѣла въ виду упрочить за нами занятую позицію, которая въ сущности была намъ не нужна, потому что составляла на этотъ разъ нашу проходную—и притомъ, въ иную сторону, какъ увидимъ ниже—дорогу. Она имѣла цѣлью обмануть непріателя относительно нашего настоящаго направленія. Лѣсъ, который мы рубили, тянулся по ущелью и вверхъ по теченію рѣки, куда мы въ этотъ разъ и идти были не намѣрены. Но такъ какъ горцы, зная хорошо окружающую мѣстность, находили, что мы не можемъ пойти иначе, какъ по ущелью, нижнею дорогою, то они, укрѣпляя завалами тропу по берегу рѣки, зорко стерегли насъ на этомъ пути. Не желая ихъ не только разочаровывать въ ожиданіяхъ, но имѣя въ виду сколь возможно болѣе усилить ихъ заблужденіе, генераль Евдокимовъ приказалъ открыть просѣку вверхъ по ущелью. Когда непріатель, вслѣдствіе этого, окончательно убѣдился, что мы должны будемъ избрать для нашего дальнѣйшаго наступленія это, а не иное направленіе, онъ, съ своей стороны, принялся, навстрѣчу намъ, загромождать лѣсъ завалами такъ усердно, что гулъ и грохотъ отъ паденія деревьевъ подъ его топорами ясно былъ нами слышенъ издали. Сближаясь, такимъ образомъ, съ непріателемъ помимо всякой нуж-

ды, войска работали втораго іюля при перестрѣлкѣ, возобновлявшейся нѣсколько разъ. Потера наша въ этотъ день состояла въ раненомъ офицерѣ навагинскаго полка, прапорщикѣ Ростововѣ; въ одномъ убитомъ и одномъ раненомъ нижнемъ чинѣ.

3-го іюля, хотя слабая перестрѣлка при рубкѣ лѣса вновь повторилась, но безъ вреда для насъ. Затѣмъ, когда колонна отступила въ лагерь, горцы, передъ закатомъ солнца, подобрались поближе къ лагерю полковника Зотова и изъ опушки лѣса открыли по правому фасу лагеря довольно сильный ружейный огонь. Противъ нихъ выдвинуты были два орудія поручика Кулешова. По мѣрѣ того, какъ непріятель перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, чтобы избѣгнуть нашихъ выстрѣловъ, поручикъ Кулешовъ весьма удачно наступалъ и предупреждалъ его на всѣхъ пунктахъ, заставивъ въ полчаса прекратить пальбу. Было выпущено изъ орудій тринадцать обыкновенныхъ гранатъ: три — съ дистанціи 160 сажень, подъ угломъ въ 13,5 линій по прицѣлу; три — съ дистанціи въ 200 сажень, подъ угломъ въ 17,5 линій; двѣ — съ дистанціи въ 230 сажень, подъ угломъ въ 21 линію, и пять — съ дистанціи въ 300 сажень, подъ угломъ въ 30 линій по прицѣлу.

На этой мѣстности противъ насъ дѣйствовалъ Батокъ съ другимъ наибомъ Амзатомъ. Въ распоряженіи ихъ было лишь нѣсколько сотенъ горцевъ, такъ какъ Шамиль въ этомъ ущельи, съ одной стороны, полагался на защиту и содѣйствіе самой природы, а съ другой — не рѣшался до четвертаго іюля спустить главныя скопища, подъ предводительствомъ Дубы и Лабазана, съ высотъ Даргинъ-Дука, все еще увѣренный, что генераль Евдокимовъ хитритъ, отводитъ ему глаза ложными диверсіями и ни въ какомъ случаѣ не оставитъ горы, ведущей въ его владѣнія, надъ которою трудился — не даромъ же — цѣлый мѣсяцъ.

Но имамъ и на этотъ разъ не угадалъ намѣреній нашего полководца. Послѣдній, успокоившись тѣмъ, что окружавшія насъ партіи были невелики, рѣшилъ не терять времени и скорѣе про-

биться впередъ, къ верховьямъ Чанты-Аргуна. Предпочтительно предъ нижнею дорогою, о которой уже сказано, онъ избралъ направление впередъ прямо отъ аула Соси-Ирзау по лѣвому берегу рѣки. Тутъ вовсе не было никакой дороги;—сплошная гряда горъ, съ верху до низу покрытыхъ, хотя не безусловно густымъ, но зато, вѣковымъ лѣсомъ—и больше ничего. Отъ Соси-Ирзау непосредственно слѣдуетъ первая крутая гора, поднимаясь полувертикально семью уступами; она вся вздулась кверху, оставляя по бокамъ крутые овраги и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занимая въ ширину не болѣе двадцати сажень. Отъ вершины ея начинается крутой спускъ, отлогостью до 35° и длиною до полуторы версты; спускъ оканчивается глубокимъ оврагомъ, за которымъ начиналась вторая, менѣе крутая гора, приводившая на просторную — относительно, возвышенную варандинскую плоскость, на которой расположены аулы— сперва малый, а потомъ—большой Варанды.

Мѣстность, по которой предстояло намъ идти, была въ высшей степени опасная, — что и сказалось на дѣлѣ: здѣсь каждое дерево угрожало намъ нѣсколькими пулями и, притомъ, сверху внизъ; но утѣшеніе состояло лишь въ томъ, что насъ не забросаютъ здѣсь камнями, какъ въ то время, еслибы мы пошли по нижней дорогѣ; кромѣ того, здѣсь не было искусственно устроенныхъ заваловъ, которые внизу были нагромождены поперегъ дороги черезъ каждые пятьдесятъ сажень. **Навонецъ**, какъ ни узка была здѣсь мѣстность, но она все-таки позволяла идти кое-гдѣ, между деревьями, въ ротной колоннѣ, тогда какъ внизу приходилось наступать по тропѣ почти въ одиночку, а слѣдовательно, отдавать неприятелю съ заранѣе обдуманною мыслью жертву за жертвою и, пожалуй, такимъ образомъ, и цѣлую колонну.

До выступленія изъ Соси-Ирзау на Мескенъ-Дукъ, никто не зналъ тѣхъ трудностей и той опасности, которыя прійдется осилить на этой горѣ; никто не зналъ этихъ ея террасъ или пло-

щадокъ, а слѣдовательно, и никто не предугадывалъ, что идетъ, быть можетъ, на вѣрную смерть; — нѣтъ худа безъ добра, потому что самое тягостное нравственное положеніе человѣка является именно тогда, когда день и часъ смерти ему извѣстенъ заранее. Неизвѣстность была причиною того, что солдаты во все время своего наступленія на эти адскія высоты сохранили мужество и бодрость духа. Полагать должно, что и самъ командующій войсками зналъ эту мѣстность кое-какъ лишь со словъ горцевъ.

Но такъ, или иначе, а идти нужно было.

Наступной отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны. Первою командовалъ полковникъ Зотовъ. Она состояла изъ 2-го, 4-го и 5-го баталіоновъ вуринскаго полка, 3-го баталіона виленскаго полка, 1-го и 2-го баталіоновъ бѣлостокскаго полка, роты саперъ 2-го кавказскаго баталіона, дивизіона горныхъ орудій легкой № 5-го батареи, 20-й артилерійской бригады, подъ командою капитана Парчевскаго, и сотни милиціи. Вторую колонною командовалъ полковникъ Баженовъ, а арьергардомъ ея — полковникъ фонъ-Кауфманъ. Подъ начальствомъ ихъ были слѣдующія войска (съ 4-го по 8-е іюля): четыре роты четвертаго баталіона тенгинскаго полка и одна стрѣлковая рота того-же полка; 1-й и 5-й баталіоны навагинскаго полка, 1-й баталіонъ виленскаго полка, три роты 20-го стрѣлковаго баталіона, четыре сотни казаковъ и сотня милиціи. Въ колоннѣ полковника Баженова, между первою и второю ротами 2-го стрѣлковаго баталіона, находился взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи; въ арьергардѣ полковника Кауфмана — взводъ горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи и, наконецъ, въ хвостѣ колонны, между ротами виленскаго баталіона — взводъ орудій горной № 4-го батареи, 20-й артилерійской бригады. Въ Соси-Ирзау приказано было остаться — для связи отряда съ Аргунскимъ укрѣпленіемъ и для обезпеченія насъ въ тылу — второму баталіону навагинскаго полка, двумъ стрѣлковымъ ротамъ №№ 9-го и 10-го линейныхъ баталіоновъ и взводу орудій — подъ общимъ командова-

ніемъ командира баталіона навагинскаго полка, полковника Наума.

Что насъ ожидало впереди, въ какія трупобы мы вновь попадемъ, сколько времени прійдется быть отрѣзанными отъ Аргунскаго укрѣпленія, — все это были задачи, разрѣшить которыя никто не рѣшался, да и не могъ-бы. Въ виду полной неизвѣстности предстоявшато намъ положенія, было отдано приказаніе: взять съ собою выюки съ провіантомъ. Какъ ни стѣсняли эти выюки всѣхъ и каждаго во всѣхъ случаяхъ серьезныхъ и опасныхъ движеній, но приказаніе, однако, было благоразумное, потому что, при надобности, идти назадъ за провіантомъ и вновь возвращаться на свое мѣсто—было-бы отчаяннымъ и крайнимъ неблагоразуміемъ.

Сумерки быстро спустились на землю, и ночь окутала собою мескендукскія высоты. Приказаніе о выступленіи было уже отдано, и въ лагерѣ царил торжественная тишина, — какъ будто сердце предчувствовало трудный, тяжелый день. Костры, у которыхъ такъ недавно готовилась каша, были потушены и разметаны; началась втихомолку уборка палатокъ. Черезъ часъ колонна полковника Зотова уже стояла подъ ружьемъ, а затѣмъ, еще черезъ десять минутъ, двинулась на мостъ, только что оконченный, и перешла Аргунъ у Соси-Ирзау. Непріятель не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ: лишь только колонна двинулась — онъ съ разныхъ мѣстъ открылъ ружейную пальбу, вызывая на отвѣтъ; но отвѣта не получилъ. Перейдя на лѣвый берегъ рѣки, колонна заняла поляну впереди аула, фронтомъ къ Мескенъ-Дуку, и выстроилась въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ: въ головѣ — пятый куринскій баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ и за нимъ взводъ горныхъ орудій; въ правой цѣпи — четвертый куринскій баталіонъ, выступившій къ намъ навстрѣчу изъ Соси-Ирзау, въ лѣвой — второй бѣлостокскій; въ арьергардѣ — рота саперъ и первый бѣлостокскій баталіонъ, потомъ выюки; далѣе — второй куринскій баталіонъ

за нимъ опять взводъ горныхъ орудій и, наконецъ, третій виленскій баталіонъ.

Одновременно съ авангардною колонною тронулся отъ Бинь-Дука и полковникъ Баженовъ, наступая все время по пятамъ колонны полковника Зотова.

Пока произошли всё построения, за которыми послѣдовалъ короткій отдыхъ, — забрежжило: выступала изъ за горъ утренняя заря. Непрiятель, не оставлявшій насъ въ покоѣ все время и по лѣвую сторону Аргуна, мгновенно прекратилъ пальбу — и ступе-вался. Тутъ только мы начали догадываться, что онъ спозналъ наши намѣренія и поспѣшно отправился — приготовить намъ встрѣчу.

Колонна двинулась — и тотчасъ вступила въ лѣсъ. Отъ поляны до опушки лѣса видѣнь былъ слѣдъ чего-то въ родѣ утоптанной дороги, но, послѣ нѣсколькихъ сажень пути по лѣсу, эта дорога окончательно исчезала; — начались пни, валежники, наваленный кругомъ листь, влага, мокрота; словомъ, препятствія не заставили себя долго ждать.

Мѣстность все болѣе суживалась, такъ что цѣпи лѣпились надъ обрывами, сливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ колонною. Съ минуты на минуту мы ожидали привѣтственнаго выстрѣла; но горцы или не поспѣли еще къ намъ навстрѣчу, или не считали нужнымъ начинать такъ рано, давая возможность всей колоннѣ втянуться въ глубину лѣса.

Пятый баталіонъ куринцевъ взошелъ на первый уступъ безъ выстрѣла и приостановился, чтобы дать возможность колоннѣ стянуться.

Въ самомъ началѣ движенія намъ стало ясно и понятно, что въ лѣсу, на этихъ высотахъ, мы должны находиться въ полномъ распоряженіи непріятеля, и что артилерія наша здѣсь составляла совершенно лишнее бремя. И дѣйствительно, во все время наступленія и до взятія послѣдняго уступа, ей не пришлось сдѣлать ни

одного выстрѣла, потому что невозможно было установить орудія, и точно также невозможно было стрѣлять снизу вверхъ. Орудія тащили то на лямкахъ, то на вьюкахъ.

Нѣсколько поотдохнувъ, колонна двинулась на второй уступъ. Лѣвая цѣпь, которая уже окончательно слилась съ колонною, потому что ей некуда было дѣваться, снята и цѣпникомъ отправлена назадъ, гдѣ составила роты и пошла вслѣдъ за вьюками.

Медленно, ища опоры въ окружавшихъ деревьяхъ, собирались куринцы на крутизну — и вотъ ужъ стали подходить ко второй террасѣ.

Неожиданно и почти въ упоръ раздался залпъ полсотни винтовокъ... Непріятеля не видно, стрѣлять не въ кого—а въ рядахъ свалилось нѣсколько человѣкъ. Безъ команды, безъ приказанія, какъ по мановенію волшебнаго жезла, загремѣло ура! — и пятый куринскій баталіонъ бросился въ штыки. Тутъ силъ еще хватало— и второй уступъ занятъ тотчасъ-же.

Но въ это время раздались ружейные перекаты не только впереди, но и на флангахъ. Непріятель пользовался каждымъ деревомъ, каждою вершиною его, чтобы стрѣлять отовсюду, гдѣ только могъ присѣсть и укрыться. Ружейный огонь грозилъ обнять собою всю колонну; тамъ и сямъ попадались срубленные гиганты, преграждавшіе движеніе войска; не смотря на лѣсную прохладу, уже рубахи на тѣлѣ были мокрыя.

Полковникъ Зотовъ сообразилъ, что только быстрымъ движеніемъ все впередъ и впередъ онъ остановитъ возможность для горцевъ разбрасываться на длину всей колонны, и хотя сосредоточить ихъ огонь на головномъ баталіонѣ, но за то, остальные войска будутъ спасены. Раздѣливъ баталіонъ надвое и предоставивъ двѣ роты въ распоряженіе полковника Черткова, онъ началъ наступленіе перекатами. Бѣгомъ пустились первыя двѣ роты на третій уступъ и, осыпаясь со всѣхъ сторонъ пулями, сбили оттуда неприятеля, не давъ ему опомниться, и заняли его позицію. Горцы,

какъ кошки, бросились къ слѣдующей террасѣ—и вслѣдъ за ними опять бѣгомъ пустились другія двѣ роты, а предыдущія, между тѣмъ, нѣсколько минутъ отдыхали. Занявъ высшій уступъ и соединившись къ партіи, уже тамъ находившейся заранѣе, чеченцы снова встрѣчали залпами подбѣгавшія къ нимъ роты—и снова вырывали изъ строя жертву за жертвою. Пули ихъ главнѣе всего были направляемы на нашихъ офицеровъ, и однимъ изъ первыхъ слетѣлъ съ лошади адъютантъ куринскаго полка, поручикъ Гурьевъ, прострѣленный въ лобъ, выше лѣваго глаза; затѣмъ, на четвертомъ уступѣ пуля пронизала навывлечь лѣвую руку полковника Зотова; но онъ, не обращая вниманія на эту рану, вель полубаталіонъ впередъ и впередъ. Уже солдаты буквально задыхались, разинувъ рты и обливаясь потомъ съ головы до ногъ; но кровь своихъ товарищей и ободряющія слова офицеровъ: „впередъ, ребята! впередъ, смѣлѣе, — молодцами! не посрамитесь, куринцы!“ заставляли собирать послѣднія силы и — умирать, но не отступать.

Среди этой ужасающей обстановки, гдѣ каждую минуту можно было ожидать, что рота падетъ на землю въ полномъ изнеможеніи, предоставляя себя произволу судьбы, между прочими офицерами много поддерживалъ солдатъ своими одобреніями и подполковникъ Тверитиновъ, за которымъ верхомъ слѣдовалъ адъютантъ его, по званію начальника артилеріи отряда, подпоручикъ Рельи. Куринцы любили Тверитинова, потому что при всѣхъ встрѣчахъ съ ними онъ не жалѣлъ денегъ; очень часто спиртъ лился ведрами, не говоря уже о ротныхъ праздникахъ въ Воздвиженской, на которые Павелъ Васильевичъ былъ приглашаемъ неизбѣжно. И вотъ, теперь, въ крайнюю минуту, командиръ 5-й легкой батарей, слѣдуя бокъ о бокъ съ баталіономъ, напутствовалъ его разнаго рода поощреніями и похвалами.

Пули его, къ счастью, миновали; но въ ту минуту, когда онъ повернулся въ сѣдлѣ и хотѣлъ отдать Рельи какое-то приказаніе—

Рельи слетѣлъ съ лошади, прострѣленный въ правое плечо навылеть. Въ то-же мгновеніе и такая-же рана свалила съ ногъ подпоручика Пхакадзе, который, идя во главѣ своего взвода, палъ, но не выронилъ пашки изъ рукъ.

Бывали случаи, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, когда направо и налево валяются товарищи и командиры, солдаты падали духомъ, терялись. Но здѣсь до этого было далеко: ожесточеніе противъ врага, месть за смерть земляковъ и притомъ, воспоминаніе о своемъ славномъ знамени, именемъ котораго офицеры двигали свои роты, заглушали всякія чувства и побужденія куринцевъ, кромѣ желанія — взлетѣть на новый уступъ и сбить оттуда непріятеля.

И откуда бралась эта мощь, эта желѣзная сила у людей, уже обезсиленныхъ всѣми невзгодами, трудами, египетскими работами.

Еще вырвало изъ строя одного офицера — прапорщика Гладуна, но куринцы не останавливались и не давали возможности самому непріятелю не только остановиться, но даже прійти въ себя. Съ ихъ стороны выстрѣлы были, сравнительно съ горскими, рѣдки, потому что некогда было заряжать, да и не для чего: бой шель на штыкахъ; но со стороны горцевъ пальба была полнѣе и чаще, потому что, отброшенные отъ нижняго уступа, они примыкали къ той свѣжей еще силѣ, которая сидѣла на верхнемъ уступѣ.

Несчастливымъ куринцамъ казалось, что и конца не будетъ этимъ уступамъ; боевой кликъ ихъ видимо ослабѣвалъ; „ура“ уже было негромкое, хрипкое,—однако они не переставали одушевлять другъ друга, перескакивали черезъ тѣла своихъ убитыхъ и раненыхъ и, поощряемые офицерами, которые собою подавали имъ примѣръ отваги и самоотверженія, старались бѣжать и бѣжать впередъ...

Но есть предѣлъ всякой возможности, а въ особенности человеческимъ силамъ: побуждавъ къ шестому уступу — куринцы

остановились; — ноги не двигались, дыханье захватило, у многих горломъ и носомъ выступала кровь.

Непріятель не останавливалъ пальбы и сыпалъ съ шестаго уступа градъ пуль.

Казалось, что первый рядъ долженъ лечь безнаказанно подъ горскими пулями.

Но судьба рѣшила иначе: въ минуту, когда готовилась куриницамъ злополучная развязка, командиръ роты, капитанъ Чекони, на груди котораго красовался орденъ св. Владимира за храбрость, выскочилъ впередъ и крикнулъ: „за мною, ребята! Я съ вами!“ Этотъ ободряющій крикъ и этотъ примѣръ отваги родили еще одну вспышку угасшей силы солдатъ — и они бросились впередъ за своимъ командиромъ.

Пуля въ високъ сразила наповаль капитана Чекони, и онъ палъ къ ногамъ своей роты — жертвою за ея спасеніе и залогомъ ея новой славы.

Уже не ожесточеніе, но остервененіе охватило всю роту, лишившуюся своего незабвеннаго начальника, столько лѣтъ дѣлившаго съ нею всѣ опасности, всѣ нужды и лишенія: отчаянное ура! пронеслось по рядамъ ея, и она, съ легкостью барса, взлетѣла на шестой уступъ, сорвала оттуда непріятеля и на штыкахъ понеслась къ седьмому уступу.

Черезъ нѣсколько минутъ пятый баталіонъ былъ на вершинѣ Мескенъ-Дука, а непріятель, разбитый и разстроенный, бѣжалъ во всѣ стороны безъ оглядки.

VII.

Наши потери при взятіи Мескенъ-Дука. Приглашеніе со стороны горцевъ и вступленіе, при перестрѣлкѣ, на варадинскую поляну. Выписка изъ официальнаго донесенія. Занятіе аула Зонахъ, постройка моста и разработка дороги. Главный лагерь. Перестрѣлка на рубежѣ, 5-го іюля. Рекогносцировка къ аулу 6. Варанды и нападеніе горцевъ при отступленіи. Прибытіе Шамиля и присяга на газаватъ. Ожесточенныя атаки горцевъ на колонну полковника Баженова, 8-го іюля; наши потери. Маленькій Севастополь. Перестрѣлка 9-го іюля и открытіе сообщенія съ укр. Аргунскимъ. Заложеніе редута у Зонаха. Перестрѣлки 10-го, 11-го, 12-го и 13-го іюля. Ночное движеніе, во время грозы, артиллерійскаго взвода. Перестрѣлки 16-го, 17-го и 19-го іюля. Новыя ухищренія имама. Нашъ волшебный значокъ и роковой для него день 21-го іюля.

Въ такомъ ужасномъ — по исключительнымъ мѣстнымъ условіямъ — бою, который выдержалъ пятый баталіонъ куринцевъ 4-го іюля, вся потеря его заключалась въ шести убитыхъ и двадцати-четырехъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ пижнихъ чинахъ. — Объ убитыхъ и раненыхъ офицерахъ сказано выше. — Такую малочисленную потерю слѣдуетъ приписать той необыкновенной быстротѣ движенія нашего баталіона, при которой горцы, не успѣвая ни разсѣяться, чтобы охватить колонну, ни опомниться, стрѣляли наугадъ. Много, конечно, защитили нашихъ воиновъ толстыя деревья Мескенъ-Дука, которыя приняли въ себя не одну сотню непріятельскихъ пуль.

Потеря горцевъ неизвѣстна; но, должно полагать, что ея у нихъ было меньше, чѣмъ у насъ.

Пятый куринскій баталіонъ вынесъ исключительно на себѣ одномъ весь бой: остальные баталіоны, колонна полковника Баже-

нова и арьергардъ полковника фонъ-Кауфмана прошли за этою живою стѣною безъ выстрѣла и безъ всякаго урона.

Лабазанъ прискакалъ съ своею партією уже по окончаніи боя и занялъ глубину оврага Джожа-Гинтъ (чортова балка) который теперь открывался передъ нами, зіяя своею черною пропастью. Вправо отъ него, за рѣкою, у подошвы горы, былъ аулъ Зонахъ, куда, также по взятіи уже Мескенъ-Дука, прибылъ ичкеринскій наибъ Адиль.

Предстоявшій оврагъ стоилъ Мескенъ-Дука: спустить въ него колонну—значило оставить ее тамъ навсегда. Но, въ этомъ затрудненіи, на выручку къ намъ явились сами жители варандинской долины, широко разстилавшейся по ту сторону оврага, пересѣченной по всемъ направленіямъ лѣсами, лѣсочками, балками, неглубокими оврагами: стоя на высотѣ, по ту сторону Джожа-Гинтъ, они призывали насъ къ себѣ громкими криками, обѣщая намъ чуть не весь свой рай Магомета, съ гуріями и съ самимъ пророгомъ.

Послѣ нѣкотораго видимаго колебанія, командующій войсками приказалъ полковнику Чертѣвову спускаться внизъ — опять-таки съ куринцами, но уже съ двумя баталіонами—вторымъ и четвертымъ. Когда эти баталіоны прошли благополучно почти до самаго дна, приказано было двигаться по ихъ слѣдамъ всему остальному отряду, еромѣ двухъ баталіоновъ навагинскаго полка, которые, съ двумя горными орудіями, были на нѣсколько часовъ оставлены на мѣстѣ, для прикрытія, на всякій случай, нашего тыла. На спускѣ въ крутизну Джожа-Гинтъ не было никакой возможности везти орудія на колесахъ, изъ опасенія, чтобы лафеты не пришли въ негодность при ударахъ о пни и деревья, заграждавшіе собою и безъ того узкую тропу; поэтому, орудія были навьючены, а лошади не шли—сбѣзжали на хвостахъ.

Все-таки безъ перестрѣлки не обошлось, которую затѣяли съ пѣхотою, прикрывавшею выюки, два-три десятка отсталыхъ и запоздавшихъ сподвижниковъ Батока; но они живо были прогнаны,

и отрядъ, поднявшись уже по отлогому скату на слѣдующую высоту, занялъ варандинскую поляну и развернулся здѣсь попросторѣе.

Въ восемь часовъ вечера прибылъ съ своими баталіонами и полковникъ фонъ-Кауфманъ.

Здѣсь обязываюсь привести сохранившуюся у меня выписку изъ донесенія генерала Евдокимова главнокомандующему, отъ 8-го іюля:

„Мы вступили теперь въ страну, никогда не видавшую русскаго съ оружіемъ въ рукахъ. Проникнувъ за лѣсной поясъ, мы, такъ сказать, обошли въ тылъ ту часть туземнаго населенія, которая издавна приучена къ вѣчной войнѣ и воспитана въ чувствѣ кровавой вражды къ русскимъ. Въ Шубутѣ (*) мы нашли населеніе, дружелюбно простирающее къ намъ руки; здѣсь жители не стрѣляли по насъ, какъ во всѣхъ другихъ частяхъ Кавказа, — а спокойно оставались въ домахъ, ожидая прибытія русскихъ, и даже заводятъ уже съ войсками торговля сношенія. Приписать ли такую перемѣну особеннымъ народнымъ свойствамъ шубутовцевъ, или тому нравственному вліянію, которое неминуемо должны были произвести на туземцевъ успѣхи наши въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ, или, наконецъ, благому примѣру многочисленнаго населенія, вновь покорившагося русскому Государю и тѣмъ видимо улучшившаго участь свою, — во всякомъ случаѣ можно радоваться, что, наконецъ, война въ здѣшнемъ краѣ начинаетъ принимать новый характеръ, и надѣяться, что примѣръ шубутовцевъ, въ свою очередь, подѣйствуетъ благотворно на другихъ горцевъ, до сихъ поръ смотрѣвшихъ на насъ враждебно“.

(*) Аулы Варанды, Зонахъ и пр. составляютъ шубутовское или шатовское общество, наибомъ котораго былъ Батока.

И такъ, мы, нѣкоторымъ образомъ, на время установились, но далеко не упрочились: впереди насъ, варадинская поляна, то суживаясь, то кое-гдѣ расширяясь, тянулась среди лѣсовъ и овраговъ на семь верстъ и выходила, наконецъ, на новую, уже открытую поляну—большую варадинскую — упиравшуюся въ обнаженные безлѣсные горы Саюнъ-Дукъ. Туда теперь стремились всѣ помысленія генерала Евдокимова; но для того, чтобы достигнуть этого желаннаго мѣста, нужно было прорубить его во всѣ стороны топоромъ, да, кромѣ того, открыть себѣ свободное и безпрепятственное сообщеніе въ тылу, — конечно, не чрезъ мескендукскія высоты, а чрезъ Аргунъ, и потомъ—чрезъ ауль Зонахъ. Это именно та дорога, которую мы обошли, изъ опасенія попасть въ капканъ.

На другой же день, 5-го іюля, къ этому Зонаху была двинута колонна полковника фонъ-Кауфмана, въ составѣ 1-го и 5-го баталіоновъ навагинскаго полка, 1-го и 3-го баталіоновъ виленскаго полка, роты саперъ, двухъ орудій горной № 4-го батареи и двухъ горныхъ орудій батареейной № 4-го батареи, 20-й артиллерійской бригады. Полковникъ Кауфманъ долженъ былъ заняться разработкою просѣки и дороги внизъ по Аргуну; полковникъ же Намовъ, изъ Соси-Ирзау, долженъ былъ повести работы навстрѣчу фонъ-Кауфману.

Съ обычными, уже извѣстными намъ, трудностями, спустился полковникъ Кауфманъ внизъ къ Аргуну — и, начавъ переправу въ бродъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами горцевъ, засѣвшихъ на противоположной сторонѣ. Но, лишь только навагинцы вступили по поясъ въ рѣку и открыли по неприятелю огонь—онъ быстро исчезъ, такъ что не допустилъ даже насъ употребить въ дѣло орудія. Колонна, перейдя благополучно на правый берегъ, поднялась на небольшое урочище у Зонаха, разбила лагерь и немедленно приступила къ постройкѣ моста. Орудія горной № 4-го батареи, бывъ поставлены на правомъ флангѣ лагеря, подъ прикрытіемъ одного бата-

ліона виленскаго полка, и имѣя невдали отъ себя густой лѣсъ и глубокую балку, по которой извивался Аргунъ, прикрылись засѣкою.

На варадинской площади остались главныя силы отряда въ слѣдующемъ составѣ: 2-й, 4-й, и 5-й баталіоны куринскаго полка, пять ротъ тенгинскаго полка, двѣ роты линейнаго № 10-го баталіона, баталіонъ бѣлостокскаго полка, баталіонъ виленскаго полка, три роты стрѣлковаго № 20-го баталіона, четыре горныхъ орудія легкой № 5-го батареи и два горныхъ орудія легкой № 6-го батареи, 20-й артиллерійской бригады, — наконецъ, вся кавалерія. Лагерь главнаго отряда былъ расположенъ въ виду аула малый Варанды, упираясь лѣвымъ флангомъ въ высоты, господствовавшія надъ ауломъ, правымъ—въ непріятельское кладбище на горѣ, надъ Аргуномъ, имѣя съ фронта открытую неширокую равнину, сжагую по сторонамъ лѣсами и оврагами, а съ тыла—уже извѣстную намъ чортову балку.

Намъ было объявлено командирами, что можно устроиваться здѣсь прочнѣе и похозяйственнѣе;—значить, будемъ стоять не день и не два. И вотъ, мы начали устроиваться: сперва мы установили кухню, т. е. ямы для котловъ, потомъ начали озабочиваться подѣлкою въ палаткахъ плетенокъ изъ прутьевъ, взамѣнъ кроватей; далѣе—разбили коновязь, а къ ночи даже и сапоги почистили; — устройство было кончено. Въ этомъ успѣли только тѣ, которые 5-го іюля оставались въ лагерѣ; но оставались не все, потому что, одновременно съ движеніемъ колонны полковника Кауфмана къ аулу Зонахъ, выступила впередъ, по протяженію поляны, къ аулу большой Варанды, на рубку лѣса и разработку дороги другая колонна. Пройдя версты двѣ отъ лагеря, колонна остановилась, и оставивъ на мѣстѣ взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи, подъ прикрытіемъ стрѣлковой роты тенгинскаго полка и роты 20-го стрѣлковаго баталіона, принялась за топоры. Едва только люди занялись своимъ дѣломъ, съ правой стороны, на возвышенности, показались

горцы,—сперва поодиночкѣ, а потомъ и цѣлыми партіями, открывъ въ тоже время по рабочимъ ружейный огонь. Въ отвѣтъ имъ были посланы три обыкновенныя гранаты: первая и вторая съ дистанціи 325 сажень, подъ угломъ 32 л.; третья—съ 300 саж., подъ угломъ 30 л. Должно полагать, что выстрѣлы эти не были неудачны, потому что непріятель прекратилъ пальбу, скрылся и болѣе въ этотъ день не беспокоилъ насъ.

Въ пять часовъ пополудни колонна возвратилась въ лагерь — безъ потерь.

6-го іюля мостъ черезъ Аргунъ красовался во всемъ своемъ временномъ великолѣпіи. Нужно было изумляться, какъ быстро возникали эти мосты тамъ, гдѣ никакихъ предварительныхъ, а затѣмъ, и дополнительныхъ *смитъ* не было составляемо, и гдѣ они строились *по приказанію*, къ назначенному времени. Еслибы этотъ способъ постройки былъ введенъ у насъ въ дѣло повсемѣстно, то сколько бы выиграли казенные интересы, которые нерѣдко такъ сильно страдаютъ отъ злополучнаго „урочнаго положенія“.

Колонны полковниковъ Кауфмана и Наумова уже сближались; —работа кипѣла.

7-го іюля, въ пять часовъ утра, генераль Евдокимовъ предпринялъ рекогносцировку по направленію къ аулу большому Варанды. Для рекогносцировки была назначена колонна, подъ начальствомъ полковника Баженова, въ составѣ двухъ ротъ 20-го стрѣлковаго баталіона, четвертой стрѣлковой роты тенгинскаго полка, двухъ сотенъ кавалеріи и взвода горныхъ орудій легкой № 6-го батареи. Въ разстояніи трехъ верстъ отъ лагеря, пѣхота и артилерія заняли позицію на высотѣ, у кладбища. Во все время рекогносцировки горцы не показывались, но когда колонна возвращалась въ лагерь, они напали на аріергардь ея и открыли бѣглую пальбу изъ-за кустовъ и опушки близлежащаго лѣса. Преслѣдованіе было настойчивое. Орудія снялись съ передковъ и открыли картечный огонь—тремя зарядами, съ дистанціи въ 60, 80 и 90 сажень (3,

7 и 10 л. по приц.). Послѣ перваго и втораго выстрѣловъ горцы не унимались, ранивъ въ это время фейерверкера пулею въ правую ногу, трехъ рядовыхъ, составлявшихъ, въ числѣ прочихъ, прикрытіе артилеріи, и упряжную артилерійскую лошадь — въ лѣвую переднюю лопатку. Послѣ третьяго выстрѣла они хотя и углубились въ лѣсъ, но пальбы не прекращали. По этому случаю и, по мѣрѣ отступленія горцевъ, артилерія стрѣляла учащеннымъ огнемъ, обыкновенными гранатами: тремя на 150 саж., пятью на 200 саж., одною на 225 саж., двумя на 260 саж. и одною на 300 саж. (13 л.; 17,5 л.; 20,5 л.; 24 л.; 30 л.).

Только послѣ этихъ пятнадцати орудійныхъ выстрѣловъ горцы оставили насъ въ покоѣ, давъ возможность возвратиться въ лагерь едва только въ семь съ половиною часовъ пополудни.

Пока, въ эти дни, генераль Евдокимовъ торопился сдѣлать каждую минуту своего личнаго существованія и своихъ дѣйствій безслѣдною для успѣховъ нашего оружія, — Шамиль не дремалъ, въ свою очередь: взятіе Мескенъ-Дука и занятіе малаго Варанды сдѣлались ему извѣстными на другой же день, и онъ, не медля ни часа, вскочилъ на коня, подхватилъ съ собою сотню мюридовъ и помчался въ Шубутъ, приказавъ своимъ сыновьямъ — Кази-Магомъ и Шафи-Магомету — собрать всѣ полчища, какія бы только возможно было собрать, и вмѣстѣ со всѣми наибамъ Чечни идти по его слѣдамъ. Прискакавъ въ Шубутъ шестаго іюля ночью, имамъ тотчасъ приступилъ къ самымъ жгучимъ распоряженіямъ: собралъ окрестныя общества, привелъ ихъ къ присягѣ на священную войну, объявилъ имъ всѣ льготы, не исключая и рая съ его гуріями, и взялъ отъ нихъ клятву, что они въ этотъ послѣдній разъ попытаютъ счастья, но съ тѣмъ, что если оно имъ и здѣсь измѣнитъ, то каждый изъ нихъ воленъ будетъ развязать себя отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ своему владыкѣ.

Присутствіе Шамиля дало намъ себя почувствовать на другой

же день послѣ его приѣзда, во время рекогносцировки. Это былъ лишь цвѣтъ дерева;—ягоды были впереди.

Быстро долетѣли всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ имама — чрезъ лазутчиковъ — и до командующаго войсками: возвратившись съ рекогносцировки, онъ имѣлъ ихъ цѣлый коробъ — даже въ значительно преувеличенномъ видѣ, — что составляетъ страсть горскаго шпіона, рассчитывающаго получить за наиболѣе серьезныя свѣдѣнія побольше денегъ. Кромѣ того, самая рекогносцировка убѣдила Николая Ивановича, что нужно вести дѣло, какъ можно поспѣшнѣе; что горцы, дѣйствительно, усиливаются и одушевляются; что нужно поскорѣе захватить впереди себя побольше пространства, чтобы воспрепятствовать непріятелю къ устройству противъ насъ всевозможныхъ искусственныхъ преградъ и, наконецъ, что нужно принять мѣры къ огражденію безопасности отряда въ самомъ лагерѣ.

Обозрѣніе мѣстности, произведенной генераломъ наканунѣ, показало слѣдующее: въ двухъ верстахъ отъ лагеря, на бугрѣ, было кладбище; за кладбищемъ дорога, на незначительномъ разстояніи, шла по этому же бугру, потомъ перерѣзывала неглубокій оврагъ и, перейдя на противоположную сторону, круто поворачивала влѣво, на возвышенное плато, обруженное съ трехъ сторонъ густымъ лѣсомъ; съ этой возвышенности она нисходила на большую варандинскую поляну. Намъ необходимо было уничтожить лѣсъ на плато, служившій главною преградю къ движенію на варандинское поле. Такъ какъ этотъ лѣсъ, среди всей указанной мѣстности, долженъ былъ служить для непріятеля наилучшимъ убѣжищемъ при сопротивленіи нашимъ войскамъ, то слѣдовало быть увѣреннымъ, что горцы стануть отстаивать его всѣми своими силами.

Такъ оно и случилось.

8-го іюля, за часъ до разсвѣта, изъ лагеря выступила колонна, подъ начальствомъ полковника Баженова, въ составѣ 2-го и 5-го баталіоновъ куринскаго полка, 4-го баталіона тенгинскаго полка, 1-го баталіона бѣлостокскаго полка, двухъ ротъ 20-го стрѣл-

коваго баталіона, 4-й стрѣлковой роты тенгинскаго полка, горныхъ взводовъ №№ 5-го и 6-го батарей, 20-й артилерійской бригады, для рубки лѣса на указанномъ выше мѣстѣ и вообще, работки дороги по направленію къ большому Варанды. Взводъ 6-й батареи находился въ авангардѣ, гдѣ былъ баталіонъ тенгинскаго полка, и имѣлъ у себя въ прикрытіи первую роту стрѣлковаго баталіона; горныя же орудія 5-й легкой батареи были помѣщены между баталіонами куринскаго полка. Дойдя до кладбища, полковникъ Баженовъ приказалъ занять его — и остаться на немъ для обезпеченія нашего движенія — одной ротѣ стрѣлковаго баталіона и стрѣлковой ротѣ тенгинскаго полка, подъ командою маіора Коноплянскаго; остальные войска потянулись далѣе.

Движеніе происходило среди полнаго затишья до самой окраины оврага—почти на разстояніи трехъ верстѣ; но лишь только головной баталіонъ (тенгинскаго полка) коснулся этой окраины, какъ съ противоположной стороны и изъ самаго оврага обдало его залпомъ нѣсколькихъ сотъ ружей. Артилеріи стрѣлять по балкѣ было невозможно, ди и некогда, потому что необходима была чрезмѣрная быстрота дѣйствій; вслѣдствіе чего, баталіонъ, открывъ по непріятелю бѣглый огонь, ринулся въ балку, продолжая его и на ходу, и затѣмъ, такъ стремительно выскочилъ на ту сторону и съ крикомъ ура! ударилъ въ штыки, что горцы, не успѣвъ даже вновь зарядить свои винтовки, моментально исчезли,—какъ будто ихъ здѣсь никогда и не существовало.

Поляна, на которой очутился авангардъ, и куда за нимъ вошли остальные войска, была съ трехъ сторонъ открыта ружейному огню непріятеля, а лѣсъ на поворотѣ дороги, тянувшейся по ней, представлялъ ему лучшую охрану для дѣйствій по насъ съ тыла. Тутъ полковникъ Баженовъ остановилъ часть колонны и два орудія легкой № 5-го батареи и приказалъ немедленно и быстро рубить лѣсъ и очистить отъ него окраины поворота; самъ же двинулся впередъ, занялъ дальнюю оконечность плато, установилъ тамъ

другія два орудія и также велѣлъ рубить лѣсъ по скатамъ возвышенности. Едва только части заняли указанные имъ позиціи и приступили къ работѣ, какъ непріятель съ трехъ сторонъ открылъ огонь, напирая преимущественно съ фронта. По первому его натиску изъ правой балки, паходившейся у поворота дороги, орудіе № 5-го легкой батареи дало ему отпоръ картечью съ дистанціи 70 саж. (3 л.), а затѣмъ, учащеннымъ огнемъ, восемью обыкновенными гранатами, — пятью, съ дистанціи 100 саж. (7,5 л.) и тремя — съ дистанціи 170 саж. (14 л.). Эти выстрѣлы отбросили горцевъ подальше и заставили ихъ навремя пріостановить стрѣльбу; но время это было короткое: черезъ полчаса они опять ее возобновили и стали снова налегать на арьергардъ. Навстрѣчу имъ, одна за другою, были посланы еще три гранаты, съ дистанціи 200 саж. (17,5 л.), которыя и удержали ихъ здѣсь въ приличномъ отдаленіи до самаго конца рубки.

Въ то-же время гремѣла и ожесточенная пальба въ авангардѣ, гдѣ прапорщикъ Щурскій, на залпы непріятели, отвѣчалъ семью обыкновенными гранатами: тремя — съ дистанціи 200 саж. (17,5 л.) и четырьмя — съ дистанціи 225 саж. (20,5 л.). Послѣ этихъ выстрѣловъ, непріятель и здѣсь затихъ на нѣкоторое время, какъ-бы собираясь съ новыми силами. А новыя силы, въ лицѣ десятковъ людей, дѣйствительно, прибывали къ нему ежеминутно; — это были тѣ скопища, которымъ Шамиль приказалъ являться безъ замедленія.

Въ 10-ть часовъ утра, значительно усилившись и положась на свою многочисленность, горцы ринулись толпою на лѣвую цѣпь колонны и, сдѣлавъ залпъ, намѣревались, повидимому, броситься въ шашки. Но орудія наши были насторожѣ, — и не успѣлъ затихнуть въ воздухѣ гулъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, взводъ легкой № 6-го бат. пустилъ въ непріятели, одну за другою, три гранаты, съ дистанціи 125 саж. (9,5 л.). Не взирая на это, горцы дерзко приближались къ авангарду, уже обнажая свои шашки,

стремясь на стрѣлковую роту и прямо подъ дула орудій мгновенно послѣдовали три картечныхъ выстрѣла, съ дистанціи 70 саж. (3 л.). Однако, ожесточеніе горцевъ было такъ велико, что и картечь ихъ не остановила; — напротивъ того, этотъ отпоръ какъ-бы удвоилъ ихъ рѣшимость, и они, окрестя голову, бросились на роту, которую, повидимому, заранѣе считали своею жертвою. Навстрѣчу имъ встряхнулся рядъ штыковъ, стрѣлки ринулись впередъ съ привычнымъ боевымъ кликомъ — и непріятель исчезъ въ глубинѣ лѣса.

Съ начала аргунской экспедиціи и до восьмага іюля горцы еще ни разу не дрались съ такимъ ожесточеніемъ. По всему было замѣтно, что они рѣшились на всѣ жертвы, лишь-бы отстоять наши поползновенія въ глубину шатоевскаго общества, покореніе котораго могло быть предсмертною агоніею сѣвернаго Кавказа.

Усмотрѣвъ такую необыкновенную рѣшимость непріятеля, полковникъ Баженовъ призвалъ съ кладбища еще одну стрѣлковую роту на усиленіе авангарда и для замѣны ею первой роты стрѣлковаго баталіона, которая почти исключительно принимала и держивала на себѣ огонь непріятеля.

Рота прибыла; непріятель пока молчалъ, будто отдыхая; рубка лѣса продолжалась.

Затишье было около четырехъ часовъ.

По истеченіи этого времени, съ лѣваго фаса авангардной колонны снова раздался залпъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ. Орудія, заранѣе заряженные, привѣтствовали этотъ залпъ, послѣдовательно, восемью обыкновенными гранатами: пятью—съ дистанціи 200 саж. (17,5 л.) и тремя — съ дистанціи 225 саж. (20,5 л.).

До какихъ крайнихъ предѣловъ достигли самоувѣренность и какое-то опьяненіе горцевъ, навѣянное на нихъ „газаватомъ“ Шамиля — видно изъ того, что и непрерывная, даже артилерійская, стрѣльба, не только не могла унять ихъ, но какъ-бы болѣе ихъ ожесточила, вызывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ухищреніе и истинно

геройскіе подвиги: орудійный огонь заставилъ ихъ навремя замолчать, но не осадилъ; — послѣ восьми выстрѣловъ — и, нельзя сказать, неудачныхъ — они припрятали свои винтовки, приняли къ землѣ и ползкомъ начали подбираться къ цѣпи. Движеніе ихъ, однако, было замѣчено: загремѣла пальба въ цѣпи и, въ поддержку стрѣлкамъ, посыпалась орудійная картечь; — четыре выстрѣла, съ дистанціи 60 саж. (3 л.) застлали пулями всю окружающую мѣстность справа налѣво.

При всемъ томъ, и эти выстрѣлы, несомнѣнная польза которыхъ для насъ была видима и естественна, не привели къ желаемому результату: горцы доползли-таки до балки, куда, по незначительному разстоянію, нельзя было дѣйствовать изъ орудій, и скрылись въ ней, время отъ времени перестрѣливаясь съ пѣхотою.

Имѣя въ виду такой сильный натискъ со стороны непріятеля и отгадывая по немъ, что скопища значительны, генераль Евдокимовъ могъ ожидать, среди ночи, нападенія и на главный лагерь, — тѣмъ болѣе, что въ немъ оставалось такъ мало войскъ. Руководясь этими соображеніями, онъ отозвалъ изъ колонны полковника Баженова 2-й куринскій и 1-й бѣлостокскій баталіоны и, на смѣну ихъ, прислалъ четвертый куринскій баталіонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Баженовъ получилъ приказаніе — держаться на своей позиціи до особаго распоряженія. Конечно, цѣль этого распоряженія была та, чтобы укрыть отъ опасности главный лагерь, гдѣ находился штабъ и походное имущество войскъ.

Полковникъ Баженовъ стянулъ колонну, быстро устроилъ засѣку и остался въ ней почевать. Конечно, солдаты дремали съ ружьями у плеча и съ отертыми патронными сумами, а артилерія и вовсе не смыкала глазъ.

Однако, ночь прошла спокойно.

Въ дѣлѣ 8-го іюля у насъ раненъ 20-го стрѣлковаго баталіона штабсъ-капитанъ Вороновъ, а изъ нижнихъ чиновъ четыре

убито и тридцать пять ранено; кромѣ того, во взводѣ легкой № 6-го батареи убита упряжная артилерійская лошадь.

Оставшись въ засѣлкѣ, колонна полковника Баженова каждый день подновляла и укрѣпляла ее какъ возможно лучше, потому что по ночамъ горцы не оставляли насъ тамъ въ покоѣ. Дерзость ихъ доходила до того, что они, пользуясь темнотою, подкрадывались къ самой стѣнкѣ, такъ что явственно было слышно у насъ, внутри огады, шлепанье ихъ чевякъ. Въ это время они выискивали себѣ какую нибудь жертву и высматривали оплошность съ нашей стороны. Но колонна всегда принимала всѣ мѣры предѣсторожности—и удобнымъ моментомъ непріятель не могъ воспользоваться: часовые стояли на одномъ мѣстѣ, молча, тихо, не давая повода подозрѣвать о своемъ существованіи; дежурная рота, орудія, залого, секреты—не обнаруживали ни единымъ вздохомъ того, что они—живые люди;—съ сумерокъ и до разсвѣта никто изъ нихъ не смыкалъ ни одного глаза. Словомъ, на всякій случай, колонна всю ночь была наготовѣ — и въ то-же время не отвѣчала горцамъ ни на какіе призывные клики и брань, ни на ихъ пальбу. Горцы, уже не разъ выученные опытомъ, очень хорошо знали, что эта тишина зловѣщая — и не смѣли атаковать засѣлки; но, усмотревъ они какъ нибудь случайно тамъ какой нибудь переполохъ, безпечность, замѣшательство,—они, всею своею массою, навѣрное бы проглотили эту засѣлку, такъ какъ, по зову Шамиля, ихъ набралось уже вокругъ насъ, впереди и сзади, до десяти тысячъ чело-вѣкъ.

Засѣлка, вслѣдствіе такого своего положенія, получила у насъ названіе маленькаго Севастополя.

Шамиль ликовалъ, озираясь вокругъ себя и обозрѣвая свое многочисленное войско, которое, въ такомъ сборѣ, столь рѣдко сосредоточивалось возлѣ него. Дѣйствія его отряда начались при немъ и продолжались далѣе, дѣйствительно, молодецки, — и это, конечно, радовало его еще болѣе. Онъ занялъ крѣпкую пози-

цію въ 3 — 4 верстахъ отъ маленькаго Севастополя, за оврагомъ Аххъ, въ виду богатыхъ ауловъ: большаго Варанды, Вашиндур, Цаганэ и др. и окружилъ себя, по обыкновенію, завалами.

Положеніе генерала Евдокимова было, относительно, затруднительнѣе, чѣмъ положеніе сгруппированнаго и сосредоточеннаго отряда имама. Наши войска, отъ Соси-Ирзау до Севастополя, были разбросаны на разстояніи почти пятнадцати верстъ, и едва лишь пятая часть ихъ ежедневно готова была подъ ружьемъ встрѣтить непріятеля, потому что остальные были постоянно въ лѣсахъ, съ топорами въ рукахъ. Но, не смотря на это, начальникъ отряда не унывалъ; онъ „надѣялся, что съ войсками, составляющими чеченскій отрядъ, всегда можно будетъ преодолѣть сопротивленіе горцевъ, какъ-бы оно упорно ни было“. Это его подлинныя слова и послѣдствія показали, что онъ не ошибался.

9-го іюля предполагалось — какъ можно пораньше, пока еще не встряхнутся горцы — занять лѣсъ по направленію къ большому Варанды, куда мы должны будемъ наступать, и очистить его. Чтобы усилить, для этого, средства полковника Баженова, командующій войсками прислалъ къ нему еще съ вечера 3-й баталіонъ бѣлостокскаго полка. На разсвѣтѣ колонна выступила изъ Севастополя; въ авангардѣ были 4-й и 5-й баталіоны куринцевъ; въ прикрытіе засѣки оставлены двѣ роты. Съ куринцами шель взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи, а взводъ орудій легкой № 5-го батареи слѣдовалъ въ арьергардѣ. Горцы, на этотъ разъ, нѣмного прозѣвали насъ, потому что было очень рано. Въ лѣсу они встрѣтили авангардъ слабымъ огнемъ, и куринцы проскочили на ту сторону болѣе или менѣе благополучно — хотя все-таки на штыкахъ — лишившись только трехъ раненыхъ; но за то, пока подошелъ арьергардъ, они уже успѣли занять опушки, а главное — верхушки деревьевъ, и встрѣтили насъ бѣглымъ огнемъ. Взводъ легкой № 5-го батареи, снявшись съ передковъ, сперва двумя картечными зарядами, а потомъ четырнадцатью обы-

кновенными гранатами, сбиль неприятеля съ деревьевъ, загналъ изъ опушекъ въ глубину лѣса и удерживалъ тамъ во все остальное время еще шестью гранатами, не допуская его къ колоннѣ даже на ружейный выстрѣлъ. Стрѣльба производилась: картечью — съ дистанціи 50 саж. (2 л.), первыми четырьмя гранатами — съ дистанціи 100 саж. (7,5 л.), послѣдующими четырьмя съ дистанціи 170 саж. (14 л.), затѣмъ, шестью гранатами съ дистанціи 250 сажень (23,5 л.), и, наконецъ, послѣдними шестью гранатами съ дистанціи 200 саж. (17,5 л.).

Въ шестомъ часу пополудни колонна возвратилась въ засѣку — безъ особеннаго преслѣдованія. Во взводѣ орудій легкой № 5-го батареи тяжело раненъ былъ въ этотъ день одинъ рядовой и убитъ двумя пулями упряжная лошадь.

9-го же іюля окончательно открыто сообщеніе главнаго лагеря съ Аргунскимъ укрѣпленіемъ, и всѣ больные и раненые отправлены были въ кр. Воздвиженскую, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона опять-таки куринскаго полка.

Работа ежедневно, въ буквальномъ смыслѣ слова, кипѣла во всѣхъ колоннахъ — какъ будто-бы мы завтра всѣ разомъ собирались умереть и боялись оставить наше дѣло неконченнымъ. Но, среди этой работы, смерть, дѣйствительно, царяла постоянно только надъ колбнною полковника Баженова, въ которой почти каждый день горцы вырывали изъ рядовъ ту или другую жертву и не давали войскамъ перевести духъ даже ночью, въ маленькомъ Севастополѣ. При этомъ неустанномъ, ужасномъ трудѣ, гдѣ словесная сила, казалось бы, могла надломиться, истощиться, трудно было между солдатами слышать какойнибудь связанный, болѣе или менѣе продолжительный разговоръ, — не то, что пѣсни, прибаутки и т. п. Хмурья, очень хмурья, грязныя и истощенныя физиономіи этихъ работниковъ не выражали на этотъ разъ ничего иного, какъ тупую, бессознательную покорность своей долѣ. Пища была скудная, плохая, потому что доставка провіанта до 9-го іюля

была еще крайне затруднительна, а имѣвшіеся запасы быстро оскудѣвали. Наконецъ, 10-го числа прибылъ изъ Воздвиженской первый солидный транспортъ — съ шанцевымъ инструментомъ и съ провизіею. Благодаря инструменту, въ тотъ же день заложено, у Зонаха, промежуточное укрѣпленіе и началась работа въ скалахъ — по соединенію Аргуна съ варандинскими высотами.

Тѣмъ временемъ, колонна полковника Баженова продолжала свое дѣло: на разсвѣтѣ, 10-го іюля, она выступила вновь на работу и заняла прежнюю позицію. Въ этотъ день рубили въ балкѣ. Цѣпь была выдвинута за балку. Непрiятель, засѣвъ за небольшимъ возвышеніемъ, поросшимъ кустарникомъ, время отъ времени давалъ знать о своемъ тамъ пребываніи ружейными выстрѣлами. Но, къ счастью, на этотъ разъ пальба его была для насъ безвредна. Тѣмъ не менѣе, пришлось угомонить его все-таки артилерійскимъ огнемъ, вслѣдствіе чего изъ горныхъ орудій взвода легкой № 5-го батареи одновременно было произведено три выстрѣла обыкновенными гранатами, съ дистанціи 340 сажень (25 л.).

Колонна возвратилась въ засѣку благополучно.

11-го іюля колонна, съ разсвѣтомъ, выступила изъ Севастополя по направленію къ аулу большому Варанды, въ составѣ, между прочимъ, одного лишь взвода легкой № 5-го батареи, въ прикрытіе которому была дана рота 20-го стрѣлковаго баталіона. Позиція была занята въ разстояніи двухъ верстъ отъ засѣки. Лишь только взводъ артилеріи сталъ на мѣсто, горцы открыли дальній ружейный огонь изъ лѣса. Имъ отвѣчали двумя обыкновенными гранатами, съ дистанціи 200 и 225 сажень (17,5 и 20,5 л.). Они замолчали и больше насъ не тревожили до окончанія рубки. Только при движеніи обратно въ засѣку, въ пять часовъ вечера, они вздумали вновь возобновить огонь по арьергарду, но преслѣдовать не рѣшились, потому что мѣстность на далекое пространство была уже открыта, и имъ невыгодно было высунуть изъ лѣса на свѣтъ божій свои

бритыя головы. На ихъ выстрѣлы утомленные солдаты не дали никакого отвѣта.

На слѣдующій день колонна полковника Баженова работала спокойно, — если не считать нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ со стороны непріятеля, которые для насъ были безвредны. Артилеріи не пришлось выпустить ни одного заряда. Но за то, сильная непріятельская партія обратилась на рабочую колонну полковника Наумова, который рубилъ лѣсъ надъ оврагомъ Ярашъ-Марды, и атаковала ее. Точчасъ топоры были оставлены — и мѣсто ихъ замѣнили ружья. Послѣ получасовой оживленной перестрѣлки, горцы бѣжали, лишивъ насъ трехъ рядовыхъ, которые были ранены.

Вообще, въ теченіи всѣхъ послѣднихъ дней, горцы сколько ни старались принести намъ возможно-существенный вредъ, не успѣвали въ своемъ намѣреніи, потому что вездѣ, куда вступали для работъ наши войска, всякія предосторожности были принимаемы съ большимъ благоразуміемъ, — да и сами солдаты не зѣвали; такъ что Шамиль въ эти дни, можно думать, былъ столько-же не въ духѣ, сколько и приходилъ къ убѣжденію, что его толпы лишь даромъ хлѣбъ ѣдятъ.

13-го іюля колонна полковника Баженова, въ составѣ, съ прочими войсками, четырехъ орудій, выступила съ разсвѣтомъ опять къ аулу б. Варанды и, немного не доходя до позиціи 11-го и 12-го іюля, заняла высоту. Орудіямъ пришлось стоять надъ балкою. Спустя полчаса послѣ того, какъ начали рубку лѣса, непріятель, съ противоположнаго края балки, открылъ огонь по артилерійской прислугѣ. Но тутъ справились живо: послали ему пять гранатъ, съ дистанціи 200 сажень (17,5 л.) и тѣмъ заставили замолчать и убраться во свояси.

14-го іюля работы продолжались, но почти безъ выстрѣловъ. Только вечеромъ, по возвращеніи въ засѣлку, когда артиллеристы, подъ прикрытіемъ роты, повели поить лошадей, изъ ближайшей

опушки начались выстрѣлы. Но рота быстро охладила неприятеля, осадивъ его въ глубину лѣса нѣсколькими десятками пуль.

Вообще, съ 10-го по 15-е іюля въ отрядѣ было убито четыре и ранено семь нижнихъ чиновъ.

Въ тотъ-же день, въ семь съ половиною часовъ вечера, взводъ горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи, 20-й артилерійской бригады, подъ командою прапорщика Разуваева, по приказанію начальника колонны, полковника фонъ-Кауфмана, снялся съ позиціи у аула Зонахъ, и, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ — куринскаго и бѣлостокскаго полковъ, двинулся въ главный лагерь. Хотя тутъ дорога была очищена отъ лѣса, но неполнѣ разработана для того, чтобы предпринимать по ней путешествія навстрѣчу ночи. Какая необходимость была отпривить взводъ въ главный лагерь именно теперь, а не завтра — объ этомъ нужно спросить у полковника Кауфмана. Выступленіемъ его тѣмъ болѣе необходимо было приостановиться, что въ семь часовъ пошелъ сильный дождь и началась гроза. Въ такое время и въ такую погоду можно было ожидать всякихъ случайностей; вообще-же, слѣдовало пожалѣть людей, которые и безъ того по цѣлымъ днямъ не знали ни отдыха, ни покоя.

Но кавказскимъ военачальникамъ съ давнихъ поръ привилось сознаніе, что солдатъ — машина, годная къ работѣ во всякую минуту;—поэтому, нечего съ нимъ церемониться. Не падить солдата, какъ-бы приучая его къ закалу, къ выносливости—было обыкновеніемъ. Но, спрашивается: нужны ли были еще, такъ сказать, искусственные въ этомъ случаѣ опыты, когда и естественныхъ, неизбежныхъ и ежедневныхъ было ужъ черезчуръ много?

Такъ или иначе, а взводъ выступилъ.

Лишь только онъ оставилъ позицію, гроза разразилась во всемъ своемъ горномъ ужасающемъ великолѣпіи: электрическій блескъ молніи ослѣплялъ глаза; скалы дрожали отъ неумолкаемыхъ взрывовъ грома; дорогу быстро размыло, и бѣдныя лошади скользили

надъ кручею, лишь руководимые однимъ инстинктомъ. Послѣ каждаго небеснаго фейерверка приходилось останавливаться, чтобы разсмотрѣть и ощупать подъ ногами землю; послѣ каждаго раската грома, лошади вздрагивали, готовыя рухнуть въ оврагъ; на людяхъ не было сухой нитки.

Вдругъ, послѣ нѣкотораго загишья, еще въ сотый разъ блестяла молнія, и раздался такой ужасный ударъ грома, что одну изъ артилерійскихъ лошадей мгновенно сорвало въ оврагъ и, какъ оказалось на утро, расшибло, отъ паденія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; другая, оглушенная этимъ страшнымъ ударомъ, замоталась, взвилась на дыбы и полетѣла вслѣдъ за нею. Но по пути она зацѣпилась за пень и нѣсколько пріостановилась. Только это обстоятельство дало возможность снять съ нея выюкъ и аммуницію. Затѣмъ, ее проводили книзу.

И подобнаго рода движеніе продолжалось въ теченіи четырехъ съ половиною часовъ, такъ что взводъ, съ своимъ прикрытіемъ, достигъ до лагеря почти въ полночь. Здѣсь онъ былъ поставленъ между третьимъ бѣлостокскимъ и вторымъ куринскимъ баталіонами.

Усталые, голодные и вымокшіе люди тотчасъ были встрѣчены своими однополчанами и кунаками, которые, не взирая на всѣ неистовства погоды, немедленно озаботились ихъ пригрѣть и накормить, чѣмъ Богъ послалъ.

На утро невзгода была какъ-бы забыта, и солдаты даже подтрунивали надъ самими собою, говоря: „вотъ привелъ Господь умыть-то рожу разъ въ двѣ недѣли; а то, гляди, думалось, что умереть, не въ добрый часъ, прійдется неумытымъ“.

Славный ты, бѣдный кавказскій солдатъ прошлаго боеваго времени! Мощь-то твоя изумительная, хоть и рожа неумытая!

15-го іюля, лишь только колонна полковника Баженова выступила за засѣку, — приказано было орудіямъ обстрѣлять то мѣсто, откуда наканунѣ, во время водопоя, горцы салютовали насъ сво-

ими пулями. Было сдѣлано два выстрѣла обыкновенными гранатами, съ дистанціи 300 саж. (30 л.). На рубеѣ было спокойно; баталіоны возвратились *домой* къ полудню.

16-го іюля рубка производилась вблизи тѣхъ мѣстъ, что и 8-го іюля, сажень на 100—150 лѣвѣе. Съ противоположнаго края балки горцы открыли огонь по артилерійской прислугѣ и по прикрытію. Отвѣтивъ имъ семью об. гранатами, съ дистанціи 260 сажень (24 л.), орудія заставили ихъ удалиться.

Въ этотъ же день, въ составъ артилеріи чеченскаго отряда вступилъ взводъ орудій легкой № 5-го батареи, 20-й артилерійской бригады, и полуудовый мортирный взводъ, находившійся на вооруженіи въ укрѣпленіи Аргунскомъ. Легкими орудіями командовалъ прапорщикъ Калининцовъ, выступившій изъ Воздвиженской 13-го іюля.

По ущелью, къ укр. Зонахъ, была уже разработана широкая и удобная проѣздная дорога, такъ что указанныя четыре орудія прошли по ней безирепятственно и вступили въ колонну полковника фонъ-Кауфмана.

17-го іюля, по пробитіи утренней зари, съ рабочею колонною полковника Баженова выступилъ взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи. Колонна двинулась къ аулу малому Варанды, потомъ поднялась на высоты, влѣво отъ дороги, и заняла тамъ позицію—примѣрно, верстахъ въ трехъ отъ лагеря. Около девяти часовъ утра, на противоположной горѣ, обнаженной отъ лѣса, показалась значительная партія горцевъ, направлявшаяся отъ большаго Варанды къ малому Варанды. По ней было сдѣлано три выстрѣла обыкновенными гранатами на разстояніи 325 сажень (33 л.). Въ одиннадцать часовъ утра колонна возвратилась въ засѣку.

Изъ состава артилеріи, кромѣ этого взвода, ходилъ еще 17-го іюля и взводъ горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи, 20-й артилерійской бригады,—въ прикрытіе пастьбы скота, невдали отъ лагеря. Особыхъ приключеній не произошло, равно какъ и 18-го іюля.

19-го іюля рабочая колонна двинулась снова къ аулу малому Варанды. Пройдя три версты, она остановилась, заняла позицію влѣво отъ дороги, и, оставивъ здѣсь взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи, подъ прикрытіемъ роты 20-го стрѣлковаго баталіона, разошлась по частямъ во всѣ стороны дѣлать свое дѣло.

Около восьми часовъ утра, въ лѣсу, гдѣ производилась рубка, раздался неожиданно залпъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ, который, вслѣдъ затѣмъ, перешелъ въ бѣглый ружейный огонь. Дѣло все состояло въ томъ, что горцы, пользуясь тѣмъ, что мы предварительно не обстрѣляли лѣса, въ которомъ они залегли заранѣе, бросились на нашу цѣпь и хотѣли ее прорвать, а потомъ посчитаться съ рабочими. Но цѣпь не дрогнула—хотя и не была приготовлена къ такой неожиданности—и, встрѣтивъ залпъ горцевъ огнемъ всей линіи, отстаивала себя до той минуты, пока подоспѣлъ резервъ. Послѣдній ударилъ въ штыки — и непріятель отхлынулъ. Артиллерія до этого времени дѣйствовать не могла, потому что легко перестрѣляла бы свою цѣпь, въ которой и безъ того было нѣсколько раненыхъ, — поэтому, она молчала. Но когда, по нашимъ выстрѣламъ, было видно, что горцы отброшены—орудія насторожили свои дула. Какъ-разъ, въ это время непріятель показался на небольшой полянѣ среди лѣса, — и въ ту же минуту по немъ было сдѣлано два выстрѣла об. гранатами, съ дистанціи 200 сажень (17,5 л.). Послѣ этого напугетвованія, пальба со стороны непріятеля совершенно прекратилась, и онъ толпами пошелъ по горѣ, въ свой лагерь. Тропа, по которой онъ шелъ — какъ легко было видно—извивалась по широкой полянѣ, среди чащи лѣса. Усмотрѣвъ это, прапорщикъ Щурскій приказалъ привести орудія на эту поляну. Онъ не ошибся: не прошло четверти часа, какъ горцы, кучка за кучкою, вышли на поляну. Тогда свергнули наши трубки —и раздался залпъ двухъ орудій, съ дистанціи 275 сажень (27 л.). Гранаты разорвало на самой лощинѣ. Непріятель массою кинулся впередъ; вслѣдъ ему полетѣли еще двѣ гранаты, съ дистанціи 300

сажень (30 л.) и, наконецъ, въ догонку еще одна граната, съ дистанціи 350 сажень (38 л.).

Лишь только поручикъ Кулешовъ, остававшійся въ засѣлкѣ, услышалъ первый залпъ горцевъ и, затѣмъ продолжительную пальбу, онъ приказалъ немедленно выдвинуть орудія. Прислуга на рукахъ выкатила ихъ за ограду и въ нѣсколько минутъ встали на небольшой бугоръ, находившійся въ пятнадцати саженьяхъ отъ засѣлки. Это было очень встать, потому что когда непріятель показался на полянѣ, среди лѣса, и Щурскій открылъ ему огонь въ тылъ, орудіямъ Кулешова пришлось, какъ нельзя лучше, вторить Щурскому — во флангъ горцамъ и наперерѣзъ ихъ дороги. Кулешовъ не замедлил — и учащеннымъ огнемъ отправилъ къ Батовѣ пять обгранатъ, съ дистанціи 325 сажень (33 л.). Это окончательно сконфузило воиновъ Шамиля: застигнутые, такъ неудачно для нихъ, съ фланга и съ тыла, они быстро и въ безпорядкѣ разбѣжались во всѣ стороны.

Этотъ ли урокъ, или что иное — доставили намъ слѣдующій день вполне покойный, для горцевъ совершенно безобидный; ни съ одной стороны не было сдѣлано даже ружейнаго выстрѣла.

Убѣждаясь, что, съ вырубкою лѣсовъ, сама природа стала на нашу сторону, и что нанести намъ какой-нибудь существенный вредъ пока рѣшительно невозможно, Шамиль пустился на новыя выдумки: онъ приказалъ строить тяжелые плоты и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, по изготовленіи, пустить ихъ, одинъ за другимъ, внизъ по теченію Аргуна и тѣмъ сорвать нашъ мостъ у Зонаха. Какая была его дальнѣйшая цѣль — осталось тайною, потому что плоты не достигли по назначенію: они были встрѣчены, съ нашей стороны, не доѣзжая до моста, береговыми баррикадами и, прибывъ, такимъ образомъ, въ наши владѣнія вполне благополучно, послужили олячнымъ матеріаломъ для нашихъ работъ по укрѣпленію самаго моста и зонахскаго редута. Много было хохота у солдатъ надъ этими ухищреніями имама, который, какъ дитя, ослѣпленный

какими-то несбыточными надеждами побороть насъ, глушилъ съ утра до вечера.

Въ теченіи времени съ 15-го по 21-го іюля, во всѣхъ перестрѣлкахъ у насъ было убито трое и ранено двѣнадцать нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля была намъ неизвѣстна; но, судя по встрѣчамъ, которыя онъ испыталъ, должно полагать, что она была очень много чувствительнѣе нашей.

Наступилъ день 21-го іюля — день, который долго былъ памятенъ нашему солдату, какъ урокъ, доказавшій, насколько иногда можетъ быть гибельна въ войнѣ оплошность и безпечность, и насколько со стороны каждаго воина — кто бы онъ ни былъ — необходима осторожность, самоохраненіе и предусмотрительность.

Когда вторая стрѣлковая рота тенгинскаго полка выступала изъ Владикавказа въ экспедицію — двѣ хорошенькія барыни: жена г. Я. и ея сестра, дѣвица Ч., теперь проживающая въ Гифлисѣ, вдова, вышили для этой роты разными шелками великолѣпный значокъ. Командиръ роты торжествовалъ, фельдфебель пріятно склалбился, а самая рота была очень довольна: значить, полюбилась барынямъ. Другія роты смотрѣли на этотъ значокъ съ завистью и досадливо поговаривали:

— Вишь, стрѣлкамъ лафа; — на то они и стрѣлки: значить, хорошо стрѣляютъ.

При врученіи значка было множество пожеланій, увѣреній въ томъ, что онъ имѣетъ магическую силу, что онъ сохранить, бережетъ отъ всѣхъ невзгодъ, а наипуще — отъ непріятельской пули.

Выступили въ походъ. Волшебный значокъ рѣялъ, среди другихъ значковъ, красиво и гордо — съ сознаниемъ своего достоинства и назначенія.

Пришли въ чеченскій отрядъ. Ничего себѣ: значокъ стран-

ствоваль съ ротою то туда, то сюда, и, какъ мы видѣли доселѣ, болѣе или менѣе благополучно.

Наконецъ, 21-го числа его назначили въ прикрытіе рабочихъ при рубкѣ лѣса.

Рубка производилась между главнымъ лагеремъ и маленькимъ Севастополемъ, на добрый орудійный выстрѣлъ отъ перваго изъ нихъ и, конечно, въ виду войскъ, оставшихся въ большомъ лагерѣ.

Рубили, какъ слѣдуетъ—добросовѣстно. Цѣпь держала стрѣлковая рота съ волшебнымъ значкомъ; въ резервѣ былъ взводъ 13-й роты куринскаго полка.

Нароботавшись, солдаты признали нужнымъ — отдохнуть и мало-мальски подзакусить сухарикомъ. Разсѣлись—гдѣ кто стоялъ; было восемь часовъ утра; кругомъ—тихо. Эта безмятежная тишина павѣяла спокойствіе и на душу красиваго значка: цѣпь присѣла, сблизила немного свои пары, положила возлѣ себя ружья — и ну, валять въ носки и въ фильку. Откуда тутъ и карты взялись!

Было очень весело: солдатика тѣшились, отпуская другъ другу удары картами по загорѣлымъ, раскраснѣвшимся носамъ. Никакихъ гостей, конечно, не ждали.

Но непрощенные гости—покрой ихъ мать-земля!—сами догадались явиться.

Цѣпь занимала пространство по окраинѣ лѣсистой балки, даже оврага; кругомъ—также лѣсъ.

Въ балку, между тѣмъ, залѣзъ какимъ-то образомъ нашъ старый знакомый—Батока, да не одинъ, а, примѣрно, со ста-пятидесятью собѣ подобныхъ. Захотѣлось Батокѣ полюбопытствовать, почему это вдругъ сдѣлалось такъ тихо: ни стука топоровъ не слышно, ни паденія деревьевъ незамѣтно; словомъ, какъ будто все вымерло. Подирался наибъ поближе и видитъ—значокъ рѣветъ красиво, а солдатика—рѣжутся въ картишки. Батока канальски и лукаво улыбнулся, а потомъ, кошачьею поступью возвратился къ

своимъ и поманулъ ихъ рукою къ себѣ съ обѣихъ сторонъ, приложивъ указательный палецъ другой руки къ своимъ тонкимъ губамъ, обрекая тѣмъ всѣхъ своихъ воиновъ на гробовое молчалие. Разъяснивъ шопотомъ своему войску въ чемъ дѣло, Батока отдалъ соотвѣтственныя приказанія, приникъ, съ частью своей ватаги, къ землѣ и—то ползкомъ, то на четверенькахъ—сталь взбираться къ окраинѣ врага.

А стрѣлы и въ усъ не дуютъ.

Но вотъ, въ то самое время, когда одинъ изъ нихъ занесъ валега бубенъ надъ носомъ своего товарища и готовился шлепнуть земляка во всю ивановскую—раздался въ двухъ шагахъ отъ цѣпи отчаянный гикъ, и до ста человекъ чеченцевъ безъ выстрѣла ударили въ шапки на лѣвый флангъ цѣпи, отрѣзали ее отъ резерва и начали крошить направо и налево. Когда затихъ этотъ гикъ, мы всѣ, почти зрители дѣла, разинули рты и остановились, не зная, что дѣлать. Два горныхъ орудія легкой № 5-го батареи, стоявшія на переднемъ фасѣ главнаго лагеря, какъ-разъ были направлены къ злополучному врагу, но стрѣлять изъ нихъ было бы безразсудно, такъ какъ всѣ догадались, въ чемъ дѣло, и знали хорошо, что каждая граната, пущенная по направленію чеченскаго крика, перестрѣляетъ и нашихъ. Такимъ образомъ, артилерія оставалась безмолвна.

А въ это время въ рядахъ несчастныхъ стрѣлковъ происходили ужасныя сцены: чеченцы рвали съ нихъ сумки, аммуницію, отбирали ружья, раздѣвали ихъ донага и рубили на котлеты. Еслибы они не увлеклись поживою, на добычу которой уходило много времени, а ограничились бы только боемъ—весь лѣвый флангъ цѣпи буквально былъ бы вырѣзанъ. Но жадность, а въ особенности стремленіе завладѣть оружіемъ и зарядами, сократили число жертвъ, павшихъ подъ ударами непріятельскихъ шапекъ.

Здѣсь я передамъ случай, который слышалъ отъ командира

куринскаго взвода, бывшаго въ резервъ, прапорщика или подпоручика Гринфелда, товарища моего дѣтства.

На каждаго стрѣлка приходилось по крайней мѣрѣ по пяти горцевъ, которые раздѣвали, обирали свою жертву и, наконецъ, убивали ее. Одинъ изъ стрѣлковъ бросился наземь и думалъ какъ-нибудь улизнуть между деревьями и валежникомъ. Конечно, ружья при немъ какъ и не бывало. На бѣду, его примѣтилъ рослый чеченецъ и съ обнаженною пашкою кинулся на него. Бѣдный солдатъ, совершенно растерявшійся, поднялся на колѣна и умоляюще сложилъ руки. Жалость, что-ли, одолѣла горца,—но только онъ опустилъ пашку и показалъ солдату рукою, что тотъ долженъ раздѣваться. Солдатъ не заставилъ себя долго ждать — и давай сбрасывать все, что на немъ было, такъ усердно, что въ двѣ минуты остался въ томъ видѣ, въ какомъ родился отъ матери. Чеченецъ, безъ сомнѣнiя, помогаль ему весьма нецеремонно—хотя и обстоятельно. Когда, на эготъ разъ уже счастливый, солдатъ отдалъ все, что было на немъ и при немъ, то вновь, сложивъ руки, просилъ не убивать его. Чеченецъ далъ ему затрецину, свалилъ наземь, моментально сгребъ двумя руками кучу валежника, пополамъ съ гнилыми листьями, набросилъ это покрывало на своего клиента, живо подобралъ его костюмъ и аммуницію—и исчезъ. Солдатъ остался живъ.

Обирая солдатъ, горцы тутъ-же сбрасывали въ оврагъ ружья, сумы и ихъ платье, которыя тамъ, внизу, подбирали оставшіеся сподвижники Батокъ. Туда-же, въ оврагъ, были сброшены ударами пашекъ и нѣкоторыя изъ нашихъ солдатъ.

Вся рѣзня и затишье продолжались не болѣе семи минутъ. По истеченiи этого времени, горцы открыли бѣглый огонь по остальнымъ парамъ цѣпи, спасавшимся бѣгствомъ. Это, кажется, очнуло всѣхъ, и на отчаянную пальбу чеченцевъ прежде всего полувзводными залпами отвѣчалъ резервъ, который, заряжая, затѣмъ,

ружья на ходу, бросился на выручку товарищей. Почти одновременно съ нимъ подоспѣлъ сюда-же маіоръ Ксархаки, съ двумя ротами тенгинскаго полка,—и каждое дерево какъ-бы загремѣло нѣсколькими пулями. Непрiятель былъ сбитъ, прогнанъ въ оврагъ; Батока былъ раненъ.

Но увы! къ довершенію нашего несчастія, исчезъ и волшебный значокъ.

О, Батока, Батока! ты на дѣлѣ доказалъ всю тщету дамскихъ сувенировъ, все ихъ ничтожество въ боевомъ отношеніи, и все безсиліе на войнѣ ихъ магическаго обаянія.

Благодаря алчности горцевъ, употребившихъ значительную часть времени на декольтированіе нашихъ солдатъ, потеря наша была, относительно, невелика: 13-ть изрубленныхъ и 10 человекъ сильно раненыхъ. Сколько помнится, мы не досчитались у себя четырнадцати ружей.

Когда резервъ открылъ пальбу—это послужило признакомъ къ тому, что можно ввести въ дѣло и артилерію; поэтому, прапорщикъ Щурскій, находившійся въ составѣ злополучной колонны, пустилъ въ оврагу три обыкновенныя гранаты съ дистанціи 200 сажень (17,5 л.). Но эти запоздалые выстрѣлы едва-ли могли принести непріятелю какой-нибудь вредъ.

VIII.

Еще одно очень неудавшееся предприятие Шамиля. Ночное нападение на маленький Севастополь; разрушение его и замена временным редутомъ. Наступление къ аулу б. Варанды. Гора Сажонъ-Дукъ. Бомбардирование. Виленцы исчезли. Штурмъ и взятие Сажонъ-Дука. Количество истраченныхъ артилерійскихъ зарядовъ. Деморализация въ войскѣ имама. Непрiятельская батарея. Мосты. Воздушное путешествие куринцевъ подъ начальствомъ маiора Эрпрота. Возобновление моста. Безпокойное положенiе горцевъ и перестрѣлка вокругъ лагеря. Переправа колонны полковника Черткова и штаба командующаго войсками на ур. Гавко. Мостъ провалился. Новые наши подданные. Редутъ уступленъ безъ боя. Наши аванпосты, еще засѣба и еще одно отраженiе непрiятеля. Уничтоженiе засѣби у аула м. Варанды. Перенесенiе лагеря на ур. Гавко. Последнiй здѣсь дебютъ артилерiи.

Послѣ взрыва — наступило затишье. До 28-го iюля мы продолжали наши работы, изрѣдка перестрѣливались ружьями, но ни разу не стрѣляли изъ орудiй.

Видно было, что Шамиль о чемъ-то думалъ и что-то готовлялъ. Такъ и вышло: убѣжденный, что ничего рѣшительнаго здѣсь предпринять не можетъ, и что не каждый-же день можетъ повторяться катастрофа двадцать перваго iюля, имамъ рѣшился перемѣнить диверсiю; — онъ задумалъ поднять противъ насъ галашевцевъ, галгаевцевъ, карабулаковъ и другiя общества вблизи Владикавказа, и съ этою цѣлью, отдѣливъ изъ своего девяти-тысячнаго отряда половину, онъ ночью, съ 24-го на 25-е iюля, двинулся черезъ Аю въ галашевское общество.

Генераль Евдокимовъ, черезъ лазутчиковъ и покорившихся намъ жителей, узналъ объ этомъ тотчасъ-же—и тотчасъ-же отпра-

вилъ изъ своего отряда, навстрѣчу Шамилю, начальника чеченскаго округа, полковника Бѣлика, съ тремя сотнями казаковъ и тремя сотнями милиціи, а полковнику Алтухову, находившемуся въ укр. Шали, предписалъ идти форсированнымъ маршемъ къ Владикавказу—съ двумя дивизіонами драгунъ, пятью сотнями казаковъ и однимъ дивизіономъ конныхъ орудій.

Касаясь военныхъ дѣйствій въ районѣ чеченскаго округа, близъ Владикавказа, я поставленъ въ необходимость сдѣлать это потому, что задача настоящей статьи состоитъ въ описаніи не однихъ только боевыхъ дѣлъ и движеній аргунскаго отряда, но вообще, въ указаніи на всѣ событія 1858 года въ Чечнѣ. Такимъ образомъ, я намѣренъ сдѣлать перечень этихъ событій вездѣ, гдѣ бы то ни было, для того, чтобы не оставить пробѣловъ въ моей задачѣ. Но такъ какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ малой Чечнѣ, я самъ не участвовалъ, то мнѣ остается одно — обратиться къ официальному донесенію объ нихъ генерала Евдокимова главнокомандующему арміею. Участникамъ же дѣла предоставляю изложить факты въ надлежащей полнотѣ и подробностяхъ.

Изъ донесенія генерала Евдокимова видно слѣдующее:

„Войска, оставшіяся въ окрестности Владикавказа и на верхней Сунжѣ, составили, вмѣстѣ съ прибывшими войсками, два отряда; одинъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Мищенко, изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ дивизіоновъ драгунъ, 13-ти сотенъ казаковъ, 2-хъ христіанскихъ и 2-хъ мусульманскихъ сотенъ осетинской милиціи, двухъ легкихъ, двухъ горныхъ и шести конныхъ орудій; и другой—подъ начальствомъ полковника Бѣлика — изъ 10½ ротъ пѣхоты и 10-ти сотенъ казаковъ, при 2-хъ батарейныхъ, 2-хъ легкихъ и 2-хъ конныхъ орудіяхъ.

„Шамиль прибылъ въ Мужичь-аулъ, галашевскаго общества,

съ передовыми скопищами, 27-го числа, и оставался тамъ до 30-го числа, въ ожиданіи прибытія остальныхъ, которое замедлилось испорченными отъ проливныхъ дождей дорогами, а между тѣмъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы возмутить противъ насъ покорныя племена. Нѣкоторая часть жителей изъ горныхъ обществъ: галгаевского, карабулакского и галашевского пристали къ нему и усилили его толпу.

„По первому извѣстію о прибытіи Шамиля въ Мужичъ, генераль-маіоръ Мищенко выступилъ съ своимъ отрядомъ, 27-го іюля, изъ Владикавказа и занялъ позицію на лѣвомъ берегу Сунжи, въ 15-ти верстахъ выше укр. Назрановскаго, противъ акіуртовскаго ущелья.

„Въ полдень, 30-го числа, Шамиль двинулся по послѣднему ущелью, съ намѣреніемъ напасть на отрядъ генерала Мищенко и потомъ обратиться противъ полковника Бѣлика. Въ 3 часа пополудни скопище его начало выходить на плоскость и разбивать палатки.

„Генераль-маіоръ Мищенко, желая выманить непріятели на плоскость, чтобы потомъ атаковать его при болѣе выгодныхъ условіяхъ, для нанесенія ему рѣшительнаго пораженія, съ намѣреніемъ оставался на своей позиціи. Въ пять часовъ, когда получено было извѣстіе, что значительная часть силъ Шамиля спустилась на плоскость, онъ двинулся двумя колоннами: правая, подъ начальствомъ подполковника Козлова, состоявшая изъ 6-ти сотенъ казаковъ, 4-хъ сотенъ осетинской милиціи и 2-хъ конныхъ орудій, направилась къ аулу Измаиль и получила приказаніе привлечь на себя вниманіе непріятели; а лѣвая, подъ начальствомъ полковника Алтухова, при которой находился и самъ генераль-маіоръ Мищенко, состоявшая изъ двухъ дивизионовъ драгунъ, пяти сотенъ казаковъ и четырехъ конныхъ орудій, переправясь черезъ Сунжу противъ аула Нагліева, двинулась въ обходъ непріятели, на правый его флангъ. Пѣхота, съ двумя сотнями казаковъ, двумя лег-

кими и двумя горными орудіями, оставалась на прежней позиціи, въ видѣ общаго резерва.

„Непріятель, обративъ все свое вниманіе на правую колонну, готовился атаковать ее,—когда неожиданное появленіе на правомъ его флангѣ лѣвой колонны привело его въ совершенное замѣшательство. Выславъ впередъ наѣздниковъ, чтобы завязать перестрѣлку и удержать движеніе нашихъ войскъ, Шамиль торопился отступать; но было уже поздно. Обѣ колонны одновременно атаковали его, обратили въ бѣгство и вогнали въ тѣснину, гдѣ наносили страшное пораженіе столпившемуся непріятелю. Есауль Пистолькорсъ, спѣшивъ двѣ сотни казаковъ, прошелъ на дорогу горою и отрѣзалъ часть непріятельской толпы, которая большею частію погибла подъ ударами нападавшихъ на нее со всѣхъ сторонъ войскъ нашихъ.

„Пораженіе непріятеля было полное. Оставивъ на мѣстѣ болѣе 370 труповъ, 84 лошади, 424 ружья, 280 пашекъ, 445 пистолетовъ и кинжаловъ, 14 палатокъ, въ которыхъ найдена была постель Шамиля и кухонная посуда его, и одну лошадь съ походною кузницею, Шамиль бѣжалъ безостановочно до Мужича, гдѣ, переждавъ разсвѣта, продолжалъ бѣгство чрезъ Алкунъ въ Мереджи. Толпы его разсѣялись по разнымъ дорогамъ, преслѣдуемая и истребляемая мѣстными жителями, которыхъ онъ надѣялся возмутить. Съ нашей стороны было убито 14 и ранено 16 казаковъ и милиціонеровъ, большею частію изъ мусульманъ осетинской милиціи“.

Таково было донесеніе генерала Евдокимова.

Теперь возвратимся къ нашему отряду, дневникъ котораго мы остановили на двадцать восьмомъ числѣ іюля.

28-го числа колонна вновь выступила на рубку — къ аулу

б. Варанды и заняла позицію въ двухъ верстахъ отъ засѣлки, на горѣ, обнаженной отъ лѣса. Здѣсь мѣстность уже была вполне открытая, и горцы не могли что либо предпринять, вслѣдствіе чего войска возвратились къ полудню на свое мѣсто безъ выстрѣла. Но за то, ночью, непріятель, какъ видно, хотѣлъ навестать то, что потерялъ днемъ, — а, можетъ быть, вновь рассчитывалъ на нашу ошлошность: въ составѣ значительной партіи онъ засѣлъ въ оврагѣ и за оврагомъ прогнѣв маленькаго Севастополя и, давъ сигнальный выстрѣлъ, открылъ бѣглый огонь по часовымъ и по палаткамъ. Тогда орудія, заряженныя заблаговременно, на всякій непредвидѣнный случай, картечью и обыкновенными гранатами, изъ обоихъ взводовъ дали ему знать, что для него бесполезно продолжать дальнѣйшую перестрѣлку. Было выпущено: изъ взвода № 5-го батареи—одинъ картечный зарядъ, съ дистанціи 100 сажень (12 л.); изъ взвода № 6-го батареи—одинъ картечный—съ той-же дистанціи, и двѣ обыкновенныя гранаты, съ дистанціи 125 сажень (9,5 л.).

29-го іюля, войска, за исключеніемъ немногихъ частей, отдыхали. Мортирный полушудовый взводъ, который принялъ въ командованіе подпоручикъ Разуваевъ (братъ прапорщика) отъ поручика Бѣлецкаго, выбывшаго, за болѣзнію, изъ отряда, съ двумя ротами линейнаго № 10-го баталіона, прикрывая собою часть обоза главнаго отряда, перешелъ, на закатѣ солнца, въ колонну полковника Баженова; кромѣ того, ночью прибылъ туда-же и взводъ орудій батарейной № 4-го батареи, 20-й артилерійской бригады, подъ командою подпоручика Мамацева, который вступилъ въ составъ дѣйствующаго отряда наканунѣ; наконецъ, взводъ орудій легкой № 5-го батареи, снабженный усиленною упряжью, поднялся изъ Зонаха, по весьма удобной и уже хорошо разработанной дорогѣ, въ главный лагерь и вступилъ въ составъ своего дивизіона, которымъ командовалъ капитанъ Парчевскій.

Съ вечера отдано было приказаніе—быть готовыми къ выступленію. Всѣ съ радостью приняли это распоряженіе, потому

что скучная и однообразная была стоянка; наконецъ, и застоялись-таки долго на одномъ мѣстѣ. Вслѣдствіе предстоявшаго выступленія, а также и потому, что засѣлка полковника Баженова не могла вмѣстить въ себя всѣхъ, прибывшихъ въ этотъ день въ колонну войскъ, въ особенности артилерію, — началось разрушеніе маленькаго Севастополя, отслужившаго свою службу. Взамѣнъ его, на курганѣ, отстоявшемъ отъ позиціи сажень на сто, въ нѣсколько часовъ возникъ маленькій временный редутъ, который занялъ взводъ поручика Мамацева, съ баталіономъ бѣлостокскаго полка.

Разнесся слухъ, что мы должны на угро готовиться къ серьезному бою. Солдаты, поужинавъ, усердно помолились Богу, переимѣнили бѣлье, вымылись — кто могъ, и прикорнули на землю, въ ожиданіи, что пошлетъ имъ судьба на слѣдующій день.

Генераль Евдокимовъ, получая ежедневно подробныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ и движеніяхъ Шамиля въ малой Чечнѣ, не могъ не воспользоваться раздѣленіемъ его силъ и отступленіемъ его изъ шатоевскаго общества, вслѣдствіе чего торопился довершить свои планы—занятіемъ главныхъ пунктовъ: большаго Варанды, большой шатоевской долины и верховьевъ Аргуна. Странно, что имамъ былъ на этотъ разъ несообразителенъ: онъ не могъ не освоиться съ тактикою генерала и не убѣдиться изъ всѣхъ его дѣйствій, что онъ клонятся вовсе не къ тому, чтобы остановиться и засѣсть у малаго Варанды. Это было замѣтно для простаго и неопытнаго взгляда. И если только Шамиль сколько нибудь думалъ объ этомъ, то онъ видѣлъ, что подготовка къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ вполнѣ созрѣла, и что въ такую рѣшительную минуту не слѣдовало ему ослаблять и оставлять своего отряда, — если-бы даже всѣ шансы были на то, чтобы возмутить нѣкоторыя покорныя намъ общества Чечни и Осетіи.

Но видно, счастье вполнѣ перестало служить владыкѣ горъ, и самая сила обстоятельствъ, сама судьба вела его въ петлю. Въ тотъ день, 30-го іюля, когда онъ съ такою увѣренностію ожидалъ

съ нами боя и затѣмъ, потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе — другой, не менѣе рѣшительный, ударъ былъ нанесенъ ему въ самомъ сердцѣ горъ.

30-го же іюля, за часъ до разсвѣта, командующій войсками двинулъ отрядъ къ большому Варанды слѣдующимъ образомъ: впереди, подъ начальствомъ полковника Баженова, колонну изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, роты стрѣлковаго баталіона и взвода горныхъ орудій легкой № 5-го батареи, подъ командою поручика Кулешова, которая, обогнувъ передовой редутъ, поднялась влѣво на гору, прикрывая этимъ маневромъ движеніе главныхъ силъ, наступавшихъ по прямой дорогѣ. Черезъ два часа, когда эта колонна, послѣ труднаго подъема, заняла лѣвыя господствующія по пути высоты, двинулся весь отрядъ. Изъ всей артилеріи составлена была колонна въ центрѣ войскъ, между баталіонами куринскаго полка.

День былъ прекрасный, хотя и жаркій; солдаты шли бодро, не смотря на всѣ понесенные ими труды: на лицахъ такъ и написано было удовольствіе, что разстались, наконецъ, съ надобъшею стоянкою. Версты три дорога шла среди рѣдкаго лѣса, по буграмъ и косогорамъ и по недавно разработанной просѣкѣ, а затѣмъ, кончалась у обширной больше-варандинской поляны, теряясь здѣсь въ густой высокой травѣ и обильныхъ посѣвахъ. Но тутъ въ ней не было и надобности,—иди, куда хочешь. Въ глубинѣ этой поляны былъ разбросанъ аулъ большой Варанды; впереди его — глубокій оврагъ, въ которомъ протекала небольшая рѣчка, и вслѣдъ за оврагомъ вздымалась, покрытая кое-гдѣ рѣдкимъ лѣсомъ, гора Саяунъ-Дукъ. Она охватывала собою всю поляну съ двухъ сторонъ и только изъ оврага несла на себѣ три дороги,—такъ что обойти эту гору не было возможности, а по необходимости приходилось наступать на нее по этимъ дорогамъ. Саяунъ-Дукъ хотя вполовину менѣе Даргинъ-Дука, но значительно круче его. Изъ трехъ дорогъ, лѣвая была отложе другихъ, но перерыта канавами и заграждена

завалами, прикрывавшимися башнею, торчавшею недалеко отъ вершины горы; на половинѣ средней дороги возвыпался также заваль изъ поваленныхъ, какъ видно было, весьма недавно, деревьевъ, — что можно было заключить изъ зелени, еще не усохшей на этихъ деревьяхъ; это былъ самый крутой и тяжелый подъемъ, полуотвѣсно восходившій изъ оврага на вершину Саюнъ-Дука. Третья, правая, хотя была значительно шире двухъ предыдущихъ и допускала наступленіе колонною, но кругизна ея не уступала крутизнѣ средней дороги. Невдали отъ вершины горы, по протяженію третьей дороги, было еще два завала. Масса горцевъ тѣснилась на вершинѣ Саюнъ-Дука, по всему протяженію горы. Чуть только отрядъ началъ выстраиваться на полянѣ, съ горы послышалось протяжное пѣніе тысячи голосовъ: „ля-илляхиль-алла“.

Останавливая вниманіе на позиціи, которую избрали для себя горцы на вершинѣ Саюнъ-Дука, нельзя не прийти къ заключенію, что она, по отношенію къ нашимъ войскамъ, не усвоивала за собою для непріятеля значенія даже хорошей оборонительной мѣстности, — не говоря о томъ, что не могла предоставить ему возможности защищать ее, по немѣнью у него изряднаго запаса артилерійскихъ орудій. По первому взгляду было видно, что для насъ эта позиція, столько-же почти неодолимая при дѣйствіи штыкомъ и ружейными выстрѣлами, должна была очень быстро уступить бомбардированію, потому что вся гора, вплоть до ея вершины, не имѣла никакихъ вполне закрытыхъ мѣстъ, въ родѣ лѣсистыхъ овраговъ, балокъ и т. п., которыя-бы не могли быть съ успѣхомъ обстрѣливаемы нами. Должно полагать, что сами горцы придавали этой позиціи лишь значеніе относительное — какъ возможной естественной преградѣ, оберегавшей собою другія за нею, болѣе важныя для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ, мѣстности. Это доказывалось тѣмъ, что ихъ артилерія, за исключеніемъ одного орудія, была поставлена въ особомъ пунктѣ, надъ Аргуномъ, по ту сто-

рону горы, а эта послѣдняя, при нашемъ орудійномъ огнѣ, была уступлена безъ того крайняго ожесточеннаго сопротивленія, которое мы здѣсь надѣялись встрѣтить.

Но такъ или иначе, а, по вступленіи нашемъ на поляну, горцы приняла противъ насъ угрожающее положеніе, хотя сами пока не открывали огня. Толпы ихъ видимо сгущались и увеличивались въ объемѣ, а пѣсня раздавалась все громче и протяжнѣе.

Генералъ Евдокимовъ, внимательно осмотрѣвъ гору по всѣмъ ея направленіямъ, приказалъ размѣстить орудія для бомбардированія ея. Артилерія выдвинулась впередъ, остановилась не въ дальнемъ разстояніи отъ оврага и расположилась слѣдующимъ образомъ: на лѣвомъ флангѣ, возвышавшемся надъ прочею мѣстностію, гдѣ было нѣсколько пустыхъ сабель — два горныхъ орудія легкой № 5-го батареи, подъ командою штабсъ-капитана Кнорринга; правѣе и ниже — взводъ горныхъ орудій той-же батареи, подъ командою поручика Кулешова, который прибылъ сюда въ колоннѣ полковника Баженова; въ центрѣ — батарея изъ двухъ орудій горной № 4-го батареи и двухъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи; послѣднія, впрочемъ, въ половинѣ боя, примкнули къ орудіямъ штабсъ-капитана Кнорринга, противъ которыхъ непріятель усилилъ свои толпы. Еще правѣе были поставлены, на возвышенности, за плетнемъ, двѣ полупудовыя мортиры, подъ командою подпоручика Разуваева и, наконецъ, на правомъ флангѣ, подъ прикрытіемъ пятаго куринскаго баталіона и роты 20-го стрѣлковаго баталіона, два орудія легкой № 5-го батареи, подъ командою прапорщика Кашинцова.

Не кончилъ еще непріятель своего похороннаго пѣнія, какъ повзводно, съ пятисекунднымъ перерывомъ, раздались залпы двѣнадцати орудій. Когда разсѣялся дымъ—пѣніе прекратилось, и непріятель разрѣдѣлъ; съ горы грянулъ орудійный выстрѣлъ, и между пятымъ куринскимъ баталіономъ и взводомъ легкихъ орудій упало

ядро. Впрочемъ, оно было первымъ и послѣднимъ. По мѣрѣ того, какъ непріятельская масса двигалась то вправо, то влѣво, какъ-бы ища защиты и прикрытія отъ нашихъ снарядовъ—въ особенности, въ устроенной имъ на горѣ засѣтѣ — бѣглый артилерійскій огонь настигалъ ее на всѣхъ пунктахъ. Наконецъ, горцы сбились на лѣвой сторонѣ горы и скрылись за широкимъ холмомъ, противъ взвода легкихъ орудій. Тогда, по приказанію командующаго войсками, мортиры были сняты съ своего мѣста и, на рукахъ прислуги и казаковъ дежурной сотни начальника отряда, перенесены на крышу одной изъ сакль аула, почти рядомъ съ орудіями прапорщика Кашинцова. Мортирамъ предлежало, согласно приказанію, очистить сперва отъ непріятели завалы и протяженіе горы, а потомъ, вмѣстѣ съ легкими орудіями, обратить огонь на вершину горы. Послѣ нѣсколькихъ полупудовыхъ гранатъ, горцы десятками стали выскакивать изъ-за заваловъ и изъ кустарниковъ, покрывавшихъ гору, и бѣжали вправо, потомъ наверхъ. Въ тоже время и такимъ-же порядкомъ орудія Кнорринга дѣйствовали по башнѣ и по заваламъ, находившимся на лѣвой дорогѣ. Непріятель и изъ этихъ мѣстъ бѣжалъ вразсыпную, вспархивая на вершину Саюнъ-Дука съ легкостію птицы. По мѣрѣ достиженія этихъ результатовъ, генераль Евдокимовъ приказывалъ все болѣе и болѣе учащать пальбу, такъ что орудія гремѣли, буквально, бѣглымъ огнемъ. Не смотря на то, что банники смачиваемы были водою, дула орудій были настолько горячи, что нельзя было дотронуться до нихъ рукою.

Когда начальникъ отряда убѣдился, что на скатахъ горы нѣтъ болѣе непріятели, онъ приказалъ готовиться къ наступленію, и, между прочимъ, назначилъ на штурмъ по одной изъ дорогъ баталіонъ виленскаго полка. Начальникъ штаба, подполковникъ Носовичъ, который долженъ былъ передать это приказаніе баталіону, извѣздилъ всю поляну, опросилъ всѣ части и не нашелъ виленцевъ. Тогда на розыски былъ отправленъ адъютантъ гене-

рала Кемпфѣрта — поручикъ Леонтовичъ, который былъ не менѣе счастливъ въ этомъ случаѣ, какъ и подполковникъ Носовичъ: виленцы какъ будто сквозь землю провалились. Получивъ отрицательный докладъ и поручика Леонтовича, начальникъ отряда приказалъ командующему артилеріею, подполковнику Тверитинову, послать своего адъютанта. Состоявшій при подполковникѣ Тверитиновѣ за адъютанта, фейерверкеръ В., избородилъ все поле не хуже предыдущихъ двухъ офицеровъ—и виленцевъ все-таки не нашелъ. Наконецъ, возвращаясь съ докладомъ, по иному уже направленію, В. нечаянно наѣхалъ на какихъ-то людей, преспокойно лежавшихъ въ высокихъ хлѣбахъ больше-варандинскаго поля, какъ будто въ избѣ за печкою. Оказалось, что это были виленцы, которые, оставивъ пока всю боевую работу на долю артилеріи, отдыхали — впредъ до востребованія.

Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство крайней безопасности въ бою войска, которое уже было достаточно обстрѣляно для того, чтобы рисковать подобными отступленіями, могущими въ нужныя минуты обходиться очень дорого и ложиться послѣдствіями на участь цѣлаго отряда.

Штурмовыя колонны, скинувъ ранцы и полукафтаны и оставшись въ однихъ рубахахъ, съ патронгашами и съ ружьями у плеча, начали спускаться въ оврагъ. На штурмъ по средней дорогѣ были назначены наши старые знакомые — мескендукскіе герои — куринцы пятаго баталіона, вмѣстѣ съ другимъ баталіономъ того-же полка. Въ хвостѣ этой колонны, которою начальствовалъ флигель-адъютантъ полковникъ Чертовъ, слѣдовалъ взводъ горной № 4-го батареи; по правой дорогѣ назначено было наступать полковнику Баженову; по лѣвой—генералу Кемпфѣрту, въ колоннѣ котораго, подъ прикрытіемъ роты 2-го сапернаго баталіона, слѣдовалъ взводъ горныхъ орудій легкой № 5-го батареи, штабсъ-капитана Кнорринга.

Лишь только колонны двинулись, генералъ Евдокимовъ при-

казаль еще болѣе участить артилерійскую пальбу по всему протяженію вершины горы и, стрѣляя черезъ головы штурмовыхъ колоннъ, остановиться лишь тогда, когда у нихъ раздастся барабанный бой.

Канонада продолжалась со всею, почти неестественною, быстрою. Тѣмъ временемъ, штурмовыя колонны, перейдя оврагъ, карабкались все выше и выше, подъ жгучими лучами солнца.

Снарядъ за снарядомъ, осѣняя ихъ головы, обезпечиваль имъ дорогу и заставляль разбѣгаться тѣхъ смѣльчаковъ, которые почему-либо рисковали до сихъ поръ засидѣться за завалами, въ башнѣ или перелѣскахъ. Правая штурмовая колонна была выше другихъ, и первая подала сигналъ о прекращеніи артилерійской пальбы: саженяхъ въ тридцати отъ вершины горы раздался барабанный бой и за нимъ продолжительное „ура!“ Колонна вскинула ружья на руку и, ускоривъ шагъ насколько было возможно—приближалась къ вершинѣ; артилерія остановила огонь. Въ эту самую минуту, откуда ни возмись, навстрѣчу баталіонамъ выросла, какъ изъ земли, непріятельская партія, открывъ ружейную пальбу. Отвѣтивъ ей залпомъ перваго ряда, передняя рота взбѣжала на вершину Саюнъ-Дука и штыками отбросила горцевъ, которые бѣжали во всѣ стороны, не ожидая, пока подойдутъ остальные роты. Масса горцевъ—пѣшихъ и конныхъ—стремглавъ летѣла вдаль по направленію къ Аргуну, полуоборотомъ влѣво отъ колонны полковника Баженова. Тотчасъ за этою колонною, и остальные двѣ вступили на вершину, сняли орудія со выюковъ и остановились для роздыха и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Саюнъ-Дукъ взятъ съ потерею, въ колоннѣ полковника Баженова, только двухъ раненыхъ: одного оберъ-офицера и одного рядоваго; въ остальныхъ двухъ колоннахъ урона не было.

При бомбардированіи горы количество истраченныхъ артилерійскихъ снарядовъ было слѣдующее: во взводѣ орудій штабсъ-капитана Кнорринга обыкновенныхъ гранатъ 56, съ дистанціи 450

сажень (48 л.); во взводѣ поручика Кулешова—32, съ дистанціи 400 сажень (42 л.); во взводѣ легкихъ орудій прапорщика Кашинцова—ядеръ 28, съ дистанціи 550 сажень (46 л.) и гранатъ 38 съ той-же дистанціи (57 л.); во взводѣ горныхъ орудій легкой № 6-го б., на первой позиціи, гранатъ 9, съ дистанціи 350 сажень (38 л.), а на второй позиціи, при обстрѣливаніи разныхъ пунктовъ горы, обыкновенныхъ гранатъ 36, съ дистанціи въ 275, 300, 325 и 350 сажень (27, 30, 33, 38 л.); во взводѣ орудій горной № 4-го батареи — обыкновенныхъ гранатъ 20, съ дистанціи 375 сажень (40 л.); въ мортирномъ взводѣ — на первой позиціи полупудовыхъ гранатъ 14, съ дистанціи 500 сажень, подъ угломъ въ 45° , при зарядѣ въ 48 золотниковъ, и на второй позиціи—13, съ дистанціи 450 сажень, подъ угломъ 45° , при зарядѣ въ 45 золотниковъ.

Такимъ образомъ, общее число выпущенныхъ снарядовъ—246. Хотя, положимъ, подобное количество артилерійскихъ снарядовъ въ кавказской войнѣ, при одномъ только—и то непродолжительномъ — боѣ, немножко велико; но если взять во вниманіе, что отъ артилерійской стрѣльбы исключительно зависѣла участь дѣла; что, при этомъ, ружейныхъ патроновъ израсходовано не болѣе 100, и что, наконецъ, только при такомъ единственномъ вспоможеніи артилеріи у насъ вышло изъ строя двое, тогда какъ, при слабой и рѣдкой пальбѣ, пришлось-бы штурмовать каждый заваль и подпадать каждому изъ солдатъ любой непріятельской пулѣ, не будучи въ состояніи отвѣчать на нее снизу вверхъ, — то окажется, что расходъ и затрата боевыхъ зарядовъ произведены расчетливо, благоразумно и относительно — экономно.

Вообще, можно сказать, что горцы отстаивали себя слабо; и, если не считать тѣхъ немногихъ выстрѣловъ, которые были сдѣланы ими навстрѣчу колоннѣ полковника Баженова, то слѣдуетъ прийти къ заключенію, что Саюкъ-Дукъ достался намъ почти безъ боя. Горцы, видимо, опустили руки и защищали свою твердыню—

какъ-бы для формы. Причину такого равнодушія слѣдуетъ искать столько-же въ отсутствіи здѣсь Шамиля, который никогда не былъ-бы такъ уступчивъ, сколько и въ раздорѣ между мѣстными защитниками страны—чеченцами, и ихъ пришлыми сподвижниками — тавлинцами. Разладъ между ними произошелъ тотчасъ по вступленіи Шамиля въ малую Чечню, и онъ былъ явленіемъ весьма естественнымъ. Хотя Шамиль былъ увѣренъ въ дружелюбіи и согласіи своего сборнаго отряда, потому что всѣхъ одинаково привелъ къ присягѣ на газаватъ, но дикіе и голодные тавлинцы думали и дѣйствовали иначе: не придавая никакого значенія этому газавату и даже не понимая его смысла, они были рады лишь случаю жить и кормиться на чужой счетъ, выказывая ко всему остальному—въ особенности, къ жертвамъ въ пользу чеченцевъ—полнѣйшее равнодушіе. Вслѣдствіе этого, имъ было рѣшительно все равно — побѣдятъ-ли чеченцы, или будутъ побѣждены: это дѣло ихъ не касалось. Чеченцы-же, наоборотъ, столько-же заботились пока объ охраненіи себя отъ русскаго вліянія, сколько и о своихъ семействахъ, которыя были въ глубинѣ лѣсовъ и частію требовали ихъ присутствія. Оставивъ, такимъ образомъ, своихъ одновѣрцевъ болѣе или менѣе безъ пропитанія и безъ должнаго, въ боевомъ отношеніи, пособія, они, конечно, возбудили противъ себя неудовольствіе этихъ пришлецовъ и ихъ полнѣйшее равнодушіе къ дѣлу. При началѣ бомбардированія, тавлинцы еще шѣли иѣсни вмѣстѣ съ чеченскими мюридами; но когда увидѣли, что настала минута нешуточная, они первые ретировались, предоставивъ чеченцамъ, если желаютъ, отстаивать Саюнь-Дукъ согласно своему усмотрѣнію. Этимъ и объясняется столь слабое сопротивленіе непріятеля при взятіи горы, которую, до послѣдней возможности, пришлось защищать небольшой горсти лишь однихъ чеченцевъ.

Когда войска перешагнули вершину Саюнь-Дука—открылась новая обширная и обнаженная отъ лѣса, возвышенная надъ рѣвою, поляна, перерѣзанная надвое Аргуномъ, къ которому съ

обѣихъ сторонъ она склонялась довольно отлого. Это — шатоевская долина, и на ней аулы — Вашингуръ и Цаганэ. Вверхъ по теченію Аргуна и по правую его сторону поляна эга, называемая урочищемъ Гакко, упиралась въ невысокую лѣсистую гору, на выступѣ которой виднѣлась трехорудійная непріятельская батарея, прикрытая брустверомъ и полузакрытая деревьями. Батарея была устроена очень удачно, потому что могла дѣйствовать во всѣ стороны, а въ особенности, внизъ по теченію рѣки. Возлѣ каждаго изъ ауловъ былъ переброшенъ черезъ рѣку мостъ. Для насъ эти мосты были чрезвычайно важны, потому что они открывали намъ выходъ на правую сторону Чангы-Аргуна. Вслѣдствіе этого, командующій войсками, взвѣхавъ на гору непосредственно за штурмовою колонною генерала Кемпферта и, давъ нѣсколько вздохнуть войскамъ, тотчасъ-же направилъ часть изъ нихъ на эти мосты, чтобы охранить ихъ отъ уничтоженія. Но, увы! верхній мостъ былъ уже объятъ пламенемъ, а отъ нижняго едва уцѣлѣла только незначительная часть, которая давала возможность перешагнуть на ту сторону лишь съ опасностію жизни. Не взирая на это, маіоръ Эрнротъ, съ двумя ротами куринцевъ, быстро устремился къ остаткамъ этого моста, переправилъ нѣсколько человекъ на ту сторону Аргуна, при помощи ихъ устроилъ веревочныя перила и затѣмъ, перешелъ съ ротами на правый берегъ Аргуна и занялъ вторую половину долины — урочище Гакко. Въ отрядѣ былъ тогда общій говоръ, что маіоръ Эрнротъ не получалъ никакого приказанія на это воздушное путешествіе; что онъ его предпринялъ самовольно и долженъ будетъ подлежать отвѣтственности. Но, къ счастью, послѣднее обстоятельство не оправдалось на дѣлѣ, а о первомъ не могу утверждать положительно.

Такъ или иначе, а маіору Эрнроту принадлежитъ первая честь занятія той мѣстности, на которой нынѣ построено укрѣпленіе Шатоевское; такъ или иначе, а все-таки пришлось воспользоваться его услугою и тотчасъ-же приступить къ возобновленію моста.

Въ прикрытіе уцѣлѣвшаго моста возлѣ аула Цаганэ и двухъ молодецкихъ ротъ куринцевъ, безъ замедленія былъ направленъ взводъ горныхъ орудій легкой № 5-го батареи, поручика Кулепова, который занялъ позицію по сю сторону, на террасѣ, надъ Аргуномъ, на разстояніи полорудійнаго выстрѣла отъ непріятельской батареи. Едва только Кулеповъ установилъ свои орудія, а маіоръ Эрнротъ переправилъ на ту сторону, по канату, половину роты, непріятельская батарея, при пособіи небольшой партіи, разсѣянной по берегу, въ закрытыхъ мѣстахъ, открыла огонь. Въ горномъ взводѣ въ это время пулею былъ раненъ одинъ рядовой. Чтобы очистить берегъ отъ непріятели, орудія обстрѣляли его картечнымъ огнемъ—при чемъ было выпущено пять зарядовъ, съ дистанціи 100 сажень (12 л.), — а потомъ обратились къ батарее, которую заставили замолчать тринадцатю обыкновенными гранатами, на разстояніи 250 сажень (23, 5 л.).

По лѣвому-же берегу Аргуна, на первой половинѣ шатоевской долины, войска, въ составѣ артилеріи, были расположены слѣдующимъ образомъ: на вершинѣ Саюнъ-Дука — часть пѣхоты, со взводомъ орудій горной № 4-го батареи, который, время отъ времени, стрѣляя по незначительнымъ партіямъ, скрывавшимся по ту сторону горы въ небольшихъ лѣсистыхъ балкахъ, выпустилъ до вечера 9 гранатъ—съ разныхъ дистанцій; взводъ горныхъ орудій штабсъ-капитана Кнорринга, по вступленіи на гору, былъ направленъ впередъ и въ полоборота налѣво, во флангъ непріятельской батареи, по долину, замѣтно спускавшейся здѣсь къ лѣсистому оврагу, и занялъ позицію надъ обрывомъ сего послѣдняго, между Вашиндуромъ и Цаганэ; сюда-же былъ присланъ, въ числѣ другихъ, и пятый баталіонъ куринскаго полка, который, вмѣстѣ съ остальными, здѣсь находившимися частями войскъ, составилъ авангардъ отряда, подъ начальствомъ генераль-маіора Кемпферта, оградивъ себя впереди засѣкою. Едва только наша нога коснулась этой позиціи, изъ оврага и съ правой стороны Аргуна на-

чалась ружейная неприятельская пальба. Все пространство вокруг лагеря было очищено отъ неприятеля сперва четырьмя картечными зарядами, съ дистанціи 100 сажень (12 л.), а потомъ, въ теченіи остальнаго дня и ночи, двадцатью восемью обыкновенными гранатами, которыя стрѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ въ отвѣтъ на выстрѣлы—и, притомъ, весьма неудачные—неприятельской батареи. Взводъ легкихъ орудій и мортирный взводъ, спустившись съ Саюнъ-Дука, заняли позицію лѣвѣ аула Цаганэ, въ углу, образуемомъ поворотомъ рѣчки, и тотчасъ открыли огонь гранатами по неприятельскому редуту и по находившейся тамъ партіи, съ дистанціи 550 сажень. Изъ полупудоваго единорога было выпущено 10 обыкновенныхъ гранатъ (57 л.), а изъ мортирь—17 гранатъ, подъ угломъ 45°, при зарядѣ 50 золотниковъ. Взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи, вмѣстѣ со вторымъ баталіономъ куринскаго полка, былъ оставленъ въ аулѣ большомъ Варанды.

При наступленіи отряда на Саюнъ-Дукъ, полковникъ Наумовъ, съ двумя баталіонами навагинскаго полка, прикрывалъ выюки и вообще транспортъ, который выступилъ изъ бывшаго лагеря по слѣдамъ главнаго отряда. Подъ начальствомъ полковника Наумова находился, между прочимъ, и взводъ горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи, прапорщика Разуваева. У аула большаго Варанды колонна эта остановилась и простояла на мѣстѣ пять часовъ, пока всѣ выюки поднялись на Саюнъ-Дукъ. При этомъ, во взводѣ прапорщика Разуваева, выстрѣломъ одной картечной гранаты (старога заготовленія), съ дистанціи 200 сажень (29 л.) была разсѣяна незначительная партія горцевъ, стрѣлявшихъ по колоннѣ изъ-за кургана. Въ три часа пополудни, когда выюки поднялись на гору, колонна отступила опять въ аулъ м Варанды.

31-го іюля, съ разсвѣтомъ, неприятель оставилъ свой бивакъ на правомъ берегу Аргуна, за лѣсомъ, гдѣ былъ его редутъ, и, раздѣлившись на нѣсколько, болѣе или менѣе значительныхъ партій, сталъ появляться у нашихъ передовыхъ постовъ, не рѣшаясь,

впрочемъ, подходитъ къ нимъ ближе 100 сажень. Противъ засѣки, въ которой находился маіоръ Юргенсонъ съ пятымъ баталіономъ куринцевъ, вся балка и поляна по ту сторону небольшого лѣса были заняты непріятельскими значками. По всѣмъ маневрамъ горцевъ было замѣтно, что они или готовятся къ нападенію, или чѣмъ-то встревожены, или чего-то особеннаго ожидаютъ; вообще, приготовленія къ какому-то дѣйствию были весьма явны. Чтобы предупредить осуществленіе перваго изъ указанныхъ предположеній, штабсъ-капитанъ Кноррингъ открылъ картечный огонь изъ двухъ орудій, съ дистанціи 100 саж. (12 л.), по балкѣ и по одной изъ отдѣлившихся партій, вытягивавшейся вправо, за лѣсомъ. Послѣ восьми картечныхъ выстрѣловъ, горцы сперва разсѣялись, но потомъ вновь стали появляться, отдѣльными группами—уже на разстояніи значительно дальнемъ. Тогда орудія пустили въ нихъ семнадцать обыкновенныхъ гранатъ, съ дистанціи 300 сажень (30 л.). Среди этой пальбы было нѣсколько такихъ гранатъ, которыя съ математическою точностію рвало на данномъ мѣстѣ. Это, вѣроятно, много способствовало тому, что подъ выстрѣлами штабсъ-капитана Кнорринга до слѣдующаго утра не промелькнула ни одна непріятельская винтовка.

Но за рѣвкой, въ виду полубаталіона маіора Эрнрота, горцы, то появляясь, то вновь скрываясь въ лѣсу, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ беспокоили колонну ружейными выстрѣлами, большая часть которыхъ оставалась, впрочемъ, въ высокомъ берегу Аргуна. Послѣ долгаго терпѣнія, необходимо было откликнуться на эти выстрѣлы, въ особенности тогда, когда дерзость горцевъ достигла ста двадцати пяти сажень разстоянія отъ нашихъ орудій. Три картечныхъ выстрѣла (13 л.) отбросили ихъ отъ насъ болѣе чѣмъ на удвоенную дистанцію; но и тутъ они продолжали изощряться въ разряженіи своихъ винтовокъ — и изощрялись весьма долго, до поздняго обѣда, — такъ что пришлось разновременно послать имъ двадцать двѣ обыкновенныя гранаты, съ дистанціи 260

сажень (24 л.). Вообще, съ ранняго утра непріятель болѣе всего напиралъ на этотъ пунктъ. Ясно было — и не требовало доказательствъ — что, усмотрѣвъ еще наканунѣ горсть нашихъ храбрцовъ, пробравшихся такъ непрошено на ур. Гакко и оставшихся тамъ отрѣзанными и изолированными, онъ поставилъ свою задачу во что бы ни стало отгнать и прогнать ихъ оттуда, — и не посѣвши генераль Евдокимовъ прикрыть съ этой стороны Эррота колонною, вмѣстѣ съ артилеріею, то они бы еще въ истекшую ночь попытали бы счастья; — неизвестно, что было бы тогда съ двумя храбрыми ротами и съ ихъ отважнымъ командиромъ, которымъ суждено было еще цѣлый день выдерживать натискъ большей части непріятельскихъ наличныхъ силъ. Бѣдные куринцы, голодные, измученные бессонницею — потому что въ теченіи двухъ дней приходилось держать наготовѣ глаза, уши и ружья — истративъ почти всѣ свои заряды, какъ кроты въ норѣ, лѣпились у обрывистаго берега, полагаясь лишь на охранявшія ихъ съ лѣваго берега орудія и на бывшихъ тамъ своихъ товарищей. Положеніе ихъ 31-го іюля, съ самаго утра, было до такой степени затруднительное, что генераль Евдокимовъ счелъ необходимымъ усилить взводъ поручика Кулешова двумя мортирами, которыя не замедлили явиться на подмогу. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что горный взводъ легкой № 5-го батареи уже не разъ принимался считать, сколько у него осталось картечныхъ зарядовъ и сколько обыкновенныхъ гранатъ, и послѣ каждаго счета воздерживался отъ всякаго лишняго выстрѣла, чтобы не пустить въ ходъ, по необходимости, безполезныя на этотъ разъ картечныя гранаты или гранаты съ кусками зажигательнаго состава. Мортирный взводъ значительно поддержалъ Кулешова и Эррота. Въ теченіи дня, съ воздержаніемъ и экономіею, онъ отправилъ къ горцамъ десять полунудовыхъ гранатъ, съ дистанціи 500 сажень (подъ угломъ въ 45°, при зарядѣ въ 48 золотниковъ). Эти тридцать пять выстрѣловъ, а также и ружейный огонь, держали непріятеля въ приличномъ отдаленіи до самой ночи.

Одновременно съ партіями, появившимися съ утра впереди нашего авангарда и на ур. Галко, показались партіи горцевъ въ лѣсу, по сѣверному склону горы Саюнъ-Дука, и у переправы, близъ аула большаго Варанды. Первая изъ нихъ была отбита и разсѣяна пятью обыкновенными гранатами изъ орудій прапорщика Алексѣева, съ дистанціи 200 сажень (17,5 л.), а вторая — четырьмя обыкновенными гранатами, изъ орудій прапорщика Щурскаго, съ дистанціи 250 сажень (23,5 л.).

Въ четыре часа пополудни прибылъ въ отрядъ черводарскій транспортъ съ провіантомъ, подъ прикрытіемъ колонны полковника Наумова, состоявшей изъ двухъ баталіоновъ навагинскаго полка и взвода горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи, 20-й артиллерійской бригады. Колонна эта заняла мѣсто на отрогѣ Саюнъ-Дука, возлѣ своихъ однополчанъ. Лишь только орудія снялись съ передковъ, вблизи лѣваго фаса лагеря начали появляться изъ лѣса, одна за другою, небольшія непріятельскія партіи, каждая численностію не свыше 10—12 человекъ. По мѣрѣ того, какъ онѣ группировались, изрѣдка измѣряя выстрѣлами разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ колонны, командиръ взвода привѣтствовалъ ихъ шестью обыкновенными гранатами, съ дистанціи 300 сажень (30 л.). Черезъ часъ эти гранаты разогнали всѣ партіи въ разныя стороны.

Къ закату солнца, мостъ у аула Цаганэ былъ наскоро возобновленъ—и двѣ куринскія роты вздохнули свободно. Генералу Кемпферту приказано было немедленно перейти на урочище Галко съ колонною, состоявшею изъ четырехъ баталіоновъ и четырехъ горныхъ орудій. Началась переправа. Лишь только вступила на мостъ и столпилась на немъ первая рота передоваго эшелона, который велъ за собою полковникъ Чертковъ—мостъ зашатался и заходилъ во всѣ стороны. Приняты были надлежащія предосторожности, и стали переправлять на ту сторону людей—десятками, а лошадей—поодиночкѣ. Послѣ передняго баталіона и двухъ взводовъ орудій легкой № 5-го батареи и батарейной № 4-го батареи, изъ кото-

рыхъ первый, перейдя рѣку, остановился тутъ-же, на берегу, надъ обрывомъ, прошелъ безъ приключеній другой баталіонъ — навагинскій, а за нимъ командующій войсками со всѣмъ штабомъ и съ принадлежностями походной ставки; но третій, затѣмъ, баталіонъ проходилъ уже съ опасностью, потому что мостъ трещалъ неимо-вѣрно даже подъ ногами нѣсколькихъ человѣкъ. Однако, и этотъ баталіонъ очутился на правомъ берегу Аргуна безъ всякихъ приключеній. За то, четвертому баталіону не удалось послѣдовать за своими товарищами: чуть только думала вступить на мостъ первая офицерская нога—мостъ затрещалъ въ послѣдній разъ и рухнулъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Дѣлать нечего: послѣдній баталіонъ, вмѣсто того, чтобы пойти за предыдущими, снялъ съ себя ранцы, взялъ въ руки топоры и, подъ руководствомъ саперъ и при ихъ содѣйствіи, началъ еще разъ возобновленіе упрямаго моста.

Но все-таки, на этотъ разъ мы стали уже твердою ногою на урочищѣ Гакко.

1-го августа, едва лишь разсвѣло, въ ставку командующаго войсками явились нѣкоторые жители ближайшихъ къ урочищу ауловъ, изъявляя покорность и прося принять ихъ въ подданство Россіи. При этомъ они заявили, что примѣру ихъ готовы послѣдовать очень многіе, но едва ли рѣшатся на эту мѣру прежде, чѣмъ будутъ увѣрены, что выселеніе ихъ изъ ауловъ произойдетъ подъ охраною русскаго оружія. Принявъ покорность пришельцевъ и довѣряя ихъ заявленію, начальникъ отряда выразилъ содѣйствіе прилежащимъ къ урочищу ауламъ и хуторамъ тѣмъ, что приказалъ немедленно полковнику Черткову, въ составѣ двухъ баталіоновъ и двухъ горныхъ орудій, выступить навстрѣчу жителямъ, желающимъ переселиться. Колонна двинулась. Но только-что она пока-

залась въ виду перваго аула, состоявшаго изъ двухъ десятковъ сакль, какъ была встрѣчена непріятельскими выстрѣлами, раздавшимися изъ лѣса, мимо котораго должно было слѣдовать переселенцамъ. Орудія бросили въ лѣсъ двѣ обикновенныя гранаты, которыя заставили непріятеля навремя притихнуть. Когда же быстро собравшіеся жители усадили на арбы свои семейства и двинулись подъ прикрытіе нашей колонны, горцы выразили намѣреніе атаковать ихъ поѣздъ и снова начали стрѣльбу, какъ по орудіямъ, такъ равно и по арбамъ. Роты отвѣчали имъ бѣглымъ огнемъ въ глубину лѣса, а орудія послали еще четыре гранаты, послѣ которыхъ настала тишина, прерываемая лишь рѣдкими и отдаленными выстрѣлами. Орудійная стрѣльба производилась съ дистанціи 175 сажень (14,5 л.).

Переселенцы, подъ прикрытіемъ колонны, благополучно вступили на урочище Гакко, гдѣ въ этотъ день не безъ удовольствія пропитывались нашими сухарями, угощая въ тоже время солдатъ своими каменными чуреками.

Когда колонна вернулась въ лагерь—и въ непріятельскомъ редутѣ орудія исчезли. Для какой надобности онѣ были здѣсь поставлены — трудно сказать. Вся ихъ дѣятельность выразилась въ томъ, что въ теченіи двухъ дней онѣ бросили къ намъ въ лагерь до десяти вполне безвредныхъ снарядовъ—и то лишь преимущественно въ маленькую колонну маіора Эрнрота. Затѣмъ, никакихъ другихъ поползновеній со стороны непріятельской артилеріи предпринимаемо не было. Должно думать, что батарея была устроена для той цѣли, чтобы поражать войска въ то время, когда бы мы рѣшились переправиться черезъ Аргунъ въ бродъ. Дѣйствительно, еслибы маіоръ Эрнротъ не захватилъ остатковъ моста, а командующій войсками пожелалъ бы тридцатаго іюля перейти на урочище Гакко, то онъ, по необходимости, долженъ бы былъ переправляться почти подъ дулами непріятельскихъ орудій, такъ какъ другаго брода не было. Но, благодареніе Богу, этого не случилось. По снятіи орудій, ре-

дуть, до слѣдующаго дня, служилъ нога убѣжищемъ непріятельской партіи; но 2-го августа, утромъ, взводъ орудій батарейной № 4-го батареи двинулся къ нему, подъ прикрытіемъ баталіона, съ намѣреніемъ помѣстить тамъ свои собственныя орудія и для этого — выбить оттуда горцевъ. Выбивать, однако, было нечего, потому что лишь только баталіонъ сталъ подходить къ редуту, горцы успѣли его оставить и удалились безъ выстрѣла. Орудія наши вспозли благополучно въ редутъ и расположились тамъ подѣ сѣбно деревьевъ: было прохладно и удобно: видѣ на оба лагеря — превосходный; еще пріятнѣе было смотрѣть — и конечно, только смотрѣть, въ качествѣ зрителя — на муравейникъ возлѣ аула Цаганэ, гдѣ сотни рукъ работали надъ возведеніемъ моста, который съ часу на часъ складывался все шире и длиннѣе. Главнѣйшею спеціальностію орудій, занявшихъ редутъ — было охраненіе и прикрытіе этого муравейника и вновь строившагося моста, которому приказано было — во что бы ни стало — родиться вполнѣ къ утру слѣдующаго дня. Не смотря на проливной дождь, который шелъ почти всю ночь, — муравейникъ не переставалъ копошиться, лишь смѣняя партіи рабочихъ, и третьяго августа, утромъ, мостъ дѣйствительно оказался вполнѣ готовымъ, чистенькимъ, вымытымъ...

Такова краткая исторія непріятельскаго редута и тѣсно связаннаго съ нимъ нашего новорожденнаго въ то время моста.

Препроводивъ новыхъ подданныхъ въ лагерь, взводъ орудій легкой № 5-го батареи, послѣ скуднаго походнаго обѣда, былъ выдвинутъ на двѣсти пятьдесятъ сажень впереди лагеря и занялъ позицію, подъ прикрытіемъ роты куринаскаго полка, на курганѣ. Непріятель, думая, вѣроятно, отгѣснить отсюда нашу небольшую колонну, а, можетъ быть, почему либо и дорожа этимъ курганомъ, открылъ по куринамъ изъ ближней опушки учащенный ружейный огонь, на который они не замедлили отвѣчать ему не менѣе усердно. Орудія, конечно, поддержали, и на этотъ разъ подарили горцевъ тремя картечными зарядами, съ дистанціи 100 сажень (12 л.), и

дѣнадцатю обыкновенными грапатами, съ дистанціи 250 сажень (23,5 л.). Увидѣвъ, что взводъ орудій, а съ нимъ и куринцы, вовсе не намѣренъ уступать своей позиціи, и что заряды у насъ израсходованы еще не всѣ—горцы, выбравивъ издали нашихъ солдатъ самыми нехорошими словами, удалились. Куринцы и артиллеристы тотчасъ приступили къ устройству вокругъ себя засѣвки,—и къ ночи почилы отъ дѣлъ своихъ.

Въ то время, когда здѣсь возникла засѣвка, участь другой засѣвки быстро сближалась. Едва только сумерки спустились на землю, четвертый баталіонъ тенгинскаго полка и двѣ роты сводно-линейнаго № 10-го баталіона, при двухъ горныхъ орудіяхъ легкой № 6-го батареи, подѣ начальствомъ полковника Баженова, выступили изъ лагеря обратно, по направленію къ аулу малому Варанды. Остановясь на ружейный выстрѣлъ отъ устроенной тамъ засѣвки, полковникъ Баженовъ приказалъ баталіону, сидѣвшему въ ней доселѣ со взводомъ легкихъ орудій батареей № 4-го батареи, ретироваться въ Зонахъ и, отступая, зажечь со всѣхъ концовъ свое недавнее убѣжище. Сухая засѣвка мигомъ затрепала — и черезъ полчаса отъ нея осталась только груда пепла. Полковникъ Баженовъ, выждавъ часа полтора, пока отступила окончательно колонна изъ засѣвки, возвратился въ главный лагерь, употребивъ на свою прогулку нѣсколько часовъ.

3-го августа, раннимъ утромъ, нашъ лагерь на шатоевской долинѣ пришелъ въ движеніе: велѣно перебираться на ур. Гакко, на новую и—постоянную квартиру. Сборы были короткіе: палатки на выюки, туда же и все несложное казенное имущество, ранцы на плеча, котѣмки на ранцы — и пошли. Въ то-же самое время обнаружилось движеніе и со стороны горцевъ, которые окольными путями, въ составѣ довольно значительныхъ партій, примѣрно человекъ въ 40—50 каждая, выльзли откуда-то, какъ изъ земли, и зашевелились въ значительномъ отъ насъ отдаленіи, по правую сторону Аргуна. Началась переправа. Пѣхота, горная арти-

лерія, кавалерія, вьючные транспорты — все шли и шли, и конца имъ не было. Впрочемъ, двигались довольно быстро. Когда же дѣло дошло до взвода легкихъ орудій № 5-го батареи и до мортиръ, то для нихъ мостъ и теперь даже оказался нѣсколько жидокъ, такъ что изъ подъ орудій пришлось выпрягать лошадей, а мортиры — провозить съ большою осторожностію. По выступленіи на ур. Галко, эти четыре орудія, согласно приказанію, направились тотчасъ къ кургану, занятому поручикомъ Кулешовымъ, взводъ котораго уже окончательно страдалъ недостаткомъ снарядовъ. Тутъ объяснилось, что значило движеніе горцевъ, которое отрядъ видѣлъ еще съ шатоевской поляны: когда непріятель увидѣлъ, что войска оставляютъ лѣвую сторону Аргуна, онъ, въ свою очередь, началъ отступление къ Шаро-Аргуну. Ему пришлось проходить какъ-разъ въ виду нашей засѣки. Среди толпы видѣлись и орудія, изъ которыхъ каждое тащили четыре бѣлыя лошади. Мѣстность впереди была болѣе или менѣе открытая—и зѣвать нечего: мортиры и легкія орудія тотчасъ открыли огонь. Ядро за ядромъ и граната за гранатою легли такъ быстро, и стрѣльба была такъ удачна, что непріятель, рассыпаясь и вновь смыкаясь, какъ видно, едва успѣвалъ подбирать раненыхъ, торопясь скорѣе достигнуть полуразрушеннаго по пути аула. Лишь только онъ коснулся первыхъ сакль и, вѣроятно, мысленно возсылалъ аллаху признательность за свое спасеніе, шестифунтовое ядро, вылетѣвъ изъ орудія съ грохотомъ и свистомъ, чрезвычайно ловко, а вмѣстѣ съ тѣмъ странно и моментально превратило еще одно существованіе: оно сорвало съ сѣдла какого-то тавлинца или чеченца такъ проворно, какъ будто его и вовсе никогда не было; лошадь же, какъ видно было издали, осталась на мѣстѣ. Толпа засуетилась, столпилась въ кучу,—но въ это время полупудовая граната явилась въ самой ея серединѣ—и лопнула. Все, что имѣло подъ собою ноги, разлетѣлось въ стороны, ища спасенія въ сакляхъ и въ разныхъ другихъ постройкахъ аула. Кавале-

рія же, вмѣстѣ съ орудіями, бросилась въ чащу лѣса. возлѣ котораго пробиралась къ аулу.

Это былъ послѣдній дебютъ артилеріи.

Мортирнымъ взводомъ было брошено десять гранатъ, съ дистанціи 500 сажень, подъ угломъ 45°, при зарядѣ въ 48 золотниковъ. Изъ легкихъ орудій, съ дистанціи 400 сажень, было выпущено: ядеръ—17 (28 л.) и обыкновенныхъ гранатъ—20 (38 л.). Кромѣ этихъ орудій, на урочище Гакко прибылъ пока лишь взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи, который занялъ позицію между ротами тевгинскаго полка; взводъ же горныхъ орудій легкой № 5-го батареи, штабсъ-капитана Кнорринга, остался по лѣвую сторону рѣки, на высотѣ, господствовавшей надъ вновь устроеннымъ мостомъ.

Отступление непріятели было полное и совершенное: вокругъ насъ не раздавалось болѣе ни одного выстрѣла; для отряда наступилъ отдыхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и жизнь лагерная, болѣе или менѣе спокойная — конечно, на нѣкоторое лишь время — но не та, которая заставляетъ солдата день и ночь ожидать къ себѣ въ гости непріятельскую пулю, т. е. жизнь не въ виду непріятели. Она сказала прежде всего въ отрѣзанной отъ насъ колоннѣ на лѣвомъ берегу Аргуна, гдѣ, въ составѣ куринскаго баталіона, былъ взводъ орудій штабсъ-капитана Кнорринга: не успѣло солнце сѣсть за горы—тамъ раздались пѣсни, бубенъ—и не умолкали до глубокой ночи. Обстоятельство было настолько соблазнительное, что нѣкоторые изъ офицеровъ, оставивъ главный лагерь, отправились къ куринцамъ провести время и отвести душу.

IX.

Успѣхи артилерійской стрѣльбы. Нѣчто о допотопныхъ орудіяхъ. Мѣткій заревой выстрѣлъ. Заложеніе Шатовскаго укрѣпленія. Послѣдствія пребыванія на передовыхъ пунктахъ и вліяніе ихъ на бытъ кавказскаго офицера. День изъ жизни на передовомъ посту; отжившіе типы. Необходимая оговорка.

Съ 30-го іюля по 3-е августа потери наши были крайне ничтожны и ограничивались лишь тѣмъ числомъ выбывшихъ изъ строя воинскихъ чиновъ, которое указано въ предыдущей главѣ. Между тѣмъ, покушенія непріятели были слишкомъ обширны и количеству его выстрѣловъ нѣтъ счета.

Сохраненіемъ жизни десятковъ, а, можетъ быть, и сотенъ людей мы были обязаны единственно артилеріи, которая, въ продолженіи четырехъ сутокъ сряду, одна, предпочтительно предъ остальными родами оружія, участвовала въ бояхъ и не допускала горцевъ къ отряду даже на ружейный выстрѣлъ. Кромѣ того, самая стрѣльба артилеріи была въ тѣ четыре дня всегда такъ удачна, что отбивала у непріятели всякую охоту состязаться съ нами. Успѣшность стрѣльбы слѣдуетъ отнести столько-же къ тому, что она производилась изъ орудій не допотопнаго времени, сколько, въ особенности, и къ наметанности артилеристовъ, которые были такъ напрактикованы въ своемъ дѣлѣ, что, опредѣляя со всею точностію разстояніе на глазомѣръ—хотя бы до цѣли было нѣсколько мертвыхъ пространствъ—они большею частью не прибѣгали даже къ употребленію прицѣла, зная наизусть, сколько линій условливаетъ за собою извѣстный подъемъ или опредѣленное опущеніе дула. Генераль Евдокимовъ, при заложеніи укрѣпленія Шатовскаго, благодаря артилерію за оказанныя ею услуги, сдѣлалъ

тогда должную оцѣнку мѣткости выстрѣловъ и быстроты артилерійской стрѣльбы.

Говоря о допотопныхъ орудіяхъ, я подъ этимъ подразумѣваю тѣ нѣкоторые пушки и единороги, которые водились въ нашихъ кавказскихъ батареяхъ — въ особенности легкихъ. День рожденія многихъ изъ нихъ, какъ можно было судить по надписямъ на казенной части, далеко предшествовалъ собою дню рожденія перѣдко старшаго, по возрасту, изъ состава артилерійской прислуги. Въ дулѣ этихъ орудій было такое обиліе всякаго рода раковинъ и тому подобныхъ иззубринъ, до такой степени были чувствительны зазоры, что снарядъ, пока вылетитъ изъ дула — стукнется объ его стѣнки несчетное количество разъ. Хорошо, если при такомъ орудіи стояла прислуга, ему собственно принадлежащая и давно знакомая со всѣми погрѣшностями и слабостями своего инструмента: оно, въ этомъ случаѣ, стрѣляло такъ-же исправно, какъ орудіе новое, только-что пристрѣлянное, потому что, вмѣсто того, чтобы наводить его прямо — наводили влѣво, и ядро или граната какъ-разъ попадали въ цѣль. Но если являлась прислуга другаго орудія или другаго взвода, то ей приходилось, просто, выходить изъ себя, смотря на ударъ снаряда: наведено орудіе отлично, разстояніе опредѣлено, повидимому, очень вѣрно — что доказываетъ рядъ гранатъ, пущенныхъ навѣсно—а между тѣмъ, въ данное мѣсто никакъ не попадешь; пока-же изловчишься—проходитъ много времени, снаряды пропадаютъ ни за грошъ, а неприятелю вовсе не обидно.

Привычка къ своему орудію выразилась однажды въ одномъ примѣрѣ, котораго я былъ очевидцемъ, и этотъ примѣръ заслуживаетъ того, чтобы не обойти его молчаніемъ.

Дѣло было въ декабрѣ 1857-го года, въ большой Чечнѣ, на Джалкѣ или на Хоби-Шавдонѣ — не помню. На обширной полянѣ былъ раскинутъ лагерь нашего большаго отряда; впереди, въ интервалахъ между баталіонами, стояли артилерійскіе взводы, и въ

томъ числѣ взводъ легкихъ и взводъ батарейныхъ орудій легкой № 5-го батареи. Въ четырехстахъ саженьяхъ отъ нашей позиціи былъ лѣсъ, въ которомъ находился непріятельскій биваль; тамъ-же и самъ Шамиль. Вечеромъ подали повѣстку. Непріятель далъ такую-же повѣстку и у себя. Заревой выстрѣлъ въ этотъ день приходилось сдѣлать изъ легкихъ орудій 5-й легкой батареи, гдѣ оба эти орудія были крайне неисправны и донелзя разстрѣляны — въ особенности, единорогъ: граната, пущенная изъ него на дистанцію четырехсотъ сажень, отклонялась вправо, но крайней мѣрѣ, шаговъ на двадцать пять. Командиру этого взвода, хорошо изучившему свои орудія, вздумалось пощеголять ихъ мѣткостью; другіе офицеры той-же батареи, знавшіе хорошо капризы единорога, подсмѣивались надъ Кашинцовымъ. Кашинцовъ замѣрялъ, что опъ влѣпнѣ гранату въ дерево, на которое предварительно указалъ; дерево-же это было толщиною всего лишь въ полобхвата; присутствующіе единогласно его убѣждали, что онъ увлекается. Побились объ закладъ, — чуть-ли не на бутылку поргера. Кашинцовъ ирготовилъ орудіе, навелъ и ждалъ; когда пришло время играть зарю, и была пущена ракета, — онъ скомандовалъ, орудіе грохнуло — и граната оказалась тамъ, гдѣ онъ обѣщалъ.

Этотъ случай, доказывая, что постоянная практика въ стрѣльбѣ выработываетъ хорошихъ боевыхъ артиллеристовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ убѣждаетъ въ томъ, что въ дѣлахъ и перестрѣлкахъ при овладѣніи шатоевскою долиною, гдѣ участвовали эти-же самые артиллеристы, счастливый исходъ для насъ во всѣхъ перестрѣлкахъ и столкновеніяхъ съ непріателемъ слѣдуетъ приписать преимущественно артилеріи. За то, начиная съ четвертаго августа, ей ужъ рѣшительно нечего было дѣлать, и въ то время, когда пѣхота, послѣ непродолжительнаго отдыха, вновь принялась за работу по расчисткѣ лѣсовъ и возведенію укрѣпленія, артилерія, прикрывъ отъ солнца свои лафеты, изо-дня въ день лишь изо-прялась въ ничегонедѣланіи и изрѣдка — въ уходѣ за лошадьми,

которыхъ нужно было *вотнать въ тѣло*, — тѣмъ болѣе, что носились слухи о скоромъ посѣщеніи края Его Императорскимъ Высочествомъ, Генералъ-фельдцейхмейстеромъ.

Восьмого августа, раннимъ утромъ, лагерь пришелъ въ движеніе: въ ротахъ готовилось скромное угощеніе и ведра спирта; солдаты, приодѣвшись въ свои полуизорванные полукафтаны, рукавомъ стирали пыль съ своихъ ружей; офицеры вынимали изъ выючныхъ сундуковъ форменные шаровары, которые долгое время были замѣнены верблюжьими и тому подобными; деньщики сновали къ маркитанту и обратно съ флягами и бутылками, — словомъ, оживленіе было полное: готовился праздникъ — служеніе молебна и закладка укрѣпленія.

Въ половинѣ девятаго отрядъ выстроился впереди лагеря. Вскорѣ выпелъ изъ ставки командующій войсками — и началось служеніе. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору и Августѣйшей Фамиліи, сопровождавшимся усерднымъ и многократнымъ ура! всѣхъ войскъ, генералъ Евдокимовъ поблагодарилъ отрядъ за его доблести и, дойдя до лѣваго фланга, гдѣ все было приотвѣвлено для совершенія церемоніи — закладки укрѣпленія, своеручно положилъ первый камень въ основаніе его.

Съ этой минуты не по днямъ, а по часамъ стало рости укрѣпленіе *Шатовское*, и къ цѣлому ряду пунктовъ на передовой линіи прибавился еще одинъ пунктъ.

Съ слѣдующаго-же затѣмъ дня начались правильныя и непрерывныя работы. Большая часть представительныхъ лицъ разъѣхалась въ свои штабъ-квартиры — кто навремя, а кто и совсѣмъ; начальникъ отряда также выѣхалъ — съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы черезъ нѣсколько дней вернуться; урочище потеряло господствовавшую на немъ до того времени оживленность — и началось ужасное

однообразіе, среди котораго болѣе не раздавались ни выстрѣлы, ни побѣдные клики войскъ;—то и другое смѣнилось вечерними пѣснями, перебранкою другъ съ другомъ фуражейтовъ, щелканьемъ картъ въ палаткахъ офицеровъ и тому подобными досугами.

Убийственно невыносима жизнь на передовомъ посту,—и она хорошо извѣстна всѣмъ, кто только, въ минувшую войну, служилъ на лѣвомъ крылѣ кавказской линіи. Эти разныя укрѣпленія, въ родѣ Урусъ-Мартана, Шали, Бердыкеля и т. д., и т. д., до того наводили одурь на всѣхъ тѣхъ, кого судьба обрекала тамъ на продолжительную стоянку, до того нерѣдко передѣлывали все существо сколько-нибудь развитаго человѣка, что въ этомъ отношеніи далеко, кажется, опередили всякое тюремное заключеніе. Последнее ужъ лучше тѣмъ, что оно имѣетъ строгій надзоръ и, вслѣдствіе этого, не даетъ ни повода, ни возможности слѣдовать дурнымъ наклонностямъ или ихъ выработывать въ себѣ; первое-же, при полной свободѣ человѣка, неизбѣжно вызываетъ эти наклонности и, по необходимости, тянетъ ко всѣмъ порокамъ, которые порождаются скукою, однообразіемъ, лѣнью и ничегонедѣланіемъ. Укрѣпленіе Шатоевское еще ничего себѣ; оно не только въ описываемое нами время, но даже и зимою 1858—59-го года не имѣло вполнѣ того характера, какъ другіе передовые пункты, потому что тутъ было и народа больше, и сообщенія въ тылу были болѣе обезпечены. Но тѣ укрѣпленія, о которыхъ я упомянулъ, и многія другія, имъ подобныя, которыя сообщались въ свое время съ штабъ-квартирою разъ въ мѣсяцъ, и то лишь при надежной оказіи, въ составѣ не менѣе баталіона и двухъ орудій — тѣ оставили по себѣ у прежнихъ кавказцевъ и неизгладимую память, и неизгладимыя послѣдствія — у многихъ на всю жизнь. Продолжительное пребываніе на передовомъ посту было нравственнымъ недугомъ, порчею большей части

офицеровъ стараго кавказскаго склада, испытавшихъ его. Тамъ гложла всякая энергія; мозгъ не имѣлъ никакой пищи, глаза и уши — никакого разнообразія, — что въ особенности вредно вліяло на молодежь, и пригомъ, заѣзжую, являющуюся на Кавказъ за орденами, отличіями и заслугами. Все живое въ этихъ передовыхъ пунктахъ, какъ въ могилѣ, бывало запрягано съ утра и до утра между высокихъ брустверовъ, за глубокимъ ровомъ и разъ въ сутки открывающимися воротами. Ждутъ и не дождутся, когда явится оказія, которая доставитъ запасы, письма, а иногда и знакомыхъ казачекъ, остающихся на посту впередъ до слѣдующей оказіи. И вотъ, съ пѣснями подходитъ эта оказія, движется рядъ повозокъ, мелькаютъ разноцвѣтные женскіе бешметы и архалухи; все и вся высыпаетъ навстрѣчу. Явился—и пошли распросы, разговоры, шумъ, говоръ; пиръ на всю ночь. Это — праздникъ на передовомъ посту. На слѣдующій день, рано утромъ, оказія уходитъ, забравъ съ собою больныхъ и раненыхъ, и—благо, если оставитъ по себѣ воспоминаніе въ лицѣ какой-нибудь Лукерьи, которая, поселившись въ офицерской землянкѣ, служитъ какимъ-нибудь предметомъ развлеченія на короткое время; а то, по большей части, кромѣ свѣстныхъ продуктовъ, и ничего не оставитъ;—и вновь начинается одуряющее однообразіе, прерываемое по вечерамъ стукомъ бубна и криками пѣсенниковъ, а ночью — возгласами подувившей компаніи.

Жизнь на передовомъ посту, среди которой извратилась, заглохла или выработалась вполне своеобразно не одна натура на Кавказѣ, была въ свое время явленіемъ настолько интереснымъ— конечно, въ своемъ родѣ — въ быту нашего, нынѣ благоденствующаго края, что она вполне заслуживаетъ самаго подробнаго воспоминанія и описанія. Эта жизнь болѣе повторится не можетъ; мало того, объ ней многіе теперь и понятія не имѣютъ, а, между тѣмъ, она — одна изъ важныхъ страницъ бытовой исторіи боеваго Кавказа. Въ виду этого, я признаю вовсе нелишнимъ посвятить для

этой страницы немного времени и труда и перенести внимание читателей на действительность и времяпровождение старых кавказцев — солдат и офицеров — обрекавшихся, летъ 25—30 тому назадъ, въ теченіи долгихъ нерѣдко мѣсяцевъ на затворничество въ передовыхъ пунктахъ. Возьму одинъ день изъ этой жизни — какъ я его самъ видѣлъ — въ томъ укрѣпленіи, или на томъ передовомъ посту, которые строились, вслѣдствіе военныхъ нуждъ, на время, и потомъ, по минованіи надобности и по случаю углубленія нашихъ войскъ во внутрь постепенно завоевываемаго края, были упраздняемы и разрушаемы, уступая впереди себя мѣсто другимъ такимъ-же укрѣпленнымъ пунктамъ.

Передовые посты имѣли внутри обыкновенно слѣдующій видъ: на площади нѣсколько искривленныхъ мазанокъ, да съ десятокъ или полтора — землянокъ, въ которыя нужно входитъ или, лучше сказать, спускаться по тремъ и болѣе ступенямъ. Это — жилища офицеровъ и ротные дворы. Помѣщенія же для солдатъ — на одну, на двѣ или болѣе ротъ — приспособлены въ кибиткахъ и палаткахъ. Если бывала баня, то она, большею частію, строилась внѣ укрѣпленія, надъ рѣкой или ручьемъ, изъ котораго пилъ весь гарнизонъ.

Войдемъ въ одну изъ землянокъ. Площадь ея — тридцать-пять квадратныхъ аршинъ, иногда и болѣе; полъ — земляной, устланъ рогожками; стѣны выбѣлены; въ углу — очень маленькая печь, съ лежанкою, — иногда, просто, каминъ; справа, слѣва — два или три маленькія окошечка, заклеенныя преимущественно масляною бумагою; въ нѣкоторыхъ землянкахъ есть и стекла; направо и налѣво — двѣ койки, или вьючные сундуки, или штенки, прикрытыя войлоками и часто коврами; между ними — столъ, и на столѣ — хлѣбъ, бутылка, рюмка, рѣдко, при этомъ, бумага, и еще рѣже — книга; потомъ — кisetъ съ табакомъ, стеариновая свѣча въ подсвѣчникѣ, зеркало, гребень, подчасъ бритва, оселокъ и, наконецъ, записная маркитантская, вполне засаленая тетрадка; у стола — скамейка, въ

углу—другая, подлѣ нея два складныхъ стула и на лежанкѣ—самоварчикъ, два стакана съ ложечкою, немного тарелокъ, двѣ ложки, два ножа и двѣ вилки.

Мазанки строились значительно просторнѣе и удобнѣе, очень часто съ двумя помѣщеніями; но содержимое ими было все одно и тоже, что и въ землянкахъ.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на знаменитую, въ полномъ смыслѣ слова, харчевую маркитантскую тетрадку. Безъ преувеличенія и безъ прикрасъ я приведу здѣсь записку, которую не разъ самъ видѣлъ. Откидываете листокъ и читаете: *1-го декабря*. Вотка, селетка, вотка, вотка. *2-го декабря*. Калеты (галеты) вотка, шамай, вотка, вотка. *3-го декабря*. Свѣчка, вотка, портеръ, селетка, селетка, селетка, вотка, еще вотка. И все въ этомъ смыслѣ и родѣ.

Разсвѣтаетъ. Быстро и проворно вылазить изъ кибитки или изъ палатки фельдфебельскій вѣстовой; за нимъ, кряхтя и потягиваясь, выползаетъ барабанщикъ; послѣ него, какъ опаренный, выскакиваетъ ефрейторъ. Онъ безцеремонно растолкалъ смѣну, всхрапнувшую богатырскимъ сномъ, и, черезъ пять минутъ, ведетъ ее по назначенію. Вѣстовой и барабанщикъ выносятъ на дворъ манерки, набираютъ изъ нихъ въ ротъ воды, потомъ выливаютъ ее на ладонь и этою мокрою ладонью вытираютъ лицо. Процессъ умыванія конченъ. Барабанщикъ натягиваетъ свой инструментъ, а вѣстовой разводитъ огонь для согрѣванія маленькаго мѣднаго чайника.

Бьютъ зарю. Черезъ нѣсколько минутъ въ кибиткахъ и палаткахъ слышится говоръ.

Черезъ полчаса бьютъ на работу. Рота, назначенная въ лѣсъ за дровами, выходитъ изъ кибитокъ, разбираетъ ружья и выстраивается. За ворота выѣзжаютъ повозки, ожидая тамъ свое прикрытіе. Сигналь поданъ—и тронулись.

Просыпаются артиллеристы; начинается уборка лошадей.

Черезъ часъ работа внутри укрѣпленія въ полномъ разгарѣ.

Толпа рабочихъ, собравшись возлѣ бревна и закрѣпивъ его веревками, тащитъ на пильню; далѣе—нѣсколько человекъ вколачиваютъ какую-то сваю. Въ этихъ обоихъ пунктахъ солдатъ повеселѣе и полѣживѣе прочихъ, натужившись, будто и въ самомъ дѣлѣ ему не въ мочь, затягиваетъ:

— Ну-те, братцы...

И вся команда разомъ подхватываетъ:

— Въ ходъ!

Бревно подвинулось на поларшина, или свая вошла въ землю на вершокъ.

— Ну-те, дружно...

— Въ ходъ!

Работа опять подвинулась.

— Ну-те, разомъ...

— Вплоть!

— Тпрр! Стой, ребята! приговариваетъ залѣвало. Надо-тъ вздохнуть.

И работа приостанавливается.

У пильни, серьезный и молчаливый плотникъ, закуривъ трубочку, отесываетъ доску. Въ двухъ шагахъ отъ него стоитъ молодой солдатикъ и любуется на произведеніе рукъ своего земляка. Плотникъ опустилъ топоръ, сидюнулъ и, почесывая у себя за пазухой, спрашиваетъ:

— Чего не видалъ?

— А что? Смотрѣть, небось, не велишь.

Суровый плотникъ не нашелся, замолчалъ и еще разъ плюнулъ; — досадно стало.

Подмѣтивъ неудовольствіе на лицѣ собрата, солдатикъ торжествуетъ. Ему хочется доканать плотника; — авось, вечеромъ, въ палаткѣ, прійдется потѣшить компанію, рассказавъ ей исторію про угрюмаго мастера.

— Эхъ, ты! А плотникъ еще! продолжаетъ веселый солдатикъ. Да развѣ такъ тешутъ-то?

— У тебя поучился бы, мрачно отвѣчаетъ плотникъ.

— Вѣстимо, у меня.

Молчаніе.

— Ну, коли ты мастакъ, опять придвѣрается надоѣдливый весельчакъ, на-кось, рубни по рукѣ.

И онъ положилъ ему на доску свои пять пальцевъ. Мастакъ размахнулся — и не попалъ: весельчакъ живо убралъ руку.

— Хорошъ-же мастеръ! продолжаетъ, хохоча, солдатикъ.

Работающіе вблизи обращаютъ на нихъ вниманіе.

— Э, Федотъ, сплеховаль! подбиваетъ одинъ изъ постороннихъ, обращаясь къ плотнику.

Федотъ упорно молчитъ и продолжаетъ отесывать.

— А ну, еще! подхватываетъ весельчакъ, приободренный земляками, и вновь подставляетъ руку.

Но на этотъ разъ игроку не посчастливилось: Федотъ махнулъ топоромъ — и у солдатика четырехъ пальцевъ какъ не бывало (*).

— Э-ва! отозвался тотъ, который одушевилъ солдатика. Вотъ-те и мастакъ! Что, догулялся!

Общій хохоть. Суровый плотникъ, какъ будто его и не касается, продолжаетъ свою работу.

Это называется товарищескою забавою.

(*) Совершившійся фактъ.

Въ земляникѣ, о которой мы выше упомянули, на одной изъ постелей вытянулась длинная фигура офицера, съ разбросанными ногами и съ опущенной до земли правой рукою. Этотъ офицеръ еще не просыпался. Половина байкового одѣяла, которымъ, по настоящему, слѣдовало быть прикрытымъ тѣлу офицера, скомкалась подъ нимъ, а другая, спустившись на полъ, мокнетъ въ водѣ, вылившейся изъ опрокинутой бутылки. Въ комнатѣ хаосъ.

Товарищъ этой личности упряталъ голову подъ подушку и наслаждается, въ свою очередь, сномъ безмятежнымъ.

Девять часовъ утра.

Входитъ третій офицеръ.

— Ахъ, чертъ возьми, еще дрыхнуть! Эй, баграки, пора вставать!

Длинный что-то пробормоталъ, не открывая глазъ, а другой, высунувъ голову изъ подъ подушки, сталъ щуриться, какъ кошка.

— Мм... пробормоталъ онъ. Это ты? Тьфу, какъ скверно во рту!

И онъ сплюнулъ.

Проснулся, наконецъ, и длинный.

— Брр... нехорошо, промычалъ и этотъ.

— Ахъ, вы пьяницы! Можно ли такъ натрескаться! упрекнулъ гость.

— Мм... Что-жъ, вѣдь скоро недѣля, какъ все пьешь, да пьешь, отвѣчалъ товарищъ, потягиваясь и протирая глаза.

— Сашка, это ты? сонливымъ и хриплымъ голосомъ спрашиваетъ длинный.

— Я.

— А-а!... Закрывай клапанъ!

— Свинья, отозвался товарищъ — и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Пьяница!

Гость подошелъ къ длинному и двумя пальцами сжалъ ему носъ.

— Лей! проговорилъ тотъ.

Гость протянулъ руку къ стоявшей на столѣ бутылкѣ съ водкою, налилъ рюмку и отправилъ ее въ ротъ офицера.

— Ваше бародіе, сказалъ вошедшій деньщикъ, обращался къ тому, въ котораго вливали водку,—фельдфебель пришелъ.

— А! фельдфебель?... Служба... Зови.

Вошелъ фельдфебель.

— Что, благополучно?

— Благополучно, ваше бародіе, отвѣчалъ фельдфебель такимъ тономъ, въ которомъ такъ и слышалось: когда же, молъ, у насъ бывало неблагополучно?

— Рота на работѣ?

— На работѣ, в. б., — и фельдфебель кивнулъ головою къ дверямъ.

— Еще что?

— Ничего, в. б.

— Ну, и пошелъ вонъ.

Утренній докладъ конченъ.

— Теперь я молодецъ, проговорилъ ротный, быстро поднимаясь съ постели. Эй, Капlouхъ!

Явился деньщикъ.

— Умой мнѣ рожу.

Гость взялъ со стола фуражку.

— Ты куда? Погоди.

— Нѣтъ, нужно идти. Хочу еще провѣдать Телка.

— Да подожди, говорятъ тебѣ. Куда тебя чортъ несетъ? Телокъ спать еще; онъ вчера во-о какъ наливался.

И ротный повелъ рукою выше головы.

— Нѣтъ, прощай.

— Убирайся, коли такъ.

Гость отправился къ обширной мазанкѣ, въ которой были раскрыты все окна.

Хозяинъ этой мазанки медленно прохаживался по двумъ комнатамъ своего жилища; на немъ была ситцевая рубаха и исподніе паровары на очкурѣ; на ногахъ — чевяки. Въ комнатѣ было расположение къ порядку.

— Здорово, Телокъ, сказалъ входя посѣтитель.

— Здорово, кунакъ! отвѣчалъ хозяинъ, подавая руку.

— Ты вчера крѣпко былъ пьянъ, говорятъ?

— Крѣпко не крѣпко, а былъ. Это все пузатый, чортъ бы его побралъ! Присталъ съ ножомъ къ горлу; отвязаться нельзя было.

— Скверно.

— Скверно-то, скверно... Кто говорить, что хорошо! Но что-жъ прикажешь дѣлать?

— Какъ что? Вѣдь языкъ есть?

— Однимъ языкомъ ничего не подѣлаешь.

— Смотри, не въ добрый часъ тебя кондрапка хватить.

— Ну, и пусть хватить. Эва важность!

Хозяинъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, баста! проговорилъ онъ, дѣлая папиросу. Не пуцу пузатаго къ себѣ.

— Вотъ это такъ.

— Не пуцу больше. Эй!

Явился деньщикъ.

— Когда прійдетъ пузатый капитанъ — скажи, что дома нѣтъ.

— Слушаю-сь.

— Ступай!

— Ты игралъ вчера? спросилъ гость.

— Игралъ немного, продулъ рубля два.

— А чѣмъ кончили Собакевичъ?

— Э-э! и хозяинъ махнулъ рукою.

— Провигрался?

— Все спустилъ. Да гдѣ ему, дураку, понтировать! Выходилъ бы въ отставку, нанялся бы въ прикащики — и хорошо. А то, куда же лезеть.

— Дома баринъ? проревѣлъ за дверью густой басъ.

— Ну, чортъ его несетъ, проговорилъ хозяинъ.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ деньщикъ.

— Врешь.

Басъ порывается отворить дверь:

— Не приказано пущать, в. б.

— Пошелъ вонъ, болванъ!

Въ комнату медленно ввалилась толстая и красная фигура.

— Что это, братъ, къ тебѣ ужъ безъ доклада не входятъ?

— Да, помилуй, вѣдь скоро съ ума сойдешь отъ васъ! То того нелегкая несетъ, то другаго; съ тѣмъ выпей, съ другимъ закуси.

— Вотъ оно что! Гм... А похмѣлиться, я думаю, слѣдовало бы.

— Ннѣтъ, братъ, проваливай! Я знаю твое похмѣлье.

— Хоть рюмку. Вѣдь во рту гадко.

— Ни-ни...

— Ну, самъ не пей, а мнѣ рюмку.

— Тебѣ изволь, а самъ—ни гу-гу. Эй!

Входитъ деньщикъ.

— Подай!

— Черезъ пять минутъ явилась водка, хлѣбъ и на тарелкѣ кусокъ сыраго, полуизрубленнаго мяса, приправленнаго солью, лукомъ и перцомъ.

— Будь здоровъ, обратился пузатый къ хозяину, хлебнулъ полстакана водки, положилъ на хлѣбъ сырой говядины и проглотилъ.

— Мм... продолжалъ онъ, подавая хозяину водку.

— Не хочу.

Пузатый, онъ-же басъ, плюнулъ.

— Чего кобенишься? Хоть полстакана.

— Да отстань, и такъ животъ подвело.

— А вотъ то-то и есть, что нужно выпить. Смотри, самъ налью. На, бери!

— Да не буду, говорятъ тебѣ.

— Значить, хочешь, чтобы и я не пилъ. На, полстаканчика.

Хозяинъ пожалъ плечами и, морщась, выпилъ.

— Э, друзья, вы, я вижу, оба хороши. Похмѣляйтесь-же себѣ, а я пойду. Вонъ уже и съ работы бьютъ.

— Погоди, пожалуйста; куда спѣшишь?

— Скоро обѣдать пора.

— Успѣешь, погоди.

— Нѣтъ, лучше послѣ.

— Послѣ, такъ послѣ, отозвался басъ. Чего надоѣдать человѣку!

Гость ушелъ. Басъ протянулъ руку къ стакану.

— Довольно, бочка ты сороковая! Во что пьешь?

— Э-э! было-бы что, а то есть во что.

И онъ налилъ еще полстакана.

— Куда ни шло, проговорилъ хозяинъ, протягивая, и съ своей стороны, руку къ бутылкѣ.

Онъ выпилъ, закусилъ мясомъ и ударилъ себя рукою по животу.

— Теперь ничего, заключилъ онъ.

— Я тебѣ говорилъ, что ничего. Вѣдь только первая коломъ.

Басъ, спустя нѣкоторое время, опять потянулся за стаканомъ.

Когда товарищи кончили бутылку и мясо — сѣли обѣдать.

Послѣ полудня пришла оказія, а съ нею — до десяти чело-
вѣкъ офицеровъ, нѣкоторые по обязанности, а другіе — или про-
гулки ради, или — навѣстить товарищей. Оказія была очень боль-
шая: подвезли провіантъ, маркитантскіе запасы, нѣсколько новыхъ
палатокъ для одной изъ ротъ и разныя принадлежности ея хозяй-
ства. Кромѣ того, одна изъ двухъ прибывшихъ ротъ, именно рота
Топчи-паша, должна была смѣнить собою роту пузатаго баса. Въ
гости къ заточеннымъ пріѣхали и знакомыя казачки.

Вечеръ. Въ той-же мазанкѣ, въ первой комнатѣ, за поход-
нымъ складнымъ столикомъ, сидѣли четверо, съ картами въ ру-
кахъ: капитанъ Топчи-паша, челоуѣкъ, относительно, умѣренный,
привѣтливый и давно любимый всѣми товарищами; капитанъ Душка
— герой всѣхъ походовъ, прострѣленный въ животъ, гдѣ у него
навсегда осталась пуля, послѣ которой онъ сталъ особенно полнѣть,
челоуѣкъ недалекий, не имѣвшій никакихъ связей, но имѣвшій уже
въ теченіи многихъ лѣтъ связь и дружбу съ незабвенною грознен-
скою казачкою Анисьею Андреевною; Собакевичъ — также коман-
дарь роты, пустѣйшій малый, служившій часто предметомъ насмѣ-
шекъ, но добрый и радушный челоуѣкъ, женившійся печально и,
къ общему удивленію, на Марьѣ Ивановнѣ, и, наконецъ, уже нашъ
знакомый — пузатый басъ.

Всѣ эти офицеры въ своемъ кругу иными прозвищами ни-
когда не назывались.

Компанія была въ полномъ смыслѣ слова нараспашку, въ
особенности пузатый, который, послѣ плотнаго обѣда и четырехча-
совой высылки, сидѣлъ на табуреткѣ съ откинутыми въ стороны
ногами и страшно пыхтѣлъ — какъ паровозъ. Хозяинъ постоянно
входилъ и выходилъ изъ комнаты, отдавая деньщику разныя при-
казанія. Въ комнатѣ дымъ столбомъ, окурки папиросъ, косточки
отъ селедокъ, на полу куски хлѣба и вообще, хаосъ. Въ углу, у
особаго столика, сидѣли: длинный и его молодой сотоварищъ.
Длинный время отъ времени цѣдилъ изъ бутылки влагу, подносилъ

стаканъ къ свѣчѣ, внимательно осматривалъ содержимое и съ холоднымъ безстрастіемъ отправлялъ жидкость къ себѣ въ желудокъ. Младенецъ егосилъ на скамейкѣ и, не желая отстать отъ своего сожителя, черезъ каждый часъ требовалъ себѣ кусокъ спирта.

Во второй комнатѣ, въ углу, на табуреткѣ, сидѣла Наташа — молоденькая казачка, немного прихрамывавшая, тонкая, въючая, съ претензіями на кокетство, въ свое время избалованная матерью и прежде времени получившая „волю“. Все, что было въ ней хорошаго — это глаза, которые горѣли, какъ вишни, да умѣнье болтать безъ умолку всякій вздоръ, не перемѣшивая его дерзостями. У ногъ ея, положивъ голову на ея колѣни, полудремалъ только-что произведенный прапорщикъ, которому она пятью пальцами расчесывала волнистые и мягкіе волосы.

Въ другомъ углу, на деревянномъ креслѣ домашней работы, сидѣлъ, съ гитарою въ рукѣ, непроеизводимый прапорщикъ, сверстники котораго уже давно были штабъ-офицерами. Съ того дня, какъ миновалъ срокъ его выслуги для производства въ слѣдующій чинъ, онъ овладѣлъ Лелею, стройною, но деревянною казачкою, вѣчно облизывавшею свои губы — чтобъ были красныя, съ круглымъ, недурнымъ, но одутлымъ лицомъ, темными рѣсницами и плутовскимъ выраженіемъ глазъ. Все было въ ней ничего себѣ, лишь одинъ носъ постоянно болѣлъ и былъ слегка распухшій. Но Леля не виновата: носъ сдѣлался такимъ оттого, что ея мачиха, желая передѣлать его изъ вздернутаго въ длинный, тянула ей ежедневно этотъ несчастный носъ до дня совершеннолѣтія. Непроеизводимый бряцалъ на гитарѣ какую-то пѣсню, а Леля ему вторила, полулежа на коврѣ, разостланномъ на полу.

Третья гостя — это та Анисья Андреевна, которую и теперь, вѣроятно, помнятъ не только офицеры 20-й дивизіи, но и многія военныя дамы, въ особенности куринскаго полка, удостоившія ее не разъ своимъ вниманіемъ. Нѣсколько поблекшая, но прекрасно сложенная, всегда опрятно и щегольски одѣтая — конечно, въ

костюмъ линейныхъ казачекъ — Анисья была необходимою гостею на всѣхъ офицерскихъ сходкахъ, развлекавшею и увеселявшею общество. Имѣя средства она нерѣдко расходовала ихъ для поддержания каждаго, кто къ ней обращался, потому что была очень добра. Чихирь былъ почти единственнымъ ея питьемъ. Имя Анисьи было извѣстно даже и въ отдаленныхъ станицахъ, не говоря ужъ о крѣпости Грозной, гдѣ она имѣла свой домъ и жила хорошо.

Анисья сидѣла на кровати, опершись рукою на подушку, и безъ умолку болтала какую-то чепуху. Возлѣ нея—вошь, убѣленный сѣдиною, волосы котораго зачесаны на манеръ запорожскихъ казаковъ. Рядомъ съ нимъ, въ бѣлой черескѣ и въ папахѣ съ краснымъ верхомъ, офицеръ, у котораго никогда не росли ни борода, ни усы. На полу—гармоника; на столѣ—одна свѣчка подъ синимъ абажуромъ.

Веселье принимало все большіе и большіе размѣры: болтали, хохотали, другъ друга перебивали, пили, закусывали.

— Ну-ка, Анисья, ты-бы русскую... замолвилъ старикъ, поднимая съ пола гармонику.

Слегка раскраснѣвшаяся казачка не заставила себя долго ждать, встала, вытянулась во весь ростъ, оправилась и прежде всего затянула:

Ужъ не видалъ такихъ веселыхъ,
Какъ наши дѣвки въ деревняхъ:
На работу идутъ, хороводъ ведутъ,
Пѣсни поютъ...

Затѣмъ, нѣсколько примолкнувъ, топнула ногою и, подъ звуки гитары и гармоники, развернулась, насколько позволяла комната, и заходила козыремъ.

На порогѣ показались играющіе. Душка выступилъ впередъ и обратился къ Анисѣ;

— Ты, душка, ужъ хватила. Пора домой, душка; отправлялась-бы спать.

— Попелъ; попелъ! затараторила Анисья.

— Домой-бы, душка! продолжалъ тотъ все одно и тоже, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

— Да убирайся вонъ! ревнулъ ему надъ ухомъ басъ, очутившійся тутъ-же. Видишь, люди дѣломъ заняты.

Душка отступилъ, бормоча себѣ подъ носъ какія-то слова, изъ которыхъ можно было понять одно только слово „душка“, обратившееся ему въ прозвище.

Въ танцахъ приняли участіе Лея и Наташа.

Черезъ десять минутъ нѣсколько угомонились и разбрелись по разнымъ угламъ.

— Душка побьетъ тебя, отозвался запорожецъ, подходя къ Анисьѣ.

— Вретъ, дьяволъ! Ничего до самой смерти не будетъ.

Едва только Анисья проговорила эти слова, у дверей мазанки, на дворѣ, раздался теноръ рогнаго запѣвалы:

У нашего барина...

Все, что было въ комнатахъ, разомъ подхватило:

У нашего у него...

И пошла потѣха. Хоръ пѣсенниковъ вторилъ хору офицеровъ, и наоборотъ; бубенъ, ложки, тарелки — все застучало, зазвучало. Офицеръ въ бѣлой черкескѣ въ два прыжка очутился на дворѣ и, заломивъ папаху на затылокъ, подергивая плечомъ и отбивая тактъ ногою, явился въ кругу пѣсенниковъ; басъ ревѣлъ, что было мочи; даже Душка — и тотъ покачивался съ боку на бокъ; Лея, Наташа, Анисья закружились, затопали, поднимая вокругъ себя цѣлый ворохъ пыли. Гикъ, шумъ, гамъ, пѣніе, хохотъ — все слилось въ раздирающую уши дисгармонію.

На столѣ явился бифстексъ, селедка, портеръ, маркигантскіе конфекты.

Когда порывъ удовольствія прошелъ, пѣсенники навремя стихли, угощаясь водкою, а публика еще разъ подкрѣпилась—ужъ окончательно докрасна — играющіе заняли вновь свои мѣста, съ стаканами въ рукахъ.

— Теперь, господа, въ штось, проревѣлъ пузатый. Собакевичъ, за тобой по преферансу четыре съ полгиною; ставь карту.

Нѣсколько рукъ протянулось съ картами, и игра началась. На столѣ появились деньги, которыя переходили изъ рукъ въ руки.

— Что, Собакевичъ, продулся? спросилъ чрезъ нѣкоторое время хозяинъ.

Собакевичъ угрюмо молчалъ.

— Собакевича въ сторону! гаркнулъ пузатый. Онъ бац-крогъ.

— Врешь, замѣтилъ Собакевичъ.

— Да что-же у тебя есть?

— Свиньи есть, оборвалъ Собакевичъ.

Общество разразилось громкимъ смѣхомъ.

— Да вѣдь не твои-же, ротные.

— Мои; все мое, — и рота моя. Никому нѣгъ дѣла.

Мечи.

— Ну, ладно. Что идетъ?

— Свинья.

— Открой!

— Дама.

— Бита!

Собакевича будго передернуло.

— Продолжать, что-ли?

— Мечи! Уголь отъ свиньи.

— Что тамъ у тебя?

— Не твое дѣло пока; узнаешь, когда будетъ нужно.

Игра продолжается.

— А—а, валетъ? Бить!

— Тѣфу, не везетъ! крикнулъ Собакевичъ, бросая карты.

— Что-жь, довольно? спросилъ пузатый.

— Нѣтъ еще, оборвалъ Собакевичъ, быстро поворачиваясь и вновь подходя къ столу.

Игра исключительно принадлежала уже двумъ только лицамъ.

— Да говорить тебѣ, ты банкротъ.

— Нѣтъ; мечи.

— Спасибо, братъ; не хочу. Отдай прежде то, что проигралъ.

— Говорю, отдамъ; не пьянъ-же я.

— Мечи, мечи, раздалось нѣсколько голосовъ.

Пузатый срѣзалъ.

— Ну! проговорилъ онъ.

— Налѣ и по поросенку очко.

— Это дѣло другаго рода. Значить, послѣдній грошъ ребротъ.

— Бита, Собакевичъ! заявилъ черезъ три минуты пузатый.

— Ска-а-тина! процѣдилъ проигравшійся и опустился на стулъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже храпѣлъ на всю комнату.

И далеко за полночь длилась эта беспорядочная попойка. Часть гостей разошлась по домамъ; казачекъ уже не было; свѣчи догараля и не долго ужъ, пожалуй, до разсвѣта. Бодрствовали пока еще: пузатый басъ, длинный, да младенецъ, не поддававшійся сну или дѣлавшій видъ, что не поддается. Душка уже выспался, вновь подкрѣпилъ себя и искалъ по угламъ Анисью. Наконецъ, войдя въ другую комнату, онъ увидѣлъ, что на постели, повер-

нувшись лицомъ къ стѣнѣ, кто-то поконится. Душка непослушными ногами подошелъ къ кровати и началъ теревить одѣяло, приговаривая:

— Душка, иди домой! Слышь... Я тебя... Пошла домой, душка...

Въ это время спавшій повернулся и разсерженнымъ голосомъ крикнулъ:

— Пошелъ вонъ, не мѣшай спать!

Душка по голосу узналъ, что это былъ хозяинъ.

Еще черезъ полчаса скосило и остальныхъ; свѣчи стали потухать; савозъ стекла пробивалась утренняя заря.

На валу подали повѣстку.

Положа руку на сердце, я долженъ сознаться, что изображеніе предыдущей картины, прежде всѣхъ, не доставляетъ никакого удовольствія мнѣ самому; но, вѣрный моей задачѣ — представить бытъ и жизнь прежняго кавказскаго офицера на передовомъ посту, указать на эти исчезнувшіе уже типы — я отдалъ дань исторической полнотѣ моихъ настоящихъ записокъ. Я не виноватъ, если все это происходило въ дѣйствительности. Мое дѣло — лишь не уклониться отъ истины, и я все описанное мною взялъ съ натуры. Можетъ быть, въ Топчи-пашѣ и во всѣхъ остальныхъ лицахъ, если онѣ еще не вымерли, многіе узнаютъ себя. Но не думаю, чтобы они, читая эти строки, упрекнули-бы меня въ томъ, что я ихъ вывелъ на сцену въ образѣ типовъ стараго боеваго кавказскаго времени; не думаю потому, что я ихъ рисовалъ все-таки болѣе или менѣе снисходительно. Не думаю также, чтобы благоразуміе приведенныхъ мною въ рассказѣ лицъ вызвало-бы у нихъ краску стыдливости: что дѣлать! то была неизбѣжная дань

времени, неизбежная сила обстоятельств, обойти которых ни для кого из нас было немисливо.

Но, кажется мнѣ, что нельзя и не слѣдуетъ подмѣчать лишь одну тривиальную сторону во всемъ моемъ описаніи „дня изъ жизни на передовомъ посту“. Обративъ медаль наизнанку, слѣдуетъ видѣть въ прежнемъ быту и въ прежней дѣятельности кавказскихъ офицеровъ то поученіе, которое столько-же назидательно для текущаго поколѣнія ихъ наслѣдниковъ, сколько указываетъ на пропасть, раздѣляющую и ихъ самихъ, и ихъ направленіе отъ всего давнопрошедшаго. Изготавливая матеріалъ для исторіи, авторъ не можетъ и не долженъ задаваться мыслью—описать лишь все блестящее, щегольское, молодецкое; онъ долженъ освѣтить картину со всѣхъ сторонъ,—иначе, онъ не понялъ-бы сущности историческихъ описаній.

Да не потревожатся кости ваши въ могилѣ, добрые старыя кавказцы, что, будучи преданъ вамъ всею душою, раздѣляя съ вами нѣсколько лѣтъ вашу славу и заслуги, я, не упустивъ изъ виду всѣхъ вашихъ высокихъ качествъ, коснулся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вашихъ недостатковъ. Такъ нужно, безъ этого нельзя. Не сдѣлай я этого—сказали-бы, что я васъ выдумалъ изъ своей головы или взялъ изъ Илиады Гомера.

Х.

Неудавшіся манифесты Шамиля и перемѣна тактики. Нападеніе Казимагомы на примирившіеся съ нами аулы. Своя своихъ не познаша. Попытки къ изъявленію покорности. Пораженіе тавлинцевъ. Возстаніе противъ Шамиля и сицилійская вечерня въ Итумъ-Кале. Орудіе горскаго лигья. Принятіе покорности отъ намба Батока. Великодушіе къ врагамъ. Отпаденіе отъ Шамиля пятнадцати обществъ. Устройство народныхъ управленій. Казим-Магома еще разъ разбитъ. Старые друзья сводятъ счеты. Еще неудача для Казим-Магомы въ Хачероѣ. Казим-Магому снова поражаютъ наголову и, наконецъ, вмѣстѣ съ тавлинцами, совсѣмъ изгоняють.

Послѣ двойнаго пораженія, понесеннаго горцами 30-го іюля, Шамиль болѣе не показывался въ отрядъ. Изучивъ хорошо своихъ годовѣрцевъ, принявъ отъ нихъ такъ недавно присягу въ сотый и *последній* разъ — подѣ известными условіями — онъ понималъ, что его присутствіе способно скорѣе вызвать раздраженіе толпы — вслѣдствіе понесенныхъ неудачъ и обманутыхъ ожиданій — чѣмъ сочувствіе къ нему. Объ обаяніи говорить было нечего; пора для него уже давно миновала. Съ отрядомъ оставался сынъ его Казим-Магома, а самъ имамъ, заключивъ себя добровольно въ Ведено, разсылалъ лишь оттуда гонцевъ во всѣ стороны и дѣйствовалъ только чрезъ посредство сына. Всевозможныя воззванія летѣли одно за другимъ; въ нихъ краснорѣчиво и горячо Шамиль разсыпалъ свои увѣщанія, обѣщанія, надежды, — словомъ, все, что могло хоть навремя поддержать быстро падавшее его вліяніе. Но чеченцы поняли, что власть ихъ имама оказывается безсильною. Среди нихъ нашлись нѣкоторые благоразумные люди, которые, въ видахъ спасенія и охраненія своихъ, а затѣмъ, и общественныхъ

интересовъ, начали пропагандировать противъ мюридизма, давпвшаго ихъ столько лѣтъ, во имя газавата, въ лицѣ немногихъ избранныхъ. Этимъ избраннымъ, дѣйствительно, жилось хорошо, потому что, ничего не имѣя, они существовали на чужой счетъ; но каково-то было тѣмъ, кто ихъ *обязанъ* былъ содержать, кого они нещадно эксплуатировали, кто, ради ихъ эгоизма и честолюбія, не досчитывался у себя въ семьѣ рабочихъ рукъ, безъ которыхъ самимъ существовать было такъ трудно? Населеніе нагорной Чечни все это думало и передумывало тотчасъ по взятіи нами мескендукскихъ высотъ, а теперь, когда явились домой остатки партій, разбитыхъ въ ашюртовскомъ ущельи, когда матерямъ горько пришлось оплакивать потерю едва только подростшихъ своихъ дѣтей, — противъ Шамиля кипятилось въ сердцахъ нагорныхъ чеченцевъ уже не сомнѣніе, не неудовольствіе, а полное негодованіе. Естественно, что въ эти минуты, когда чаша народнаго терпѣнія переполнилась, всякій манифестъ Шамиля производилъ совершенно отрицательное вліяніе: вмѣсто привязанности, онъ возбуждалъ отклоненіе и оттолкновеніе; вмѣсто увѣренности въ силѣ и власти имама — насмѣшку надъ его безсиліемъ и ничтожествомъ.

Да, это было вполнѣ такъ, и мнѣ все это передавали впоследствии самые видные представители интынского общества, какъ напримѣръ, семейство бывшаго у нихъ нѣкогда намба Альдама, которое всѣ любили и уважали.

Испробовавъ все, что было возможно, и напрасно истощивъ всѣ свои усилія для того, чтобы еще разъ склонить на свою сторону нагорную Чечню, Шамиль перемѣнилъ тактику и обратился къ мѣбрамъ, которыя въ былое время часто употреблялъ съ успѣхомъ. Онъ приказалъ Кази-Магомѣ дѣйствовать на народъ, при помощи тавлинцевъ, силою: заставить чеченцевъ воевать и, въ обезпеченіе этого, потребовать у нихъ аманатовъ, а если не дадутъ, то взять этихъ аманатовъ опять-таки силою. На тавлинцевъ онъ еще могъ положиться, потому что дикость ихъ нравовъ, законность

ихъ въ мюридизмѣ, который у нихъ привился такъ, какъ Шамиль хотѣлъ его привить; затѣмъ, пожива и существованіе насчетъ другихъ; наконецъ, управленіе многими обществами пагорной Чечни посредствомъ тавлинскихъ наибовъ, которыхъ имамъ заблаговременно и предусмотрительно рассажалъ на эти мѣста, — все это ручалось ему, что для тавлинцевъ не настало еще время отступить отъ него. Онъ не ошибся: тавлинцы, дѣйствительно, сочувственно отнеслись и къ его воззваніямъ, и къ его приказаніямъ. По велѣнію Кази-Магомы, они потребовали у жителей разныхъ ауловъ заложниковъ; тѣ, конечно, добровольно не дали. Тогда, являясь въ эти аулы въ составѣ небольшихъ партій, они стали вытаскивать изъ дымовъ то сына, то дочь. А Кази-Магома, съ главными силами, стоялъ въ то время въ верховьяхъ Шаро-Аргуня и ожидалъ результата распоряженій своего отца. Въ отрядѣ его до этого дня были еще многіе чеченцы. Но вотъ, вѣсть о насиліи съ быстротою молніи облетѣла всѣ закоулки. Въ тотъ-же мигъ чеченцы, находившіеся въ отрядѣ, бросили Кази-Магому и полетѣли оградить и охранить свои семьи отъ покушенія тавлинцевъ. Это случилось въ день закладки укрѣпленія. Тавлинцы уже возвращались въ свой лагерь съ аманатами. Чеченцы, встрѣтивъ ихъ на дорогѣ, кинулись на нихъ съ неистовствомъ, весьма понятнымъ отцамъ и мужьямъ, у которыхъ отбираютъ ихъ дѣтей и женъ. Началась рѣзня. Изъ ближайшихъ ауловъ подослѣли тѣ, которые у себя дома, обманутые и устрашенные миссіями Кази-Магомы, скрѣпя сердце, должны были уступить насилію, и всѣ соединились противъ дикарей, посягнувшихъ на завѣтные права и чувства людей. Свалка была жестокая и, естественно, для тавлинцевъ кончилась неблагополучно, потому что, не смотря на всю ихъ отвагу, сила и ожесточеніе одолѣли. Чеченцы рубили своихъ единовѣрцевъ, сбрасывали ихъ съ обрыва въ Аргунь, разогнали остальныхъ во всѣ стороны и освободили заложниковъ.

И такъ, своя своихъ не познала.

Оказалось, что мѣра, которую придумалъ Шамилъ, была самая нелогичная, безумная: если до сего времени на сторонѣ его оставалась хоть горсть чеченцевъ, то со дня междоусобной рѣзни не осталось ни одного; кромѣ того, разъ навсегда положена между имъ и населеніемъ нагорной Чечни неодолимая преграда; мало и этого; онъ посѣялъ месть и вражду съ ихъ стороны столько-же по отношенію къ себѣ, сколько и по отношенію къ цѣлому тавлинскому племени и, въ особенности, къ тѣмъ тавлинскимъ наибамъ, которые сидѣли въ чеченскихъ обществахъ и содѣйствовали имаму въ выдачѣ заложниковъ на руки посланныхъ имъ, чрезъ посредство сына, депутатовъ. Съ этой минуты чеченцы ждали только удобнаго случая, чтобы раздѣлаться съ этими тавлинскими наибами, и изъ числа ихъ нѣкоторые, дѣйствительно, не миновали своей участи.

Чтобы достигнуть этого случая, а вмѣстѣ съ нимъ и своихъ цѣлей, чеченцы понемногу стали, такъ сказать, щупать начальнииа отряда и вліятельныя власти: не кусливы ли больно. Имъ все казалось, что коль скоро они явятся къ намъ съ повинною непосредственно послѣ игры, въ которую день-два назадъ играли съ нами, то русское правительство принять—прійметъ ихъ; но, розыскавъ главныхъ виновниковъ противодѣйствія, ему выраженного, непременно ихъ перевѣшаетъ. Пуще всего этого боялся самъ Батокъ. И вотъ, общества стали посылать съ повинною сперва одиночныхъ. Тѣ, съ замраніемъ сердца, начали являться въ Шатой къ генералу Кемпферту, который, за отсутствіемъ командующаго войсками, исполнялъ его обязанности, и рассыпались передъ нимъ въ такой безконечной преданности, о которой, повидному, у насъ и понятія не имѣютъ. Ничего, сошло благополучно: каждый, кто ни являлся, былъ принятъ радушно, миролюбиво и получалъ обѣщаніе въ томъ, что его муха не обидитъ. Живо разнеслась эта вѣсть по ауламъ, — и выходцы стали являться, чуть не ежечасно, десятками. Когда послѣ этого чеченцы убѣдились, что русское начальство

вовсе не гнѣвное и не страшное, то 11-го или 12-го августа явились уже жители вдругъ отъ нѣсколькихъ ауловъ, расположенныхъ по Шаро-Аргуну, просили принять ихъ покорность и защитить въ этомъ случаѣ отъ Кази-Магомы, который сидитъ у нихъ на шеѣ. Генераль Кемпфертъ не заставилъ себя долго упрашивать: взявъ изъ отряда два съ половиною баталіона пѣхоты, пять сотенъ кавалеріи, четыре орудія и двинулся къ Шаро-Аргуну. Прогулка была непродолжительная. Черезъ два-три часа опъ уже стоялъ надъ обрывомъ рѣки, гдѣ внизу былъ расположенъ отрядъ Кази-Магомы. Не долго думая, пѣхота и артилерія открыли огонь по непріятельскому биваку. Тавлинцы ужъ не предполагали отстрѣливаться, потому что и неудобно, а хлопотали лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь скорѣе подобрать своихъ раненыхъ и убитыхъ. Но и это имъ не удавалось, потому что въ то время, когда однихъ подбирали, на трупы ихъ ложились тѣ самые, которые ихъ тащили за ноги и за руки. Увидѣвъ, что дѣло скверное, тавлинцы побросали этихъ убитыхъ и раненыхъ и разбѣжались въ разныя стороны. Аулы, такимъ образомъ, освободились отъ своихъ паразитовъ.

А все опять услужили тавлинцамъ чеченцы-же. Мы и не знали, и не думали, что непріятель такъ близокъ отъ насъ и въ такомъ выгодномъ для насъ мѣстѣ. Чеченцы-же не только дали намъ клубокъ въ руки, но и провели насъ кратчайшею дорогою въ гости къ Кази-Магомѣ, которому мы упали, какъ снѣгъ на голову. Мало того: чтобы отомстить, и выѣстѣ съ тѣмъ пофигуривать своею искренностію и преданностію, многіе изъ нихъ, примкнувъ къ нашей колоннѣ, очень усердно пострѣливали сверху внизъ на своихъ собратьевъ, съ которыми еще такъ недавно, рука объ руку, стрѣляли по насъ.

Такова ужъ сила обстоятельствъ и такова слабость человѣческой природы.

13-го августа генераль Евдокимовъ возвратился въ Шатой. На утро, едва онъ раскрылъ глаза, ему доложили о прибытіи депута-

ціи отъ шатоевскаго общества. Во главѣ находился кадій Сураипъ-эффенди. Депутація эта явилась съ изъявленіемъ покорности отъ всего обширнаго шатоевскаго общества, тутъ-же представила аманатовъ и усердно просила—дать возможность обществу заявить на дѣлѣ всю свою преданность русскому правительству и полное отторженіе отъ Шамиля, противъ котораго, по заявленію депутаціи, не дрогнетъ рука ни одного шатоевца. Покорность была принята безусловно; депутаціи выражено возможное вниманіе; Сураипъ-эффенди санкціонированъ въ своемъ званіи и на него возложены были надежды и отвѣтственность за спокойствіе общества.

Эта привѣтливость и довѣріе народу очень нравились. Не прошло одного дня, какъ по слѣдамъ Сураипа явился Дуга, старшина чантынскаго общества, съ тѣми же предложеніями и—мало того—съ просьбою поддержать общество въ явномъ возстаніи противъ власти Шамиля.

Чантынское общество расположено въ крайнихъ верховьяхъ Чанты-Аргуна и съ одной стороны замыкаетъ собою нагорную Чечню. Богатое и многолюдное, оно всегда считалось стражемъ имама на границѣ кавказской черногоріи и, въ крайнихъ случаяхъ, всегда было его надеждою и оплотомъ, давая ему вѣрныхъ и преданныхъ слугъ. Но здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Шамиль самъ испортилъ свое дѣло. Не говоря о послѣднихъ обстоятельствахъ, онъ поселилъ неудовольствіе къ себѣ общества еще гораздо ранѣе. Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ до того времени, померъ наибъ Альдамъ, семейство котораго пользовалось въ обществѣ особымъ почетомъ, Шамиль, вслѣдствіе интригъ мюридовъ, обошелъ въ наибскомъ достоинствѣ старшаго сына Альдама—Мажи и, признавъ общество излишне либеральнымъ и своевольнымъ, посадилъ ему въ наобы тавлинца Амзата, или иначе — Гамзата, человека преданнаго ему, закоснѣлаго мюрида и жестокаго фанатика. Съ той минуты негодованіе противъ имама поселилось прежде всего въ

семь Альдама, которая изподтишка начала строить козни (*). Амзатъ, кромѣ того, самъ помогъ усилиться и разростись этому негодованію во всемъ обществѣ: жадный къ прибыли, въ особенности къ деньгамъ, и получивъ въ аренду такое обширное, богатое и знаменитое въ горахъ общество, онъ сталъ грабить его не на животь, а на смерть. Въ резиденціи его, въ аулѣ Игумъ-Кале, каждую пятницу бывали не то что базары — цѣлыя ярмарки. Сюда съѣзжались кистины, лезгинны, чеченцы, горскіе евреи и привозили на продажу не только сырыя произведенія, скотину, не только всякій товаръ мѣстнаго изготовленія, но даже золотыя и серебряныя вещи, — по большей части, конечно, награбленныя у русскихъ. Эти базары служили для Амзата главнымъ предметомъ и поводомъ обогащенія: кромѣ того, что Амзатъ и его племянникъ пользовались случаемъ, чтобы законно кого-либо ограбить изъ завѣзжихъ торговцевъ, подъ видомъ штрафа, сами торговцы, зная звѣрскій характеръ наиба, дѣлали ему разные подарки, лишь-бы оградить свою личность и товаръ отъ всякаго незаслуженнаго на нихъ посягательства. Все это было причиною тому, что негодованіе въ чантынскомъ обществѣ противъ Шамиля, противъ Амзата и его племянника, ко времени завоеванія нами Шатоя, возросло до крайнихъ предѣловъ.

Въ составъ чантынскаго общества, между прочимъ, входили кистины и часть жителей акинскаго общества. Такимъ образомъ, чантынское общество было очень важно и для насъ, какъ территория обширная и многонаселенная. Полученіе этого общества безъ боя — на что всегда было мало надежды — являлось для насъ великолѣпнымъ и неожиданнымъ подаркомъ.

(*) Все это мнѣ передавалъ старшій сынъ Альдама и нѣкоторые жители Игумъ-Кале.

Дуга ручался, что если генераль Евдокимовъ поддержитъ чантынцевъ, то всѣ они возстанутъ поголовно въ одинъ день, даже въ одну часть, такъ какъ въ средѣ ихъ весь матеріалъ для этого возстанія уже вполне подготовленъ. Командующій войсками, зналъ, что онъ ничего не теряетъ, еслибы Дуга даже и обманулъ его, и пользуясь случаемъ испытать на дѣлѣ преданность шатоевцевъ и ихъ представителя — кадія, ввѣрилъ Сураипу-эффенди двѣ сотни чеченской милиціи и приказалъ ему занять Итумъ-Кале — сердце чантынскаго общества. Для того-же, чтобы съ одной стороны поддержать Сураипа, а съ другой — не допустить его дѣйствовать самостоятельно и обособленно, генераль приказалъ полковнику Баженову двинуться съ колонною изъ двухъ съ половиною баталіоновъ пѣхоты, четырехъ сотенъ казаковъ и четырехъ орудій по слѣдамъ Сураипа прямою дорогою, вверхъ по Чанты-Аргуну, на гору Туллой-Ламъ, которая находится въ виду Итумъ-Кале, и тамъ остановить колонну, какъ-бы въ видѣ наблюдательнаго и охранительнаго поста. Амзатъ, конечно, ничего этого не зналъ и не предугадывалъ; сидѣлъ себѣ, съ своимъ племянникомъ, за крѣпкою оградой наибскаго дома и считалъ награбленные имъ богатства и деньги. Вдругъ, 16-го августа, съ горы Туллой-Ламъ раздаются два сигнальные орудійные выстрѣла, которые были слѣланы полковникомъ Баженовымъ, по условію съ Дугою и Сураипомъ. Амзатъ встрепнулся. Первое, что вскинулось ему на мысль, это — предположеніе, что русскіе атакуютъ чантынцевъ. Увѣренный въ стойкости этихъ удалцовъ и въ преданности ихъ имаму, Амзатъ поспѣшилъ къ двери, потомъ къ оградѣ, съ намѣреніемъ взвзвать къ правовѣрнымъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что итумкальцы, съ обнаженными шалками, рассыпались по аулу, а Дуга и Мажи, съ кинжалами въ рукахъ, стремятся къ его дому. Во мгновеніе ока ему всплыли на мысль всѣ его злодѣянія, грабежи, насилія, которыя сопровождали его дѣятельность въ теченіи долгаго времени. Не сомнѣваясь болѣе въ дѣйствительности

всей окружающей его обстановки, Амзатъ схватилъ своего коня, вскочилъ на него безъ сѣдла, крикнулъ своему племяннику: „спасайся“! и, какъ прижаренный валенымъ желѣзомъ, стремглавъ понесся къ оврагу; оттуда, по едва проходимой тропинкѣ, спустился въ кручу, подъ нѣсколькими выстрѣлами чантынцевъ, и исчезъ въ пропасти. Племянникъ его, и при немъ два мюрида, изъ которыхъ одинъ былъ гость, стояли у ограды съ разинутыми ртами, не постигая, что все это значить. Но Мажи и Дуга, а за ними и братья Мажи—Тата и Шама—скоро вывели ихъ изъ заблужденія. Подбѣжавъ къ набскому двору, Мажи, безъ разговора и околичностей, всадилъ кинжалъ въ грудь племянника Амзата вплоть до самой рукоятки и дважды повернулъ его; въ это время Дуга, Тата и Шама, за ними ихъ братья — Алханъ и Ахметъ—управлялись съ мюридами. Прибѣжалъ народъ—и черезъ часъ отъ всего богатства Амзата остались только прахъ и пыль. Сицилійская вечерня была рассчитана такъ вѣрно и исполнена такъ удачно, что ни одинъ изъ паразитовъ-мюридовъ, находившихся въ аулѣ, не избѣгнулъ своей участи: всѣ пали подъ кинжалами чантынцевъ. Добычею оставшихъ жителей были значокъ и пушка, которые они нашли во дворѣ наиба и тотчасъ передали съ рукъ на руки вступившему въ аулъ кадю Сураипу. Послѣдній занялъ замокъ Амзата, поспѣшилъ распоясаться и, съ вершины той башни, гдѣ былъ замученъ голодомъ не одинъ безвинный чантынецъ, провозгласилъ: „ля-илляхи-иль-алла, Магометъ русуль улахъ“!

На утро, въ Итумъ-Кале явились жители ближайшихъ ауловъ и принесли Сураипу поздравленіе и благодареніе за освобожденіе ихъ отъ власти Шамиля. Сураипъ, нѣсколько превысившій свою власть и роль, принималъ эти заявленія искреннихъ чувствъ—отъ имени русскаго правительства, обѣщала смирившимся всѣ льготы. Генералъ Евдокимовъ не обижался: пусть, молъ, побалуется...

Жизань—своего рода картежная игра: если повезетъ — пужно пользоваться, потому что будетъ везти до известнаго предѣла. Только хорошій, неувлекающійся игрокъ забастуетъ вовремя.

По взятіи Шатоя намъ везло, какъ никогда. Генералъ Евдокимовъ былъ игрокъ опытный; онъ быстро пользовался улыбками счастья, ловилъ ихъ налету и еще не намѣренъ былъ выпустить карты изъ рукъ. Далѣе увидимъ, что онъ остановился, гдѣ слѣдовало.

Въ день рѣзни въ Итумъ-Кале, въ лагерь явился одинъ нашъ бѣглый рядовой, Максимъ Кабанниковъ, и принесъ повинную, выразивъ намѣреніе загладить свое заблужденіе тѣмъ, что выдастъ намъ одно горское орудіе. Командующій войсками обѣщалъ ему свое заступничество и ходатайство о помилованіи. Максимъ былъ для насъ неваженъ и неуженъ; но орудіе чего нибудь стоило, потому что, съ потерей его, наши враги лишались еще одного средства защиты и одного способа, посредствомъ котораго могли принести намъ вредъ. Максиму дали надежное прикрытіе, съ которымъ онъ отправился въ лѣсъ, и тамъ указалъ мѣсто, гдѣ зарыто было орудіе. Дѣйствительно, откопали пушку горскаго лянтя. Пушка была отлита далеко не аляповато. По словамъ горцевъ, она родилась въ сороковыхъ годахъ, въ Дагестанѣ, въ аулѣ Кубачи, который въ свое время былъ горскою Тулою. Эта пушка была дана Шамилемъ надежнѣйшему изъ его сподвижниковъ — паибу Батока, который спряталъ ее по взятіи нами Шатоя. Не успѣла прибыть пушка, какъ вслѣдъ за нею кадій Сурапъ прислалъ доложить, что самъ Батока, со всѣмъ своимъ семействомъ, изъявляетъ покорность, ищетъ пощады и проситъ разрѣшенія предстать предъ генерала Евдокимова. Милость русскаго правительства и здѣсь выразилась во всей своей широтѣ: позволеніе дано, и на слѣдующій день Батока, еще невполнѣ излечившійся отъ недавней раны, явился со всѣмъ своимъ семействомъ и предоставилъ себя великодушію Государя. Безъ упрека, безъ напомнаній о прошломъ,

онъ былъ принятъ, какъ старый хорошій знакомый, и даже оставленъ въ *прежде занимаемой имъ должности* шатовскаго намба.

Такъ все быстро ускользало изъ рукъ и изъ подъ власти старика имама!

Командующій войсками приказалъ полковнику Баженову не сходить до времени съ Туллоу-Мамы и заняться разработкою оттуда дороги къ обществу Чижнахою. Лишь только, черезъ день или два, трасировка была сдѣлана — явились и чижнахойцы, чуть не съ хлѣбомъ-солью. И они были приняты нами, какъ добрые знакомые. Аманаты отъ нихъ были взяты, но имъ самимъ вѣрно было оставаться на своихъ мѣстахъ. И вправду, еслибы всѣхъ, въ то время покорявшихся намъ, пришлось-бы выселять на плоскость, то у насъ на линіи земли-бы не хватило, а внутренность горъ опустѣла-бы — что для насъ было-бы невыгодно, потому что близость горцевъ къ Шатою и къ укрѣпленію Аргунскому, къ Итумъ-Кале, гдѣ уже была наша колонія, была полезна для нашихъ поселеній въ томъ отношеніи, что все таки доставляла намъ возможность пользоваться сельскими произведеніями и продуктами; кромѣ того, мирные горцы становились нашимъ оплотомъ противъ Шамиля, съ которымъ у нихъ всѣ связи были уже окончательно порваны. Что связь эта потеряна была безвозвратно—доказывалось тѣмъ, что не проходило дня, чтобы то или другое общество не возставало противъ властей шамильскихъ, подобно Чантамъ, и не избивало-бы его посадниковъ, представителей и агентовъ—все тавлинцевъ. Словомъ, рѣзни между правовѣрными шла вѣкругъ насъ на славу. Озлобленіе противъ тавлинцевъ вообще, противъ мюридовъ въ особенности, было до такой степени сильное, что никто изъ нихъ, ложась вечеромъ спать, не ручался, что встанетъ утромъ съ головою на плечахъ. Такое безвыходное положеніе приверженцевъ Шамиля заставило, наконецъ, и ихъ обратиться къ отрядному начальству, съ просьбою охранить ихъ жизнь и предоставить имъ возможность убраться подальше въ горы, на родину. Каждый день являлись они подъ

защиту полковника Бѣлика, которому начальникъ отряда поручилъ образованіе и устройство народныхъ управленій во вновь покорившихся обществахъ. Полковникъ Бѣликъ, соображаясь съ цѣлями генерала Евдокимова, спасъ многія тавлинскія головы и далъ имъ возможность обратиться благополучно изъ Чечни.

Каждый день, если не одно, то два общества падали ницъ къ подножію русскаго Престола—и командующій войсками всѣхъ прибиралъ и приберегалъ. Такимъ образомъ, до истеченія августа мѣсяца, изъявили намъ покорность слѣдующія общества: шатоевское, чантынское, мулкоевское, дышнынское, зумсойское, чижнахойское, терлоское, хачеройское, хальдыхройское, чахойское, намахское, митхойское, маистское, чаберлоевское, и, въ концѣ концовъ, шароевское. Послѣднія два для насъ были столько-же важны, какъ и чантынское. Какъ чантынское стояло у Шамиля настражѣ въ верховьяхъ Чанты-Аргуна, такъ чаберлоевское, границею котораго была гора Даргинъ-Дукъ, и шароевское замыкали собою нагорную Чечню со стороны Шаро-Аргуна. Покорность ихъ, кромѣ того, имѣла еще и ту важность, что общества эти были населены наполовину чеченцами, наполовину тавлинцами. Значить, и къ тавлинцамъ стала уже понемногу закрадываться мысль о необходимости смириться и, если не возставать явно противъ своего имама, то, по крайней мѣрѣ, подчиниться и покориться намъ.

Теперь ужъ мы соприкасались съ райономъ командующаго войсками на лезгинской кордонной линіи, и все нагорное пространство Чечни до границъ тушино-пшаво-хевсурскаго общества было у насъ въ рукахъ, даже у насъ подъ пятою. Полковникъ Бѣликъ быстро организовывалъ одно управленіе за другимъ, не стѣсня горцевъ, не нарушая ихъ завѣтныхъ порядковъ и обычаевъ, даже, по возможности, оставляя имъ прежнихъ правителей и руководителей, если общества не имѣли противъ нихъ никакихъ претензій. Чеченцы быстро спознали, что эта теорія несравненно лучше шамильской, и били себя по головѣ за то, что не спохва-

тились ранѣе. Ни въ малой, ни въ большой Чечнѣ всѣ порядки и благоустройство не прививались такъ усиленно, какъ въ нагорной Чечнѣ: въ первыхъ двухъ районахъ, въ разныхъ Назранахъ, Урусъ-Мартанахъ, горцы, не смотря на установленіе, сравнительно, давно управленій, все-таки смотрѣли на насъ волками, не отказываясь грабить и обирать насъ при первомъ удобномъ случаѣ; въ нагорныхъ-же обществахъ, разъ изъяснивъ намъ свою покорность, они не только пальцемъ не шевельнули противъ русскихъ, но, со дня перехода въ наше подданство, становились нашими усердными и надежными слугами.

Полковникъ Баженовъ, разработывая дорогу къ Чантамъ съ Туллой-Ламы черезъ перевалы, вскорѣ убѣдился, что этотъ путь, удобный въ лѣтнее время для переѣзда всадника, вовсе не годится зимою, потому что, не говоря ужъ о крайней трудности разработки, онъ подверженъ снѣжнымъ заваламъ и на нѣсколько мѣсяцевъ отрѣзывалъ-бы у насъ всякія сношенія съ Шатоемъ. Вслѣдствіе этого и, по распоряженію начальника отряда, независимо болѣе или менѣе разработанной уже дороги съ Туллой-Ламы, приступлено къ проложенію нижней дороги, вверхъ по теченію Чанты-Аргуна, въ глубокой его трещинѣ. Работа быстро подвигалась впередъ.

Далѣе мы поговоримъ о сообщеніи между укрѣпленіями особо.

Кази-Магома увидѣлъ, что для его родителя все потеряно. Теперь задача его состояла уже не въ томъ, чтобы возвратитъ къ власти имама населеніе нагорной Чечни, но въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, наказать его за отпаденіе. Не смотря на то, что сынъ Шамиля понесъ весьма чувствительное пораженіе отъ руки генерала Кемпфера, онъ все-таки не оставлялъ верховьевъ Шаро-Аргуна. Но такъ какъ его мѣстопробываніе было намъ теперь хорошо извѣстно, то за нимъ наблюдала особая колонна Наумова, состоявшая изъ пяти ротъ, при двухъ орудіяхъ, и расположенная у аула Хали-Кале. Кромѣ того, мѣстные жители слѣдили за тавлинцами еще болѣе зорко, чѣмъ мы сами, и о каждомъ ихъ на-

мѣреніи, о каждомъ ихъ вздохѣ тотчасъ давали знать въ главный лагерь и полковнику Наумову. 19-го августа, рано утромъ, они довели до свѣдѣнія полковника Наумова, что непріятель переходитъ на лѣвую сторону Шаро-Аргуна и, какъ замѣтно, намѣренъ что-то предпринять. Полковникъ Наумовъ тотчасъ двинулся навстрѣчу Казн-Магому. На полпути онъ уже услыхалъ выстрѣлы. Оказалось, что сынъ Шампила напалъ на аулы, расположенные по Шаро-Аргуну, и хотѣлъ дать имъ почувствовать всю силу мести ихъ недавняго владыки. Но жители, не ожидая прибытія нашихъ войскъ, встрѣтили его стойко, съ полнымъ озлобленіемъ. Тутъ силы были уже относительно равны, потому что у обѣихъ сторонъ артилеріи не было, а слѣдовательно и ни у кого не было перевѣса. Начальникъ колонны ускорилъ движеніе, подоспѣлъ вовремя, атаковалъ горцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Испытавъ здѣсь неудачу и убѣдившись, что на этихъ пунктахъ онъ находится, такъ сказать, подъ надзоромъ нашихъ войскъ, которые въ состояніи всегда предупредить его дѣйствія, Казн-Магома рѣшилъ попытать счастья въ другомъ направленіи. 21-го августа онъ двинулся къ чантынскому обществу, съ намѣреніемъ обратиться въ пепель Итумъ-Кале. Онъ, вѣроятно, не зналъ, что въ этомъ аулѣ находится наша летучая колонна, подъ начальствомъ маіора Арцу Чермоева, состоявшая изъ двухъ ротъ, двухъ сотенъ казаковъ и тѣхъ двухъ сотенъ милиціи, которыми командовалъ Сураипъ-эффенди. Что-же касается до самыхъ чантынцева, то, предвидя всякія покушенія на нихъ со стороны тавлинцевъ и слѣдя за ними не менѣе зорко, какъ слѣдили жители ауловъ по Шаро-Аргуну, они устроили у себя рядъ наблюдательныхъ постовъ, черезъ которые, кажется, и зайцу трудно было проскочить незамѣченнымъ. Поэтому, лишь только Казн-Магома ступилъ на границу чантынскаго общества, извѣстіе о томъ, съ быстротою молніи, долетѣло до Итумъ-Кале, и всѣ окрестные жители были въ одинъ часъ на ногахъ и на конѣ. Тавлинцевъ допустили шагнуть внутрь

общества, насколько это было возможно и необходимо, чтобы отрёзали имъ отступление. Когда-же они пробрались къ тому мѣсту, гдѣ намъ удобно было ихъ встрѣтить, именно, у подножія чантынскаго хребта, то столкнулись лицомъ къ лицу съ нашею летучею колонною, во главѣ которой находились сами чантынцы. Послѣдніе пожелали, чтобы первенство въ бою было предоставлено имъ. Послѣ оживленной перестрѣлки, они атаковали тавлинцевъ, и завязался ожесточенный рукопашный бой, гдѣ старые друзья сводили свои счёты. Маіору Арцу въ это время удалось ударить неприятелю во флангъ. Схваченный, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ, Кази-Магома началъ послѣшное отступление, но въ тылу у себя встрѣтилъ свѣжую чантынскую коницу, которая перерѣзала ему дорогу. Бой былъ страшный, хотя недолгій, и, спустя часъ, на мѣстѣ не осталось ни одного тавлинца; оставшіеся въ живыхъ отъ этого рѣшительнаго пораженія разбѣжались въ одиночку въ разныя стороны.

Но Кази-Магома не унывалъ. Всѣ свои несчастья онъ приписывалъ, просто, случаю, вліянію русскихъ и ихъ близкому присутствію. Онъ былъ увѣренъ, что еслибы не эти препятствія, то жители не посмѣли-бы поднять руку на своего владыку или ихъ представителя. Собравъ свои разсѣянныя толпы, онъ сталъ ихъ приводить въ порядокъ, утвердившись у свѣговаго хребта, въ шароевскомъ обществѣ, которое, по отдаленности своей отъ насъ, еще оказывало ему если не искреннее, то, по меньшей мѣрѣ, наружное расположеніе—изъ опасенія подвергнуться наказанію Шамиля. Теперь на немъ одномъ остановилась тавлинская экзекуція, которая безвозмездно и безнаказанно пожирала шароевскихъ барановъ. Нѣсколько оправившись, не удовлетворяясь послѣднимъ пораженіемъ и все еще вѣруя въ звѣзду отца, Кази-Магома, 27-го августа, рискнулъ на третью попытку — пощупать хачероевцевъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого общества войска наши были въ сторонѣ и немного далеко. Но едва онъ сунулъ свой носъ въ Хачерой, его встрѣтили

дружными выстрѣлами и тотчасъ послали за помощью въ сосѣднія общества. Увидѣвъ, что и здѣсь онъ лишній, Кази-Магома не рѣшился вступать въ открытый бой, изъ опасенія быть снова отрѣзаннымъ въ своемъ отступленіи. Передавъ анаѣемъ все правобѣрное населеніе нагорной Чечни, сынъ имама отправился обратно въ Шарой, придумывая новые способы къ наказанію бывшихъ данниковъ своего родителя, которому, съ отпаденіемъ въ короткое время здѣсь и въ малой Чечнѣ такого громаднаго количества обществъ, кормившихъ и повившихъ его всегда такъ усердно, приходилось хоть по міру идти.

Пока сынъ полуотверженнаго горнаго владыки собирался съ мыслями и съ новыми силами, генералъ Евдокимовъ успѣшилъ предупредить его. Командующему войсками падоѣли уже всѣ покушенія Кази-Магомы, безпокоившія нашихъ новыхъ подданныхъ и отвлекавшія насъ отъ работъ.

Поэтому, онъ приказалъ полковнику Бѣллику увѣять неусидчивое дѣтище имама, и предоставилъ въ его распоряженіе два баталіона пѣхоты, два орудія и три сотни кавалеріи. Когда чантынды узнали, что предиринимается движеніе противъ тавлицевъ, то испросили позволеніе принять въ немъ участіе. Позволеніе не замедлило, и чантынды выставили двѣ молодецкія сотни своихъ воиновъ, которыя и выступили во главѣ колонны; онѣ-же были и путеводителями полковника Бѣлліа, которому пришлось вступить въ мѣста совершенно неизвѣстныя.

30-го августа, въ день тезоименитства Государя Императора, войска, принявъ поздравленіе начальника колонны и отвѣтивъ на него, вмѣстѣ съ чантындами, одушевленнымъ и единодушнымъ „ура“! — двинулись на Дышны-Лама и Хачерой-Лама. Внизу, въ ущельяхъ, было лѣто; но, по мѣрѣ подъема на горы, гдѣ на вершинахъ лежалъ уже снѣгъ, становилось все холоднѣе и холоднѣе. Дороги не было; вились только тропинки, по которымъ нужно было взби-

ратся въ одиночку. Все-таки хребты были пройдены благополучно, и слѣдующій за ними былъ уже снѣговой хребетъ. Было близко къ вечеру; колонна вступила въ шароевское общество и быстро спу- скалась въ ущелье. Чантынцы объявили, что непріятель находится въ разстояніи четверти часа ходьбы. Избравъ при спускѣ съ горы одно изъ обширныхъ плато, полковникъ Бѣликъ пріостановился, давая время стянуться войскамъ. Уже съ полудня дулъ довольно сильный вѣтеръ и накрапывалъ дождикъ, а къ вечеру вѣтеръ уси- лился и, пока подходилъ арьергардъ колонны, дождь обратился въ снѣгъ, и началась мятель. Колоннѣ, по необходимости, приходи- лось остановиться; но чантынцы находили, что это время — самое удобное для того, чтобы напасть на непріятеля, и просили разрѣ- шенія идти впередъ. Полковникъ Бѣликъ имъ не препятствовалъ. Быстро спустившись въ ущелье, чантынцы мигомъ пролетѣли раз- стояніе до перваго аула, гдѣ былъ лагерь Кази-Магомы, застали тавлинцевъ врасплохъ и тотчасъ-же ихъ атаковали. Смущенные этою неожиданностію, тавлинцы обратились въ бѣгство и начали искать спасенія въ самомъ аулѣ. Но, къ крайнему ихъ удивленію, они здѣсь встрѣтили тотъ пріемъ, который ихъ ужъ окончательно озадачилъ: шароевцы, вмѣсто гостепрѣимства, начали гнать и ру- битъ своихъ одновѣрцевъ. Увидѣвъ это, чантынцы удвоили свое усердіе,—и началась рѣзня, которая далеко превосходила ту, что была при нападеніи Кази-Магомы на чантынское общество. Тѣ тав- линцы, которые успѣли убраться изъ аула вздрвѣ, опроретью бѣ- жали на другую сторону ущелья, рассыпаясь и укрываясь въ тру- щобахъ. Ночь прекратила битву.

На слѣдующій день въ лагерь полковника Бѣлика явились шароевскіе старшины и депутаты, принесли ему покорность и при- знательность за освобожденіе ихъ отъ ига тавлинскаго.

Что же касается до самихъ тавлинцевъ, то, пользуясь симъ удобнымъ случаемъ, они бѣжали безъ оглядки прямо въ свои род-

ные аулы, и начальнику ихъ полчища пришлось возвратиться во-
свояси съ самою ограничевною свитою мюридовъ, которые ѣхали
за своимъ предводителемъ, повѣся носы и понуривъ свои бритыя
головы.

Тѣмъ и кончились всѣ замыслы Шамиля и всѣ покушенія его
неспособнаго сына.

XI.

Урочище Гакко. Укрѣпленіе Шатовское. Линія огня. Составъ гарнизона. По-
мѣщенія для солдатъ и офицеровъ. Дорога въ укрѣпленіе Евдокимовское; баш-
ни; висячій мостъ; аулъ Башинъ-Кале. Укрѣпленіе Евдокимовское. Окрестности
его. Аулъ Итумъ-Кале и его жители. Дѣвочка Тоу. Последніе вздохи Ша-
миля. Заключеніе.

Когда мы освободились отъ непрошеннаго и безпокойнаго со-
сѣдства Казп-Магомы, то обратили исключительное вниманіе на зем-
ляныя и строительныя работы. Дорога между укрѣпленіями Аргун-
скимъ и Шатовскимъ была окончена; по ней свободно могли дви-
гаться на колесахъ обозы и артилерія — конечно, въ одинъ путь;
укрѣпленіе Шатовское росло и росло; о-бокъ съ Итумъ-Кале за-
ложенъ пока временный редутъ, преобразовавшійся скоро въ укрѣ-
пленіе Евдокимовское. Соещеніе между имъ и главнымъ лагеремъ
было уже открыто и производилось безпрятственно.

Въ какомъ видѣ все тамъ теперь, осталось ли что-нибудь, на-
поминающее прежніе дни и подвиги старыхъ кавказцевъ — не знаю,

Вѣроятно, все кругомъ давнымъ давно оевропеилось и цивилизовалось. Но въ ту пору, тамъ все-таки отзывалось своего рода патриархальностію, и какъ оно было тогда—поспѣшаю изложить въ томъ видѣ, въ какомъ всѣ эти мѣста перешли у меня на бумагу въ концѣ 1858 года.

Урочище Гакко (почеченски—свинья), на которомъ возведено укрѣпленіе Шатоевское — бывшая штабъ-квартира навагинскаго полка, находится въ двадцати пяти верстахъ отъ бывшей крѣпости Воздвиженской, считая разстояніе вверхъ по теченію Аргуна. Оно, вмѣстѣ съ аулами, существовавшими на немъ, получило свое названіе отъ горы, ограничивающей его съ востока; съ юга оно открыто и, постепенно понижаясь къ сѣверозападу, оканчивается обширной террасой на высотѣ пятисотъ футовъ надъ уровнемъ Аргуна. Съ югозапада урочище Гакко ограничено глубокимъ обрывистымъ оврагомъ, на днѣ котораго протскаетъ рѣченка Верды-Аххъ — притокъ Чанты Аргуна съ правой стороны. За оврагомъ—крутой подъемъ на гору и дорога въ укрѣпленіе Евдокимовское.

Я часто спрашивалъ у горцевъ шатоевскаго общества, почему гора, давшая названіе урочищу, сама заслужила такое незамысловатое прозвище; но на всѣ мои вопросы они очень наивно пожимали плечами.

Противъ урочища Гакко, по лѣвую сторону рѣки Чанты-Аргуна, лѣнятся у горы двѣ башни; обѣ нихъ сохранилась какая-то легенда, но она такъ темна и бессмысленна, что не заслуживаетъ вниманія.

Постройка укрѣпленія Шатоевскаго начата на покатости, нисходящей къ Аргуну. Лнія огня его до двухъ съ половиною верстъ; укрѣпленіе имѣетъ видъ четырехугольника. Въ концѣ 1858-го года оно было обнесено каменною стѣною, во многихъ мѣстахъ еще не сплоченною глиною. Юговосточная сторона этой стѣны обращена въ поле, перекинута черезъ три высокіе кургана и укрѣплена по угламъ

двумя башнями, а посерединѣ—двумя бастіонами, съ сильною перекрестною обороною.

Внутреннія постройки, за исключеніемъ недоковченныхъ каменныхъ казармъ въ сѣверномъ углу укрѣпленія, въ концѣ 1858-го года состояли изъ мазанокъ или, лучше сказать, теплыхъ бараконъ и землянокъ. При вырытіи послѣднихъ, должно думать, что была еще наблюдаема кое-какая система; но что касается до первыхъ, т. е. до бараконъ, то они, какъ нельзя болѣе, говорили въ пользу былой самостоятельности кавказскаго офицера: каждый баракъ стоялъ непремѣнно отдѣльно,—одинъ на курганѣ, другой—у подножія его, третій—Богъ знаетъ гдѣ въ сторонѣ, четвертый бойко высунулся чуть не на середину площади. Едва-ли, при постройкѣ ихъ, со стороны мастеровыхъ не было приложено старанія, чтобы даже всѣ ихъ наружные выходы смотрѣли въ разныя стороны. Что-то ужъ много заранѣе обдуманнаго проглядывало въ архитектурѣ шатоевскихъ бараконъ.

Въ укрѣпленіи былъ даже клубъ—весьма похожій въ то время на тѣ необмазанные и невыбѣленные сараи, которые часто попадаютъ въ уѣздныхъ городахъ внутреннихъ губерній Россіи и носятъ названіе этапныхъ дворовъ. Похожъ онъ былъ также снаружи и на цейхгаузъ прежнихъ инвалидныхъ командъ. Внутренность клуба состояла изъ зала, гдѣ обѣдали и ужинали всѣ желающіе офицеры за самую умѣренную плату (отъ 7 до 10 рублей въ мѣсяцъ), да еще изъ двухъ комнатъ—буфета и кухни, немного темноватыхъ и безъ пола, но во всемъ остальномъ удовлетворявшихъ назначенію. Церковь устроена была временно въ одной изъ казармъ, въ сѣверномъ углу укрѣпленія. Лазаретъ находился рядомъ съ церковью.

Въ составѣ гарнизона укрѣпленія, въ концѣ 1858-го года, находились три баталіона навагинскаго полка, съ кое-какими командами. Въ это время укрѣпленіе, какъ усматривается и изъ суще-

ствовавшихъ въ немъ разнаго рода построекъ и хозяйственныхъ учреждений, было уже не передовымъ постомъ, а штабъ-квартирою. Нѣкоторыя роты, проживавшія, до заложения укрѣпленія, цѣлые годы то въ палаткахъ, то подъ открытымъ небомъ, были вполне довольны своимъ помѣщеніемъ въ землянкахъ и войлочныхъ кибиткахъ. Вообще, шатоевскому гарнизону жить было довольно сносно. Хотя работъ было по горло, но за то, труды солдатъ вознаграждались возможными удобствами: баня была внизу, надъ притокомъ Верды-Аххъ, слѣдовательно подъ рукою; вмѣсто сухарей, они, почти противъ обыкновенія, ѣли мягкій хлѣбъ; оказій въ крѣпость Воздвиженскую и въ Грозную ничто не затрудняло,—такъ что въ самомъ непродолжительномъ времени каждый солдатъ могъ добывать себѣ все нужное для своего домашняго обихода;—словомъ, стоянка для гарнизона была лучше бивачной жизни.

Кромѣ контрагованныхъ духанщиковъ, въ укрѣпленіи находился продавецъ красныхъ товаровъ, горскій еврей, съ небольшою лавченкою, окупавшею ему, торговлю съ татарками, не только весь матеріалъ, изъ котораго былъ построенъ его магазинъ, но даже и все, что на немъ самомъ было. Подлѣ этой лавченки существовалъ трактиръ, съ вывѣскою, куда досужіе капралы и прочіе ротные чиновники заходили *мѣнять деньги*.

Вотъ какія удобства были въ 1858-мъ году въ укрѣпленіи Шатоевскомъ. Всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, имѣли благодѣтельное вліяніе на бытъ солдата,—да и офицеръ, пожалуй, не скучалъ, потому что были изрѣдка и заѣзжіе, и *затѣжія*...

Изъ Шатоевскаго въ Евдокимовское существовали двѣ дороги: верхняя и нижняя. Обѣ онѣ такъ живописны и разнообразны, какъ немногіе уголки на Кавказѣ, въ особенности въ пынѣшней Терской области. Обыкновенною проѣзжею дорогою тогда была верхняя,—и вотъ она:

Переѣхавъ рѣчку Верды-Аххъ и взобравшись на гору, вы

прежде всего останавливали вниманіе на хуторѣ наиба Батока, который теперь едва-ли существуетъ. Тогда онъ занималъ вершину обширнаго и совершенно отдѣльнаго холма. Говорили, что наибъ уединился собственно потому, чтобы не имѣть никакихъ сношеній съ шатоевцами, которые большею частію его не любили. Среди общества были многія семейства, которыя питали къ наибу кровавую месть, но обязаны были ему подчиняться, потому что боялись Шамиля, который бы, разгнѣвавшись, еслибы Батока не снесъ головы на плечахъ, могъ замѣнить его для шатоевцевъ какимъ-нибудь тавлинцемъ, въ родѣ Амзата. Только боязнь общества — промѣнять кукушку на ястреба, заставляла его притаять свое неудовольствіе протівъ Батока и молчать до поры, до времени. Одною изъ главныхъ причинъ слабого сопротивленія, которое оказывали намъ шатоевцы, и быстрого принесенія ими покорности—былъ именно разладъ общества съ наибомъ. Вообще, изъ всего этого оказывается, что Шамилъ не умѣлъ управлять народомъ: его тактика и приемы, его деспотизмъ и самовластіе годились только до перваго случая, а лишь являлся этотъ случай—въ образѣ ли нашихъ войскъ, или въ иномъ давленіи—онъ, по большей части, служилъ не въ пользу имама. Тогда какъ, наоборотъ, ему слѣдовало бы, въ виду всякаго крайняго случая, скорѣе заискать въ народѣ, чѣмъ излишне отягощать его разными поборами, экзекуціями, прижимками посредствомъ наибовъ, служившихъ не народу, а прихотямъ и выгодамъ своего владыки . . .

Въ хуторѣ Батока не было ни громадныхъ сакль, ни башенъ, ни другихъ какихъ-либо легендарныхъ или фантастическихъ построекъ, столь присущихъ азіатизму. Онъ весь состоялъ изъ одной низенькой сакли, съ нѣсколькими сарайчиками и буйволятниками, и обнесенъ былъ ветхимъ плетнемъ; вокругъ—ни строеній, ни большихъ деревьевъ; словомъ, хуторъ — какъ на блюдцѣ. Онъ былъ скорѣе наблюдательный или сторожевой пикетъ, чѣмъ жилище, въ нѣкоторомъ родѣ, помѣщика; онъ живо напоминалъ собою отдѣль-

ныя мызы въ Таврической губерніи—пріютъ чабановъ, стерегущихъ овцы. Вправо и влѣво отъ хутора разбросано нѣсколько лѣсистыхъ холмовъ, которые въ одномъ мѣстѣ какъ-бы срослись другъ съ другомъ, въ другомъ — будто перессорились и отклонились въ стороны, увлекая туда-же и растуція на нихъ деревья. Кое-гдѣ попадались невдали отъ дороги ручейки, дождевыя цистерны и копани, обнесенныя полуразвалившимися стѣнами.

Не далѣе полуверсты отъ хутора Батока дорога суживалась, извиваясь по краю лѣсистаго обрыва, потомъ выходила на болѣе открытую мѣстность, и черезъ три-четыре версты круто нисходила къ Аргуну. По ту сторону рѣвки, у подножія горъ, въ безпорядкѣ было разбросано нѣсколько сакль, составлявшихъ аулъ Чижнахой; эти сакли вплоть до самыхъ крышъ вросли въ землю,—чему много благопріятствовала волнистая поляпа, на которой онѣ были построены.

Отъ аула Чижнахой, который остается въ сторонѣ отъ дороги, приходилось вновь спускаться и подниматься по тропѣ, годной только для выюковъ, надъ глубокими трещинами, балками и впадинами, въ которыя разомъ съ двухъ-трехъ сторонъ низвергались каскадами горныя ручьи; желѣзнякъ и красная глина, смѣшиваясь и перешлетаясь слоями, бороздили бока этой тропы, составляя пріятный темнорозовый бордюръ. Послѣ скучнаго, труднаго и продолжительнаго подъема на гору, дорога вступала въ густой лѣсъ, надъ глубокими темными оврагами, гдѣ рокоталъ Аргунъ. Оттуда выходилъ запахъ сѣры, который, просто, душилъ васъ. Вотъ вы все ближе и ближе нисходите къ водѣ,—какъ вдругъ, какая нибудь прихотливая извилина заставляетъ васъ свернуть влѣво, и вы опять удаляетесь отъ черныхъ балокъ, отъ гротовъ, пещеръ, ледниковъ; Аргунъ постепенно умолкаетъ, дѣлается невнятенъ—и становится тишь и глушь, изрѣдка прерываемая лишь чириканьемъ птичекъ.

За полверсты отъ аула Башинъ-Кале, оставивъ вправо, по ту сторону Аргуна, оборванную съ одного бока громадную скалу, до-

рога приводила на тучную поляну,—и здѣсь не знаешь, на что обратить вниманіе: на возстающія ли внезапно передъ глазами башни, въ сравненіи съ которыми всѣ сагли ауда Башинъ-Кале кажутся жалкими карликами; на малахитовую ли воду безпокойнаго Аргуна, передъ которой блѣднѣетъ пріятная зелень только-что выбившейся травы, или на легкой досчатый мостъ, переброшенный съ одной скалы на другую и какъ-бы поддерживаемый на воздухѣ невидимыми силами.

Башни, которыя отъ Башинъ-Кале, вверхъ по теченію Аргуна, встрѣчались по пяти на каждой верстѣ, уже въ то время, въ 1858-мъ году; были далеки отъ своего первоначальнаго вида и назначенія; онѣ сложены частію на цементѣ, частію, просто, на глинѣ; высота ихъ отъ двухъ до десяти сажень; многія изъ нихъ служили жилищемъ горцевъ, въ другихъ — гнѣздились птицы и на законномъ основаніи, въ силу давности, занимали всѣ уголки. Очень рѣдко кое-гдѣ попадалась крѣпкая и высокая башня, которую въ свое время поддерживали на горе всѣмъ русскимъ, имѣвшимъ несчастье сдѣлаться плѣнниками горцевъ. Такая башня всегда бывала въ два яруса. Въ нижній сажали обыкновенно этихъ несчастныхъ плѣнниковъ, или провинившихся азіатцевъ, которые должны были пролазить туда, согнувшись въ три погибели, потому что ширина двери равнялась аршину, а высота—не болѣе шести четвертей; дверь закладывалась деревяннымъ засовомъ, не менѣе двухъ четвертей въ объемѣ. Были башни и съ болѣе высокими и просторными входами, но тѣ имѣли иное назначеніе. Надъ темницей, въ верхнемъ этажѣ, куда всходили по приставленной лѣстницѣ, находился почти постоянно или одинъ изъ родственниковъ того семейства, которому принадлежалъ плѣнникъ, или сторожъ; сверху внизъ продѣлывалось слуховое окно, которое и служило обыкновенно для заключеннаго единственнымъ проводникомъ свѣта и воздуха; черезъ это отверстіе былъ слышенъ вверхъ каждый звукъ, каждый вздохъ нижняго узника. Площадь тюрьмы—до девяти квадратныхъ аршинъ, и хотя въ

стѣнѣ бывали бойницы, но онѣ всегда были наглухо закупорены. Слуховое окно продолжалось черезъ крышу верхняго этажа, въ которомъ, кромѣ того, бойницы были всегда открыты. Это слуховое окно послужило однажды въ Итумъ-Кале проводникомъ къ побѣгу одного горца, посаженнаго въ тюрьму по распоряженію Шамиля, потому въ нѣкоторыхъ башняхъ его часто закрывали наглухо. Есть преданіе, что башни соединялись между собою подземнымъ ходомъ—если были построены невдали другъ отъ друга, и что вообще, каждая, кака-бы то ни было, имѣла непременно этотъ подземный ходъ. Ходы эти, вѣроятно, неизвѣстны были даже и самимъ жителямъ, потому что мнѣ никто ихъ не могъ показать. Кто и когда строилъ эти башни—не зналъ даже одинъ глубокой старикъ, сподвижникъ Гамзатъ-бека, съ которымъ я познакомился, — даже не слышалъ ни отъ отца, ни отъ дѣда, потому что и они не знали.

Мостъ, о которомъ я упомянулъ, находился тотчасъ за первую башнею, у входа въ Башинъ-Кале, и висѣлъ на двадцать слишкомъ сажень надъ поверхностью воды, не будучи огражденъ никакими перилами. Устройство его незамысловатое: въ обѣихъ скалахъ, склонившихся въ этомъ мѣстѣ другъ къ другу, вдѣлано нѣсколько бревенъ, выступающихъ одно надъ другимъ на половину своихъ диаметровъ; эти выступы или, лучше сказать, сваи, положенныя горизонтально, сплочены въ нѣсколькихъ мѣстахъ снизу поперечными брусьями, которые, независимо отъ самыхъ верхнихъ выступовъ, поддерживаютъ переброшенные черезъ скалы бревна, съ досчатымъ помостомъ; такимъ образомъ, тяжесть всей настилки, вмѣстѣ съ бревнами, равномерно разлагается на горизонтальные и поперечные брусья. Лошадь подъ тяжелымъ व्यюкомъ или горное орудіе на передкѣ проходятъ по мосту только при незначительномъ его сотрясеніи.

Аулъ Башинъ-Кале, числительностію до десяти дымовъ, включая сюда-же и жилия башни, стоитъ на горѣ, за мостомъ. Жители очень бѣдны, и что заставляло ихъ селиться на землѣ, которая не

въ состояніи прокормить нѣсколько десятковъ людей — неизвѣстно. Самая предмостная поляна, и та могла-бы дать хлѣбъ не болѣе, какъ одному семейству.

Отъ Башинъ-Кале до укрѣпленія Евдокимовскаго остается почти половина дороги, т. е. около 12-ти верстъ. Отсюда мѣстность весьма похожа на ту, которую вы встрѣчаете на военно-грузинской дорогѣ отъ Ларса до Казбека. Разнообразіе и богатство картинъ здѣсь значительно сокращается, если не взять во вниманіе нѣсколькихъ гротовъ, одну-двѣ скалы, нависшія надъ тропой, по которой вы проѣзжаете, десятка два башенъ, разбросанныхъ на вершинахъ или у подножія горъ, да кое-гдѣ, въ сторонѣ, груды камней отъ разрушенныхъ сакль. Тропа, которую имѣлось въ виду разработать къ лѣту 1859-го года, пролегла большею частію по косору; влѣво — Аргунъ, обдающій сѣрнистымъ газомъ, и далѣе — все ущелье и ущелье.

Не доходя четырехъ или пяти верстъ до укрѣпленія, у аула Замеркъ, при входѣ въ который переброшенъ черезъ рѣку такой-же мостъ, какъ и въ Башинъ-Кале, дорога выходитъ на поляну, горы отступаютъ въ стороны, и грудь вздыхаетъ свободнѣе.

Вскорѣ чутъ замѣтны становятся каменные сакли аула Итуль-Кале. Укрѣпленіе Евдокимовское находится на одной съ нимъ линіи, нѣсколько вправо, на правомъ берегу Аргуна. Прежде чѣмъ достигнуть его, необходимо было проѣхать еще одинъ висячій мостъ, у котораго, впрочемъ, приходилось слѣзать съ лошади. Укрѣпленіе занимало не болѣе полуверсты въ окружности и состояло изъ ограды, въ два аршина высоты, сложенной изъ наваленнаго булыжника. Когда Кази-Магому прогнали, въ Евдокимовское поставили одинъ баталіонъ навагинскаго полка и два горныхъ орудія легкой № 5-го батареи. Три роты жили въ землянкахъ вокругъ укрѣпленія, а одна — въ палаткахъ внутри его.

Впереди укрѣпленія, въ разстояніи отъ него не болѣе двухъ верстъ, оставляли вправо проходъ въ Тушетію и на лезгинскую ли-

нію, откуда вырывался Аргунъ, загораживалъ ущелье высокій хребтъ Хачерой-Лама. На восточномъ склонѣ его, обращенномъ къ укрѣпленію, расположенъ аулъ Хачерой, а на западномъ, къ Тушетіи—Хальдыхырой. Оба эти аула скрыты отъ глазъ прилежащими отрогами горъ. Вправо отъ Хачерой-Ламы, съ запада на сѣверъ, тянется хребетъ Дышны-Лама, высотой до 5,000 фѣтовъ надъ уровнемъ моря. На половинѣ высоты его, на выдающемся изъ котловины холмѣ, расположенъ аулъ Басхой, весь состоящій изъ башенъ, такъ что издали самъ вовсе и не видно.

Влѣво отъ Хачерой-Ламы, на юго-юго-востокъ, тянутся чантынскія горы, раздѣленныя надвое ущельемъ, ведущимъ въ Тавлію, т. е. къ верховьямъ Шаро-Аргуна. У подножія хребта, отдѣленнаго чантынскимъ ущельемъ къ востоку, въ тридцати пяти саженьяхъ влѣво отъ укр. Евдокимовскаго, расположенъ аулъ Итумъ-Кале.

Вотъ въ какія труппы занесла насъ война 1858-го года. Здѣсь только генераль Евдокимовъ остановился и забастовалъ, такъ какъ у него не хватало средствъ обнять и охранить пространство за предѣлами Евдокимовскаго укрѣпленія; вслѣдствіе этого, и полковникъ Бѣликъ, не смотря на изъявленную намъ покорность шароевскимъ обществомъ, долженъ былъ ограничиться лишь тѣмъ, что посовѣтовалъ ему жить мирно и тихо и выжидать лучшихъ дней—будущаго года.

Оглядываясь назадъ и соображалъ все пройденное и отнятое нами въ 1858-мъ году пространство горъ у Шампля, невольно задаешься вопросомъ: какихъ-бы жертвъ стоилъ намъ этотъ такъ неожиданно-хорошо удавшійся годъ, еслибы каждый аулъ, каждой высоты приходилось-бы намъ брать съ боя? Успѣли-ли-бы мы совершить въ нѣсколько лѣтъ то, что было сдѣлано въ нѣсколько мѣсяцевъ? Не обинуясь, слѣдуетъ сказать, что нашимъ удачамъ содѣйствовалъ самъ Шамиль, который, отъ старости-ли, отъ немощности, отъ алчности-ли къ обогащенію, или по другимъ причи-

намъ, не могъ удержать за собою еще хоть на короткое время всѣхъ этихъ недоступныхъ трупобъ и населяющихъ ихъ жителей.

А жители эти были достаточно мягки, добросовѣстны и покладливы, — такъ что, при умѣньи съ ними обойтись, они едва-ли-бы такъ быстро измѣнили Шамилю, своимъ привычкамъ и застарѣлымъ народнымъ традиціямъ. Добросовѣстность и мягкость ихъ сказалась на отношеніяхъ къ намъ тотчасъ по занятіи ихъ мѣстъ, — а кто-же станетъ отвергать, что между нами и ими общаго было гораздо менѣе; чѣмъ между нами и, положимъ, хоть тавлинцами? Всѣ жители Итумъ-Кале, не исключая и женщинъ, до того скоро освоились съ русскими, что уже въ концѣ 1858-го года принимали у себя въ сакахъ солдатъ и офицеровъ, какъ людей давно знакомыхъ. Кромѣ того, народъ былъ трудолюбивый: уже въ началѣ марта почти всѣ поляны у нихъ вспаханы, и зерно брошено въ землю. Конечно, всѣ указанные условія примѣнимы преимущественно къ чантынскому обществу, какъ наиболее богатому и развитому, а въ особенности, къ жителямъ Итумъ-Кале; — но не они-ли были подъ властію Шамиля предметомъ подражанія для остальныхъ и, своего рода, законодателями? Не придави онъ ихъ Амваторъ — и, вѣроятно, мы-бы не получили сразу въ свои руки ни ихъ, ни другихъ четырнадцати обществъ.

Общею фавориткою, по занятіи нами Итумъ-Кале, сдѣлалась одна пятилѣтняя дѣвочка — Тоу. Она не сходила съ рукъ у солдатъ, такъ что мы шутя ее называли дочерью евдокимовскаго гарнизона. Мать, бывало, ищетъ ее — не сыщетъ, а она гдѣ нибудь въ землянкѣ уписываетъ солдатскую тюру. Таковы были мѣста, куда привела насъ судьба такъ быстро и неожиданно, и таковы были люди, среди которыхъ намъ суждено было прожить конецъ 1858-го и начало 1859-го года.

Когда Ихъ Императорскія Высочества изволили, въ октябрѣ мѣсяцѣ, посѣтить аргунское ущелье, — все уже было убрано и при-

брано, и мы стояли на своихъ мѣстахъ приглаженные, вычищенные, какъ ни въ чемъ не бывало. Вокругъ—ни одного выстрѣла; вездѣ—свободная проѣзжая дорога, такъ что сердце радовалось, смотря на эти необыкновенные успѣхи нашего оружія и нашихъ трудовъ. Почти не вѣрилось, чтобы все это было сдѣлано въ такое короткое время и руками того разбитаго, надломленнаго кавказца, который нерѣдко по три дня не имѣлъ куска хлѣба во рту. Боже, какая сила была въ этомъ солдатѣ!

Послѣ принятія покорности отъ указанныхъ выше обществъ и по заложеніи укрѣпленія Евдокимовскаго, ни Шамиль, ни сынъ его насъ не беспокоили въ аргунскомъ ущельи, такъ что военныя дѣйствія въ нагорной Чечнѣ, со дня тезоименитства Государя Императора, слѣдуетъ считать оконченными. Изрѣдка дикіе тавлинцы, какъ голодные шакалы, прорывались до предѣловъ чантынскаго общества, небольшими партіями, выискивая себѣ добычу; но намъ почти не приходилось выступать противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, потому что всегда жители насъ въ этомъ случаѣ предупреждали. Такимъ образомъ, здѣсь, на нашемъ горизонтѣ, Шамиль осѣлъ. Но на другихъ пунктахъ лѣваго крыла замыслы его и вообще стремленія — вредить намъ и даже состязаться съ нами не прекращались. Побѣжденный и сконфуженный въ малой и нагорной Чечнѣ, онъ обратилъ взоры, вниманіе и все вліяніе на свою излюбленную большую Чечню. Онъ рассылалъ повсюду своихъ приближенныхъ, призывая непокорныхъ горцевъ къ возстанію противъ насъ съ наступленіемъ зимы, сулилъ все то, чего самъ не имѣлъ и не могъ дать, и изрѣдка подбивалъ этимъ путемъ отдѣльныя партіи къ столкновеніямъ съ нами или у передовыхъ пунктовъ, или на проѣзжихъ дорогахъ, гдѣ онѣ застигали наши разѣзды, маленькія оказіи и т. п. Но что-жъ! все это уже сильно отзывалось предсмертною агоніею имама и остальнаго,

нока еще признававшего его власть, Кавказа: жители большой Чечни пускались на всё эти мелкия продѣлки какъ-бы по заказу и скорѣе съ цѣлью наживы, добычи, чѣмъ съ воинственными замыслами; такъ что, въ отношеніи ихъ набѣговъ и, попросту сказать, разбоевъ не приходилось предпринимать никакихъ мѣръ, которыя бы имѣли хотя отѣногъ военныхъ дѣйствій. Командующій войсками очень хорошо зналъ, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя онъ поставилъ край, всё частныя движенія горцевъ въ большой Чечнѣ—не болѣе, какъ одни вспышки угасающаго пламени, который скоро перестанетъ горѣть, за неимѣніемъ матеріала. И дѣйствительно, лишь только глубокой снѣгъ покрылъ собою поля большой Чечни—всѣ безпокойные сподвижники имама засѣли въ свои сакли и притихли такъ, что ихъ и не слышать было: какъ будто вымерли.

Шамиль, въ свою очередь, убѣдился, что толку изъ его воззваній не выходитъ; что подвластные пока ему горцы не только не придаютъ никакого значенія его обѣщаніямъ и увѣщаніямъ, но даже какъ-бы подсмѣиваются въ кулакъ надъ его газаватомъ, мюридизмомъ и всѣми подобными глупостями—и самъ притихъ,—такъ что къ концу декабря край уже пользовался тѣмъ неслыханнымъ спокойствіемъ, котораго доселѣ еще никогда не было; — время брало свое.

И этимъ заключился въ Чечнѣ 1858-й годъ, незапамятный въ исторіи Кавказа существенными, громкими и важными, въ особенности по послѣдствіямъ, военными дѣйствіями. Догорѣлъ онъ, такимъ образомъ, тихо, безмятежно, безъ взрывовъ, безъ фейерверка...

Н. Волжонскій.

Г. Тифлисъ.

О П Е Ч А Т К И

къ III тому „Кавказскаго Сборника:“

<i>страни.</i>	<i>строка.</i>		<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ читать:</i>
	сверху	снизу		
5	4	—	зори	зари
16	11	—	зори	зари
38	—	11	зори	зари
56	2	—	горить,—	горить,—
57	14	—	караблей	кораблей
70	—	3	покрыль;	покрыль
85	8	—	оставить	оставить
103	—	1	атаманъ	атамана
126	1	—	зори	зари
128	18	—	принять	принять
132	17	—	очередь,,	очередь,
161	1	—	составлять	составлять
185	—	8	зюрю	зарю
221	12	—	вадаршпатской	вагаршпатской
222	6	—	вадаршпатской	вагаршпатской
222	—	3	вадаршпатской	вагаршпатской
261	1	—	славный	славный
332	13	—	двигались	двигались
368	—	11	Кавказа	Кавказа.
423	—	7	съ	въ
496	1	—	орудій	орудій.
529	—	5	м	м.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Желающіе помѣщать свои статьи въ „Кавказскомъ Сборникѣ“, благоволятъ доставлять ихъ на Имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА „въ собственныя руки.“ Форма изложенія, форма и видъ рукописи не должны стѣснять автора или владѣльца ея; необходимо только, чтобы при высылкѣ или при личномъ представленіи сочиненія, дѣлать указанія: кѣмъ, а если то заслуживаетъ вниманія, и при какихъ условіяхъ онѣ составлены.

При этомъ редакция проситъ: подъ статьями *четко* подписывать свои имена и адреса; при чемъ, по желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики; статьи-же *неподписанныя*, печататься не будутъ.

Если авторы пожелаютъ, то имѣется возможность за высылаемые статьи опредѣлить слѣдующее вознагражденіе: за переводы—15 р. съ печатнаго листа, за извлеченія и компіляціи—20 р., за оригинальныя статьи—50 р., за приложенія къ нимъ—30 р., и за документы—25 руб.

Авторы имѣютъ право на полученіе 20-ти отдѣльныхъ оттисковъ своихъ статей; желающихъ получать ихъ, просятъ обозначать объ этомъ на рукописяхъ.

Подписка на „Кавказскій Сборникъ“ принимается въ Тифлисѣ, въ Окружномъ Штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Каждый томъ отдѣльно стоитъ 2 р. сер.—пересылка за 2 фунта.

Редакторъ „Кавказскаго Сборника“,

артилеріи генераль-маіоръ Чернявскій.

14
591

